РУССКИЙ СБОРНИК

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Том V

РУССКИЙ СБОРНИК

РУССКИЙ СБОРНИК

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Редакторы-составители:
О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров,
Брюс Меннинг, Пол Чейсти

Том V

Модест Колеров
Москва 2008

ББК 63.3(2)
Р 89

Редактор *О. В. Эдельман*

РУССКИЙ СБОРНИК: Исследования по истории России / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Том V. М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ, 2008

ISBN 978-5-91150-24-5

© Авторы статей
© С. Д. Зиновьев, оформление серии

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Г. Алексеев. Первая Свейская война 1495–1497 гг. 7

Николаос А. Хриссидис. Аристотель Иезуитов в России XVII века: космология и планетная система в Славяно-Греко-Латинской Академии 37

Дэвид Мак-Ларен Мак-Дональд. Размышления о понятии «глушь»: провинция, государство и дворянство в России 67

Д. М. Демурин. Русско-английское соглашение 1907 года и противостояние России и Великобритании в Персии накануне Первой мировой войны 93

Д. С. Брыков. Русско-шведские отношения в период первой мировой войны: Военно-политический аспект (1914 – февраль 1917) 125

А. В. Ганин. Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. 152

Икуко Мацумото. Ота Какумин (1866-1944), настоятель буддийского храма во Владивостоке: Взгляд на Россию, СССР и Японию . . 215

Александр Дюков. Советские репрессии против прибалтийских коллаборационистов Гитлера: Новые документы (1943–1946) 241

Катриона Келли. «Спасибо за замечательную книгу»: советские дети-читатели и организация детского чтения в 1950–1975 гг. 252

Э. К. Илибезова. Проблемы трудовой миграции из Киргизии (данные 2006 года) 293

Николай Межевич. «Оккупация» и континуитет: К вопросу о происхождения государственности Прибалтийских стран 304

Рецензии

К. В. Шевченко: Исторический поиск Беларуси. Альманах. Минск, 2006. . . 326

Ф. А. Гайда: А. С. Карцов. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX века (князь В. П. Мещерский). СПб, 2004 338

О. Р. Айрапетов: К. Б. Назаренко. «Мозельское чудо» России от Цусимы до Первой мировой войны. СПб., 2006 342

М. М. Шевелёв: В. В. Устюгов. Внешняя политика России и международные системы 1700–1918 гг. М., 2004 360

А. Г. Матвеева: R. B. Birn. Die Sicherheitspolizei in Estland 1941–1944. Eine Studie zur Kollaboration im Osten. Paderborn, München, Wien, Zürich, 2006 366

И. Чейсти: Herbert J. Ellison. Boris Yeltsin and Russia's Democratic Transformation/Jackson School Publications in International Studies. Seattle: University of Washington Press, 2006 376

Г. Энгельгардт: Robert F. Baumann, George W. Cawtych, Walter E. Kretchik. Armed Peacekeepers in Bosnia. Fort Leawenworth, 2004. 378

М. А. Колеров: Артур Цуциев. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М., 2006 389

С. Е. Заславский: Paul Chaisty. Legislative Politics and Economic Power in Russia. Oxford, 2006 395

И. Чейсти: Byron Moraski. Elections by Design: Parties and Patronage in Russia's Regions. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2006 398

В. Зотов: Ф. Ангели. Гагаузская автономия. Люди и факты (1989-2005 гг.). Кишинев, 2006 401

Р. А. Сетов: Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего/Отв. редактор С. А. Караганов. М., 2007 404

Сведения об авторах 430

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ПЕРВАЯ СВЕЙСКАЯ ВОЙНА 1495–1497 гг.[1]

Основной причиной Свейской войны 1495–1497 гг. явилась борьба против монополии Ганзы на мореплавание и торговлю на Балтике. Если новгородское боярство не имело возможности бороться против этой монополии, то Российское государство не могло согласиться на неравноправное положение в сфере торговли. Закрытие ганзейского двора в Новгороде и союз России с Данией (1493 г.) означали переход нашей страны к активной защите своих интересов на Балтике.

Другой причиной конфликта с Швецией был вопрос о границе – условия Ореховецкого мира 1323 г. шведской стороной не выполнялись[2].

Основные русские источники о войне 1495–1497 гг. – летописи и разрядные записи. Важным источником на шведском языке является Большая рифмованная хроника[3].

Первое сообщение о войне со Швецией читается в официальной Уваровской летописи.

Записи за лето 7004 в Уваровской летописи (Свод 1518 г.) начинаются с известия: «Послал князь великий Иван Васильевич вся Русии воевод своих, князя Данила Васильевича Щеня да Якова Захарьича, да князя Васи-

---

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 04.01.00 392а

[2] Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 385–387; Форстен Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884. С. 137–153; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI вв. Л., 1975. С. 261–282; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв. М., 1980. С. 140–145.

[3] По изданию Scriptores Rerum Svecicarum Medii (AEVI). Упсала, 1818. За перевод шведского текста приношу сердечную благодарность профессору В. Е. Возгрину.

на Федоровича со Псковичи ратию на Немци на Свейскую землю под город Выбор. Они же, пред. землю Немецкие повоевавши и пожгоша, а Выбора града не взяша. Тогда же под Выбором убиша Ивана Андреевичя Соботу Иисцеева»[4].

Судя по этим известиям, поход начался в самых первых числах сентября 1495 г. — следующая запись относится к 6 сентября — постановлению на митрополию Троицкого игумена Симона.

В Спасо-Прилуцкой летописи записи за 7004 год начинаются с аналогичного известия: «Спустил князь великий Иван Васильевич воевод своих, князя Данила Васильевича Щеня с Тверскою силою, да Якова Захариина с новгородскою силою, да и Двора своего многих детей боярских послал на Немци ратию под Выбор. Они же начаша жици и сечи и в полон вести, яко же бо обичай есть ратным и сотвориша землю Немецкую».

Составитель Спасо-Прилуцкой имел какой-то другой источник, чем составитель Уваровской. Но принципиальных отличий в известиях обеих летописей нет — оба известия носят официозный характер.

В других летописях великокняжеского цикла содержатся известия аналогичные Увар. (Соф. II., Никон.).

Воскресенская летопись и Шумиловский список Никон. приводят то же известие, но с именами воевод по полкам[5].

Вологодско-Пермская летопись под 7003 г. приводит известие: «Августа 6, в четверг, послал князь великий Иван Васильевич воевод своих: князя Данила Васильевича Щеня, да Якова Захарьича со многими людьми на Свейского короля Немецкого. А Яков пошел того же месяца в 10 день, в неделю»[6].

Эти точные даты могли содержаться в источнике официального происхождения. В 1495 г. 6 августа приходилось действительно на четверг, но 10 августа был понедельник — точность даты начала похода Якова Захарьича вызывает сомнения.

Это известие независимо от официальной записи в Увар. Известие ВП имеет свой самостоятельный источник документального происхождения.

Устюжская летопись помещает под 7002 годом известие: «послал великий князь Якова Захарьина воеводою под Выбор в Немецкую землю (и князей, и бояр). Города не взял, а землю повоевали»[7].

Псковская I летопись по Погодинскому списку под 7000 годом пишет:

«Прислал князь великий Иван Васильевич гонца своего, сына боярского, во Псков: чтобы отчина моя Псковичи послужили бы мне на свою на Немцы

---

[4] Там же. С. 326.

[5] ПСРЛ. Т. 8., Т. 12.

[6] ПСРЛ. Т. 26. С. 289.

[7] ПСРЛ. Т. 37.

а из отпустил своих воевод Якова Захарьина с Новогородкова силою, месяца Августа на Богородицыно говение [т. е. 1 августа – начало Успенского поста. – *Ю. А.*] да князя Данила Щеню с московским войском. И князь псковской Василий Федорович и посадники псковские, и сынове посадничьи, и бояре, и весь Псков отчина государьская ялися в помощь великому князю Ивану Васильевичю з десяти сох человек конны».

Записи за 7000 год начинаются с известия:

«Послал князь псковской Василей Федорович и с посадники псковскими с Левонтьем Тимофеевичем и со иными посадники и со Псковичи на немцев на Свею. А ехали на Запсковье месяца сентября в 6 недельный под обед, а были у Свеи 15 недель».

«Преставися князь Псковской Василей Федорович, приехав с войны, службы великого князя, в Новегороде»[8].

Таким образом, летописные записи о походе на Выборг дошли в двух основных вариантах – официозном (и близких к нему) и псковском, приводящим независимые известия.

Разрядные записи (РЗ) за 7003 год содержат известие: «Августа в ... день послал князь великий воевод на Свейские Немцы и были воеводы под Выбором по полкам. В Большом Полку князь Данило Васильевич Щеня да князь Федоров да княж Иванов Борисовичев воевода князь Ондрей княж Ондреев сын Галенин. В Передовом полку князь Петр Никитич Оболенской да князь Федор Семенович Ряполовский Хрипун.

В Правой Руке князь Федор Васильевич Оболенский да князь Иван Иванович Слых.

В Левой Руке Петр да Василей Борисовичи.

А из Ноугородцкие земли велел князь великий итить на Свейские немцы:

В Большем Полку Яков Захарьич. В Передовом [полку] Иван Андреевич Лобан Колычев. В Правой Руке Федор Константинович Беззубцов. В Левой Руке князь Тимофей Олександрович Тробенской.

А в Новегороде Великом велел князь великий быть наместником князю Данилу Олександровичу Ярославскому да князю Ивану Васильевичу Лыку Оболенскому. Да в Новегороде же был дворецкий Иван Михайлович Волынский.

А изо Пскова наместнику князю Василью Федоровичю Шуйскому велел князь великий итить со Псковичи на Свейскую Немцы».

Составление летописных и разрядных источников позволяет сделать попытку реконструкции хода событий. В походе участвуют три контингента. 6 августа выступили войска из Москвы под командой князя Данила Щеня; 10 августа из Новгорода под командованием Якова Захарьича; 6 сентября – псковская рать во главе с князем-наместником Василием Федоровичем Шуйским.

[8] ПСРЛ. Т. 5/1. С. 81–82.

Первый воевода Большого Полка, отправленного из Москвы, впервые упоминается в разряде 1471 г. в составе боярской свиты Ивана III при его походе «миром» в Великий Новгород. В 1489 г. он в качестве первого воеводы Большого Полка возглавляет поход на Вятку, закончившийся взятием Хлынова[9]. В разрядах первой Литовской войны 1493 г. Данило Щеня упоминается как первый воевода Большого Полка из Твери[10]. Войска под его командованием одержали едва ли не самую крупную победу в этой войне, овладев Вязьмой[11]. Во главе московского Большого Полка стоял, таким образом, воевода, имевший опыт успешных боевых действий.

В состав московского Большого Полка входят также служилые люди волоцкого и рузского князей во главе с воеводой этих князей. Этот воевода, князь Андрей Андреевич Голенин, в разрядах упоминается впервые. Впоследствии он неоднократно ходил в походы во главе войск удельных князей[12].

Князь Петр Никитич Оболенский, первый воевода Передового Полка, начал службу при дворе князя Бориса Волоцкого, участвовал в Новгородском походе 1477 г., но еще при жизни князя Бориса оказался на великокняжеской службе и имел опыт походов под Орду и на Литву[13].

Второй воевода, князь Федор Семенович Хрипун Ряполовский впервые упомянут в разрядах под 1487 г., когда он ходил на Казань во главе конной рати[14].

Полк Правой Руки возглавляет князь Федор Васильевич Оболенский – вероятно, Телепень, как он и назван в РК – 05[15].

В Левой Руке идут воеводы братья Бороздины, выходцы из Твери[16]. Вполне вероятно, что в их полк входили служилые люди Тверской земли, теперь прочно вошедшей в состав Российского государства. Так уже было в походах на Казань в 1487 г. и на Литву в 1493 г.

Итак, во главе среднерусского контингента идут восемь воевод, из которых один служит удельным князьям Московского дома, один – еще недавно служил удельному князю Московского дома, а два – по происхождению и по службе связаны с Тверью. Три воеводы – потомки удельных князей, связанные с московской службой на протяжении нескольких поколений. По известным источникам боевой опыт имеют, по крайней, четыре воево-

---

[9] Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 21. (Далее: РК – 98)

[10] РК – 98. С. 23.

[11] ПСРЛ. Т. 28. С. 323.

[12] Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой половине XVI вв. М., 1980. С. 75. (Далее: Зимин).

[13] Зимин. РК. ПСРЛ.

[14] РК – 98. С. 21.

[15] РК – 05. С. 42.

[16] Зимин. С. 261–262.

ды, об остальных таких данных нет. В целом состав достаточно ясно отражает социально-политическую структуру великокняжеской служилой элиты. В числе воевод два основных элемента: представители старослужилых родов Московского дома, бывших удельных князей и представители вновь присоединенной, но уже прочно ассимилированной Тверской земли.

Контингент Новгородской земли возглавляет недавний наместник Яков Захарьич. В Новгородской земле уже в течение ряда лет проходит реформа служилого землевладения – старые родовые боярские вотчины заменяются поместьями служилых людей великого князя. После 1481 г. (зимний поход в Ливонию) старая организация Новгородского ополчения, по-видимому, не функционирует. В результате поместной реформы 80–90-х гг. в руки служилых людей великого князя перешло несколько десятков тысяч обеж[17], т. е. участков, соответствующих полноценному крестьянскому хозяйству. Новые владельцы этих населенных земель, помещики, и составляли теперь основную силу Новгородского ополчения. Вместе с боевыми холопами-послужильцами они могли дать конное войско численностью в несколько тысяч человек.

Сам наместник – представитель одного из самых старых и заслуженных московских боярских родов (потомок Федора Кашки), многократно занимавший руководящие военные и административные должности (в реальных условиях XV в. эти должности по большей части совпадали).

Воевода Передового Полка Иван Андреевич Лобан Колычев – выходец из того же московского служилого боярского рода, получивший поместье в Новгородской земле[18].

Воевода Правой Руки Федор Константинович Беззубцев – тоже представитель рода Кошкиных. Его отец известен как воевода с 50-х гг., в Казанском походе 1467 г. он возглавлял главные силы московских войск.

Воевода Левой Руки князь Тимофей Александрович Тростянский – представитель княжеского рода Оболенских. В 1486 г. он участвовал в походе на Казань (среди воевод назван на третьем месте)[19]. Князья Тростенские владели поместьями на новгородских землях[20]. Новгородское ополчение, основанное на поместной системе, во главе с тем же воеводой Яковом Захарьичем было назначено в поход 1493 г. на Литву[21], но до крупных боевых действий тогда дело не дошло. Поход 1495 г. на Выборг – фактически первый опыт, первая боевая проверка новгородского поместного ополчения.

---

[17] Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. Т. 1. М., 1947. С. 287. (Далее: Веселовский).

[18] Там же. С. 292.

[19] РК – 98. С. 20.

[20] СБВ. С. 292; Зимин. С. 66.

[21] РК – 98. С. 23.

Если в Великом Новгороде старая система земского ополчения была уже ликвидирована и заменена служилой поместной, то в Господине Пскове старая система еще сохраняла полную силу. Как видно из псковской летописи, в ответ на призыв великого князя псковичи как обычно, начали проводить мобилизацию на вече. Норма этой мобилизации – с то сох человек конный. Размеры псковской сохи нам не известны, но если считать ее равной старой трехобежной новгородской сохе, то конный воин выставлялся с тридцати крестьянских хозяйств, что в три раза ниже обычной в XVI в. московской нормы. Напомним, что в январе 1480 г., когда немцы напали на пограничный псковский Вышегородок, псковичи «много скрутишася... с четырех сох конь и человек»[22], т. е. по норме в два с половиной раза более напряженной, чем в 1495 г. и приближающейся (по принятому нами допущению) к московской норме. Это можно объяснить тем, что в 1480 г. опасность грозила самому Пскову, а в 1495 г. речь шла о дальнем походе, в котором Псков непосредственно не был заинтересован. В этом проявился известный стереотип удельно-вечевого (локального) мышления, естественным для себя образом ставящего свои местные интересы выше общих, государственных.

Псковская летопись не проявляет никакого интереса к ходу военных действий, она только фиксирует дату начала похода (6 сентября) и длительность его (15 недель). Это значит, что псковская сила вернулась из похода около 20 декабря. В дальнейших боевых действиях она на первом этапе войны со шведами не участвовала. В походе умер псковский князь-наместник и был назначен новый, князь Александр Владимирович Ростовский, который прибыл во Псков только 24 марта. Таким образом, вечевой Господин Псков, «отчина государева», оказывал помощь государству в строго дозированном виде.

Осенью 1495 г. на Выборг двинулось большое русское войско. Показателем важности этого похода может служить поездка Ставки великого князя в Новгород.

Об этой поездке сообщает Увар.[23] и другие летописи, наиболее подробно начало ее описано в ВП (видимо, на основании походного дневника великого князя)[24].

Великий князь выехал из Москвы 20 октября и прибыл в Новгород 17 ноября[25]. Разрядные записи содержат перечень сопровождавших его лиц. «А с великим князем бояре: князь Василий княж иванов сын Юрьевича, князь Александр Васильевич Оболенский, Ондрей Федорович, князь Семен Романович, князь Семен Иванович Ряполовский, Михайло Яковлевич Русалка, Дмитрий Володимерович Окольничик, Петр Михайлович, князь Иван

---

[22] ПСРЛ. Т. 28. С. 327.

[23] ПСРЛ. Т. 26. С. 290.

[24] Там же. С.

[25] ПСРЛ. Т. 28. С. 327.

Звенец, Петр Григорьевич Заболотской, Дворецкой князь Петр Васильевич Великой...

Ясельничие (2 имени). Постельничие (2 имени). Диаки (6 имен)».

Далее перечисляются «князи и дети боярские» – всего около 120 имен.

Ни в одной летописи нет ни этого списка или извлечения из него – он носит характер разрядной записи, сделанной соответствующим должностным лицом, скорее всего тем, кто вел разрядные записи при канцелярии великого князя. Полное отсутствие упоминаний о списке в летописях приводит к заключению, что дневниковые записи при канцелярии и разрядные записи вели разные лица.

Некоторые аналоги списку 1495 г. дошли в более ранних разрядах. В разрядной записи 1475 г. о походе «миром» на Новгород читаем: «А с великим князем бояре (11 имен), окольничие (2 имени), дворецкий (1 имя), дети боярские (6 имен), дьяки (2 имени)». Всего поименовано 22 человека.

В разрядной записи о поездке великого князя в Новгород в 1479 г. перечислены сопровождавшие его еще – 5 бояр, окольничий, дворецкий, трое детей боярских.

В обоих случаях эти записи не находят в летописях никакой аналогии. Как и в 1495 г. записи, вероятно, велись лицами не имевшими отношения к летописанию.

В 1475 и 1479 гг. мы имеем дело, по-видимому, с походным штабом великого князя, т. е. фактически с его Ставкой.

Список 1495 г. отличается от предыдущих своим составом.

Собственно к походному штабу можно отнести 7 бояр, 3 окольничих, дворецкого, 6 дьяков. Ясельничие и постельничие составляют непосредственную обслугу великого князя. Все остальные составляют свиту великого князя, собственно Двор его в узком смысле слова – совокупность лиц, находящихся в его непосредственном распоряжении и способных выполнять разного рода служебные поручения.

Таким образом, в октябре – ноябре 1495 г. в Новгород вместе с великим князем, его внуком Дмитрием и сыном Юрием переехала значительная часть аппарата управления Российского государства – верхушка Государева Двора, что должно было дать возможность великому князю, находясь в Новгороде, эффективно выполнять свои функции главы государства, а главное – реально руководить военными действиями на уровне верховного главнокомандования (ВГК) на обширном театре войны.

О ходе боевых действий под Выборгом в наших источниках почти ничего не говорится. Известно только, что в боях за Выборг пал Иван Андреевич Суббота Плещеев – он был «застрелен из пищали». Все сведения о ходе борьбы за Выборг содержатся в известных источниках – рифмованной хронике[26].

[26] Scriptores regum Sveciarum Medii gevi. Upsaciae. 1818.

По шведским сведениям, первые небольшие отряды русских войск появились в Карелии в июне 1495 г. Упоминается отряд в 400 человек, около дня св. Иоанна (24 июня)[27].

«В Успенье [15 августа] настало несчастье... русские хотели придти, что они и сделали». Русские окружили Улофсборг и Выборг. «Они хотели быстро построить укрепления и полагали, что никто не ударит им в спину».

Правитель Швеции Стен Стуре начал сбор войск для освобождения Выборга. Судя по Рифмованной хронике, дело продвигалось медленно, к сборному пункту войска собрались только к 1 ноября.

Поход начался «восемью дылми ножже дня св. Мартина», т. е. 19 ноября, на сбор войск из Упсалы прибыло знамя св. Эрика. После торжественных церемоний «все шведы пускаются в путь – девять сотен... и еще две сотни осталось дома по нехватке провианта». В походе приняли участие 500 немецких рыцарей, «а также монахи и священники. Можно было быть уверенным, они сокрушат мощь русских. В состав вооружения входили топоры, стрелы, панцири и другое оружие, всего имели в достатке».

По льду Балтийского моря шведы перешли на Аландские острова, а после дня св. Екатерины (24 ноября) двинулись в поход морем. Однако, шторм с северо-востока ири сильном морозе разметал шведскую эскадру – «некоторые корабли шли сюда, а другие – туда». «Многие вернулись тогда назад, сам Стен Стуре еле выбрался на Аландские острова. Более 400 рыцарей вернулись назад с большим трудом».

Между тем, борьба за Выборг продолжалась. «Белое поле покрылось щитами русских на три мили в глубину и ширину». Русские располагали многочисленной артиллерией, в том числе и крупных калибров, а также серпентинами. Пушки были заряжены свинцовыми жеребьями и железом.

Артиллерийским огнем были разрушены две башни и повреждена третья. Образовались проломы в городской стене. Комендант Поссе приказал построить «внутреннюю стену перед большим проломом». И это было быстро выполнено. Ранним утром 30 ноября «со множеством лестниц и тропов» русские бросились с трех сторон на штурм крепости. Одна из башен была захвачена русскими во главе с каким-то «герцогом», спустившись со стены, русские проникли в город. Но шведам удалось поджечь башню и штурм был отбит. Русские потеряли тысячу людей и «одного очень дорогого человека, по которому рыдали все русские». Надо полагать, что речь идет об Иване Андреевиче Субботе Плещееве, гибель которого отмечают русские источники. Русские отошли от Выборга, оставив 34 пушки.

По шведскому источнику осада крепости была снята 4 декабря.

По шведским данным, общие потери русских во время осады достигали 16 тыс. человек. Эту цифру, как и численность русских войск, участвовавших

---

[27] Ibid.

в осаде (60 тыс.)[28], нельзя признать достоверной, но силы под Выборгом были двинуты действительно крупные и потери при штурме, несомненно, были большими.

Построенный в 1293 г. на островке Линносаари в глубине Залива, Выборг был первоклассной крепостью. В 1477 г. цитадель Выборга обнесена каменной стеной с башнями, что значительно увеличивало его боевую устойчивость[29]. С такой мощной крепостью русские войска имели дело впервые.

К. В. Базилевич считает, что все нападение на Выборг было задумано как внезапный и короткий удар.

Однако с этим мнением трудно согласиться. Под Выборг были двинуты силы трех ратей, осада длилась более трех месяцев. Вероятно, овладение Выборгом было главной целью кампании. Неудача под Выборгом была серьезным поражением русских войск.

Причина неудачи похода на Выборг – неумение брать сильные каменные крепости. Крупнокалиберная осадная артиллерия сделала пролом в стене, но штурм не удался, видимо, не была отработана тактика штурма.

Стратегическое значение Выборга было оценено правильно: Выборг – ключ к Финляндии, выделение крупных сил для его взятия было оправданно.

Со стороны шведов можно отметить отсутствие помощи Выборгу извне, вся надежда возлагалась на саму крепость – надежда, которая себя оправдала благодаря умелым действиям гарнизона. Можно отметить постройку второй внутренней линии укреплений, что, по шведским источникам, фактически спасло крепость.

Четырехмесячный поход с большим напряжением сил закончился поражением.

Верный – в принципе – стратегический замысел был погублен тактической неудачей.

Успешная оборона крепости может иметь стратегическое значение, повлиять на весь ход кампании и изменить этот ход.

Крепость сковывает главные силы противника и может дать возможность наносить ему контрудары, захватить инициативу, перенести войну на его территорию и т. п.

Так, однако, бывает далеко не всегда.

Пример – осада Мантуи в 1796–1797 гг. не сковала главных сил Бонапарта. Он сохранил свободу инициативы и занял почти всю Италию. Мантуя только изменила ход войны, прикрыв на время главное стратегическое направление – на Вену. И в 1799 г. упорная оборона Мантуи не могла сковать армию Суворова. Он продолжал успешные наступательные операции в Северной Италии.

---

[28] Восп. лиц. Т. VII. СПб., 1912. С. 101–102.

[29] Там же. С. 101.

Успешная оборона Москвы в 1608 г. не помешала Швеции предать всю страну огню и мечу на сотни верст. Оборона Выборга Кнутом Поссе и русская неудача под его стенами не означали перехода инициативы в руки шведов.

Разрядные записи, не приводя никаких конкретных сведений, ограничиваются краткой справкой. «Лета 7004-го Декабря 25 на Рождество Христово пришли воеводы к великому князю в Великий Новгород и с под Выборга князь Данило Васильевич да яков Захарьич и иные воеводы»[30].

Поход в Гамскую землю

Если осада с Выборга была снята 4 декабря, то путь до Новгорода занял у воевод около 20 дней, т. е. суточный переход в среднем составлял 15–20 верст.

Сразу после известия о прибытии войск из-под Выборга следует запись:

«И князь великий послал на свейские немцы из Новагорода других своих воевод, князя Василия Ивановича Юрьевича да Ондрея Федоровича Челяднина и иных своих воевод, а шли на Карелу да к Новугородку немецкому на Гамскую землю.

А были по полкам:

В Большом полку князь Василей Иванович Косой да Ондрей Федорович Челяднин.

В Передовом Полку князь Олександр Володимерович Ростовской да князь Иван Михайлович Оболенской Репня.

В Правой Рукс – Дмитрий Васильевич Щеня да Григорий Федорович.

В Левой Рукс – Смен Карпович да Ондрей Иванович».

Поход на Гамскую землю последовал почти сразу после возвращения войск из под Выборга – «тое же зимы, генваря 17»[31].

Пребывание Ставки в Новгороде значительно облегчало управление войсками. Передача донесения из Новгорода в Москву и соответствующей директивы из Москвы в Новгород могла занять 20–25 дней, к этому следует добавить непосредственную подготовку войск к новому походу (в данном случае еще около 20 дней). Поход в Гамскую землю начался бы не раньше 10 февраля, что означало более чем двухмесячную оперативную паузу после отступления от Выборга. Такая пауза была крайне нежелательна – она давала противнику возможность подготовиться к следующему этапу кампании.

Благодаря присутствию Ставки в Новгороде все получилось иначе. «Бурное ликование» в войске, собранном Степаном Стурe («пьют и едят столько, сколько они могут»), внезапно прервалось.

---

[30] РК–98. С. 26.

[31] Там же. С. 27.

Русские отряды появились вблизи Нишлотти (Улуфсборг), он же Тавастский городок, он же Новгород Немецкий.

Сюда был послан Кнут Карлсон с 70 воинами. «На следующий день, когда после Сретенья взошло солнце [т. е. 16 февраля. – *Ю. А.*] их перебили русские», русские залегли перед Улофсборгом, и шведским мужам пришлось весьма нелегко: «Русские смогли подобраться поближе, и остается лишь стенать перед Господом [о погибших шведах]».

Шведы «ушли далеко вглубь страны... русские за ними следовали и отыскивали всех... в то время они убили семь тысяч... они дошли до Крунаборга, как обыкновенно зовут Тавастчус... а затем собрались в Абосском лену [округе]... о, какой это был позор для шведов, которые не рискнули наступать».

Русские продвинулись и дальше, в сторону Або, и вышли, по-видимому, на берег Ботнического залива.

Стен Стуре начал новую мобилизацию. «Все должны непременно идти... со своим оружием... и припас нести. Тогда каждый мужчина поднялся». Стен Стуре взял артиллерию из Або – орудий было не менее сотни.

Поход начался после дня св. Матфея, т. е. 24 февраля. «Большинство рыцарей были шведы, некоторые с санями, другие с лошадьми, они скакали как кому нравилось».

В состав войска вошло 900 «придворных», очевидно, рыцарей королевского двора, 2 тысячи пришло с Аланов... всего их оказалось более сорока тысяч».

Русские уклонились от сражения и быстро отступили.

Шведы преследовали их только на 24 мили.

«Вся страна Карелия... и половина Тавастланда была страшно разорена»[32].

Таким образом, неудача под Выборгом, несмотря на моральные и материальные потери, не привела к перелому в ходе кампании. Инициатива оставалась в руках русских войск и они сумели нанести противнику чувствительный удар.

В данном случае Выборг не оправдал своего назначения «щита Финляндии» – он не смог прикрыть пути вглубь шведской территории. Русские войска сумели его обойти, двигаясь через Карелу, т. е. восточнее шведской крепости.

В условиях суровой зимы русские войска прошли через всю южную Финляндию, преодолев не менее 500 км. Судя по шведскому источнику, русские вышли на подступы к Або уже к середине февраля. Если поход начался из Новгорода 17 января, среднесуточный переход составлял не менее 20–25 км. Полюбленный в те времена метод «выжженной земли», конечно, не решал участь войны, но в какой-то мере компенсировал неудачу под Выборгом.

---

[32] Scriptores regum... S. 193.

Со стороны шведов можно отметить крупные ошибки в руководстве войсками.

Поход русских войск вглубь Финляндии не был ни предвиден, ни своевременно обнаружен — русские брали город за городом, а шведы не могли оказать им серьезного сопротивления. Сбор войск для большого похода начался (согласно шведскому источнику), когда страна была уже разорена — большое войско, собранное Стеном Стуре (численность его, вероятно, сильно преувеличена) могло только увидеть пепелища[33]. Перехватить русских и навязать им сражение (если шведы действительно стремились к этому) не удалось. В целом поход в Гамскую землю является таким же успехом русских, как оборона Выборга[34] успехом шведов.

Надо полагать, что войска князя Василия Косого выполнили поставленную перед ними оперативно-тактическую задачу.

Этой задаче придавалось, по-видимому, большое значение: великий князь ждал в Новгороде возвращения воевод и только после этого уехал в Москву.

«Ходили з Двины морем-акияном...»

Великокняжеская летопись сообщает «Тое же весны посылал князь великий князя Ивана Федоровича да брата его князя Петра Ушатых на Каянскую землю, на 10 рек. А с ними рать — Устюжане, Двиняне, Онежане, Важане. А рекам имена коих воевали: Икем, Торма, Колокол, Овлуй, Сиговая, Снежна, Гавла, Поутам. А кои живут на Илименъы-реки, а те биша челом за великого князя, и с воеводами присхаша на Москву. И князь великий их пожаловал, отпустил»[35]. Тот же текст в Софийско-Львовокой летописи, и в Холмогорской, и в Никоновской.

В Вологодско-Пермской летописи читаем: «Того же лета (7004–1496. — *Ю. А.*) Июня посылал князь великий Иван Васильевич воевод своих князей Ушатых, Ивана Бородатого да Петра, за море, немец воевати Каян. А с ними силы: Устюжане, Пермячи, Двиняне, Важене. И повоевали землю ту, и взяли три бусы со всем на море, и полону приведоша. И приидоша воеводы великого князя поздорову со всеми силами Октября»[36].

В Архангелогородском списке Устюжской летописи читаем: «В лето 7004 князь великий Иван Васильевич послал на Каяны воевод своих, князя Ивана

---

[33] Корела, Саволакс, половина Тавастланда лежали пусты, страна была опустошена больше, чем на 80 миль (Scriptores... S. 193).

[34] Базилевич. С. 390; Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 35.

[35] ПСРЛ. Т. 26. С. 291.

[36] ПСРЛ. Т. 26. С. 291.

Ляпуна да брата его князя Петра Ушатых. Да с ними Устюжане да Двиняне. И ходивше извоевали Полну реку да Торнаву, да Снежну, добра поимали много, а полону бесчислено. А ходили з Двины морем-акияном да через Мурманский Нос»[37].

Разрядная запись о походе князей Ушатых читается только в неофициальной редакции и крайне лапидарна: «Тово же году послал государь на Каянские немцы князя Ивана Федоровича да князя Петра Федоровича Ушатых»[38].

Таким образом, существуют три летописных рассказа о походе. Не противореча друг другу по существу, они тем не менее настолько отличаются друг от друга своими реалиями, что не могут рассматриваться как разные редакции одного и того же первоначального текста.

Рассказ Уваровской летописи, вошедший без изменения в позднейшую официальную Никоновскую летопись, содержит, как мы видели, следующие элементы: 1) указание времени начала похода (весна) и его направления (на Каянскую землю); 2) имена воевод; 3) перечисление территорий, с которых ратники шли в поход, перечисление рек Каянской земли; 4) сообщение о конечном политическом результате похода (челобитье жителей части Каянской земли о подданстве).

В рассказе Вологодско-Пермской летописи содержатся те же элементы, кроме сообщения о челобитьи жителей Лименги. В этом рассказе уточняется имя первого воеводы – князь Иван Бородатый; прямо говорится, что великий князь послал «воевод своих... за море»; с точностью до месяца указывается начало (июнь) и конец (октябрь) похода; сообщается о взятии трех бусов «со всем на море»[39].

Рассказ Архангелогородского летописца не указывает времени начала и конца похода, перечень территориальных отрядов он даст в сокращенном виде, князя Ивана Ушатого называет Ляпуном (а не Бородатым, как в Вологодско-Пермской); из десяти рек, упоминаемых в Уваровской летописи, называет только две, но добавляет к ним Полну, которой нет в других известиях о походе; ничего не говорит ни о челобитье лименжан, ни о захвате бусов, зато указывает маршрут похода: «ходили з Двины морем-акияном да через Мурманский Нос».

Летописные известия о походе 1496 г. не исключают, а дополняют друг друга. Можно предположить, что на них повлиял источник более или менее официального происхождения. Этот источник наиболее полно отразился в Уваровской летописи. Другим источником послужили рассказы (или записи) участников похода. На их основе в Вологодско-Пермской летописи были

---

[37] ПСРЛ. Т. 37. С. 98.

[38] Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. (Далее: РК–05).

[39] Имя Иван носили двое князей Ушатых – Ляпун и Бородатый (Зимин. С. 89).

добавлены подробности, хорошо известные участникам похода, но не интересовавшие официозную летопись. Архангелогородский летописец сократил официальный источник, но добавил новые подробности о походе, также, вероятно, со слов его участников.

Основное отличие известий Вологодско-Пермской летописи и Архангелогородского летописца от официальной версии в том, что в них в той или иной форме говорится о морском характере похода. Русские совершали переход «морем-акияном» и имели бой со шведами, захватив три их буса[40]. Насколько правдоподобны эти сведения, не содержащиеся в официозном тексте? Самое раннее известие о походе русских по Северному океану – в скандинавском источнике. В 1349 г. русские суда прошли вдоль северного побережья норвежской провинции Халоголанд и напали на крупное селение и замок Бьяркей. Прокомментировавший это известие И. П. Шаскольский справедливо связывает поход 1349 г. с войной, начатой королем Магнусом против Новгородской земли[41].

В 1411 г. «ходиша из Заволочья войною на Мурманс (норвежцев. – *Ю. А.*) новгородским повелением, а воевода Яков Степанович, посадник Двинский. И повоеваша их»[42]. Поход Якова Степановича был предпринят в разгар шведско-новгородской войны, когда главные силы новгородцев ходили под Выборг. Новгородское руководство верно оценивало ситуацию и наносило противнику удары на разных направлениях. Однако в летописи нет прямого указания на то, что заволочане со своим воеводой совершили именно морской поход; об этом можно только догадываться, так как кратчайший путь из Заволочья к Мурману лежит через море.

Нападения шведов и норвежцев на Северную Русь совершались также по необходимости через море. В 1419 г. «пришед Мурманс, войною в 500 человек, в бусах и шнеках, и повоеваша» ряд северных русских погостов, подробно перечисляемых в летописи. Заволочане (т. е. жители Двинской земли) дали отпор: «две шнеки Мурман избиша, а инии избегоша на море»[43]. В 1445 г. «приидоша свее Мурманс безвестно на Волок за Двину ратью, на Неноксу, повоевав и пожгоша, и людей пересекоша, а иных в полон повездоша». Застигнутые врасплох двиняне, однако, быстро оправились – они «приидоша вборзе, иных (мурман. – *Ю. А.*) иссекоша, а иных прислаша в Новгород... а воеводы их, Ивора, Петра и третьего, убиша». Остатки неприятельского войска «вместившеся в корабли, отбегоша»[44].

---

[40] Бус – мореходное судно Западной Европы, упоминаемое в русской летописи с XII в.

[41] Шаскольский И. Н. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987.

[42] ПСРЛ. С. 403.

[43] Там же. С. 411–412.

[44] ПСРЛ. С. 426.

Отражая набеги воинственных северных соседей, входивших на шнеках в русские реки, заволочане и двиняне двигались, очевидно, на своих речных судах.

По русские суда ходили не только по рекам. В июне 1493 г. к Иоганну (Юхану), королю Датскому, были отправлены русские послы Дмитрий Ларев Надеолог и Дмитрий Зайцев. Летом 1494 г. послы вернулись[15]. Великокняжеская летопись не приводит никаких подробностей их путешествия, но Архангелогородский летописец сообщает, что, выехав из Москвы, послы «шли на Колывань» (т. е. Ревель, Таллинн) обычным для русских послов путем через Балтийское море. Однако «назад туда не смели пройти. И они прошли на Двину около Свейского королевства и около Мурманского Носу морем-акияном мимо Соловецкий монастырь на Двину... Да с ними пришел датского короля посол именем Давид»[16]. Архангелогородский летописец помещает это известие под 7005–1496/97 годом. Тут же приводится сообщение, что «того же лета князь великий Иван Васильевич смирился с великим князем Александром Литовским и дал за него дщерь свою». Хорошо известно, что мир с Литвой был заключен 5 февраля 1494 г., а отправка великой княжны Елены в Вильно была в январе 1495 г. Следовательно, поездка Зайцева и Ларева «морем-акияном» состоялась скорее всего в 1494 г., что соответствует сообщению великокняжеской летописи о времени их возвращения. Известие о путешествии Ларева и Зайцева – первое летописное упоминание об океанском плавании русских людей.

К 1496 г. относится обратное плавание датского посла Давида Кохрана. Подробности плавания известны из рассказа толмача Григория Истомы Малого, записанного Сигизмундом Герберштейном: «Они сели в устье Двины на четыре суденышка и, держась в плавании правого (восточного) берега океана, видели там и неприступные горы... проплыв шестнадцать миль (примерно 80 верст. – *Ю. А.*) прибыли к левому берегу. Оставив справа (к северу. – *Ю. А.*) обширное море... они достигли земли Норботтен, подвластной королю шведскому; русские называют ее Каянской землей... обогнув с трудом излучистый берег, который тянулся вправо (к северу. – *Ю. А.*), они прибыли к одному мысу, который называется Святым Носом... когда водоворот стал вдруг сильно засасывать корабль, на котором они плыли, то они едва спаслись, изо всех сил налегая на весла. Пройдя мимо Святого Носа, они прибыли к какой-то скалистой горе, которую надлежало обогнуть... несколько дней их задерживали там противные ветры... Корабельщик сказал им: «Эта скала... зовется Семес, и если мы не умилостивим ее каким-нибудь даром, то нам нелегко будет пройти мимо нее ...», затем ветры улеглись, и они отплыли... они плыли уже при попутном ветре... им попался навстречу

[15] ПСРЛ. Т. 28. С. 158, 160.

[16] ПСРЛ. Т. 37. С. 98.

огромный мыс в виде полуострова по имени Мотка, на оконечности которого находится крепость Вардехуз... этот мыс настолько вдается в море, что его суда можно обогнуть в восемь дней... они с великим трудом перетащили на плечах через перешеек в полмили шириной и свои суденышки и поклажу... Затем приплыли... к месту по имени Дронг... там они оставили свои лодки и остальную часть пути проехали по суше на санях»[47].

Рассказ Истомы неоднократно и содержательно комментировался главным образом с точки зрения географических реалий. Удалось установить, что русские суда дошли до Варангер-фьорда, а затем до Тромсе, в котором можно видеть загадочный «Дронт»[48]. Но не меньший интерес представляют и морские реалии рассказа Истомы.

Суда, на которых шло посольство, были небольшими («суденышки», «лодки»), однако, судя по тому, что они обогнули северную оконечность Европы, довольно мореходными. «Суденышки» могли ходить как на веслах, так и, очевидно, под парусом – им важен был попутный ветер. «Суденышки» можно было перетаскивать волоком на плечах – отсюда видно, что они, во-первых, были достаточно легкими, во-вторых, располагали достаточным экипажем для переноса волоком. «Корабельщик» был бывалый моряк, достаточно хорошо знавший лоцию и морские предания. Наконец, путешествие совершалось в конце лета или осенью, когда уже можно было пользоваться в Северной Норвегии санным путем. «Суденышки» были настолько мореходны, а их экипажи настолько опытны, что могли выйти в море в такое время года, крайне неблагоприятное и опасное для плавания по океану. В то же время «суденышки» далеко от берега не отрывались, стараясь все время держать его в виду.

Рассказ Григория Истомы – первое описание плавания русских судов по «морю-акияну». Из этого рассказа можно заключить, что известия Вологодско-Пермской летописи и Архангелогородского летописца о морском походе 1496 г. вполне правдоподобны. Плавание Григория Истомы совершалось в то же самое время (летом – осенью 1496 г.), что и морской поход князей Ушатых в Каянскую землю. Судовая рать шла тем же путем (другого не было), что и «суденышки» посла, – через Белое море, вдоль Кольского полуострова, может быть, волоком через перешеек полуострова Рыбачий, затем вверх по рекам Каянской земли, затем волоком в реки, впадающие в Ботнический залив.

Такова наиболее правдоподобная версия о походе лета 1496 г.[49]

---

[47] Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. С. 201–202.

[48] Шаскольский И. П. Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (путешествие Григория и Стома) // Путешествия и географические открытия в XIV–XIX вв. М., 1965. С. 7–29.

[49] Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 25–26.

Легкие парусно-гребные «суденышки», аналогичные тем, на которых шли Григорий Истома и его спутники, вполне позволяли совершить дальний комбинированный морской – речной поход. Такие «суденышки», как прибрежные, лучше всего соответствовали условиям как плавания «по морю-акияну», так и особенностям сухопутного театра с его реками и переволоками[50].

Опыт подобных комбинированных походов на Севере Руси существовал с давних времен. В 1311 г. «ходиша Новгородцы войною на Немецкую землю за море на Емь... и переехавше море, взяша первое Купецкую реку... потом взяша Черную реку... придоше к городу Валою... и потом идуче взяша Кавгалу реку и Перну-реку, и выидоша на море»[51]. По мнению большинства исследователей, поход был направлен во внутреннюю часть осваиваемой шведами Финляндии и дошел до политического и стратегического центра края – шведской крепости Тавастборг (Тавастхус)[52].

В 1318 г. «ходиша Новгородцы войною за море, в Полную реку, и много воеваша, и взяша Людерев город сумьского князя»[53]. И. П. Шаскольский, комментируя это известие, устанавливает, что «Людерев город» – это Або, резиденция шведского наместника Людера фон Кюрена, а Полная – это река Аура-Иоки, впадающая в Ботнический залив около Або[54].

Но походы 1311 и 1318 гг. шли через Балтийское море, точнее, его заливы. Известия Вологодско-Пермской летописи и Архангелогородского летописца о походе 1496 г. – первое свидетельство о дальнем морском походе русской судовой рати во главе с воеводами великого князя.

Терминология русских судов нуждается в специальном исследовании. Однако можно заметить, что раньше и чаще других встречается название «лодья». По данным Повести временных лет, именно в лодьях в 882 г. совершал свой поход князь Олег во главе северного русского ополчения: подойдя к Киеву, он «похорони (спрятал) вой в лодьях». Как типично русское судно лодья названа в договорах Олега и Игоря с Византией. Упоминания о лодьях в летописях и других источниках настолько обычны, что не нуждаются в цитировании. Лодья, судя по всему, парусно-гребное судно со сравнительно небольшой осадкой. По летописным данным, лодьи ходили как по рекам, так и по морю. По Русской Правде различались набойные лодьи и морские лодьи. «Продажа» (денежный штраф) за кражу их составляла

---

[50] Европейские путешественники встречают в море десятки русских людей (Английский путешественник о Московском государстве в XVI в. Перевод Ю. В. Готье. М., 1936. С. 81, 101, 103 и др.)

[51] ПВЛ. С. 93, 333–334.

[52] Шаскольский И. П. Борьба... С. 72–79.

[53] ПВЛ. С. 95, 337.

[54] Шаскольский И. П. Борьба... С. 79.

соотносительно 60 кун, 2 гривны (=100 кун) и 3 гривны (=150 кун), из чего можно заключить, что они незначительно отличались по размерам. По-видимому, летописец не улавливал это различие. Были известны также насад, струг, учан, ушкуй, челн. Чем отличались, кроме размеров, эти типы речных судов, сказать трудно. Но можно более или менее достоверно установить основной факт – это были суда сравнительно небольшие, по преимуществу гребные, которые можно было перетаскивать волоком. Как тип речного судна оставалась и лодья: в 1471 г. в бою на Двине разбитый великокняжескими войсками новгородский воевода князь Василий Васильевич Шуйский «вмивтнувся в лодию, убеже на Колмогоры». Чаще всего, однако, летописец XV в. не называет конкретных типов речных судов, а даст им обобщенное определение «суда», чем косвенно подтверждает отсутствие принципиальных различий между ними[55].

Реки и речные суда имели особенно важное значение на Севере России. В крае, покрытом дремучими лесами и непроходимыми болотами, лучшей, а по существу единственной в летнее время транспортной артерией была река, а единственным средством передвижения – легкое речное судно.

После включения северных земель в состав Русского государства судовые рати, набранные из их жителей, упоминаются постоянно. Характерно, что эти ополчения называются чаще всего по имени рек. Так, в 1489 г. важане (от р. Вага, левый приток Двины) «идут в судех» на Вятку во главе с великокняжеским воеводой Юрием Ивановичем Шестаком. В том же походе участвуют «в судех» и вологжане, и вымичи, и вычегжане, и двинянс, и каргопольцы, и сысольчи, и устюжане (во главе с великокняжеским воеводой князем Иваном Ивановичем Звенцом Звенигородским). Подобного рода судовое ополчение шло и в морской поход 1496 г. с воеводами князьями Иваном и Петром Федоровичами Ушатыми.

В источниках нет сведений об организации судового ополчения. Можно, однако, высказать предположение, что основу его составляло черносошное свободное крестьянство – хорошо известно, что в конце XV в. феодальное землевладение на Севере практически отсутствовало. Как и в соседней Норвегии, на русском Севере решительно преобладает свободное крестьянство, непосредственно подчиненное государственной власти.

Физико-географические условия театра военных действий, как уже говорилось, делают реки важнейшей (почти единственной) коммуникацией, тем самым основным родом войск становится пехота, посаженная на суда.

«В природных условиях Норвегии конное войско не находило простора для своих действий, и флот и пехота неизбежно должны были играть

---

[55] Можно только отметить, что ушкуи были, по-видимому, более легкими судами; а насады – более прочными. В 1375 г. ушкуйники для похода вниз по Волге заменили свои ушкуи насадами (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 102).

большую роль», – отмечает А. Я. Гуревич[36]. То же можно сказать и о русском Севере.

В сходных социальных и природных условиях с необходимостью должны были выработаться сходные формы военной организации. Организация норвежского судового ополчения (лейданга) известна из нарративных источников (саги) и законодательных памятников XII–XIII вв. (Законы Гулатинга, Лаидслов). В основе этой организации лежало деление побережья на округа, каждый из которых должен был выставить определенное число парусно-гребных судов, снабженных всем необходимым и укомплектованных боеготовым экипажем. Судовая морская повинность распространялась на все свободное население (в случае необходимости привлекались и зависимые). Сага об Олафе Трюгвассоне (XI в.) утверждает, что каждый округ (фюльк) должен был выставить 12 кораблей с 60–70 воинами на каждом. По Законам Гулатинга (XII–XIII вв.) с каждых трех дворов на корабль выставлялся один воин. Созыв судового ополчения первоначально происходил по инициативе местных властей и носил, таким образом, локальный характер. После объединения Норвегии под королевской властью право созыва судового ополчения стало прерогативой короля. Судовое ополчение превратилось в королевскую (государственную) повинность[37].

Отрывочные и случайные данные наших источников позволяют уловить некоторые аналогичные черты. Новгородская летопись, говоря о судовых походах двинян, заволочан и т. п., почти никогда не называя воевод, стоящих во главе судовых ратей. Летопись рассказывает о речных походах вятчан по их собственной инициативе. Создается впечатление, что организация этих походов была делом местных властей.

С 70–80-х годов XV в. характер известий о речных походах меняется. Они теперь совершаются в интересах Русского государства, по распоряжению великого князя и во главе с назначенными им воеводами. Надо полагать, что с этого времени судовое ополчение в северных землях России, как и в Норвегии, стало обязательным видом военной службы. Только в таких условиях и стал возможным большой поход через «море-акиян» в ходе Свейской войны.

Поход, видимо, начался в июне, как указывает Вол.-Перм. Летопись, а не весной (как пишет официальная летопись). Весной, вероятно, были отданы распоряжения о подготовке к походу – начался сбор войск и судов. К июню Белое море в основном освобождается от льда и парусно-гребные суда могут выйти в море.

По шведским данным, «русские вторгаются в Норбаттен, жгут Сало, Люлиите, Йск, Тары и Кюн, а также Йокас у Улофсборга, вечером

[36] Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 195.

[37] Там же. С. 166–195.

на Св. Уварова и произошло 1 сентября. Русские быстро отступили — шведы не успели (не сумели) дать им бой.

В октябре русские суда были уже дома. Поход продолжался, таким образом, около четырех месяцев[58].

С точки зрения истории русского флота поход князей Ушатых — это выдающееся событие — это начало истории русского флота как составной части вооруженных сил России.

В масштабах Свейской войны 1495–1497 гг. весенне-осенний поход — третий по счету удар, нанесенный противнику — удар на новом операционном направлении, на левом стратегическом фланге шведов. Прежде всего, интересна сама стратегическая идея — вторжения на неприятельскую территорию с моря, в обход трудно проходимых лесов и болот северной Карелии. Победа над шведами в морском бою обеспечила успех стратегического замысла. Вторжение в Норбаттен было, по-видимому, неожиданным для противника — во всяком случае, ни русские, ни шведские источники не сообщают о сопротивлении, оказанном нашим войскам.

Поход северной флотилии в 1496 г. — первый в истории Российского государства пример стратегического взаимодействия сухопутных и морских сил, впоследствии ярко проявившегося в походах Петра Великого и в войнах на Средиземном и Черном морях, особенно в Первой Архипелагской кампании 1769–1774 гг. Речь идет о стратегическом взаимодействии — морская сила действует на самостоятельном оперативном направлении и решает самостоятельную задачу в общем стратегическом контексте.

Поход князей Ушатых можно сравнить с походами 1349 и 1411 гг. в тогдашних войнах Новгорода со шведами — в этом смысле это продолжение старой новгородской традиции. Однако в отличие от тех походов, в 1496 г. было осуществлено вторжение вглубь вражеской территории не столько для разорения ее, сколько для решения политической проблемы — включения северных земель в орбиту влияния Российского государства[59].

Взятие Ивангорода

Последнее известие о Свейской войне в Увар. читается под 7005 годом, хотя говорит о событии 7004 г.

«Августа 19, в пяток приидаша Немцы из мория, из Степолна Свейского государства, князя Стенктура вскоре разбоем семьдесят бус в Нарову реку под Ивангород, и начаша ко граду вборзе приступати с пушками и с пищаль-

---

[58] Scriptores... S. 194.

[59] Как видим, наши источники не позволяют согласиться с Форстеном, считавшим, что «русское войско направилось по Двине, прибыло на западную сторону Кандалакшской бухты» — путь флотилии князей Ушатых шел через открытое море.

ми, и дворы в граде зажгоша, огнем стреляя, понеже не бысть им супротивника. Удалый же воевода и наместник Иванграду именем князь Юрий Бабич, наполнився духа ратного и храбра нимало супротивясь супостатам, ни граждан окрепив, но вскоре устрашився и побеже из града. В граде же не бысь воеводы, и людей бе мало и запасу ратного не бысть в граде. А князь Иван Брюхо да князь Иван Гундарев стояху близко град и видяще град пленем от Немец, и ко граду в помощь не поидоша. Немцы же град плениша и не обратиша в нем спротивящегося им, вскоре немилостивно пограбиша живяты их и такова бесчислено, а людей исекоша, а иных в плен поведоша. И тако вскоре возвратишася и побегоша от града в море»[60].

Это же известие читается и в Никон., но год проставлен верно – 7004.

В Волог.-Перм. летописи рассказ о взятии Ивангорода изложен в несколько другой редакции. «Того же лета [7004] пришедша Немцы с моря в бусах взяша Ивангород пищальми огненными. А воевода был тогда великого князя в том граде князь Юрьи Бабич, и убеже из града чрез стену, а княгиню свою напереди выправил»[61].

Псковская I летопись (Погодинский список) содержит о событиях августа 1496 г. самостоятельный рассказ. «Того же лета [7004] взяше Ивангород супротив Ругадива. И пришед Немцы Свеяци, людей, мужей и жен, и детей мечю предаша, а во граде хоромы и живаты огнем предаша. Августа в 26 день. И пригониша гонец из Иванягорода князю Псковскому Александру Володимеровичу и посадникам псковским, и ко всему Пскову. И князь Псковской выеха изо Пскова на третий день, в день недельный, а посадники псковские выехаши со всем войском своим и со псковичи месяц Сентября в 1 день, ко Гдову городку». «... приехал князь Псковской и с посадники псковскими, и з бояры, и со всею силою своею от Иванягорода, а приехали все здоровы, месяца Декабря в 6 день. И были тамо 12 недель на великого князя службе»[62].

Разрядные записи о событиях в Ивангороде не упоминают.

Таким образом, в нашем распоряжении два основных русских источника о взятии шведами Ивангорода – летопись великокняжеская и летопись псковская. Оба источника имеют очевидную документальную основу и могут считаться официальными.

По данным Рифмованной хроники, шведы долго готовились к походу и отправились «на Россию с большим войском». Численность войска достигла двух тысяч человек. Вскоре после Успения (15 августа) шведы подошли под «Ивана Великого», т. е. под Ивангород. Шведская флотилия состояла из больших и малых кораблей, «на которых стояли вазы», т. е. вероятно,

[60] ПСРЛ. Т. 28. С. 329.

[61] ПСРЛ. Т. 26. С. 290.

[62] ПСРЛ. Т. 5/1. С. 82.

пушки и военное снаряжение. По мнению автора хроники, Ивангород был «крепким и мощным» и «имел добрый гарнизон с оружием и несравненной мощью». Тем не менее, шведы после шестичасового боя овладели крепостью «при помощи пламени, стрел и мощи пушек». Внутри крепости находилось три тысячи человек, видимо, мирных жителей – «как мужчины, так и женщины принялись ужасно кричать». Все они были истреблены шведами, кроме трехсот человек, взятых в плен.

Город был разграблен, «нашлись сундуки битком набитые серебром, мехами, воском и листовым золотом». Все это было погружено на корабли. Увозились также железные двери и причальные приспособления. Поход завершился к дню Св. Мартина (5 сентября).

Таким образом, шведские известия в принципе не противоречат русским, отличаясь деталями и эмоциональной формой изложения. Общая картина представляется достаточно ясно.

Основное отличие шведских известий от русских – подчеркивание трудностей при взятии крепости, тогда как русские летописи говорят о слабости обороны. В данном случае, думается, следует отдать предпочтение русскому источнику. Автор шведской хроники субъективно был заинтересован в том, чтобы показать мужество и упорство шведов при штурме «крепкой и мощной» русской крепости «с добрым гарнизоном», русский же источник имел возможность более объективно рассматривать ход событий.

Нападение шведов на Ивангород произошло 19 августа – дата великокняжеской летописи может быть принята за основу. Дата Псковской летописи (26 августа) относится очевидно не к нападению на Ивангород, а к прибытию во Псков гонца с известием об этом событии. Двести верст от Ивангорода до Пскова гонец мог покрыть за 2–3 дня, следовательно, он выехал не ранее 23 августа. Он был послан не в первый день боев за город, а тогда, когда судьба города была уже решена – город был взят и сожжен.

Великокняжеская летопись подчеркивает отсутствие организованного сопротивления противнику. Нападение шведов с моря было, по-видимому, для русских неожиданным – город был не готов к отражению противника. Шведская флотилия из 70 бусов была способна перевезти не менее 4–5 тысяч воинов (считая, что по старым скандинавским законам на корабле полагалось иметь 60–70 воинов)[63]. Перед высадкой десанта город подвергся артиллерийскому обстрелу с кораблей, что вызвало пожары и, по-видимому, панику. Воевода князь Бабич проявил позорное малодушие. Обращает на себя внимание, что вблизи крепости стояли войска двух воевод. Очевидно, русское главное командование считало положение Ивангорода опасным и заранее стягивало сюда войска.

---

[63] Сага об Олаве... Законы Гулатинга...

Но усилия оказались тщетными. На оперативно-тактическом уровне под Ивангородом русские войска понесли самое тяжелое поражение за много десятков лет. Взятие и разгром Ивангорода – реванш шведов за их поражение в Гамской и Каянской землях и эффектное окончание вооруженной борьбы.

Два основных факта обеспечили успех шведов.

Первый из них – конструктивные недостатки самой крепости. Заложенная четыре года назад, она была еще не достроена. Построенная на утесе (сууде) над Наровой, крепость не имела функционирующих бойниц с юго-восточной стороны, откуда, вероятно, и подошел шведский десант[64]. Силы гарнизона и близ расположенных войск были, вероятно, недостаточными.

Еще более важной причиной быстрого падения Ивангорода является отсутствие прикрытия его с моря. Отсутствие флота, который мог и должен был контролировать подходы к русским берегам, сыграло здесь роковую роль. Море – путь вторжения на вражескую территорию. Поход флотилии ливей Уппатых в северную Финляндию воочию доказал это. Не менее очевидным доказательством было и овладение шведами Ивангородом. Выход к морю, обладание морским побережьем делает необходимым иметь морские силы, способные защищать этот выход и это побережье.

Судя по имеющимся данным, создание флота на Балтике входило в планы Ивана III[65], однако на данном этапе этот план остался неосуществленным, и только через два века на Балтике появился русский флот, а вместе с ним пришла и победа над Швецией.

Обращает на себя внимание активная роль псковской рати на этом последнем этапе войны. Господин Псков быстро мобилизовал свои силы и двинул их на помощь Ивангороду – собственно, для обороны от шведского десанта. Выступив из Пскова 1 сентября, войска могли подойти к Ивангороду около 10 сентября, когда шведы, возможно, уже эвакуировались.

Шведы не намеревались удерживать Ивангород, не имея для этого необходимых сил. По иностранным источникам «так как крепость могла слишком далеко от прочих шведских владений, то шведы предлагали ее Лифляндскому ордену [магистру Ливонии – Ю. А.] взять ее себе, но Орден отказался: тогда шведы, разрушив ее почти до основания, вернулись в Выборг»[66].

Никаких сведений о боевых действиях в районе Ивангорода после его захвата шведами в источниках нет. Однако псковская рать вернулась домой только 6 декабря, проведя на службе великого князя 12 недель. В этом слу-

---

[64] Волков. С. 36.

[65] Алексеев Ю. Г. Морская политика Ивана III. К постановке вопроса // От Древней Руси к России нового времени. Сб. статей к 70-летию А. Л. Хорошевич. М., 2003. С. 108–126.

[66] Форстен. С. 158.

час она должна выступить из района Ивангорода около 25 ноября, проведя там примерно два с половиной месяца, т. е. 11 недель. Двенадцатой неделей псковичи считали, видимо, время на марш-маневре.

По шведским данным, Стен Стуре начал готовить новый поход против России. «Он пускается в путь со ста тремя судами, их он намерен причалить в России». Одна из причин нового похода – быстрое восстановление русскими Ивангорода. «Теперь русские снова подходят к Ивану-Великому, и дерзко издеваются над шведами. Им очень важен Иван-Великий, и они вовсю еще более укрепляют его».

Но новый поход Стену совершить не удалось. Судя по Рифмованной хронике «простые люди тогда стали несговорчивее... простолюдье желало отправиться в Швецию, и они исчезли с глаз господина Стуре без следа», т. е. попросту разбежались. «Вскоре закончился этот долгий поход – к самому Рождеству». Долгая война оказалась Швеции не по силам.

К походу готовились и русские. Согласно разрядной записи, «того же лета [7004=1496] в Августе князь великий Иван Васильевич всея Русии приговорил послать восвод на свейские немцы и быть по полком:

В Большом Полку князь Данило Васильевич да Яков Захарьич;

В Передовом Полку князь Осиф Андреевич Дорогобужский да князь Федор Семенович Хрипунов да князь Василей Рамодановский.

В Правой Руке князь Федор Васильевич Телепень да Дмитрий Васильевич Шеин.

В Левой Руке Иван да Федор Борисович. А князем Воротынским, князю Дмитрею да князю Семену Федоровичу да князю Ивану Михайловичю быти в Левой же руке своим полком»[67]. Список восвод позволяет сделать некоторые выводы.

По-видимому, походу придавалось важное значение – во главе войск был известный восвода, победитель Вятки и Вязьмы.

В походе были должны принять участие новгородские силы – вторым восводой был наместник Новгорода.

Можно предполагать, что в походе должны были участвовать служилые люди из Тверской земли, трое восвод – тверичи, которые, возможно, шли со своими земляками.

Пятеро восвод – представители старых московских служилых родов – можно думать, что они шли во главе среднерусских полков.

В походе должны были участвовать полки князей, только что перешедших на службу великого князя. Эти полки должны были выдвинуться с юго-западной окраины и сохранять относительную самостоятельность в управлении, как и в недавних походах на Литву.

---

[67] РК – 98. С. 27.

Таким образом, представляется, что на Свянь должны были двинуться войска из Новгорода, юго-западных княжеств, по всей вероятности – Тверской земли и коренных московских уездов. Мобилизация охватила большую часть территории страны.

Однако новый поход состоялся.

Под заголовком «О Казани» великокняжеская летопись сообщает: «Тое же весны Мамя приидс весть к великому князю... от казанского царя Мегмет-Амина, что идет на него Шибанский царь Магук со многою силою, а измену чинят казанские князья Калина да Урак, да Садырь, да Агыш. И князь великий послал в Казань... воеводу своего князя Семена Ивановича Ряполовского с силою и многих детей боярских Двора своего, и понизовских городов детей боярских: новгородцы, и муромцы, и костромичи, и иных городов многи».

Таким образом, в самый разгар Свейской войны открылось новое восточное стратегическое направление.

На это направление выдвигаются силы из Ближайших уездов, которые, очевидно, не принимали участия в Свейской войне. Во главе войск поставлен воевода, имевший опыт войны с Казанью в 1487 г. Обращает на себя внимание отправка в поход «многих детей боярских Двора» великого князя. Это свидетельствует о значении, которое придавалось казанскому направлению в Ставке ВГК и о наличии стратегического резерва, не задействованного на северо-западном фронте.

По словам летописи, мятежные казанские князья при известии о движении войск князя Ряполовского «выближа ис Казани ко царю Мамуку, сам же Мамук возвратися восвоси».

С этой точки зрения поход князя Ряполовского был вполне успешным. Этот успех, однако, был непрочным.

Сам Магмет-Аминь «отпусти воеводу великого князя и с Казани... со всею силою к Москве о Семине дни, уже бо не чаяну прихода Мамукова к Казани».

К сентябрю, казалось, что кризис на восточном направлении преодолен. Тогда-то, вероятно, и возник замысел нового похода на свейских немцев.

Однако обстановка на Востоке внезапно резко изменилась. По словам летописи: «Не по мнозе же времени сведа царь Мамук Шибанский, что воевода великого князя пошел из Казани со всею силою назад к Москве, понеже в Казани измена бысть над царем Магмет-Аминем, и вести из Казани к Мамуку присылаху. Мамук же царь вборзе приидс с ратию под Казань со многою силою нагайскою и со князи казанскими. Царь Магмет-Аминь... блюдася измены от своих князей и выбежа и с Казани и со царицей и со остаточными князи своими, и приидс на Москву к великому князю, лета 7005 ноября».

Новый кризис на восточном направлении внес серьезные изменения в планы русского ВГК.

«Князи великий из Свейского походу воевод убавил, а приговорил на весну послати воевод на Казань.

А на Свейскую землю велел идтить воеводам по полкам:

В Большом полку – Яков Захарьич;

В Передовом полку – князь Федор Семенович Хрипун да Воротынские князи своим полком, князь Дмитрей Федорович да князь Иван Михайлович, а князь Семен Михайлович не ходил был болен.

В Правой руке князь Федор Васильевич Телепень Оболенский.

В Левой руке Иван Борисов Бороздин.

Число воевод, назначенных в Свейский поход было уменьшено с девяти до пяти, что почти несомненно свидетельствует о соответствующем уменьшении численности войск.

Важны и изменения в персоналии.

Отсутствия князя Данилы Щени может свидетельствовать о желании иметь его в резерве ВГК, отсутствие князя Осифа Дорогобужского и одного из двух Бороздиных – об уменьшении доли тверских войск.

Соответственно увеличивалось значение новгородских войск, чей воевода Яков Захарьич стал теперь командующим всею ратью.

Однако по-прежнему в поход идут старомосковские воеводы и князья Воротынские.

Тем не менее, теперь внимание Ставки приковано в основном к восточному направлению, хотя сам поход отложен до весны. По разрядной книге: «А под Казань нарядил князь великий воевод, а срок учинил им стати под Казань с краю вместе». (Что значит выражение «с краю» установить не удалось).

«В судовой рати, в Большом полку князь Семен Иванович Ряполовский.

В Передовом полку Ондрей Иванович Коробов. В Правой [руке] Петр Борисович в Левой [руке] Василей Борисович.

А в конной [рати] в Большом полку князь Василей Иванович да князь Олександр Васильевич Оболенский;

В Передовом полку князь Федор Васильевич Телепень;

В Правой руке князь Михайло Иванович Телятевский;

В Левой руке Семен Карпович»[68].

Судя по числу воевод, готовился большой поход. Как и в 1487 г., намечалось тактическое взаимодействие судовой и конной ратей.

Поход по Волге естественно не мог начаться раньше вскрытия рек, т. е. середины апреля – начала мая.

Но события развернулись по-другому. Судя по рассказу великокняжеской летописи, Мамук, овладевший Казанью осенью 1496 г., не смог в ней удержаться. Своих вчерашних союзников, мятежных князей, он «изымал и гостей и земских людей пограбил». Не имея, видимо, широкой общест-

[68] РК – 98. С. 28.

военной поддержки, он вскоре освободил заточенных князей и начал поход на Арский городок. Однако «Арские князи града своего не здаша, но бишася с ними крепко».

Неудача похода на Арск вызвала развал в стане Мамука: «князи Казанские отъехаша от Мамука в Казань, и град окрепиша и царя Мамука в град не пустиша».

Изгнав фактически Мамука, казанцы обратились к великому князю. В Москву был послан Бараш-Сеит «бити челом... от всея земли, чтобы их великий князь пожаловал, а нелюбия им и вины им отдал». Казанцы просили не присылать к ним Магмета Аминя, а назначить на «царство в Казань Абдыя-Летифа царевича, Абрсимова сына, меньшого барата Магомед-Аминя».

Узнав о переговорах казанцев с великим князем, Мамук отступил от Казани «в своям и на пути умре».

В апреле 1497 г. Абдыя-Летиф был отпущен из Москвы в Казань на царство в сопровождении князя Семена Даниловича Холмского и князя Федора Ивановича Телепуня. «Они же, пришедше в Казань месяца Мая, Абдыя-Летифа посадили на царство, да и к смерти приведоша всех князей Казанских и уланов и земских князей и людей по их вере за великого князя».

Крупный конфликт на восточном направлении удалось разрешить относительно мирным путем, во всяком случае, без непосредственного вооруженного вмешательства. Несмотря на колебания и нестабильность в казанских верхах, партия, стремившаяся к союзу с Москвой и ее покровительству, оказалась сильнее, чем партия, желавшая отдать город и страну под власть Шибанского хана – и это несмотря на крайнюю непопулярность прежнего ставленника Москвы.

Тем не менее, события на восточном направлении осенью 1496 г. сыграли, по-видимому, большую роль в Свейской войне. Намеченный на август поход не состоялся. Со Швецией начались мирные переговоры, которые в марте 1497 г. привели к заключению перемирия на 6 лет – первого договора Российского государства со Швецией[69].

* * *

Первый вооруженный конфликт Российского государства со Швецией – фактически начало борьбы за мореплавание.

Военные действия велись на широком фронте – от Финского залива до Северного океана, и на суше, и на море. Боевые действия носили характер разносторонних последовательных ударов по разным операционным направлениям.

[69] Балцевич К. В. С. 393; Форстен. С. 158–159.

Главный ударной силой русских войск было, по-видимому, конное служилое ополчение, собранное из северо-западных и среднерусских уездов. На северном участке фронта ударную силу составляла судовая рать, земское ополчение северных уездов. В боевых действиях широко применялась артиллерия, в том числе и крупнокалиберные осадные орудия.

С русской стороны можно отметить стремление к наступательным действиям, к захвату и сохранению инициативы.

Крупная неудача на первом этапе кампании не привела к отходу от продолжения борьбы. Войска выдвигаются на новое операционное направление и наносят противнику эффективный удар.

Третье операционное направление на крайнем правом фланге обозначилось первым морским походом судовой рати и глубоким вторжением во вражескую территорию.

Несмотря на успехи второго и третьего походов, Ставка готовит новый поход крупными силами – прослеживается большое упорство добиться победы.

На протяжении всей кампании Ставка ВГК играет определяющую роль, осуществляя свою главную функцию – стратегическое руководство.

На оперативно-тактическом уровне, как и в прежних походах руководство – в руках воевод, принимающих, очевидно, самостоятельные решения в рамках директив Ставки.

Все это представляет собой дальнейшее развитие той организации командования, которая сложилась в походах 60–80-х гг. Новым является переезд Ставки в Новгород, поближе к театру военных действий. Это облегчало управление войсками и делало его более эффективным.

В оперативно-тактическом отношении наибольший интерес представляют борьба за Выборг и использование морской силы для вторжения вглубь вражеской территории на Севере.

В борьбе за Выборг русские войска впервые применили новую тактику, основанную на использовании крупнокалиберной артиллерии для подготовки штурма. Неудача штурма не снижает значения этого первого опыта, новой тактики при борьбе за крепость.

Война показала существенно важное значение морской силы как средства вторжения на вражескую территорию. И поход князей Ушатых по северному Оксану, и поход шведов от Выборга (или Стокгольма?) к Ивангороду привели к крупным оперативно-стратегическим результатам. Эти результаты могли быть достигнуты только при условии господства на море в районе боевых действий. Тем самым напрашивается вывод о необходимости создания морской силы, хотя бы для обороны своего побережья. Проекты создания такой силы на данном этапе не были реализованы[70].

---

[70] Алексеев Ю. Г. Морская политика Ивана III... С. 108–125.

Важной особенностью Свейской войны было появление «второго фронта» — восточного стратегического направления. В этих сложных условиях работа Ставки ВГК проявилась с достаточной четкостью. На восточное направление были двинуты силы из ближайших уездов страны, что на первых порах привело к стабилизации обстановки. Новое обострение положения на восточном направлении заставило готовить к походу дополнительные силы, что привело к ослаблению группировки на северо-западе, и оказало влияние на дальнейшие планы ведения Свейской войны.

Действия русского ВГК в целом можно оценить положительно. Однако оно допустило крупную ошибку, не создав достаточно сильной группировки для защиты Ивангорода. Сказались и недостатки самой крепости и низкий уровень оперативно-тактического руководства войсками в районе Ивангорода. Наибольшее значение имело отсутствие на Финском заливе морской силы, способной предупредить и отразить вражеское нападение или хотя бы своевременно сообщить о движении шведского флота.

О действиях шведского командования можно судить по доступному нам шведскому источнику.

Можно отметить неготовность шведов к отражению русского наступления на первом этапе войны. Нападение на Выборг было для шведов, по-видимому, неожиданным – крепость могла рассчитывать только на силы своего гарнизона. Скованность русских войск осадой Выборга не была использована шведским командованием. Сбор войска, предпринятый Стеном Стуре после начала войны, шел крайне медленно и не привел к удовлетворительным результатам. Только мужество и искусная оборона Выборга силами его гарнизона спасли город от взятия русскими войсками.

Второй набор ополчения Стена Стуре шел также весьма медленно. Шведам не удалось предотвратить глубинное вторжение к Гамскую землю и разорение ее. Не удалось им отрезать вторгшиеся русские войска, ни нанести ответного удара. Шведы не сумели защитить свои северные владения от русской судовой рати, хотя, по русским источникам, они, по-видимому, пытались это сделать.

Все это в целом говорит о слабости шведского командования. Однако эти недостатки были искуплены ближайшим успехом контрудара по Ивангороду — здесь шведское руководство продемонстрировало достаточно высокий оперативно-тактический уровень, в частности, искусное использование морской силы. Однако шведское командование не сумело закрепить и развить этот успех, не сумело поднять его на стратегический уровень.

В целом Свейская война является весьма важным и поучительным историческим феноменом. Не приведя к решительному результату (полному разгрому противника), русские войска на северо-западе смогли защитить непосредственные интересы страны, война обогатила войска опытом боевых действий против сильного противника в сложных физико-географических условиях.

Важным результатом войны было укрепление позиций России на крайнем правом фланге – в районе, примыкающем к Северному океану. В стратегическом отношении война показала значение морской силы в борьбе на приморских направлениях и преподала урок, который, еще предстояло усвоить нашей стране.

~

НИКОЛАОС А. ХРИССИДИС

АРИСТОТЕЛЬ ИЕЗУИТОВ В РОССИИ XVII ВЕКА:

КОСМОЛОГИЯ И ПЛАНЕТНАЯ СИСТЕМА В СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ[1]

В настоящее время в академических кругах считается общепризнанным, что правление Петра Великого не ознаменовало собой такого резкого разрыва с московским прошлым, как считали или воображали раньше. Недавние исследования затронули некоторые аспекты культуры Московского государства, в которых уже была подготовлена почва для последующих «реформ» Петра. Эти работы дали ключ к пониманию того, каким образом западные идеи (с какого бы «Запада» они ни исходили) проникали в Московию начиная по меньшей мере с середины XVII века, а в некоторых случаях был проведен и глубокий анализ этого процесса. Тон в этих исследованиях задали литературоведы, анализируя западные, барочные понятия о языке и стиле, получившие распространение при русском дворе с 1660-х гг. Искусствоведы спорят о степени влияния барокко на русское искусство и архитектуру, но, тем не менее, не подвергают сомнению наличие этих новшеств. Историки идут еще дальше, прослеживая влияние новых веяний на отношение придворной элиты к учению и религиозному опыту[2]. В большинстве

[1] Статья впервые опубликована: Nikolaos A. Chrissidis. A Jesuit Aristotle in Seventeenth-Century Russia: Cosmology and the Planetary System in the Slavo-Greco-Latin Academy // Marshall Poe and Jarmo Kotilaine, eds. Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia. London and New York: RoutledgeCurzon, 2004. Автор выражает глубокую благодарность Ольге Владимировне Дмитриевой (Кафедра истории средних веков, МГУ) за помощь с проверкой перевода.

[2] См., например: Сазонова Л. И. Поэтическое творчество Евфимия Чудовского // Slavia. 1987. №3. С. 243–252 (Однако ср. ее же: Восточнославянские академии XVI–XVIII вв. в контексте европейской академической традиции // Славяноведение. 1995. №3. С. 46–61, где Сазонова по-прежнему пользуется бинарной моде-

этих исследователей подчеркивается возрастающий интерес и даже активное стремление придворной элиты к образованию и знаниям, как мотив, пронизывающий всю вторую половину XVII века[3]. И неформальное, частное образование, и формальное, получаемое в учебных заведениях, представляются важнейшими каналами, по которым западные идеи (возможно, уже устаревшие на Западе, но безусловно новые в российском контексте) проникали в Россию. И все же работы предстоит еще очень много, особенно в отношении допетровских попыток учредить учебные заведения. Только через углубленный анализ сущности, целей и возможного влияния этих попыток есть надежда прийти к полному пониманию эволюции российских просветительских начинаний, в частности, и российской культуры в целом накануне и во время правления Петра Великого.

В данной статье мне хотелось бы остановиться на одной из сторон формального образования в Московии, связанной с «наукой» и натурфилософией, а конкретнее, предмет моего исследования – космология и астрономия в том виде, в котором, братья Лихуды[4] преподавали их в Славяно-Греко-Латинской Академии в 1680-е и 1690-е гг. Основная цель моего исследова-

---

лью «грекофилы-латинофилы», хотя избегает давать в этом отношении какую-либо характеристику самим Лихудам); Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность/Робинсон А. Н. (ред.). М., 1982; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973; Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974; Дёмин А. С. Русские пьесы 1670-х годов и придворная культура // ТОДРЛ. 1972. № 27. С. 273–283; James Cracraft. The Petrine Revolution in Russian Architecture (Chicago and London: University of Chicago Press, 1988), особ. гл. 1; Paul Bushkovitch. Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York – Oxford: Oxford University Press, 1992; Cathy J. Potter. The Russian Church and the Politics of Reform in the Second Half of the Seventeenth Century. Ph. D. diss. Yale University, 1993.

[3] Дореволюционные и советские историки также отмечали ускорение образования и активной тяги к учению во второй половине XVII века, но почти неизменно либо неверно интерпретировали этот процесс, либо не могли в полной мере проанализировать его и проследить его влияние на последующее развитие. Показательны следующие работы: Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному востоку в XVI–XVII столетиях. 2-е изд. Сергиев Посад: Изд. М. С. Елова, 1914; Богданов А. П. К полемике конца 60-х – начала 80-х годов XVII в. об организации высшего учебного заведения в России. Источниковедческие заметки // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв. Сборник статей/Под ред. Буганова В. И. и др. М.: Ин-т Истории АН СССР, 1986. С. 177–209.

[4] Хотя в данной дискуссии основное внимание уделяется трудам из рукописей, «списанных» Иоанникием Лихудом, преподавательскую деятельность братьев я рассматриваю как единое целое. Судя по всему, многие свои учебники они составляли совместно, и в любом случае одновременно преподавали в Академии (за исключением 1688–1691 гг., когда Иоанникий отправился с дипломатической миссией в Венецию) и пользовались одними и теми же учебниками.

ния – проанализировать суть их учения и проследить его возможное влияние на отношение к образованию накануне петровских инициатив в сфере культуры. Как будет показано, преподавание таких предметов в Славяно-Греко-Латинской Академии фактически представляет собой одну из разновидностей бесчисленных и многообразных комментариев к натурфилософии Аристотеля, получивших распространение в иезуитских кругах к середине XVII века[5]. Это учение подразумевало ведущую роль натурфилософии (т. е. квалитативной физики, космологии), но одновременно старалось внедрить в нее «науку» (астрономию, астрологию и математику) как орудие познания природного мира[6]. Несмотря на то, что в западноевропейском контексте

---

[5] Здесь мне хочется подчеркнуть, что не существовало единого, общепризнанного иезуитского учения по натурфилософии; напротив, ученые-иезуиты высказывали самые различные мнения даже по вопросам, касающимся аксиом и догматов веры, в общих рамках аристотелевской натурфилософии как методологии для исследования природного мира. Из самых недавних работ см.: Paul-Richard Blum, «Der Standardkurs der katholischen Schulphilosopie im 17. Jahrhundert,» в: Aristotelismus und Renaissance: In memoriam Charles B. Schmitt, eds. Eckhard Kessler, Charles H. Lohr, and Walter Sparn [Wolfenbütteler Forschungen, vol. 40] (Wiesbaden: Harrassowitz, 1988), 127–48. См. также следующее примечание.

[6] Согласно Аристотелю (Метафизика. Кн. XIII. Гл. 2; Физика. Кн. II. Гл. 2), астрономия является ветвью математики, которая в свою очередь (в своем чистом, неприкладном виде) не есть «наука», поскольку она делает заключения, не исходя из причин. Однако, начиная с деятельности Христофора Клавиуса в конце XVI века, в учебном плане иезуитских училищ заметен неизменный акцент на математике с ее практической пользой: см. James M. Lattis, Between Copernicus and Galileo: Christoph Clavius and the Collapse of Ptolemaic Cosmology (Chicago and London: University of Chicago Press, 1994), 32–38; Peter Dear, «Jesuit Mathematical Science and the Reconstitution of Experience in the Early Seventeenth Century,» Studies in History and Philosophy of Science, 18: 2 (1987), 133–75. Различие между астрономией и астрологией, впервые проведенное Птолемеем, окончательно оформилось в XVI и XVII вв. В позднее средневековье и в начале нового времени под астрономией обычно понимали науку, изучавшую размеры и движение небесных тел. Астрология занималась в первую очередь движением звезд, связанных с ними явлениями, и тем влиянием, которое они оказывали на земную жизнь и которое, следовательно, могло использоваться для предсказаний: см. S. K. Heninger, Jr. The Cosmographical Glass: Renaissance Diagrams of the Universe (San Marino, CA: Huntington Library, 1977), 7. Возражения против слишком жесткого разграничения между астрономией и прогностической астрологией см.: Eugenio Garin, Astrology in the Renaissance: The Zodiac of Life, trans. Carolyn Jackson and June Allen, trans. revised in conjunction with the author by Clare Robertson (London, Boston, Melbourne and Henley: Routledge and Kegan Paul, 1983). Из самых недавних работ об астрологии в московский период см.: William F. Ryan, The Bathhouse at Midnight: An Historical Survey of Magic and Divination in Russia (University Park: Pennsylvania State University Press, 1999), гл. 15. Райан отмечает, что «ни в церковно-славянском, ни в древнерусском языках вплоть до XVIII в. не проводилось последовательного терминологического различия между астрологией и астрономией. Это произошло чуть позже чем в остальной Европе» (там же, 385).

сущность такого философского и «научного» образования в общем и целом уже подвергалась серьезной критике[7], в русском контексте она влекла за собой весьма радикальные последствия. Теология, или, точнее говоря, вера, перестала быть монопольным хозяином всякой истины. Наоборот, отныне философия и «наука» могли объяснить устройство и механизм действия вселенной и делали это. Последствия такого образования оказались двоякими: оно наделяло философские и научные исследования функцией познания материального мира, а также ознаменовало первые шаги в сторону институциализации научного образования в России. В итоге, полученное в Академии образование потенциально закладывало фундамент более восприимчивого отношения к науке (как в ее более традиционной квалитативной форме, так и в недавно возникшей экспериментальной разновидности) со стороны московской образованной элиты. В этом смысле прослеживается связь с позднейшими попытками Петра учредить и гуманитарные, и специальные школы, в которых преподавались некоторые прикладные науки[8].

---

[7] Картезианство и прикладная наука к тому времени уже достаточно долго вели борьбу с засильем умозрительной философии. Впрочем, «Начала» Ньютона, вероятно, ставшие смертельным ударом по средневековой схоластике, были изданы лишь в 1687 г. Более того, иезуитский учебный план проявлял поразительную гибкость в смысле внедрения новых идей в рамки аристотелевского мировоззрения: см. Patricia Reif, «The Textbook Tradition in Natural Philosophy, 1600–1650,» Journal of the History of Ideas 30: 1 (1969), 17–32; Edward Grant, «In Defense of the Earth's Generality and Immobility: Scholastic Reaction to Copernicanism in the Seventeenth Century,» в: Transactions of the American Philosophical Society 74: 4 (1984), особ. 3 и passim; Gabriele Baroncini, «L'insegnamento della filosofia naturale nei collegi italiani dei Gesuiti (1610-70): un esempio di nuovo Aristotelismo,» в: La «Ratio studiorum.» Modelli culturali e pratiche educative dei Gesuiti in Italia tra Cinque e Seicento, ed. Gian Paolo Brizzi (Rome: Bulzoni, 1981), 163–215 (особ. 192–202 о связи математики с физикой и 202–214 о самой физике); о реакции иезуитов на систему Коперника см. ревизионистскую статью: John L. Russell, Sj, «Catholic Astronomers and the Copernican System after the Condemnation of Galileo,» Annals of Science 46 (1989), 365–386.

[8] О подходе к научному образованию в России в средневековье и в раннее новое время см.: Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. В 2-х тт. СПб.: «Общественная польза», 1862, особ. т. 1; Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937; 2-е изд., с дополнениями. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947, особ. главы 1–9 (я пользовался первым изданием); Райнов Т. Наука в России XI–XVII веков. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940; Alexander Vucinich, Science in Russian Culture: A History to 1860. 2 тт. (Stanford: Stanford University Press, 1963), и библиографию; Loren R. Graham, Science in Russia and the Soviet Union (Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1993), хотя Грэхем обращает основное внимание на XIX и XX века. Конкретно по астрономии см.: Воронцов-Вельяминов Б. А. Очерки истории астрономии в России. М.: Гос. изд-во технико-теорет. лит-ры, 1956; William F. Ryan, «Astronomical and Astrological Terminology in Old Russian Literature," D. Phil. Thesis (Oxford University, 1969) (оба эти источника были для меня недоступ-

Космология и астрономия в Академии

Как и в случае со многими другими областями знания, господствовавшие в Киевской Руси и в Московском государстве представления об устройстве вселенной носили преимущественно религиозный характер. Если в дошедших до нас источниках и содержатся какие-либо следы древних представлений о вселенной, то лишь тщательно профильтрованные и очищенные от всяких элементов, считавшихся языческими или антихристианскими. Иначе и не могло быть, поскольку эти источники представляют собой в основном труды отцов церкви и позднейших церковных авторов и комментаторов. Еще и во второй половине XVII века основными источниками сведений о сотворении, устройстве и механизме действия физического мира в дополнение к тексту «Бытия» долго оставались «Изборники» (1073 и 1076 гг.), раздел «Шестоднев» из «Толковой Палеи» (наряду с некоторыми другими вариантами комментариев к теме шести дней творения) и «Христианская Топография» Козьмы Индикоплова[9]. Опираясь на книгу «Бытия» как на эталон, эти

ны). Очень полезную библиографию по вопросам астрономии и астрологии в Киевской Руси и Московском государстве см.: Хромов О. Р. Астрономия и астрология в древней Руси: Материалы к библиографии // Естественнонаучные представления Древней Руси/Симонов Р. А. (ред.). М.: «Наука», 1988. С. 290–310. См. также: Max Okenfuss, «The Jesuit Origins of Petrine Education,» в: The Eighteenth Century in Russia, ed. John Gordon Garrard (Oxford: Oxford University Press, 1973), 106–30. Оксенфусс справедливо подчеркивает, что не все школы, основанные Петром Великим (среди них была и реорганизованная после 1700 г. Славяно-Греко-Латинская Академия, хотя ее новый учебный план еще нуждается в углубленном изучении), были посвящены преподаванию прикладных наук. Как он верно отмечает, большинство этих учебных заведений было организовано по образцу иезуитских училищ. Тем не менее, ненадолго останавливаясь на лихудовском периоде Академии, Оксенфусс подчеркивает его «греческий» характер, на том основании, что якобы победоносная «грекофильская» партия в рамках московской церкви предпочитала греческое образование (Оксенфусс не уточняет, в чем заключался этот «греческий» характер образования). Справедливости ради отметим: Оксенфусс упоминает, что в учебном плане числились латынь и философия, но, похоже, приписывает падение Лихудов тому, что они преподавали эти предметы. Попытку реконструировать господствовавшие в учебном курсе Славяно-Греко-Латинской Академии начала XVIII в. представления о космосе см.: Панибратцев А. В. Идея мироздания в философских курсах Славяно-Греко-Латинской Академии // Переводные памятники философской мысли Древней Руси/Громов М. Н. (ред.). М.: ИФРАН, 1992. С. 109–130.

[9] О «Шестодневах» см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси: XI – первая половина XIV в./Лихачев Дм. (ред.). Вып. 1. Л.: «Наука», 1987. Статья «Шестодневы»; об «Изборниках» см. там же, статьи «Изборник 1073 г.» и «Изборник 1076 г.»; о «Христианской Топографии» см. там же, статья «Христианская Топография Козьмы Индикоплова». В дополнение к вышеперечисленным, другими доступными источниками, которые теоретически могли дать информацию по космологическим и астрономическим вопросам, являлись: 1) энциклопедический труд «Луцидари-

сочинения оспаривали взгляды Птолемея и древних философов, предлагая вместо них облаченную в христианские одеяния квазинаучную теорию космоса, приправленную чрезвычайно упрощенными и выхолощенными идеями, позаимствованными из аристотелевской или неоплатоновской физики. Ключевым моментом этого христианского мировоззрения было представление о том, что мир сотворен Богом. На вопросы о том, имеет ли Земля плоскую или сферическую форму, о существовании трех и более небесных сфер, о круговом или эллиптическом движении солнца и планет и т. п., различные христианские авторы в разное время давали разные ответы. Но какими бы ни были эти ответы, в их основе лежала концепция вселенной, построенная на языческих представлениях, но во всех ключевых отношениях согласую-

---

ус» (вероятнее всего, перевод германского оригинала через польский на русский), который, похоже, навлек на себя гнев Максима Грека, но сохранившиеся экземпляры датируются только XVII веком (см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси: вторая половина XIV–XVI в./Лихачев Дм. (ред.). Вып. 2. Ч. 2. Л.: «Наука», 1989. Статья «Луцидариус»); 2) «Хроника» Мартина Бельского (впервые издана в Кракове в 1551 г.), несколько переводов которой появилось в России начиная с середины XVII в. (см. там же, статья «Хроника Мартина Бельского»); 3) ряд других космографий (представлявшие собой переводы какого-либо одного, обычно географического, сочинения или компиляции из различных источников), о которых см. там же: Вып. 2. Ч. 1. Статья «Космография»; 4) «Селенография» Яна Гевелия (1647), которую перевел Степан Чижинский в конце 1670-х гг. (см.: Райнов. Наука в России XI–XVII веков. С. 438–448; о Чижинском см.: Николаев С. Н. Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»/ТОДРЛ. 40 [1985]. С. 181). Эти дополнительные источники почти без исключения встречаются в России начиная с середины XVII в. Помимо того, они в основном представляют собой переработанные или отредактированные переводы, в которых порой совершенно теряется смысл оригинала (см. в этой связи замечания Райкова относительно «Луцидариуса»: Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения. С. 19–20). Следует также учитывать ту степень, в которой эти дополнительные источники были известны широкой аудитории: при самом поверхностном знакомстве с соответствующей информацией в «Словаре книжников» и «Очерках по истории гелиоцентрического мировоззрения» Райкова создается впечатление, что они ни в коем случае не могли быть распространены шире, чем «Шестодневы», «Изборники» или «Христианская Топография». Здесь уместно сказать несколько слов об астрологических текстах: бесспорно, что в Киевской Руси и особенно в Московском государстве имело хождение множество астрологических и прогностических текстов. Хотя в них основное внимание уделяется звездам, все же из них можно было почерпнуть кое-какую космологическую и астрономическую информацию. Безусловно, поскольку границы между астрологией и астрономией в средневековье и в раннее новое время не были четко обозначены (ни в России, ни в остальной Европе), подобные тексты можно рассматривать в качестве источников астрономических и космологических сведений, которые имели широкое бытование и передавались устно, и наверняка были более доступны широкой аудитории, чем такие «научные» тексты, как «Шестодневы» или космографии.В этой связи см. замечания Райкова: Очерки по истории гелиоцентрического миро-

щаяся со Священным Писанием. При этом в России это общее христианское наследие вплоть до середины XVII века оставалось свободным от каких-либо запутанных схоластических (натурфилософских), астрономических и опирающихся на научные наблюдения комментариев, которые уже давно стали нормой в Западной Европе[10].

С другой стороны, учебный план Академии свидетельствует о явном отходе от такого состояния дел. В соответствии с принципами иезуитского учебного плана, он включал преподавание натурфилософии. Лихуды явно посвящали какую-то часть своего курса обсуждению натурфилософских (в том числе космологических и астрономических) тем[11]. Космологиче-

---

воззрения, гл. 3 а также более свежий труд Ryan, The Bathhouse at Midnight, гл. 15 Наконец, здесь следует упомянуть и апокрифическую «Книгу Еноха», которая увлекает читателя в головокружительное восхождение через все небесные сферы до самого божественного престола (см. Словарь книжников и книжности Древней Руси: XI – первая половина XIV в./ЛихачевДм. (ред.). Вып. 1. Л.: «Наука», 1987. Статья «Апокриф о Енохе»), а также «Прение Панагиота с Азимитом», антилатинский трактат, восходящий к XIII в., в котором затрагиваются вопросы о небесных сферах и величине звезд (см. Ihor Ševcenko, «Remarks on the Diffusion of Byzantine Scientific and Pseudo-Scientific Literature among the Orthodox Slavs,» The Slavonic and East European review 59: 3 (1981), 321–45, особ. 337);и два отрывка (в «Златоусте» и в «Краткой Хронографической Палее») о небесных сферах, содержащие арабские названия планет: см. Водолазкин Е. Г. К вопросу об арабских наименованиях планет в древнерусской книжности/ТОДРЛ. № 50. 1996. С. 677–683. (Автор полагает, что эти арабские термины носили поверхностный характер, не обязательно свидетельствуя о прямых контактах с арабским культурным окружением). Разумеется, этот список далеко не полон. Например, есть вероятность найти новые источники после исследования различных флорилегий и рукописных сборников.

[10] См., например: Alexander Koyré, From the Closed World to the Infinite Universe (Baltimore and London: Johns Hopkins Press, 1957); Edward Grant, Planets, Stars, and Orbs: the Medieval Cosmos, 1200–1687 (Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1994).

[11] То, что Лихуды переходили к преподаванию натурфилософии после курса логики, очевидно из вступления к рукописи (Российская Государственная Библиотека (далее РГБ). Ф. 173 (Московская Духовная Академия, Собрание Фундаментальное). Оп. 1. № 303 (Греч., 186). Л. 1-106.), в которой Иоанникий именно об этом говорит, добавляя, что сперва оба брата напишут свои лекции по-латыни, а затем по-гречески, «на благо наших учеников в царственном и имперском великом граде Москве, христианнейшем и православнейшем». В этом отношении следует заметить, что уже само преподавание физики и философии Лихудами было заклеймено их бывшим покровителем (именно благодаря которому они и попали в Москву), патриархом Иерусалимским Досифеем (1669-1707), не говоря уже о существе их учения. В письме патриарху Адриану от 1694 года Досифей, среди прочего, обвиняет Лихудов в том, что они тратят время на философию и физику, вместо того, чтобы преподавать греческую грамматику «и прочие предметы [очевидно, риторику и логику – // Л.]»: см. Смирновский М. Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб.:

ские представления Лихудов можно вывести из двух трактатов по поводу аристотелевского «О Небе», которые найдены в рукописных сборниках, находившихся в распоряжении братьев. Один из этих трактатов написан по-гречески и озаглавлен «Εἰς τὰ τοῦ Ἀριστοτέλους Βιβλία Περὶ Οὐρανοῦ» («О книгах Аристотеля про Небеса», далее – «Περὶ Οὐρανοῦ»)[12]; другой – по-латыни и носит название «De Mundo. In Libros Aristotelis Stagiritae de Mundo, et Celo» («О Вселенной. [Трактат] о книгах Аристотеля Стагирита о Вселенной и Небесах», далее – «In Libros»)[13]. Согласно Б.Л. Фонкичу, оба трактата датируются не позже 1690 г.[14], и оба текста написаны рукой Иоан-

---

Тип.-литография М.П. Фроловой, 1899. С. 286. Разумеется, Досифей был недоволен Лихудами и по многим другим причинам, главной из которых, по-видимому, было нежелание братьев сотрудничать с его послом, архимандритом Хрисанфом (племянником и наследником Досифея), пытавшимся основать греческую типографию в Москве. См. у Смецовского об обвинениях Досифея: Там же. С. 284–288. Досифей не мог не выражать показное неудовольствие по поводу преподавания братьями философии, тем более что в 1691 г. была реорганизована (фактически открыта заново) школа патриархии в Константинополе, и сигилион с изложением расписания особое внимание уделял «научным дисциплинам», которые, по мнению современного исследователя греческого образования в 1453–1821 гг., означали философию и теологию: см. Αγγελική Σκαρβέλη-Νικολοπούλου, «Τα μαθηματάρια των Ελληνικών σχολείων της Τουρκοκρατίας» (Διδακτ. Διατρ., Αθήνα, 1989), 181. Досифей был одним из тех, чьи подписи стоят под этим сигилионом. Более подробное обсуждение причин изгнания Лихудов из Академии см.: Nikolaos A. Chrissidis, «Creating the New Educated Elite: Learning and Faith in Moscow's Slavo-Greco-Latin Academy, 1685–1694» (Ph. D. diss.: Yale University, 2000).

[12] РГБ. Ф. 173 (Московская Духовная Академия, Собрание Фундаментальное). Оп. 1. № 303 (Греч. 186). Л. 97–134.

[13] РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 319 (Ин. 3144). С. 1–79 (по второй нагинации; рукопись имеет две различные нагинации): «Tractatus in Libros Aristotelis Stagiritae de Mundo et Celo, ac de Generatione et Corruptione, una cum dubiis, et Quaestionibus hac tempestate in scholis agitari solitis cum 3ci indice; quorum primus quaestiones omnes Primi Tractatus amplectitur; Secundus, 2i; 3us, 3ii. Eodem ordine quo agitantur» («Трактат о книгах Аристотеля Стагирита о Мире и Небесах, а равно о неясных предметах и о вопросах, кои ныне обыкновенно дискутируются в школах, а равно три индекса; из оных [индексов] первый включает вопросы Первого Трактата; Второй – Второго; и Третий – Третьего. В порядке, в коем они [т.е. вопросы – *И.Х.*] излагаются»).

[14] Собственно говоря, латинский трактат имеет дату «MDCLXIII, XXV Septembris more vet [ero]» («1663, 25 сентября, по старому стилю»): РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 319 (Ин. 3144). С. 78. Согласно неопубликованной описи, греческий трактат датируется 1690 годом: РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 303 (Греч. 186). Л. 1: «1690 a di 8. Giugno». См. также: Фонкич Б.Л. Новые материалы для биографии Лихудов // Памятники культуры. Новые открытия. 1987. С. 61–70, особ. с. 68. (Греческое издание: Φονκίτς Β.Λ., «Νέα στοιχεία για τη ζωή και το έργο των αδελφών Λειχούδη», в: Πρακτικά του Ε'Διεθνούς Πανιονίου Συνεδρίου (Αργοστόλι-Ληξούρι, 17–21 Μαΐου 1986) Praktika tou E'Diethnous Panoniou Synedriou (Argostoli-Lexouri, 17–21 Maiou 1986), 3 тт., под ред. Γεώργιος Ν. Μοσχόπουλος (Αργοστόλι: Εταιρεία Κεφαλληνιακών Ιστορικών Ερευνών 1989),

никия Лихуда[15]. Хотя есть вероятность, что Лихуды имели доступ к другим материалам на данную тему, все же «Περὶ Οὐρανοῦ» и «In Libros» – единственные работы по космологии, найденные среди рукописей, которые имелись у братьев в России; вследствие этого можно предположить, что именно из них Лихуды почерпнули все свои сведения о космологии, которые применяли в преподавании.

Прежде чем перейти к обсуждению этих работ, следует сказать пару слов об их авторстве. Изучение содержания данных рукописных сборников обнаруживает следующее. Помимо «Περὶ Οὐρανοῦ», рукопись РГБ. Ф. 173 (Московская Духовная Академия, Собрание Фундаментальное), Оп. 1., № 303 (Греч. 186)) также содержит: 1) комментарий к «О возникновении и уничтожении» Аристотеля, сочиненный Герасимом Влахом, бывшим учителем обоих братьев в Падуе[16]; 2) отрывок из элементарного учебника астрономии (одного из сочинений Алессандро Пикколомини, скорее всего «De la sfera del mondo» (1540))[17] со сведениями о величине звезд и расстоянии до них; 3) небольшую заметку о степенях родства, при которых дозволены браки между родственниками. Палеограф Б. Л. Фонкич, как в неопубликованной описи, так и в своих статьях, ссылается на этот сборник как на «комментарии Герасима Влаха к трудам Аристотеля»[18]. Однако, он прав в этом смысле лишь относительно первого комментария к «О возникновении и уничтожении». «Περὶ Οὐρανοῦ» – безусловно, сочинение не Г. Влаха, а Николая Курсуласа (? – 1652), выпускника коллегии Св. Афанасия (Греческой коллегии) в Риме[19].

1, 227–39, особ. 237). Датировка обеих рукописей позволяет сделать вывод, что греческий трактат был скопирован во время пребывания Иоанникия (1688–1691) в Венеции (Фонкич особо подчеркивает, что трактат написан в Венеции) в качестве посла Василия Васильевича Голицына, в то время как латинский трактат восходит к периоду учебы Иоанникия в Венеции в 1660-х гг.

[15] См.: Фонкич. Новые материалы... С. 68; и неизданную «Опись 1»: РГБ. Ф. 173.

[16] О Влахе см.: Βασίλης Ν. Τατάκης, Γεράσιμος Βλάχος ο Κρης (1605/7–1685). Φιλόσοφος, Θεολόγος, φιλόλογος (Βενετία, 1973).

[17] Об Алессандро Пикколомини см.: Charles H. Lohr, Latin Aristotle Commentaries II: Renaissance Authors (Florence: L. S. Olschki, 1988), 329–30; тж. Lattis, Between Copernicus and Galileo, 34–36.

[18] См. выше, примечание 15. Строго говоря, Фонкич упоминает и наличие других текстов, как трактата о небесах, так и заметок о размерах звезд и степенях родства, не препятствующих браку, но не занимается как таковым вопросом об авторстве «Περὶ Οὐρανοῦ».

[19] Получив степень «доктора философии и теологии» в коллегии Св. Афанасия в Риме, Курсулас, по-видимому, начал изучать в Падуе право, но не завершил свои занятия, вернувшись на родной остров Закинф в группе Ионических островов и став иеромонахом. В 1637 г. он упоминается как преподаватель латыни (precettore latino) на Керкире (Корфу), а позже на Закинфе. После неудачных попыток войти в круг церковной иерархии в качестве епископа, он удалился на Афон, где и пребывал

Трактат Курсуласа остался неопубликованным, но упоминается по меньшей мере в тринадцати других рукописях, получивших распространение по всему греческому востоку в XVII–XVIII вв[20].

Латинский рукописный сборник (РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 319 (Ин. 3144)), помимо трактата о небесах, содержит: 1) диспут о бессмертии души, 2) трактат о стихиях, 3) комментарий к «О возникновении и уничтожении» Аристотеля. Иными словами, он представляет собой весьма типичное ренессансное и постренессансное собрание комментариев к некоторым основным работам Аристотеля. Является ли автором трактата о небесах сам Иоанникий — вопрос до сих пор открытый. Весьма вероятно, что Иоанникий Лихуд просто переписал содержание некого собрания (или нескольких собраний) комментариев к Аристотелю во время своего обучения в Венеции. Проведенное мной сравнение этого трактата с заглавиями, вступительными фразами и заключениями, которые приводит Чарльз Лор, не выявили точного соответствия с какими-либо из перечисленных Лором трактатов[21]. С другой стороны, содержащийся в этом рукописном сборнике трактат о душе представляет собой диспут о бессмертии души, опирающийся на труды Фортуния Лицета и Антония Роккуса[22]. Кроме того, Иоанн Коттуниус, в «коллегии» которого, похоже, учились оба Лихуда во время пребывания в Падуе, был профессором

до своей смерти в 1632 г. Хотя его биография в общих чертах известна, практически ничего не написано о его философских работах, и это несмотря на то, что судя по числу рукописей в различных хранилищах на греческом Востоке, его комментарий к аристотелевскому «О Небе» получил широчайшее распространение (особенно на Ионических островах и в Эпире). О Курсуласе см.: Gerhard Podskalsky, Griechische Theologie in der Zeit der Türkenherrschaft (1453–1821). Die Orthodoxie im Spannungsfeld der nachreformatorischen Konfessionen der Westens (Munich: C. H. Beck, 1988), 242–44 (Подскальски вкратце обсуждает и теологию Курсуласа); Θανάσης Παπαδόπουλος, Η Νεοελληνική φιλοσοφία από τον 16ο έως τον 18ο αιώνα (Αθήνα: I. Ζαχαρόπουλος, 1988), 163–73; Ζαχαρίας Τσιρπανλής, Το Ελληνικό Κολλέγιο της Ρώμης και οι μαθητές του, 1576–1700: συμβολή στη μελέτη της μορφωτικής πολιτικής του Βατικανού (Θεσσαλονίκη: Πατριαρχικόν Ίδρυμα Πατερικών Μελετών, 1980), 444–45, где имеются также ссылки на более раннюю библиографию. О вопросах, связанных с рукописной традицией сочинений Курсуласа и Влаха, см.: Λίνος Γ. Μπενάκης, «Η χειρόγραφη παράδοση των σχολίων στο «Περί ψυχής» του Αριστοτέλη των Νικολάου Κοῦρσουλα και Γερασίμου Βλάχου.» Δελτίον της Ιονίου Ακαδημίας 2 (1986), 141–67.

[20] См.: Γιάννης Καράς, Οι επιστήμες στην Τουρκοκρατία: Χειρόγραφα και έντυπα, 3 тт. (Αθήνα: Βιβλιοπωλείον της Εστίας, 1992–94), т. 2, 211–15. Самый ранний известный Карасу экземпляр датируется 1639 годом. Карас не знает о копии, снятой с трактата Курсуласа Иоанникием. Кроме того, Курсулас написал комментарии к аристотелевой физике и к его «О возникновении и уничтожении»: там же, 207–20.

[21] Lohr, Latin Aristotle Commentaries, vol. 2: Renaissance Authors; idem, Latin Aristotle Commentaries, т. 3: Index Initiorum – Index Finium (Florence: L. S. Olschki, 1995).

[22] Об Антонии Роккусе (Рокус, Рокко, ум. 1653) см.: Lohr, Latin Aristotle Commentaries: II. Renaissance Authors, 388–89; о Фортунии Лицете см.: там же., 222–23.

философии в Падуанском университете и автором нескольких комментариев к трудам Аристотеля. К сожалению, не существует никаких исследований о сочинениях Коттуниуса, кроме простого перечисления их названий, и поэтому невозможно оценить, в какой степени Иоанникий (или кто-либо другой) скопировал труд Коттуниуса, или же находился под его влиянием[23]. Подведем итог: в данный момент я более склонен полагать, что Иоанникий, скорее всего, не был автором трактата «In Libros», скопировав его из одного из бесчисленных иезуитских учебников (вероятно, входившего в состав некого cursus philosophicus), распространенных в то время. В пользу такого

---

[23] О Коттуниусе, который сам был выпускником римской коллегии Св. Афанасия, см.: Lohr, Latin Aristotle Commentaries: II. Renaissance Authors, 105; Ζαχαρίας Τσιρπανλής, Οι Μακεδόνες σπουδαστές του Ελληνικού Κολλεγίου της Ρώμης και η δράση τους στην Ελλάδα και στην Ιταλία (16ος αι.–1630) (Θεσσαλονίκη: Εταιρεία Μακεδονικών Σπουδών, 1971), 126–59; также он же, Το Ελληνικό Κολλέγιο της Ρώμης, 397–99. Цирпанлис проделал впечатляющую работу, проследив научную карьеру Коттуниуса и его исследования (вплоть до момента, когда он стал профессором философии в Падуанском университете), но в его задачу не входил анализ трудов Коттуниуса. Хотя Коттуниус был учеником знаменитого неоаристотелианца Чезаре Кремонини (1550-1631), он явно порвал с натуралистической интерпретацией учения Аристотеля, которую развил его учитель, и в своем подходе к трудам великого философа придерживался более традиционного, схоластического пути: см. Heinrich C. Kuhn, Venetischer Aristotelismus im Ende der aristotelischen Welt: Aspekte der Welt und des Denkens des Chesare Cremonini (1550-1631) (Berlin–New York: P. Lang, 1996), 142–44 и особ. 143, прим. 7. Эдвард Грант (Edward Grant, «In Defence of the Earth's Centrality,» 17, прим. 53) помещает Коттуниуса среди схоластических предшественников тех авторов, труды которых широко освещает в своей работе (последний из них – Мельхиор Корней, чей «Curriculum philosophiae peripateticae... " был издан в 1657 г.). «Commentarii in IV Libros De Caelo una cum quaestionibus» Коттуниуса в 1653 году уже были изданы. Между тем в «In Libros» содержатся ссылки на сочинение Риччиоли «Almagestum Novum» (1651) (но не на Корнея), а как уже отмечалось, Иоанникий «написал» свой текст в 1663 г: следовательно, период, к которому относится сочинение «In Libros», можно сузить между 1651–1663 гг. Не исключена возможность, что «In Libros» может действительно оказаться либо точной копией, либо пересказом труда Коттуниуса. В поддержку этого аргумента говорит тот факт, что автор «In Libros» всячески старается подчеркнуть те моменты, в которых православная и римско-католическая церковь стояли на одних позициях, всякий раз, как их находит (см. ниже). Коттуний, согласно Цирпанлису (Οι Μακεδόνες σπουδαστές, 146–47 и 154-55), находился в хороших отношениях и с римско-католической церковью, и с православными кругами Венеции и Падуи, и явно не считал две эти церкви непримиримыми, хотя из описания Цирпанлиса невозможно составить точного представления о его позиции. Здесь следует призвать к осторожности: любое заявление о возможной связи «In Libros» с произведением Коттуниуса остается лишь гипотезой, поскольку труды Коттуниуса никем не исследовались (даже теми итальянскими учеными, которые писали об аристотелианизме в Падуе: см., например, Antonio Poppi, Introduzione all'aristotelismo padovano, 2nd. ed. (Padova: Antenore, 1991).

предположения говорят нередкие восхваления авторитета Фомы Аквинского, а также ссылки почти исключительно на работы иезуитских натурфилософов и астрономов[24].

И «Περὶ Οὐρανοῦ», и «In Libros» — типичные, схоластические[25] комментарии к «О Небе» Аристотеля. Они соответствуют известному образцу ренессансных и постренессансных комментариев к философии Аристотеля. Сперва перечисляются аристотелевские тезисы (обычно разделяемые автором) по каждому из затрагиваемых вопросов. Затем эти мнения сопоставляются с суждениями аристотелевских комментаторов и (при необходимости) с текстами Писания. Каждая отдельная дискуссия обычно заканчивается одобрением аристотелевского тезиса, либо в его оригинальном виде, либо с поправками, вызванными недавними достижениями в астрономии и космологии, либо с оговорками, обусловленными Писанием и церковной догмой. Соответственно оба трактата прибегают к аргументам трех видов: физическим, метафизическим и ссылкам на Писание, в зависимости от поднятого вопроса.

В то же время между трудом Курсуласа и «In Libros» существует одно существенное различие. Курсулас почти исключительно следует за греческими комментаторами Аристотеля, особое предпочтение отдавая мнению неоплатоника Симпликия (хотя упоминаются также Александр Афродизийский и Иоанн Филопон)[26]. «In Libros» же, с другой стороны, полон ссылок на Христофора Клавия, Рафаэля Аверсу, Христофора Шейнера и Джованни Баптисту Риччиоли: почти все они были иезуитами (за исключением Аверсы — священника-кармелита) и натурфилософами (хотя Риччиоли скорее можно назвать «астрономом-практиком и ученым»)[27]. Однако, из этого не следует,

---

[21] В этом отношении интересно отметить, что название «In Libros» больше всего напоминает названия аналогичных комментариев, составленных иезуитами в Испании (и испаноязычном мире) и в Португалии (разумеется, сами эти комментарии в основном написаны на латыни); см. Lohr, Latin Aristotle Commentaries II: Renaissance Authors, passim.

[25] Типичные в смысле присущего им аристотелизма и схоластические в смысле своей методологии (например, «систематический и последовательный комментарий или... систематическое формулирование вопросов, основанных на конкретном тексте...» (Grant, «In Defense of the Earth's Centrality», 3–4). Не следует понимать слова о «типичности и схоластичности» в смысле полного единообразия либо конкретных поставленных вопросов, либо дающихся на них ответов. См. также: Charles B. Schmitt, Aristotle and the Renaissance (Cambridge — London: Harvard University Press, 1983), особ. гл. 1, где автор говорит о «ренессансных аристотелианизмах»; Reif, «The Textbook Tradition in Natural Philosophy,» 17–32 и особ. 19–20.

[26] Курсулас последовательно демонстрирует то же предпочтение Симпликию и в других своих работах: см. Μπενάκης, «Η χειρόγραφη παράδοση», 153–54.

[27] О Клавиусе см.: Lattis, Between Copernicus and Galileo; об Аверсе, Шейнере и Риччиоли в первую очередь см.: Grant, «In Defense of the Earth's Centrality», (и с. 12, цитата о Риччиоли); также: он же, Planets, Stars, and Orbs.

что в каком-либо из обоих трактатов игнорируются прочие средневековые, латинские и арабские комментаторы, поскольку в ходе рассуждений частенько всплывают имена Фомы Аквинского и Дунса Скота, а также арабских философов[28]. Помимо акцента на греческих комментаторах, сочинение Курсуласа в существенных отношениях почти ничем не отличается от «In Libros» (различия в основном сводятся к числу рассматриваемых вопросов и к объему уделенного им места: так, кометы вообще почти не упоминаются, и напротив, много внимания удаляется вопросу, является ли небо простым и однородным телом). В целом, «Περὶ Οὐρανοῦ» оставляет впечатление типичного западного комментария к аристотелевскому «О Небе» (что неудивительно, поскольку Курсулас учился в римской коллегии Св. Афанасия, почти наверняка по иезуитскому учебному плану). В то же время труд Курсуласа свободен от чрезмерных ссылок на латинских средневековых и патристических комментаторов, скорее всего из-за того, что автор стремился избежать возможных обвинений в симпатиях к католической церкви.

Как в «Περὶ Οὐρανοῦ», так и в «In Libros», когда обсуждаемая тема затрагивает религиозные проблемы и непосредственно связана с церковной догмой, то в соображение принимаются вера и даже прямые ссылки на отцов церкви и Библию. Вообще же оба трактата стремятся поддержать и веру, и разум, подгоняя философские исследования под аксиоматические требования христианской догмой. Однако, порой этот подход применяется и в противоположном направлении: в обоих сочинениях ссылки на Писание неоднократно и осознанно интерпретируются в символической или мета-

[28] Это в основном относится к латинскому трактату: неудивительно, что Фома Аквинский оказался наиболее часто упоминаемым из средневековых комментаторов, поскольку иезуиты, вообще говоря, ревнительно отстаивали его теологические и философские взгляды. В «Περὶ Οὐρανοῦ» при упоминании латинских и арабских авторов на них — и в случаях одобрения, и в случаях неодобрения — обычно (но не всегда) ссылаются как на группу — например, «οἱ Λατῖνοι» (латиняне), «οἱ περὶ Θωμᾶν» (те, кто вокруг Фомы [Аквинского]). Вообще же для греческого трактата заметно явное предпочтение греческих комментаторов, а на Аристотеля автор ссылается как на «нашего Аристотеля»: строго говоря, это характерно для натурфилософов как с латинского Запада, так и с греческого Востока (обычно натурфилософы таким образом отделяли себя от представителей прикладных наук — например, астрономов и математиков); однако, в языке Курсуласа можно заметить известную авторскую гордость за достижения другого грека, т. е. Аристотеля. Подобная черта, кажется, была свойственна греческой мысли XVII века, свидетельствуя об усиленной тяге к извлечению из забвения (уже начавшемуся в греческом мире XVI в.) древнегреческой философии как составной части исторического прошлого самих греков: см., например Γιάννης Καράς, Οι θετικές επιστήμες στον ελληνικό χώρο (τέλος 19ου αι.) (Αθήνα: Ι. Ζαχαρόπουλος, 1991), 40–41. Об аристотелевских комментаторах в целом см.: The Cambridge Dictionary of Philosophy, ed. Robert Audi (Cambridge and New York: Cambridge UP, 1995), s. v. «Commentaries on Aristotle».

форической манере, чтобы не подвергать сомнениям выводы, полученные методами квалитативной физики[29].

С особенной очевидностью это предстает в дискуссии о сотворении небес и об их природе. Отмечая несовместимость между аристотелевским представлением о небе как о никем не созданном, вечном и неподверженном порче, и христианской верой в сотворение Богом неба и его конечности, оба трактата стремятся объяснить это противоречие, ссылаясь на аристотелевскую дихотомию между субстанцией и акциденциями. Сначала речь заходит о природе неба: оно состоит из материи и формы, причем небесная материя и форма отличаются от материи и формы подлунных тел[30]. Углубляясь в проблему неподверженности порче, Курсулас в «Περὶ Οὐρανοῦ» заявляет, что и Аристотель, и Псевдо-Дионисий считали небо неподверженным порче: поскольку Бог обитает именно на небе, то последнему следует быть вечным и несотворенным; поскольку небо круглое, не может существовать иного движения, которое могло бы противодействовать его вращению; более того, до сего времени никто не замечал на небе никаких изменений; наконец, небо не подвержено движениям подлунных тел[31]. Откликаясь на эти аргументы, автор «In Libros» цитирует и Аристотеля, и Фому Аквинского (вместо Псевдо-Дионисия), добавляя еще один аргумент, почерпнутый «из повседневного опыта» (ex diuturna experientia): никто еще не замечал изменений лунной сферы вследствие ее близости к небесной огненной сфере (этот последний аргумент приводится как самое весомое опровержение сообщений астрономов о появлении и исчезновении новых звезд)[32].

Но как примирить эти утверждения с авторитетом Писания? Курсулас отвечает, что небо подвержено порче не естественным, а сверхъестественным образом, т. е. по воле Бога. Более того, когда в Писании говорится об уничтожении неба, речь идет о порче присущей лишь акциденциям: например, когда Давид (Пс. 101, 26-27) говорит, что «небеса – дело Твоих рук; они

---

[29] Тем самым оба автора избегали ловушки «двойной истины», когда одна истина порождена разумом, а другая – верой. Курсулас особенно отчетливо предстает непримиримым врагом теории двойной истины: см. Μπενάκης, «Η χειρόγραφη παράδοση», 151–55, со ссылками на инвективы Курсуласа в адрес Теофила Коридаллевса, основного защитника принципа двойной истины на греческом Востоке.

[30] РГБ. Ф. 173. № 303 (Греч. 186). Л. 99–103; РГБ. Ф. 173. № 319 (Ин. 3144). С. 33–35. В обоих трактатах утверждается, что небо является пятым элементом (квинтэссенцией) (Л. 98 и С. 39–40 соответственно); в «In Libros» добавляется, что небо обладает некоторыми качествами и особенностями, общими с тремя другими элементами (жар [земли], прозрачность [воды], свет и тепло [огня]), но утверждается, что эти качества и акциденции проявляются по-разному: Л. 40.

[31] РГБ. Ф. 173. № 303 (Греч. 186). Л. 104–104об.

[32] РГБ. Ф. 173. № 319 (Ин. 3144). С. 43–45. Почти все эти аргументы восходят к оригинальной аргументации Аристотеля.

погибнут, а Ты пребудешь», он имеет в виду не деградацию самой сущности неба а лишь его акциденций (аналогично тому, как исчезнет свет во время второго пришествия Христа). Таким образом,– продолжает Курсулас,– этот и прочие отрывки из Писания следует понимать как ссылку на последующее превращение неба в нечто «лучшее и более совершенное»[33]. В «In Libros» эти рассуждения повторяются почти дословно. Из такого «разъяснения» Писания в основном и состояла аргументация натурфилософов[34].

Установив что порча небес имеет отношение лишь к акциденциям, «In Libros» переходит к рассмотрению новых звезд и комет, а также числа небесных сфер и вопроса о том, твердые ли они или текучие. Подчеркивается разнообразие мнений по проблеме новых звезд (novae) и комет[35]. Ссылаясь на мнение «многих опытных астрономов», автор отрицает возможность того, что новые звезды в реальности являются кометами. В противном случае как же объяснить их возникновение? Одни говорят, что это звезды, которые приближаются к восьмой небесной сфере, а затем удаляются от нее. Но из этого следует, что небесная твердь текучая, а это неверно, как автор докажет чуть ниже. Наилучшее объяснение выдвинули коимбрисенцы (т. е. иезуиты из Коимбры[36]), считающие новые звезды чудесами. Бог в своем всемогуществе может сотворить все, что пожелает. Все же нашему автору такой вывод явно кажется неубедительным: православным верующим,– утверждает он,– нелегко отвергнуть такое объяснение; в конце концов, в Писании нередко упоминаются новые звезды (такие, как Рождественская звезда) и затмения[37].

---

[33] РГБ. Ф. 173. № 303 (Греч. 186). Л. 105–105об.

[34] О неподверженности небес порче см.: Edward Grant, «Were There Significant Differences between Medieval and Early Modern Scholastic Natural Philosophy? The Case for Cosmology,» Nous 18: 1 (1984), 5–14; более подробно: он же, «Celestial Incorruptibility in Medieval Cosmology (1200–1687),» в: Physics, Cosmology and Astronomy, 1300–1700: Tension and Accommodation (Boston Studies in the Philosophy of Science, vol. 126), ed. Sabetai Unguru (Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 1991), 101–27.

[35] Тихо Браге (о котором см. ниже, примечание 71) своими исследованиями Новой Звезды в 1572 г. и кометы в 1577 г. нанес серьезный удар по постулатам схоластической космологии о неподверженности небес порче и о кометах как подлунных феноменах. См.: Grant, «Celestial Incorruptibility,» 108–09.

[36] О иезуитской школе натурфилософии в Коимбре, учебники которой пользовались чрезвычайной популярностью в конце XVI и в течение всего XVII в., см.: Lohr, Latin Aristotle Commentaries: II. Renaissance Authors, 98–99; W. G. L. Randles, «Le ciel chez les jésuites espagnols et portugais (1590–1651),» в: Les jésuites à la Renaissance. Système éducatif et production du savoir, ed. Luce Giard (Paris: Presses universitaires de France, 1995), 129–44.

[37] Это один из немногих случаев, когда «In Libros» ссылается на восточную православную веру. Другой пример можно найти в начале трактата, когда автор рассуждает о числе миров и приходит к выводу, что, согласно учению и православной,

Однако, «если кто-либо не желает принимать это объяснение», он может верить, что новые звезды появляются вследствие «акциденциальных» изменений неба: то есть когда некая область неба теряет прозрачность, отдельные ее части могут сохранять свет и таким образом выглядеть как звезды[38]. Что касается комет, то автор снова подчеркивает многочисленность и разнообразие мнений среди астрономов, и находит выход в объяснении Аристотеля: кометы являются сухими испарениями земли и существуют только в воздушной сфере, следовательно, представляя собой подлунные феномены. Что касается комет как божественных знамений, то автор уклончиво заявляет, что некоторые люди считают их таковыми, и не вдается в эту тему[39].

Переходя к вопросу о текучем или твердом характере неба, «In Libros» ссылается на Тихо Браге[40], считавшего небо текучем, в то же время признавая, что Аристотель придерживался противоположного мнения. В трактате «более удовлетворительным» называется промежуточное решение: тверди и эмпиреям приписывается твердый характер, а сфере планет – текучий. Таким образом, в тех местах, где Писание говорит о твердом небе, речь идет об эмпиреях либо о тверди, а не о нижних (планетных) сферах. Отстаивая такой вывод как «наиболее вероятный»[41], автор ссылается, среди прочих, на суждения Риччиоли и Шейнера. Подобный вывод объясняет также движение Марса, как и появление и исчезновение комет (если, конечно, признавать в кометах

и католической церквей, нельзя отрицать того, что Бог в силах сотворить другие миры, хотя раз Бог один, то и вселенную Он создал лишь одну: РГБ. Ф. 173. № 319 (Ин. 3144). С. 4–7.

38 Там же. С. 46–48. Конкретно в отношении новой 1572 года наш автор пребывает в нерешительности: он ссылается на аргументы других авторов в защиту открытий Тихо Браге, утверждает, что это было чудо, и в конце концов признается, что не может сделать однозначный вывод. О прозрачности и непрозрачности как качествах неба см.: Grant, «Celestial Incorruptibility», 113–14.

39 РГБ. Ф. 173. № 319 (Ин. 3144). С. 49–51. О кометах в московских переводах западных текстов XVII в. см.: Николаев С. И. Кометы в переводной литературе XVII в. // ТОДРЛ. № 50. 1996. С. 684–688. В подавляющем большинстве этих переводов кометам приписывается характер божественных знамений.

40 О Тихо Браге см. ниже, примечание 71.

41 Об использовании выражения «наиболее вероятный» (probabilius) в учебниках по натурфилософии см.: Reif, «The Textbook Tradition», 30. Имея в виду начало XVII века, Латтис указывает, что «такое выражение вероятности характерно для иезуитского философского учения данного периода, противореча аристотелианской абсолютности XVI века»: см. Lattis, Between Copernicus and Galileo, 76, где цитируется William Wallace, «Galileo's Early Arguments for Geocentrism and His Later Rejection of Them,» Novita celesti e crisi del sapere. Atti del Convengo Internazionale di Studi Galileiani, ed. Paolo Galluzzi (Florence: Giunti Barbera, 1984), 31–40. Это выражение часто используют в своей аргументации авторы и «In Libros», и «Περὶ Οὐρανοῦ».

небесные явления)[42]. Интересно, что автор далее утверждает, будто Аристотель ошибался в своих рассуждениях о твердом характере неба. Аристотель считал, что планетные сферы твердые, поскольку их приводят в движение умы (интеллигенции)[43]. Однако наблюдения в телескоп (которого, как подчеркивает автор, у Аристотеля не имелось) доказывают, что планеты вращаются вокруг своей оси. Всё таки, не следует торопиться с осуждением Аристотеля: он ошибался, потому что был лишен соответствующих наблюдательных инструментов[44]. Более вероятно, что небесные сферы приводятся в движение умами, а не присущей им формой. Подобную вероятность поддерживают и Аристотель, и Фома Аквинский, так же как Псевдо-Дионисий и принципы физики[45]. Что касается формы и числа небес, «In Libros» утверждает, что они сферичны и, в соответствии с Писанием, признает существование трех небесных сфер: сферу планет, твердь и эмпирей. Когда Аристотель говорит о восьми небесах, он наделяет собственной сферой каждую из семи планет[46].

В отличие от «In Libros», Курсулас тратит гораздо больше времени на обоснование мнения о том, что небо – простое и однородное тело. Аналогично «In Libros», он указывает, что небо своим веществом и формой отличается от подлунных тел, но добавляет, однако, что в смысле вещества небеса более совершенны, чем человек; в смысле же сущности более совершенен человек, поскольку наделен душой и жизнью[47]. Снова откликаясь на латинский трактат и на учение Аристотеля, Курсулас постулирует существование семи небес (по одному на каждую планету), восьмого – сферы неподвижных звезд (тверди), и девятого – эмпиреев. Впрочем, он отмечает, что некоторые астрономы заявляют о существовании еще одной неподвижной сферы между твердью и эмпиреями. Несмотря на то, что эти астрономы говорят о дополнительной сфере «несколько нелогично» (alogos pos), автор признает ее как сферу Полярной звезды. Для Курсула это философски приемлемая схема, но интересно, что он выдвигает альтернативный вариант для тех, «кто склонен придерживаться недавних теологических умозаключений, сделанных в соответствии со Священным Писанием». Такие читатели имеют право полагать, что существуют три небесные сферы: жидкая планетная, в которой «планеты плавают подобно рыбе в море»; твердь с неподвижными звездами; и наконец, эмпирей, где обитают ангелы и где находится небесный рай, как объявил Павел (2 Кор., 12, 2). Очевидно, что две эти альтернативные схемы не являются взаимно исключающими, и Курсул, в своей готовности

---

[42] РГБ. Ф. 173. № 319 (Ип. 3144). С. 51–53.

[43] В действительности Аристотель не давал определенного ответа на этот вопрос.

[44] РГБ. Ф. 173. № 319 (Ип. 3144). С. 53–54.

[45] Там же. С. 54–58.

[46] Там же. С. 59–60.

[47] РГБ. Ф. 173. № 303 (Греч. 186). Л. 99–102.

поддержать мнение Аристотеля, предлагает читателям выбирать самим[48]. Что касается движения небесных сфер, здесь автор слегка отклоняется от «In Libros» и приписывает это движение отдельной субстанции, но ни в коем случае не присущей им форме[49].

Оба трактата уделяют особое внимание влиянию небес на подлунный мир. Это был очень щекотливый и тонкий вопрос, поскольку он затрагивал проблемы, связанные с человеческой душой и волей, а также прогностическую астрологию и возможность предсказания будущего. И Курсулас, и «In Libros» допускают, что небесные тела влияют на природные явления. Так, нижние звезды (планеты) и Полярная звезда явно влияют на земное вещество: например, от Луны зависят дожди и морские приливы, а Северный полюс притягивает к себе стрелку компаса. Кроме того, как доказывает повседневный опыт, из солнца исходят свет и тепло. Однако, в соответствии с физическими аргументами и с христианской верой, авторы решительно отрицают какое-либо непосредственное влияние звезд на душу, волю и интеллект человека. Все же, ссылаясь на Галена и докторов медицины, они признают наличие косвенного влияния звёзд на соки человеческого тела. Конкретнее, по словам Курсуласа, «следует сказать, что и небеса, и звезды акцидентально воздействуют (κατὰ συμβεβηκὸς) и на разум, и на волю человека», поскольку последние зависят друг от друга в своей деятельности (ἐνέργεια). «А небеса и звезды сами по себе (καθ' αὑτὰ) действуют на человеческое тело и его соки, на телесные качества и на органы чувств», а следовательно, и на сами чувства, от которых зависят интеллект и воля в своих действиях. Однако, поскольку душа, интеллект и воля нематериальны, материальные звезды и небеса на них не влияют. Все же звезды и небеса могут влиять акцидентально на самоконтроль человека (αὐτεξούσιον) в том смысле, что они возбуждают гнев, тревожат воображение, и таким образом вынуждают людей к поспешным и опрометчивым поступкам. Что касается нематериальных демонов и ангелов, они не подвержены влиянию звёзд ни по сути, ни в акцидентциях,, вследствие своей нематериальности и бестелесности. Курсулас призывает не обращать внимание на случаи, когда демоны по видимости опасаются некоторых трав и реагируют на появление некоторых звезд: «Так они поступают нарочно и сознательно... дабы обмануть простых и необразованных людей (anthroparion)». Наконец, звезды и небеса можно изучать как признаки грядущих природных явлений, таких, как дождь, засуха и ветер. Однако, «они не являются ни знаками (semeia), ни причинами (aitia) для наших собственных поступков и тех вещей, которые управляются нашей собственной волей»[50]. «In Libros»

---

[48] Там же. Л. 109об.-110.

[49] Там же. Л. 107–108. Ранее в обоих трактатах небеса уже были объявлены неодушевленными.

[50] Там же. С. 123–127.

следует духу (но не всегда букве) аргументации Курсуласа, недвусмысленно опровергая прогностическую астрологию: тщетны попытки предсказать будущее. В самом деле, утверждает автор, если такие предсказания когда-либо оправдывались, то лишь по счастливой случайности, а не вследствие способностей, присущих прогностическим астрологам[51].

Очевидно, что, преподавая космологию, Лихуды вышли за границы углубленного понимания природы и устройства небес и звезд, обратившись непосредственно к одной из главных проблем, которую изучение звезд ставило в Московии (и, разумеется, не только там): о потенциальном влиянии звезд на людские поступки и об их использовании для предсказания будущего. Астрологические прорицания очень широко практиковались в Московском государстве, что очевидно из многочисленных осуждений этого обычая, встречающихся в актах церковных соборов (таких, как «Стоглав»), и в трактатах, проповедях и письмах ряда церковных деятелей, самым известным из которых был Максим Грек, вплоть до сочинений патриарха Иоакима (либо приписываемых ему)[52]. Лихуды отрицают какую-либо возможность использовать звезды в целях предсказания, но делают это почти исключительно на «научных», а не религиозных основаниях. Так, астрологические предсказания ничего не стоят не из-за их языческого характера, противоречащего православному учению; они безосновательны в смысле натурфилософии. Стоит подчеркнуть этот момент, поскольку он ясно демонстрирует, в какой степени учение Лихудов представляло собой для московской аудитории альтернативный способ понимания природного мира. Это понимание не было направлено на подрыв веры. Вместо этого оно стремилось покончить с распространенными примитивными представлениями о вселенной и ее влиянии на человеческую жизнь, и при этом неизбежно вторгалось в сферу религии; вовсе не стремясь встать на ее место, новое «научное» объяснение однозначно порывало с абсолютной и авторитетной монополией религии на представления москвитян о природе.

Разумеется, учение Лихудов оставалось абсолютно схоластическим. Как уже отмечалось, имевшиеся в их распоряжении трактаты были трактатами по натурфилософии, а не по прикладной или экспериментальной науке. Цель Лихудов – проинтерпретировать все вопросы с физической точки зрения. Однако, Лихуды предлагают не одни только философские решения. Теология и вера по-прежнему играют важную роль в уточнении ответов или опровержении философских размышлений, когда ход рассуждений затра-

---

[51] РГБ. Ф. 173. № 319 (Ин. 3144). С. 63–64.

[52] См.: William F. Ryan, «Magic and Divination. Old Russian Sources,» в The Occult in Russian and Soviet Culture, ed. Bernice Glatzer Rosenthal (Ithaca and London: Cornell University Press, 1997), 35–58, с полезным резюме и ссылками на источники; из более недавних работ см.: Ryan, The Bathhouse at Midnight.

гиваст вопросы, непосредственно связанные с церковой догмой. Однако, взаимосвязь между физической и религиозной аргументацией перестает быть односторонней – то есть, Писание не всегда задаст рамки физической аргументации. Напротив, как мы видели, отдельные места из Писания то и дело объясняются ссылками на физические принципы. В первую очередь это касается проблемы неподверженности небес порче. Лихуды сперва приводят весь спектр воззрений древних философов на этот вопрос, а затем дают ответ с позиций веры: Бог создал вселенную в определенный момент времени и может разрушить мир. Однако, небо при этом погибнет лишь акциденциально, а не в своей сущности. Аналогичным образом Лихуды предоставляют своим ученикам два варианта ответа на вопрос о числе небесных сфер, содержащих небесные тела: либо мультисферическую вселенную Аристотеля, либо три сферы Писания. Кроме того, как мы вскоре обсудим более подробно, «подчиненные науки» также играли важную роль при формулировании физических принципов и подкреплении их доказательствами. Так, автор «In Libros» без стеснения заявляет, что Аристотель ошибался по вопросу движения планет, поскольку телескоп помог открыть, что они вращаются вокруг своей оси.

Планетные системы в учебном плане Академии

Та космология, которую преподавали Лихуды в Московской Академии, была аристотелевской[53]. Что более важно, она представляла собой аристотелевскую космологию иезуитской натурфилософии. Так, Земля находится в центре вселенной, а Луна, Солнце, планеты и звезды либо неподвижно закреплены, либо движутся по прозрачным концентрическим небесным сферам, вращающимся вокруг Земли. Разумеется, как учит вера, Бог создал небо и землю в определенный момент времени. Соответственно, в согласии с вышеупомянутым разграничением между субстанцией и акциденциями, вселенная является конечной в смысле своих размеров и времени существования.

Даже такое объяснение природы, формы и устройства вселенной представляется по московским стандартам серьезным новшеством. Во-первых, студентам подробно разъяснялась аристотелевская концепция вселенной. И разумеется, что это был не тот Аристотель, который был им известен по литературе Киевской Руси и Московии, а именно язычник, коновал, прорицатель и даже языческий пророк пришествия Христа[54]. Новый же Аристо-

---

[53] О натурфилософии Аристотеля см.: Sir David Ross, Aristotle, 6th ed. (London – New York: Routledge, 1995), гл. 3; Jonathan Barnes, ed., The Cambridge Companion to Aristotle (Cambridge, Eng.: Cambridge University Press, 1995), особ. гл. 4–5, со ссылками на избранную библиографию.

[54] Об Аристотеле в России см. в первую очередь: Зубов В. П. Аристотель. М.:

тель естественным образом приходил вслед за лихудовским учением о логике, также почти полностью основывавшемся на трудах великого философа[55]. Что еще более важно, Лихуды преподавали натурфилософию Аристотеля в одном из ее иезуитских вариантов, подробно, с авторитетной позиции, в институциональных рамках школы, как составную часть формального учебного плана, санкционированного и церковью, и государством[56]. Таким образом, курс Лихудов расширял границы знаний, положенных придворной и церковной элите, которая, возможно, впервые услышала одобрительные отзывы об учении Аристотеля в проповедях и поэмах Симеона Полоцкого[57].

Изд-во Академии Наук СССР, 1963; [См. также: он же, «Физика» Аристотеля в древне-русской книжности, Известия академии наук СССР, отделение обществ. наук, 1934№ 635–652, особ. 642–647, где Зубов правильно подчеркивает томизм комментариев к физике Аристотля, которые были приведены Иоанникием из Венеции. Добавлено автором к русскому переводу]; William F. Ryan, «Aristotle and Pseudo-Aristotle in Kievan and Muscovite Russia,» в: Pseudo-Aristotle in the Middle Ages. The Theology and Other Texts (Warburg Institute Surveys and Texts, vol. 11), ed. Jill Kraye, William F. Ryan, and Charles B. Schmitt (London: Warburg Institute, University of London, 1986), 97–109, где утверждается, что «по большей части... Аристотель известен в Московской Руси не своей философией или наукой, каким он известен нам по своим подлинным текстам или комментариям к ним, а по биографической информации из такой литературы, как цикл романов об Александре Великом... и по нескольким работам Псевдо-Аристотеля» (103); Ihor Ševčenko, «Remarks on the Diffusion». О древних мудрецах как «провозвестниках воплощения Христа» в рамках иконографической темы древа Ессеева см.: Oxford Dictionary of Byzantium, ed. Alexander P. Kazhdan, 3 тт. (New York: Oxford University Press, 1991), vol. 3, s. v. «Philosopher»; Κ. Σπετσιέρης, «Εικόνες Ελλήνων φιλοσόφων εις εκκλησίας», Επιστημονική Επετηρίς της Φιλοσοφικής Σχολής του Πανεπιστημίου Αθηνών 14 (1963–64), 386–458; Οδυσσεύς Λαμψίδης, «Μικρά συμβολή εις τας παρασιάσεις αρχαίων φιλοσόφων εις εκκλησίας», Θεολογία 44 (1973), 351–54. Русские примеры см.: Дмитриев И. Д. Московский первоклассный Новоспасский Ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем. Историко-археологический очерк. М., «Русская Печатня», 1909. С. 43. (Преображенский собор Новоспасского монастыря служил местом погребения Романовых); также: Казакова Н. А. «Пророчества эллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI–XVII вв. // ТОДРЛ. №17. 1961. С. 358–368, где проводится связь между иконографической темой и текстом «Пророчеств эллинских мудрецов», встречающимся в «Хронографах» и рукописных сборниках XVI–XVII вв.

[55] О преподавании логики см.: Chrissidis, «Creating the New Educated Elite,» гл. 4, 228–32.

[56] Академия была основана совместными усилиями церкви и государства. См.: Chrissidis, «Creating the New Educated Elite», гл. 2. Ср.: Potter, «The Russian Church», где автор утверждает, что основание Академии по сути было делом рук церкви, конкретно патриархата.

[57] Bushkovitch, Religion and Society, 163–75; Звонарева Л. В. Натурфилософские представления Симеона Полоцкого // Естественнонаучные представления Древней Руси. С. 228–246; Былинин Б. К. Poesia docta Симеона Полоцкого // Там же. С. 246–260. Можно задуматься о том, сколько представителей русской придворной

Лихудовский курс натурфилософии шел еще дальше, затрагивая и дискуссию о планетной системе. После продолжительных рассуждений о природе и форме небес, и «In Libros», и «Περὶ Οὐρανοῦ» поднимают вопрос о звездах и планетах, а переходят к рассмотрению формы, движения и числа звезд, а также их классификации по знакам зодиака[58]. Трактаты заканчиваются подробным описанием шести планетных систем, созданных начиная с древности и до середины XVII века. Именно в этой части изложения Курсуласа и «In Libros» существенно отходят от чисто теоретической натурфилософии и в исследовании небесных тел и их движений больше опираются на астрономию (с математикой) и на астрологию, т. е. на практические науки.

В вопросе о форме звезд и планет Курсулас ссылается на мнение Аристотеля об их сферичности, однако, добавляя, что этот факт можно подтвердить и «посредством астрологических наблюдений»[59]. Более того, цель астрологии – классификация звезд и планет согласно их размерам[60]. Расстояние между планетами определяет математика[61]. Астрономия изучает более близкие к Земле небесные тела и объясняет, каким образом происходят затмения Солнца и Луны[62]. Таким образом, Курсулас проводит четкое различие между натурфилософией и тремя областями «научных» исследований, связанными с природой и устройством небесных тел. Не менее важно и то, что он четко отделяет друг от друга астрономию, астрологию и математику, признавая за каждой из них конкретную интерпретаторскую роль[63]. Как мы уже видели, в «In Libros» астрономические и математические доказательства используются в ходе дискуссии для подкрепления физических аргументов. В том же ключе, постулировав сферичность планет и звезд, автор отсылает читателей за дальнейшей информацией к трудам Христофора Клавиуса (то есть к комментарию этого иезуитского математика по поводу сферы Сакробоско)[64].

элиты имели возможность взглянуть на потолок в Коломенском дворце, построенном царем Алексеем Михайловичем – по некоторым сведениям, роспись на этом потолке изображала небесные сферы, планеты и звезды: см. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения. С. 77–78.

58 РГБ. Ф. 173. № 319 (Ин. 3144). С. 65–70; РГБ. Ф. 173. № 303 (Греч. 186). Л. 110об.–114об.

59 РГБ. Ф. 173. № 303 (Греч. 186). Л. 114–114об.

60 Там же. Л. 120об.–121.

61 Там же. Л. 114об.

62 Там же. Л. 114об.–116.

63 Как уже отмечалось, это различие восходит к аристотелевскому разделению наук.

64 РГБ. Ф. 173. № 319 (Ин. 3144). С. 65–70. В этом отношении интересно заметить, что в начале дискуссии автор «In Libros» уже заявил, что земля в физическом (но не в математическом) смысле в реальности представляет собой шар, состоящий из суши и воды: С. 30–31. Вообще же для «In Libros» характерно особенное уваже-

Заключительные разделы обоих трактатов посвящены шести планетным системам, известным в Западной Европе к середине XVII века. Во-первых, оба трактата подчеркивают разнообразие планетных систем, разработанных философами и астрономами. Затем приводится краткое описание птолемеевской, платоновской, египетской, коперниковской систем, а также системы Тихо Браге и так называемой полу-системы Тихо Браге. В каждом случае выявляются предшественники и первые проповедники каждой из теорий и приводится описание положения планет. Это изложение сопровождается схематическим изображением каждой системы[65].

Описание планетных систем почти идентично в обоих трактатах. Однако, имеется и весьма существенное различие: авторы трактатов отдают предпочтение разным системам. Выступая за полу-систему Браге, «In Libros» гласит: «Мы более удовлетворены этой системой, чем прочими, поскольку полагаем, что Планетное Небо [планетные сферы – *Н. Х.*] текучее. Больше узнать о них [системах – *Н. Х.*] – задача Астрономов, чья [роль – *Н. Х.*] – объяснить их более пространно и более тщательно»[66].

Иными словами, автор, следуя общей иезуитской линии середины XVII века, выражает свое предпочтение гелиоцентрической полу-системе Браге. Кроме того, он объясняет свой выбор тем фактом, что полу-система Браге подразумевает текучую природу неба. Курсулас, со своей стороны, никак не решится сделать окончательный выбор между системой Птолемея и полу-системой Тихо: «И с этой последней системой [т. е. полу-системой Браге – *Н. Х.*], так же, как и с самой первой, то есть халдейской, которая обычно зовется птоломеевской, мы соглашаемся и принимаем ее с удовольствием»[67].

ние к умозаключениям математиков (несомненно, вследствие авторитета Клавия и Риччиоли), естественно, при условии, что эти умозаключения не вступают в прямое противоречие с физическими принципами либо авторитетом Писания: см, например, ссылку на математиков как на «non tam veritatis quam novitatis sectatores» вслед за явным упоминанием об осуждении гелиоцентрической системы (С. 28-29). По вопросу о земноводном шаре см.: Grant, «In Defense of the Earth's Centrality,» 32–33; о математиках-иезуитах см.: Giard, ed., Les jésuites à la Renaissance. Système educatif et production du savoir, часть IV.

[65] РГБ. Ф. 173. № 303 (Греч. 186). Л. 128об.–134; РГБ. Ф. 173. № 319 (Ин. 3144). С. 70–78. Стоит отметить, что Курсулас старательно избегает любых упоминаний имени Галилея, в отличие от «In Libros». Я не имел возможности свериться с: Жигалова Л. В. Первые упоминания о Галилее в русской научной литературе // Вопросы истории естествознания и техники. № 16. 1964. С. 91–93.

[66] «Hoc systemma [так!] pro caeteris magis nobis arridet, dum Celum Planetarium liquidum esse defendimus. Plura de his pertinent ad Astronomos, quorum est ea fusius et enuchiatius explicanda» (РГБ. Ф. 173. № 319 (Ин. 3144). С. 72–73).

[67] «και τοῦτο τὸ ἔσχατον σύστημα [т. е. только что изложенную полу-систему Браге – *Н. Х.*] ὥσπερ και τὸ πρῶτον τὸ τῶν χαλδαίων τὸ κοινῇ λεγόμενον πτολομαϊκὸν [так!] ἀσμένως δεχόμεθα τε και ἀσπαζόμεθα» (РГБ. Ф. 173. № 303 (Греч. 186). Л. 129об.)

Поскольку Курсулас никак не обосновывал свой выбор, можем ли мы сделать это за него? По крайней мере в той рукописи, которая находилась в распоряжении Лихудов, Курсулас пытается, так сказать, одним махом убить двух зайцев: вполне возможно, что в своей готовности продемонстрировать приверженность к мнению, преобладающему на греческом Востоке, автор добавляет ссылку на птолемеевскую систему, защищаясь от возможных обвинений в новшествах. Таким образом он пытается задобрить греческую православную среду, для которой птолемеевская система, как правило, являлась догмой (в XVII веке – безусловно, но также и в течение почти всего XVIII века)[68]. Одновременно Курсулас не может не встать на сторону полусистемы Браге, отчасти вследствие ее частичного геоцентризма, но главным образом из-за того, что она старалась сохранить все, что только возможно, от аристотелевской космологии, после ударов, нанесенной ей открытиями Тихо и Галилея. В первую очередь, как мы уже видели, Курсулас старается по возможности сохранить в неприкосновенности аристотелевские представления о вселенной. Отсюда, например, и его напоминания читателям, что эпициклы представляют собой фиктивные математические ухищрения, выдуманные астрономами, и не соответствующие объективной реально-

---

[68] Недавний обзор историографии греческих научных работ в 1453–1821 гг. см.: Dimitrios Dialetis and Efthymios Nicolaidis, «Issues in the Historiography of Post-Byzantine Science,» in Trends in the Historiography of Science (Boston Studies in the Philosophy of Science, т. 151), eds. Kostas Gavroglu, Jean Christianidis, and Efthymios Nicolaidis (Dodrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 1994), 121–27. О птолемеевской системе на греческом православном Востоке см.: Παναγιώτης Κονδύλης, «Το ηλιοκεντρικό σύστημα και η πληθύς των κόσμων», в: он же, Ο Νεοελληνικός Διαφωτισμός: Οι φιλοσοφικές ιδέες. (Αθήνα: Εκδόσεις Θεμέλιο, 1988), 109–28; Καράς, Οι θετικές επιστήμες στον ελληνικό χώρο, 246–54. (Между прочим, у Караса, там же, 249, утверждается, что Хрисанф Нотарас, патриарх иерусалимский (1707-1731) и наследник Досифея, был первым, познакомившим греческую аудиторию (в своем труде «Εισαγωγή εις τα Γεωγραφικά» (1716)) с системой Коперника: сам будучи сторонником птолемеевской системы, Хрисанф также обсуждает и опровергает коперниковскую систему на основе Писания, хотя и признает значимость астрономических аргументов Коперника. Аргументацию Караса следует ограничивать ссылками на изданные труды, поскольку коперниковская система излагалась в греческих рукописях по крайней мере уже в XVII веке (если не раньше), как демонстрирует пример трактата Курсуласа о «De Caelo»); Dimitris Dialetis, Kostas Gavroglu and Manolis Patiniotis, «The Sciences in the Greek Speaking Regions during the seventeenth and eighteenth Centuries. The Process of Appropriation and the Dynamics of Reception and Resistance,» в: The Sciences in the European Periphery During the Enlightenment (Archimedes: New Studies in the History and Philosophy of Science and Technologym т. 2), ed. Kostas Gavroglu (Dodrecht, Boston: Kluwer Academic Publishers, 1999), 40–71, и особ. 48–49 (об отсутствии ссылок на гелиоцентрическую систему в трудах Теофила Коридаллевса, выдающегося греческого натурфилософа XVII века), и 51–59 (о взглядах патриарха Хрисанфа и других греческих авторов XVIII в.).

сти[69]. Таким, образом, одновременный про-птолемеизм и про-брагеизм Курсуласа явно коренится в его стремлении защитить космологические концепции Аристотеля и сохранить верность Писанию (при этом учитывая взгляды своей греческой аудитории)[70].

Хотелось бы указать, что то же самое объяснение применимо и к курсу, который Лихуды читали в Академии. Каким бы ни был ответ на этот вопрос, не подлежит сомнению, что Лихуды имели представление о различных планетных системах, известных на Западе в XVII веке, и знакомили с ними своих учеников. То, что в реальности они почти наверняка были приверженцами полу-системы Браге, естественным образом следует из геоцентризма Браге, убежденности в текучей природе планетных сфер и, разумеется, отсутствия противоречий между этой системой и авторитетом Писания. (И трактат Курсуласа, и «In Libros» сходятся по всем этим пунктам). Более того, этот вывод подкрепляется тем фактом, что в середине XVII в. именно геогелиоцентрическая полу-система Браге одобрялась в иезуитских учебных заведениях: она постулировала жидкую природу неба и согласовывалась с последними астрономическими открытиями, касающимися комет и новых звезд, в то же время сохраняя известный геоцентризм[71]. Помня о том, что

---

[69] РГБ. Ф. 173. № 303 (Греч. 186). Л. 109. В данном случае Курсулас не называет Птолемея по имени, но очевидно, что в первую очередь имеет в виду именно его. Как отмечает Рассел, птолемеевские эпициклы и эксванты противоречили жесткой интерпретации аристотелевской концепции вселенной: Russell, «Catholic Astronomers and the Copernican System,» 368, прим. 8.

[70] Здесь следует отметить, что это только одно из возможных объяснений. Что интересно, в других списках с трактата Курсула ссылки на полу-систему Браге, по-видимому, отсутствуют. Я говорю «по-видимому», потому что по крайней мере из приведенного Карасом изложения рукописей (Καράς, Οι επιστήμες στην Τουρκοκρατία, т. 2, 211–15) следует, что Курсулас соглашался лишь с птолемеевской системой. Возможно ли, что Иоанникий просто вставил ссылку на полу-систему Браге в текст Курсуласа? Такое предположение может быть доказано лишь после непосредственного исследования соответствующих рукописей, и до проведения такого исследования я воздерживаюсь от окончательного суждения.

[71] О постепенном одобрении иезуитами одной (или нескольких) разновидностей системы Браге см.: Lattis, Between Copernicus and Galileo, 205–16; Michel-Pierre Lerner, «L'entrée de Tycho Brahe chez les jésuites ou le chant du cygne de Clavius,» в: Les jésuites à la Renaissance. Système éducatif et production du savoir, ed. Giard, 145–85; Baroncini, «L'insegnamento della filosofia naturale nei collegi Italiani dei Gesuiti,» 176–79; Christine Jones Schofield, «The Tychonic and semi-Tychonic World Systems,» в: Planetary Astronomy from the Renaissance to the Rise of Astrophysics: Part A: Tycho Brahe to Newton, ed. Rene Taton and Curtis Wilson [Michael A. Hoskin, ed., The General History of Astronomy, т. 2], 33–44, где указывается, что «Какие бы убеждения в глубине души ни питали иезуиты, после указа 1633 г. [об осуждении Галилея — *И. А.*] они издали море про-тихианской литературы, поток которой не ослабевал вплоть до последних десятилетий XVII в». (41); Russell, «Catholic Astronomers and the

Лихуды по сути преподавали своим студентам иезуитский курс в православном обличье, нет ничего удивительного в появлении полу-системы Браге в стенах Академии.

Космология и астрономия Лихудов в московском контексте

Сопоставляя космологию и астрономию Московской Академии с многообразием мнений, потенциально доступных образованному западному европейцу в середине XVII в., сперва испытываешь искушение объявить Лихудов жесткими приверженцами квазинаучной натурфилософии: они не были «современными» в том смысле, что не сумели вырваться из-под власти средневекового аристотелева заклятья и не взяли на вооружение результаты новейших научных экспериментов, примером которых служит телескоп Галилея. Таким образом, они знакомили своих студентов с сухой, схоластической версией натурфилософии, которая уже отступала на Западе, а не с версией её критиков, ученых-экспериментаторов[72]. Такое суждение кажется до известной степени оправданным, но лишь до известной степени. Вместе с этим вердиктом встают три проблемы. Во-первых, он объявляет аристотелианизм и схоластицизм негибкими аналитическими категориями, забывая о том факте, что в Западной Европе по крайней мере с XVI века существовало множество разновидностей аристотелианизма и схоластицизма. Во-вторых, он не учитывает некоторых существенных аспектов лихудовской космологии, опровергающих приписываемый ей абсолютно средневековый характер. Наконец, приписывая Западу роль эталона, он решительно игнорирует тот факт, что новые научные открытия даже на Западе не являлись общепризнанными[73]. Однако, более важно то, что такое суждение не учитывает московские культурные рамки, в которых следует рассматривать космологическое учение Лихудов и делать выводы, пользуясь московскими стандартами.

Во-первых, Лихуды проводят четкое различие между Писанием, филосо-

---

Copernican System». О Тихо Браге см.: John Louis Emil Dreyer, Tycho Brahe: A Picture of Scientific Life and Work in the Sixteenth Century (Edinburgh: A. & C. Black, 1890; repr. New York: Dover Publications, 1963).

72 Соловьев С. М. Сочинения в 18 т. М., «Мысль», 1988–1995. Т. 7. С. 469–470; Сменцовский. Братья Лихуды. С. 25–32; Лапо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М.: «Наука», 1990. С. 210–228 [книга написана в начале XX в.]; Рогов А. Н. Школа и просвещение // Очерки русской культуры XVII века в 2 частях/Архиховский А. В. (ред.). М.: Изд-во МГУ, 1979. Ч. 2. С. 142–154.

73 См., например: A. Rupert Hall, The Revolution in Science, 1500–1750, 3nd ed. (London and New York: Longman, 1983), 117–46; также: Grant, «In Defense of the Earth's Centrality».

фией и «наукой», – последняя в данном случае включает в себя астрономию (а та, в свою очередь – математику) и астрологию[74], – и с целью объяснить устройство и механизм действия вселенной пользуются всеми тремя[75], как по отдельности, так и попарно, либо всеми сразу. Большинство природных явлений они приписывают естественным причинам, предлагая физические или квазинаучные интерпретации. Вполне естественно, что в тех случаях, когда затрагиваются постулаты Писания, философия и «наука» вынуждены приспосабливаться к ним. Однако, порой происходит и обратное: Писание творчески интерпретируется в соответствии с физическими аргументами. Все же, стоит отметить, что Лихуды предлагают своим студентам решения, альтернативные вере. Таким образом они поднимают статус философии, астрономии и астрологии и легитимизируют их в глазах аудитории, привычной к предупреждению, что следует избегать эти науки как противные вере. Философия больше не несет лишь негативные, языческие смыслы, не объявляется она и высочайшим уровнем знания, доступным благодаря божьей милости[76]. Соответственно, лихудовские астрономия и астрология не выступают как праздные, опасные и еретические занятия: это не та астрология, что навлекла на себя гнев Максима Грека и осуждение Стоглавого собора и фигурировала в списках запрещенных книг[77]. Собственно, это и не астрология «громников» и «лунников», т. е. текстов с метеорологическими и календарными предсказаниями, долго сохранявших свою популярность и в России нового времени[78]. Скорее, эта астрология выступает как своего рода «наука», связанная с математикой[79].

---

[74] Следует заметить, что такое различие полностью согласуется с уставом Славяно-Греко-Латинской Академии – так называемой «Привилегией», в которой также проводится грань между религиозными и светскими науками. О «Привилегии» см.: Chrissidis, «Creating the New Educated Elite», гл. 2.

[75] Т. е. философией, теологией и «наукой».

[76] О смысле философии в древнеславянской литературе см.: Ihor Ševčenko, «The Definition of Philosophy in the Life of St. Constantine», в: For Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his Sixtieth Birthday, 11 October 1956, ed. Morris Hale et al. (The Hague: Mouton, 1956), 449–57; также см.: Мильков В. В. Определения философии Иоанна Дамаскина и его славяно-русские варианты (О Кирилло-мефодиевском и других идейно-религиозных направлениях в духовной жизни Древней Руси) // Переводные памятники философской мысли Древней Руси/Громов М. Н. (ред.). М.: ИФРАН, 1992. С. 44–78.

[77] Краткий обзор см.: Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения. Гл. 3.

[78] О «громниках» и «лунниках» см.: Ryan, «Magic and Divination. Old Russian Sources»; idem, The Bathhouse at Midnight, chap. 14.

[79] Как уже отмечалось, за «Περὶ Οὐρανοῦ» следуют две математические таблицы с расстояниями звезд от земли, а также вычислениями различных положений звезд для каждых суток недели: РГБ. Ф. 173. № 303 (Греч. 186). Л. 135–138.

Такое различие между верой, философскими размышлениями и «научными объяснениями» наиболее ярко проявляется на примере учения Лихудов о планетной системе. Из шести вариантов этой системы, обсуждаемой Лихудами, они объявляют о предпочтении геоцентрических – птолемеевской системы и полу-системы Браге. Однако, следует отметить, что они излагают и гелиоцентрическую систему Коперника, называя её предками среди древних философов[80], и ни в коем случае не оправдывают свой выбор исключительно религиозными соображениями[81]. Хотя вполне естественно, что им приходилось учитывать авторитет Писания, Лихуды просто описывали различные планетные системы, предложенные философами и астрономами, и делали свой выбор.

Лихуды не были современными учеными, скажем, в постгалилеевском смысле слова. Их космология представляет собой одну из бесчисленных разновидностей иезуитской схоластической натурфилософии. Они демонстрируют понимание роли, которую играют наблюдение и опыт, вполне согласующееся с иезуитской наукой XVII века. Соответственно, Лихуды признают результаты ряда астрономических наблюдений и их значение. Но гораздо чаще они прибегают к умозрительным аргументам и квалитативной физике.

В московском культурном контексте лихудовский курс натурфилософии и «наук» представлял собой еще один шаг в сторону западного образования и культуры, впервые принесенных в Москву украинскими и белорусскими учеными в 1650-1660-е гг. Лихуды довели до логического конца и громко

---

[80] Как отмечает Райков (Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения. Гл. 5), гелиоцентрическая система стала известна в России после того, как Епифаний Славинецкий в 1650-е гг. перевел «Theatrum Orbis Terrarum sive Atlas Novus» авторства Жана Блё (Joan Blaeu) (Amsterdam, 1645). По-видимому, полный перевод существовал лишь в одном экземпляре, хотя его вступительная космографическая часть (где излагается теория Коперника), очевидно, с конца XVII в. получила распространение отдельно, в нескольких экземплярах (Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения. С. 84 и примечание 3). Все же можно сказать, что Лихуды первыми в России представили гелиоцентрическую систему широкой аудитории в рамках учебного заведения. Райков, вероятно, лично не ознакомился с рукописями Лихудов и в своем изложении лихудовской философии полагается лишь на вторичную литературу; поэтому он не упоминает об их дискуссии о планетных системах. См. недавнее лингвистическое исследование русского перевода книги Авраама Ортелия (Abraham Ortelius) «Theatrum Orbis Terrarum» (впервые издана в 1595 г.): Peter Kosta, Eine Russische Kosmographie aus dem 17. Jahrhundert: Sprachwissenschaftliche Analyse mit Textedition und Faksimile (Specimina Philologiae Slavicae, vol. 40) (München: O. Sagner, 1982).

[81] Однако не следует пренебрегать религиозной стороной вопроса. Как отмечалось (примечание 64), уже в начале «In Libros» недвусмысленно упоминается об осуждении Галилея в 1633 г. Однако, интересно, что эта оговорка сделана им, чтобы обезопасить себя от возможных обвинений, и при описании планетных систем не повторяется.

огласили аргументацию, проводившую различие между верой и светским знанием, попытавшись объединить их в гармоничное целое. Что еще более важно, они делали это в институциональных рамках учебного заведения, пользовавшегося поддержкой и государства, и московской церкви. Свое учение они адресовали значительно более широкой аудитории в узких пределах московской придворной элиты, чем Славинецкий и Полоцкий. И тот, и другой имели очень мало учеников – главным образом сыновей дьяков и работников Печатного двора. Напротив, у Лихудов обучалось гораздо больше студентов, в число которых входили княжеские, боярские и купеческие отпрыски, духовенство и сыновья дьяков[82]. Лихуды действительно учили тому, что Полоцкий в своих выступлениях и поэмах, обращенных к предыдущему поколению, лишь призывал ценить[83].

В «In Libros» изложение планетных систем заканчивается следующим заявлением: «Да будет это описание точным касательно небес, о которых едва ли можно быть хоть в чем-либо уверенным, и по большей части мы вынуждены лишь догадываться, поскольку одного лишь разума недостаточно, да и о поведении [планет] мы не знаем наверняка»[84]. С первого взгляда эти слова кажутся возвратом к формулировке: там, где бессилен разум, на помощь приходит вера. Однако, многозначительно то, что автор и Лихуды (вслед за ним) не упоминают в этом заключительном замечании религию. Как мы уже видели, автор советовал читателям искать дополнительную информацию по планетам у астрономов, как у людей наиболее сведущих. У каких именно астрономов, трактат не уточняет[85]. Таким образом, лихудовская космология оказывается отражением общей тенденции Академии: получаемые в ней знания представляют собой смесь, отражающую переход от старого к новому, от схоластического к «научному». Потенциальное влияние такого сочетания на мышление и интеллектуальный кругозор студентов Академии не всегда легко оценить. Однако, в том, что касается натурфилософии и космологии, Академия знакомила студентов и с теоретическими рамками натурфилософии, ее словарем и терминологией, со многими из последних достижений

---

[82] Список учеников Лихудов во время их пребывания в Академии см.: Ялама Дм. Филологическая деятельность братьев Лихудов в России. Кандидатская диссертация. Московский Государственный Университет, 1992. С. 4–5; также см.: Chrissidis, «Creating the New Educated Elite,» гл. 2.

[83] О деятельности Славинецкого и Полоцкого см.: Bushkovitch, Religion and Society, 163–75.

[84] «Atque haec de Mundo, et Celo sint satis, in quibus vix certi aliquod potest haberi, et saepe saepius divinare cogimur, cum vera ratione non suppetat, nec certus effectus»: РГБ. Ф. 173. № 319 (Ин. 3144). С. 78.

[85] Там же. С. 73. Страницы 73–78 содержат схемы планетных систем. Тем самым ссылка на астрономов и утверждения о необходимости догадок, так сказать, обрамляют эти схемы с флангов.

астрономии (правда, очень поверхностно) и с элементарнейшими математическими понятиями. В этом смысле ее можно интерпретировать как первую попытку внедрить в России институциональное, формальное научное образование. В таком контексте основание позднее в Москве Математико-навигационной школы не выглядит неожиданным[86].

Авторизованный перевод с английского
Н. Эдельмана

---

[86] Не так давно исследователь русской науки заявлял о «полном отсутствии в русском обществе в конце XVII века даже самых зачатков формального научного и математического образования». Более того, тот же исследователь считал, что такое положение в российском образовании благоприятствовало знакомству России с Ньютоном и признанию его теорий: см. Valentin Boss, Newton and Russia. The Early Influence, 1698–1796 (Cambridge, Mass.: Garvard University Press, 1972), 234. По моему мнению, образовательная деятельность Славяно-Греко-Латинской Академии после ее основания в 1685 г. требует пересмотра этого заявления. О Математико-навигационной школе см.: ibid., 79–80 и библиография.

ДЭВИД МАК-ЛАРЕН МАК-ДОНАЛЬД

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОНЯТИИ «ГЛУШЬ»:

ПРОВИНЦИЯ, ГОСУДАРСТВО И ДВОРЯНСТВО В РОССИИ

В своем двадцать четвёртом письме потомству Андрей Тимофеевич Болотов вспоминает, как в 1754 году в 16-летнем возрасте он возвращался на действительную военную службу после окончания продолжительного отпуска, который провел в своей родной деревне после смерти матери. Дорога привела Болотова к сестре, которая жила под Псковом в поместье, принадлежавшем ее мужу-офицеру, однополчанину Болотова. Брат и сестра не видели друг друга полтора года с того времени, как Болотов после смерти отца оставил учебу в Санкт-Петербурге и поселился в семейном поместье под Каширой. В этот же раз он остался в гостях у сестры и ее семейства. Сестра, как впоследствии вспоминал Болотов, отмечала, что он сильно изменился: «Раньше ты выглядел несравненно лучше... Ты... совсем одичал, живя в деревне и нахватавшись деревенской грубости». Пытаясь скрыть свое неудовольствие этой «горькой пилюлей», Болотов в ответ спрашивал сестру: «Чему тут удивляться, сестра? Я целых полтора года прожил в деревне в совершенной глуши, почти никуда не ездил и не имел ни с кем обхождения, кроме дяди». В ответ сестра призналась, что стыдится представлять его своим соседям, настолько он «переменился»[1].

В «Евгении Онегине», действие которого происходит в начале XIX в., А. С. Пушкин называет новое поместье героя, унаследованное от покойного дяди, «глушью», в которой Онегин «ярем... барщины старинной» заменяет «оброком легким»[2]. Еще любопытнее, как Пушкин описывает перемены, которые жизнь в «глуши» наложила на мать героини, Татьяны Лариной. Буду-

[1] Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 3 тт. М., Л.: Academia, 1931. Т. 1. С. 244–246.

[2] Пушкин А. С. Евгений Онегин. Глава 2. IV.

щая мадам Ларина, юная московская кокетка, модными романами интересовалась не меньше, чем нарядами, и даже «вздыхала» о собственном Грандисоне: «Сей Грандисон был славный франт, Игрок и гвардии сержант». Однако против воли она была выдана замуж за сельского помещика, который увез ее в деревню, «где она, Бог знает кем окружена», сперва тосковала в одиночестве и чуть не сбежала от мужа, но затем начала вникать в хозяйство и в конце концов получила удовольствие от нового образа жизни. «Привычка» постепенно заменяла моду, и молодая женщина, некогда носившая узкие корсеты и говорившая по-русски с французским прононсом, стала одевать «на ватс шлафор» вместо платьев и пристрастилась к «привычкам милой старины», сохранявшимся в сельской России: солила грибы, пекла блины, говела, пила квас[3]. Эти в общем схожие, но резко отличающиеся тональностью примеры демонстрируют, какое влияние на горожан или привыкших к городской жизни людей оказывало длительное пребывание в «глуши»; заметим, что это слово широко употребляется и в современном русском языке[4].

С первого взгляда может показаться, что мы не сделаем никакого открытия, объявив об отсталости провинциальной России. Однако, в данной статье выдвигается гипотеза о том, что в XVIII веке понятие «глушь» получило у русской элиты новый смысл в качестве специфического *локуса* в политическом и социальном пейзаже. Новые представления о «глуши» возникли под непосредственным влиянием институциональных, культурных и интеллектуальных нововведений, связываемых с деятельностью Петра I и установлением абсолютизма в России. Кроме того, они служили важным показателем ухода от представлений о провинции, свойственных эпохе Московского царства. Как показано ниже, вопрос о «глуши», включая нравственно-политические аспекты этого термина, затрагивал самую суть отношений между имперским правительством и поместным сельским дворянством, которое служило для первого источником финансовых поступлений и рекрутов, а также средством поддержания порядка. Изменение природы этих отношений нашло выражение в появлении нового, дворянского варианта прежней темы про-

---

[3] Там же. XXIX–XXXIV.

[4] Согласно «Словарю академии российской» издания 1806 г., слово «глушь» имело по крайней мере два значения. Непосредственно оно обозначало отдаленные, сильно заросшие места в лесах и полях. Однако «в отношении населенных местностей означает: место, где почти никто не живет и не бывает, где ничего не слышно». В качестве примера анонимный лексикограф пишет: «Живя в глуши, он ничего не слышит». В том же словаре приводится толкование синонимичного термина «захолустье» со следующим примером: «Он живет в захолустье, там его не скоро сыщешь»: Глушь // Словарь академии российской. Ч. I (А-Д). СПб., 1806. С. 1134; Захалустье [sic]/Там же. Ч. II (Д-К). СПб., 1809. С. 795. См. также: Глушь // Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5 (Вышить – Грызть). Л.: Наука, 1989. С. 136; Захолустье // Там же. Вып. 8 (Залезть-Ижоры). СПб.: Наука, 1995. С. 133–134.

провинциализма, ставшего важным элементом в формировании позитивной помещичьей идентичности.

В период между правлением Петра I и серединой XIX века понятие провинции или «глуши» относилось к сельской, помещичьей России, имея на первых порах негативный оттенок. Наблюдатели и толкователи из числа столичных жителей, – должностные лица, журналисты, литераторы, завсегдатаи салонов, участники новых, едва возникших сфер общественной жизни, – называли это воображаемое пространство отсталым, т. е. не только географически удаленным, но и хронологически не поспевающим за столицами, за модой[5] и «просвещенностью» их знатных обитателей.

Такой взгляд стал преобладать в 1750-е и 1760-е гг. среди столичных администраторов и литераторов, которые нередко были одними и теми же лицами, достаточно вспомнить имена Антиоха Кантемира, Дениса Фонвизина и Николая Новикова. Сами эти авторы считали себя участниками проекта по созданию «просвещенной» России под эгидой абсолютистской идеологии, отождествлявшегося с личностью Петра I, подхваченного Елизаветой Петровной и более прославившейся в этом качестве Екатериной II. О доминировании подобного взгляда на «глушь» можно судить по многочисленным «сатирическим журналам», которые издавались названными и близкими им по направлению деятелями во время правления Елизаветы Петровны и Екатерины II. Здесь свою долю насмешек получали такие городские фигуры, как нетиметры, вельможи, мелкие чиновники, карабкающиеся по социальной лестнице, в то время как носители добродетели и любви к знаниям именовались «истинными сынами отечества». Тем не менее провинция – ставшая полигоном для задуманных в столице преобразований – получила статус особого пространства со своими собственными пороками, реже добродетелями, что становится очевидно как из воспоминаний Болотова, так и из другого литературного источника, используемого в данной статье – пьесы «Недоросль» Д. Фонвизина.

Моральные, политические и исторические перспективы, составляющие фундамент этого «просвещенного» мировоззрения с его акцентом на добродетель, гражданскую ответственность, открытость и самосовершенство-

---

[5] В «Евгении Онегине» Пушкин подчеркнуто противопоставляет старомодный ритм жизни и блюда, преобладающие в семейном меню Лариных, городской привычке Онегина наслаждаться кровавыми ростбифами и шампанским «года кометы». Авторы XVIII века сами отмечали взаимосвязь между модой, просвещением и хронологическим аспектом отсталости, т. е. отсталостью в смысле времени. Можно сослаться на письмо, якобы написанное женщиной, живущей «не в столичном городе, а в далекой от тебя губернии». Впрочем, она утверждает, что не относится к тем женщинам, которые думают только о том, накормлен ли скот, добавляя, что столичные моды доходят до ее уезда, пусть и с опозданием в несколько месяцев: Смесь. Лист 39. 1769. С. 305–307.

ванис посредством обучения, включают также исторические взгляды, рассматривавшие просвещение как признак прогресса. С этой точки зрения сельская Россия перестала быть младшей или подчиненной по отношению к столице, как предполагала политическая космология Московского царства. Отныне она оказалась отсталой: менее просвещенной, подверженной суевериям, жестокости и эгоизму. Этот взгляд еще более утверждался в правящих и чиновничьих кругах вследствие затруднений, с которыми сталкивались сменявшие друг друга монархи и их столичные подчиненные при выполнении своих планов по насаждению упорядоченного и просвещенного правления в сельской России. Их переписка и законодательные документы свидетельствуют о тщетности попыток, о неискоренимости в среде сельской знати «нетства», а также других форм дворянского неповиновения и коррупции на местах, не говоря уже о проблемах с проведением ревизий, сбором подушного налога, межеванием, или о таких явлениях, как «пугачевщина»[6].

Понятие «глуши» как специфического нравственного пространства или сферы зародилось среди литературной и административной элиты столичной России, но к концу XVIII в. оно приобрело иные, более позитивные смыслы, о чем свидетельствует «Евгений Онегин» – возможно, самое популярное из произведений поэта благодаря изображению «глуши» во всем ее очаровании. Наряду с другими изменениями в сельской жизни и культуре, которые нередко рассматриваются как следствие манифеста Петра III «О вольности дворянства» 1762 г., знать принесла в свои провинциальные гнезда столичную потребительскую культуру – одежду, пусть и не самую модную, блюда и напитки, литературу, музыку и танцы[7]. Кроме того, она явно

---

[6] Здесь мы опираемся на два классических русских исследования в этой области: Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727 гг. М.: 1902. Переиздание: The Hague: Mouton, 1970; и Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1913. В конце XX века эта тема как специфическая проблема в истории российской государственности стала выделяться и англоязычными историками. См., в частности: George Yaney. The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Administration of Imperial Russia. 1711–1905. Urbana, Ill.: University of Illinois Press, 1973. См. также исследования У. Брюса Линкольна (W. Bruce Lincoln) по николаевской бюрократии и великим реформам.

[7] Из дореволюционных исследований этого процесса можно назвать: Чечулин Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1889. Разговор об этих проблемах ведет Ю. М. Лотман: см. его Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства. XVIII – начало XIX века. СПб.: Искусство-СПб, 1994. См. также: Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. Моя точка зрения *не* предполагает, что негативные представления о провинции оказались полностью

взяла на вооружение столичную категорию «глуши», превратив ее в средство выражения собственной позитивной идентичности, нередко выдавая былые пороки за несомненные добродетели. При этом провинциальное дворянство получало в свое распоряжение лингвистические и концептуальные смыслы, позволявшие ему не только считать себя особой группой – эти идеи в значительной мере отразились как в истории дворянства XVII века, так и в «наказах», поданных дворянскими депутатами в Законодательную комиссию Екатерины II[8] – но и выступать публично как самостоятельная общность. Подобные притязания были призваны не столько противопоставить эту группу государству, сколько отмежеваться от других групп, столиц, а косвенным образом и от государства. При отсутствии в русской политической риторике приемлемого или законного языка открытого сопротивления, такой способ самовыражения служил по меньшей мере суррогатом этого языка, резко противопоставляя провинциальные добродетели городской жизни и нравам и рисуя картину семейной и местной жизни, свободной от государственного вмешательства[9]. В этом отношении круг понятий, связанных с термином «глушь», образует своего рода рамку, возникшую одновременно с другими элементами новой дворянской семиосферы, которую Ю. Лотман описал в своей работе о дворянстве XVIII века[10].

Таким образом, изучение изменений и противоположных тенденций в понимании термина «глушь» позволяет нам также осветить давние парадоксы и остающиеся проблемы в истории дореформенной России. Вопрос

вытеснены более позитивными; иначе нам пришлось бы игнорировать изображение русской провинции в сочинениях Гоголя, а также Достоевского и Салтыкова-Щедрина.

[8] См., например: Valerie A. Kivelson. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford CA: Stanford University Press, 1996. О наказах дворянства для Законодательной комиссии см. Сборник Императорского русского исторического общества, тт. 8, 14, 32.

[9] С. О. Шмидт подчеркивает существование этой зависимости в 1760-е гг., хотя связывает ее исчезновение с манифестом Петра III о дворянских вольностях. См. С. О. Шмидт. Общественное самосознание noblesse russe [sic]// Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. XXXIV (1-2): 17–18. Согласно моей гипотезе, процесс самоутверждения дворянства носил более сложный характер и продолжался гораздо дольше. О значении семейной сферы в дворянской жизни см.: M. W. Cavender. 'Kind Angel of the Soul and Heart': Domesticity and Family Correspondence among the Pre-Emancipation Russian Gentry // *The Russian Review. July* 2002: 391–408. Как указывается в John W. Randolph. «That Historical Family»: The Bakunin Archive and the Intimate Theater of History in Imperial Russia, 1780–1925 // Russian Review. October, 2004: 574, note 2, подобные работы во многом опираются на исследования П. Н. Милюкова. См.: Милюков П. Н. Любовь у идеалистов тридцатых годов // Милюков П. Н. Из истории русской интеллигенции. Сборник статей. СПб., 1902.

[10] Лотман. Указ. соч.

о провинциальности, не отменяя других точек зрения на историю дворянства XVIII века и ее толкований, по крайней мере дополняет ее, снабжая новыми нюансами. Например, критическое отношение к провинции отчасти порождала скрытая слабость петровского и последующих режимов – факт, противоречащий историографии и петровских реформ, и их результатов, а также претензиям послепетровского государства на гегемонию в провинции и на подчинение себе знати. Точно так же и идея о «служении» как о краеугольном камне дворянской идентичности принимает более расплывчатый характер, чем обычно утверждается в литературе[11]. Разумеется, до 1762 г. любое официальное или явно выраженное взаимодействие между представителями дворянства и властями находило обоснование на языке служения, нередко за отсутствием какой-либо альтернативы. Вполне можно утверждать, что до 1762 г. неподчинение призыву на службу или таким законам, как указ о единонаследии, представляло собой молчаливую попытку избежать этой лингвистической необходимости. Однако, как подразумевается в работе И. В. Фаизовой, более вероятно, что представление о «службе» не только являлось непременным признаком дворянской идентичности, но и выражало стремление небогатого сельского дворянства попасть на хорошо оплачиваемые должности[12].

Соответственно при взгляде с такой точки зрения выясняется, что понятие «глуши» и ее связи с выражением дворянской идентичности претерпели больше изменений и имеют более глубокую преемственность с прежними дискурсами, чем в настоящее время признается в большинстве исследований по этой теме[13]. Помимо того, даже беглый обзор представлений о «глуши» и об изменении с течением времени смысла, вкладываемого в это слово, добавляют еще один элемент в наши знания о мире поместногопровинциального дворянства.

Как мы предположили выше, идея о «глуши» возникла вследствие драматических перестановок во взаимоотношениях между столицей и провин-

---

[11] Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia. New York, 1966; Michael Confino. A propos de la notion de service dans la noblesse russe aux XVIIIe et XIXe siecles // Cahiers du monde russe et sovietique. XXXIV (1-2): Janvier-juin 1993: 47–58; Фаизова. Указ. соч.

[12] Фаизова. Там же. С. 168–173. Мое предположение дает возможность экстраполировать аргументацию, которую Фаизова выдвигает в своих рассуждениях: причины, которыми, по ее мнению, руководствовалось дворянство, оставаясь на службе после 1762 года, вполне уместны, чтобы объяснить его повиновение и до этой даты.

[13] См., например: Thomas Newlin. A Voice in the Garden: Andrei Bolotov and the Anxieties of Russian Pastoral, 1738–1833. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2001. Используя сочинения Болотова в качестве примера того, каким образом просвещенный русский человек примирялся с пасторальными обычаями, ведя жизнь сельского помещика, Ньюлин принижает значение не менее, а то и более распространенных в XVIII веке негативных представлений о провинции.

ций, которые связываются с правлением Петра I. Вне зависимости от того, привели ли петровские реформы к каким-либо переменам в провинциальной жизни, нельзя отрицать того, что язык, на котором власть определяла и описывала свою роль в отношениях с провинциальной знатью, резко изменился после того, как Петр безоговорочно взял на вооружение риторику «упорядоченного полицейского государства»[14].

Эти изменения включали ряд важных концептуальных аспектов. Во-первых, благодаря использованию мобилизационного языка зарождающегося абсолютизма, представления Петра о государстве приобрели откровенно наступательную направленность по отношению к русскому обществу, особенно к его элите. Ничто так ярко не символизирует эту перемену, как знаменитая стрижка боярских бород: если законодательные формулировки Московского царства прежде подчеркивали гармонию между «предложениями» царя и «согласием» Боярской Думы, то новый правитель самым непосредственным образом подчинил себе бывших советников. На фоне опустошительной войны со Швецией Петр аналогичным образом применил новый метод управления государством и к служилому классу, насляющему сельскую Россию, требуя от провинциального дворянства не только несения военной или гражданской службы, но и овладения теми знаниями и светскими обычаями, которые связывались с подобным политико-культурным строем в Европе[15]. В том же духе, как свидетельствует переписка царя с сыном Алексеем, Петр связывал задачи шведской войны не только с конкретными экономическими выгодами, которые принесло бы свободное мореплавание через открытые балтийские проливы, но и с идеей освободить Россию от тех нравственных пут, на которые ее обрекала изолированность[16].

В первую очередь реформаторские усилия Петра представляли собой решительную попытку выжать из державы еще больше рабочих рук и экономических ресурсов, «ибо», как указывал Петр при создании Сената в 1711 г., «деньги суть артерия войны». Эти усилия, следуя за возникновением «полицейских государств» в центральной Европе XVII века, влекли за собой необходимость «изучить» российские ресурсы с целью усовершенствования их учета и мобилизации на цели, определенные повелителем. Если

---

[14] Marc Raeff. The Well-Ordered *Police State*: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven: Yale University Press, 1983.

[15] Хорошим примером подобных представлений и ожиданий Петра служит его часто цитируемый «Артикул воинский» от 26 апреля 1715 г. Текст «Артикула» доступен в интернете по адресу: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm

[16] См. письмо Петра Алексею Петровичу от 11.10.1715: Weber, Friedrich Christian. The present state of Russia. Volume 2. London, 1723, p. 97. Также см.: Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994. С. 388.

прежние русские правительства старались получить более ясное представление о находящихся в их распоряжении землях и ресурсах, для Петра и его советников было свойственно механистическое и системное представление, порожденное европейской научной революцией XVII века и нашедшее выражение в таких родственных концепциях, как меркантилизм, зачатки «Polizeiwissenschaft» или представление о государстве как об искусственном человеке, приводящемся в движение шестернями и колесами, как описано у Гоббса в «Левиафане» – книге, с которой был знаком советник Петра Феофан Прокопович. Необходимость произвести переоценку сведений о землях, источниках дохода и наличной рабочей силе государства проистекала из военно-организационных задач, вставших перед Московским царством в XVII веке в ответ на политические перестановки на западной границе России[17]. Исследование Валери Кайвелсон по картографии XVII века демонстрирует один из вариантов ответа на эти вызовы и неизбежные перемены, которые они вносили в мировоззрение высших государственных деятелей, старавшихся провести ревизию провинции на предмет наличных ресурсов, как материальных, так и людских[18].

Реформаторские усилия Петра демонстрируют, что он привнес в эту старую задачу совершенно новый набор параметров для учета ресурсов своей державы в контексте новой и откровенно доминирующей позиции, занятой столицей государства по отношению к своим провинциальным владениям. В течение всего своего правления Петр внедрял все более механистические и детализованные планы местного управления, стремясь распространить государственную власть и понятие о *raison d'état*, скрывающееся за всеми абсолютистскими начинаниями, непосредственно на сферу местной жизни, прежде более или менее саморегулировавшейся – либо посредством уз патронажа и старшинства, привязывающих местных помещиков к московским коридорам власти через знатные роды, представленные в Боярской Думе, либо через самоуправляющиеся общественные органы, наделенные обязанностью взимать налоги и следить за поддержанием порядка на местах[19]. О новом интервенционистском импульсе свидетельствует указ Петра о единонаследии и то сопротивление, которое он вызвал. О том же, как доку-

---

[17] Одним из лучших описаний этих изменений и тех вызовов, которые они бросали московской политической культуре, остается «Курс русской истории» В. О. Ключевского. В качестве недавнего и чрезвычайно содержательного англоязычного исследования можно назвать: Richard Hellie. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago: University of Chicago Press, 1971.

[18] V. A. Kivelson. Cartography, Autocracy and State Powerlessness: The Uses of Maps in Early Modern Russia // Imago Mundi Vol. 51 (1999), p. 83–105.

[19] См., в частности: Valerie A. Kivelson. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford CA: Stanford University Press, 1996.

ментально доказали П. Н. Милюков и М. М. Богословский, говорят осуществлявшиеся Петром беспрестанные перестасовки местных административных органов в попытке распространить на провинциальную Россию преобразовательную и присваивающую государственную деятельность. Венцом этих усилий стали невообразимо запутанные провинциальные реформы конца 1710-х – начала 1720-х гг., наряду с осуществлением в начале 1720-х гг. мер, связанных с введением подушного налога и необходимостью соответствующих «ревизий»[20].

На Западе абсолютизм вступил в конфликт с притязаниями знати и церкви на долю власти, принадлежащей монарху[21]; в России главным врагом абсолютизма стали просторы страны и непреодолимые трудности при попытках навязать монаршью волю на обширных территориях государства[22]. Таким образом, если у знати не имелось законного языка для сопротивления новым претензиям государственной власти в лице Петра, то нехватка рабочих рук и инфраструктуры, а также неспособность государства выполнить взятые на себя задачи словно нарочно демонстрировали сугубую реальность пределов, стоявших на пути у обновленного самодержавия. Так называемым «нетчикам» удавалось избежать самых решительных рекрутских наборов, проводившихся как Петром, так и его отцом: на стороне первых были удаленность их мест жительства, покровители и нехватка людей для того, чтобы их выследить. Символично и то, что сам реформатор умер, не дождавшись итогов первой всеобъемлющей ревизии податного населения, проведенной новым режимом. Вообще, столкнувшись с хроническими задержками при проведении ревизии – причем «крайние сроки» ревизии раз за разом переносились на более позднюю дату – Петр был вынужден призвать на помощь специальные отряды гвардейцев, поручив им выполнить задачу, которая оказалась не по силам местным властям. Подобные экстраординарные меры напоминают аналогичные попытки привести в повиновение неподатливую администрацию и непокорную провинцию, прибегая к непосредственным проявлениям монаршьей воли в лице прокурора, поставленного над Сенатом, или фискалов, не подчинявшимся местным органам провинциального управления. Наследники Петра

---

[20] Милюков П. Н. Государственное хозяйство в первой четверти XVIII-го столетия и реформа Петра Великого. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905; Богословский. Указ. соч.

[21] См., например: J. P. Sommerville. Absolutism and Royalism // J. H. Burns, ed. The Cambridge history of political thought, 1450–1700. New York: Cambridge University Press, 1991.

[22] Согласно П. Милюкову, Николай I как-то заметил: «Наша беда – чрезмерные расстояния». Цит. по: R. M. Haywood. Russia Enters the Railway Age, 1842–1855. Boulder, Colo.: East European Monographs, 1998. Цитата приведена в черновой диссертации Shifra Sharlin, University of Wisconsin-Madison.

вскоре отказались от его пагубной и незавершенной реформы местного самоуправления[23].

Если Петр так и не смог в должной мере ознакомиться со своими провинциями и взять их под контроль, то его наследники фактически отказались от выполнения этой задачи до середины 1750-х гг. Как хорошо известно историкам дворянства, правители России, ограниченные в ресурсах, целиком поглощенные непредсказуемой столичной политикой, вынужденные расплачиваться по долгам петровских войн и вести свои собственные войны, отказались от попыток учредить «полицейское правление» и позволили местной администрации работать «по прежнему», по выражению из указа Верховного Тайного Совета от 1727 г.[24] В течение последующих тридцати лет те задачи, которые Петр пытался передать в ведение своей администрации, одна за другой поручались дворянству: в их число входили сбор подушной подати, рекрутские наборы и прочие функции, начиная от ремонта дорог и кончая отправлением правосудия и местным самоуправлением[25].

Политика такого молчаливого забвения административных посягательств Петра на контроль за провинциальными делами просуществовала до 1750-х гг. Однако наряду с этой фактической децентрализацией власти и даже отказом от нее, продолжали раздаваться голоса тех, кто от имени самодержца и государства проповедовал петровский абсолютизм в более жесткой форме[26], причиной чего, вероятно, служило «правление женщин», которые для обоснования законности своей власти старались связать свое имя с образом Великого Реформатора[27]. В верхних слоях администрации –

---

[23] Богословский. Указ. соч. Глава VI.

[24] Там же. С. 495.

[25] Опять же, согласно толкованию Богословского, подобная передача власти и участие местного дворянства в самоуправлении имеет более давнюю историю, чем обычно считается. См. у него о выборах земских комиссаров: С. 404–410.

[26] В качестве раннего примера апофеоза Петра можно привести кантемировский портрет добродетельного человека 1730-х гг. Подобная личность «Мудры не спускает с рук указы Петровы, Коими стали мы вдруг народ уже новый б не меньше стройный других». (Кантемир А. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. С. 75). Более широкое освещение этой темы приводится в: W. Gleason. Moral Idealists, Bureaucracy, and Catherine the Great. Rutgers NJ: Rutgers University Press, 1981; N. Riasanovsky. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. New York: Oxford University Press, 1985.

[27] Эта преемственность между царем-реформатором и наследовавшими ему царицами стала особенно подчеркиваться с расцветом журналов в 1750-х и 1760-х гг. Подобная фразеология о связи государственных добродетелей с наследием Петра характерна для всей периодики XVIII века. К этим темам нередко обращался в своих сочинениях А. П. Сумароков, см., например, его Слово похвальное о государе императоре Петре Великом сочиненное ко дню Тезоименитства Ея Императорского

включая придворные круги и зарождающуюся столичную «общественную сферу», основу которой составляли гражданские служащие и военные – эта риторика относилась также к новой одежде и к новым формам общения, принесенным в страну Петром[28]. Более существенно то, что модальности и системы ценностей, в рамках которых новое общество говорило о старых обычаях и обязанностях – в первую очередь о дворянской службе – также быстро пришли в соответствие с новыми представлениями о raison d'état и обязательствами «истинных сыновей отечества».

Модели такого подхода к гражданству, или к подданству, заметно отличались от тех, что встречались в московскую эпоху, даже если «игра», которую вели участники этого процесса, по-прежнему шла в рамках клановой принадлежности или чрезвычайно запутанной системы чинов и титулов[29]. Новые модели гражданства основывались на таких категориях, как добродетель, разум и долг, а вовсе не на подчинении правителю, чего требова-

---

Величества 1759 года/Трудовая пчела. Октябрь 1759. Это произведение изобилует образами, в которых «мрак», предшествующий правлению Петра, противопоставляется свету, который он принес. Сумароков постоянно подчеркивает контраст между суевериями, чувствами и влечениями, которые преобладали в «старину», с одной стороны, и просвещением и добродетелями, связанными с именем Петра, с другой. См. также его посвящение великой княгине Екатерине в январском номере «Трудовой пчелы» за 1759 г. Примерно в то же время в журнале Кадетского корпуса «Праздное время» был издан перевод датской «эпистолы», в которой при разговоре о Персии упоминался Петр Великий и превозносились слава и величие, которые он и его наследники принесли России: 25.9.1759. Л. 219–220. Эти произведения продолжают традицию, заложенную Кантемиром и Ломоносовым и подробно рассмотренную в: Walter J. Gleason, Moral Idealists and Catherine the Great.

[28] См. недавнее англоязычное исследование «общественной сферы» и ее возникновения в России эпохи Просвещения: Douglas C. Smith. Working the Rough Stone: Freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 1999.

[29] Сохранение прежних связей и альянсов в новой иерархической структуре, созданной «Табелью о рангах», представляет собой заметную тему в англоязычной литературе. См.: Brenda Meehan-Waters. Autocracy and Aristocracy: the Russian Service Élite of 1730. New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 1982; Robert Crummey. Aristocrats and Servitors: the Boyar Élite in Russia, 1613–1689. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1983; John P. LeDonne. Absolutism and the Ruling Class: the Formation of the Russian Political Order, 1700–1825. New Hork: Oxford University Press, 1991; David Ransel. The Politics of Catherinian Russia: the Panin Party. New Haven: Yale University Press, 1975; Valerie Kivelson. Kinship Politics/Autocratic Politics: A Reconsideration of Early Eighteenth-Century Political Culture // Jane Burbank and David Ransel, eds. Imperial Russia: New Histories for the Empire. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1998, p. 5–31. Из числа русских исследователей к вопросу о составе новой элиты в этот период и родственных связях в дворянских кругах обращаются Е. В. Анисимов и А. Б. Каменский.

ло «Соборное уложение», прибегая к патриархальным и даже библейским формулировкам – которые были совершенно неприменимы к «правлению женщин» и даже отрицали его возможность. В новой системе нашли свое выражение новые светские критерии государственных интересов; не менее существенно и то, что обеспечение и поддержание всеобщего благоденствия ставилось в зависимость от добровольной приверженности всеобщим ценностям, существующим независимо от того или иного правителя[30].

Теперь провинция стала представляться как отдаленное пространство, изолированное от центра молчаливым признанием правительства в своей неспособности навести там порядок в соответствии с условиями, выдвинутыми русским абсолютизмом и его глашатаями. Периферия Московского царства была привязана к царскому трону концептуальными узами, исходящими из личности правителя, занимающего центральное место в системе отношений старшинства, пронизывающих правящие кланы, придворную иерархию, московскую знать и провинциальное дворянство. В условиях воцарения новой династии Романовых и нарастающей военной угрозы со стороны Польши, Швеции и Османской империи, эта политическая космология сосуществовала, хотя и не без трений, с продолжающейся бюрократизацией управления, включая приглашение иностранных специалистов для создания новых воинских формирований и более решительное утверждение государственных интересов, наиболее заметное в тех статьях «Уложения», которые касаются крепостной системы и церковных вопросов[31]. Напротив, послепетровский строй рассматривал провинцию как объект, с которым следует общаться на расстоянии, а то и как безмолвный вызов

---

[30] Лотман связывает этот процесс также со все более заметным присутствием мотивов «частной жизни» в представлениях русской элиты: Лотман Ю. М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века // Лотман Ю. М. Из истории русской культуры. Т. IV. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 102–110. Конечно же, добродетели, существующие независимо от того или иного правителя, нашли наиболее четкое выражение в 1780-е гг., в таких произведениях, как эссе А. Н. Радищева об истинном «сыне отечества», а также в его «Путешествии...», в очерках Н. И. Новикова в «Трутне», «Кошельке» и других журналах, и в статье Д. Фонвизина о необходимости неизменных законов.

[31] Эти образы и подразумеваемое их влияние на общество находят наиболее четкое выражение в рассуждениях Григория Котошихина о служебной иерархии и местничестве в его сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича», а более метафорическим образом присутствуют в сказке «Флор Скобеев». Строго говоря, провинция здесь тоже представляется отдаленным местом, но в смысле относительного старшинства и доступа к власти, а не определенного образа жизни и культуры. Хорошее представление об этом процессе дают лекции о XVII веке из «Курса русской истории» В. О. Ключевского, особенно в отношении институциональной политики, связанной с учреждением Монастырского приказа, и предпосылок, приведших к «расколу». См. также: Kivelson. Autocracy in the Provinces; и Hellie. Enserfment and Military Change.

петровскому проекту государственного строительства: налоги собирались в недостаточном объеме, ревизии не доводились до завершения, дворяне не являлись на службу и не желали учиться, а местные власти отказывались выполнять те законы, которые были призваны проводить в жизнь[32]. Этот шлюз, осуществлявшийся новыми средствами – включая дискурсы, связанные с провинциальностью и отсталостью – обнаруживал контраст между претензиями на инструментальность, заявленными государственной властью, и неспособностью осуществить эти претензии из-за отсутствия адекватных ресурсов: парадокс, который начал проявляться уже в конце московской эпохи и нашел выражение в неявной опоре царского строя в первую очередь на неформальные узы авторитета и социальной практики как на основу правления[33].

Таким образом, к середине XVIII века в столичном дискурсе о просвещении страны и управлении ею возникли два типа нормативных оценок, которые в сочетании с двусмысленным результатом столкновения имперской власти с провинцией способствовали объединению понятий отсталости и провинциальности под умозрительной рубрикой «глушь». С одной стороны, стратегическая переориентация России на Европу и подражание европейским способам политической организации переносили Россию на культурную и хронологическую периферию той сферы, которая вскоре получила у русских людей известность под названием «Запад». Как весьма уместно отмечали Ю. Лотман и другие исследователи, эти новые способы мышления влекли за собой новые представления об историческом времени и прогрессе, сопровождавшие процесс просвещения, неотделимый от задачи построения новой России[34]. С другой стороны, такой взгляд получал подтверждение в представлениях самозванных наследников Петра и его реформ о провинции как воплощении мрачного прошлого или препятствии на пути к созданию просвещенного государства.

В той степени, в какой эта точка зрения опиралась на внешние атрибуты приверженности к новому порядку – на одежду и манеры, а также на социальную практику учтивой беседы или на непрерывные усилия по самосовершенствованию – она также оказывалась привязанной к отсталости провинциального дворянства, которое по крайней мере в двух отношениях

---

[32] О том, какие широкие масштабы принимала неспособность государства решить свои задачи по налогообложению, законодательству, администрированию и рекрутированию солдат, см.: Богословский. Указ. соч.; Готье. Указ. соч. Обе работы, обширно цитируя архивные источники, подробно освещают затруднения и слабость власти, мешавшие воплощению претензий на гегемонию, провозглашавшихся в официальных публичных заявлениях и прокламациях.

[33] Kivelson. Autocracy in the Provinces and «Kinship»; Hellie. Enserfment and Military Change.

[34] Особо см.: Лотман. Очерки... Глава 1.

стало главным связующим звеном между модернизирующимся государством и непокорной сельской периферией. С одной стороны, государство нуждалось в услугах дворянства при сборе налогов и наборе рекрутов из числа крепостных. С другой стороны, в материалах Богословского и Готье нет недостатка в свидетельствах о том, что то же самое дворянство оказывалась не на высоте в смысле несения службы, приверженности добродетелям и выполнении своего долга согласно послепетровским стандартам, не желая являться на службу или чиня препятствия работе агентов правительства. В этом смысле понятно, каким образом дворянство стало воплощать в себе непокорность сельской России, и каким образом эта Россия стала отождествляться с дворянами-крепостниками.

С этой точки зрения заявления об отсталости провинции и ее знатных обитателей служили нескольким целям, нередко отражавшимся и в художественной литературе, и в официальных документах. Самая главная из них – та, что провинции и населяющая их знать оказывались теми «иными», в которых нуждались – для противопоставления себя им – члены зарождающейся столичной среды, строившейся по образцу гражданского общества, каким оно изображалось в германских «нравственных еженедельниках» и сходных французских и английских изданиях[35]. Эта группа, состоявшая из образованных городских дворян, занимавших средний уровень петербургского административного мира (нап. Д. Фонвизин, Н. Новиков, а позже – А. Радищев), идентифицировала себя через приверженность к гражданским добродетелям и к делу «просвещения» и внедрения в России справедливых законов Елизаветы Петровны и Екатерины II[36].

Разумеется, важный контраст, служивший им для самоидентификации, представляли собой и пресловутые пороки городской жизни с ее петиметрами и кокетками, охотниками за чинами, галломанией и надменностью бояр, чей статус основывался на происхождении и придворных связях, а не на реальных заслугах[37]. «Просвещенные» толкователи противопоставляют этим фигурам добродетели рациональности, самосовершенствования

---

[35] См. Предуведомление // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб.: Академия наук, Январь 1755. С. 2–16, особ. С. 13–16, где перечисляется литература, намеченная к переводу и изданию в последующих выпусках ежемесячника. О самих «нравственных еженедельниках» см.: Martens. Die Botschaft der Tugend: Die Aufklarung im Spiegel der deutschen Moralischen Wochenschriften. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1971.

[36] Gleason. Moral Idealists; Ransel. Catherinian Politics.

[37] См., например: О достоинстве // Трудовая пчела. Июнь 1759. С. 363. Типичная статья о петиметрах опубликована в издании: И то и се. Июнь 1769. 23-я неделя [sic]. С. 3; аналогичным образом и Новиков в своих рекомендациях Недоуму, вельможе, одержимому своей родовитостью и презирающему тех, кто не может проследить древность своего рода на 500 лет, дает развернутый портрет карьеристов, но отме-

и работы на общее благо. Сжатой иллюстрацией к этим взглядам служат издававшиеся под псевдонимами юморески Новикова о лекарствах для разных социальных типажей[38].

Аналогичную роль «иных», не менее важную для самоидентификации этих «просветителей», играли неотесанные провинциалы. Их речь, одежда и образ жизни представляли собой поучительную противоположность тем добродетелям, которые рекламировались прозелитами новой культуры в утонченных Петербурге и Москве. Естественно, такое внимание к внешним и поведенческим признакам цивилизованности и добродетели само по себе свидетельствовало о той мере, в какой послепетровское государство стремилось воспитать подданных, пригодных для выполнения государственных задач.

Этот новый взгляд на провинцию и сельское дворянство формировался через манипуляции набором литературных типажей, заимствованных из новой светской литературы XVII века, которая сама по себе являлась переложением старой устной традиции. Один из наиболее распространенных образов включает в себя мотивы рая в представлении допетровского помещика. В этом раю полным-полно плодородных земель, реки кишат рыбой, леса – дичью, озера до краев полны вином – ешь и пей сколько душе угодно[39]. Подобные образы появляются в «сатирах» Антиоха Кантемира, написанных после смерти Петра[40], и получают широкое распространение в так называемых сатирических журналах 1760-х и 1770-х гг., где провинциальное дворянство высмеивается и критикуется за увлечение охотой и пиршествами, вместо того, чтобы развивать в себе уважение к науке и те качества, которые отличают «подлинно» благородного человека[41]. Интерес-

---

част, что знатность рода следует подтверждать достойным поведением и служением отечеству: Трутень. Лист XXIII. 29.9.1769 // Сатирические журналы... С. 130–131.

[38] Эти портреты и рецепты периодически появлялись в «Трутне». В дополнение к примеру в предыдущем примечании см. также известный портрет крепостника Безрассуда в номере от 6.10.1769.

[39] См., например: Сказание о роскошном житии и веселии // Адрианова-Перетц В. П. (ред.). Русская демократическая сатира XVII века. М.: Наука, 1977, 2-е издание. С. 31–33.

[40] Кантемир. Указ. соч.

[41] См., например: О беседах и книгах // Праздное время. 1760. С. 8. На листе XVI «Трутня», вышедшего в августе 1769 г., в разделе «Ведомости» помещено сообщение из «Ковиры», в котором читатель узнает о помещике, владеющем 3000 душами, который живет в доме, построенном его дедом. Вместо того, чтобы развивать свое поместье, он предпочитает работать на благо местных жителей. С этой целью, как иронически отмечается в заметке, он проводит исследования, может ли гусь одолеть лебедя, а также тратит значительные суммы на бойцовых петухов и охотничьих собак, которые сопровождают его в поездках: Берков П. Н. (ред.). Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.–Л.: Издательство Академии наук, 1951. С. 105–106.

но, что Пушкин в «Онегине» выводит сходных персонажей как пример того, что и сельская жизнь имеет свои прелести.

Аналогичным образом можно предположить, что представления московской эпохи, в которых статус персоны был связан с метафорическим расстоянием от царя, в дискуссиях XVIII века трансформировались в новые идеи о долге и добродетели. Авторы середины XVIII века утверждали, что эти качества легче развиваются в городах – невзирая на такие городские пороки, как франкомания, чинопочитание и чудачества – чем в деревне, благодаря возможностям общения, которые даст городская жизнь, в том числе стремлению завоевать репутацию в кругу равных себе, побуждающему к самосовершенствованию. Так, в обширной переписке на страницах новиковского «Трутня» дядя, служащий судьей в провинции, упрекает своего племянника за то, что тот упускает возможность брать взятки и получать другие доходы, живя в столице и тратя время на книги и учебу[42]. В споре, описанном в начале этой статьи, Болотов в ответ на критику сестры в адрес его платья и манер объясняет свое превращение в деревенщину тем, что в Дворяниново ему было не с кем говорить, кроме дяди[43]. В других случаях сатирики высмеивают попытку сельских помещиков воспроизвести городскую практику общения в своем изолированном окружении[44].

Куда более обширный и дидактический пример содержится в издании: Деревенское зеркало или общенародная книга сочинена не только чтоб ее читать, но чтоб по ней и исполнять. СПб., 1798. Во вступительной статье рассказывается о «смерти Честана», преуспевающего помещика, который жил в роскоши и праздности, пренебрегал добродетелью и получил от своих соседей прозвище Малоум. Его прихоти и страсть к охоте привели к разорению его поместья, а самого его сделали посмешищем. После смерти Честана его сын возвращается в поместье, и далее описываются меры, предпринятые молодым человеком для восстановления порядка и процветания (С. 1–26).

42 Трутень. 5.5.1769 // Сатирические журналы... С. 49–50, 100–103.

43 Болотов. Указ. соч. Т. 1. С. 246. Заявление Болотова и замечания о роли общения, в целом представляя собой исключение в литературе этого периода, свидетельствуют также, что эти авторы имели в виду собеседников, обладающих равным – т. е. дворянским – статусом. Даже те городские «просветители» чьи журналы упирают на связь между добродетелями и общительностью, насмехаются над теми, кто стремится подняться выше своего положения. Специфическим персонажем в подобного рода сатирах является дьяк или подьячий-карьерист: И то и се...

44 См., например, серию подписанных псевдонимами писем, публиковавшихся в журнале «Свободные часы» начиная с февраля 1763 г. и рассказывавших о приключениях мужлана, который стремится сочинять возвышенные стихи, что приводит к скандалу, вплоть до столкновения с продажными судьями, после того, как он попытался сделать своей музой ничего не понимающую просвирню. Эти письма печатались до октября 1763 г. Столкновение городского с деревенским проявлялось даже в организации и устройстве повседневной общественной жизни. Сельские привычки могли использоваться и для утонченных насмешек над городскими

Кроме того, эти авторы противопоставляли город и деревню так, чтобы коснуться проблем, встававших перед приверженцами просвещенного абсолютизма при столкновении с деревней. Отражая нормы нового городского дискурса о «добродетели», «долге» и «благородстве»[45], и подчеркивая различие между этими ценностями и теми, которые были присущи воображаемому московскому строю, они закладывали основы критического отношения к деревне как к воплощению отсталости и продажности, выражавшемуся в неприязни ее обитателей к просвещению и циничной погоне за своекорыстными целями, или, хуже всего, в переходе всяких границ законности и порядка, к которым стремится просвещенное государство. Столичные реформаторы неоднократно пытались добиться подчинения деревни государству; сюда относятся и петровские попытки внедрить в провинции правосудие и воспользоваться ее финансовыми и людскими ресурсами, и план упорядоченного управления, содержащийся в екатерининской губернской реформе 1775 года, и административные разделы ее «Жалованной грамоты дворянству» 1785 г., и такие меры, как «Устав благочиния» – попытка законодательным образом насадить добропорядочное поведение и нормы приличия в разнообразных проявлениях городской и сельской жизни.

снобами, оказавшимися в обществе деревенских невежд. В 27-м выпуске журнала «И то и се» (июль 1769 г.) помещено стихотворение «Какой-то дворянин/Не знатной господин...», где рассказывается о чете юных молодоженов из города, приехавших в деревню к матери невесты. Хозяйка хочет подать завтрак в одиннадцать, но уступает желанию зятя, который утверждает, что его «аппетит» еще «не пришел». Прождав несколько часов, хозяйка зовет садиться за стол, поскольку «господин Аппетит» так и не явился, и нельзя заставлять семерых людей ждать одного отсутствующего гостя.

[45] См., например, издание Кадетского корпуса «Праздное время», первый номер которого, вышедший в июле 1759 г., открывался переведенной с французского обширной аллегорией «Храм добродетели», где использовался сюжет путешествия для того, чтобы ознакомить читателя с добродетелями и противоположными им пороками. Аллегория долго использовалась как популярная форма морального поучения – см. «Залесскую полисть» в «Путешествии...» Радищева. Также и идея о благородстве в данный период нередко служит темой для дискуссий, отнюдь не ограничиваясь акцентом на «освобождении» или служении, доминирующим в историографии дворянства данного периода. Насаждая в России дискурсы, восходящие к Данте («De gentillezza») и Чосеру («Жена из Бата»), составители «сатирических» журналов подчеркивали контраст между «истинным» благородством, которое приобретается благодеяниями, оказанными товарищам, какое бы положение те ни занимали, и беспочвенными притязаниями на благородство исключительно по праву рождения, богатства или чина, не связанными с реальными заслугами. Этот контраст создает драматическое напряжение при столкновении Простаковых с положительными героями фонвизинского «Недоросля» (см. ниже). В числе других примеров можно назвать: Рассуждение слова a la Bourgeois // Трудолюбивая пчела. Июнь 1759. С. 177–179; О достоинстве // Там же. С. 363. Также см. полемику с «Трутнем» и эпиграммы на Стозмея: Смесь. Лист 20. 1769. С. 154–155, 160.

И тем не менее, как свидетельствовали многочисленные доношения из провинций, и как продемонстрировало восстание Пугачева, насадить правопорядок в сельской дворянской России так и не удавалось. В исследовании Готье дается картина всеобщего разбоя, одолевавшего Россию; в разбойники шли и казаки, и крестьяне, и даже отступники-дворяне[46]. Болотов вспоминает юридическое крючкотворство, к которому прибегал его сосед, бывший подьячий, судившийся с ним и его матерью из-за крестьянки, сбежавшей к ним в поместье[47]. Источником юмора в сочиненных Новиковым письмах дяди племяннику служит откровенная и бесстыдная продажность сельского жителя. Полвека спустя заговорщики-декабристы неоднократно указывали на коррумпированность и неэффективность правосудия как на одно из главных бедствий, одолевавших имперскую Россию.

Самый мрачный и суровый образец такой критики – выведенные Фонвизиным в «Недоросли» персонажи из семейства Простаковых[48]. На протяжении всей пьесы Фонвизин подчеркивает провинциальность и отсталость этих героев, наделяет их характерной речью и архаическим платьем – включая кафтан, который примеривает главный персонаж во вступительном действии, – и высмеивает страсть к свиньям и богатству, проявляемую Скотининым, братом г-жи Простаковой[49]. Обыгрывая еще один популярный мотив в сатирах на дворянство, Фонвизин наделяет Скотинина генеалогией, которая восходит к Адаму[50]. Митрофан Простаков, тот самый «недоросль», давший название пьесе, берет уроки по арифметике, географии и другим предметам – совершенно излишние, по мнению его матери, – у местных малограмотных учителей. Чтобы подчеркнуть контраст, Фонвизин противопоставляет Простаковых образцам добродетели в лице Стародума, Правдина, Милона и Софьи – все они без исключения родом из Москвы или Петербурга. Вместо того, чтобы разводить свиней и копить деньги по примеру своих сельских оппонентов, эти герои всерьез рассуждают о добродетели, долге или – в лице Софьи – ищут моральные наставления в книгах таких авторов, как Фенелон[51]. В таком качестве они представляют собой позитивное отра-

---

[46] Готье. Указ. соч. С. 334–354.

[47] Болотов. Указ. соч. С. 149–165.

[48] Текст пьесы здесь цитируется по изданию: Трофимкин И. И. (составитель). Русская драматургия. Избранные пьесы. Л.: Лениздат, 1974.

[49] Провинциальный говор также вызывал презрение у столичных жителей; это испытал на себе Г. Винский, переехавший из Глухова в Петербург, чтобы продолжить обучение в инженерной школе при Измайловском полку. Едва услышав его речь, одноклассники сразу же окрестили Винского «хохлом». Он отвечал им той же монетой.

[50] Недоросль. Действие IV. Явление VII.

[51] См. разговор Софьи и Стародума: Там же. Действие IV. Явления I, II.

жение своих провинциальных антиподов – старшего Простакова, Скотинина, Митрофана и г-жи Простаковой. Кульминация и развязка пьесы наступает, когда добродетельный служака Правдин забирает поместье Простаковых под опеку государства, чтобы покончить со злоупотреблениями владельцев, тем самым переводя отношения помещиков с крепостными в сферу государственной юрисдикции. Услышав о его намерениях, Скотинин и Простаков спрашивают, неужели дворянство не «вольно» – ссылаясь тем самым на манифест Петра III 1762 года – обращаться со своими «людьми» так, как ему заблагорассудится?[52] Окончательная конфискация поместья Простаковых обеспечивает комедии счастливый финал, но одновременно подчеркивает ограниченность власти государства в его провинциальных владениях.

Образы порочной и отсталой провинции, изобилующие в сатирической литературе, служат для противопоставления «нового» «старому». С этой точки зрения кафтан Митрофана резко контрастирует с современным платьем Милона и Правдина. Аналогичным образом в языке городского дворянства отражается знакомство с «просвещенной» литературой – вполне возможно, что сюда относится и нео-стоицизм, воплощенный в фигуре Стародума. Напротив, Простаковы ценят только те знания, которые могут принести прибыль; их чтение состоит из традиционных православных текстов, ассоциирующихся с допетровскими временами. Продажный судья Новикова тоже прибегает к религиозным образам, когда бранит своего образованного племянника-горожанина. Тщетно пытаясь соблазнить юношу неправедными богатствами, разгневанный дядя обличает его в неповиновении отцовской воле, а затем обвиняет в том, что он не заботится о своем духовном спасении, бросив изучение религиозных текстов в суетной погоне за светскими знаниями. Отвечая на обвинение во взяточничестве, дядя призывает племянника не ставить себя выше Адама, первого человека, который тоже не смог противиться искушению[53].

Сатирический эффект этих сценок, очевидно, достигался благодаря знакомству читателей с такими стереотипами. Кроме того, в нем находил выражение вызов, бросаемый провинцией просвещенному абсолютизму, стремящемуся создать «упорядоченное полицейское государство». Эти сатиры, отражая долговременные процессы во взаимоотношениях между имперскими столицами и российской периферией, вероятно, подпитывались также из таких источников, как заседания Уложенной комиссии Екатерины II, когда на возвышенные чаяния, выраженные императрицей в ее инструкции по составлению наказов от различных групп российского населения, следовал отрицательный неудовлетворительный ответ дворянства, желавшего иметь больше возможностей для контроля над провинциальной жизнью

---

[52] Там же. Действие V. Явление IV.

[53] Трутень. 4.8.1769 // Берков. Сатирические журналы... С. 102.

и экономикой[54]. При таком подходе провинция выступала в роли явной периферии, куда почти не дотягивалась власть государства. Безусловно, наиболее резким образцом критики является «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева с его перечислением всех язв крепостничества и пороков провинциальной жизни – и параллельным обличением лицемерия городского общества – в которых Радищев видел основу самодержавия как такового, тем самым переворачивая с ног на голову прежние дискурсы, стремящиеся найти источник законности и добродетели в городской жизни.

Однако, в то время как Фонвизин, Новиков и другие авторы создавали свои образы провинциального дворянства, в той самой провинции, которую оно населяло, происходили стремительные изменения. Мелкопоместное дворянство начало перестраивать деревню в соответствии со своими собственными представлениями о цивилизованной жизни. Присцилла Рузвельт на многочисленных примерах осветила архитектурную трансформацию сельской усадьбы, происходившую в последние десятилетия XVIII века[55]. Кроме того, стали намечаться и другие признаки провинциальной социальной жизни. В провинциальных городах открывались учебные заведения. Губернская реформа Екатерины 1775 года и институциональные положения ее «Жалованной грамоты дворянству» 1785 года предписывали провинциальному дворянству принимать более активное участие в процессе укрепления государственной власти в провинции. В краткосрочной перспективе на руку этим усилиям могли сыграть потрясшая страну пугачевщина и преподанные ею уроки об изолированности деревенской жизни.

Новая аудитория из числа провинциального дворянства, более образованная и гораздо более открытая цивилизующему влиянию государства и передовых кругов знати, тоже занялась выпуском изданий, более полно отвечавших ее требованиям и интересам. В конце екатерининского правления начали выходить такие местные издания, как «Иртыш, превращенный в Иппокрену», выпускавшийся Главным народным училищем Тобольска. Журнал «Деревенское зеркало», издаваемый санкт-петербургским губернским правлением, был рассчитан именно на сельскую дворянскую аудиторию. Хотя в нем по-прежнему появлялись такие дидактические назидания, как портрет знатного бездельника, вместо усилий по самосовершенствованию отдающегося псовой охоте[56], но наряду с ними печатались рецепты самодельных лекарств и повести, действие которых происходит в усадебном окружении.

---

[54] См. в Сб. ИРИО, тт. 8, 32.

[55] P. R. Roosevelt. Life on the Russian Country Estate: A Social and Cultural History. New Haven: Yale University Press, 1995; см. также: Чечулин. Указ. соч.

[56] Деревенское зеркало или общенародная книга сочинена не только чтоб ее читать но чтоб по ней исполнять. СПб.: при Губернском Правлении, 1798. С. 1–7.

Хотя историки давно спорят о том, когда в сельской России укоренилось «местное» общество, те, кто относит этот процесс ко второй половине XVIII века, вслед за Болотовым называют предпосылкой перемен манифест Петра III 1762 года[57]. В то же время огромное количество источников свидетельствует, что до этой даты в провинции было гораздо больше дворян-мужчин, чем обычно считается[58], и можно предположить, что появление в столичном дискурсе понятия провинции как особого пространства – наряду с распространением знаний, новым стилем потребления и новыми языками самопредставления и идентификации – создало для дворянства возможность выражать любовь к родному дому и очагу, ранее не смевшую поднять голову. Как косвенно свидетельствует своевольное прочтение г-жой Простаковой манифеста 1762 года, дворянству больше не приходилось обосновывать свою роль и место жительства ссылками на служебный долг. Кроме того, оно могло откровенно выражать свою привязанность к поместью, семье, соседям и покровителям, которая ранее получала негативную оценку в текстах указов об обязательной дворянской службе, угрожающих репрессиями в адрес непокорных и требующих являться в герольдию для подтверждения юридического совершеннолетия.

Таким образом, проводя параллель с процессами, описанными у Болотова и Пушкина, можно указать, что в конце XVIII – начале XIX вв. провинциальное русское дворянство проходило процесс рустификации. Разумеется, он развивался под влиянием более широких литературных течений, включая пастораль, сентиментализм и ранний романтизм, но в то же время, эти жанры были связаны с существенными изменениями образа сельского дворянства в литературе[59]. Новые способы выражения, по-видимому, создавали возможность для покорения и «одворянивания» сельского пространства – целей, заявленных в официальных документах и литературе более ранних периодов XVIII века.

В этом контексте пушкинский «Онегин» по-иному обыгрывает многие мотивы, заметные в сатирах XVIII века на жизнь в «глуши». Заметим, что Пушкин неоднократно использует слово «глушь» для обозначения той местности, в которую Онегина привела смерть его дяди. В данном случае в термине «глушь» звучат нотки любования, что подчеркивается связью

---

[57] Болотов. Указ. соч.; Чечулин. Указ. соч.; Шмидт. Общественное самосознание; Raeff. Origins; Фаизова. Указ. соч.

[58] Здесь можно сослаться на частые у Болотова упоминания об учреждении при Петре I должности выбираемых на местах земских комиссаров, а кроме того, на решение Верховного Тайного совета по финансовым соображениям осуществлять ротацию дворянских кадров, постоянно держа на действительной службе лишь какую-то их часть, и на введенные Анной Иоанновной ограничения на срок службы и на число мужчин, призываемых на службу из отдельных семей.

[59] Newlin. Voice in the Garden.

между провинциальностью и естественностью характера главной героини – Татьяны, а также тем, как Пушкин характеризует реакцию Онегина на сельский образ жизни. Превратившись в типичную сельскую помещицу, Ларина отбросила увлечения и свободные нравы московской среды, став более естественной личностью и вернувшись к русским корням – она забыла французский, который знала в молодости, и поменяла «узкие» корсеты на старомодные, но более удобные шлафор и чепец. Сначала попытавшись привнести городские привычки в свое новое окружение, Ларина в конце концов отказалась от них и стала от того только счастливее. Аналогичным образом пушкинская Татьяна воплощает в себе образ русской женщины, что противопоставляется отсутствию корней у самого Онегина – она любит сказки, привержена старинным суевериям, питает глубокую привязанность к пейзажам родной провинции, и вообще, по словам поэта, «русская душою, Сама не зная, почему»[60]. Даже повинуясь дочернему долгу и выйдя замуж за генерала, что повлекло переезд в Петербург, она по-прежнему считает своим домом деревню и с неприязнью относится к легковесности и притворству городской жизни. Эти мотивы заостряют язвительность межъязыкового каламбура, который служит эпиграфом ко 2-й главе романа в стихах: «O rus! [О деревня!] (Гораций). О Русь!»[61]

Судя по всему, Пушкин сознательно играл с подобными инверсиями хорошо известного дискурса провинциальности, поставив себе целью привлечь внимание к простым добродетелям провинциального дворянства. Он изображает сельскую деревенскую версию светской жизни, в которой Онегин за карточным столом томится от разговоров местного дворянства о замужестве и охоте, своим тоном больше напоминающих сквайра Уэстона из «Тома Джонса», чем Простаковых. В сущности, сам Пушкин старается подчеркнуть прелести и услады простой деревенской жизни, описывая роковые ольгины именины: среди гостей из числа соседних помещиков, прибывших к Лариным на праздник, присутствуют некие Скотинины[62].

Строго говоря, идиллическое изображение деревенской помещичьей жизни не было единственным способом описания «глуши». Наряду с новыми взглядами продолжали существовать и прежние, не столь жизнерадостные представления о деревне как о пространстве, где отсутствуют всякий закон и порядок. Достаточно вспомнить гоголевские «Мертвые души» или

---

[60] Онегин. Глава V. IV.

[61] Во второй главе «The Voice in the Garden» Ньюлин подробно комментирует этот каламбур, контекстуализуя его в рамках произведения, которое цитирует Пушкин. Я бы сказал, что эта острота имеет куда более простой смысл – Пушкин всего лишь пытается представить своей аудитории идею о превалирующем сельском характере России в положительном и критическом ключе, противопоставляя его блеску и поверхностности Санкт-Петербурга.

[62] Онегин. Глава V. XXVI.

«Ревизора», где мы сталкиваемся с новым вариантом того дискурса, который впервые оформился столетием ранее. Однако в обоих случаях провинция изображается как четко определенное пространство с врожденными пороками и добродетелями, которые противопоставляются плюсам и минусам столичных городов и, во многих случаях, лежащей за ними Европы. Не менее значительно, как свидетельствуют бесчисленные романы, и то обстоятельство, что вплоть до Великих реформ это пространство было самым тесным образом связано с сельским дворянством, что нашло, пожалуй, наилучшее воплощение в образе Обломовки у И. Гончарова.

В картинах жизни русской знати уже давно пытаются найти ответ на два вопроса, обычно представляющихся и как две стороны одного и того же: из кого состояло дворянство? и что привело к явному отчуждению друг от друга бывших союзников – знати и короны? Следуя по колеям, проложенным еще Корфом и Романовичем-Славатинским, историки в поисках причин сопротивления, оказываемого дворянством государственной власти, ищут ответ в документах, появившихся в ходе длительного диалога между этими силами – а именно, в изданных государством юридических документах с перечислением земельных пожалований, о закрепощении крестьян, о призыве на службу, или иным образом регулирующих статус знатного сословия, либо связанных с процессом «вестернизации». В том, что результаты этих исследований оказываются двусмысленными или противоречивыми, повинно несколько причин. Во-первых, сам статус дворянства был расплывчатым и двусмысленным, учитывая множество способов его приобретения в юридическом плане, о чем свидетельствует сама екатерининская Жалованная грамота дворянству. Более того, знать не имела в своем распоряжении даже законного языка сопротивления, и лишь в конце XVIII века ситуация изменилась, когда М. М. Щербатов попытался обосновать обязанность монархии признавать и гарантировать привилегии дворянства в обмен на услуги, оказанные в прошлом. Те, кто добивался внимания со стороны власти, были вынуждены формулировать свои просьбы на языке традиций дворянской службы, поскольку это был единственный приемлемый язык для диалога с государством. В конце концов, и в 1861 г. решение об отмене крепостного права, принятое наперекор недовольному дворянству, показало естественные пределы для любого несогласия, проявляемого даже привилегированными подданными империи[63].

Однако не может быть сомнений, что к началу XIX в., а может быть, и ранее, провинциальное дворянство стало считать себя и свои интересы – в той степени, в какой они поддавались коллективному выражению – чем-то,

---

[63] См.: Daniel Field. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976, где это положение служит ключевым элементом аргументации.

существующим в отрыве от государства, а в известном смысле и от столичной жизни. В этой связи провозглашаемая Болотовым привязанность к деревенской жизни, изображаемой в пасторальных тонах, а также многочисленные наказы, подававшиеся в Законодательную комиссию депутатами от дворянства, старавшимися оградить жизнь на местах от посягательств со стороны социально и экономически амбициозных купцов и мещан, представляют собой поразительно ранние примеры того, как быстро после 1762 г. эта приверженность получила публичное выражение. Если рассматривать ее на фоне уклонения дворянства от службы в предыдущие царствования, а также начавшегося в 1720-е гг. процесса передачи сельскому дворянству полномочий по управлению местной экономикой – не говоря уже об истории неудачной попытки Петра ввести единонаследие, – то становится очевидно, что «освободительный» манифест 1762 года создал *возможность* для новых способов выражения интересов дворянства в его противостоянии с государством; грубой иллюстрацией к этой перемене служит понимание г-жой Простаковой дворянских «свобод». Важно и то, что отмена обязательной службы как связующего звена между государством и знатью, очевидно, ликвидировала препятствия к возникновению новых сфер совместных публичных дискуссий и новых способов самовыражения. Новый лингвистический контекст, контекст самовыражения, нашел свое место и в пространстве – сельские губернии, «деревня» или «глушь» отныне однозначно отождествлялись с определенным типом знатного сельского жителя.

Эти соображения ставят под сомнение еще одно общее место в историографии поместного дворянства в 1762–1825 гг., а именно представление о том, что в этот период произошла консолидация вполне идентифицируемого знатного сословия, получившая юридическое признание в «Жалованной грамоте дворянству» Екатерины II 1785 г. Это утверждение, безусловно, применимо к той части дворянства, которая проживала в деревне, но оно совершенно напрасно сглаживает те линии раскола внутри будущего сословия, которые были заметны самим современникам. Идентификация сельской России как особого локуса, признаваемого автономным по отношению к столицам, подчеркивала зарождающееся расслоение дворянства на придворную знать с боярами и на таких служилых людей средней руки, как Новиков или Фонвизин, которые воспевали добродетели благородства, основанного на заслугах, свойственного городскому дворянству, принадлежавшему, как косвенно подразумевалось, к среднему слою. Действительно, в классических исследованиях абсолютистской бюрократии неизменно подчеркивается самоотождествление части дворянства с государством, а также свидетельства союза между государством и знатью[64]. Эти взаимоиклю-

[64] Классическая работа, выполненная в этом ключе: Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М.: Наука, 1974; из англо-

чающие тенденции внутри дворянства находили конкретное выражение в таких фигурах, как братья Милютины, выходцы из мелкопоместной семьи, которые, исходя из принципа raison d'etat, стали архитекторами реформ, покончивших с крепостническим строем, одновременно снабдив земства и воссозданные дворянские собрания новым механизмом для выражения сельской дворянской идентичности как определенной категории российской политической жизни в рамках и либеральной перспективы Петрункевича, и сословного консерватизма Пазухина[63].

Как нам кажется, соответствующий процесс имел непосредственную связь с понятием «глуши». Такой набор дискурсов возник в среде служащих мобилизационного государства, когда перед ними встало осознание относительной слабости государства по сравнению с теми претензиями, которые предъявлял абсолютизм в петровском варианте. Впоследствии «глушь» служила фокусом, а затем и точкой постепенного отхода, у зарождающейся «общественной сферы» в российских столицах; последняя получала в лице обитателей «глуши» «других», необходимых, чтобы на их фоне осознать и поощрять процесс окультуривания, которого требовал постпетровский строй. Помимо того, принятые ими на вооружение мерки Просвещения создали основу для многолетней дискуссии об отсталости России по сравнению со смутно представляемой Европой, образы которой также строились на основе представлений о жизни русского села. Эти дискурсы, наряду с другими течениями, характерными для долговременного процесса государственного строительства после смерти Петра, привели к возникновению понятия о дворянской провинции, удаленной – культурно, пространственно и хронологически – от столичных центров. По иронии судьбы, которая столь часта в русской истории, сельское дворянство нашло в этой точке зрения новый способ описать и понять себя и свою жизнь, противопоставляя се

язычных исследований см. соответствующие разделы в: Walter Pintner and Donald K. Rowney, eds. Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill, N. C.: University of North Carolina Press, 1980. Однако, как свидетельствуют другие источники, Н. М. Карамзин подчеркивал значение, которое имело преобладание дворян в рядах бюрократии.

63 У. Брюс Линкольн подчеркивает этот момент в своих работах о «просвещенной бюрократии» эпохи П. Д. Киселева и великих реформ; см., например: W. Bruce Lincoln. In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982; Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России: состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979; Весловский Б. Б. История земства за сорок лет. 4 т. СПб.: Издательство О. Н. Поповой, 1909–1911. Об А. Д. Пазухине и дворянской политике в преддверии контрреформ см.: F. W. Weisio. Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics, 1866–1914. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1990; Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX-го столетия: политическая реакция 80-х – начала 90-х годов. М.: Мысль, 1970.

тем жизням, которые строились вокруг безусловного подчинения государственной власти. В конце концов, они превратили это пространство в свою собственность, создав при этом набор языков и образов, позволявших вести с государством разговор через пространство, которое все более расширялось в конце XVIII и начале XIX вв. Владеющая землями и крестьянами сельская знать, вследствие однобокости царистской риторики лишенная понятия о правах и корпоративной идентичности, находила независимость в той самой глуши, которая вызвала презрение у просветителей.

Авторизованный перевод с английского
Н. Эдельмана

~

Д. М. ДЕМУРИН

РУССКО-АНГЛИЙСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1907 ГОДА

И ПРОТИВОСТОЯНИЕ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПЕРСИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«Едва ли не самым характерным признаком русской внешней политики за последние десятилетия XIX века является постоянный антагонизм с Англией, то обостряющийся, то смягчающийся, он неизменно проходит красной нитью через всю историю международных отношений России, в особенности, по азиатским вопросам. Перед началом Русско-японской войны и внутренней смуты в России этот антагонизм находился в периоде особого разгара. Но затем исход кампании и создавшееся отчасти благодаря ему крайне тяжёлое внутреннее положение воочию доказали невозможность продолжения традиционной внешней политики, и в этом отношении 1905 год явился поворотным пунктом в истории наших отношений с Англией. На очереди стояла настоятельная необходимость обеспечить безопасность России на всём громадном протяжении её дальневосточных окраин вплоть до её европейских границ путём выработки целого ряда соглашений. Среди них, бесспорно, важнейшим являлось соглашение с Англией».[1]

Сто лет назад, 18 (31) августа 1907 года, после четырнадцати месяцев переговоров, Россия и Великобритания подписали двустороннее соглашение, касающееся Афганистана, Персии и Тибета. Петербург отказался от самостоятельной политики в Центральной Азии в пользу союзнических отношений с Лондоном. Это был значительный шаг на пути оформления Антанты, или Тройственного Согласия[2].

---

[1] Отчёт Министерства иностранных дел Российской Империи за 1906 г.

[2] В 1891 г. был заключён договор между Россией и Францией; в 1904 г. – договор

В настоящей статье мы рассмотрим, главным образом, региональные аспекты Соглашения России и Великобритании 1907 года. Ибо, на наш взгляд, его преимущественная увязка с Антантой стала причиной предвзятого отношения многих историков к самому Договору, который рассматривался ими не иначе, как один из кирпичиков в мировой политике, лишь как средство для достижения более важной цели. В результате зачастую само Соглашение и развитие русско-английских отношений в Персии с 1907 по 1914 гг.[3] оставались за рамками исследований, либо рассматривались недостаточно внимательно.

Сразу оговоримся, что мы рассматриваем не всё Соглашение, а лишь часть, касающуюся раздела Ирана. Этот вопрос привлёк наше внимание с двух точек зрения. Во-первых, с исторически-источниковедческой. Соперничество Российской Империи и Великобритании в Персии в указанный период крайне важно для понимания всей сложности русско-английских отношений в начале XX века. Кроме того, нам было интересно «поднять» неиспользовавшиеся ранее документы Архива внешней политики Российской Империи.[4]

Во-вторых, само соглашение и последствия его заключения представляются достойными более пристального изучения как интересный эпизод внешнеполитической и непосредственно дипломатической практики. Здесь важны два аспекта. Первый: насколько Соглашение соответствовало интересам каждой из сторон в Персии, учитывая тот факт, что Петербург согласился на раздел сфер влияния в Средней Азии в первую очередь ради союзнических отношений с Великобританией, в то время как Лондон подписывал документ именно для решения своих задач в указанном регионе. И второй: какими методами и приёмами Российская Империя и Великобритания боролись за свои политические и экономические интересы в Персии в начале XX в. (отметим, что для Российской Империи – речь шла о государстве, непосредственно граничащем с ней и имеющем самостоятельную стратегическую важность).

Итак, как мы уже сказали, 18 (31) августа 1907 г. Россия и Великобритания подписали двустороннее соглашение, касающееся Афганистана, Персии и Тибета. Его суть сводилась к разделу этих центральноазиатских

между Англией и Францией; и в 1907 году русско-английское соглашение о разграничении сфер влияния в Иране, Афганистане и Тибете.

[3] Данные временные рамки объясняются фактическим сроком действия Соглашения.

[4] Были использованы документы из фондов: №133: Канцелярия Министерства иностранных дел. Оп. 470; №137: Отчёты МИД России, 1830–1916. Оп. 475; №138: Секретный архив министра. Оп. 467; №144: Персидский стол. Оп. 488, 489; №154: Азиатский департамент. Оп. 710/1, 710/2; №194: Миссия в Персии. Оп. 528/1, 528/2.

государств на английскую и русскую сферы влияния. Не останавливаясь подробно на части, касающейся Афганистана и Тибета, скажем, что там почти монопольное влияние получил Лондон. Договорённость же относительно Персии была более сложной. «Воодушевлённые искренним желанием уладить по взаимному согласию различные вопросы, касающиеся интересов их государств на азиатском материке», и стремясь «предупреждать всякий повод к недоразумениям между Россией и Великобританией в отношении сказанных вопросов», стороны договорились о следующем.

Прежде всего, «Правительства России и Великобритании взаимно обязались уважать целостность и независимость Персии, искренне желая сохранения порядка на всём протяжении этой страны и мирного её развития, равно как и постоянного установления одинаковых преимуществ для торговли и промышленности других народов».[5] Что подразумевало, в первую очередь, отказ от вмешательства во внутреннюю политику персидского правительства.

Сама страна была поделена на три зоны. К северу от линии Касри-Ширин, Исфаган, Иезд, Хакк и точки пересечения русской, персидской и афганской границ располагалась русская сфера влияния; к югу от линии, «идущей от афганской границы через Газик, Бирджанд, Керман и оканчивавшейся в Бендер-Аббасе»[6], – английская. Заключённая же между этими двумя линиями территория считалась нейтральной.

Россия обязывалась не добиваться для себя и не поддерживать в пользу своих подданных, равно как и в пользу подданных третьих держав, каких-либо концессий политического или торгового свойства в зоне влияния Великобритании. Лондон давал такое же обещание относительно северной (русской) сферы Персии. Страны договорились «не противиться, ни прямо, ни косвенно, требованиям подобных концессий» противной стороной в её зоне.

На нейтральной территории Россия и Великобритания обладали равными правами.

Русско-английское соглашение было вполне обычным (для того времени) договором двух крупных империалистических держав, желавших получить гарантии своим инвестициям в малоразвитой азиатской стране с нестабильной внутриполитической ситуацией путём установки контроля над определёнными территориями. Кроме того, это соглашение давало возможность оградить доступ в Персию «третьим странам», и, прежде всего, Германии.

«Такое разграничение сфер влияния, – считает П. Н. Ефремов[7], – могло показаться, на первый взгляд, очень выгодным для России и большой уступкой со стороны Англии, так как северные области Персии, попавшие в сферу

---

[5] Сборник договоров России с другими государствами (1856-1917). М., 1952. С. 387.

[6] Там же. С. 388.

[7] Ефремов П. Н. Внешняя политика России (1907-1914 гг.). М., 1962. С. 59.

влияния России, были более населёнными, более развитыми в промышленном отношении, имели больше крупных городов. Однако это не так.

Во-первых, идя на соглашение, царское правительство отказывалось от своего прежнего отрицательного отношения к разграничению сфер влияния в Персии вообще; оно также отказывалось от своей цели постепенно подчинить себе всю Персию. А в результате этого соглашения политическое влияние России здесь несомненно суживалось. Во-вторых, Россия получила фактически то, что и без того прочно находилось в её руках, так как северная часть Персии издавна, ещё со времени Туркманчайского договора 1828 года, попала под её влияние».[8]

Необходимо также отметить потерю Россией позиций в южной Персии и Персидском заливе, ограничение её возможностей на нейтральной территории, как раз там, где находились столь интересующие англичан нефтяные месторождения страны.

С самого начала у Соглашения и, соответственно, официальной линии по его реализации были противники. С крайне резкой критикой в отношении русско-английского договора 1907 года, и вообще действий недавно назначенного Министром иностранных дел А. П. Извольского, выступал Д. С. С. Иван Алексеевич Зиновьев, кадровый дипломат, находившийся с 1876 по 1883 на должности Чрезвычайного посланника при Насир-эд-Дин Шахе в Иране, а с 1883 по 1891 год – на должности главы Азиатского департамента МИД России: «Сколько мне известно,– писал он,– ни один из предместников А. П. Извольского или представителей наших в Тегеране не усматривали ни малейшей потребности изменить в чём бы то ни было характер сложившихся между Россией и Персией отношений»[9]. И пояснял: «Наше исключительное положение относительно Персии, каковое признавало само Английское Правительство, не только давало нам право, но и обязывало нас заявить ему, что предложенная им политика невмешательства не могла служить достаточным обеспечением наших интересов, и что интересы эти и, в особенности, необходимость охранения спокойствия по близости кавказской границы, ставили нас в необходимость сохранить за собою известную свободу действий, по крайней мере, в северных областях Персии, где сосредоточивались преимущественно наши интересы, и не допускать распространения революционного движения[10] на эти области»[11].

---

[8] Ефремов П. Н. Внешняя политика России (1907-1914 гг.). М., 1962. С. 59.

[9] Зиновьев И. А. Россия, Англия и Персия. С.-Пб., 1912. С. 43.

[10] Персидская революция 1905–1911 годов началась с восстания в Тегеране в декабре 1905 года. Основными требованиями революционеров были: смена премьер-министра, реформа судебных и законодательных органов, в частности, введение конституции, созыв меджлиса (парламента). Активные действия революционеров привели к тому, что 5 августа 1906 года был опубликован указ о введении консти-

Документы Архива[12] свидетельствуют о том, что Зиновьев высказывал эту мысль не только в своей книге, вышедшей в 1912 г., когда фиаско российской политики в Иране стало очевидным и повлиять на ход событий было уже нельзя. Он активно отстаивал данную позицию в своих служебных записках в правительство, когда, прислушайся высшее руководство к его словам, многих ошибок можно было бы избежать: «Главная цель, которая преследовалась нами, в зависимости от исторических условий, различными путями и средствами в течение многолетних сношении с Персией, может быть определена нижеследующим образом: сохранить целость и неприкосновенность владений Шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей Державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения, однако, как внешних признаков её самостоятельности, так и внутреннего её строя».[13]

Англичанам же, стремившимся изменить расстановку сил в Персии, напротив, необходимо было максимально дестабилизировать внутриполитическую ситуацию в стране, привести к власти своих, не зависящих от России, ставленников и уже с их помощью проводить через персидское правительство выгодные для себя решения. Для этого нужно было каким-либо способом снизить активность России в Персии, ограничить её влияние на Шаха, а те шаги, которые Петербург хотел бы предпринять, – поставить под контроль Лондона. Соглашение 1907 г., основными пунктами которого, повторюсь, являлось невмешательство во внутреннюю политику Ирана, соблюдение интересов и прав друг друга в зонах влияния, детальное согласование действий внутри страны, было для Лондона в данных условиях просто находкой. Тем более, что русское внешнеполитическое ведомство неукоснительного соблюдало условия Соглашения с самых первых дней его подписания, на что не преминул обратить внимание английский посол в Петербурге А. Николсон в своём отчёте за 1907 год: «Несмотря на беспокойную, а порой даже тревожную ситуацию в Персии, Русское Правительство строго придерживается принципа невмешательства»[14].

туции; 7 октября того же года созван первый меджлис. 8 января 1907 года умирает Мозаффар-уд-Дин шах, на престол восходит Мохаммед-Али шах. Наступает время активной борьбы с революцией. В июне 1908 года шах разгоняет меджлис, отменяет конституцию. В апреле 1909 года под давлением России и Великобритании шах восстанавливает конституцию и объявляет о созыве меджлиса. Это не приводит к успокоению в стране, и в июле того же года он отрекается от престола. Шахом становится его тринадцатилетний сын Ахмед, регентом при нём – Азид-уль-Мульк. Окончательно революционные волнения прекратились лишь к осени 1911 года. Более подробно см.: Иванов М. С. Иранская революция 1905–1911 гг. М., 1957.

11 (С. 96) Зиновьев И. А. Указ. Соч. С. 50.

12 АВПРИ

13 АВПРИ, ф. 143 «Персидский стол», оп. 488, 1907 г., д. 2292, л. 33.

14 2 British documents on foreign affairs. Ser. A. Russia. Washington, 1983. Vol. 5, p. 89.

На самом деле, державы считали обязательным действовать «в полном согласии, основываясь на принципе невмешательства лишь до наступления к тому безусловной необходимости».[15] Однако, как мы увидим дальше, Великобритания и Россия по-разному понимали термин «безусловная необходимость», что неоднократно приводило к политической конфронтации.

Новые условия проведения российской политики в Персии при ухудшении внутриполитической ситуации в стране требовали немедленного обсуждения. Требовалось пересмотреть общие принципы русской политики в Персии и конкретные меры, необходимые для защиты там русских интересов. Именно этим вопросам и были посвящены многочисленные Особые совещания Совета министров 1907 года.

Первой проблемой, с которой столкнулись члены совещаний, среди которых были премьер-министр А. П. Столыпин, министр иностранных дел А. П. Извольский, министр финансов В. Н. Коковцов, военный министр А. Ф. Редигер, стала степень вовлечённости России во внутреннюю политику Ирана. Председатель Совета министров П. А. Столыпин, отмечая, что «обсуждаемый на заседании вопрос представляет лишь подробность в совокупности весьма сложных отношений наших к Персии»[16], выражал мнение, что с целью обсудить вопрос исчерпывающим образом, «необходимо поставить его шире и рассмотреть с принципиальной точки зрения, какова должна быть вообще наша дальнейшая политика по отношению к Персии в связи с тем преобладающим влиянием, которое обеспечено нам на севере её как вследствие естественного экономического тяготения этих областей к России, так и ввиду преимуществ, предоставленных нам в этой сфере соглашением с Англией. Нужно взвесить, выгоднее ли нам порядок в этой стране или анархия в ней, выгоднее ли поддерживать теперешнее Правительство или отступиться от него».[17]

Здесь важно учитывать, что императорское правительство ещё в начале XIX века оценило выгодность соседства с Персией. Абсолютная власть, которой пользовались в пределах своих владений персидские шахи, обеспечивала им возможность охранять неприкосновенность и самостоятельность Персии и таким образом способствовать сохранению в этих краях столь желательного для России status quo. Та же власть оказывалась необходимой для «обуздания своеволия» поселившихся вдоль кавказской границы персидских кочевых племён, часто нарушавших спокойствие мирных жителей. Обращения русского правительства в Тегеран всегда оказывалось достаточно для восстановления на приграничных землях порядка и наказания его нарушителей.[18] То есть,

---

[15] Сборник дипломатических документов... С.-Пб., 1911. Вып. 1, с. 46, 52. Вып. 2, с. 26.

[16] АВПРИ, ф. 144 «Персидский стол», оп. 488, 1907 г., д. 2292, л. 65.

[17] То же.

[18] Зиновьев И. А. Указ. соч. С. 41–42.

Иран не только не представлял для России никакой опасности, но и помогал царскому правительству поддерживать мир вдоль его границ, что являлось немаловажным фактором для развития торговли в регионе.

Руководствуясь данными соображениями, Петербург признавал необходимость оказывать Персии содействие, в котором она нередко нуждалась. Среди важных мер, предпринятых Россией в пользу Персии, были следующие: защита персидского побережья Каспия от туркменских морских набегов; ликвидация в Бухаре и Хиве рабства и работорговли (среди освобождённых в Хивинском ханстве русской армией в 1873 году 40 тыс. невольников 10 тысяч были иранцами[19]); помощь Ирану в защите его территорий от турецких захватов; покорение Россией Ахалтекинского оазиса в 1881 году[20], обеспечившее восточную персидскую провинцию Хорасан от постоянных набегов текинских туркмен и способствовавшее быстрому развитию благосостояния этой области; постоянные советы и помощь консулов Шаху в разрешении различных внутриполитических ситуаций.

Такая политика России, по мнению И. А. Зиновьева, способствовала «установлению доверчивых и добрососедских отношений между Императорским и Персидским Правительствами, а также укреплению нашего влияния в Персии»[21].

Учитывая историю российско-персидских отношений, а также внутриполитические изменения в Персии в ходе совещаний были подняты следующие вопросы. Во-первых, развитие центробежных сил внутри Персии, способных привести к дестабилизации страны и, как следствие, к смене власти. «Едва ли можно сомневаться в том,– говорил А. П. Извольский на Особом совещании в ноябре 1907 г.,– что названная страна стоит на пути к распаду. Если это так, то для обеспечения наших интересов, сосредоточенных в ней, нам когда-нибудь неизбежно придётся активно вмешаться в её дела. (...) Однако не может быть сомнения в том, что подобное вмешательство было бы в настоящий момент крайне несвоевременным и что поэтому надо стараться отдалить этот момент насколько возможно».[22] То есть в то время, когда соглашение должно было способствовать упрочению позиции России в Персии и обеспечению российских интересов в этой стране, да и вмешательство во внутренние дела для защиты жизней своих подданных и экономических интересов было по нему возможно, на деле Петербург этой возможностью воспользоваться не мог. Английская миссия, исходя из того, что британским интересам соответствовало даль-

[19] История внешней политики России. М., 1997. Т. 4, с. 118.

[20] Там же, с. 122–124.

[21] Зиновьев И. А. Указ. соч. С. 43.

[22] АВПРИ, ф. 144 «Персидский стол», оп. 488, д. 2292 Особые совещания совета министров, 1907 г., л.-л. 65–65 об.

нейшее развитие революции в Персии, выступала категорически против любых действий России, направленных на стабилизацию внутриполитической ситуации в Персии.

А. Ф. Редигером был поставлен вопрос об усилении революционного брожения, «угрожающего вообще нашим политическим и финансовым интересам, а в частности, жизни и имуществу наших Консульских представителей и русских подданных в этой стране». [23]

И, наконец, третью проблему поднял Министр финансов В. Н. Коковцов. Речь шла о необходимости пересмотра Петербургом своей финансовой политики в Персии. В. Н. Коковцов требовал прекращения бессмысленного соревнования в этой сфере с Англией, «которая бесконечно богаче нас и с которой на денежной почве нам абсолютно бесполезно бороться». Кроме того, оказалось, что вложения Великобритании, «будучи много меньше» русских инвестиций, были использованы с «гораздо большим толком».

«Англичане затратили на Персию 2 или 3 миллиона рублей,– говорил граф Коковцов,– а мы вложили туда целых 72 миллиона. К тому же выяснилось, что наши предприятия там мы оборудовали далеко неудовлетворительным образом. Далее следовать такой политике нельзя. У нас слишком много дел у себя дома. После войны и внутренней неурядицы перед нами стоят такие многочисленные задачи, что нам нужно сосредоточить всё своё внимание на их разрешении и на них расходовать наши деньги, а не тратить их в Персии, да ещё так непроизводительно, как это делалось ранее».[24]

Взяв во внимание высказывания участников совещания А. П. Извольский предложил к обсуждению следующие меры: 1) «направленные непосредственно к защите жизни и имущества Русских представителей, учреждений и подданных в Персии», и 2) «меры более общего характера, направленные к воздействию на Персидское Правительство и на беспокойные элементы населения, т. е. военная демонстрация на границе»[25].

По первому пункту члены Совещания единогласно решили принять «энергичные меры к ограждению наших консульств, учреждений и подданных и этим удовольствоваться в ожидании дальнейших событий»[26]. Второй же пункт вызвал разногласия. Министр иностранных дел выступал за «демонстрацию на границе», полагая, что она поможет усмирить «революционный элемент» и, как следствие, подкрепит авторитет персидского правительства и остановит в стране «процесс разложения». «Демонстрация» также могла «послужить к укреплению и нашего престижа, т. к. показала бы

---

[23] АВПРИ, оп. 488, д. 2292, л. 1–59.

[24] АВПРИ, ф. 144 «Персидский стол», оп. 488, д. 2292 Особые совещания совета министров, 1907 г., Л. 68.

[25] Там же, л. 60.

[26] То же.

персам, что Россия не намерена допустить нарушения своих интересов в соседней стране».[27]

Однако другие члены совещания (А. П. Столыпин, В. Н. Коковцов, А. Ф. Редигер) выступили категорически против таких резких шагов: «Демонстрация должна была бы иметь значение угрозы, но вопрос в том, кому мы будем грозить. Если бы у нас были бы какие-нибудь поводы для столкновения с правительством, то путём угрозы можно бы было произвести на него давление и, таким образом, заставить его согласиться на наши требования, – говорит Коковцов. – (...) В данном случае ничего подобного нет. Не подлежат сомнению добрые намерения Шахского Правительства, искренне желающего подавить брожение и обеспечить безопасность наших подданных, но фактически лишённого необходимых для этого средств, так как оно не имеет ни солдат, ни денег. По отношению же к революционерам такая угроза едва ли окажется действительной»[28].

В итоге был найден компромисс. Демонстрацию на границе решено было не производить[29], но подготовить несколько казачьих сотен на Кавказе в таком пункте, откуда они могли бы быть придвинуты к персидской границе в самый короткий промежуток времени. Кроме того, на случай угрозы финансовым интересам не исключалось занятие нескольких персидских таможен силой. При этом, дабы не обострять ситуацию без необходимости, было решено договориться с наместником на Кавказе о плане действий «в предупреждение того, чтобы не было принято каких-либо решительных мер без предварительного одобрения центрального Правительства».[30]

По финансовым вопросам Совещание рекомендовало избегать всяких материальных затрат на персидские дела.

Итог обсуждениям подвёл А. П. Извольский: «Соглашение с Англией открыло широкое поле деятельности для русской предприимчивости, на этом поле нужно работать, нужно пускать в оборот тот нравственный капитал, который нами там создан, а не оставлять его неиспользованным, т. к. наша бездеятельность более всего способствовала бы умалению престижа русского имени. Иначе всё то, что до сих пор было сделано, оказалось бы бесцельным: все принесённые нами жертвы, все произведённые затраты, вся кропотливая и трудная работа по соглашению с Англией, в силу которого мы отмежевали для своих предприятий если не всю Персию, что было бесспорно немыслимо, то более половины её – всё это оказалось бы

---

[27] АВПРИ, ф. 144 «Персидский стол», оп. 488, д. 2292 Особые совещания совета министров, 1907 г., л. 60.

[28] Там же, л.-л. 61-61об.

[29] British documents on foreign affairs. Washington, 1983. Ser. A, Russia, vol. 5, p. 89.

[30] АВПРИ, ф. 144 «Персидский стол», оп. 488, д. 2292 Особые совещания совета министров, 1907 г., л. 69об.

бесплодным. Но если мы хотим, чтоб в будущем, когда Россия выйдет из нынешнего трудного положения, когда у нас будут свободные руки, свободные капиталы, приступить к работе в отмежёванной нами части Персии, то мы обязаны сообразовать с этими видами на будущее и те меры, которые мы теперь принимаем, и рассчитать их действие на более далёкое время вперёд.»[31]

С учётом отказа от проведения активной политики – а именно так можно в сжатом виде сформулировать суть определённой на совещаниях линии в отношении Персии – оставалось неясным, каким образом Россия сможет строго сохранить свои экономические и политические позиции в этой стране, а по возможности (как того хотел Министр), даже «укрепить своё влияние в этом регионе, дабы в будущем иметь возможность получать гарантированную прибыль от русских вложений предшествующего периода». Более того, та сравнительно бездеятельная позиция, которую занял Петербург, отсутствие какого-либо плана действий по отстаиванию своих интересов в охваченной революцией стране, свидетельствуют о том, что российским руководством не рассматривалась должным образом возможность серьёзных внутриполитических перемен в Персии и, как следствие, прихода там к власти недружественного Российской Империи правительства.

В следующем, 1908 году внутриполитическая ситуация в Персии значительно ухудшилась. В стране усилилась анархия. Известный специалист по этому региону М. С. Иванов[32] видел основную причину беспорядков в противодействии революции со стороны шаха и его правительства. Однако мы более склонны согласиться с объяснением сложившегося положения, которое даёт И. А. Зиновьев: «В стране, какова Персия, где верховные правители пользовались до тех пор неограниченной властью, где не существовало других законов, кроме духовных, ни каких-либо организованных государственных или общественных учреждений, и где как культурный, так и нравственный уровни населения весьма низки, применение конституции должно было неизбежно породить общую распущенность и анархию. Ниспровергая вековые устои внутреннего быта Персии, конституция непосредственно способствовала пробуждению дремавших в известных слоях населения самых низменных и грубых инстинктов. В самом деле, в самое короткое время вся Персия покрылась сетью импровизированных самозваных кружков, руководители коих, под предлогом защиты конституционных учреждений и прав народа, направили все свои усилия к искоренению следов существовавших до того порядков и к подчинению своему собственному

---

[31] АВПРИ, ф. 144 «Персидский стол», оп. 488, д. 2292 Особые совещания совета министров, 1907 г. Л. 61–61 об.

[32] Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М., 1952; Иванов М. С. Иранская революция 1905–1911. М., 1957.

произволу всех функций как правительственного организма, так и народной жизни».[33]

Если в столице шах ещё мог влиять на развитие событий и сохранять порядок, что впрочем не помешало предпринять попытку, хотя и неудачную, покушения на него 15 февраля 1908 года[34], то в провинциях ситуация находилась целиком и полностью в руках революционеров, а чаще, – людей, лишь именующих себя таковыми. Местные власти были бессильны, персидское правительство же, ко всему прочему до крайности стеснённое в материальных средствах, лишено было возможности поддержать своих ставленников. Анархия распространилась на целые области; образовывались многочисленные шайки, которые грабили мирное население, а со стороны кочевых племён стали производиться постоянные набеги на главные транспортные артерии, что подрывало торговлю.[35]

Между тем, ситуация продолжала ухудшаться. С точки зрения русских интересов, особенно опасными были беспорядки, возникшие в Северной Персии[36], в первую очередь, в Азербайджанской области. В конце марта 1908 года группа персидских анархистов из кочевого племени Шахсеевенов совершила нападение на российский пограничный пост; был убит ротмистр[37], убито и ранено несколько низших чинов. К июню власть в Тавризе, главном городе Азербайджана, практически полностью перешла в руки революционного энджумена, возглавлявшегося Саттаром, «безграмотным авантюристом, служившим раньше конюхом, затем занимавшимся барышничеством, а позже воровским промыслом как более выгодным. В Тавризе Саттара, – по словам Зиновьева, – причисляли к классу люти, т. е. бродяг, способных ради личных выгод на всякие мерзости и даже на преступления».[38] В помощники себе он взял бывшего каменщика Багира, имевшего столь же «лестную» репутацию. Оба они присвоили себе титулы ханов и начали вымогать деньги у зажиточных граждан на «поддержку конституции».[39]

В связи с обострением ситуации было собрано очередное Особое совещание[40]. Главную проблему сформулировал А. П. Извольский: «Страна находится в состоянии сильного брожения, которое, затрагивая многочисленные

---

[33] Зиновьев И. А. Указ. Соч. С. 27–28.

[34] Сборник дипломатических документов... С.-Пб., 1911. Вып. 1, с. 116–119.

[35] Зиновьев И. А. Указ. Соч. С.-с. 74–75.

[36] Сборник дипломатических документов... С.-Пб., 1911. Вып. 1, с. 81–82, 110, 115, 123, 128.

[37] Там же. С. 131–132.

[38] Зиновьев И. А. Указ. Соч. С.-с. 77–78.

[39] То же; Сборник дипломатических документов... С.-Пб., 1911. Вып. 1, с. 242.

[40] АВПРИ, ф. 144 «Персидский стол». Оп. 488, д. 2293. Журнал заседания Особого совещания по вопросу о направлении русской политики по отношению к Персии. 17 и 19 декабря 1908 г. Л. 88об.

наши интересы, может, помимо нашей воли, привести нас к столь нежелательному для нас вмешательству». Кроме того, продолжал министр, «Шах, по-видимому, постоянно старается вызвать нас к оказанию ему поддержки и вовлечь нас в единоличные действия, помимо Англии»[41].

Стремление шаха легко объяснить: «Россия, – как отмечал гофмейстер Н. Г. Гартвиг, – постоянно поддерживала Шахскую власть Каджарского дома, тогда как отношение Англии к этой власти далеко не всегда было дружественным. Англичане неоднократно посягали на целостность Персии и поддерживали не законного Шаха, а претендента на Престол – Принца Зилли-ус-Султана. Вследствие этого в Персии исторически сложилось доверие к России со стороны не только Шаха и Правительства, но и самого народа».[42]

Опасаясь, однако, обострения отношений с Великобританией Петербург снова отказывается от активных действий, хотя становится всё более очевидным, что в погоне за английской «дружбой» Российская Империя может потерять своего верного сторонника, воспитанного русским подданным С. М. Шапшалой[43], Мохаммеда-Али Шаха. «Нам пришлось бы разбить Саттар-Хана, являющегося ныне фактическим хозяином Азербайджана, занять Тавриз и, по всей вероятности, продвинуться далее в глубь Персии. – Говорит Министр иностранных дел. – Не может, кажется, быть сомнения в том, что подобные действия с нашей стороны привели бы к уничтожению соглашения с Англией, а это явилось бы нарушением изложенного выше основного принципа (внешней политики – *Д. Д.*), требующего от нас наоборот строгого соблюдения этого соглашения».[44]

В этой ситуации Петербург решается лишь обратиться к Мохаммеду-Али Шаху с требованием немедленного назначения в Ардебиль энергичного губернатора, который располагал бы войском и мог бы установить контроль над провинцией[45] и выдвигает требование найти и наказать разбойников, напавших на российский пограничный пост[46].

При этом даже английская сторона, отмечая «значительное терпение и мудрое решение России воздержаться от принятия активных действий в Персии», признаётся, что «в случае интервенции было бы несправедливо критиковать Россию за её стремление защитить свои интересы».[47]

---

[41] Там же. Л. 89.

[42] АВПРИ, ф. 144 «Персидский стол». Оп. 488, д. 2293. Журнал заседания Особого совещания по вопросу о направлении русской политики по отношению к Персии. 17 и 19 декабря 1908 г. Л. 89 об.

[43] Зиновьев И. А. Указ. Соч. С.-с. 21–22.

[44] АВПРИ, ф. 144 «Персидский стол». Оп. 488, д. 2293. Л. 89 об.

[45] Сборник дипломатических документов... С.-Пб., 1911. Вып. 1, с. 132–133.

[46] Там же. С. 139, 184.

[47] Отчёт А. Николсона за 1908 г. British documents on foreign affairs. Washington, 1983. Ser. A. Russia, vol. 5, p. 21.j.

Ещё одним важным вопросом, который рассматривался на заседании Особого совещания Совета министров по персидским делам, проходившем 17–19 декабря 1908 года, была форма правления в Персии: поддерживать ли России автократическую власть шаха, или же следует принудить его вернуть конституцию?

Министр финансов В. Н. Коковцов подчёркивал в этой связи, что «введение народного представительства иногда бывает связано и с самыми неожиданными осложнениями, примером чего может служить деятельность у нас Думы первого и второго созыва: тем более можно этого ожидать в Персии, где культура несравненно ниже, чем в России. В 1906 и 1907 годах мы вышли из крайне тяжёлого положения благодаря тому, что Правительство опиралось на значительную и вполне организованную военную силу; в Персии же и этого нет. Возможно ли при таких условиях брать на себя совестовать Шаху введение конституции?».[48] И. А. Зиновьев «касательно восстановления порядка в Персии» считал, что «простейший и даже единственный благонадёжный путь к достижению этой цели заключался в поддержании авторитета шаха и в предоставлении Ему средств», [49] т. е. опять же в поддержании центральной власти. Сам Мохаммед-Али Шах был уверен, что Персия погибнет, если под видом конституционного режима дать волю её анархическим задаткам.[50]

Ситуацию осложнял крайне низкий уровень политической элиты в Персии. «В Персии нет ни действительного Правительства, ни сколько-нибудь сносной финансовой системы, ни значительной военной силы, а между тем нам нужно, чтобы там установилось хоть какое-нибудь организованное управление,– высказывался на заседании В. Н. Коковцов.– Не в установлении представительного образа правления следует искать путь к упорядочению положения персидских дел: опыт первого меджлиса показал, что депутаты являются не менее корыстолюбивым элементом, чем нынешняя администрация. Если в Персии найдутся честные люди, то она сама выйдет из своих затруднений, и этот путь самодеятельности является единственно верным выходом для неё; если же таких людей в Персии нет, то никакая помощь не возможна; постоянными денежными подачкам нельзя спасти этой страны».[51]

В своём большинстве царское правительство негативно относилось к идее конституционного преобразования Персидского государства, при этом опасения вызывал не столько конституционный образ правления сам по себе, сколько пути его адаптации в Персии. К сожалению, и в вопросе

---

[48] АВПРИ. ф. 144 «Персидский стол». Оп. 488, д. 2293, 1908 г. Л. 92.

[49] Зиновьев И. А. Россия. Англия и Персия. С.–Петербург, 1912. С. 51.

[50] АВПРИ. ф. 144 «Персидский стол», оп. 489, д. 5996, л. 306.

[51] АВПРИ. ф. 144 «Персидский стол», оп. 488, д. 2293. Л.-л. 93 об.-94.

о конституции, и в вопросе формирования персидского государственного аппарата Российская Империя больше не могла действовать самостоятельно. Прежде чем дать какой-либо совет шаху, необходимо было согласовать его с позицией лондонского кабинета. «Что касается вопроса о конституции,– говорил А. П. Извольский,– то обойти его невозможно, так как он является центральным пунктом борьбы в Персии. На этом играют и в Персии, и в Европе, выставляя Англию покровительницей прогресса, а Россию сторонницей реакции. Давая повод сомнениям в полной согласованности действий России и Англии, мы даём пищу подобным толкам. Мы должны до мелочей придерживаться согласия с Англией, а это возможно лишь в том случае, если мы примем её точку зрения на вопрос о конституции; если же мы с ней в этом пункте разойдёмся, то лишь облегчим этим возможность проникновению в Персию влияний других держав».[52]

Тем не менее, несмотря на предвидимые А. П. Извольским возражения со стороны Великобритании, принятый ряд решений был изложен в «Проекте предложений Великобританскому Правительству, выработанному на основании журнала заседаний 17 и 19 декабря 1908 Особого Совещания по Персидским делам», своего рода «дорожной карте», и передан Лондону.

С целью урегулирования финансового вопроса, а затем и удовлетворения в возможной степени высказываемых населением пожеланий об установлении представительного образа правления шаху предлагалось, во-первых, «призвать к государственной деятельности способных и энергичных людей, которые уже доказали на деле своё желание вывести страну из её затруднительного положения, как, например, Саад-уд-Доуле, который разработал проекты выборных установлений для Персии, или Наср-уль-Мулька, который в бытность Председателем Кабинета и Министром Финансов изготовил проекты реорганизации персидских финансов и законов о малиате (вид налогов), а также и первый проект Правительственного бюджета» и, во-вторых, начать разработку «закона о новом выборном установлении, которое, в соответствии с исторически сложившимися бытовыми и религиозными понятиями персидского народа, удовлетворяло бы нуждам его и способствовало бы водворению спокойствия и порядка в Персии».

В случае если шах даст достаточные доказательства в своей решимости последовать советам России и Англии, документом предусматривалось оказание ему со стороны обеих держав содействия в получении крупного займа, «при условии учреждения особой Комиссии из директоров Русского и английского банков в Тегеране и делегатов от Персидской стороны».[53] Комиссия должна была следить за расходованием государственных средств исключительно на нужды страны, составлением и использованием бюджета,

---

[52] АВПРИ, ф. 144 «Персидский стол», оп. 488, д. 2293. Л. 94.

[53] АВПРИ, ф. 144 «Персидский стол», оп. 488, д. 2293. л. 97.

содействовать Шаху в пересмотре и урегулировании законов о малиате. И, что немаловажно, предлагалось также выдать Персии 5 млн. франков в счёт будущего займа для «неотложных расходов, связанных с введением первоначальных реформ».[54]

Проект, целью которого было помочь продержаться действующему Шаху у власти, конечно, не встретил одобрения со стороны западного союзника. Англичане настаивали на «совершенном устранении от какого-либо участия в персидских делах» России и Великобритании и предлагали «предоставить событиям в этой стране свободное течение».[55] Хотя Великобритания и признала тот факт, что интересы России страдают больше интересов Англии из-за анархии в Персии, Лондон категорически отказался от выдачи каких-либо денег Шаху до созыва Меджлиса. Отказ британского правительства английский посол в Санкт-Петербурге, А. Никольсон объяснил «наличием вполне определённого английского общественного мнения, отрицательно относящегося к мысли о персидском займе до восстановления Шахом конституционного образа правления»[56]

В ответной памятной записке лондонского кабинета от 21 января 1909 года британское правительство заявило, что оно «склонно думать, что для Великобритании и России было бы лучше всего оставаться совершенно в стороне от внутренних дел Персии и предоставить существующему хаосу продолжаться, пока наиболее сильный элемент в стране не возьмёт верх. Тем временем Британское Правительство готово подвергнуться опасности, которая могла бы при этом угрожать британским коммерческим интересам».[57] Кроме того, англичане предложили ужесточить давление на шаха, отказав ему в малейшей поддержке до введения конституции, которое должно произойти не позднее строго определённого срока. Великобритания, таким образом, заняла полностью противоположную российской позицию.[58]

С учётом известных данных не трудно понять цель, которую преследовала Великобритания. Опыт первого введения конституции показал, что Персия ещё не готова к конституционному правлению. Этот факт отмечали и русские, и англичане. 2 января 1907 года английский поверенный в делах в Персии Г. Марлинг писал в Лондон: «Дело в том, что Персия ещё не подготовлена

---

[54] Там же, л. 97 об.

[55] АВПРИ, ф. 144 «Персидский стол», оп. 488, д. 2294, Журнал Особого Совещания о направлении внешней политики по отношению к Персии 9 февраля 1909 года. Л. 52.

[56] АВПРИ, ф. 144 «Персидский стол», оп. 488, д. 2294, л. 74об. Журнал Особого Совещания о направлении внешней политики по отношению к Персии 16 февраля 1909 года.

[57] АВПРИ, ф. 144, оп 489, д. 599б. л. 4 об.

[58] АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 2294, л. 75.

для представительных учреждений и что и два будущих поколения окажутся столь же мало подготовленными к этим учреждениям».[59] И. А. Зиновьев утверждал, что «история не представляет ни одного примера среднеазиатского государства, которое управлялось бы на основании конституционных, заимствованных у Западной Европы, учреждений. История свидетельствует напротив того, что поддержание порядка в этих государствах возможно лишь при условии существования сильной централизованной власти».[60]

Более того, на тот момент ещё ни одна из европейских держав, имеющих колонии в Азии или Африке, не решалась преобразовать управление этими колониями на конституционных основаниях. Вполне корректным будет сравнение Персии с Афганистаном, где преобладали государственные интересы Великобритании. Англия не раз была вынуждена вмешаться в возникавшие в Афганистане осложнения внутриполитической ситуации. И всегда её усилия были направлены на создание в Кабуле сильной политической власти, которая располагала бы необходимыми средствами для подавления внутренних мятежей и охраны целостности государства. На каких тогда основаниях Лондон счёл необходимым применить к Персии совсем другие стандарты?

С точки зрения простой логики, крайне спорным решением было требовать от шаха повторного введения конституции, видя, в какой хаос и анархию она погрузила страну. Начиналась гражданская война. Тем более немыслимо было ожидать, что Мохаммед-Али сможет в какое-то определённое время без малейшей поддержки со стороны Петербурга и Лондона превратить раздираемое революцией государство в государство конституционное.

И. А. Зиновьев считает, что «англичане как нельзя более устойчивы в своих политических убеждениях. Потому нисколько не удивительно, что и после состоявшегося между Россией и Англией сближения они не усмотрели необходимости, в виду возможных в будущем случайностей, отречься от своей прежней программы, один из главных пунктов которой требовал настойчивого противодействия распространению влияния России в Средней Азии и её преобладанию в Персии. В каждом шаге нашем в Средней Азии, обусловливавшемся настоятельной необходимостью обеспечить безопасность наших азиатских окраин, английское правительство постоянно усматривало признаки наших якобы враждебных Англии замыслов и не упускало случая обращаться к императорскому правительству с запросами и замечаниями и даже не раз пыталось исторгнуть из нас обещание, что мы не пойдём далее.

Возникшая в Персии революция показалась английскому правительству удобным моментом для осуществления её (Англии – *Д. Д.*) политической программы. Не считая возможным примириться с русофильскими убеждениями Мохаммед-Али Шаха, оно поставило своей задачей дать событиям неблаго-

---

[59] Зиновьев И. А. Указ. Соч. С.-с. 63–64.

[60] Там же. С. 45

приятный для него оборот и в этих видах предложило России воздержаться от вмешательства во внутренние дела Персии, каковое обстоятельство должно было послужить поощрением революционному движению»[61].

В марте 1909 года, ввиду опасений репрессивных действий со стороны персидских войск начался переход мирного населения на территорию России. Ситуация в Персии ухудшалась. Пришлось усилить там охрану представительств двух стран. Активные действия революционеров, погружавшие страну в анархию и, безусловно, угрожавшие жизни российских подданных и экономическим интересам Империи, требовали ответных шагов. Наибольшую обеспокоенность вызывала ситуация на дорогах, прежде всего, Энзели-Тегеранской.[62] Министр финансов неоднократно обращался к министру иностранных дел[63] и в Совет министров[64] с просьбой о выделении военной силы для охраны дороги. Но здесь, как и везде, России приходилось считаться с мнением Лондона, а англичане утверждали, что «движение по упомянутой дороге производится до сих пор пока довольно правильно» и что «одной угрозы движения русского отряда оказалось бы, быть может, достаточно для обеспечения и впредь означенного движения».[65] Они намекали на то, что «русское военное занятие дороги было бы, при существующих обстоятельствах, по всем вероятиям, сочтено за вмешательство во внутреннюю борьбу персидских партий».[66] По той же причине настаивали они и на уменьшении нашего Казвинского отряда. В итоге торговля несла существенные убытки; русские подданные находились в опасности. Российская Империя могла только готовить вооружённые отряды в Баку, чтобы в случае возникновения критической ситуации, выслать их в Энзели и направить в сторону Тегерана.

21 апреля царское правительство, после долгого периода колебаний, всё-таки вынуждено было отправить в Тавриз контингент русских войск. Целью экспедиции было открытие Джульфа-Тавризской дороги для обеспечения снабжения города продовольствием. При этом командующему войсками генералу Снарскому категорически воспрещалось принимать какое-либо участие во внутреннем конфликте.[67] Относительно русских войск в Персии военный министр заявил на заседании Особого совещания Совета минист-

---

[61] Зиновьев И. А. Указ. С. 48.

[62] Сборник дипломатических документов... С.-Пб., 1911. Вып. 1, с. 120. Копия шифрованной телеграммы Е. И. В. Наместника на Кавказе Председателю Совета Министров.

[63] АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 2294, л. 143. Секретное письмо Г. Министра Финансов на имя Управляющего МИД от 21 апреля 1909 г.

[64] Там же, л. 175. Журнал Особого Совещания 25 апреля 1909 г.

[65] То же.

[66] То же.

[67] British documents on foreign affairs. Washington, 1983. Ser. A, Russia, vol. 5, p. 354.

ров, проходившего 25 апреля, что «не задаваясь широкими замыслами, нам необходимо ограничить круг активной деятельности охраной при помощи военной силы района принадлежащих России концессий – Энзели-Тегеранской и Джульфа-Тавризской дорог». Чтобы не вызывать резкое недовольство у Великобритании и других стран, он рекомендовал ограничить охрану «абсолютным необходимым минимумом» и все «лишние силы» отозвать обратно в Россию.[68]

В итоге, Петербургу удалось в некоторой степени защитить российские интересы, но невозможность более активных действий привела к потере доверия правительства Персии. «Невмешательство» России получило в глазах иранцев значение попустительства во вред шаху.[69]

22 апреля 1909 г. Мохаммед-Али-Шах после долгого колебания между опасениями в действенности и перспективности либеральных реформ в его стране и сознанием необходимости сохранить дружественные отношения с Россией и Великобританией, настаивавшими на восстановлении «Основного закона», издал указ о восстановлении конституции и назначил сроки выборов в парламент.[70] Началось формирование правительственного кабинета. Но действия шаха не возымели должного результата внутри страны.[71] Войска Федаев и Бахтиаров стали приближаться к Тегерану. Спустя месяц город был в руках революционеров.[72]

В этой неудаче Мохаммед-Али-Шах обвинил своих европейских союзников. «Вы уверяли меня в том,– сказал шах, обращаясь к русскому и английскому представителям во время одной из своих последних аудиенций,– что возвращение конституции Персии прекратит смуты и сделает меня счастливым государём. При этом вы неизменно уверяли меня в вашей дружбе и обещали мне, если я буду вести себя конституционным монархом, поддержку и симпатию. Вы думали, что конституция исцелит эту страну и что народ мой к ней подготовиться. Я сделал всё, как вы мне сказали. Вы видите результаты. Страна в полной анархии и мне открыто грозят».[73] 3 июля 1909 года шах покинул Тегеран, тем самым отрекаясь от престола. Спустя три дня, английский посланник и русский поверенный в делах по поручению своих правительств сообщили персидскому министру иностранных дел о признании Султан-Ахмеда, старшего сына Мохаммеда-Али, шахом Персии. Регентом при тринадцатилетнем шахе был назначен проанглийски настроенный Азид-уль-Мульк.

---

[68] АВПРИ, ф. 144 «Персидский стол», оп. 488, д. 2294, л. 177 об.

[69] British documents on foreign affairs. Washington, 1983. Ser. A, Russia, vol. 5, p. 355.

[70] Сборник дипломатических документов... С.-Пб., 1911. Вып. 2, с. 158.

[71] Там же, с. 172, 240–242.

[72] Там же, с. 257–262.

[73] Сборник дипломатических документов... С.-Пб., 1911. Вып. 2, с. 224.

Безучастие, которое императорское правительство проявило к Мохаммед-Али Шаху, когда он очутился в безвыходном положении, было для иранцев неожиданностью. От их внимания не ускользнуло, что Россия отошла от своей традиционной самостоятельной политики и предпочла согласовывать свои действия со своей ещё совсем недавней соперницей – Великобританией. Авторитет Российской Империи в Персии упал. Июньский переворот и последующие события показали, сколь неблагоприятна была для России политика невмешательства.

Приход к власти либералов шёл параллельно с ростом английского влияния в Тегеране. В новых условиях Великобритания отказалась от своей политики невмешательства и настаивала на выдаче Персии займа. Россия же, вдруг потерявшая своё влияние в правительстве Персии, напротив, не спешила с этим. Кроме того, Петербург сильно волновали гарантии под заём, ибо новое правительство, безусловно надеющееся на финансовую поддержку, пока не проявило себя как надёжный и перспективный партнёр. Да и ситуация в Персии была далека от стабильной.[74] В то же время, сохраняя сильные позиции в экономике Ирана, Петербург не хотел уступить в этой области Великобритании. Позиция А. П. Извольского была такова: «Отказом от участия в нынешней предлагаемой финансовой операции, на которой так настаивает Англия, мы могли бы подвергнуть опасности тот принцип солидарности наших действий с Лондоном, который кладётся нами в основу нашей политики в Персии. Вместе с тем, такой образ действий с нашей стороны был бы, несомненно, истолкован на месте как несочувствие наше новым порядкам, чем могла бы свестись к нулю вся работа по восстановлению к нам доверия путём невмешательства во внутренние дела». Министр иностранных дел полагал желательным «участвовать принципиально в ссуде Персии, но с допущением компромисса относительно размеров нашей доли».[75] Англичане предлагали выдать аванс в 10 млн. франков, половина которого была бы долей России. Совет Министров пришёл к выводу о желательности участия в размере 2,5 млн. Также уточнялась необходимость твёрдой гарантии погашения этого аванса в течение 4–5 лет. Первое пожелание Петербурга было учтено, однако срок погашения был увеличен до 10 лет.

Кардинальная перемена, произошедшая в расстановке сил в Персии в 1909 г., и рост агрессивности английской политики, часто в нарушение Соглашения, делали отношения между Россией и Великобританией всё более напряжёнными. Разногласиям между «союзниками» вызывал вопрос о создании в Персии военной силы для поддержания порядка в стране. Шахская казачья бригада под командованием полковника Ляхова вызывала большое

---

[74] Сборник дипломатических документов... С.-Пб., 1911. Вып. 3. С. 82–88.

[75] АВПРИ, ф. 144, Персидский стол, оп. 488, д. 2295, л. 217. Журнал Особого Совещания по персидским делам, 17 декабря 1909 г.

недовольство в Великобритании[76], в связи с чем Лондон высказывался за привлечение иностранных инструкторов. А. П. Извольский же в телеграмме главе российской миссии в Тегеране Поклевскому-Козелл замечал, что «лучшим выходом было бы немедленное усиление единственной правильно организованной воинской части в Персии, а именно Шахской казачьей бригады»[77].

Другой точкой столкновения интересов был контракт, заключённый персидским правительством с Шахиншахским (английским) банком в марте 1910 года, на монопольную поставку серебра в течение всего 1910 года[78]. В мае этого же года было выпущено распоряжение о беспошлинном ввозе серебра в Персию, что нанесло существенный урон финансовым интересам России. Это распоряжение было опротестовано Д. С. С. Поклевским-Козелл[79], так как беспошлинный пропуск серебра уменьшал доход северных таможен, служащих обеспечением российских займов, на весьма крупную сумму. В июне того же года беспошлинный ввоз был отменён[80], а вот продление в 1911-ом году персидским правительством контракта о поставке серебра Английским банком явилось очередным подтверждением невнимательного отношения к российским интересам персидского и британского правительств.[81]

В 1910 г. ситуация внутри Персии вновь начала обостряться. Активные выступления шахсевенских племён, разграбление Ардебиля, разбойничьи действия Саттара и Багира, нанёсшие значительный урон русским подданным,[82] требовали немедленного вмешательства вооружённых сил. Однако отряд русских войск в Тавризе составлял в начале 1910 года 500 человек, в то время как войска Саттара, Багира и поддерживавших их Федаев – 2500 с пулемётами и пушками.[83] Персидское правительство же со своей стороны принимало очень слабые меры для исправления сложившейся ситуации. Наместник Е. И. В. на Кавказе граф Воронцов-Дашков настаивал на удалении Саттара и Багира из Тавриза силами российских войск, находящихся в его распоряжении, поскольку возвращение из Персии осенью 1909 года «запасных» отрядов привело к тому, что «наличных наших сил, – по мнению Консульского Представителя в Тавризе и Начальника отряда, – оказалось недостаточно»[84]. Доведение же отряда до прежнего размера путём присыл-

---

76 British documents on foreign affairs. Washington, 1983. Ser. A, Russia, vol. 5, p. 358.

77 Сборник дипломатических документов... С.-Пб., 1911. Вып. 3, с. 313–316.

78 Сборник дипломатических документов... С.-Пб., 1911. Вып. 4, с. 127.

79 Там же, с. 206–207.

80 Сборник дипломатических документов... С.-Пб., 1911. Вып. 4, с. 226.

81 АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 5996, л. 50б.

82 Там же, с. 63–68.

83 Там же, с. 74–75.

84 АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 2296, л.-л. 19-190б. Журнал Особого Совещания по Персидским делам 5 марта 1910 г.

ки новых войск из России стало на деле невозможным, так как один лишь слух о нём вызвал сильный протест как в Персии, так и в Западной Европе. Изгнание Саттара и Багира было бы расценено как вмешательство России в дела Персии и поставило бы под угрозу англо-русское соглашение.[85]

Существенное ухудшение наметилось и в отношениях с самим Тегераном. Все пожелания Петербурга стали вызывать если не протест, то явное неудовольствие персидского правительства.[86] И это при том, что Петербург старался лишь подтолкнуть Персию к самостоятельным действиям с целью обеспечения безопасности мирных граждан и общих экономических интересов в стране.

В результате Петербург всё-таки был вынужден отправить в Персию свои войска. «Мы признаём, – говорил А. П. Извольский, – что Персия до настоящего времени находится в состоянии полной анархии. При этих условиях основная наша точка зрения о необходимости невмешательства во внутренние дела этой страны может быть применяема на практике лишь с некоторыми отступлениями, вызываемыми тем обстоятельством, что мы имеем дело со страной, не пользующейся внутренним миром и спокойствием. Совместными усилиями Россия и Великобритания пытаются придти на помощь Персии, причём первым шагом в этом направлении было бы устройство займа, чтобы обеспечить персам возможность выйти из нынешнего положения и привести управление в порядок. Со своей стороны мы требуем установления контроля в видах гарантирования правильного расходования государственных средств и принимаем нужные меры к охране наших непосредственных интересов в северной зоне Персии. В этих видах мы посылаем наши отряды в наиболее важные для нас пункты Тавриз, Казвин, Ардебиль – с исключительной задачей защищать наши интересы в этих местах, но отнюдь не для управления, хотя бы даже временного, и, во всяком случае, не для завоевания. Такова общая схема нашей политики»[87]. При этом Министр подчеркнул, что существенным элементом политики является согласие с Англией, отношения с которой не надо подвергать «опасным испытаниям». Поэтому, считал он, такие меры, как посылка русских войск в Персию, к которой английское общественное мнение, а главное, лондонский кабинет относятся с «некоторой чувствительностью», следует проводить очень аккуратно, «дабы не расстраивать доброго согласия, существующего между обеими державами»[88].

Несмотря на то, что Русско-английское соглашение 1907 года, как мы уже говорили, предусматривало в случае крайней необходимости возмож-

---

[85] АВПРИ. ф. 144, оп. 488, д. 2296, л.-л. 19-19об. Журнал Особого Совещания по Персидским делам 5 марта 1910 г.

[86] British documents on foreign affairs. Washington, 1983. Ser. A, Russia, vol. 6, p. 112.

[87] АВПРИ. ф. 144, оп. 488, д. 2296, Л. 24об.-25.

[88] То же.

ность вмешательства во внутренние дела страны, Лондон всегда препятствовал активным действиям России, направленным на защиту её подданных и экономических интересов. Вынужденная посылка русских войск в Тавриз во второй половине 1910 года была воспринята английским правительством крайне болезненно, а британское общественное мнение вообще расценило действия России как интервенцию, целью которой было присоединение ряда персидских провинций к Российской Империи. [89]

Параллельно с военной защитой МИД России предлагал использовать экономические рычаги давления в качестве средства убедить Персию в необходимости более внимательного отношения к его пожеланиям. Т. е. увязать экономические вопросы с политическими. «Я исхожу из того положения,— писал В. О. Фон-Клем, вице-директор 1-ого департамента Министерства иностранных дел, Посланнику российского посольства в Тегеране С. А. Поклевскому-Козелл,— что, в общем, Персия, конечно, гораздо больше нуждается в нас, чем мы в ней; а способов вселить в персов явное сознание этого у нас не мало».[90] В качестве «мелких стеснений» вице-директор предлагал «отказ в их бесчисленных просьбах о льготном транзитном пропуске разных предметов для шахского двора и правительства, отказ в признании вновь назначенных персидских консулов, предъявление здешней персидской миссии более настоятельных требований об уплате за нанимаемое здесь помещение и за отправление ею телеграмм» и т. д.[91]

«Само собою разумеется,— добавляет Фон-Клем,— что удовлетворительных результатов можно было бы добиться гораздо скорее, если бы давление на шахское правительство производилось не одними нами, но и Англией. Однако в настоящий момент я ещё не вижу возможности склонить лондонский кабинет к предложенной нами системе репрессий. С другой стороны я убеждён, что нынешний образ действий персов наносит ущерб не только нам, но и англичанам, так как отдаляют Персию от обеих держав и облегчают проникновение туда Германии, что так же мало отвечает английским интересам, как и нашим».[92]

Действительно, когда в сентябре 1910 года новый Министр иностранных дел России С. Д. Сазонов, предложил английскому послу в Петербурге Дж. Бьюкенену оказать на Персию совместное экономическое давление, Великобритания категорически отказалась. Лондон опасался, что такие меры могут «помешать формированию демократического персидского правительства», а также приведут к очередному усилению российского влияния в Персии.[93]

---

[89] АВПРИ. ф. 144. Персидский стол, оп. 489, д. 5996., л. 4 об.

[90] АВПРИ. ф. 144. Персидский стол, оп. 488, д. 2296, л. 264.

[91] Там же. Л.л. 265об.-266.

[92] АВПРИ. ф. 144. Персидский стол, оп. 488, д. 2296. Л.л. 267-267об.

[93] British documents on foreign affairs. Washington, 1983. Ser. A, Russia, vol. 6, p. 115.

Конечно, есть и примеры, когда российскому МИД удавалось заставить Великобританию учесть свои интересы в Иране, но это были скорее исключения из правил. Тем более, что благосклонность лондонского кабинета приходилось буквально вырывать зубами, порой ценой существенного обострения в отношениях между двумя державами.

Прежде всего, речь идёт о так называемом «инциденте майора Стокса» и о деятельности финансового советника при персидском правительстве М. Шустера. Британский военный агент майор Стокс был приглашён в 1911 году Главным Казначеем персидского правительства американцем М. Шустром в качестве руководителя жандармерии, которую последний намеревался создать для содействия казначейству[94]. «Финансовая жандармерия будет будто бы состоять из 7000 конных и пеших людей... большая часть персидских вооружённых сил будет находиться под начальством... двух лиц... (Шустера и Стокса – *Д.Д.*),» – телеграфировал С. А. Поклевский-Козелл в Петербург.[95] Действия жандармерии казначейства под руководством подданного Великобритании должны были распространиться на русскую сферу влияния, что противоречило бы Соглашению 1907 года. В связи с этим российское правительство выступило против данной кандидатуры и предложило Великобритании, со своей стороны, оказать давление на Стокса в смысле неприятия им предложения Шустера.[96]

Лондонский кабинет пытался отговориться тем, что Стокс, к тому времени подавший в отставку, свободен заключить любой контракт. Временно управляющий Министерством иностранных дел А. А. Нератов в телеграмме на имя русского посла в Лондоне графа Бенкендорфа от 5 августа 1911 года сообщал, что российское правительство уведомило Тегеран, что оно «считает приглашение на службу майора Стокса для формирования воинской части... каковая будет функционировать в Северной Персии, – несовместимым со своими (российскими – *Д.Д.*) интересами... Если бы это назначение состоялось, оно будет рассматриваться Императорским Правительством как недружелюбный по отношению к нему акт со стороны Персидского Правительства, и Императорское Правительство оставляет за собой право самому

---

[94] В 1910 году тегеранское правительство обратилось к США с просьбой прислать советников для реорганизации финансовой системы Персии. Американское правительство восприняло это предложение как удобный повод для вмешательства в дела этой страны и в 1911 г. Государственный департамент США направил в Персию 5 советников во главе с М. Шустером, который был связан с американской нефтяной кампанией «Стэндард ойл». Перед ними была поставлена задача подготовить условия для экономической и политической экспансии Соединённых Штатов в Персию. Шустер сразу занял враждебную по отношению к России позицию, что не могло не сказаться на отношениях между Петербургом и Тегераном.

[95] Сборник дипломатических документов... С.-Пб., 1913. Вып. 7, с. 75.

[96] АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 5996, л. 606.

принять, в случае надобности, меры, которые оно сочтёт необходимым для ограждения своих интересов в Северной Персии».[97] В своей телеграмме графу Бенкендорфу от 20 августа Нератов писал, что «допущение Стокса поколебало бы веру в незыблемость англо-русского соглашения не только в России и Персии, но и во всём мире, и это могло бы иметь весьма нежелательные последствия». [98]

Если в начале конфликта позиция лондонского кабинета была «несочувствующей» России, то через месяц под давлением Петербурга Министр иностранных дел Великобритании Э. Грэй выступил с предложением «ограничить деятельность Стокса Югом Персии».[99] А 9 августа 1911 г. русский посол в Лондоне сообщил в Петербург, что «он (Э. Грэй – *Д.Д.*) решился сделать в Тегеране энергичное представление, предупреждающее персидское правительство о том, что Англия признает за Россией свободу действий», если персидское правительство не откажется от кандидатуры Стокса.[100] Таким образом лишь намеренные шаги на обострение отношений с Лондоном позволили Петербургу добиться учёта своих своих интересов, а на самом деле, лишь соблюдения англичанами условий Соглашения 1907 г.

Удалось добиться поддержки Великобритании и в вопросе об увольнении самого М. Шустера, когда действия последнего стали переходить границы не только политических договорённостей, но и человеческого поведения. Наибольшее возмущение России деятельностью финансового советника вызвал инцидент с имениями принца Шоа-ус-Салтанэ. Эта ситуация подробно описана в письме Временно управляющего Министерством иностранных дел графа Нератова русскому послу в Лондоне Бенкендорфу: «Благоволите довести до сведения лондонского кабинета следующее. Как ему хорошо известно, за последнее время отношения к нам Персидского Правительства носили далеко не дружественный характер, причём ответственность за это падала, главным образом, на финансового советника М. Шустера, который с момента своего появления в Тегеране стал систематически игнорировать интересы России.

Персидское правительство решило конфисковать имущество сторонников бывшего шаха Мохаммеда Али, в том числе принца Шоа-ус-Салтанэ, с имуществом коего были связаны русские интересы. Шустер, которому было поручено выполнение этой меры, повёл и это дело в явно вызывающей по отношению к нам форме. Подчинённые ему и действовавшие по его указаниям жандармы позволили себе не только насильно завладеть недвижимостями Принца до окончания переговоров между представителями Шустера

---

[97] Международные отношения в эпоху империализма, серия 2, т. 18, ч. 1, № 295.

[98] АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 2806, л.-л. 286, 309, 310, 315, 324, 325.

[99] Международные отношения в эпоху империализма, серия 2, т. 18, ч. 1, № 302, 330.

[100] Там же, № 305.

и нашим Генеральным Консулом, и изгнать из дома Шоа-ус-Салтанэ казаков Персидской Казачьей Бригады, которым вверена была охрана дома, но даже целились в чиновников Генерального Консульства с видимым намерением стрелять в них. Со своей стороны персидское правительство, в нарушение всех традиций, позволило себе двумя последовательными нотами требовать отозвания русского Генерального Консула и подведомственного ему чиновника»[101]. Российское правительство, безусловно, не могло признать такие действия допустимыми с точки зрения достоинства и интересов России.

«Шустер, очевидно, намерен сосредоточить в своих руках финансы, наиболее крупную, организованную на военный лад силу, и, следовательно, решающий перевес во всех внутренних делах.– Так оценивал действия финансового советника граф Нератов в телеграмме на имя Д. С. С. Поклевского-Козелл.– В сущности, это диктатура, и санкционировать это положение мы никогда не согласимся»[102].

Лондонский кабинет долго пытался воздержаться от поддержки российского заявления с протестом против действий персидского правительства и просьбой об увольнении М. Шустера с должности главного казначея. Великобритания надеялась, что конфликт удастся разрешить мирным путём, без её вмешательства, естественно за счёт уступок со стороны России. Сэр Эдвард Грэй поручил английскому послу в Санкт-Петербурге Дж. Бьюкенену передать русскому правительству, что «он чрезвычайно дорожит сохранением наших добрых отношений и что за всё время трений на почве персидских дел он напрягал все усилия, чтобы поддерживать нашу точку зрения не только в Персии, но и у себя дома». Грэй подчеркивал, что ему «было бы особенно обидно, если бы из-за персидского вопроса между обеими державами возникли недоразумения. Однако чуткость английского общественного мнения к этому вопросу чрезвычайно велика, и английское правительство не может не считаться с этим»[103].

А. А. Нератов ответил следующее: «Россия продолжает особенно ценить отношения с Англией... Вопрос о возможных мерах к получению удовлетворения подвергся с нашей стороны тщательному обсуждению, после чего войскам было отдано приказание двинуться на Казвин. Мы сожалеем, что наше решение может вызвать несочувствие в английском общественном мнении. Но думаем, что при подобных обстоятельствах последнее не осудило бы своё Правительство за аналогичные меры. Наше же общественное мнение уже давно высказывает удивление долготерпению Русского Правительства и требует от нас энергичных действий»[104].

---

[101] АВПРИ. ф. 144, оп. 489, д. 2806., л.л. 412–413.

[102] Там же, л. 399.

[103] АВПРИ. оп. 489, д. 5996., л. 6 об.

[104] Там же, л. 7.

Лондонский кабинет оценил «тактичность» управляющего Министерством иностранных дел и его заботу об английском общественном мнении и сразу же поддержал российские требования. По ультиматуму от 16 ноября 1911 года персидское правительство должно было уволить Шустера и Лекорфа (англичанина, назначенного на должность начальника финансовой части Азербайджана); не приглашать иностранцев без предварительного согласия России и Великобритании; возместить расходы на военную экспедицию.[105] Через месяц министр иностранных дел Персии уведомил русского посланника в Тегеране о принятии иранским правительством русского ультиматума.[106]

В августе 1911 г., несмотря на неоднократные заявления Лондона, что всякое сближение с Германией противоречит англо-русской договорённости 1907 года, Петербург подписал с Берлином соглашение по персидским делам[107]. По нему Германия согласилась признать Северную Персию сферой влияния России и не добиваться там для себя никаких концессий, а Россия обязалась не препятствовать Германии в строительстве Багдадской железной дороги.[108] Безусловно, это стремление Петербурга заручиться дополнительной, хоть и достаточно формальной, поддержкой своих позиций в Персии было следствием падения доверия к Великобритании как союзнику. Недейственность Соглашения 1907 г. становилась всё более очевидной.

Остроту противоречий России и Великобритании подчёркивает в своих мемуарах Дж. Бьюкенен. По словам английского дипломата, лишь благодаря тому, что «сэр Эдуард Грэй... и г. Сазонов[109] были оба государственными деятелями, обладавшими тактом, терпением и выдержкой, необходимыми для ведения таких переговоров», удалось спасти «англо-русское согласие от крушения, которым ему угрожали не один раз».[110]

В начале 1912 года персидское правительство под давлением Великобритании и России официально признало Русско-английское Соглашение 1907 года о разделе Персии на сферы влияния. Однако, это не упрочило позиции России в Северной Персии.

После заключения договора 1907 г. с Великобританией Россия вполне обоснованно полагала, что Северная Персия является областью её монопольного влияния (см. пункт № 1 Конвенции[111]). Однако с конца 1909 г. (после смещения Мохаммеда-Али шаха) ситуация начала меняться. Если Россия, следуя букве Соглашения, позволяла Великобритании, по словам Дж. Бью-

---

105 Сборник дипломатических документов... С.-Пб., 1913. Вып. 7, с. 259.

106 Там же, с. 372.

107 Там же, с. 81.

108 Сборник договоров России с другими государствами. М., 1952, № 64.

109 С. Д. Сазонов, Министр иностранных дел Российской империи с 19** по 19** гг.

110 Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 83.

111 Сборник договоров России с другими государствами. М., 1952, с. 387–388.

ксенна, «делать всё, что угодно» на юге Персии[112], то Форин офис, напротив, очень внимательно следил за каждым шагом русской миссии на севере Ирана, и каждое самостоятельное действие Петербурга немедленно встречало противодействие Лондона.

«Мы искренне стремимся к полному взаимодействию с Англией в персидских делах и поддержанию во всех отношениях с ней Согласия, столь важного для обеих сторон с точки зрения равновесия сил в мировой политике – писал министр иностранных дел С. Д. Сазонов в своей телеграмме от 15 апреля 1912 года русскому послу в Лондоне. – Мы не можем, однако, не отметить, что нам всё чаще приходится испытывать со стороны Великобританского Правительства давление, стесняющее в значительной мере нашу свободу действий в отмежёванной нам соглашением 1907 года сфере влияния».[113]

К началу 1913 г. русско-английские отношения в Персии приобрели черты открытого соперничества. Весной и летом 1913 г. английская миссия активно препятствовала захвату мятежного принца Салар-уд-Доуле казачьей бригадой. Великобритании хотелось, чтобы решающую роль сыграла жандармерия, руководимая шведскими офицерами, дабы учесть принца решалась при непосредственном воздействии англичан. В этом эпизоде наглядно обрисовалось малодружественное отношение сэра В. Таунлея к казачьей бригаде, коей он постоянно пытался противопоставить жандармерию, руководимую шведскими инструкторами. На создание последней России пришлось согласиться в 1911 году в связи с инцидентом Стокса, так как приглашение инструкторов второстепенной державы было наименее невыгодным выходом для России из сложившегося положения.[114]

Депеши коллежского советника Саблина, главы русской миссии в Иране в 1908–1913 году, наглядно показывают, как сильно отличалась политика английского и русского правительств в Персии, и сколь различным было понимание странами условий Соглашения 1907 года. Приведём разговор русского поверенного в делах с английским посланником сэром В. Таунлеем, описанный в депеше от 30 сентября 1913 года: «Говоря об английских резидентах в Ширазе и Бушире, Таунлей между прочим заметил, что они «фактически управляют округами, порученными их наблюдению. Ни губернатор, ни представители Казначейства, ни жандармы не могут ступить ни шагу, без одобрения наших (британских – *Д. Д.*) консулов, или предварительно не посоветовавшись с ними». После чего он указал Саблину на вмешательство русских консулов на севере, на что российский поверенный в делах не мог не возразить, «что наши консулы, если им и приходится иногда, в интересах столь же

---

[112] Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 89–90.

[113] Международные отношения в эпоху империализма, серия 2, т. 19, часть 2, №763, 797.

[114] АВПРИ, ф. Персидский стол, оп. 489, д. 599б., л 7.

самой Персии, сколь и своего отечества, вмешиваться во внутренние дела провинций, порученных их наблюдению, то их вмешательство происходит в отмежёванной нам соглашением 1907 года сфере влияния, тогда как Шираз и Бушир лежат в так называемой нейтральной зоне».

По вопросу русской политики в Азербайджане Таунлей высказал Саблину следующее: «Азербайджан чрезвычайно русифицируется, в то время как добрая половина его территории переходит, в виде ли собственности, или долгосрочной аренды, в русские руки, поэтому остаётся лишь послать чиновника Кавказского Наместничества, и дело сделано». На замечание Саблина, что, насколько ему известно, это не входит в планы русского правительства, Таунлей ответил, что «бывают случаи, когда действительность опережает самые лучшие намерения»[115]. В оказании давления на Россию, англичан никогда не останавливал тот факт, что сами они много раз уже нарушали положения Соглашения 1907 года и что их действия совсем не согласуются с теми требованиями, которые они обращали Петербургу.

Впрочем, теперь Лондон мог себе позволить разговор в таком тоне. Значительно укрепив свой авторитет в персидском правительстве после смещения симпатизировавшего России Мохаммеда-Али Шаха, Великобритания к началу 1914 г. стала открыто выдавливать Россию даже с отведённых ей Соглашением территорий.

Одним из лакомых для англичан кусочков был входивший в российскую сферу район Исфагана. Ещё весной 1914 г, когда глава русской миссии предпринял попытку заключить концессию на устройство оросительной системы в Исфаганском округе, переговоры Петербурга с Тегераном встретили яростное противодействие английской миссии.[116] Несмотря на обещание держать себя нейтрально, Таунлей, по словам Главы русской миссии Коростовца, стал убеждать персов не входить в это соглашение, предупреждая, что таковое будет сочтено недружелюбным по отношению к Англии актом. В частной беседе с Коростовцом английский посланник заявил, что «такое выступление будет истолковано в Лондоне стремлением ещё больше усилить русское влияние в ущерб английскому»[117]. Концессия так и не была заключена, несмотря на предложение России привлечь к участию в этом проекте английских предпринимателей и инженеров с целью избежать по этому поводу недоразумений.[118] В дальнейшем Таундей проговорился, что, хотя Исфаган и входит в русскую сферу, но «английские интересы там столь значительны, что соперничество и соревнование с Россией неизбежны»[119].

---

[115] АВПРИ, ф. Персидский стол, оп. 489, д. 599б. Л. 70б.

[116] Международные отношения в эпоху империализма, серия 3, т. 2, № 333.

[117] АВПРИ, ф. 144. Персидский стол, оп. 489, д. 599б. Л.-л. 80б.-9.

[118] Международные отношения в эпоху империализма, серия 3, т. 2, № 333.

[119] АВПРИ, ф. 144. Персидский стол, оп. 489, д. 599б. Л.-л. 9-90б.

Не давало покоя англичанам и русское землевладение в Иране. По Туркманчайскому мирному договору русские подданные имели право владеть и арендовать земли и недвижимость в Персии. По мнению Великобритании, такое толкование договора было незаконно, а главное, грозило экономическим поглощением Россией многих земель на севере и могло дать ей господствующее положение в этой части Персии, нарушая, таким образом, англо-русское равновесие и ставя русских в привилегированное положение сравнительно с англичанами, так как последние земельной собственности не приобретали.[120]

Англичане, действительно, не считали нужным, правда, по чисто практическим соображениям, обзаводиться в Персии частной земельной собственностью. Однако подобная политика нисколько не являлась следствием уважения договоров или заботливости о взглядах персов. Параллельно с осуждением российской политики на севере страны, Лондон реализовавал свои интересы в полное нарушение персидского суверенитета и русско-английского соглашения на юге.

В июне 1914 года британское правительство внесло в Палату общин предложение, поддержанное последней, о приобретении за 20 млн. рублей акций Англо-Персидской нефтяной кампании, совладельцем которой являлся английский частный предприниматель Дарси, дабы сделаться распорядителем всего дела в интересах британского адмиралтейства. Права компании, до тех пор действовавшей лишь на юге и западе Персии, распространялась и на нейтральную зону и отчасти на русскую сферу влияния. Изыскания велись на всей площади концессии, однако месторождения нефти были открыты, главным образом, у Шираза, Ахваза, Мохаммеры, Шустера, а так же у Касри-Ширина и у Керманшаха, т. е., по большей части, вне английской сферы влияния.

Концессия Дарси (частного лица) была заключена до англо-русского соглашения, и по нему все концессии сохраняли свою силу, но поглощение её британским правительством было прямым нарушением русско-английских договорённостей, что было даже отмечено российским общественным мнением и печатью. Таунлей при всём желании умалить значение этой сделки выразил некоторое смущение, главным образом, по поводу дружного выступления русской прессы, сознавшись, что столь открытая критика английской политики с русской стороны является для него совершенной неожиданностью.[121]

Серьёзным антироссийским шагом стало подготовленное, предположительно с участием англичан, представление персидского правительства в виде памятной записки, переданной главе русской миссии также в июне

---

[120] АВПРИ, ф. 144, Персидский стол, оп. 489, д. 599б. Л. л. 12–12об.

[121] АВПРИ, ф. 144, Персидский стол, оп. 489, д. 599б. Л. 12об.

1914 года. Тегеран мотивировал данный шаг желанием устранить к началу царствования нового шаха существующие между Россией и Персией затруднения. Однако записка содержала преимущественно требования, которые давно выдвигал Петербургу Лондон: отмена русского землевладения, эвакуация русских войск из Северной Персии, прекращение с российской стороны противодействия повсеместному введению жандармерии.

Копия записки была представлена английскому посланнику с просьбой «оказать содействие к побуждению России принять персидские дезидераты»[122]. Ещё за несколько дней до вручения этой записки, Таунлей говорил, что лондонский кабинет присоединяется к протестам персов и даже выступил с самостоятельным представлением против русской деятельности в Азербайджане.

Начальник Средне-восточного отдела британского Министерства иностранных дел Г. Кроу в проходившим в начале июня 1914 года разговоре с русским поверенным в делах в Лондоне Г. фон Эттером заявил, что «политика России клонится к упразднению суверенитета Персии, каковой гарантирован Англией, поэтому положение дел в Персии представляется весьма серьёзным и должно рассматриваться с точки зрения англо-русских отношений вообще, к поддержанию коих стремиться лондонский кабинет»[123].

Параллельно, английский посланник в Персии Таунлей, продолжая на деле проводить политику, ущемляющую российские интересы в Персии, выразил надежду, что России удастся договориться с персидским правительством на приемлемых для обеих сторон основаниях и предложил своё содействие к изысканию компромисса.

Вся полнота английского «содействия» проявилась при смене персидского кабинета. Вслед за коронованием шаха в июле 1914 года произошла смена кабинета при сравнительном безучастии с российской стороны, так как кабинет этот был рекомендован шаху регентом Наср-уль-Мульком перед отъездом его из Персии. Проводя кандидатуру Мустоуфи-уль-Мемалика и его сотрудников, хорошо известных своими антирусскими взглядами, Наср-уль-Мульк, по-видимому, мало сообразовывался с мнением императорского правительства, а скорее всего, действовал так намеренно. Имело место и стремление не допустить к власти своего давнего врага и политического соперника Саад-уд-Доулс.

Из донесений Коростовца мы узнаём, что английская миссия всемерно содействовала выбору этого кабинета, хотя В. Таунлей и был предупреждён с русской стороны о недоверии Петербурга к намеченным лицам. Более того, глава русской миссии неоднократно подчеркивал, что назначение данных лиц ставит под угрозу нормальные сношения и производительную работу импе-

---

[122] АВПРИ. ф. 144. Персидский стол, оп. 489, д. 5996. Л. 120б.

[123] Там же. Л. 12.

раторского и шахского правительств, предлагал Таунлею обратиться к шаху и, объяснив положение дел, представить совместный проект реформ и посоветовать призвать к власти людей более деловых и пользующихся доверием обеих миссий. Глава английской миссии отнёсся к предложению Коростовца «несочувственно», объяснив, что действия Петербурга будут иметь демонстративный характер и произведут неблагоприятное впечатление, так как будут истолкованы как желание вмешаться во внутренние дела и навязать русскую опеку. По поводу отрицательного отношения России к Мустоуфи-уль-Мамалеку, Таунлей заметил, что в Персии все министры одинаково руководствуются корыстными побуждениями и личными расчётами. Лица, против которых выступает русская миссия,– Мустоуфи-уль-Мамалек и Ала-ус-Салтанэ,– единственные сановники, пользующиеся незапятнанной репутацией, и он, Таунлей, не понимает, что может вызывать у России протест против них. Русские же кандидаты: Саад-уд-Доуле, Сепехдару, Восуг-уд-Доуле,– считались англичанами «совершенно неподходящим, в виду их русофильства и непопулярности»[124]. В ответ на сожаления Коростовца об отсутствии дружественной поддержки со стороны английской миссии Таунлей признался, что после передачи Зилли-Султаном управления своими землями (в Исфаганском округе) русскому подданному фон-Каверу, вызвавшей раздражение в Лондоне, им было получено предписание действовать более решительно в Исфагане и нейтральной зоне.[125] Т. е., проще говоря, полностью отойти от соблюдения Соглашения 1907 г. о разделе Персии.

Дальнейшие действия английской миссии в лице Таунлея обратили на себя внимание даже французского посланника в Персии Леконта, назвавшего в разговоре с Коростовцом образ действий её главы «вредным и непатриотичным с точки зрения общих интересов союзников в Персии»[126]. Леконт неоднократно возвращался к этому вопросу, указывая на необходимость «что-либо предпринять, дабы парализовать деятельность английского посланника», который, по его определению, «вернул англо-русские отношения к положению, существовавшему до 1907 года»[127].

Дружественный настрой француза можно лишь приветствовать, но нельзя согласиться с ним в том, что причина ухудшения отношений между Российской Империей и Великобританией в Персии сводилась к действиям английской дипломатической миссии в этой стране. Ситуация, сложившаяся в отношениях двух союзных по Соглашению 1907 г. стран, стала логическим следствием планомерно проводившейся Лондоном политики экономической и политической экспансии как в Средней Азии, так и во всём мире, и дого-

---

[124] АВПРИ, ф. 144, Персидский стол, оп. 489, д. 599б. Л. л. 120б.-130б.

[125] То же.

[126] Там же, л. 14 об.

[127] То же.

воренность с Петербургом по Ирану была всего лишь инструментом в её осуществлении.

Что же касается Российской Империи, то Соглашение 1907 года можно назвать одним из наиболее ярких примеров политики балансирования, к которой Петербург перешёл после Русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. с приходом А. П. Извольского на пост министра иностранных дел. Идя на подписание этого документа, Петербург, прежде всего, преследовал цель ликвидировать возникшую в Средней Азии напряжённость в отношениях с Великобританией. Кроме того, имелось в виду оградить Персию от проникновения третьих держав, обеспечить неприкосновенность своих интересов в этой стране, а также перспективу русско-иранским торговым и экономическим отношениям. Увы, сохраняя своё геополитическое значение как договор, связывающий Россию и Великобританию в противовес Тройственному союзу, Соглашение не только не способствовало прекращению русско-английского соперничества в Средней Азии, но и привело к потере Российской Империей своего влияния в Персии, нанесло прямой ущерб российским экономическим и политическим интересам не только в данной стране, но и в прилегающем регионе в целом. С учётом реальных позиций, которыми Россия обладала в Персии в начале XX века, особенно на севере страны, её интересам больше отвечало бы сохранение свободы рук и возможности самостоятельного, активного реагирования на новые вызовы её интересам в Средней Азии.

В свою очередь, Лондон благодаря Соглашению смог ограничить участие Российской Империи в персидских делах и на некоторое время оттянуть проникновение германского и американского капиталов, что позволило ему существенно укрепить своё положение в Персии и распространить свои экономические интересы за пределы юга страны.

~

Д. С. БРЫКОВ

РУССКО-ШВЕДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (1914 – ФЕВРАЛЬ 1917)

Взаимоотношения России со Швецией в период первой мировой войны – один из малоизученных вопросов российской внешней политики. Это объясняется, прежде всего, их ровным, недраматическим характером. Среди воюющих великих держав Россия оказалась наиболее терпимой и наименее требовательной по отношению к нейтральной Швеции. Вместе с тем, Швеция с ее рудными богатствами, экспортными возможностями промышленности и географическим положением на Балтике представляла интерес для обеих воюющих сторон. Для России строгий международно-правовой нейтралитет Швеции значил очень много. Кратчайшие пути связи с западными союзниками пролегали через нее. Таким путем переправлялись прежде всего британские грузы для союзницы. Да и промышленная продукция самой Швеции, в особенности машины и оборудование, стала во много раз нужнее России ввиду прекращения экономических отношений с ее главным довоенным торговым партнером – Германией.

Шведский нейтралитет подвергался в ходе войны угрозам. Тому были и внутренние и внешние причины. Во-первых, в самой Швеции действовала влиятельная прогерманская группировка, которая, несмотря на занятый Швецией в первые дни войны нейтралитет, не оставляла надежды на вовлечение своей страны в войну против Антанты. Во-вторых, сами обстоятельства войны влияли на политические настроения в Швеции, так как война была «рядом». Как бы то ни было, совершенно определенно можно сказать, что обе воюющие стороны уделяли большое внимание ситуации в Швеции, разумеется, по разным причинам. Если для Германии целью было (по крайней мере, до определенного времени) вовлечь Швецию в войну на своей

сторонс, то Россия прилагала все усилия, чтобы та осталась нейтральной. Одним словом, в годы войны Швеция и для Антанты, и для Тройственного союза была «тревожным фактором».

* * *

Подавляющая часть шведского общественного мнения и само консервативное, по сути, правительство (премьер – юрист Яльмар Хаммаршельд; министр иностранных дел – крупный банкир Кнут Валленберг) искренне старались сохранить нейтралитет и соблюдать его провозглашенные ранее правила[1]. Однако в стране была сильная прогерманская группировка – так называемые активисты. В нее входили: шведский двор, аристократия, огромное большинство офицеров и весь генералитет, значительная часть лютеранского духовенства, среднее чиновничество, литературные и интеллектуальные круги. Все они верили в окончательную победу Германии и считали таковую победу единственным обеспечением территориальной целостности и независимости Швеции. Как сообщал российский посланник в Швеции А. В. Неклюдов, «все они (вышеназванные силы – *Д. Б.*) глубоко и искренне проникнуты культурными и племенными симпатиями к германскому народу, убеждены в его нравственном превосходстве и лучезарной будущности»[2]. Причем тогда как увлечение германской империей, ее строем и идеалами не разделялось партией сторонников мира и нейтралитета, другие доводы сторонников войны, а именно страх перед Россией и уверенность в непобедимости Германии, принимались всем шведским народом[3].

По мнению А. В. Неклюдова, самой влиятельной и опасной частью партии войны являлось шведское офицерство[4]. Что касается шведского кабинета, то А. В. Неклюдов называл его «правительством государственной обороны», которое было призвано королем в начале 1914 г. с целью провести реформу усиления и повышения готовности шведских сухопутных и морских сил[5]. Причем шведская военная партия не преминула использовать как эту ситуацию, так и исключительные события европейской войны. В ходе войны

---

[1] Впрочем, в одной из телеграмм А. В. Неклюдов отмечал: «Искренность г. Валленберга не подлежит сомнению, что же касается г. Хаммаршельда, то это – ограниченный доктринер, полный самомнения и на этих струнах его играют активисты; король Густав V, мягкий слабовольный монарх, находящийся под влиянием мнений своей жены и своего придворного круга, состоящего сплошь из весьма ограниченных германофилов». – РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 64. Л. 23.

[2] МОЭИ. С. III. Т. VIII. М-Л., 1935. № 52.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

благодаря ассигнованию необходимых сумм и принятию Риксдагом последовательного ряда законов постоянно шла работа по обеспечению боевой готовности шведских войск.. А. В. Неклюдов серьезно опасался, что в известную минуту высокая боеготовность шведской армии могла послужить для партии активистов искушением, с одной стороны, и доводом с другой[6]. Он также связывал возможность выступления Швеции с успехами немецких войск на Восточном фронте. По его мнению, такой исход был бы вполне вероятен при занятии немцами Риги и части Лифляндии[7].

Отметим, что российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов неоднократно заявлял на заседаниях Государственной думы и в беседах с представителями прессы о том, что по отношению к Швеции у России нет иных чувств, кроме самого искреннего доброжелательства и стремления поддерживать с ней тесные добрососедские отношения. На одном из заседаний Думы, как пишет историк В. С. Васюков, «Сазонов с сожалением указал на то, что по ту сторону Ботнического залива есть люди, которые в силу «вкоренившихся предрассудков» и под влиянием происков врага относятся к России с недоверием и предубеждением. Между тем всякому должно быть ясно, что Россия и Швеция «самой природой» предназначены для мирных взаимоотношений на почве обоюдных экономических интересов и повод к вооруженному столкновению между ними может быть создан только искусственно. Россия, сказал он, не ищет никаких территориальных приращений за счет своих северных соседей. Скандинавский полуостров ее ничем не прельщает. Империю мог бы интересовать какой-либо незамерзающий порт. Но таковым она располагает – это Мурманск, который в скором времени будет связан железнодорожной линией с Центральной Россией. Не к берегам Скандинавии исторически тяготеет государство Российское, многозначительно произнес министр»[8].

«Военные тревоги»: кризисные моменты русско-шведских отношений

В ходе июльского кризиса 1914 г. странам Антанты удалось избежать вовлечения Швеции в войну на стороне своих противников. В дальнейшем многое зависело от того, как будет развиваться ход военных действий. Уже к октябрю 1914 г. стало ясно, что ставка Германии на молниеносную победу провалилась. Тем не менее, слухи о возможном выступлении Швеции продолжали муссироваться.

---

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Васюков В. С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М., 1989. С. 30–31.

12 октября (29 сентября) 1914 г. А. В. Неклюдов сообщил С. Д. Сазонову, что по полученным в Лондоне сведениям, будто бы совершенно достоверным, Швеция намеревается войти в союз с Германией и, закончив свои военные приготовления, начать действия к середине декабря[9]. Foreign Office запросил в этой связи английского посланника в Швеции Говарда, не было ли бы уместным ввиду подобных известий возобновить в Стокгольме заверения, данные при начале войны тремя союзными державами относительно соблюдения ими неприкосновенности и нейтралитета Швеции. Однако посланники Антанты сошлись во мнении, что было бы целесообразно пойти на этот шаг только в случае, если бы положение шведского правительства пошатнулось[10]. Что же касается шведских вооружений, то Неклюдов сообщал следующее: «Военная партия прилагает все старания к тому, чтобы шведская армия и флот были готовы к сколько-нибудь серьезному выступлению; король им в этом сочувствует, а правительство, пришедшее к власти именно с определенной целью и программой увеличения военных сил страны, никоим образом не может противиться принимаемым ныне чрезвычайным мерам мобилизации и приведения армии в относительную готовность. Но между тем как военная партия дорожит завершением вооружения и мобилизацией как лишним побуждением Швеции для активного союза с Германией, король покровительствует этим мерам «на всякий случай», не зная еще, какое решение он примет в последнюю минуту и колеблясь по обыкновению, а правительство видит в мобилизации средство для удовлетворения аристократии и офицеров, но не имеет никакого расположения воспользоваться ею и нарушить столь выгодный для Швеции мир»[11]. К тому же А. В. Неклюдов полагал, что без решающих успехов германского оружия всякая агитация в Швеции обречена на неудачу[12].

В ноябре 1914 г. положение по-прежнему оставалось тревожным: во-первых, отмечалась готовность шведской армии; во-вторых, большое возбуждение в Швеции вызвал вопрос о смычке железных дорог и об установке через Швецию транзита между Россией и Англией; в-третьих, Германия оказывала давление на Швецию, выразившееся в объявлении лесных продуктов военной контрабандой[13].

Тем не менее, А. В. Неклюдов считал, что Швеция по собственной инициативе не начнет военных действий против России, германский ультиматум Швеции тоже не обязательно приведет к войне[14]. Что же касается готовно-

---

[9] МОЭИ. С. III. Т. VI. М.-Л., 1935. № 382.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же. № 573.

[14] Там же.

сти шведской армии, то у Неклюдова существовало большое подозрение, не приводят ли тайные агенты достоверные якобы сведения о неминуемом выступлении шведов, чтобы побудить Россию принять такие военные меры, которые показались бы Швеции угрожающими[15].

В начале зимы 1914 г. обострилась проблема шведского транзита. 3 декабря (20 ноября) германский посланник в Стокгольме Луциус заявил шведскому министру иностранных дел Валленбергу, что Германия примет меры для остановки всякого товарообмена между Швецией и Россией в случае, если будет установлен транзит, из выгод которого Германия была бы исключена[16]. А. В. Неклюдов так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Вопрос о шведском транзите переходит из области экономической в область политическую и военную... Дело идет не только о транзите, но в конце концов об устойчивости самого шведского нейтралитета. Чем более нахальны с шведами немцы, тем более надлежит нам быть корректными, терпеливыми и благожелательными. Сравнение не может ускользнуть даже от самого предубежденного в пользу Германии взгляда»[17].

В начале нового, 1915 г., открылась сессия шведского Риксдага. Король Густав V в своей тронной речи несколько раз упомянул о полном нейтралитете Швеции и сказал, что надеется сохранить этот нейтралитет до конца войны[18]. Обе палаты Риксдага (независимо от партий) выразили полное одобрение правительству за его политику во время войны[19].

В одном из разговоров А. В. Неклюдова с Валленбергом последний поздравил российского посланника с победой русских войск на Кавказе и сказал, что эта победа оправдывает всю его (Валленберга — *Д. Б.*) политику и лишний раз убеждает в том, что Швеция правильно поступила, избежав активного вмешательства в войну[20]. Русский военно-морской агент в Скандинавии[21] Сташевский доносил: «Вообще надо сказать, что шведы поуспокоились и вряд ли возможно ожидать их выступления. На днях мне сказал один швед, что в Швеции может быть популярной война только в том случае, если на Швецию нападут, если же правительство вздумало бы объявить войну с агрессивными намерениями, то возможно, что в Швеции вспыхнула бы революция...»[22].

---

[15] Там же.

[16] Там же, № 601.

[17] Там же.

[18] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 145. Л. 9.

[19] Там же.

[20] Там же.

[21] Отметим, что военный и военно-морской агенты в Швеции одновременно занимали те же должности в Дании и Норвегии.

[22] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 145. Л. 9.

Агентурные сведения упоминали о концентрации шведских войск[23]. Тем не менее отмечалось, что «не заметно приготовлений для нападения шведов на Россию вообще и на Аландские острова в частности...»[24].

Однако 3 февраля (21 января) военно-морской агент в Скандинавии Сташевский представил рапорт, из которого следовало, что несмотря на видимое спокойствие, в Швеции не оставляют надежды на выступление против России: «Во главе партии желающей войны стоит военный министр Мэркс, который в военной среде пользуется большой любовью и популярностью и считается знатоком военного дела. Мэркс усиленно работает над приведением шведской армии к весне 1915 г. в полную боевую готовность и, руководствуясь этими соображениями, недавно отдано распоряжение, запрещающее офицерам переходить на службу в иностранные армии, что до сего времени имело место. Над совершенствованием и обучением армии работает весь командный персонал во главе с генералом Тингстеном (инспектор пехоты), который в случае войны намечается главнокомандующим; в военных кругах Тингстен считается наиболее талантливым генералом в шведской армии. Полная боевая готовность армии намечается к 15 марта (нового стиля – *Д. Б.*)[25].

Негласный источник сообщил Сташевскому и причину предполагаемой войны: «Швеция очень озабочена судьбой Финляндии, она не может допустить полного присоединения и обрусения Финляндии, ибо благодаря этому явится близость России к Швеции, что для последней будет всегда представлять угрозу. Поэтому сторонники войны желают, пользуясь тяжелым положением России, объявить ей войну и в окончательном результате добиться полной независимости Финляндии. Независимая Финляндия будет служить буфером между Россией и Швецией и тем самым предохранит последнюю от непосредственной опасности со стороны России»[26].

Войну планировалось начать весной 1915 г., когда Финский залив очистится от льда и тем самым позволит произвести высадку на побережье Финляндии. Предполагалось главную часть шведской армии посадить на транспорты в портах Гефле, Нортелье и Стокгольм и при содействии и под прикрытием своего и немецкого флотов произвести высадку у Бьерке. Другая часть армии должна была двинуться на Финляндию с севера сухим путем[27].

Почти то же самое российскому военному агенту в Скандинавии Кандаурову сообщил датский посланник в Швеции. Цель войны, по словам датского посланника, если не независимость Финляндии, то полная ее автономия[28].

---

[23] Там же, л. 13.

[24] Там же.

[25] Там же, л. 15.

[26] Там же.

[27] Там же.

[28] Там же.

Эти сведения серьезно встревожили российское МИД. С. Д. Сазонов в письме от 18 (5) февраля просил российского посланника в Стокгольме сообщить отзыв по данному вопросу[29].

Через несколько дней последовал ответ А. В. Неклюдова, в котором он, признавая факт довольно высокой боевой готовности шведской армии и флота, тем не менее сильно сомневался в желании шведов воевать с Россией. Король, правительство и парламент, согласно Неклюдову, войны не хотели; шведские же военные программы он объяснял самим фактом европейской войны и естественной осторожностью стокгольмского кабинета[30].

Действительно, опасения шведского выступления оказались напрасными.

12 мая (29 апреля) 1915 г. союзные посланники сделали шведскому министру иностранных дел совместное словесное заявление, возобновляющее ноту от 6 августа/24 июля 1914 года, которой Швеции обеспечивалась, в случае соблюдения ею нейтралитета, территориальная неприкосновенность и полная независимость как на время настоящей войны, так и в будущем[31].

Летом 1915 г. шли напряженные англо-шведские переговоры по торговым вопросам, в которые была вынуждена вмешиваться и Россия[32]. В целом же, особых опасений русско-шведские отношения не вызывали. Обозначившаяся в августе победа Балтийского флота в Рижском заливе еще более уменьшила опасность шведского выступления[33].

Осень 1915 г. была отмечена обострением обстановки из-за проекта морской блокады Швеции, связанного с продолжающимся поступлением товаров в Германию. Однако боевая готовность шведов особой тревоги не вызывала[34]. В декабре 1915 г. французский военный агент в Стокгольме представил своему правительству личные соображения о возможности участия Швеции в войне. Он считал, что шведы не могли уделить для десантного отряда более 150. 000–160. 000 человек, так как они не были бы в состоянии снабжать их оружием и припасами, запасы которых в стране весьма ограничены. Кроме того, они очень стеснены перевозочными средствами, как на железных дорогах, так и в отношении автомобилей. Принимая же во внимание, что в большей своей части шведские дороги в плохом состоянии, снабжение армии и десантного отряда встретили бы трудно преодолимые затруднения. Поэтому Швеция не сможет предпринять каких-либо операций против Финляндии, пока немцы не пошлют туда свои войска. Посылка Швецией войск

---

[29] МОЭИ. С. III. Т. VII. М-Л., 1935. № 216.

[30] Там же, № 269.

[31] Там же, № 762.

[32] Об этом см. ниже.

[33] МОЭИ. С. III. Т. VIII. М-Л., 1935. № 566.

[34] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 64. Л. 6.

в прибалтийские провинции совершенно невозможна, так как, следуя этой цели, они могли уделить отряд ничтожной численности[35].

Ситуация ухудшилась с началом нового, 1916 года.

Во-первых, сильное недовольство в Швеции вызывали меры, принимаемые английским правительством для борьбы с нейтральной шведской торговлей. Недовольство это особенно сильно выразилось после случая с шведским пароходом «Стокгольм», дважды остановленным англичанами в открытом море и приведенным в Ливерпуль. Густав V специально выступил с речью, где говорил о намерении противиться всем попыткам иностранного контроля за шведской торговлей[36]. По мнению, А. В. Неклюдова, это заявление короля могло вдохновить партию активистов[37].

Во-вторых, в марте истекал срок заключенного год назад (в марте 1915 г.) Хаммаршельдом особого соглашения с Германией на поставку последней некоторого количества припасов[38]. В связи с этим было сильное опасение, что Германия возобновит запрещения на вывоз шведских лесных товаров[39]. Последняя мера вызвала бы безработицу на всем севере Швеции и, как предполагал Неклюдов, народные волнения, против которых у правительства осталось бы одно средство – мобилизовать на севере войска, чтобы призвать все население к отбытию воинской повинности[40]. Кроме того, в это время появились слухи о планах немцев начать весной 1916 г. активные военные действия на Балтике и в Финляндии[41].

Все это дало повод Валленбергу в разговоре с английским посланником сказать, что «Швеция находится как между молотом и наковальней, между английскими запрещениями и германскими требованиями»[42]. В разговоре с Неклюдовым шведский министр также сказал, что действительно из Германии Швеции предъявляются самые настойчивые требования и запрещения и что это делает положение правительства крайне затруднительным[43].

Шведские финансовые деятели, до сих пор весьма несклонные прислушиваться к активистам, теперь были менее уверенными в возможности сохранения Швецией нейтралитета. В начале 1916 г. некоторые шведские банки отказывали русским коммерсантам в краткосрочном кредите, намекая

---

35 Там же, Л. 4.

36 Там же, Л. 17.

37 Там же.

38 Возможно, что это соглашение и являлось причиной того, что Швеция так сопротивлялась контролю Англии за ее вывозом.

39 РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 64. Л. 2.

40 Валленберг подтвердил, что такая мера возможна. – Там же, Л. 17.

41 Там же, Л. 2.

42 Там же.

43 Там же.

на опасность сложившейся ситуации[44]. Обращало на себя внимание намерение шведского страхового общества «Свea» прекратить свою деятельность в Финляндии и меры по разгрузке северных железных дорог[45].

Кроме того, отмечалось, что у шведов возрастал страх по отношению к Германии. Недавние успехи последней на Балканах увеличивали веру в непобедимость германского оружия[46].

Одновременно стали поступать сведения о повышении уровня боевой готовности шведских войск. В письме от 27 (14) января в отдел генерал-квартирмейстера Генерального штаба военный агент в Скандинавии полковник Кандауров говорил о мерах, могущих вызывать тревогу:

1. удержание на службе нижних чинов;
2. увеличение подготовительных работ в Красном кресте и других санитарных учреждениях;
3. интенсивные полевые занятия в шведской армии[47].

Следует отметить, что в это время (январь 1916 г.) стало известно о высказывании германского посланника, что хотя Германия и не надеется вовлечь Швецию в войну весной, но рассчитывает склонить ее к объявлению всеобщей мобилизации. Мера эта, по мнению Германии, оказала бы сильное давление на Россию и последней пришлось бы заключить с ней (с Германией) мир. Переговоры о мире предполагали начать в апреле или мае 1916 г. и шведская армия к этому времени должна была быть мобилизована, если Швеция желает обеспечить свои собственные интересы. По-видимому, в этом смысле оказывалось воздействие и на Валленберга, который указывал на то, что в апреле мобилизация сделалась бы необходимой, если бы Германия воспретила вывоз из Швеции дерева, следствием чего было бы лишение работы значительной массы населения. Шведы в немецком пресс-бюро в Стокгольме утверждали, что шведская армия нуждается лишь в тяжелой артиллерии, которую она получит весной[48].

В начале 1916 г. в штабе Балтийского флота начали усиленно разрабатывать варианты участия Швеции в военных действиях против России[49].

Вопросы шведского нейтралитета (в частности, вопрос о свободной торговле нейтральной Швеции), как свидетельствуют донесения союзных посланников в Стокгольме, активно обсуждались в шведском Риксдаге.

---

[44] Там же, л. 17.

[45] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 65. Л. 5.

[46] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 64. Л. 18.

[47] МОЭИ. С. III. Т. X. М.-Л., 1935. № 89.

[48] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 64. Л. 16.

[49] Об этом см. ниже.

В январе 1916 г. в Риксдаге состоялись выборы в «Тайную Комиссию», члены которой приглашались на заседания Кабинета для обсуждения важнейших вопросов внешней политики. Были выбраны 6 консерваторов и 6 либералов и социалистов[50]. Консерваторы поддерживали правительство в его политике нейтралитета, но указывали на необходимость ревниво оберегать права и честь Швеции. Левые также поддерживали правительственную политику, но требовали, чтобы правительство от этой политики ни в каком случае не уклонялось[51]. Премьер-министр Хаммаршельд примыкал к мнению правых. Он отмечал, что Швеция находится не в худшем положении, нежели другие нейтральные государства, но что путь дальнейших уступок может столкнуть ее с пути нейтралитета. На одном из заседаний Риксдага Хаммаршельд заявил, что могут встретиться обстоятельства, при которых сохранение мира сделалось бы невозможным[52]. Как отмечалось в донесениях союзных посланников, «под обстоятельствами, которые могли бы заставить Швецию покинуть свой нейтралитет, Хаммаршельд, очевидно, подразумевал новые стеснения, которые наложены бы были со стороны Англии на шведскую торговлю, мореплавание, а также на почтовые и телеграфные сношения Швеции с заграницей. Таким именно образом понимаются в публике... заявления правительства и надо, к сожалению, признать, что подобная постановка вопроса имеет в шведском общественном мнении значительно больше сторонников, нежели трезвые мнения... о необходимости некоторых уступок во имя сохранения неизмеримо высших благ мира»[53].

Разумеется, союзные посланники пытались воздействовать на шведское правительство и общественное мнение, чтобы стабилизировать ситуацию. А. В. Неклюдов в беседе со шведским министром иностранных дел счел уместным высказать ему некоторые опасения и предупредить его относительно возможных в ближайшем будущем осложнений[54]. Он сказал, что силы Германии серьезно надломлены, так как людские ресурсы истощались и росло общественное недовольство[55]. Успех германцев на Балканском полуострове, по мнению А. В. Неклюдова, был скорее политическим, нежели военным, так как основан был на выступлении болгар[56]. Поход на Индию и Персию – утопичен; Турция по-прежнему истощена и недовольна, и германское влияние держится там лишь горстью людей и постоянным их

---

[50] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 64. Л. 15.

[51] Там же.

[52] Там же, Л. 16.

[53] Там же.

[54] Там же, Л. 22.

[55] Там же.

[56] Болгария вступила в войну осенью 1915 г.

насилием[57]. Далее российский посланник отметил, что для поддержания духа и надежд в германской армии и германском населении необходимы новые предприятия и новые – хотя бы кажущиеся – успехи[58]. А. В. Неклюдов предполагал, что подобное предприятие замышлялось немцами в сторону Финляндии с вовлечением в войну Швеции[59].

В связи с кризисом в русско-шведских и англо-шведских отношениях в феврале 1916 г. А. В. Неклюдов специально прибыл в Петроград для личной встречи с С. Д. Сазоновым и Николаем II. В подённой записи МИД[60] от 23 (10) февраля отмечено: «Государь император изволил принять императорского посланника в Швеции А. В. Неклюдова. Государь, между прочим, повелел Неклюдову передать по возвращении своем в Швецию королю Густаву V от имени Его Величества, что он признает за благо сделать все от него возможное, дабы поддержать и укрепить искренние и добрососедские отношения между Россией и Швецией, и что он надеется, что король Густав со своей стороны приложит все старания к тому же»[61].

Кризис постепенно затухал, но давал себя знать еще в марте 1916 г., проявившись, например, в «деле Лессига». 16 (3) марта был арестован и допрошен шведской полицией капитан Лессиг, служащий ГАУ и командированный в Швецию без официальной должности, как техник и говорящий по-шведски для организации вывоза заказов военного ведомства. После допроса ему был предъявлен королевский указ о высылке его из Швеции. Причем на допросе Лессигу никаких обвинений не было предъявлено. Личное вмешательство Неклюдова делу не помогло и 17 (4) марта Лессиг покинул Швецию[62]. А. В. Неклюдов отметил, что этот случай служит известным симптомом настроений большинства шведского правительства»[63].

В сообщении английского посольства от 18/5 марта 1916 г. говорилось: «Великобританское посольство получило известие, что в Стокгольме име-

---

[57] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 64. Л. 23.

[58] Там же.

[59] Там же, Л. 23.

[60] Опубл. Кр. Архив, т. XXXII, С. 12.

[61] 6 марта (22 февраля) Неклюдов сообщил Сазонову, что он «был принят сегодня королем Густавом и передал его величеству всемилостивые слова Государя императора». Король заявил ему, что «он сам искренне дорожит сохранением и укреплением добрососедских отношений между Швецией и Россией и, со своей стороны, сделает все, что только возможно, для поддержания этих добрых отношений». В заключение король подчеркнул, что за все время войны Швеция «не может ни в чем пожаловаться на Россию, но терпит большие стеснения со стороны Англии, а иногда и правонарушения со стороны Германии», и что Швеция во имя принципа обязана опротестовывать эти стеснения и правонарушения. – МОЭИ. С. III. Т. X. М.–Л., 1935. № 246.

[62] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 64. Л. 31.

[63] Там же.

ются сведения, что германцы закончили приготовления для высадки войск в Финляндии в апреле или начале мая, и что они тогда надеются произвести сильное впечатление на шведов. Эти слухи почерпнуты от шведов, имеющих связи с Германией»[64].

В начале апреля воинственное настроение ослабло[65], хотя трения теперь возникли по поводу Аландских островов[66]. В телеграмме от 4 мая (21 апреля) Неклюдов рекомендовал принять меры для защиты озерной Финляндии и берегов Белого моря. Вместе с тем он предостерегал против сосредоточения русских войск в Северной Финляндии[67].

Морская война на Балтике: угроза шведскому нейтралитету?

Важным фактором в русско-шведских отношениях военных лет являлась морская война на Балтийском театре. Швеция сохраняла нейтралитет, но вела морскую торговлю с обеими группировками держав. Англия особенно нетерпимо относилась к продолжающимся германо-шведским морским перевозкам.

28 (15) октября 1915 г. английское правительство через своего военно-морского агента в Петрограде изложило проект объявить блокаду германского побережья Балтийского моря[68]. Блокада должна была быть установлена подводными лодками и судами по усмотрению российского военного командования[69].

Для рассмотрения этого вопроса у морского министра состоялось специальное совещание, с участием С. Д. Сазонова[70]. Объявление блокады балтийского побережья Германии, как непосредственно затрагивающее интересы шведской торговли, признано было при существующей обстановке мерой нежелательной и даже опасной, «так как она несомненно была бы использована как нашими противниками, так и враждебными нам элементами в Швеции для побуждения последней к выступлению против нас»[71].

Кроме того, по мнению морского ведомства, подобная блокада оказалась бы не очень эффективной, особенно ввиду приближения зимы. Вместе

---

[64] Там же.

[65] Там же, Л. 51.

[66] Об этом см. ниже.

[67] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 64. Л. 53.

[68] МОЭИ. С. III. Т. IX. М.-Л., 1935. № 112.

[69] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 48. Л. 34.

[70] МОЭИ. С. III. Т. IX. М.-Л., 1935. № 156.

[71] Там же.

с тем она отвлекла бы военно-морские силы от непосредственных их задач и подвергла бы их самих значительному риску[72].

Таким образом, проект блокады был отвергнут.

В ходе войны важное значение получил вопрос о действиях военно-морских сил воюющих держав по отношению к нейтральным шведским судам. Как уже отмечалось, Англия очень нетерпимо относилась к германо-шведским морским перевозкам, задерживала шведские торговые суда на Балтике и приводила их в русские порты. Это часто служило поводом для недовольства со стороны шведского общественного мнения.

С. Д. Сазонов считал нежелательным, в виду отношений России со Швецией, осуществление английскими подводными лодками на Балтике права задержания и привода в русские порты нейтральных шведских судов в каких-либо случаях, где законность захвата может подлежать спорам и сомнениям. Если бы, однако, английскими лодками были обнаружены случаи явных и бесспорных нарушений шведскими судами законов нейтралитета, то, по мнению Сазонова, не встречалось бы препятствий к тому, чтобы суда эти задерживались и приводились в русские порты[73].

Отметим, что английское правительство обращалось к Морскому министерству с просьбой о даче всем командирам подводных лодок в Балтийском море указаний о важности принятия всех мер против «возможных, нечаянных агрессивных действий против шведских военных судов», так как это могло крайне ухудшить общее политическое положение[74].

Шведское правительство несколько раз на протяжении войны издавало указы о запрещении плавания иностранных подводных лодок в территориальных водах Швеции. Например, указ от 19/6 июля 1916 г. касался иностранных военных подводных лодок[75]. А. В. Неклюдов по этому поводу телеграфировал в Петроград: «Следует отметить, что королевский указ от 19-го июля говорит об иностранных «военных» подводных лодках. Таким образом шведы, по-видимому, признают, в угоду Германии, существование «торговых» подводных судов, в пользу коих делается, как будто бы, исключение, то есть допускается косвенно, что такие суда могут плавать в шведских территориальных водах и не выходя на поверхность. При такой интерпретации шведские военные власти могут всегда воздерживаться от применения военной силы к германским подводным лодкам на том основании, что таковые могут оказаться торговыми»[76].

В российских штабах разрабатывались варианты участия шведского

---

[72] Там же.

[73] Там же, л. 43.

[74] Там же, л. 48.

[75] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 66. Л. 48.

[76] Там же.

флота в войне на стороне Германии[77]. Возможное выступление Швеции учитывалось главным образом в виде десантной операции в крупном масштабе на восточное побережье Ботнического залива[78]. Поэтому в отношении ботнического театра Главное Командование ставило Балтийскому флоту задачу прочно удерживать Або-Аландский район и препятствовать проникновению противника в Ботнический залив и к западному побережью Финляндии. Причем считалось, что при значительном превосходстве сил и средств германского флота операции противника против Або-Аландского района и в Ботническом заливе вполне возможны, но до выступления Швеции они маловероятны из-за большой удаленности этого театра от баз и необеспеченности коммуникационных путей, проходящих в непосредственной близости от сильно укрепленного аландского района. С другой стороны, активные операции на Ботническом театре одного шведского флота, без поддержки германского, вряд ли будут иметь место, так как Балтийский флот мог противопоставить ему превосходящие силы[79].

Таким образом, считалось, что серьезные операции на Ботническом театре могут возникнуть лишь после выступления Швеции на стороне Германии и при взаимодействии обоих флотов. Исходя из этого Балтийскому флоту ставилась задача – исключить ботнический театр из сферы оперативного влияния германского флота, создав ему непреодолимые препятствия для проникновения в этот район и учитывая там впоследствии лишь шведские силы. Выступление Швеции, при условии, что германский флот не сможет войти в Ботнику, признавалось не очень опасным для стратегической ситуации на Балтике[80]. В то же время, так как главным операционным направлением действий Балтийского флота считался Финский залив, держать значительные силы на второстепенном Ботническом театре не признавалось возможным. Поэтому рекомендовалось в случае осложнений немедленно захватить инициативу в операциях на этом театре, для чего должен был быть использован промежуток времени от момента, когда определится, что война со Швецией неизбежна и до момента официального объявления войны[81].

В ходе войны как Германия, так и Россия подвергались обвинениям со стороны Швеции в нарушении ее нейтралитета из-за морской войны на Балтике. Иногда это вызывало бурный протест шведского общественного мнения[82]. Неоднократно в течение войны корабли Балтийского флота захватывали

---

[77] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 65. Л. 2.

[78] Там же, Л. 14.

[79] Там же, Л. 15.

[80] Там же, Л. 16.

[81] Там же.

[82] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 66. Л. 76.

в Ботническом заливе и Аландсгафе германские пароходы, причем в одних случаях факт нарушения шведского нейтралитета являлся спорным, а в других он являлся доказанным. Российскому правительству приходилось приносить извинения. Россия была намерена всеми способами удержать Швецию от выступления, даже в ущерб борьбе с германской морской торговлей[83].

Россия и англо-шведские противоречия

Вскоре после начала войны английское правительство ввело требование относительно всякого досмотренного нейтрального судового груза особой гарантии нейтрального правительства, что груз этот не будет вывезен в Германию[84]. Эта мера оскорбляла самолюбие шведов и значительно стесняла их торговлю[85]. В ноябре 1914 г. распространились слухи о предстоящем закрытии морского пути на север от Шотландии. К тому же британское адмиралтейство объявило, что все Северное море отныне считается театром военных действий[86]. Эти события вызвали в Швеции панику. Первое сделало бы невозможным продолжение океанских рейсов между Гетеборгом и Америкой; второе заявление именно своей неопределенностью представилось угрожающим всей торговле Швеции с западом[87]. При поддержке английского посланника шведское правительство предложило великобританскому изменить правила о досмотре шведских грузов таким образом, чтобы беспрепятственно пропускались все товары, запрещенные к вывозу в воюющие страны[88]. Шведы надеялись, что английское правительство примет это предложение, а также облегчит рейсы шведских океанских пароходов на север от Шотландии и вообще не будет принимать мер, излишне стесняющих шведскую торговлю[89]. С другой стороны, А. В. Неклюдов признавал необходимым, чтобы и Россия не чинила излишних препятствий вывозу в Швецию овса, муки, яиц, кормового ячменя, жмыхов, отрубей и бензина[90].

К середине ноября шведское правительство достигло соглашения с Англией и Францией относительно следования шведских трансатлантических пароходов на север от Шотландии, а также относительно ввоза в Швецию необходимых продуктов[91]. 16 (3) ноября шведский министр иностранных

---

[83] Там же, Лл. 102–103.

[84] МОЭИ. С. III. Т. VI. М-Л., 1935. № 486.

[85] Там же.

[86] Там же.

[87] Там же.

[88] Там же.

[89] Там же.

[90] Там же.

[91] Там же, № 529.

дел подтвердил А. В. Неклюдову свое согласие на устройство и облегчение транзитного пути, но под условием соглашения с Россией относительно ввоза в Швецию из России необходимых продуктов. Валленберг, кроме того, возобновил ручательство, что шведское правительство не будет допускать вывоза в Германию получаемых из России продуктов[92].

На рубеже 1914/1915 гг. в шведских торговых и судоходных кругах вновь обозначилось сильное недовольство политикой Англии[93]. Шведские суда, заходившие, согласно выработанному недавно соглашению, в английские порты для проверки грузовых документов, подвергались долгой остановке и всякой волоките; некоторых принуждали разгружаться и затем снова нагружаться за собственный счет[94]. Судохозяева и торговцы жаловались в газетах и обращались к правительству. Последнее намеревалось уже расторгнуть недавнее соглашение с Англией, но отложило это намерение, надеясь на удовлетворительный исход новых переговоров с английским посланником[95].

В целом надо отметить, что для России в этой ситуации было важно, во-первых, сохранить транзит через Швецию и сообщение с Англией. Во-вторых, Россия путем частных сделок получала от Швеции продукты и изделия, совершенно необходимые для войны: станки для изготовления шрапнелей, трубки для паровых котлов, части автомобилей и аэропланов и целый ряд других[96].

9 января 1915 (27 декабря 1914) г. вступил в силу закон, воспрещавший всякий транзит через Швецию военной контрабанды[97]. Опубликование этого закона произошло вследствие жалоб и настояний германской миссии и шума, поднятого германской прессой[98]. А. В. Неклюдов сообщал, что есть слух, основательность которого он не мог проверить, будто бы поводом послужил провоз через Швецию в Россию миллиона винтовок[99]. Впрочем, как доносил российский посланник, запрещение это уже существовало ранее в порядке административного распоряжения и постоянно обходилось. По его мнению, возможно будет обходить закон и впредь[100].

Лето 1915 г. – кризис в русско-шведских и англо-шведских торговых отношениях. Шведской промышленности были необходимы хлопок, каучук и другие продукты. Англичане же боялись вывоза этих продуктов в Герма-

---

92 Там же.

93 Там же. № 740.

94 Там же.

95 Там же.

96 Там же, № 741.

97 РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 445. Л. 2.

98 Там же.

99 Там же.

100 Там же.

нию. Не имея средств принудить Англию к выгодному для себя решению этого вопроса, шведы тормозили транзит через свою страну всех товаров (не только значащихся в запретительном списке). В одном из разговоров с Неклюдовым Валленберг заявил ему, что как только Швеция получит уступки от англичан, транзит снова наладится[101]. А. В. Неклюдов отмечал: «Ныне все дело сводится к расследованию между нашим и английским правительствами вопроса о том, что вреднее для союзных правительств: допущение ли возможности известной контрабанды через Швецию в Германию или же фактическое почти полное прекращение транзита в Россию»[102].

В телеграмме Сазонову от 18 (5) июня Неклюдов сообщал, что положение становится более тревожным, так как германская сторона наращивает усилия по вовлечению Швеции в войну[103]. В Стокгольме усиливалось течение, требующее «более активной политики в вопросе морской торговли», т. е. принудить Англию к уступкам либо путем полного закрытия Швеции для англо-русского транзита, либо даже угрозой нападения на Россию[104]. А. В. Неклюдов также сообщал, что влияние Валленберга уменьшается, и что он начинает «опасаться, что новый натиск со стороны Англии и попытки ее добиться уступок в пользу русского транзита могут не увенчаться успехом и даже приблизить ту развязку, которую так желают ныне в Германии»[105]. По мнению российского посланника, вопрос о морской торговле Швеции и о транзите через Швецию выходил не только из области экономической, но даже из области политической и становился вопросом чисто военного значения – что выгоднее для России и ее союзников: изолировать почти совершенно Германию, а с ней и Швецию, но рисковать почти наверняка вступлением шведской армии, а возможно, и шведско-германской, в Финляндию, или же обеспечить себе нейтралитет Швеции и некоторые поставки из нее или через нее в пользу России, но зато терпеть проникновение в Германию известной части необходимых им предметов и продуктов?[106].

Кандауров (военный агент в Скандинавии) доносил в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба телеграммой от 20 (7) июня, что «швед, связанный прочно и давно интересами с нашим морским ведомством и родственник здешнего министра-президента» сказал ему, «что последние экспортные и транзитные меры Швеции... есть репрессия по отношению к России за последние меры Англии и что в случае неизменения Англией своей внешней политики относительно Швеции будет, вероятно, введен

---

101 МОЭИ. С. III. Т. VIII. М.-Л., 1935. № 103.

102 Там же.

103 Там же, № 129.

104 Там же.

105 Там же.

106 Там же, № 130.

официальный абсолютный запрет вывоза стали, но фактически будут сделаны всем, кроме нас, широкие льготы, дабы не ухудшить экономическое положение страны». По мнению военного агента, «хотя события в Галиции вряд ли дадут немцам возможность легко толкнуть шведов на войну с нами, все же необходимо, дабы Швеция не повела бы против нас экспортно-торговую войну, твердо заявить не столько, что наша армия еще существует, сколько то, что ни очищение Львова, ни даже всей Галиции не повлечет ни к сепаратному миру с Германией, ни к революции в России»[107].

Однако, уже 23 (10) июня Бенкендорф известил Сазонова, что английское правительство, «отдавая себе вполне отчет в важности шведского вопроса для России и для всех союзников, вступает в переговоры со шведским правительством по торговым вопросам в примирительном духе, который должен обеспечить их успех»[108]. Переговоры должны были проходить в Стокгольме[109].

Переговоры вскоре начались и продолжались все лето. Россия внимательно следила за их ходом. Были опасения, что провал переговоров приведет к отставке Валленберга, стеснению англичанами шведской торговли и закрытию шведами транзита в Россию[110]. Ввиду этого Нелюдов даже выражал мнение, что желательно пойти на уступки шведским требованиям с сохранением возможности взять таковые обратно, в случае благоприятного изменения военного положения или открытия Дарданелл[111].

Главное противоречие состояло в следующем. Английское правительство было готово пойти навстречу экономическим нуждам Швеции, т. е. доставлять ей товары и сырые продукты в количестве нормального потребления страны и ее промышленности. Но оно отвергало такие требования шведов, которые сводятся к праву оказывать особую экономическую поддержку Германии и ее военному хозяйству. Шведские же делегаты настаивали, что Швеция имеет право делать в пользу Германии все то, что она в транзитном порядке готова делать для России[112].

Только в начале сентября английской и шведской делегации удалось прийти к временному компромиссу[113].

Англо-шведские отношения вновь обострились в начале 1916 г.

В декабре 1915 г. английское правительство распорядилось задержать в Кирквале на норвежском судне «Св. Олаф» несколько тысяч почтовых посылок, следовавших из США в Швецию и содержавших рождественские

---

[107] Там же, № 143.

[108] Там же, № 166.

[109] Там же.

[110] Там же, № 324.

[111] Там же.

[112] Там же, № 342.

[113] Там же, № 631.

подарки. Посылки были подвергнуты досмотру[114]. Одновременно была задержана в Кирквалс почта на новом шведском оксанском пароходе «Стокгольм», следовавшем первым рейсом в Нью-Йорк[115]. Меры эти произвели в Швеции огромное возбуждение и шведский Совет министров заявил энергичный протест и постановил задержать в виде репрессалии все почтовые посылки, следующие через Швецию из Англии и в Англию, уведомив об этом правительство США[116]. Задержание рождественских подарков, ежегодно посылаемых американскими шведами родственникам в Швецию, произвело самое тяжелое впечатление. Густав V специально выступил с речью, где говорил о намерении противиться всем попыткам иностранного контроля за шведской торговлей[117]. По мнению, А. В. Неклюдова, это заявление короля могло вдохновить партию активистов[118].

Следует отметить, что союзные посланники принимали все возможные меры, чтобы предостеречь шведское общественное мнение относительно германофильских замыслов активистов и искусственного возбуждения страны против Англии. В шведской прессе публиковались статьи, в которых «с полной ясностью и изрядной прямотой указывалось шведской публике на безумие такой политики, которая закончилась бы войной и заставила бы страну терпеть ужасные бедствия и лишения, взамен тех незначительных по существу неудобств и стеснений, которые причиняют ей британская блокада и британский контроль»[119].

Россия и германо-шведские отношения

Поведение Швеции, которой ее географическое положение позволяло служить преградой военно-политическому сотрудничеству Англии и России, имело большое значение для хода войны. Поэтому в германском генеральном штабе и в министерстве иностранных дел размышляли, как побудить Швецию отказаться от своего нейтралитета и вступить в войну на стороне Германии. Уже 23 июля 1914 г. статс-секретарь министерства иностранных дел Ягов выразил надежду, что Швеция отдаст себе отчет в том, что наступил серьезный момент и для ее судьбы[120]. В соображениях о политике по отношению к отдельным странам, изложенных начальником генерального штаба

---

114 РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 65. Л. 4.

115 Там же. Л. 5.

116 Там же.

117 РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 64. Л. 17.

118 Там же.

119 Там же. Л. 22.

120 Менгер М. Финляндия в военной политике германского империализма в начале первой мировой войны//Скандинавский сборник. № 17. Таллин, 1972. С. 120.

армии министерству иностранных дел 2 августа 1914 г., была поставлена задача «стремиться» к тому, чтобы Швеция немедленно провела мобилизацию всех своих вооруженных сил и как можно скорее придвинула их к границе Финляндии[121]. Швеция должна была своими мероприятиями вызвать и поддерживать у России опасение о возможности нападения на нее через Финляндию и высадки войск на русское побережье[122]. Но заманчивое предложение Аландских островов[123] и перспектива иметь гораздо более приятного соседа на востоке, чем царская Россия, не могли все же побудить Швецию отказаться от нейтралитета, провозглашенного ею 4 августа 1914 г.

Значительная часть шведского общественного мнения была настроена прогермански. И хотя в августе 1914 г. Германии не удалось превратить Швецию в своего союзника, по-прежнему сохранялась опасность того, что Швеция рано или поздно выступит против стран Антанты. Поэтому многое зависело от того, как будет развиваться ход военных действий.

Согласно донесениям союзных посланников, основанных на сведениях, полученных от российского военного агента в Скандинавии, германский генеральный штаб в течение войны вступал по своей инициативе несколько раз в непосредственные переговоры с шведским генеральным штабом, в целях договориться о задачах, которые могли бы быть возложены на шведскую армию в случае ее вооруженного выступления против России[124]. Германский генеральный штаб ставил первым условием не только полное подчинение шведской армии германскому верховному командованию, но даже, якобы, включение шведских дивизий в состав германских корпусов[125]. При принятии этих условий германский генеральный штаб гарантировал якобы полное снабжение шведской армии всем необходимым в течение всей кампании[126]. Шведский генеральный штаб не только считал неприемлемой для себя первую часть германских условий, но даже требовал, чтобы в случае вооруженного выступления Швеции ей была бы гарантирована возможность иметь свою самостоятельную армию, стремящуюся исключительно выполнить задачи, преследующие удовлетворение шведских национальных интересов[127]. Кроме того, шведский генеральный штаб требовал и при этих условиях гарантии от германского генерального штаба в том, что со стороны Германии шведской армии будет обеспечено полное снабжение всем необходимым в течение всей кампании[128].

---

[121] Там же.

[122] Там же.

[123] Об этом см. ниже.

[124] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 64. Л. 7.

[125] Там же.

[126] Там же.

[127] Там же.

[128] Там же.

Так как германский генеральный штаб в свою очередь считал эти условия шведов для себя неприемлемыми, то переговоры, возобновлявшиеся, по-видимому, до зимы 1916 г., не привели ни разу к каким либо практическим результатам[129].

Следует также отметить, что сведения Разведывательного Отделения Штаба командующего Флотом Балтийского моря указывали, что шведы в ходе войны сообщали германскому Морскому генеральному штабу важные в военном отношении сведения, например, о присутствии английских и российских военных судов и подводных лодок в видимости шведских берегов, точно обозначая места их пребывания[130].

Скажем также о шведо-германских торговых отношениях. Как известно, в годы войны Германия получала из Швеции различные товары, главным же образом – железную руду. Кроме того, Германия пыталась помешать англо-шведскому транзиту. Средства для этого применялись разные, главным образом – угрозы. Кроме того, было еще одно средство – воспрещение вывоза леса, направляющегося преимущественно в Англию и Францию и составлявшего главное богатство северной Швеции.

9 и 10 мая 1915 г. премьер-министр Хаммаршельд с чиновником МИД ездили в Берлин для переговоров, предмет которых остался неизвестен. А. В. Неклюдов считал, что в ходе этого посещения было заключено тайное торговое соглашение[131].

Российское правительство знало о том, что Швеция поставляет Германии некоторые товары. Однако оно относилось к этому гораздо более терпимо, чем, например, правительство Англии. Во-первых, в обмен на вывоз товаров в Германию шведы получали свободу вывоза леса в Англию и Францию, что способствовало сохранению Швецией нейтралитета, так как в случае запрещения этого вывоза население северной Швеции было бы поставлено в сложное положение, чем активисты могли бы воспользоваться. Во-вторых, за вывоз материалов в Германию Россия требовала компенсаций. Например, в начале 1916 г., когда стало известно о планируемом вывозе в Германию 10. 000 лошадей, Неклюдов требовал у Валленберга уступок в поставке России станков, стволов, сверлил, прессов и некоторых металлов[132]. А. В. Неклюдов сообщал Нератову 4 февраля/22 января 1916 г.: «Благоволите, по сношении с военным министром, предоставить мне свободу выбора действий, ибо нужно сильно спешить и не терять удобной минуты. У нас могут быть уверены, что я выговорю все, что только возможно выговорить»[133].

---

129 Там же.

130 РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 65. Л. 7.

131 МОЭИ. С. III. Т. VIII. М-Л., 1935. № 147.

132 РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 64. Л. 20.

133 Там же.

Вопрос об Аландских островах

Аландские острова имели важное военно-стратегическое и политическое значение в ходе войны, которое в большой мере отражалось на русско-шведских и германо-шведских отношениях.

Чтобы добиться благоприятного для Германии решения в Стокгольме (т. е. вступления Швеции в войну), германское правительство было готово допустить Швецию к участию в дележе ожидаемой финляндской добычи[134]. Швеции в случае победы обещали приобретение Аландских островов, территориальное расширение на севере, а также независимость и свободный выбор формы правления для Финляндии[135]. Обещанием Аландских островов Германия дотронулась до ахиллесовой пяты шведской внешней политики. Если что и могло побудить Швецию вступить в войну на стороне кайзеровских армий, то только надежды ее господствующих кругов на получение этих островов. В выходивших нередко в Германии брошюрах и статьях шведских активистов, противников «трусливых отговорок в пользу нейтралитета», неоднократно выражалось требование, чтобы в мировой войне Швеция встала на сторону того государства, которое выступит против России – «заклятого врага» Швеции, угнетателя родственной ей Финляндии. Только такой политикой можно добиться «воссоединения со шведской родиной Аландов с их чисто шведским населением»[136].

Не последнее место занимали Аландские острова и в стратегическом плане, благодаря их господствующему положению у входа в Ботнический залив, через который транспортировалась важная для германской военной промышленности шведская руда[137]. Оккупацию этих островов Людендорф считал с самого начала войны одной из важнейших и необходимейших операций. Рейхсканцлер тоже выступал за экспедицию на Аландские острова. То, что десант германских войск на Аландские острова был осуществлен только в последний год войны, объясняется тем, что раньше не имелось нужных для этого военных сил[138]. После овладения немцами этой крепостью у ворот Стокгольма, Швеция оказалась бы в немецких клещах. Захват Аландских островов открывал также дорогу к важным западным портам Финляндии – Раума, Або и Ханко и оттуда дальше в глубь Финского залива[139].

---

[134] Менгер М. Финляндия в военной политике германского империализма в начале первой мировой войны//Скандинавский сборник. № 17. Таллин, 1972. С. 121.

[135] Там же, С. 122.

[136] Там же.

[137] Там же, С. 123.

[138] Там же.

[139] Там же.

Главной проблемой в вопросе об Аландских островах в ходе войны было устройство на них Россией оборонительных укреплений. 1 января 1915 (19 декабря 1914) г. морской министр И. К. Григорович обратился к Сазонову со специальным письмом, где речь шла об Аландских островах. Указывалось на появление неприятельских крейсеров и других малых судов в Ботническом заливе, что говорило о стремлении противника оперировать в последнем. Это заставило командующего Балтийским флотом обратить самое серьезное внимание на оборону Або-Аландского шхерного района. Названный шхерный район, будучи расположенным в устьях Финского и Ботнического заливов, имел большое стратегическое значение, поэтому прочное владение им представляло одну из важнейших задач флота Балтийского моря. Морской министр считал вероятным, что в течение зимы 1914/1915 гг. или ранней весны 1915 г. немцы будут стремиться завладеть Аландом или какими-либо группами островов этого архипелага с целью устроить там маневренную базу для своих подводных лодок, миноносцев и легких крейсеров, ибо это позволило бы им, овладев постепенно всем Або-Аландским районом, строго контролировать входы в Ботнический залив и вместе с тем создать крайне невыгодную для России обстановку в устьях Финского залива. Германия могла, опираясь на такую базу, широко использовать свои подводные лодки, что весной, при светлых ночах, могло совершенно парализовать деятельность Балтийского флота. Командующий Балтийским флотом Н. О. фон Эссен полагал необходимым поэтому безотлагательно приступить к надлежащему оборудованию Або-Аландского района, дабы к ранней весне иметь законченной оборону этого места. Главнейшими оборудованиями в этом районе являлись: установка батарей на входных с моря фарватерах, развитие постов службы связи, устройство на самом Аланде защищенной стоянки, содержание на нем некоторой вооруженной силы (силой примерно до 1 батальона) и, наконец, постоянное присутствие части судов Балтийского флота (канонерских лодок, миноносцев и подводных лодок) внутри названного района. Мероприятия эти, будучи проведенными в жизнь, позволили бы прочно владеть Або-Аландским архипелагом и, значит, не допустить противника к беспрепятственным операциям в Ботнике и в устьях Финского залива. Тем не менее, фон Эссен, зная, что Швеция весьма подозрительно относилась ко всем русским мероприятиям военного характера в Аландском архипелаге, а также имея в виду неопределенное отношение Швеции к России и несомненную агитацию немцев, обратился к И. К. Григоровичу с вопросом, в какой мере возможно было бы, путем соответствующего предуведомления шведского правительства, предупредить нежелательную агитацию германцев, которые, несомненно, будут пытаться возбудить общественное мнение Швеции, равно как и шведское правительство, используя факты военного оборудования Россией Або-Аландского архипелага[140]. В начале января 1915 г. А. В. Неклюдов преду-

---

[140] МОЭИ. С. III. Т. VI. М.-Л., 1935. № 720.

предил шведское правительство о принимаемых российским правительством мерах. Шведский министр иностранных дел по докладе королю и кабинету сообщил российскому посланнику, что Швеция не заявляет никакого протеста против принимаемых Россией военных мер на Аландских островах[141]. На островах началась установка позиционного пункта во главе с начальником и необходимым личным составом, готовились запасные судовые орудия малого калибра, заказывались в Америке серия орудий среднего калибра и необходимый запас снарядов[142].

В августе 1915 г. посол во Франции Извольский известил Сазонова о том, что во французской газете «Figaro», за подписью проживающего в Париже шведского публициста Эрика Сьестедт, известного своими симпатиями к Франции и Тройственному согласию, появилась статья под заглавием «Швеция и война». В этой статье, «по тону вполне дружественной России», высказывалась мысль, что русское правительство могло бы достичь сближения со Швецией путем продажи или уступки ей за известные компенсации Аландских островов, нужных ей с точки зрения государственной обороны. Компенсации касались бы торговли и транзита[143]. В ответной телеграмме от 14 (1) августа Сазонов известил Извольского, что считает всякое обсуждение вопроса об Аландских островах в печати совершенно несвоевременным и просил его принять соответствующие меры к воспрепятствованию этому[144].

В начале августа 1915 г. в шведских газетах появилось известие, что германский флот появился у Аландских островов и собирается, будто бы, занять их силой[145]. Это известие пробудило в шведской печати особый интерес к Аландским островам. Появились статьи и началась полемика о том, что ожидает Швецию в случае, если Германия укрепится окончательно на этом архипелаге; нет ли возможности для Швеции завладеть им снова; или, наоборот, не лучше ли, чтобы граница оставалась та же самая, но под условием, чтобы Россия снова подтвердила обещания, данные ею в 1856 году, что Аландские острова не будут служить каким бы то ни было военным целям[146].

---

[141] МОЭИ. С. III. Т. VII. М-Л., 1935. № 31.

[142] Григорович И. К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб, 1993. С. 160.

[143] МОЭИ. С. III. Т. VIII. М-Л., 1935. № 496.

[144] Там же, № 510.

[145] Отметим, что в августе 1915 г. германский флот вел довольно активные действия на Балтике (Ирбенская операция).

[146] В телеграмме ПТА от 11 сентября (29 августа) из Стокгольма сообщалось, что «здешний финский союз опубликовал в стокгольмских газетах заявление, направленное против требуемой активистами уступки Аландских островов Швеции. В заявлении говорилось, что Аландские острова принадлежат финнам, а не русским. Аннексионные вожделения активистов стремятся только к раздроблению Финляндии и к тому, чтобы получить Аландские острова в качестве платы за шведскую помощь

Однако российское правительство не посчитало возможным в тот момент обсуждать этот вопрос[147].

В очередной раз кризис из-за Аландских островов возник весной 1916 г. Как сообщал посланник в Стокгольме 10 мая (27 апреля), в Швеции усиливалась агитация активистов по поводу Аландских островов[148]. К концу мая быстро принятыми мерами к успокоению шведского общественного мнения ситуацию удалось стабилизировать[149].

В самом начале 1917 г. Аландские острова были предметом переписки между И. К. Григоровичем и министром иностранных дел Н. Н. Покровским. 18 (5 января) И. К. Григорович представил Н. Н. Покровскому обширную записку с изложением ситуации вокруг Аландских островов[150]. Сделав краткий обзор русско-шведских отношений по этому вопросу в ходе войны и отметив, что оборудование Або-Аландских шхер в военном отношении «в главных своих основаниях может почитаться близящимся к окончанию», морской министр обратил внимание на важность сохранения и в мирное время сделанных долговременных оборонительных сооружений: «Наиболее желательной платформой переговоров со шведским правительством по вопросу об Аландских островах является – стремление добиться, путем переговоров, согласия шведского правительства на оставление и в мирное время всего существующего уже и подлежащего к устройству военного оборудования этого района, взамен подтверждения с нашей стороны отсутствия у нас каких-либо агрессивных намерений, подтверждаемых всем характером оборудования района против Швеции»[151].

Н. Н. Покровский, в ответном послании Григоровичу, отметил, что стокгольмский кабинет постоянно обращался к России с призывом открыть переговоры для более точного выяснения и урегулирования аландского дела[152]. МИД, по соображениям общеполитической обстановки, считал целесообразным по возможности оттянуть начало переговоров[153]. Дальнейшее замедле-

---

так называемому финскому делу... Финны желают прежде всего помочь себе сами без постороннего содействия». – МОЭИ. С. III. Т. VIII. М-Л., 1935. № 520.

147 Там же. № 755.

148 РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 64. Л. 59.

149 Там же, Л. 6.

150 РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 64. Л. 118.

151 Там же, Л. 120.

152 Покровский, между прочим, упомянул о двух обращениях Густава V по этому предмету, летом и зимой 1916 г. Первое было обращено лично к Николаю II, другое сделано через российского посланника в Стокгольме. Николай II еще летом 1916 г. дал принципиальное согласие на открытие переговоров и известил об этом шведского короля. – РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 64. Л. 127.

153 Там же.

нис в этом деле представлялось Покровскому уже невозможным, без риска серьезно обострить отношения со Швецией. Поэтому он официально подтвердил шведскому правительству готовность России вступить в переговоры. Кроме того, он указал, что переговоры эти могли бы вестись в Стокгольме, так как это представляло двоякую выгоду: во-первых, переговоры бы шли с Валленбергом, который отличался более мягким и сговорчивым характером, чем шведский посланник в Петрограде генерал Брандстрем; во-вторых, в Швеции российские делегаты имели бы возможность, в затруднительных случаях, ссылаться на необходимость испрошения инструкций, «что отняло бы у шведских домогательств тот характер спешности и настойчивости и который несомненно был бы придан им, если бы переговоры велись в Петрограде»[154].

Покровский считал необходимым безотлагательно приступить к выбору лиц, на которых будет возложено ведение переговоров. От МИДа предполагалось назначить бывшего императорского посла в Вене Шебеко и российского посланника в Стокгольме Неклюдова. Министр также просил известить его о том, будет ли признано возможным возложить обязанности делегата от морского ведомства на военно-морского агента в Швеции, или же указать для этого специально избранное лицо[155].

Февральская революция опередила начало переговоров.

* * *

Три недели спустя после Февральской революции, весть о которой незамедлительно пришла в Стокгольм, правительство Хаммаршельда ушло в отставку. Новое правительство было менее прогерманским, тогда как общественное мнение все чаще симпатизировало Антанте. Швеция быстро признала Временное правительство и приветствовала в особенности восстановление финляндской автономии в ее полном объеме.

Швеция в годы войны так и не вышла из нейтралитета. Неучастие в европейских войнах (в последний раз Швеция воевала с Россией в 1808–1809 гг.) становилось для нее уже доброй традицией. В период первой мировой войны в Швеции, как мы видели, были общественные силы, которые старались склонить свое правительство к выходу из нейтралитета. Более того, сам королевский двор был настроен прогермански. Тем не менее, по нашему мнению, ни разу не сложилось такой ситуации, которая бы серьезно угрожала выступлением Швеции против держав Антанты. Дело здесь, конечно, не только в том, что консервативное шведское правительство было против войны. Подавляющее большинство шведского населения не желало участия

---

[154] Там же, л. 128.

[155] Там же.

Швеции в европейском конфликте. Поэтому, сколь бы ни были воинственны силы, ратовавшие за оставление Швецией нейтралитета, всегда была угроза, что вступление в войну встретит большое общественное недовольство. Об этом говорило и настроение Риксдага в годы войны.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство. Какой бы двойственной ни была политика Швеции, какая бы помощь не оказывалась ею Германии, у российского руководства в годы войны была твердая уверенность, что вступление Швеции в войну против России поставит эту последнюю в гораздо более сложное положение. Именно поэтому в течение всей войны российская сторона по мере сил старалась воздействовать на шведскую политику и шведское общественное мнение в благоприятную для себя сторону. Более того, зачастую российское руководство было вынуждено вмешиваться и в отношения Швеции с другими державами Антанты, например, с Англией. Англо-шведские отношения были довольно напряженными. Великобританское правительство, конечно, менее терпимо относилось к германо-шведским торговым отношениям, нежели российская сторона, и часто не хотело идти на уступки. Это объясняется тем, что для Англии вступление Швеции в войну не представлялось таким уж опасным по понятным причинам. Здесь России иногда приходилось воздействовать на свою союзницу, как это было, например, в ходе англо-шведского кризиса летом 1915 г.

Кроме того, надо признать, что Россия старалась не возбуждать шведское недовольство и в военном отношении. Например, в Финляндии и на территории Аландских островов российская сторона предпринимала весьма ограниченные военные меры. Осторожно Россия действовала в отношении Швеции и на Балтийском море.

Таким образом, в целом можно сказать, что в отношениях со Швецией в годы первой мировой войны российское руководство проявило изрядную осторожность и благоразумие.

А. В. ГАНИН

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЛУДЕННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ:

РУССКАЯ АРМИЯ НА ПОДАВЛЕНИИ ТУРКЕСТАНСКОГО МЯТЕЖА 1916–1917 ГГ.

Когда твой спутник русский,
то пусть у тебя в руке будет железный топор.

Казахская пословица

90 лет назад начался туркестанский мятеж. Несмотря на, казалось бы, значительный срок, прошедший с того времени, полноценная история этого события до сих пор так и не написана.

В советской историографии этот мятеж (в терминологии советских историков – «восстание»[1]) считался актом национально-освободительной борьбы народов Средней Азии и Казахстана против царизма.[2] Похожие оценки с особым упором на колониальную сущность политики России в регионе присутствуют и в современной националистической историографии.[3]

Советские историки в своих исканиях доходили, порой, до откровенно бредовых концепций мятежа. Так, Г. И. Бройдо пришел к выводу о том, что власть специально спровоцировала мятеж, чтобы уничтожить человеческий материал Киргизии и расчистить земли для колонизации, якобы, это был «дьявольский провокационный план с мобилизацией, чтобы добиться восстания»[1]. По мнению П. Галузо и Ф. Божко в 1916 г. произошла крупнейшая крестьян-

---

[1] Разница между этими терминами носит почти исключительно эмоциональный, а не рациональный характер.

[2] Турсунов Х. Т. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962.

[3] Напр.: Кузембайулы А., Эбил Е. А. История Республики Казахстан. Учебник для вузов. Астана, 2001. С. 268–275.

[1] Бройдо Г. И. Восстание киргиз в 1916 г. (Мое показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данное 3-го сентября 1916 г.). М., 1925. С. 2.

ская колониальная революция эпохи кризиса империализма[5]. Писали о феодально-империалистической эксплуатации окраин[6] и многом другом.

Один из авторов, видимо, не особенно вникая в то, о чем пишет, отметил: «В это время проявились лучшие качества казахской интеллигенции, которая также пыталась защищать права казахского народа, но не при помощи насилия, а с позиций идей гуманизма и демократии. Национально-освободительная борьба казахов Тургайской области, являясь составной частью общероссийского освободительного движения, способствовала свержению самодержавия в стране и победе демократического строя...».[7]

В фундаментальной работе Х. Т. Турсунова основной упор сделан на изображение народов Средней Азии как угнетенных, а политику правительства в отношении Средней Азии как безудержную эксплуатацию. Российская империя оценивалась не иначе как «тюрьма народов». Таким образом, мятеж является как бы само собой разумеющимся следствием сложившейся ситуации. Подтекст мятежа, по Турсунову, прежде всего, социально-экономический, а не какой-либо еще. Турсунов к месту и не к месту оправдывает мятежников. Невозможно всерьез воспринимать фразы о том, что русский рабочий класс из-за стихийности и разрозненности выступления не присоединился к восставшим.[8] При этом автор не акцентирует внимание читателей на том, что на стороне мятежников русских не было вообще, за исключением нескольких человек (всячески разыскивавшие эти данные советские авторы насчитали лишь 8 таких перебежчиков[9]). По сути, нужно не бояться признать, что Турсунов и другие советские авторы (почти исключительно выходцы из коренного населения Средней Азии и Казахстана) преднамеренно лгали, пытаясь скрыть, прежде всего, этно-конфессиональную основу событий 1916 г. Если бы они это признали, события 1916 г. невозможно было бы квалифицировать как прогрессивные. Однако указанные авторы упорно не желали признать, что летом-осенью 1916 г. в Туркестане и Степном крае произошла самая настоящая резня, и восхищаться этими событиями немыслимо.

Идея дифференцированного подхода к событиям 1916 г. в разных регионах, которой придерживался Турсунов и некоторые другие историки, также является лишь попыткой оправдать мятежников, оценив события в регионах с большим количеством жертв среди русского населения, в том числе

---

[5] Галузо П., Божко Ф. Восстание [19]16 года. Сб. ст. М.–Ташкент, 1932. С. 3.

[6] Кастельская З. Д. Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане. М., 1972. С. 41.

[7] Костанайская область: прошлое и настоящее. Под ред. И. К. Тернового. Ч. 1. Костанай, 2003. С. 379–380.

[8] Турсунов Х. Т. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 18.

[9] Уссенбаев К. У. Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967. С. 288.

убитых с особой жестокостью (Семиреченская и Самаркандская области) как реакционные, а в других регионах, где число замученных русских было не столь велико (например, Тургайская область, в южных уездах которой вообще не было русских поселков) и могло быть скрыто недобросовестными исследователями,– как прогрессивные. В таком ключе был подготовлен основополагающий сборник документов по этой теме со значительными купюрами в документах в отношении насилий против русского населения[10]. В указанном сборнике документов 79 примечаний из 358 бесконечно повторяют однотипные указания на реакционный характер мятежа в некоторых регионах. Подобное количество (почти четверть от общего числа) этих примечаний далеко не случайно.

Если обратиться к программе КПСС, то можно обнаружить небезынтересные для понимания того, с каких позиций данная тема преподносилась историками, положения. В частности, отмечалось, что национализм угнетенных наций в отличие от национализма угнетающих наций имеет общедемократическое содержание.

Надо сказать, что советские историки, видимо, не осознавая этого, сами себя обличали. Так, видные деятели казахского и башкирского национального движений М. Чокаев и А.-З. Валидов в эмиграции писали об антирусском характере мятежа и о том, что он предшествовал басмачеству. В ответ на это советские авторы выпустили внушительное количество монографий, направленных только на обличение подобной точки зрения.[11] Сам факт их массового одновременного выпуска не может не навести на мысль, что неудобного взгляда боялись и боялись не безосновательно, поскольку он был верным. А это уже могло вызвать всплеск русофобии в Средней Азии и Казахстане.

Отечественные авторы после 1991 г. за редким исключением почти не касались этой темы, видимо, полагая, что с распадом СССР данная проблематика к истории России перестала иметь отношение. Показательно и то, что с 1991 г. практически никто из исследователей не обращался к архивным документам по данной теме. Тем не менее, оценки события в существующих немногочисленных работах сводятся, в основном, к тому, что призыв населения Туркестана на тыловые работы был бюрократической глупостью или даже сознательной провокацией.

---

[10] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. М., 1960.

[11] Такие монографии почти одновременно были выпущены в каждой из среднеазиатских республик СССР. См., напр.: Иноятов Х. Ш. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962; Кинибеков Д. Клеветники и фальсификаторы истории народов Советского Казахстана. Алма-Ата, 1961; Новоселов К. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962; Рзаев Д. А. О фальсификаторах истории Советской Средней Азии. Фрунзе, 1962; Турсунбаев А. Б. Против буржуазной фальсификации истории Казахстана. Алма-Ата, 1963.

По мнению одного из авторов, «среднеазиатская «русофобия» была столь же ожесточенной, сколь и преходящей, ибо в ее основе лежала не осознанная социокультурная несовместимость, а психопатология отщепенческих групп различных этносов».[12] Учитывая масштабность мятежа и вовлечение в него значительных масс туземного населения едва ли можно согласиться с такой точкой зрения. Нельзя согласиться и с тем, что на подавлениях особенно усердствовали казаки и местные «маргиналы-босяки», якобы, намеревавшиеся согнать кочевое население с их земель.[13] Казачество не нуждалось в подобном расширении своей территории (очевидно речь идет о граничивших со степью Астраханском, Уральском, Оренбургском, Сибирском и Семиреченском войсках), тем более, что земли, на которых проживало кочевое население, были огромны и для расширения войсковых территорий, если бы это действительно было необходимо, вовсе не требовалось сгонять степных соседей с их мест проживания. К тому же решения о любых территориальных изменениях принимались в Петербурге – Петрограде, а земельный вопрос в отношении казачьих войск всегда был предметом особого внимания со стороны властей. Утверждения про «маргиналов-босяков» также сомнительны. Скорее всего, имеются в виду события в Семиречье, но сложившаяся там ситуация должна быть квалифицирована, прежде всего, как самозащита русского населения от поголовного уничтожения.

В. П. Булдаков акцентирует внимание на том, что восстание имело помимо конфликта власть – туземное население и еще один конфликт – столыпинские переселенцы – туземное население.[14] По мнению Булдакова, ответственность за эскалацию насилия лежит именно на русских переселенцах и местной администрации. Более обоснованной представляется иная точка зрения о том, что в Средней Азии и Казахстане так называемый рост национального самосознания с начала XX в. нашел свое выражение, в первую очередь, в резком усилении русофобских настроений, даже в районах, где переселенцев и русского населения вообще практически не было (например, Бухарский эмират). Кроме того, широкое распространение получили идеи панисламизма[15]. Как видно, историография проблемы ставит больше вопросов, чем дает ответов.

В подобной ситуации возникает настоятельная необходимость непредвзято разобраться в событиях 1916–1917 гг. и их подоплеке. Разумеется, в рамках статьи невозможно написать историю всего мятежа, такая задача и не ставится. Очень непросто оставаться беспристрастным, читая описания присущих только востоку нечеловеческих жестокостей в отношении, во многом, беззащитного русского гражданского населения. Тем не менее,

---

[12] Булдаков В. П. Имперские этнофобии//Родина. 1995. № 7. С. 23.

[13] Там же.

[14] Булдаков В. П. Бунт//Родина. 2004. № 11. С. 68.

[15] Смирнов А. А. «Свои» и «чужие»//Родина. 1995. № 7. С. 26.

попытаюсь. Потребность рассказать и показать правду очень велика, так как даже через 90 лет события 1916 г. не получили объективной научной оценки. В предлагаемом читателям очерке мне бы хотелось восполнить явный историографический пробел и рассмотреть как характер мятежа, так и историю его подавления, руководствуясь целесообразностью тех или иных действий с точки зрения государственных интересов России 1916 – начала 1917 гг.

Вообще, о мятеже было известно относительно небольшому количеству людей, поскольку, как отмечал один из современников, «Об этом восстании в России знали очень немногие, т. к. правительством были приняты меры к тому, чтобы местность, где было восстание, была изолирована от прочих частей Империи. Эта задача удалась блестяще и не только массы в России, но даже представители гражданской и военной власти не знали о происходящем в Туркестане. Если бы я не был свидетелем этих событий, то считал бы чудом рассказ о нем».[16]

События, ставшие катализатором мятежа, достаточно хорошо известны. 25 июня 1916 г. императором Николаем II был подписан указ о привлечении мужского инородческого населения империи в возрасте от 19 до 43 лет для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии. Дальнейшее развитие событий показало ошибочность этой меры, особенно в разгар летних сельскохозяйственных и заготовительных работ (хлопок, сено).

В сравнении с положением христианских подданных империи бремя, возлагавшееся на инородцев, было сравнительно легким, однако следует учитывать, что туземное население ранее воинскую повинность не отбывало и даже трудовая мобилизация его поразила. Непостижимым образом слухи о подготовке мобилизации туземцев, причем не на работы, а на фронт, циркулировали в населении еще с начала июня, о чем свидетельствуют документы департамента полиции.[17]

В тот же день (25 июня) состоялось заседание Особого совещания при военном губернаторе Туркестана по этому вопросу. 8 июля был издан приказ по Туркестанскому краю о мобилизации. Прежде всего, мобилизовывалась первая очередь (от 19 до 31 года). Мобилизации на тыловые работы за некоторым исключением подлежали инородцы Сибири, Степного края (Казахстан), Туркестана и Кавказа.[18] Решительный вооруженный протест против этой меры возник только в Степном крае и Туркестане. Были волнения и в других регионах (например, Томская губерния[19]), но ни масштабностью, ни активностью протеста они не отличались. Уже в начале июля после

---

[16] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 660. Л. 1.

[17] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 1.

[18] История Казахстана. Хрестоматия. Алматы, 1994. С. 36–37.

[19] Казачьи войска Азиатской России в XVIII – начале XX века (Астраханское, Орен-

объявления указа начались волнения. Разумеется, недовольство местного населения русской администрацией существовало и раньше. Оно базировалось как на произволе властей, так и на хитросплетении национального, религиозного и экономического факторов.

Нельзя полностью исключать возможность участия германских и турецких агентов в подготовке мятежа. Несмотря на войну, германо-турецкая агентура действовала в пограничных с Туркестаном регионах. В частности, в 1915–1916 гг. в Афганистане и Персии находилась миссия германских капитанов О. фон Нидермайера и В. О. фон Хентига. 21 мая 1916 г. разведчики покинули Кабул, причем Нидермайер отправился в Персию, а Хентиг – на Памир и в Китай.[20] Кроме того, не исключено, что германские агенты имелись среди военнопленных, направлявшихся в Туркестан.

К 1917 г. русских в Туркестане было 542 509 человек или 9,1% населения. Русское население было безоружно и не воинственно. По статистике туземного населения было 3 332 200 душ мужского пола (всего – около 7 миллионов человек обоего пола), из которых предполагалось призвать 8%. Первоначальная и последующие разверстки призывного контингента по Туркестану различались. В частности, было решено сократить число призывников в Ферганской области, оставив рабочие руки для уборки хлопка, по этой причине, не сокращая общее количество мобилизуемых, была усилена нагрузка на другие регионы, затем, с учетом силы протеста местного населения властям пришлось уже пойти на сокращение наряда практически во всех областях:[21]

Область Туркестана	Первоначальное число мобилизуемых	Промежуточное число мобилизуемых	Итоговое число мобилизуемых (на 23.08.1916)
Сырдарьинская	80 000	87 000	60 000
Ферганская	77 000	50 000	51 233
Семиреченская	43 000	60 000	43 000
Самаркандская	35 000	38 000	32 407
Закаспийская	15 000	15 000	13 830
ИТОГО:	250 000	250 000	200 470

бургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское). Сб. док. Сост. Н. Е. Бекмаханова. М., 2000. С. 397.

[20] Hopkirk P. Like hidden fire. The Plot to Bring Down the British Empire. N. Y.–Tokyo-L. P. 217.

[21] Восстание 1916 года в Киргизстане. Док. и мат. Сост. Л. В. Лесная. М., 1937. С. 19–20; Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. М., 1960. С. 50.

В Степном крае первоначально предполагалось призвать 230 000 человек. Из таблицы видно, что наиболее сильным было увеличение наряда в Семиречье – именно в этом регионе мятеж приобрел наиболее жестокие формы. Русская администрация понимала моральную и фактическую тяжесть внезапного призыва инородцев. 2 июля 1916 г. совещание при туркестанском генерал-губернаторе просило и. д. главного начальника края генерала от инфантерии М. Р. Ерофеева о сокращении наряда с 250 000 до 200 000 человек. Было принято решение о сокращении до 220 000 человек. Наконец, в августе состоялось сокращение до 200 000 человек. Необходимо отметить, что даже изначально категория лиц, не подлежавших призыву была довольно обширной. От призыва освобождались дворяне, представители туземной (т. е. нерусской) администрации, духовенство, учителя и учащиеся средних и высших учебных заведений, фельдшеры, переводчики, оспопрививатели, писари, выборные лица, государственные служащие, табунщики и погонщики скота, нанятого по военно-конской повинности.[22] При необходимости выдавались отсрочки от призыва.

Между прочим, работа инородцев должна была оплачиваться казной. Помимо казенного продовольствия рабочие получали жалование в размере 1 руб. в сутки. Лицам, не имевшим возможности отправиться на работы со своей одеждой и обувью, выдавалось пособие в размере до 30 руб.

Интересное наблюдение о психологии киргизов сделал уже по опыту Гражданской войны неизвестный офицер Волжского конного дивизиона корнета Б. К. Фортунатова: «Странная у киргиз психология. Они чтут и преклоняются только силе физической и богатству. То и другое по их понятиям неразлучно. Киргизин не может представить человека сильного бедным и богатым человека, но слабого. Стоит только перейти с ними на тон, не напоминающий о силе, как они становятся недоступными и упрямыми».[23] Набор туземцев на работы был воспринят как исчерпание у императора русских солдат для этого же занятия – т. е. как слабость. Кроме того, именно слабость и нерешительность русской администрации не позволили пресечь попытки мятежа в самом зародыше. Нельзя не отметить и крайнюю мстительность киргизов, отмечавшуюся современниками.[24]

Следует учитывать тот факт, что отношение туземного населения к службе в русской армии и к призыву на тыловые работы было не только негативным. К примеру, населением Закаспийской области комплектовался Текинский конный полк, отлично зарекомендовавший себя в боях на Юго-Западном фронте. К слову сказать, текинцы, в отличие от иомудов, бес-

---

[22] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. М., 1960. С. 28–29.

[23] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 804. Л. 16.

[24] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1720. Оп. 2. Д. 194. Л. 10.

прекословно подчинились приказу о мобилизации рабочих. В 1914–1915 гг. некоторые киргизы Семиреченской области добровольно изъявили желание пойти на фронт.[25] В Аулие-Атинском уезде Сырдарьинской области военно-инженерной организацией еще до объявления о мобилизации лета 1916 г. было набрано около 10 000 человек на тыловые работы.[26]

В то же время среди туземного населения бытовала легенда, согласно которой, якобы, К. П. Кауфман при покорении Туркестана заявил, что местное население до истечения 50 лет с присоединения края не будут брать в солдаты.[27] Вопрос о призыве инородцев на военную службу ранее уже обсуждался в печати. Публицисты того времени считали наиболее целесообразной службу киргизов в коннице. Однако к 1916 г. стало ясно, что имевшегося количества конницы и без этого слишком много для удовлетворения нужд зарывшегося в землю фронта.

Сложности начались уже при составлении посемейных списков, когда невозможно было точно определить примерный возраст призываемых, а богатые туземцы всеми способами стремились уклониться от призыва и избавить от него заодно и своих родственников, что вызывало недовольство бедноты. Кроме того, почти сразу повсеместно распространился слух о том, что призыв будет производиться на фронт – туземцев заставят рыть окопы между двумя противоборствующими армиями и всех перебьют. Местная власть проявила себя с худшей стороны. Запись возрастов велась произвольно, не было дифференцированного подхода к срокам призыва в зависимости от дальности расстояния до сборного пункта, положения указа не были разъяснены населению, прошел слух, что указ вообще является выдумкой местного начальства, а полуграмотные переводчики давали повод считать, что готовится мобилизация на фронт.[28] Степь заволновалась, а молодежь призывного возраста начала собираться в банды. В связи с трудностью мобилизации ее срок был перенесен на 15 сентября. Сам император посчитал ранее одобренную им меру по призыву инородцев необдуманной и поспешной.[29]

10 июля на собрании киргизов Джаркентского уезда Семиреченской области было решено не подчиняться приказу. 13 июля началось бегство подлежавших призыву дунган в Западный Китай. Бежавшие угрозами пытались переманить к себе оставшихся соплеменников. Сильные волнения наблюдались и в Сырдарьинской области, где местными жителями велась агитация против призыва.

---

[25] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 734. Л. 12.

[26] Восстание 1916 года в Киргизстане. Док. и мат. Сост. Л. В. Лесная. М., 1937. С. 20.

[27] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. М., 1960. С. 163.

[28] К истории восстания киргиз в 1916 г. // Красный архив. Исторический журнал (М.–Л.). 1926. № 3 (16). С. 62.

[29] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. М., 1960. С. 42.

В разных районах Туркестана и Степного края недовольство местного населения имело несколько различные причины. В Семиречье, которое активно осваивали русские переселенцы, наиболее выраженной была ненависть к ним, в том числе и в связи с земельным вопросом. В Степном крае, где вне городов было крайне мало русского населения, антирусский характер мятежа проявился в наименьшей степени. Среди прочих причин – малочисленность русской администрации, полиции (например, в огромной Тургайской области по 13 чинов полиции на уезд) и войск при многочисленности административно ссыльных и военнопленных, злоупотребления, направление в Туркестан беженцев в плачевном состоянии. Наконец, определенную роль в возникновении мятежа сыграл элемент случайности, психология толпы.

Постепенно туземное население стало переходить от пассивного к активному протесту, первоначально выразившемуся в требованиях выдачи поселейных списков или попытках их уничтожения. В этих акциях участвовали огромные толпы местных жителей. Слабая и малочисленная русская администрация не могла эффективно бороться с массовыми беспорядками местного населения, происходившими к тому же на огромной территории.

17 июля Туркестанский военный округ был переведен на военное положение, туркестанским генерал-губернатором назначен командующий Северным фронтом генерал-адъютант А. Н. Куропаткин. Не позднее 21 июля был принят план усиления гарнизонов сборных пунктов. Вскоре выяснилось, что для борьбы с начавшимися беспорядками местных сил недостаточно. Тогда по распоряжению военного министра в Туркестан направлены 14,5 батальона, 33 сотни, 42 орудия и 69 пулеметов.

В случае активного вооруженного сопротивления начальникам отрядов было разрешено применять любые меры, вплоть до расстрелов и уничтожения сопротивляющихся аулов.

1. Туркестан

Самаркандская область

В этом регионе, как и в соседней Ферганской области, где еще в 1898 г. произошел мятеж под исламскими лозунгами (в Андижане), глубокие корни пустил исламский фундаментализм (распространен среди узбеков, таджиков и туркмен). Теперь организаторы мятежа попытались заручиться поддержкой Бухары и Афганистана, но эти попытки успехом не увенчались. Малочисленность русских войск способствовала успешным поначалу действиям мятежников. Так, в Самарканде накануне мятежа имелось лишь 200 штыков и 50 шашек.

4 июля толпа произвела буйство в Ходженте. Толпа бросала камни, напирала на полицию и солдат. После попыток отнять ружье у одного из нижних чинов дежурная команда начала стрелять по толпе. Погибло 2

человека. В джизакском районе была разрушена железная дорога, на участке Джизак – Обручево сожжены мосты, перерезан телеграф. Беспорядки произошли и в самом Джизаке. Выступление здесь возглавили Назыр Ходжа Ишан (провозглашен беком) и Мухтар Ходжа Ишан. Одни имена этих людей свидетельствуют об их наследственном статусе обладателей духовной власти (ишанов), совершивших паломничество в Мекку (хадж). Для жителей Средней Азии такие люди имели огромный авторитет. Кроме того, мятежники имели и светского лидера – Абдурахмана Ходжи Абдуджабарова (Джевачи). Это был крупный землевладелец из ханской династии – сын бека Бухарского ханства, убитого в бою с русскими войсками под Кок-Тюбе и сам участник борьбы с русскими при покорении Туркестана (в 1916 г. ему было 68 лет). Таким образом, во главе мятежа стояли как духовные, так и светские лидеры, но, в любом случае, никак не выходцы из простого народа. Следовательно, мятеж не был направлен на переустройство или разрушение ранее сложившейся иерархии. Наоборот, выступление носило этно-конфессиональный и даже сепаратистский по своим целям характер. Заговорщики утверждали, что «Герман побил русских и что у них нет войска, чтобы придти на помощь...».[30]

К началу мятежа 13 июля в Джизаке находилась лишь караульная команда в 47 человек. В этот день в городе были зверски убиты палками уездный начальник полковник Рукин и пристав штабс-капитан П. Д. Зотоглов с переводчиком и сопровождавшим их джигитом. Рукин и сопровождавшие его лица, не дожидаясь подхода задержавшейся воинской команды, поехали успокаивать туземцев и погибли, во многом, по своей вине, атакованные толпой. Тела убитых были изуродованы.[31] Кроме того, погибли 3 женщины и 2 ребенка.[32] По другим данным, еще 17 человек.[33]

Подошедшая команда прапорщика 7-го Сибирского стрелкового запасного полка Стеблюка в ответ на выстрел из толпы дала три залпа и рассеяла мятежников. Оборону Джизака возглавил помощник уездного начальника подполковник П. И. Афанасьев. Накануне в кишлаке Ям был смертельно ранен картечью в живот из дробового ружья зааминский участковый пристав надворный советник В. М. Соболев (отстреливался от толпы мятежников с балкона), труп обнаружен в мусорной яме. В населенном пункте Заамин сарты захватили акушерку А. В. Чернову с двумя сестрами и племянницей (по другим данным акушерку с матерью и 14-летним племянником и прислугу с 3 детьми, мать учителя, прислугу с 4 детьми, стражника

---

[30] Там же. С. 128.

[31] Восстание 1916 года в Средней Азии. Сб. док. Ташкент, 1932. С. 18.

[32] Рыскулов [Т.] Восстание туземцев в Средней Азии. В 2 частях. Кзыл-Орда, 1927. С. 24.

[33] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. М., 1960. С. 71.

и счетовода[34] – все они были убиты; по третьей версии – акушерку с сестрой и ее сыном 10–11 лет, второй сестрой и племянницей). Женщин избивали и насиловали. На станции Ломакино было убито 13 железнодорожных служащих, а также несколько женщин.

Убита семья лесного объездчика Дудкина (глава семьи с женой и сыном), убита и сожжена семья объездчика Андрющенко (родители, три брата и три сестры), убит объездчик Койнов. В Янги-кишлаке убит лесообъездчик Бабин, акушерка и прислуга увезены. В Атта-кишлаке убит письмоводитель Сибирцев. В Кок-Джаре в караулке был убит объездчик Ососков с женой и 4 сыновьями, трупы сожжены. Неподалеку в урочище Терекли был убит объездчик Петряев с двумя детьми. Своячница Е. Корнилова с одним из детей Петряева спаслись. Там же к мятежникам попала в плен жена заведующего зааминским лесничеством Запорина. Ее муж, падчерица и тесть были убиты и сожжены. Женщину изнасиловали и истязали, тело затем также сожгли. От стражника Бегучего, захваченного мятежниками в селении Калтай, удалось найти лишь руку. Убиты жены мобилизованных на фронт объездчиков Шарко и Кобзева. Причем последняя вместе с дочерью-гимназисткой Самаркандской женской гимназии и ее подругой А. Гуссвой – женщин убили палками.

Очевидец писал, что восстание сартов – «это было сильное и грозное восстание против русских. Сарты озлоблены были и били, как русского переселенца-крестьянина, так [и] чиновника, купца или солдата; – они ненавидели вообще русских, как поработителей их. У туземцев, в Туркестане сложилось мнение, что пришли в Туркестан русские, покорили их и вот теперь обложили их разными налогами, поборами и тянут, тянут без конца с них, как монетой, так и сырьем (хлопок, виноград, скот и т. д.). Этот сбор дани вот уже продолжается несколько десятков лет и конца ему они не видят...».[35]

Всего в Джизакском уезде погибло 76 русских (по другим данным, – 88), в том числе женщины и дети. Как писал А. Н. Куропаткин военному министру Д. С. Шуваеву 4 января 1917 г., «дикая и озверевшая толпа чувствовала себя вне опасности, и только прибытие карательного отряда положило конец этой кровавой расправе с ни в чем не повинными русскими людьми...».[36]

14 июля сарты в Санзарской волости убили 10 статистиков Туркестанского управления земледелия и 4 переводчиков-сартов при них, их изуродованные трупы, разбросанные на полверсты, были позднее обнаружены войсками.[37] В результате санзарского мятежа погибло 43 человека, в том

---

[34] Там же. С. 116.

[35] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 227. Л. 1–106.

[36] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. М., 1960. С. 80.

[37] Джизакское восстание 1916 г.//Красный архив. Исторический журнал (М.–Л.). 1933. № 5 (60). С. 88.

числе 16 детей. В Джизакском уезде было зверски убито 45 мужчин, женщин и детей, 7 женщин и детей было захвачено, подвергнуто надругательствам и обращено в мусульманство. Особенностью выступления в Самаркандской области являлся его религиозный характер и исключительная жестокость мятежников. За убийство «неверного» убийца получал звание «газы» (победитель). Погибший в священной войне считался шахидом, т. е. заслужившим рай. Все жертвы, как правило, были изуродованы, женщины многократно изнасилованы, детей убивали ударом в стену. Исламские фанатики заставляли захваченных русских мужчин принимать ислам. Как известно, для этого необходимо было пройти обряд обрезания. Невозможно представить, что чувствовали несчастные, оказавшиеся в плену, когда их окружала озлобленная толпа местных жителей и, угрожая, выдвигала подобные требования, собираясь тут же осуществить указанный обряд. За отказ следовала смерть.

Добавлю, что одним из лозунгов мятежников была идея «газавата» — священной войны против неверных, на практике выражавшаяся в стремлении перебить всех русских. В Джизакском уезде местные открыто говорили о том, что будут «всех русских убивать».[38] Некоторое распространение получили младотурецкие и панисламистские идеи.[39] Нельзя не отметить, что в Туркестане свободно функционировала такая организация, как «Туран Надшри-Маариф-Джамаяти» (Туркестанское общество распространения знаний). В одном только Ташкенте проживало 150 членов этого общества.[40] По всей видимости, цели этой организации были отнюдь не только просветительскими.

Надо сказать, что не меньшей жестокостью отличались действия мятежников в отношении представителей туземной администрации, которым выкалывались глаза, отрезались головы.[41]

Возможно, определенную роль в эскалации мятежа сыграли германские военнопленные, находившиеся в Джизаке, а также турецкая агитация. В условиях войны подобные действия противников России могли серьезно ослабить нашу страну, создав очаги внутренней нестабильности, однако эти расчеты, если они имели место в действительности, не оправдались.

14 июля в Самарканд прибыли две батареи и отряд полковника Владиславлева (2 роты 732-й Саратовской дружины государственного ополчения, 4 орудия 32-й легкой артиллерийской батареи подполковника Квашнина и саперный взвод). Отряд был направлен на Джизак. В тот же день из Керков на Джизак через Самарканд прошла сотня оренбуржцев 4-го Оренбург-

---

[38] Цит. по: Турсунов Х. Т. Указ. соч. С. 237.

[39] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 5.

[40] Там же. Л. 60об.

[41] См., напр.: Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. М., 1960. С. 121.

ского казачьего полка. 15 июля в Самарканд прибыла полусотня оренбуржцев и 3 запасных роты (210 штыков).

16 июля в Джизак из Ташкента прибыл карательный отряд полковника П. П. Иванова (рота пехоты), прозванного оппозиционной прессой за решительность при подавлении мятежа Ивановым-Джизакским (в будущем он стал крупным деятелем Белого движения, Войсковым атаманом Сибирского казачьего войска, более известным под фамилией Иванов-Ринов). Вскоре джизакский отряд был подчинен полковнику Красноярцеву, Иванов возглавил все войска в районе Джизака, а начальником штаба отряда с 22 июля стал подполковник Д. Н. Водопьянов из Ташкентского Наследника Цесаревича кадетского корпуса. Из приграничных с Афганистаном пунктов были сняты две дружины и четыре казачьих сотни и направлены на усиление гарнизонов крупных пунктов. Положение русского населения облегчилось. Правительственные войска стали преследовать мятежников, загнав их в горы.

Для оказания помощи русскому населению были направлены следующие отряды: отряд капитана Ефимова – в район Заамин – Санзар; отряд подполковника Д. Н. Водопьянова – в район Заамин – Рабат; отряд есаула 4-го Оренбургского казачьего полка Н. А. Донскова – в Богдан; отряд подполковника П. И. Афанасьева – в Богдан (по горам); отряд подполковника Бархатова – в район станций Милютинская и Санзар; отряд полковника Владиславлева – в старый город Джизака.[42] Однако не все отряды смогли выполнить поставленные задачи. Отряд Афанасьева, к примеру, потерял одного казака и вернулся, не выполнив приказ. Боевые действия в горах были очень непростым делом. Необходимо было иметь значительный запас патронов, продовольствия и фуража, чтобы действовать автономно в связи с затруднительностью подвоза. Конница быстро портила лошадей, которые разбивали копыта и ноги о каменистую поверхность.

Тем не менее, как отмечалось в одном из донесений, «совместные действия перечисленных колонн разобщили бунтовщиков, рассеяли скопища, потрясли туземное население...».[43] Всего с мятежниками боролось 12 рот, 3 сотни и 3/4 роты сапер при 6 орудиях.

19 июля на Большой Митанской дороге (Ката-Курган – Митан) 12 нижних чинов 7-го Сибирского стрелкового запасного полка (по всей видимости, во главе с помощником уездного начальника подполковником Широковым) были атакованы 1500 мятежниками, отбили нападение и, более того, стали преследовать противника, убив туземца и лошадь.

Сохранилось достаточно любопытное описание одной из стычек с участием 35 конных разведчиков, взвода казаков и 5 джигитов: «Мы уже почти

---

[42] Джизакское восстание 1916 г.//Красный архив. Исторический журнал (М.–Л.). 1933. № 5 (60). С. 82.

[43] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. М., 1960. С. 134.

спустились в долину, как вдруг справа и слева от нас из-за бугров и из аула выскочила вдруг, в большом количестве, кавалерия сартов и с трех сторон мчались на нас. Так это было неожиданно, так быстро, что я в первую минуту ничего не мог предпринять. У меня быстро промелькнула мысль, что отступать в гору мы не можем. Стоять здесь и отстреливаться, также не можем, т. к. место неудобное. Броситься лавой на сартов нам трудно, так как наступавших было приблизительно около 900 всадников, они нас сбили бы своей массой. Я быстро принял решение занять левый бугор, как более удобный, с которого на нас мчались сарты и там, спешившись, отстреливаться до более удобного момента. Я быстро приказал вахмистру конной разведки бить залпами по наступавшим с правого бугра и из аула, а сам со взводом казаков начал бить залпами по наступавшим с левого бугра. После нескольких залпов сарты замедлили стремительность атаки. Левая же их группа, как менее численная, приостановилась. Тогда я приказал вахмистру конной разведки продолжать отстреливаться, а после того, как я займу с казаками левый бугор и открою огонь по наступающим, – двигаться ко мне. После этого я рассыпал лавой взвод казаков, – мы с пиками наперевес, с гиком кинулись на приостановившихся сартов. Левая группа сартов дрогнула и поскакала к аулу, на соединение с их лобовой группой. Так через несколько минут мы заняли левый бугор. Мы быстро спешились и открыли огонь по лобовой группе сартов, которая медленно, но настойчиво наступала на конную разведку. Под прикрытием нашего огня разведка, ведя лошадей в руках и отстреливаясь от наседавших справа, присоединялась медленно к нам. Минут через 15–20 мы были уже вместе. Коней поставили за бугор, чтобы не были перебиты, а сами рассыпались в цепь полукругом от горы к аулу. Наступающие также из трех групп соединились в одну и приостановили наступление, немного отступив от нас. С нашей стороны раздавались редкие выстрелы – это хорошие стрелки брали на мушку. Сарты стреляли также мало, отсюда я заключил, что у них огнестрельного оружия мало. Вооружены они были больше шашками, кинжалами и пиками (длинный шест, на конец которого было насажено или кусок заостренного железа или топор). Перестрелка продолжалась минут 20. Потом шум у сартов стал усиливаться и через некоторое время они с визгом бросились все на нас. Я дал взводу казаков один прицел, а конной разведке другой (чтобы не ошибиться). Мы стали бить по наступающим беспрерывными залпами (то разведка, то казаки – по очереди). Результат был достигнут – минуты через три стремительность атаки противника была приостановлена, продвигались они к нам уже на рысях. Впереди наступавших скакало несколько человек, которые часто оборачивались назад, кричали что-то, размахивая руками в нашу сторону. Залпы наши учащались и становились нервными. Но вот задние ряды противника дрогнули и поскакали мимо аула назад, затем и вся масса дрогнула и помчалась в разные стороны... Мы быстро кинулись к коням и галопом стали преследовать убегающих. Тех, которых мы настигали, постигла несча-

стная участь – они были зарублены казаками».[44] В бою погибло не менее 40 кочевников, в правительственных войсках было двое раненых.

Казаки долго смеялись, когда пойманные главари во время допроса назвали себя пастухами. Заявления резко контрастировали с их внешним видом – на пленных были «парчовые халаты, сафьяновые ичиги и шитые золотом тюбстейки».[45] Вообще казаки близко к сердцу воспринимали зверства туземного населения по отношению к русским и даже просили у офицеров разрешения расправиться с пленными.

Местному населению в июле было запрещено пользоваться железной дорогой во избежание координации действий мятежников. Тем не менее, беспорядки были далеки от завершения. 20 июля был убит народный судья Каль-Курганской волости. 21 июля погиб казак 4-го Исетско-Ставропольского полка Оренбургского казачьего войска Д. М. Невзоров из отряда подполковника Афанасьева, труп был изуродован. Серьезной проблемой стала малочисленность конницы в распоряжении властей. Между тем, именно конница была наиболее эффективна для подавления мятежа на огромной территории. Для ускорения передвижений была образована ездящая пехота. К 25 июля мятеж был подавлен. Нельзя не отметить, что, как писал А. Н. Куропаткин, действовали «войска мало сплоченные, недостаточно дисциплинированные... были справедливы жалобы на войска за излишнее разорение туземных жилищ, грабеж, лишние убийства».[46] Отрядами в горных районах было спасено 56 женщин и детей, уведенных в неволю.[47] В дальнейшем массовых выступлений туземного населения не отмечалось. На 19 сентября была назначена отправка первых эшелонов с рабочими из области.

Сырдарьинская область

11 июля беспорядки произошли в Ташкенте. Местные жители напали на полицейское управление туземной части города, служащие полиции отбили нападение при помощи револьверов, а через полчаса на выручку осажденным подоспела рота Ташкентской школы прапорщиков. В итоге было убито 11 местных жителей. Вожаки ташкентских мятежников предложили афганскому эмиру выступить против России, однако это предложение со стороны эмира поддержки не встретило. 18 сентября из Ташкентского уезда отправился первый эшелон с рабочими.

---

[44] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 227. Л. 18–20об.

[45] Там же. Л. 21об.–22.

[46] Восстание 1916 г. в Средней Азии // Красный архив. Исторический журнал (М.–Л.). 1929. № 3 (34). С. 50.

[47] Джизакское восстание 1916 г. // Красный архив. Исторический журнал (М.–Л.). 1933. № 5 (60). С. 65.

Неспокойно было и в Аулие-Атинском уезде Сырдарьинской области. В частности, близ села Подгорного Аулие-Атинского уезда киргизы разграбили имущество железнодорожного служащего, беззащитные дети этого человека были сожжены.[18] Ножом в живот в Зенгиатинской волости убит русский рабочий. Общая численность убитых русских в уезде достигла 44 человек. Это были, прежде всего, русские служащие.

Трагический случай произошел в уезде в конце августа. 74 мобилизованных ополченца из села Новотроицкое шли в Аулие-Ата с сопровождающими. 29 августа на них напали мятежники. Колонна была разгромлена. 20 человек погибло, 22 человека были пленены и замучены, а тела затем брошены в колодцы. 12 человек смогло освободиться из плена. Русское население в ответ начало истреблять одиночных киргизов.

В конце июля сюда прибыл батальон 2-го Сибирского стрелкового запасного полка, укомплектованный молодыми солдатами. 10 августа бунт охватил Корабалтинскую волость Аулие-Атинского уезда.

16 сентября отряд в 65 человек при 3 офицерах в 70 верстах к северу от Аулие-Ата, в долине Аманкула, встретил скопище примерно в 3000 киргизов. Мятежники трижды атаковали отряд, но были отбиты залпами. Вскоре уезд был замирен, зачинщики мятежа выданы. А уже 9 октября из Аулие-Ата выступил первый эшелон рабочих. Кстати, в уезде были задержаны германские и турецкие агенты.

В Сырдарьинской области успешно действовал отряд помощника ташкентского уездного начальника подполковника А. И. Афанасьева. Успешность действий отряда была напрямую связана с суровостью его начальника, который приказывал сжигать постройки главарей мятежа. 23 июля отряд в составе 100 нижних чинов 1-го Сибирского запасного стрелкового полка с пулеметом 732-й дружины государственного ополчения выступил из Ташкента. В своем рапорте начальнику уезда полковнику Н. Н. Караульщикову от 1 августа 1916 г. Афанасьев писал: «ничто не действует на туземное население столь развращающе, как безнаказанность и еще более проявленная беспомощность и слабость власти, надо было явить населению немедленную репрессию в той или иной форме».[19] Имелись в виду как физические, так и экономические меры воздействия.

Ферганская область

В Ферганской области мятеж, прежде всего из-за наличия здесь достаточного количества русских войск, получил незначительный размах. В области были дислоцированы 6-й Оренбургский казачий полк полковника Боброва, 4-я

[18] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. М., 1960. С. 65.

[19] Там же. С. 292.

Уральская отдельная казачья запасная сотня. Тем не менее, и здесь в июле 1916 г. был отмечен целый ряд случаев убийства представителей туземной (т. е. нерусской) администрации. Мятежники убивали своих пророссийски настроенных соплеменников, грабили богатых, не взирая на национальность. Из числа русских жителей был убит только учитель Чернов. В целом, за период с 8 по 18 июля здесь погиб один нижний чин, 34 представителя туземных властей, один русский (еще двое ранены) и 84 представителя коренного населения. Впечатление от джизакского разгрома отрезвило местное население.

27 июля военный губернатор области генерал-лейтенант А. И. Гиппиус писал помощнику военного министра генералу от инфантерии П. А. Фролову: «Безоружных женщин, детей будем арестовывать и направлять [в] Коканд, а сопротивляющихся – усмирять силою оружия. При этом есть расчет, что, поставив казаков на главнейшем пути, мы отгоним банды обратно в Самаркандскую область и тем предохраним мирное, спокойно настроенное население Ферганы от грабежей самаркандцев».[50]

Военный губернатор Гиппиус, кстати, владевший турецким и арабским языками, заигрывал с мятежниками, предложив отправиться на работы только добровольцам, то есть самовольно изменив формулировку Высочайшего указа. Гиппиус развил поистине лихорадочную деятельность – тиражировал воззвания, использовал добровольцев-пропагандистов.[51] Попав в соседние регионы, где указ требовалось выполнять в его изначальной формулировке, подобные воззвания могли стать причиной серьезной дестабилизации обстановки. Мало того, Гиппиус лично, переодевшись сартом, сдил по области и агитировал в поддержку указа, в чалме и халате читал местному населению отрывки из Корана и целовал книгу.[52] Гиппиус решил не подчиняться командующему войсками генералу М. Р. Ерофееву и непосредственно связываться с военным министром. Определенный эффект его действия произвели – многие пошли на тыловые работы добровольно, а некоторые сарты даже решили добровольно отправиться не на тыловые работы, а прямо на фронт. Тем не менее, за самоуправство Гиппиус уже в июле был отозван[53] и заменен известным по подавлению мятежа в Джизаке П. П. Ивановым.

Из Скобелева в Старый Маргелан 10 июля прибыла сотня 6-го Оренбургского казачьего полка, всего при подавлении беспорядков в области сотня уничтожила 63 мятежников и 15 человек были повешены.

11 июля полусотня была выслана за город по наманганской дороге, в городе оставлен лишь взвод. В тот же день офицер 6-го полка в Язъяванской

---

[50] Там же. С. 126–127.

[51] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 90.

[52] Губернатор в роли проповедника Корана//Красный архив. Исторический журнал (М.–Л.). 1936. № 2 (75). С. 188, 190, 191.

[53] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933б. Л. 193, 195.

волости Скобелевского уезда получил ушиб камнем, брошенным из толпы, выстрелом из толпы ранена офицерская лошадь. 12 июля в селе Шарихан полусотня перекрыла улицу в 100 шагах от толпы, в результате залпового огня было убито 16 человек, один казак был ранен ножом при попытке задержать мятежников, еще один казак получил ушиб камнем. Всего ушибы получили 4 казака 6-го Оренбургского казачьего полка, в Андижане был ранен камнем в голову один казак-уралец. В то же время казаки в области отличились мародерством.

В большинстве случаев беспорядки прекращались при одном только появлении войск, однако, как гласит поговорка, «у туземца ум в глазах». При подавлении мятежа ее жизненность неоднократно подтверждалась. Местное население адекватно понимало только логику силы. Например, в городе Наманган 11 июля солдаты заливали воду в пулеметные кожухи двух пулеметов для охлаждения стволов. Местные жители, собравшиеся толпой, решили, что их будут поливать водой и бросились на пулеметы. Был открыт огонь.[54] Результаты его при стрельбе в упор очевидны (убито 16 и ранено 30 сартов). Добавлю, что сарты (узбеки) менее других народов Средней Азии сочувствовали мятежу.

Семиреченская область

Наибольшей жестокостью события мятежа отличались в Семиречье. Здесь проживало значительное количество русских. Однако войск, как и в других районах, здесь было мало. В целом, в Семиречье большую отрицательную роль сыграла взаимная паника и самомобилизация с обеих сторон.

Совершенно не соответствует действительности утверждение советского историка П. Г. Галузо о том, что русские власти осуществляли целенаправленную политику вооружения переселенцев на случай восстания местного населения. Если даже так и было, количество оружия у переселенцев было незначительным. По его данным, к 1912–1913 гг. на руках у переселенцев в Туркестане имелось 1160 винтовок.[55] Автор по понятным причинам не утруждает себя приведением данных о численности переселенцев и численности русского населения вообще. Если бы эти данные были им приведены, приведенное автором количество винтовок показалось бы смехотворным. На самом деле в Семиречье проживало около 200 000 русских. Необходимо также учесть, что в 1915 г. было проведено разоружение поселенцев, и в действующую армию отправлено 7500 берданок. Переселенцы оказались беззащитными перед степняками.

---

[54] Восстание 1916 года в Средней Азии. Сб. док. Ташкент, 1932. С. 72.

[55] Галузо П. Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии (исторический очерк). Ташкент. 1926. С. 65.

Уже 10 июля, через два дня после приказа о мобилизации, состоялось собрание киргизов Джаркентского уезда, вынесших решение не подчиняться этому приказу. 13 июля дунгане начали уходить в Западный Китай (Синьцзян).

События нарастали лавинообразно. С конца июля начались нападения на представителей местной власти. 2 августа было предложено для самозащиты русского населения в сельских районах организовывать дружины самообороны. 8 августа власти издали постановление об обязательном формировании таких дружин.[56] Были сформированы пешая (300 человек) и конная (100 человек) дружины, поставлено под ружье 160 казаков-семиреков запасного разряда, укомплектовавших две полусотни. Население было вооружено из расчета винтовка на 8–12 дворов.

Фактически в Семиречье на этнической почве началась локальная гражданская война. Положение русских жителей усугублялось в связи с отсутствием в регионе русского мужского населения, мобилизованного на фронт. Мощным катализатором взаимной ненависти стали слухи, многократно преувеличивавшие истинный масштаб событий.

Нельзя не отметить, что среди причин мятежа в Семиречье было стремление киргизов пограбить русских, поземельные споры в связи с активной переселенческой политикой в регионе, налоговое бремя. Активную пропаганду вели муллы. Кроме того, неоднократно говорилось об участии в подготовке мятежа германских офицеров. В Пржевальском уезде к этим причинам добавлялся и религиозный фанатизм кочевников.

6 августа восстали Атекинская и Батбаевская волости Пишпекского уезда, на следующий день Сарыбагишевская волость и Токмакский район. 9 августа заполыхало в Каркечинской, Джумбальской, Курманжоджинской, Кочкорской и Абсильдинской волостях. В этот день киргизы напали на село Григорьевка, которое в результате было сожжено и разграблено, а жители вынуждены бежать. Был испорчен телеграф. Во главе выступления в Чуйской долине стоял хан М. Шабданов. Другими отрядами командовали два его брата. Как и в других местах, движение в Семиречье возглавляла туземная родовая элита – ханы и манапы. Известны такие киргизские вожаки как К. Абукин, Б. Ногоев, К. Чинин. Мятеж был сравнительно организованным: у аскеров имелись знамена, однообразные металлические бляхи, применялась сигнализация для передачи сведений о движении правительственных войск, в горных районах были оборудованы оружейные мастерские.

Антифеодальным этот мятеж не был – родоплеменные устои в туземном населении были фактически незыблемы. Во всем Семиречье не был убит ни один волостной управитель или манап.

Киргизы были вооружены самым разнообразным оружием. Здесь были

---

[56] Восстание 1916 года в Киргизстане. Док. и мат. Сост. Л. В. Лесная. М., 1937. С. 28.

и трофеи, захваченные у одиночных русских солдат и самодельное оружие. 6–7 августа киргизам удалось захватить слабо охранявшийся транспорт с оружием. Они завладели 200 винтовками и 3000 патронов[57] (по другим данным 170 берданками и 4000 патронов[58], по еще одной версии, представляющейся наиболее достоверной, 178 берданками и 35 000 патронов). Погибли 3 нижних чина. Факт захвата сравнительно крупной по местным масштабам партии оружия явился мощным стимулом к активизации борьбы против русских. Большинство же повстанцев имело на вооружении кремневые и даже фитильные ружья, берданки, пики, топоры, насаженные на длинные палки. Манапы получали часть денег с продажи оружия, и, таким образом, мятеж приносил им прибыль. В целом киргизы не выдерживали столкновения с регулярными войсками, несмотря на численное превосходство в десятки, а иногда и сотни раз.

Первоначально киргизы уничтожали только сопротивлявшихся им, однако вскоре стали уничтожать русских вообще. Свое выступление они воспринимали именно как войну против русских – «кяфиров» (неверных). Борьба носила религиозный характер. По мусульманской традиции убитые на этой войне попадали в рай. Никаких моральных ограничений для кочевников не существовало. В общей сложности от их рук здесь погибло не менее 1342 русских мужчин и 1300 женщин (в основном, переселенцев), ранено 684 человека, не менее 1105 без вести пропали или попали в плен к киргизам, сожжено 969 дворов. По уездам распределение жертв в соответствии с имеющимися неполными данными было следующим: Пишпекский уезд – убито 98 человек, пропало без вести – 65. Пржевальский уезд (здесь почти не было русских войск) – убито 2179 человек, пропало без вести – 1299, Джаркентский уезд – убито 32 человека, без вести пропало 20, Верненский уезд – убито 16 человек.[59] Убито 2 чиновника, 12 чинов разных ведомств, 3 офицера, 53 нижних чина, 41 ранен, 75 нижних чинов пропали без вести. Случаев массовой гибели солдат и офицеров было несколько: в Нарынском уезде погибли прапорщик с 9 казаками и 8 солдатами; в селе Каркара Джаркентского уезда в августе 1916 г. были убиты 24 казака отряда нарынкольско-чарынского участкового начальника ротмистра М. Кравченко и 6 казаков погибли в окрестностях Джаланаша.

Среди убитых были семь монахов Сокульского монастыря. Священник отец Росв был уведен мятежниками в горы и за несогласие принять ислам убит, его жена и дочь изнасилованы.[60]

---

[57] Там же. С. 47.

[58] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. М., 1960. С. 89, 347.

[59] Там же. С. 90; Джунушалиев Д. В эпицентре восстания // Восстание 1916 года в Кыргызстане (сб. материалов научной конференции, посвященной 75-летию восстания). Бишкек, 1993. С. 46.

[60] Восстание 1916 года в Средней Азии. Сб. док. Ташкент, 1932. С. 150.

Известны факты зверского уничтожения грудных детей, которых просто разрывали пополам. Зверская расправа произошла 13 августа с 9 до 11 часов утра с беззащитными учащимися Пржевальской сельскохозяйственной школы, подвергшимися нападению киргизов. Служащие школы были киргизами истреблены «самым жестоким образом», девушки увезены в плен.[61] Были убиты управляющий школой, учителя, эконом и 4 ученика. Как сообщал И. А. Поцелуев, «мне рассказывали несколько случаев очевидцы, что дунганс девочек-подростков разрывали на две части, наступив на одну ногу, за другую тянут кверху, пока жертва не разделится на две половины».[62] Еще более жестокой и бессмысленной была расправа в Иссык-кульском скаутском лагере, где было замучено около 70 подростков младших и средних классов гимназий Верного. Мальчиков искололи пиками, головы были разрублены или размозжены камнями. Девочки были посажены на колья монастырской ограды, на следующий день, когда в лагерь прибыла казачья сотня, некоторые из них были еще в сознании. Были убиты учитель и его молодая беременная жена, живот женщины был распорот, а не родившийся ребенок раздавлен.[63] Именно кара-киргизы (т. е. современные киргизы) и особенно дунгане отличались наибольшей жестокостью к своим жертвам.

Современник писал: «на лужайке в Самсоновке (недалеко от Токмака – *А. Г.*), внутри маленькой ограды расположены могилы русских, убитых во время восстания, среди них одна могила молодой и красивой девушки и студента, с таким же именем, как у меня. Они находились в ботанической экспедиции в горах, когда появился киргизский отряд. Спутники этих молодых людей торопили их садиться верхом и скакать как можно быстрее, но девушка оказалась слишком медлительной, собирая свои вещи и коллекции. Молодой студент, как галантный джентльмен, отказался бросить ее, и они оба были убиты мятежниками».[64]

В сельских районах киргизы безжалостно и бессмысленно истребляли русскую или русскоязычную интеллигенцию. В селе Иваницком был убит пржевальский участковый врач Левин, вырезана партия инженера Васильева, техники в Черикчинской волости, многие учителя и члены их семей. Известно, что мятежниками практиковались такие зверства как отрубание русским мужчинам половых органов, женщинам – грудей; отрезание ушей, выкалывание глаз, разрывание детей на части.[65] Следует отметить, что все эти истязания обычно предшествовали убийству несчастных жертв.

---

[61] Восстание 1916 года в Киргизстане. Док. и мат. Сост. Л. В. Лесная. М., 1937. С. 38.

[62] Там же. С. 42.

[63] Козубский К. Под копытом//Станица (Москва). 1998. № 2 (26). Декабрь. С. 24.

[64] Nazaroff P. Hunted Through Central Asia. N. Y., 2002. P. 168.

[65] К истории восстания киргиз в 1916 г.//Красный архив. Исторический журнал (М.–Л.). 1926. № 3 (16). С. 73.

Вследствие всего вышеперечисленного русское население опасалось выезжать за пределы своих городов. Нередко по этой причине без помощи оставались сельские жители. Больше других пострадали селения по южному берегу Иссык-куля. Видимо из-за темноты мятежников ими зачем-то была уничтожена гидрометеорологическая станция на реке Джунгаль, служащие частью убиты, частью пленены.[66] В результате мятежа экономическое благосостояние русского населения было подорвано. Было уничтожено 15 000 десятин пашни на сумму 20 724 087 руб.[67] В одном только Токмакском районе было убито 72 русских поселенца, ранено 12, без вести пропало 65, сожжено 600 домов, 356 заимок, уничтожено 12 000 десятин посевов, общая сумма убытков составила около 500 000 руб.[68] Киргизы обоснованно опасались мести русских.

10 августа военный губернатор генерал М. А. Фольбаум просил прислать по 4 роты с артиллерией и конницей в каждый уезд области. «Положение внезапно может измениться так, что рухнет все русское дело в Семиречье», – пророчил он.[69]

10 августа взбунтовались киргизы Беловодского участка Пишпекского уезда, Джамансартовской, Тлеубердинской, Бакинской и Талдыбулакской волостей. На следующий день восстали дунгане в селе Мариинском Пржевальского уезда. 11 августа дунгане перебили большинство крестьян села Иваницкого. Перебито население деревни Кольцовка. Уцелевшие жители спасались бегством в Пржевальск. 12 августа от рук киргизов погибли сразу два офицера – сотник Величко и прапорщик Кисслев. Тела сотника Величко и 7 казаков были обезображены.[70] «Смерть их [–] весьма темное дело, так как по доходившим до меня слухам, они с несколькими нижними чинами были брошены своими частями на произвол судьбы», – отметил в своем докладе заведующий розыскным пунктом в Верном и Семиреченской области.[71]

8 августа в Ташкент прибыл генерал А. Н. Куропаткин – крупный военный деятель и администратор, имевший опыт участия в покорении Туркестана и отлично знавший местные реалии. Его назначение состоялось еще 22 июля. Знание Куропаткиным Туркестана было таково, что он иногда даже справедливо поправлял местных чиновников, готовивших доклады о положении региона.

В письме военному министру Д. С. Шуваеву от 18 августа 1916 г. Куро-

---

[66] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 251.

[67] Чекалинский И. Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле-сентябре 1916 года. Кзыл-Орда, 1926. С. 25.

[68] Восстание 1916 года в Киргизстане. Док. и мат. Сост. Л. В. Лесная. М., 1937. С. 75.

[69] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. М., 1960. С. 337.

[70] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 244.

[71] Там же. Л. 426об.

паткин писал о местном населении: «за период в 40 лет мы не приблизили к себе сердца этих простых, но еще первобытных людей».[72]

Куропаткин отрицательно относился к осуществлявшейся мере по призыву на тыловые работы, но в сложившейся обстановке пути назад были отрезаны и оставалось лишь решительно подавить мятеж. Именно в таком духе был настроен опытный генерал, предложивший представителям власти искать примеры в действиях генерала Г. А. Колпаковского, внесшего в XIX в. большой вклад в присоединение Семиречья к России. Куропаткин ходатайствовал о присылке в Семиречье казачьей бригады, 2 пулеметных команд и конной батареи из действующей армии, благо такое подкрепление не влияло на положение фронта, где конница большой роли не играла. Всего из других районов Туркестана в Семиречье было направлено 3,5 дружины, 7 рот из запасных стрелковых полков, 5 сотен, 14 орудий. Войска были высланы в трех направлениях: Андижан – Нарынское укрепление; Черняев – почтовый тракт Пишпек – Токмак и по железной дороге на Семипалатинск и далее на Сергиополь – Лепсинск – Верный. Действующая армия выделила 2 казачьих полка (7-й Оренбургский и 9-й Сибирский казачьи полки), казачью батарею и две пулеметных команды с пулеметами Кольта.[73]

7-й Оренбургский казачий полк был направлен через Черняев, а 9-й Сибирский – через Семипалатинск на Верный. По распоряжению Куропаткина Семиречье было разделено на 17 военных участков, в пределах которых проводились подавления. С 11 августа при отрядах и в уездных городах Семиреченской области были учреждены военно-полевые суды.

17 августа Куропаткин на 17 000 человек сократил наряд мобилизуемых по Семиречью. Вскоре началась отправка рабочих, семьи отправляемых на работы обеспечивались порайонными комитетами.

В обстановке нестабильности и паники население искало виновных. Такие были найдены в лице представителей русской администрации, имевших германские корни. Началась антинемецкая истерия. Так, А. Н. Куропаткину было посвящено следующее стихотворение:

Старый друг народного героя,[74]
Ты снова призван в край тебе родной,
Лишенный ныне мира и покоя,
Объятый вдруг мятежною волной...

---

[72] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. М., 1960. С. 346.

[73] Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Восстание 1916 года в Казахстане (причины, характер, движущие силы). Алма-Ата, 1977. С. 90.

[74] М. Д. Скобелева – *А. Г.*

Туши мятеж, пощады не давай
Рази изменников-туземцев!
Но слов учителя не забывай
Ищи и здесь работу немцев.

Вот ряд имен, мотай на ус:
Мартсон,[75] Гиппенер,[76] Панегут,[77]
Фольбаум,[78] Цурмиллен,[79] Гиппиус[80]...

Как водится, в общественном мнении крайними оказались ни в чем не повинные люди.

12 августа было принято решение об отправке в Семиречье отряда в составе 2-й роты 3-го Сибирского стрелкового запасного полка из Скобелева при 4 пулеметах, команды сапер, телефонистов и телеграфистов, 80 конных разведчиков, 1-й сотни 6-го Оренбургского казачьего полка и 2 орудий 20-й конно-горной батареи.

В июле-августе 1916 г. в Семиречье сработал механизм этнической самомобилизации. Помимо организации дружин самоохраны, доведенное до отчаяния русское население устроило в Пржевальске киргизский погром, в котором, в основном, участвовали женщины. 12 августа в тюрьме Пржевальска при попытке побега были расстреляны заключенные-киргизы. Погибло около 80 человек. В селе Беловодское 13 августа местные русские крестьяне в ответ на бесчинства коренных жителей (здесь было убито много жителей, женщины уведены в плен[81]) перебили 517 арестованных киргизов – участников мятежа. Испуганное и возмущенное русское население ответило насилием на насилие. «За отсутствием оружия били палками и камнями, кололи вилами, потрошили серпами и косами», – сообщалось в одном из документов.[82] Мародерство проявлялось с обеих сторон. По мнению А. Н. Куропаткина, «надо тяжко наказать киргиз, но сурово прекратить

---

[75] Мартсон Федор Владимирович – генерал от инфантерии. Временный главный начальник Туркестанского края – *А. Г.*

[76] Гиппенер (Геппер) С. А. – генерал-майор. Помощник, затем и. д. военного губернатора Сырдарьинской области – *А. Г.*

[77] Панегут Петр Оскарович – действительный статский советник. Помощник военного губернатора Самаркандской области – *А. Г.*

[78] Фольбаум Михаил Александрович – генерал-лейтенант. Военный губернатор Семиреченской области. С 7 сентября 1916 г. сменил фамилию на Соколов-Соколинский (девичья фамилия матери) – *А. Г.*

[79] Личность не установлена – *А. Г.*

[80] Гиппиус Александр Иванович – генерал-лейтенант. Военный губернатор Ферганской области – *А. Г.*

[81] Nazaroff P. Op. cit. P. 149.

[82] Восстание 1916 года в Киргизстане. Док. и мат. Сост. Л. В. Лесная. М., 1937. С. 44.

и самосуд русских, иначе правильная жизнь не восстановится».[83] Кроме того, как оказалось, киргизы не знали, что предполагается оплата их работы. Получив эти сведения, многие меняли свое отношение к мобилизации.[84]

Второй инцидент несколько отличается по своему характеру: при переводе арестованных киргизов из Беловодска в Пишпек 138 из них было убито дружинниками при попытке побега. Дружинники действовали в соответствии с уставом гарнизонной службы.

Пржевальск, ожидавший со дня на день киргизского нападения, 11 августа был жителями забаррикадирован. Оборону города возглавлял уездный начальник полковник В. А. Иванов. В городе имелось лишь 42 человека караульной команды, 86 ружей было на руках у жителей. Телеграфная связь города с внешним миром была прервана. 13 августа для руководства обороной города был организован военный совет из отставных генералов. В середине августа в город с каракалинской ярмарки прибыл карательный отряд ротмистра М. Кравченко.

Небезынтересно, что 12 августа на сторону мятежников в Семиречье перешел кавалер трех георгиевских крестов унтер-офицер М. Власенко из отряда корнета Покровского.

13 августа в село Токмак прибыл карательный отряд пристава токмакского района подъесаула И. В. Бакуревича (сотня, 70 нижних чинов пехоты, пулемет). 20 августа село атаковало скопище в 3000 киргизов. На следующий день 5000 нападавших рассеяли при помощи артиллерии. Их общие потери составили около 300 человек. 22 августа из Ташкента в Токмак прибыл сильный отряд подполковника А. И. Гейцига с артиллерией (2 роты 737-й дружины государственного ополчения, сотня казаков, саперная, телеграфная и телефонная команды, 2 батареи, 4 пулемета, 50 дунган), окончательно разгромивший киргизов в этом районе. Войска Гейцига еще 9 августа были выдвинуты из Ташкента.

Из Ташкента же 15 августа был направлен в Семиречье отряд подполковника Ф. П. Алатырцева в составе 4 стрелковых рот, сотни, 160 конных разведчиков, саперной команды, батареи и 8 пулеметов. Следует отметить, что численность и состав отрядов постоянно менялись, поэтому в документах, относящихся к разным периодам, эти данные могут довольно сильно различаться.

Шесть суток длилась осада киргизами села Созоновка, которое оборонял отряд корнета Покровского. 16 августа на выручку Покровского выступил отряд уральского казака, урядника П. А. Овчинникова. Созоновка была деблокирована, кольцо мятежников вокруг Пржевальска было ослаблено.

---

[83] Восстание 1916 г. в Средней Азии // Красный архив. Исторический журнал (М.–Л.). 1929. № 3 (34). С. 60.

[84] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 271.

Помощник начальника Пишпекского участка подполковник Рымшевич был осажден аскерами в станице Самсоновской. На выручку ему отправился конный отряд штабс-капитана Полторацкого.

18 августа в Пржевальск из Джаркента по распоряжению военного губернатора прибыла сотня хорунжего Угрининова. Наконец, 27 августа в Пржевальск вступил отряд сотника Волкова. 2 сентября из Верного прибыл карательный отряд семиреченского войскового старшины П. В. Бычкова (150 казаков, 50 конных добровольцев, 170 нижних чинов джаркентской дружины, пулемет). Последний «двигаясь из Верного по горам, навел на киргиз панический страх, заставивший их, бросая все, бежать... к китайской границе».[85] Затем Бычков был направлен в Синьцзян для розыска русских пленных и поимки главарей мятежа в Семиречье Шабдановых.

В 20-х числах августа мятеж явно пошел на убыль. До 60 000 киргизов ушло на сырты – высокогорные плато, откуда их пытались выбить отряды правительственных войск. Оттесненные в горные районы, киргизы терпели голод, теряли скот и, как правило, сдавались.

27–28 августа хорунжий А. В. фон Берг в Пржевальском уезде с несколькими десятками казаков разбил скопище киргизов, уничтожив до 800 человек и захватив много скота. По показаниям пленных, мятежниками руководил турецкий генерал и два европейца.[86] 27 августа в бою на южном берегу Иссык-куля киргизы под командованием Мурзака потеряли около 300 аскеров. На следующий день произошел бой в ущелье Чичкан, где потери киргизов составили 400 убитых.

31 августа 3-я сотня сотника Носачева с боем переправилась через реку Нарын в Пржевальском уезде. Сотне противостояло около 500 аскеров под командованием Чулама, в панике бежавших от казаков. В горных районах Джаркентского уезда успешно действовал отряд хорунжего Угрининова, уничтожившего несколько сотен киргизов.

Отряд прапорщика Бойко истребил свыше 1000 мятежников. Отряд капитана фон Бурзи (3 стрелковых роты, 80 конных разведчиков, саперная команда, 2 горных орудия, 6 пулеметов) с 23 августа из Скобелева через Андижан и Джалал-Абад двигался на Нарын, куда прибыл 28 августа, ликвидируя по пути очаги мятежа. Навстречу этому отряду из Семиречья в свою очередь также были двинуты правительственные войска.

Из Термеза на Сергиополь – Семипалатинск – Оренбург был направлен отряд полковника Виноградова (546-я дружина государственного ополчения, 4 роты, 28 конных разведчиков, 8 пулеметов). Из Термеза на Лепсинск был двинут отряд полковника Соснина (240 нижних чинов, 8 пулеметов). Из Скобелева на Нарын выступил отряд полковника Селезнева (734-я дру-

---

[85] Восстание 1916 года в Киргизстане. Док. и мат. Сост. Л. В. Лесная. М., 1937. С. 40.

[86] Там же. С. 51.

жина государственного ополчения, 8 пулеметов). Из Самарканда на Пишпек отправлен отряд подполковника Городецкого (243 нижних чина, 8 пулеметов). Из Кульджи предполагалось направить сотню конвоя российского консульства.

Всего при подавлениях в Пишпекском и Пржевальском уездах было уничтожено около 3000 киргизов. Во всем Семиречье, по некоторым данным, погибло 4000 киргизов и еще 12 000 погибло при бегстве в Китай, в том числе утонувшие и погибшие от огня китайских пограничников.[87] 164 000 человек бежало в Китай, к маю 1917 г. там осталось около 70 000 беженцев.

В Лепсинском уезде порядок наводили казаки 6-й ополченческой сотни Семиреченского казачьего войска под командованием штабс-ротмистра Маслова. В Верненском уезде действовал 22-й Туркестанский стрелковый полк.[88] Казаки станицы Николаевской под командованием станичного атамана Бедарева в районе села Преображенского уничтожили около 90 киргизов. Отряд хорунжего Александрова осуществил жестокое усмирение Ботпаевской волости Верненского уезда – было истреблено несколько аулов, сожжены стойбища, угнан скот. В результате волость полностью подчинилась.

18 сентября в ущелье Тон произошел семичасовой бой отряда войскового старшины Бычкова с аскерами, последние потеряли 150 человек.

Надо сказать, что нагрузка, ложившаяся на карательные войска, была далеко не легкой. Разумеется, сопротивление мятежников организованные воинские части могли легко сломить. Сложность заключалась в огромных расстояниях, которые войска должны были преодолевать, в тяжелых климатических условиях региона. В частности, 3-я Оренбургская казачья батарея за 108 дней сделала переход в 1591 версту. Батарея походным порядком в качестве карательного отряда прошла через населенные пункты: Арказыкский, пикеты Джуртинский, Казылмухлинский, Узунбуханский, Алтык-Калатский, город Сергиополь, пикет Нижний Нарын, села Бессарабское, Благодатное, станицу Урджарскую, села Рыбачье, Степановское, Андреевское, город Лепсинск, село Тополевское, станицу Саркандскую, село Абакумовское, пикет Ражанский, город Копал, село Гавриловское, станицу Карабулакскую, поселок Царицинский, село Голубинское, станцию Куян-Гуз, Карачек, поселки Илийский, Димитриевский в город Верный, где с 31 октября по 16 декабря находилась на отдыхе. 16 декабря батарея двинулась дальше через станицу Любовинскую, села Казанско-Богородское, Тарган, станцию Отар, Курдай, Сюгаты, город Пишпек, село Беловодское, Чалдовар, Меркс, Луговое, пикеты Акыр-Тюбе, Ак-Чулак в город Аулие-Ата, куда прибыла 31 декабря 1916 г.[89]

---

[87] Джунушалиев Д. Указ. соч. С. 46.

[88] Чекалинский И. Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле-сентябре 1916 года. Кзыл-Орда, 1926. С. 8.

[89] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 53. Л. 330б.

К середине сентября в Семиречье находились следующие силы. Постоянно квартировали Верненская, Джаркентская и Копальская дружины, 3-й Семиреченский казачий полк, 4 запасных и 4 ополченческих казачьих сотни. Для подавления мятежа были направлены: 240-я Симбирская, 243-я Самарская, 734-я Саратовская дружины государственного ополчения при 8 пулеметах каждая; 2 роты 737-й Симбирской дружины при 4 пулеметах; по 2 роты 1-го и 2-го Сибирских запасных полков со 160 конными разведчиками при 8 пулеметах; 3 роты 3-го Сибирского запасного полка с 80 конными разведчиками при 6 пулеметах; 25-я, 26-я и 27-я легкие четырехорудийные батареи; 2 орудия 20-й конно-горной батареи; 2 сотни 6-го и сотня 4-го Оренбургских казачьих полков; 2 саперных команды; телеграфная и телефонная команды. Из действующей армии высланы 7-й Оренбургский и 9-й Сибирский казачьи полки с 2 пулеметными командами Кольта, 3-я Оренбургская казачья батарея.[90]

16 октября по итогам подавления мятежа в Семиречье Куропаткин провел совещание, на котором было принято решение о выселении киргизов из Пишпекского и Пржевальского уездов, в которых более всего пострадало русское население и образовании в связи с этим Нарынского уезда. Такое решение было обусловлено общим замыслом Куропаткина выселить киргизов с территорий, на которых пролилась русская кровь.

По мнению Куропаткина, «войска действуют самоотверженно. Без кадров, без организации, с случайными перевозочными средствами переваливают снеговые горы, делают по равнине до 70 верст в сутки. Затрудняется усмирение огромными пространствами, разбросанностью, беззащитностью селений с русским населением».[91]

Кровь, пролитая в Семиречье летом 1916 г., не забылась, дав о себе знать в 1917–1920 гг., когда в регионе развернулась кровопролитная Гражданская война со своими специфическими особенностями. Здесь определяющим стало не политическое противостояние, а этно-конфессиональное и сословное.[92] Бывшие переселенцы, в основном, поддержали красных; казаки и кочевники выступили на стороне белых.

---

[90] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 314–314об.

[91] Восстание 1916 г. в Средней Азии//Красный архив. Исторический журнал (М.–Л.). 1929. № 3 (34). С. 50.

[92] Рыков В. М. Гражданская война в Семиречье: причины и последствия в зеркале антибольшевистских документов//Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность. Тезисы докладов и сообщений III научной конференции. Астана–Омск–Томск, 2003. С. 127.

Ситуация в Закаспии в 1916 г. имела ряд своих особенностей. Текинцы по своему настрою являлись монархистами и всецело поддерживали русских. Отношения между русскими и текинцами были самыми доверительными. Вплоть до того, что русским офицерам, ночевавшим у туркмен, те, как лучшим друзьям и почетным гостям, приводили одну из своих жен на ночь.[93]

Иной характер имели взаимоотношения с наиболее воинственным из местных племен – племенем туркмен-иомудов. Иомуды платили дань как русскому, так и персидскому правительству. В этой связи любые осложнения с иомудами неизбежно приобретали международное значение. Иомуды подняли мятеж против русских властей еще в начале 1916 г. Тогда для борьбы с ними был сформирован Хивинский отряд в составе 3 дружин и 4 легких батарей. Борьба с иомудами с переменным успехом протекала на протяжении всего 1916 г. (на этом не было принято заострять внимание в советской литературе) и ярко демонстрирует тот факт, что указ от 25 июня 1916 г. не был причиной, а являлся лишь поводом для мятежа в Туркестане.

Главарем иомудов был ставший позднее известным как лидер басмачей хан Джунаид. Иомуды были хорошо вооружены берданками и трехлинейками. В июле 1916 г. в области было неспокойно. По некоторым данным, здесь активно работала турецкая разведывательная организация «Тешкилат-и-Махсуса» во главе с азербайджанцем А. Агаевым – впоследствии председателем общества «Турция – СССР».[94] Деятельность турецкой агентуры отмечали и очевидцы.[95]

К иомудам примкнули роды кочевых туркмен – джафарбайцев, атабайцев. Беспорядки приобрели характер разбойничьих нападений на русские поселки в районе реки Гюрген. К осени 1916 г. четыре поселка было совершенно разрушено, другие сильно пострадали. Русское население было взято под охрану казаков. Более того, была вынуждена отступить одна из небольших колонн русских войск. Было зафиксировано применение туркменами разрывных пуль.[96] В этот период в Асхабадском уезде обеспечением безопасности занимались рота 8-го пехотного запасного полка, сотня пограничной стражи с пулеметной командой и взвод 20-й конно-горной батареи. В Мервский уезд из Асхабада была командирована сотня 2-го Семиреченского казачьего полка, взвод 20-й конно-горной батареи и рота пехоты.

15–16 августа иомуды в районе поста Курбан-Каз обстреляли воинскую команду чикишлярского пристава, погибло два нижних чина, трое ранены.

---

[93] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 343. Л. 206.

[94] Козубский К. Указ. соч. С. 24.

[95] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 227. Л. 5.

[96] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 336.

Во второй половине августа – сентябре 1916 г. племя откочевало в Персию. Уход иомудов в Персию русская администрация решила использовать для овладения плодородной Астрабадской провинцией соседнего государства. На самом деле значительная часть провинции не была заселена персидским населением, а представляла фактически нейтральную территорию, на которой кочевали туркмены. С 1898 г. здесь находился русский комиссариат, власти которого подчинялись возникшие в регионе русские поселения.

В конце сентября 1916 г. в русских поселках по реке Гюрген были случаи угона скота, в районе Астрабада были обстреляны казачьи разъезды. Наконец, иомудам удалось захватить укрепление Ак-Кала на реке Гюрген, но в результате двухчасового боя укрепление было отбито обратно. Обстановка накалялась. 25–29 сентября кочевники громили имения по реке Гюрген. 30 сентября из укрепления Чатлы в Гумбет-Кабуз выступил отряд в составе 100 штыков и 150 сабель, при 3 пулеметах и 2 орудиях. Отряд сопровождал обоз и транспорт. Дважды иомуды атаковали отряд по пути. В результате нападения в ночь на 1 октября был убит пулей в сердце наповал ротмистр Пожарский и 2 нижних чина. Эти случаи были лишь первыми тревожными сигналами, свидетельствовавшими о том, что и в этом регионе вскоре предстоит действовать войскам.

Дерзкие нападения продолжились и в октябре, когда погибло 8 нижних чинов, включая пятерых, имевших несчастье попасть в плен и зверски изуродованных там. 6 октября иомуды напали на город Теджен, но были отбиты. Наши войска потеряли 3 нижних чинов убитыми. В районе Теджена мятежники убили рабочего и маленькую девочку.

В ноябре было отмечено усиление активности иомудов. Они взяли под свой контроль каспийское побережье. Усилились наиболее мощные их группировки под командованием Баба-Клыча, Шихи-Хана Диведжи и Эссен-хана. В Атрекском районе был задержан австрийский шпион мадьяр Г. Сабо, имевший при себе документы и карту.[97] Кстати, в дальнейшем сообщалось, что действиями иомудов руководил хорошо подготовленный европеец.[98] Отряды иомудов были сосредоточены в районе Чатлы, Ак-Кала и у горы Морава-Тепе. 25 ноября мятежники на дороге Кизил-Имам – пост Чат обстреляли обоз и две роты 2-го Сибирского запасного стрелкового полка и сотню пограничников, погиб 1 нижний чин, 18 было ранено.

Лишь в конце октября – ноябре 1916 г. для подчинения непокорного племени был сформирован значительный по азиатским масштабам Гюргенский экспедиционный отряд под командованием военного губернатора Сыр-Дарьинской области, героя русско-японской войны, генерал-лейтенанта А. С. Мадритова (помощник – командир Мервской ополченческой дружи-

---

[97] Там же. Л. 393.

[98] Там же. Л. 340об.

ны генерал-майор Волковников). В состав экспедиционного отряда были включены Чикишлярский отряд подполковника 2-го Сибирского стрелкового запасного полка Дерфельдена (сводный батальон 5-го и 7-го Сибирских стрелковых запасных полков (командир – подполковник Дерфельден), сводный батальон от 1-го, 2-го, 5-го и 6-го Сибирских стрелковых запасных полков (командир – капитан Неминущий), рота Мервской ополченческой дружины, 22-я Туркестанская легкая батарея, 9-я Туркестанская мортирная батарея и взвод Кушкинской крепостной саперной роты), Астрабадский отряд командира 8-го Сибирского стрелкового запасного полка полковника Габаева (5 рот и 4 пулемета того же полка, 2 роты 1-го и 7-го Сибирских стрелковых запасных полков, 17-я Туркестанская легкая батарея, полторы сотни 2-го Семиреченского казачьего полка, взвод 3-й Туркестанской отдельной саперной роты) и Гумбетский (ранее – Атрекский, позднее – переименован в Гюргенский) отряд полковника А. Д. Стржалковского (4 роты дружины с 4 пулеметами, сводный батальон 2-го и 5-го Сибирских стрелковых запасных полков (командир – капитан Солодников), 5-я Туркестанская легкая батарея, 2 орудия 20-й Туркестанской конно-горной батареи, 6-я сотня 4-го Оренбургского казачьего полка (ссаул А. С. Харитонов), 1-я отдельная Семиреченская сотня и 2 сотни 30-й бригады пограничной стражи). Всего 6 батальонов, 15 сотен (около 8000 человек), 18 орудий и 17 пулеметов. На усиление всех отрядов направлены и находились в пути 7-й Оренбургский казачий полк (командир – полковник Л. Н. Доможиров) с 73-й пулеметной командой Кольта и 3-я Уссурийская казачья сотня.[99] 7-й Оренбургский казачий полк в конце ноября был включен в состав Чикишлярского отряда.[100] Вскоре из Самарканда на усиление отряда была направлена и 22-я легкая батарея.

По данным на 24 ноября численность отрядов составляла (по расчету на довольствие): Астрабадский отряд – 2321 человек и 642 лошади, Гумбетский отряд – 2149 человек и 988 лошадей, Чикишлярский отряд – 3692 человека и 2307 лошадей, Казалинский отряд – 770 человек и 530 лошадей.[101] Итого в отряде Мадритова (без Казалинского отряда): 8162 человека и 3937 лошадей. К 8 декабря численность отряда возросла до 8640 человек и 4260 лошадей.

---

[99] РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 151. Ч. 1. Л. 10–10об.

[100] 24 августа 1916 г. 7-й Оренбургский казачий полк выбыл из состава XXXI армейского корпуса в командировку в Семиреченскую область для усмирения киргизов, 22 октября отозван в Закаспийскую область, где, войдя в состав Гюргенского экспедиционного отряда, выступил в поход в Персию для усмирения мятежных иомудов. Декабрь 1916 г. прошел в борьбе с иомудами. Полк участвовал в преследовании скопищ мятежников в горах и ущельях верховьев рек Атрек и Сара-Су в исключительно трудных условиях без хлеба, фуража и воды. Потери полка в походе составили 5 казаков убитыми и 3 ранеными, 47 лошадей пало в результате бескормицы и усиленных переходов – РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 36. Л. 91.

[101] РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 151. Ч. 1. Л. 84об.–84а об.

Санитарное состояние отряда было удручающим. В одном из документов отмечалось, что «при осмотре людей резко бросается в глаза разница в наружном виде нижних чинов разного рода оружия: в то время, как почти 90% стрелков поражают своим болезненным, малокровным, слабым видом, причем почти третья часть настолько ослаблена, что вряд ли способны перенести тяжести походной жизни, среди артиллеристов и сапер слабых не более 10–15% общего их числа, а среди казаков, которые за два года пребывания в Астрабаде все, хотя бы по одному разу, болели лихорадкой, слабосильные, болезненные на вид составляют единицы».[102]

По некоторым данным, на Атрекской линии погиб офицер. Сотня семиреков при 2 конных пулеметах из Атрекского отряда двигалась к пограничному посту Яглы-Олум, где на персидской территории скопилось около 2000 кибиток.

Фактически действия проходили на персидской территории. План действий был следующим: одновременным движением отрядов с трех сторон окружить ядро стойбищ иомудов между реками Атрек и Гюрген на севере и юге и дорогой Чикишляр – Астрабад и высотами Каракыр на западе и востоке. «Надо сломить самым энергичным образом всякое сопротивление и привести восставших к полной покорности».[103] Важными задачами являлся захват главарей мятежа и изъятие у иомудов оружия. Необходимо было заставить иомудов выставить требуемое число рабочих. А в качестве наказания предполагалось отобрать у кочевников половину скота и кибиток.

Командованием были установлены следующие «Главные основания действий»: «а) не дробиться на мелкие части, б) доверять действию конных стрелков более в пешем строю, чем в конном,... не высылать мелких конных частей, г) после первых разгромов, конным частям, казачьим и стрелковым открыть широкое поле для действий; казачьим частям придавать конных стрелков для действий в пешем строю и пулеметы.... Иомуды будут беречь своих лошадей от нашего огня и станут обрушиваться большими партиями на обозы и прикрытия их, особенно на мелкие команды, будут обходить наши войска, чтобы ударить на них с тыла; поэтому с движением вперед база наших отрядов, дней на семь, должна быть при себе. ж) днем и каждую ночь каждый отряд должен ждать нападения со всех сторон, особая бдительность требуется ночью, памятуя нападение иомудов в 1873 г. на отряд генерала Головачева под Чандыром.[104] з) Если противник займет «Калы» (гли-

---

[102] Там же. Л. 146об.

[103] Там же. Л. 150об.

[104] Речь идет о событиях Хивинского похода 1873 г. Отряд генерала Головачева являлся одним из нескольких отрядов, участвовавших в покорении Хивы. Головачев выступил на Хиву из Джизака. После покорения Хивы был предпринят поход против иомудов. – *А. Г.*

побитные укрепления), то это будет для нас благоприятно, но надо штурм подготовлять заботливо, чтобы бреши были достаточны; принимать меры отрезать отступление, иначе иомуды уйдут. и) Жестокостей не допускать, строго карая виновных; воевать с мужчинами, а не с женщинами и детьми; Не позволять ни под каким предлогом жечь имущество, особенно кошмы и кибитки... Взятых в рабочие отправлять не для сторожевой или охранной службы, но на тяжелые работы. Партии организовывать как арестантов, пока не заслужат доверия. На каждых 10 человек назначать одного десятского из казаков, а на сотню – сотского из урядников; во главе всего эшелона должны быть назначены два офицера; переводчики, писцы, мулла и резник по приказу № 220».[105]

После подавления мятежа войска предполагалось использовать на усиление Кавказской армии, положение которой было крайне неопределенным. Начальник штаба Туркестанского военного округа генерал-майор Сиверс 29 ноября 1916 г. писал командиру Кавказского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанту Н. Н. Баратову: «Для подавления возникших беспорядков среди иомудов, в Астрабадскую провинцию в Персии командированы из округа войска, составившие Гюргенский отряд... Придавая успешным действиям на нашем левом фланге Кавказской армии особо важное значение для удержания Афганистана от выступления против нас и связанного в значительной степени с этим спокойствия в Туркестане, Командующий войсками полагал бы возможным, по окончании экспедиции против иомудов, ожидаемом примерно в феврале будущего года, отправить из состава Гюргенского отряда на подкрепление частей вверенного Вам корпуса первоначально одну стрелковую бригаду (в 4 баталиона) с 7-м Оренбургским казачьим полком и 73-й Кол[ь]товской пулеметной командой. Затем, если обстоятельства в Семиреченской области сложатся благоприятно, к чему есть полные основания, то к этим частям будут присоединены вторая стрелковая бригада, 9-й Сибирский казачий полк, 3-я Оренбургская казачья батарея и 33-я Кольтовская пулеметная команда».[106]

Мадритов обратился к иомудам с ультиматумом, ориентированным на восточную психологию: подчиниться до 1 декабря, иначе «никакие просьбы не [по]могут. Пусть не думают мятежники, что они могут скрыться куда-либо – всюду найду и накажу жестоко, также жестоко пострадают и их семейства и все те, кои им помогали. Накажу так жестоко, что долго будут помнить их предки и их потомки много сот лет. Меня не остановит их бегство в Персию и там найду их и их сообщников и заставлю подчиниться ВЫСОЧАЙШЕЙ воле ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Русского ГОСУДАРЯ».[107]

---

[105] РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 151. Ч. 1. Л. 150б.-16.

[106] Там же. Л. 70–700б.

[107] Там же. Л. 296.

В середине ноября Мадритов прибыл в Чикишляр, Чикишлярский отряд возглавил полковник Доможиров.

Серьезные бои шли на реке Гюргень. 6 декабря Мадритов занял Ак-Калу и двинулся на Гумбет-Кабуз. От мятежников была очищена западная часть Астрабадской провинции. Далее войска двинулись на Морава-Тепе, где произошло решающее столкновение. С севера туда же шли 2 роты и сотня. Бои развернулись на труднодоступных горных перевалах, куда были вытеснены мятежники. Последние, будучи окружены с севера и юга, бросились на запад, где 28–31 декабря были настигнуты (восточнее линии Чат – Яглы-Олум) и разбиты. Вожаки (Эссен-хан, Баба-Клыч) были пленены или сами явились с повинной, а мятежники распались на мелкие шайки.

Неспокойно было на линии пограничной реки Атрек, где бунтовали атрекские туркмены. Летом они кочевали в России, а на зиму уходили в Персию, где подвергались враждебной пропаганде. В последние годы ими активно велась закупка оружия. Местная администрация незаконными поборами не заслужила уважения со стороны туземного населения, положения указа о мобилизации рабочих разъяснены населению не были.

Содействие русским оказал курдский хан Сердар Муаззез (Азизулла-хан), который не позволял туркменам укрываться в Буджнурдском ханстве. Договоренность с ханом была достигнута миссией подполковника Грудзинского. Последний подарил хану и его брату (Салару Муфаххаму или Хабибулле-хану) ликеры, сигары, шоколад, автоматический 6,35-мм браунинг. Самому хану по предложению Куропаткина был обещан орден Св. Станислава 2-й степени, что произвело на него огромное впечатление.[108] Таким образом, успех экспедиции должна была обеспечить и работа по дипломатической линии. Более того, хан обещал выставить для содействия русским около 1000 вооруженных ополченцев.

Следует также отметить, что занятие русскими войсками Гюргенского района повлекло за собой «усиленную деятельность разных лиц по приобретению земельной собственности в занятом районе».[109] Приобретения носили спекулятивный характер, осуществлялись по спорным и даже фиктивным документам, вызывали недовольство местного населения. Куропаткин 13 февраля 1917 г. потребовал от МИДа признания всех подобных сделок недействительными. Тем не менее, идея колонизации провинции русским населением получила признание.

Как бы то ни было, русские войска «без воды, почти без продовольствия и плохо обученные, снаряженные и, надо сказать правду – плохо вооруженные, сделали большое дело – восстание грозило принять такие размеры,

---

[108] Там же. Л. 361об.

[109] Там же. Л. 347.

что при существующих условиях нам пришлось бы провозиться с ним очень долгое время».[110]

К 31 декабря с мятежом иомудов в районе Чат – Яглы-Олум было покончено. У мятежников изъято около 3200 винтовок, не менее 315 шашек. Потери Мадритова составили 2 офицера и 30 нижних чинов убитыми; 2 офицера и 59 нижних чинов ранеными и 2 нижних чина пропавшими без вести.[111] Всего в результате мятежа иомудов погибло 2 офицера и 59 нижних чинов, ранено также 2 офицера и 59 нижних чинов, 3 нижних чина пропало без вести, убит 1 телеграфный чиновник. Потери русских поселенцев были незначительны.

В конце марта 1917 г. в связи с успокоением туркмен Мадритов сдал командование отрядом генерал-майору М. К. Маргания, начался вывод войск. Из отряда была сформирована 2-я Туркестанская стрелковая бригада. В марте 1917 г. Гюргенский экспедиционный отряд насчитывал 4369 человек и 1653 лошади. 7-й Оренбургский казачий полк в конце февраля пароходами был отправлен на Кавказ, на усиление войск Баратова. По данным на октябрь 1917 г. полк действовал в Курдистане.[112] В середине марта на Кавказ отправилась и стрелковая бригада. Февральские события принесли амнистию участникам мятежа, а экспедицию Мадритова стали называть разбойничьей.[113] Любопытно, что в апреле 1917 г. из иомудов была даже сформирована первая воинская часть (сотня).

В августе-сентябре 1917 г. из Афганистана с транспортом оружия в Россию вернулся Джунаид-хан, провозгласивший борьбу «за освобождение туркмен». На фоне ослабления деморализованной русской армии Туркестан вновь стал ареной вооруженной борьбы, цели которой теперь уже никак, даже с натяжкой, не могут быть названы прогрессивными. Таким образом, повстанчество 1916 г. и достигшее позднее своего пика басмачество являются преемниками друг друга. В Хиве тогда был дислоцирован 4-й Оренбургский казачий полк полковника И. М. Зайцева.

Нельзя не отметить, что основная масса туркмен – текинцы – оставались лояльными русской администрации. В то же время Куропаткин опасался возобновления беспорядков после отвода войск.

Завершая раздел о Туркестане, отмечу, что в Амударьинском отделе Сырдарьинской области волнений практически не было за исключением Чембайского района в дельте Амударьи, где был убит участковый пристав с женой, и куда был командирован карательный отряд, и население успокоилось. Не было беспорядков также в Хиве и Бухаре.

В период с 18 сентября по 18 декабря 1916 г. из Туркестана было отправ-

---

[110] Там же. Л. 378об.

[111] Чеканинский И. Указ. соч. С. 68.

[112] Оренбургский казачий вестник. 1917. № 81. 17. 11. С. 2.

[113] РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 151. Ч. 2. Л. 866.

лено 92 423 рабочих, кроме того, 9500 человек направлено непосредственно на работы в Средней Азии. Таким образом, было мобилизовано около 100 000 рабочих или половина от запланированного количества.

Общие потери армии и полиции в Туркестане были следующими (звездочкой обозначены офицеры):

Область	Убито	Ранено	Пропало без вести
Ферганская		1*; 6	
Сырдарьинская	1	1	
Самаркандская	2*; 3	2	
Семиреченская	4*; 52	41	75
Закаспийская	6	5	
Астрабадская провинция	1*; 17	2*; 9	2
ИТОГО	7*; 79	3*; 64	77

Всего, к 1 января 1917 г. в Туркестане было убито 7 офицеров и 79 нижних чинов, ранено 3 офицера и 64 нижних чина и числилось пропавшими без вести 77 человек. К 25 января 1917 г. потери составляли 97 убитых, 86 раненых и 76 пропавших без вести.[111] Для сравнения при покорении Туркестана русская армия потеряла в Семиреченской области 105 человек, в Сырдарьинской области с Амударьинским отделом – 744 человека, в Ферганской области – 134 человека, в Самаркандской области – 811 человек и в Закаспийской области 1582 человека. Всего – 3376 человек.

Потери русской и туземной администрации были следующими:

Область	Убитых из русской администрации	Убитых из туземной администрации
Ферганская	1	34
Сырдарьинская	1	7
Самаркандская	3	-
Семиреченская	14	12
Закаспийская	1	-
ИТОГО:	20	53

[111] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. М., 1960. С. 97.

Потери русского населения выразились в следующих цифрах:

Область	Убито	Ранено
Ферганская	1	2
Сырдарьинская	45	1
Самаркандская	73	–
Семиреченская	2325 (по др. данным 2642) убито, 1384 пропало без вести	1105
Закаспийская	?	?
ИТОГО:	3828 (4145)	1111

Наиболее сильно русское население пострадало там, где было мало войск – в Семиречье. Наименее сильно там, где почти не было русского населения – в Степном крае. Эти реалии позволили советским историкам цинично называть движение в Степном крае прогрессивным, а выступления в Средней Азии реакционными. На самом деле, вопреки лживым заявлениям советских авторов, антирусский характер мятежа был повсюду одинаков. В некоторых районах к этому примешивался еще и религиозный фанатизм мусульманского населения.

Необходимо отметить, что в результате мятежа в Туркестане было разорено свыше 9000 хозяйств, уничтожено несколько храмов и больниц. Для усмирения мятежников в Туркестане использовалось 14,5 батальона, 33 сотни, 42 орудия и 69 пулеметов. Боевые действия велись в период с 13 июля 1916 г. по 25 января 1917 г.

II. Степной край

Акмолинская и Семипалатинская области

Наказный атаман Сибирского казачьего войска и генерал-губернатор Степного генерал-губернаторства генерал от кавалерии Н. А. Сухомлинов сообщал 4 августа 1916 г. в штаб Походного атамана всех казачьих войск, что по объявлении мобилизации началось недовольство и признаки «угроз русскому населению, поселившемуся в глубине степи за сотни верст от более крупных пунктов, где имеются незначительные местные команды, которые могли, хотя бы первое время, защитить население от нападения полудиких кочевников».[115] Как только власти приступили к проверке списков лиц, подлежащих

[115] РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 87. Л. 73.

призыву, киргизы со стадами и имуществом ушли вглубь степей, уклоняясь от выполнения Высочайшего повеления.

В области происходили зверства, аналогичные тем, что имели место в соседних регионах. Были случаи убийства чинов полиции, в Акмолинской области убито 7 казаков. Убиты сестры О. и М. Дохненко 12 и 16 лет,[116] три женщины и девица Морозовы (у поселка Алексеевка).[117] 8 октября на станции Каратай Акмолинского уезда произошло зверское убийство солдат и ямщика. Ямщика почты почтальона Крамаренко киргизы пытали, привязывая к хвосту лошади, «состояние его здоровья безнадежное».[118]

Местные команды степных городков Каркаралинска, Акмолинска, Атбасара в связи с малочисленностью и отсутствием в степи русского населения и путей сообщения не были в состоянии преследовать киргиз. Возникла необходимость мобилизации казаков, несмотря на то, что в это время шел сбор урожая трав и зерна. Во всех приграничных со степью станицах Сибирского казачьего войска были сформированы особые конные команды, в основном, из отставных, неспособных или не достигших 20 лет казаков. Уже с 20 июля команды несли службу на подавлении мятежа. Суточное вознаграждение урядника равнялось 3,5 рубля. Киргизские банды были вооружены самодельными пиками, батогами, алебардами, редко огнестрельным оружием невоенного образца. Топор на длинном черенке назывался айболта, дубина – сукол. Предполагалось, что оружие мятежникам помогали доставать из Китая немецкие колонисты.[119] На юге области мятежниками руководил хан Кияшев.

По данным властей в Зайсанском уезде имелось несколько групп мятежников по 1000 человек, в Семипалатинском – 7000 человек, в Усть-Каменогорском – несколько групп по 3000 человек, в Акмолинском – до 35 000 человек, в Атбасарском – 7000 человек и в Косагачском районе до 2000 человек.

На подавления по данным на 5 сентября 1916 г. было выслано: в Зайсанский район – 2,5 сотни, в Семипалатинский район – сотня, в Усть-Каменогорский район – 2,5 роты, в Акмолинский район – 5 рот и 2,5 сотни, в Атбасарский район – 2 роты и 1,5 сотни и в Косагачский район – сотня с пулеметом.

Три сотни из полков первой очереди выставило Сибирское войско, сотню 1-го Верхнеудинского полка (есаул Мейер) – Забайкальское войско. Кроме того, казаками было выставлено 3 полусотни, 2 местных сотни, 4 местных полусотни. В Акмолинск отправился атаман 1-го военного отдела Сибирского казачьего войска, в Атбасар – атаман 3-го военного отдела.

---

[116] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. М., 1960. С. 516.

[117] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 377.

[118] Там же. Л. 356об.

[119] Там же. Л. 211.

Пехота была представлена, в основном, ополченческими дружинами: 705-й (Петропавловск), 706-й (Омск), 710-й (Тюмень), 712-й (Семипалатинск). От 712-й дружины 2,5 роты было направлено в Усть-Каменогорск, по роте 706-й и 710-й дружин действовало в районе Акмолинска, еще одна рота 710-й дружины была направлена в Атбасарский уезд. В Петропавловском уезде находилась рота 33-го Сибирского стрелкового запасного полка.

Всего в Акмолинскую и Семипалатинскую области властями было направлено 6 казачьих сотен и 7 полусотен, 8,5 роты пехоты, 2 местные воинские команды.[120] На усмирение был направлен отряд помощника Наказного атамана Сибирского казачьего войска генерал-майора П. Я. Ягодкина. Акмолинскому и Атбасарскому отрядам в конце сентября 1916 г. были приданы по 2 пулемета из присланных Главным управлением Генерального штаба.

Позже других были замирены Акмолинский и Атбасарский районы. Даже усмирение части киргизов, бежавших в Монголию, силами сотни забайкальцев с пулеметом прошло быстрее и легче. В отношении оставшихся непокорными районов был разработан специальный план. Было принято решение отрезать киргизам путь на юг силами Атбасарского отряда. Акмолинский отряд окружал аскеров с севера.

25 октября казачий разъезд оцепил Кондерлинскую лесную дачу, где киргизы, вооруженные самодельными пиками, занимались незаконной вырубкой леса. Увидев казаков, мятежники вскочили на лошадей и бросились на них. Был открыт огонь, в результате которого 42 киргиза погибло. Казаки стали преследовать бросившихся врассыпную мятежников. В ходе преследования был занят аул Аккийраккульской волости, где изрублено 12 человек.[121] К 1 ноября Акмолинская область дала уже 12 500 человек на работы по обороне, набор продолжался. К январю 1917 г. область была, в целом, замирена. По данным на 10 января 1917 г. из 45 000 киргизов принято к отбыванию повинности в различных формах 43 098 человек (8570 освидетельствовано как негодные, 10 241 работает на оборону, 16 314 организованы в артели по возке казенного хлеба для армии, 7973 человека принято на работы и сдано военному ведомству).[122]

Наведением порядка в Семипалатинской области занимались казаки 3-го Сибирского казачьего полка. В Семипалатинске была дислоцирована 712-я дружина государственного ополчения. Есаул В. И. Шестаков из Омска здесь же в июле 1916 г. занимался формированием казачьей полусотни для борьбы с мятежом.

---

[120] Турсунов Х. Т. Указ. соч. С. 365.

[121] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 377об.

[122] Там же. Л. 445–445об.

В Уральской области практически не было никаких серьезных происшествий. Имел место случай убийства двух представителей местной администрации, а 22 июля 1916 г. произошла стычка скопища в 1000 киргизов с шедшей из Калмыкова полусотней казаков на берегу реки Уил. Киргизы огнем сотни были рассеяны.

Любопытно описание произошедшего, оставленное сотником Горбуновым: «22-го июля я делал переход с полусотней и обозом, повозок 10, по Каракульской волости... Во время пути... головной и правый дозоры донесли, что появились навстречу одиночные всадники, а за ними целые толпы, человек по 100 каждая. Я усилил дозоры, приблизил их и продолжал идти. Одиночные киргизы скрылись назад в толпы, а частью стали огибать нас справа, держась на расстоянии около 2-х верст. Затем толпы, подойдя на ту же дистанцию, стали развертываться и, огибая нас также справа, выстроили нечто вроде развернутого строя, по протяжению фронта более полка. Тогда я полусотню остановил, построил повозки буквою П, в середине поставил лошадей, а на открытую сторону, обращенную к киргизам, поставил людей... По обстановке, складывалось впечатление, что киргизы, вооружаясь, думают атаковать; поэтому... я приказал открытую сторону окопать... [толпа], издавая даже крики, стала... продвигаться вперед. Получив письменно полномочия, я дал три залпа по центру толпы и, продвинувшись пешком вперед, шагов на 200–300, сделал еще залп по одному из флангов. После первых трех залпов середина толпы бежала, после 4-го бежали все. Посадив полусотню [верхом], сделал вид преследования, но накоротке, так как в это время из хвоста уходивших выделилась группа и, подняв руки и шапки кверху, продвигались к нам навстречу...».[123]

К 15 декабря область дала 20 072 рабочих, всего явка на сборные пункты составила 20 463 человека, недобор против ожидавшегося количества исчислялся в 15 332 человека.

В Астраханской губернии было еще спокойнее. Призыв протекал как и было запланировано. На всякий случай для предупреждения возможных беспорядков губернатором было вызвано три взвода 3-го Астраханского казачьего полка. В июле сотня полка была задействована в борьбе с мятежом. В самой губернии использовалась полурота царицынского гарнизона. Призывной контингент составил 22 000 человек (по данным на 20 декабря – 20 875 человек), оставалось призвать еще 3500 рабочих. Однако во избежание эксцессов губернатор просил приостановить призыв.

---

[123] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 194. Л. 83–83об.

Из всех регионов, охваченных мятежом, наиболее продолжительной (прежде всего, из-за характера местности и зимнего времени) и масштабной была борьба в Тургайской области, где во главе выступления оказался, по утверждению советских историков, А. У. Иманов. На самом деле, как и в других местах, во главе мятежа стояли не народные вожди, как утверждала советская историография, а родовая или клерикальная элита – баи и ханы. Так, во главе мятежа в Тургайской области стоял не Иманов, а крупный скотовод, хан А. Джанбосынов. Другое дело, что мятежники нуждались в организаторах и военных руководителях. Именно к этой категории, на мой взгляд, следовало бы отнести Иманова. Важную роль в организации мятежа сыграл местный большевик А. Т. Джангильдин. Общая численность мятежников, называвших себя здесь сарбазами, в области оценивается в 50 000 человек. В отличие от Семиречья, где Шабдановы провели всеобщую мобилизацию (чего даже близко не предполагалось даже по указу императора), в Тургайской области действовали добровольцы.

Известие о призыве инородцев стало полной неожиданностью для местной администрации, вплоть до уровня губернатора. Кроме того, степная русская администрация была малочисленной. На уездном уровне – только уездный начальник и его помощник, других чинов полиции не было.

Уже в июле здесь, как и в других регионах, начались убийства представителей туземной администрации, попытки уничтожения списков мобилизуемых. Организаторами беспорядков в Кустанайском уезде выступили местные муллы. Здесь важно то, что кустанайские киргизы занимали доминирующее положение в отношении киргизов других уездов.

В связи с острой нехваткой полиции было решено в соответствии с «Правилами вызова войск для содействия гражданским властям» подавить мятеж в зародыше при помощи армии. Командующий войсками Казанского военного округа генерал от инфантерии А. Г. Сандецкий командировал в Кустанай 97-ю Донскую особую казачью конную сотню есаула Моргунова из Челябинска. Сотня в огневом отношении была слабой. На вооружении казаков стояли устаревшие берданки с небольшим запасом патронов.[124] 5-я Оренбургская казачья запасная сотня была срочно возвращена из лагеря в Троицк. После известий об усилении беспорядков, сообщенных губернатором М. М. Эверсманом (постоянно пребывавшим в Оренбурге) 17 июля, в область было послано две оренбургских казачьих запасных сотни.[125]

По мнению Сандецкого, «одна сотня казаков при энергичных действи-

[124] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 196. Л. 16.

[125] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 194. Л. 306.

ях без труда может привести к полной покорности несколько тысяч плохо вооруженных и неорганизованных киргизов».[126]

19 июля 2-я Оренбургская казачья запасная сотня есаула Леонтьева (5 офицеров, 140 нижних чинов) прибыла в Актюбинск и была дислоцирована в самом городе и «в глубине Актюбинского уезда».[127] Против мятежников действовала также 1-я (дислоцирована в Иргизе и Тургае по полусотенно) есаула В. А. Уржунцева и 5-я (в Кустанайском уезде) Оренбургские казачьи запасные сотни. Надо сказать, что эта дислокация примерно сохранилась и осенью. Единственно, 2-я Оренбургская казачья запасная сотня была раздроблена и направлена в Челкар и Карабутак. На борьбу с мятежниками отправляли не только имевшие огромное значение для подготовки пополнений запасные части (для выполнения требований армии запасные сотни должны были быть увеличены до полуторного состава), но и последнее имевшееся оружие. В частности, осенью был получен пулемет Оренбургской школы прапорщиков, предназначавшийся для обучения будущих офицеров. Небезынтересно, что пулеметчики были взяты от 104-го запасного полка. То есть отряды комплектовались и вооружались из разных частей всем, что было под рукой. Все это ослабляло подготовку пополнений для фронта.

Вскоре поступили новые тревожные сообщения. Сандецкий принял решение сформировать летучий отряд из частей ближайшего из крупных гарнизонов, – оренбургского, – с пулеметом и направить этот отряд на охрану железной дороги. Все части поступили в распоряжение губернатора, что было ненормальным, т. к. губернатор не являлся военным начальником и были разбросаны по полусотням по всей области и предоставлены самим себе. Однако, несмотря на некоторое успокоение, вернуть войска назад Сандецкий не смог. Между тем, он 6–7 августа писал, что в связи с отсутствием запасных сотен, «так как задерживаются срочные отправления укомплектований в действующую армию».[128] Осенью же мятеж разгорелся с новой силой.

Тургайский губернатор в период временного успокоения вел среди местного населения активную разъяснительную работу. Был устроен съезд аксакалов (почетных старейшин), поддержавший императорский указ, однако призывная молодежь перестала после этого считаться со стариками. Тем не менее, благодаря лояльности старейшин властям удалось осуществить мобилизацию рабочих в Кустанайском и Актюбинском уездах. Призыв на работы в Иргизском и Тургайском уездах был отложен до 15 октября в надежде на их успокоение и положительный пример северных уездов. Киргизы с фронта писали письма о своем хорошем положении. Между тем, Сандецкий телеграфировал начальнику Генерального штаба 6–7 августа, что

---

[126] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 197. Л. 7.

[127] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 194. Л. 4.

[128] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 193. Л. 15.

«при решительных и энергичных действиях давно возможно было привести к покорности край, населенный не имеющими ни организации, ни вооружения киргизами, таковые же беспорядки Уральской области Астраханской губернии решительными мерами давно уже прекращены...».[129]

Киргизы южных уездов области решили не подчиняться призыву. Собравшись в огромные скопища и вооружившись, они начали борьбу с властями, как отмечал генерал Сандецкий, «против державных прав Русского Народа и вообще против русской культуры».[130]

Первое столкновение произошло в Иргизском уезде. Вечером 18 октября 50 казаков 1-й Оренбургской казачьей запасной сотни с прапорщиком Я. В. Репиным из Иргиза выступили на аул Кожс-Куль (в 70 верстах от Иргиза) для разгона скопища киргизов. На следующее утро казаки столкнулись примерно с 2500 киргизами, в том числе с 600, вооруженными пиками, шашками и ружьями (см. приложение). Казаки заняли выгодную позицию в пешем строю, но были окружены. После двухчасового боя киргизы отступили, потеряв несколько десятков человек убитыми и ранеными. С нашей стороны 1 казак был легко ранен, 2 лошади убежало в степь. 20 октября казаки возвратились в Иргиз. Часть сотни (57 казаков) по-прежнему оставалась в Тургае. Победный рапорт оренбургского атамана об этому столкновении вызвал гнев Сандецкого, иначе расценившего результаты боя. По его мнению, казакам ничего не стоило, решительнее действуя, произвести еще более сильное впечатление на противника. Сандецкий также отметил, что стрелковая подготовка казаков находилась на низком уровне.

21 октября нападению подверглась 97-я Донская особая сотня, шедшая к Тургаю и атаковавшаяся в течение 21 часа несколькими тысячами вооруженных киргизов. Потеряв трех казаков убитыми и трех ранеными, сотня все же добралась до Тургая. Киргиз было уничтожено до 400 человек.

К вечеру в Тургае было видно зарево со стороны Иргиза по почтовой дороге, а «на утро получено было известие, что станция первая сожжена и телеграф совершенно уничтожен и находившиеся люди на станции, писарь был брошен в огонь, а 9 женщин, в том числе две проезжающие, взяты и увезены киргизами в аул».[131]

Войска передвигались по степи на лошадях и верблюдах, часто шли без дороги по компасу и по азимуту. В аулах оставляли по 3–4 казака с ручным пулеметом, казаки должны были служить для связи. «Незавидна была участь этих постов: это были обреченные люди. Киргизы обыкновенно нападали на них и вырезывали их своими кривыми ножами».[132]

---

129 Там же. Л. 31.

130 РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 194. Л. 506.

131 РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 195. Л. 42.

132 ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 660. Л. 306.

Октябрь прошел в столкновениях небольших русских отрядов с огромными скопищами кочевников. Подобное несерьезное отношение власти к происходящему очень скоро дало о себе знать.

С 22 октября 1916 г. областной центр, город Тургай (население – 2500 человек), оказался осажден 15 000 мятежников и отрезан от внешнего мира, судьба города была неизвестна, население осталось без продовольствия. Был разрушен и почтовый тракт. Колодцы на тракте Иргиз – Тургай мятежниками были забросаны падалью, нечистотами или отравлены пилюлями со стрихнином, употреблявшимися для истребления волков. В городе к 26 октября находилось лишь 196 казаков и 100 солдат. Ходили слухи о том, что городом завладели мятежники.

На самом деле положение Тургая было иным. В городе был созван военный совет с участием воинского начальника капитана К. П. Загайного, уездного начальника, крестьянского начальника, командира сотни, 4 офицеров. Было решено защищаться в черте города, не выходя из стен за его пределы по причине нехватки людей и патронов. Только в степи киргизы могли задавить численностью. Вскоре город и прилегающий район были объявлены на военном положении.

Еще 20 октября Сандецкий принял решение об усилении 1-й Оренбургской казачьей запасной сотни командированием в Иргиз 100 казаков и отправкой пулемета, однако этого было недостаточно. 24 октября Тургайский губернатор сообщил об усилении беспорядков. В Тургайском и Иргизском уездах власть имела лишь два опорных пункта – Тургай и Иргиз, остальная территория представляла собой обширную степь с редким населением.

Тогда же Сандецкий предложил приступить в целях усиления конных частей округа к формированию новых особых казачьих сотен из эвакуированных казаков: в Оренбургском войске – 6, в Уральском – 4, в Астраханском – 2 и свести их в два шестисотенных полка.

Когда стала очевидна недостаточность посланных войск, для борьбы с разраставшимся мятежом в области в ноябре 1916 г. был сформирован сильный экспедиционный отряд начальника 13-й пехотной запасной бригады (Казань) генерала А. Д. Лаврентьева[133] в составе рот особого назначения 92-го (Саратов), 95-го (Казань), 106-го (Вятка), 107-го (Пермь), 242-го (Симбирск) пехотных запасных полков, 104-го и 238-го пехотных запасных полков (Оренбург), 5-й и 6-й Уральских, 34-й и 35-й Оренбургских и Астра-

---

[133] Лаврентьев Антон Дмитриевич (4. 8. 1861 –?) – генерал-майор (6. 12. 1905). Окончил Ярославскую военную прогимназию, Рижское пехотное юнкерское училище, Николаевскую Академию Генерального штаба по 1-му разряду. Полковник с 5. 12. 1899. Командир 1-й бригады 13-й пехотной дивизии. Участвовал в русско-японской войне. Награды: Золотое оружие и чин генерал-майора (1905) – Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е Апреля 1914 года. Пг., 1914. С. 437.

ханской особых казачьих сотен, трех маршевых эскадронов 1-го запасного кавалерийского полка. Всего 17 рот, 19 сотен и эскадронов, 14 орудий и 17 пулеметов (первоначальная численность – 5 рот, 7 сотен (в том числе уже 4 в области), 2 пулемета, 6 орудий). Формирование отряда было санкционировано военным министром. По сути, было собрано все, что имелось под рукой. Отряд должен был сосредоточиться на станции Челкар. Лавреньеву 27 октября было сообщено, что он назначается «для быстрого подавления мятежа самыми решительными действиями».[134] 30 октября Лаврентьев прибыл в Оренбург, 6 ноября он уже прибыл в Иргиз.

Никакой специальной подготовки к предстоящему походу войска не прошли. В некоторых частях не хватало офицеров. Так, в Оренбургской казачьей запасной батарее было возможно назначение лишь одного офицера на орудие. В Оренбурге к концу октября 1916 г. вообще не осталось казачьих штаб-офицеров.[135] В этой связи многие отряды возглавили обер-офицеры. Штаб-офицеры, как правило, были из запасных частей. Большие сложности возникли с обеспечением отряда пулеметами, которых не хватало.

При подготовке отряда было приказано взять запасы сухарей, чая, сахара и сала, вазелин для смазки сапог и ног на случай морозов, не менее четырех смен белья, теплое белье, папахи, полушубки, кавалеристам и артиллеристам – самые просторные сапоги самых больших размеров.[136] На вооружении войск Лаврентьева было оружие разных систем: винтовки Мосина, Бердана, Гра. Казакам, стремившимся в действующую армию, было разрешено туда отправиться (распоряжение Главного управления Генерального штаба № 22522 от 10 ноября 1915 г.), так как ранее имели место даже побеги их на фронт.

А. Н. Куропаткин 28 октября по просьбе тургайского губернатора прислал в область (на станцию Челкар) сотню 4-го Оренбургского казачьего полка с 2 пулеметами. Вообще Куропаткин в конце октября активно занимался формированием Казалинского отряда (2 роты, сотня, 4 орудия, 2 пулемета) для действий по дороге Аральское море – Иргиз (т. е. для упреждения ухода киргизов Тургайской области на подконтрольную ему территорию Туркестана).

В то же время в регионе сложилось вредившее делу многоначалие: губернатор М. М. Эверсман, Наказный атаман Оренбургского казачьего войска Генштаба генерал-лейтенант М. С. Тюлин, которому временно были подчинены Тургайский и Иргизский уезды и генерал Лаврентьев.

Уже 2 ноября отряд, не дожидаясь прибытия всех частей, выступил на выручку Тургая. Отсутствие в районе сети железных дорог значительно осложнило подавление. Лаврентьев наступал на выручку Тургая по трем

---

[134] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 197. Л. 52.

[135] Там же. Л. 42.

[136] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 196. Л. 110.

направлениям: Челкар – Иргиз – Тургай; Актюбинск – Карабутак – Иргиз – Тургай; Кустанай – Тургай. В подавлении мятежа принимали участие отряды подполковника В. В. Котомина, есаула Фролова, подполковника Кислова, есаула Лощилина, подъесаула Н. П. Кузнецова. Снабжение отрядов осуществлялось местными властями. Под усиленную охрану была взята стратегически важная линия Ташкентской железной дороги. С лета 1916 г. ее охраняла рота пехоты. Теперь же были организованы специальные поезда с солдатами на них, патрулировавшие дорогу с базированием на станции Эмба и Саксаульская.

6 ноября гарнизон и жители Тургая под руководством начальника гарнизона капитана К. П. Загайного, несмотря на отсутствие помощи со стороны, отбили попытку штурма. Накануне городские киргизы зажгли запасы сена, горевшие всю ночь. Утром дым от сена заволакивал всю местность, на расстоянии 10 шагов нельзя было ничего разобрать. Поджог, по всей видимости, являлся важной частью киргизского плана, нацеленной на маскировку штурма города. Ситуацию усугублял пронизывающий ледяной ветер.

В этой обстановке Загайный поднял тревогу. И, как оказалось, не зря. На рассвете киргизы четырьмя колоннами, оглашая степь диким ревом, пошли на город. Численность атаковавших была определена приблизительно в 12 000 всадников. С 5. 30 утра до 16 часов гарнизон отражал нападение, если бы не баррикады, о которых сарбазы не знали, они бы ворвались в город. Под огнем разбирать завалы киргизам было не так просто. Киргизы сожгли до ста окраинных жилищ и разграбили имевшееся в них имущество. Материальный ущерб города составил около миллиона руб. Часть киргизов погибла при обнаружении баррикад, другие – при наступлении по мосту, настил которого был разобран и при бегстве через реку. Всего, по некоторым данным, погибло не менее 1000 киргизов.

Погибло три дружинника, без вести пропали три женщины и три ребенка. Киргизами были убиты инспектор высшего народного училища Курбатов (начальник дружины из местного населения). Труп был изуродован до неузнаваемости. Убиты мещанин Чумаков и лавочник татарин Гумаров с женой. 27 октября сарбазы подошли к Иргизу с целью окружить и разгромить его, однако это не удалось. 4 ноября к Иргизу подошел авангард войск Лаврентьева.

В тяжелейших климатических условиях с мятежниками боролись 4-й и 13-й Оренбургские казачьи полки, Оренбургская казачья батарея, 1-я и 2-я Оренбургские казачьи запасные сотни, 2-я отдельная Оренбургская казачья сотня, 100-й пехотный запасный полк, 86-я и 97-я Донские особые казачьи сотни, подразделения 13-й пехотной и 3-й артиллерийской запасных бригад.

7 ноября отряд есаула Уржунцева занял станцию Балпан. Войска Уржунцева являлись передовой частью Иргизского отряда есаула С. И. Мякутина, входившего, в свою очередь, в отряд Лаврентьева.

13–16 ноября экспедиционный отряд был усилен. Появились отряды командира 5-й Уральской особой казачьей сотни есаула П. А. Щепихина (5-я и 6-я (ссаул Логинов) Уральские особые казачьи сотни, рота 95-го пехотного запасного полка, 2 орудия Оренбургской казачьей запасной батареи, пулемет) и подполковника барона О. М. фон Розена (6 маршевых эскадронов 1-го запасного кавалерийского полка, рота 101-го пехотного запасного полка, 2 орудия 3-й запасной артиллерийской бригады, 2 пулемета). 30 ноября отряд Розена участвовал в бою с мятежниками. «Мятежники, громадной сплошной массой двигаясь на отряд и окружая его со всех сторон, несмотря на открытый отрядом одновременно артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь, все же продолжали наступать и лишь, когда ряды их сильно опустели, они собрались за барханами, снова двинулись. После вновь открытого сильного огня мятежники, потеряв очень много убитыми (целые барханы были завалены трупами лошадей и людей) отхлынули карьером назад, рассыпавшись в разные направления...».[137]

3 декабря отряды Щепихина и Розена соединились, общее командование взял на себя полковник Остроградский. В бою у аула Кара-Куль на реке Тургай было разгромлено 3000 мятежников.

Погодные условия были ужасающими – холод, сильный ветер, вьюга. При такой погоде замерзала вода в пулеметах, отказывали винтовочные затворы, а люди продолжали выполнять приказ. Отвратительно были организованы питание солдат и казаков и доставка фуража. Ни сушеных, ни свежих овощей не давали, фураж для лошадей все время запаздывал. Тем не менее, к 10 ноября передовые силы Лаврентьева достигли почтовой станции Ак-Чеганак в 64 верстах от Тургая. 13 ноября Тургайский отряд подполковника 197-го пехотного Лесного полка В. В. Котомина (8-я рота 100-го пехотного запасного полка, 2 пулемета 13-й пехотной запасной бригады (прапорщик Иванов), взвод 3-й запасной артиллерийской бригады, 86-я Донская особая казачья сотня, полусотня 2-й отдельной Оренбургская казачья сотня, верблюжий транспорт – 460 верблюдов), шедший с 9 ноября из Иргиза усиленными переходами по 40–55 верст в сутки в авангарде сил Лаврентьева, соединился с отрядом есаула С. И. Мякутина (1-я сотня 4-го Иссетско-Ставропольского полка Оренбургского казачьего войска (ссаул Ершов), полусотня 2-й отдельной Оренбургской казачьей сотни, полусотня 1-й Оренбургской казачьей запасной сотни, 2 пулемета 4-го Иссетско-Ставропольского полка (сотник Бобылев)). Как вспоминал сам Мякутин (кавалер Георгиевского оружия), «много испытал на войне, но, по его словам, ничто с пережитым во время похода на Тургай и обратно в сравнение идти не может».[138] Мороз был столь сильным, что хлеб в отряде Котомина рубили

---

[137] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 195. Л. 28–29об.

[138] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 193. Л. 62.

топорами.[139] Один из пулеметов замерз и перестал работать. Между тем, лишь незначительная часть отряда имела полушубки и валенки, были случаи воспаления легких, плеврита, обморожения, желудочных заболеваний. Чины отряда не имели ни боевого, ни походного опыта. Тем не менее, отряд свою задачу успешно выполнил. Первоначально до Тургая предполагалось дойти за 11 дней, но в связи с серьезностью его положения было приказано ускориться. Отряд дошел за неделю. Из-за сильных морозов передвижение было возможно лишь днем. При остановках на ночлег устраивались вагенбурги из повозок, люди и животные находились внутри.

14 ноября отряд обстрелял из орудий скопище примерно в 12 000 киргизов, выпустив 29 снарядов. Артобстрел, по всей видимости, произвел на сарбазов сильное моральное впечатление (собственно, с этой целью он и был открыт). Стрельба велась до тех пор, пока скопища представляли собой густую массу людей.

Связь главных сил с отрядом Котомина была прервана. Для ее восстановления было решено соорудить два опорных пункта на станциях Балпан и Акчеганак по тракту Иргиз – Тургай. Объединенный отряд (рота пехоты 100-го запасного полка, 4 сотни – (1-я) сотня 4-го Исетско-Ставропольского полка Оренбургского казачьего войска, 1-я Оренбургская казачья запасная сотня, 2-я отдельная Оренбургская казачья сотня (есаул Уваров), 86-я Донская особая казачья сотня, 4 орудия (2 орудия Оренбургской казачьей запасной батареи (прапорщик Ф. Керенцев), 2 орудия 3-й запасной артиллерийской бригады), 4 пулемета) 16 ноября вступил в бой с 12 000 отрядом мятежников. Последние, несмотря на огромную численность, рассеянные артиллерией, отошли к урочищу Батпаккара в 150 километрах от Тургая, и из этого глухого района совершали рейды против правительственных войск. В тот же день отряд Котомина с песнями вошел в Тургай.

Наличие в городе нескольких начальников – начальника отряда и начальника гарнизона, причем в младшем чине по сравнению с первым, повлекло серьезные противоречия, сложность добавляло и то, что район находился на военном положении. Уже 24 ноября отряд Мякутина из Тургая выступил на Иргиз.[140]

Экспедиционным отрядом были заняты ключевые пункты области, установлены сильные гарнизоны. В течение ноября от отряда Лаврентьева высылались колонны в различные пункты и имели неоднократные столкновения с огромными скопищами сарбазов. Столкновения носили характер боев с организованным противником. Несмотря на потери от огня, киргизы упорно наступали, иногда подходя на 100–300 шагов к пехотным цепям, отдельные всадники почти доскакивали до цепей. У киргизов была органи-

[139] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 196. Л. 220б.

[140] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 199. Л. 30б.

зована сторожевая и разведывательная служба – высылались дозоры, разъезды на 25 верст, существовала сигнализация флагами. Киргизское население было терроризировано своими же соплеменниками, так как с каждой кибитки в банды вожаки мятежа брали по аскеру, являвшемуся фактически не только воином, но и заложником. Таким образом удавалось контролировать население.

Сложность для подавления представляла высокая подвижность киргизской конницы, отсутствие у нее привязки к какой-либо базе. Для ускорения ликвидации мятежа Лаврентьев просил прислать 2–3 аэроплана для связи, разведки и разгона скопищ и беспроволочный телеграф. В высылке аэропланов было отказано, так как их работа при низких температурах была невозможна, также отказано было и в высылке грузовых и легковых автомобилей. Быстро обретшая популярность идея ездящей на автомобилях пехоты реализована не была. Распространение получила идея создания небольших, но подвижных (прежде всего, конных) отрядов для ликвидации очагов мятежа.

Чины экспедиционного отряда старались не допускать жестокостей к местному населению. Между тем, депутаты Государственной Думы распространяли ложные данные о массовых репрессиях против мирного населения, истреблении мужчин и женщин, провокационной деятельности полиции. «Многие тысячи туземцев без различия пола и возраста уничтожены карательными экспедициями», – отмечали депутаты в своем запросе.[141] Первой в списке подписавших документ стояла фамилия А. Ф. Керенского. Было и еще несколько фамилий, приобретших печальную известность в 1917 г. Давление либеральной и социалистической «общественности» было таково, что начальник Главного штаба Генштаба генерал от инфантерии Н. П. Михневич был вынужден даже направить в Казань специальный запрос по этому поводу.[142]

В целом, войска действовали в рамках закона. За все реквизируемое у местного населения выплачивались деньги. Следует отметить, что при подавлении мятежа женщины и дети считались неприкосновенными, зимовки и аулы не уничтожались. Единственным исключением стало сожжение аула Кызыл-Куль, в бою под которым киргизами были убиты, изуродованы до неузнаваемости и исколоты пиками восемь казаков, девятый был захвачен и имел восемь ран от уколов пикой. Тела убитых были брошены под лед озера Кызыл-Куль, а в самом ауле нашли руку одного из казаков.

Как и в других местах, киргизы здесь проявляли порой необычайную жестокость. 13-летний Г. Давыдов, служивший работником у киргизского мещанина Колесникова и посланный за сеном вместе с киргизом, был схва-

---

[141] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 196. Л. 211.

[142] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 194. Л. 128.

чен мятежниками, киргиз избит и изранен пиками, а мальчик подброшен и подхвачен на пикс и увезен в степь. В ауле № 3 Кинжегаринской волости убит почтальон Тимошкин, схавший с почтой в Тургай. Убит почтальон Прохоров и сожжен в бане на станции Джингельды, впоследствии его проломленный и обугливщийся череп был обнаружен войсками. Убит писарь Балпанской почтовой станции К. Майер с женой и двумя детьми.

19 ноября из Иргиза выступил отряд есаула Фролова (2 роты 102-го и 140-го запасных полков, 90-я Донская особая казачья сотня, орудие, 2 пулемета, верблюжий транспорт – 360 верблюдов). 22 ноября произошел бой отряда есаула Фролова против 4000 киргизов у станции Улпан Иргизского уезда. Погибло 8 казаков, тела убитых были изуродованы. Всего 21–22 ноября отряд Фролова выпустил при столкновениях 43 снаряда, роты – 4300 патронов, сотня – 4000 патронов, огонь велся с 500 шагов.[143] 23 ноября колонна есаула Грузинова подошла к станции Кызыл-Куль и соединилась с частями есаула Фролова. 26 ноября состоялась встреча отрядов есаулов Грузинова и Мякутина (выступил из Тургая).

Иргизский уезд за исключением Кинжегаринской волости был усмирен и дал 277 рабочих. В целом к началу декабря в Тургайской области было разгромлено несколько тысяч мятежников, остатки их бежали в Сырдарьинскую область.

Значительный интерес представляет описание боевых действий одной из колонн, оставленное очевидцем. Участник событий поручик Станиславский вспоминал, что в начале ноября начались морозы и вьюги, в аулах солдаты отбирали волчьи чулки, которые хорошо грели ноги и киргизские шубы. Движение колонны замедлилось, иногда снежные бураны заставляли отсиживаться в аулах целыми днями, во время таких стоянок киргизы делали налеты. Один раз налет киргизов увенчался успехом. Это произошло в ночь перед Рождеством. Два дня свирепствовал буран, отряд сидел в киргизских землянках и мерз. Киргизские аулы состояли из ряда землянок – ям, покрытых земляной крышей и имевших сверху отверстие – вход в землянку и выход для дыма. Караулов из-за пурги не выставляли, т. к. часовых могло замести снегом. К полуночи пурга стала стихать. Станиславский решил выйти из землянки и осмотреться.

«В одной из землянок я услыхал выстрел, – вспоминал он, – Посмотрел вокруг – в белом мареве вьюги носятся какие-то темные силуэты. Это были киргизы. Я тотчас же поднял тревогу и вскоре весь отряд был на ногах. Открылась стрельба и киргизы бежали. Я насчитал 18 человек зарезанных солдат; впоследствии выяснилось, что около 30 человек были ранены киргизскими ножами. Они выскочили раздетыми из землянок и замерзли, т. к. была сильная вьюга и найти землянки им не удалось. В некоторых

[143] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 193. Л. 55.

землянках я находил по десять трупов. Здесь были и русские, и киргизы. Киргизов было убито человек 20–25».[144]

Было решено начать погоню, аул находился в 10 верстах. Автор знал, что после удачного налета киргизы далеко не уходят и не выставляют дозоров. В 4 часа ночи вьюга стихла и можно было двигаться вперед. Взяв с собой 60 добровольцев, отряд выступил. «Через 2 часа мы были в ауле. Действительно, предположения мои оправдались. Киргизы были в ауле и притом пьяны [с]. Мы бросили бомбы в землянки, где они спали. Человек 20 нам удалось захватить в плен, в том числе и двух немецких инструкторов. Киргизов мы тотчас же расстреляли, а немцев взяли с собой. Киргизы плакали, просили о пощаде и целовали нам ноги, но мои солдаты были безжалостны».[145]

Пленные немцы «хотели выдать себя за киргизов, но это было нелепо. Немецкую физиономию от киргизской очень легко отличить. Когда немцы увидели, что это не удалось им, они сознались в своей национальности, но утверждали, что они просто авантюристы и искатели приключений. Конечно, это была сущая ложь. Их военная выправка служила лучшим доказательством их лжи. Несомненно, они были офицерами германской армии. Под конвоем 10 казаков я отправил их в Актюбинск».[146]

К 17 января отряд подошел к Амударье, где в камышах укрылось до 40 000 киргизов. Однако атака результата не дала. «27-го числа решено было поджечь камыши. Два всадника должны были везти жгуты из камыша – жгуты были очень длинные. Эти жгуты были политы керосином. Каждый всадник имел смоляной факел. Решено было карьером подлететь к камышам, бросить жгуты и поджечь их. В то же время артиллерия должна была открыть огонь по опушке камышей, пулеметы и пехота должны были обстреливать камыши. Огонь должен был отогнать киргизов, которые могли бы загасить наши жгуты. Около 200 всадников со жгутами и факелами (один жгут везли два всадника) карьером понеслись к камышам. Вслед за ними двинулась пехота. Артиллерия открыла огонь по камышам. Наши всадники доскакали до камышей и зажгли их. Несмотря на огонь киргизов, потерь у нас не было. Вскоре вспыхнуло пламя, и камыши были охвачены морем огня. Киргизы пытались тушить его, но были отогнаны нашим огнем.

Киргизы бросились на лед и пытались перейти на ту сторону реки, но наша артиллерия разбивала лед, и киргизы тонули в реке. Небольшая их часть около 4000 человек успела перейти реку, но тут наткнулась на наши пулеметы и была целиком истреблена. Около 7000 человек сдались в плен. Небольшая группа около 3000 человек прорвалась и отправилась на Север, по направлению к Сибири. Очень много восставших погибло от казачьих

---

144 ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 660. Л. 6–6об.

145 Там же. Л. 7.

146 Там же. Л. 7–7об.

пик и шашек, а также от нашей шрапнели. Артиллерия расстреливала толпы киргиз, которые не знали, куда им устремиться. Около 2000 человек сгорели живьем; среди сгоревших было очень много женщин и детей. Многих сдавшихся в плен наши казаки порубили шашками, почти всех выпороли. К 4 ч. ночи камыши догорели. Ветерок, повернувший в нашу сторону, приносил к нам золу и запах жареного мяса. Было холодно и наши солдаты подошли поближе к камышу и грелись у тлеющего пепла».[147]

В декабре началась замена войск, ранее присланных в Тургайскую область. Были отозваны 2-я и 5-я Оренбургские казачьи запасные сотни. Тем не менее, предполагалось, что полное умиротворение края займет не менее 1–2 лет.[148] Командующий войсками Казанского военного округа генерал А. Г. Сандецкий требовал присылки трех третьеочередных казачьих полков с тремя пулеметными командами Кольта и одной конной батареи. 2 декабря распоряжением штаба Верховного Главнокомандующего из состава действующей армии в Оренбург были командированы два третьеочередных казачьих полка и три пулеметных команды. В область (станция Челкар) прибыл 13-й Оренбургский казачий полк. Работа по усмирению приобрела более организованный характер.

21 декабря Высочайшим указом Тургайский, Иргизский и Кустанайский уезды Тургайской области были переведены на военное положение.[149]

Поиски в Кинжегаринской волости в районе Тургай – Карабутак осуществлял отряд подъесаула Н. П. Кузнецова (1-я и 4-я сотни 13-го Оренбургского казачьего полка, 2 орудия 3-й запасной артиллерийской бригады, 4 пулемета Кольта). 20 января 1917 г. отряд вернулся в Иргиз с захваченным в плен ханом А. Канаевым.

13 января 1917 г. в урочище Чушкалыкопа правительственные войска столкнулись с 2000 сарбазов во главе с Имановым. На следующий день бой произошел в урочище Куюккопа.

Конный отряд подполковника Кислова (2 сотни, 2 пулемета) прочесывал местность между поселком Чулоксай и Тургаем. 14 января сарбазы зверски замучили двух казаков головного дозора. Навстречу Кислову из Чулоксая в Тургай шел отряд есаула Лощилина. 21 января произошла встреча двух отрядов у поселка Кось-Копа. 23 января 1917 г. добровольно сдался в плен хан Тусунской волости О. Шолаков.

Для борьбы с войсками киргизы жгли тростник, подвергая наши войска серьезной опасности оказаться заживо сожженными.

В январе 1917 г. полковник В. Н. Тургенев во главе 13-го Оренбургского казачьего полка и приданных технических средств (всего 6 сотен, 4 орудия, 6

---

147 Там же. Л. 11–12об.

148 РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 193. Л. 56.

149 РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 429.

пулеметов) двигался на северо-восток от Тургая к озеру Кул-Куль. Несмотря на глубокий снег, отряд шел по рекам Тургай и Джиланчик и 18–19 февраля 1917 г. дал бой мятежникам Иманова. 18 февраля бой произошел также у аула № 6 Каракугинской волости. 21 февраля – в урочище Кумкешу Каратурской волости. В одном из боев был убит казак 3-й сотни 13-го Оренбургского казачьего полка. После этого станичники не сдержались и пошли на сарбазов в рукопашную. Киргизы не выдержали и обратились в бегство, преследуемые четырьмя сотнями казаков. В ходе преследования казаки изрубили до 400 киргизов.[150] Наконец, 22–24 февраля произошел последний бой в районе Дугал-Урпек. Уже 27 февраля правительственные войска ушли в Тургай.

Тем не менее, в Тургайском уезде было неспокойно. Остатки мятежников продолжали сопротивление. С крупной суммой денег для закупки оружия ими были направлены эмиссары в Бухару.[151]

Всего Тургайская область вместо предполагавшихся 36 000 рабочих дала к 20 декабря 1916 г. 10 175 человек, 5872 человека получили отсрочки. Развернутая статистика была следующей:[152]

Уезд	Число подлежащих призыву лиц 19–31 года	Принято по 20. 12. 1916	Получило отсрочки
Актюбинский	12 985	4761	2525
Кустанайский	17 240	5325	2917
Иргизский	12 510	74	302
Тургайский	6754	15	128
ВСЕГО:	49 489 В августе 1916 г. предполагаемый призыв сокращен до 36 000 человек	10 175	5872

Даже к маю 1917 г. войска не покинули Тургайскую область. Первоначально генерал Лаврентьев для поддержания порядка в Тургайской области предполагал оставить 13-й Оренбургский казачий полк, но по выяснении обстановки пришел к следующему решению: оставить 86-ю Донскую особую казачью сотню в поселке Семиозерном, 97-ю Донскую особую казачью сотню с 2 пулеметами в Чулаксас (начальник отряда подполковник Кислов); 5-ю и 6-ю сотни 13-го Оренбургского казачьего полка с 4 пулеметами в Тургас (началь-

[150] Амангельды Иманов. Статьи, документы, материалы. Под ред. С. Б. Бейсембаева. Алма-Ата, 1973. С. 66.

[151] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 462.

[152] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 194. Л. 140об.

ник отряда – войсковой старшина 13-го полка А. И. Сидоренко), прочие части экспедиционного отряда удалить из области в кратчайший срок.[153]

Все части были выведены кроме сотен 13-го полка, которые 5 мая должны были выступить со штабом полка со станции Челкар. Сотни предполагалось временно расквартировать в Оренбурге, где и формировался полк. Тургайскому и Чулаксайскому отрядам было приказано оставаться на местах. В июне 1917 г. отряд Лаврентьева был, наконец, расформирован.

* * *

К февралю 1917 г. на тыловые работы было отправлено примерно 123 000 человек.

К 20 декабря 1916 г. за участие в мятеже на территории Туркестана был приговорен к смертной казни 201 человек. Всего к 1 февраля 1917 г. к смертной казни за участие в мятеже в Туркестане было приговорено 347 человек. Впрочем наказание было смягчено и казнен 51 человек. 22 февраля 1917 г. Куропаткин писал Николаю II: «Считая, что главными виновниками являются главари и туземцы, непосредственное участие которых в убийстве русских людей доказано, я признал возможным смягчить наказания для темной массы виновных».[154] Из 340 смертных приговоров он отменил 320.[155] Пришедшее к власти Временное правительство даже ужесточило курс в отношении коренного населения региона. По имеющимся сведениям, после февраля 1917 г. был казнен 201 мятежник.

От рук повстанцев больше всего пострадали простые люди, в особенности те, от кого туземцы видели только добро – врачи, учителя. В выступлении на стороне повстанцев за исключением небольшого числа перебежчиков, которое можно пересчитать по пальцам, русские участия не принимали, что подтверждает тезис об антирусском и националистическом характере мятежа. Пржевальский уезд, где киргизами была устроена настоящая резня русских, предполагалось очистить от кочевников.

Для спасения мирного гражданского населения, на долю которого выпали неописуемые зверства, необходимы были быстрые и решительные карательные меры по отношению к мятежникам. Местное население ценило и боялось только силы. Такая сила была применена, закономерно вызвав истерику в либеральном и социалистическом лагере. При этом войска старались не допускать жестокостей, по-настоящему жестокими были лишь ответные действия озлобившегося местного русского населения (в Семире-

---

153 РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 196. Л. 331.

154 Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. М., 1960. С. 98.

155 Из дневника А. Н. Куропаткина//Красный архив. Исторический журнал (М. – Л.). 1927. № 1 (20). С. 64.

чье), которое занялось прямым уничтожением киргизов. Впрочем, русских жителей Семиречья можно понять.

Депутат Саратовской губернии А. Ф. Керенский, посетивший летом 1916 г. Туркестан и другие депутаты 4-й Государственной Думы с думской трибуны в конце 1916 г. трубили о суровости карательных мер. Керенский заявлял, в частности, что «при обнародовании и проведении в жизнь одного только высочайшего повеления от 25 июля были нарушены все, какие только можно было нарушить основные и не основные законы Российской империи».[156] Примерно такой же по своей направленности была речь представителя мусульманской фракции депутата М. Ю. Джафарова. Оба они умолчали о беспрецедентных зверствах в отношении русского населения.

Между тем, именно думцы (в частности, представитель либеральной оппозиции А. И. Шингарев) во время «штурма власти» летом 1915 г. выступали за распространение призыва на мусульманское население. Вспоминается знаменитая фраза П. Н. Милюкова, брошенная им с думской трибуны 1 ноября 1916 г., правда, в адрес верховной власти – «глупость это или измена»? Очевидно, подобный вопрос мог быть адресован и самим либералам. Скорее всего, это была именно глупость, обусловленная стремлением либералов во что бы то ни стало прийти к власти и страхом перед тем, что империя победит в войне без них, а императорская власть в результате этого лишь окрепнет.

В ответ на это, не для печати, самаркандский военный губернатор генерал-майор Лыкошин в декабре 1916 г. сообщал по инстанции, что «мнение это ошибочно, так как сколь суровы ни были карательные меры, принятые для подавления мятежа, они ни коим образом не могли идти в сравнение с теми жестокостями, какие позволяли себе озверевшие мятежники над многочисленными погибшими от их рук русскими людьми, беззащитными женщинами и детьми. Только суровые и беспощадные меры, принятые весьма быстро и могли подействовать на воображение туземцев, совершенно потерявших голову и вообразивших себя уже хозяевами положения».[157] Такая точка зрения представляется совершенно оправданной.

А. Н. Куропаткин телеграфировал в октябре 1916 г. министру внутренних дел: «Долгим опытом службы в Туркестане пришел к заключению, что главнейшими началами в деятельности правительственной власти по отношению к туземцам должны служить: полная определенность и устойчивость требований, твердость власти, соединенная с[о] справедливостью и отеческою заботливостью. Надо добиваться, чтобы нас боялись и уважали. Полюбят после».[158]

---

[156] Цит. по: Восстание 1916 года в Средней Азии. Сб. док. Ташкент, 1932. С. 107.

[157] Восстание 1916 года в Средней Азии. Сб. док. Ташкент, 1932. С. 30.

[158] Восстание 1916 г. в Средней Азии//Красный архив. Исторический журнал (М.–Л.). 1929. № 3 (34). С. 57.

Русская армия сравнительно легко подавила мятеж. Даже силами отдельных разъездов первыми выстрелами удавалось рассеивать огромные скопища аскеров. Тем не менее, местных сил оказалось недостаточно, и командованию для его подавления пришлось снять целый ряд частей с фронта, что, разумеется, было на руку противникам России.

Эффективность подавления мятежа была обусловлена многими факторами. Прежде всего, отряды мятежников не могли противостоять регулярным войскам, пусть и состоящим, в значительной степени, из запасных солдат. Подавление мятежа носило организованный и достаточно хорошо скоординированный характер. Ликвидации беспорядков способствовало наличие в охваченных ими районах подконтрольной властям железной дороги, позволявшей быстро перебрасывать войска и снабжать их всем необходимым. Большое впечатление на мятежников производило применение артиллерии и пулеметов. Кстати, при подавлении мятежа успешно использовались грузовые автомобили, с установленными на них пулеметами. К слову сказать, подобная техника и в наши дни успешно применяется в борьбе с повстанческим движением.[159]

Значительный вклад в подавление мятежа внесли казачьи войска. Например, одно только Оренбургское казачье войско выставило 4-й, 5-й, 6-й, 7-й и 13-й казачьи полки, 2-ю отдельную, 34-ю и 35-ю особые казачьи сотни (последние две сформированы в октябре-ноябре 1916 г.[160]), 1-ю, 2-ю и 5-ю запасные казачьи сотни, 3-ю Оренбургскую казачью и Оренбургскую казачью запасную батареи. Итого 5 полков, 6 сотен и 2 батареи, что составляло немалую часть от общего количества частей, выставленных оренбуржцами в годы Первой мировой войны.

Руководство мятежом со стороны германо-турецких агентов документально не подтверждается, однако, несомненно, немцы и турки сыграли свою роль в деле организации этого выступления. Есть множество свидетельств на этот счет из разных частей Туркестана. Эти свидетельства нельзя приписывать одной лишь шпиономании, хотя и она, скорее всего, имела место. По всей видимости, агенты враждебных России держав действовали с территории Китая, Афганистана и Персии. Кроме того, австро-германских агентов (скорее всего, из числа военнопленных) задерживали в 1916 г. и в самом Туркестане.[161]

Наконец, во главе мятежа стояла туземная феодальная знать (ханы, беки, манапы) или духовенство. После 1917 г. многие вожаки повстанцев стали видными большевистскими деятелями, впрочем, отдельные руководители мяте-

---

[159] См., напр.: Алов А. Н., Белогруд В. В., Зайцев А. Н. «Батяня», «Бизон», «Маруся» и другие // ВоенКом: Военный Комментатор (Екатеринбург). 2005. № 1 (6). С. 116–131.

[160] РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 81. Л. 113.

[161] Турсунов Х. Т. Указ. соч. С. 81.

жа приняли участие в Гражданской войне и на стороне белых. Можно лишь добавить, что кровь 1916 года к Гражданской войне 1918–1920 гг. на территории Степного края и Туркестана не забылась. События мятежа 1916 г. в некоторой степени предопределили дальнейший расклад сил в регионе. В частности, на мой взгляд, именно они подготовили почву для возникновения и широкого распространения такого явления как басмачество.

Наивно полагать, что события 1916 г. являлись национально-освободительным восстанием. В действительности, руководители мятежников не имели никакой программы, не ставили перед собой задачу создания своей государственности. Главными лозунгами были борьба против мобилизации и против русских (неверных) вообще. Конечно, национальная интеллигенция вынашивала идеи автономизма или даже сепаратизма, в какой-то степени реализованные в период Гражданской войны, однако она была мизерной по своей численности и практически не имела никакого отношения к руководству мятежом.

Национально-освободительное движение для одних – это почти всегда геноцид или ущемление прав для других. Только осознание себя частью большого единого целого для народов Туркестана и Степного края являлось государственнической позицией и соответствовало интересам России. Как видно, в 1916 г. такое мироощущение отсутствовало. Немалая вина за это лежала не только на коренном населении, но и на русской администрации и переселенцах. В советский период для привития подобного «правильного» взгляда было сделано немало, однако последующие события также продемонстрировали, что такая самоидентификация являлась лишь внешней.

Принципиально важный для сохранения многонациональных государств национальный вопрос всегда являлся одним из сложнейших, вызывавших во все времена наиболее острые противоречия, часто приводивших к кровопролитию. Разрешение межнациональных конфликтов является взаимным, а не односторонним процессом. Немалую роль в нем играет не только поощряющая или карающая рука центра, но и заинтересованность самих народов в укреплении общего государства и взаимодействии с центром. Уроки 1916 г. не должны быть забыты сегодня, тем более что, как ни печально, все произошедшее тогда более чем актуально и в наши дни.

Приложение 1

Секретно.
Командующему Войсками
Казанского военного округа.

НАКАЗНЫЙ АТАМАН
ОРЕНБУРГСКОГО
казачьего войска
29 Октября 1916 г. РАПОРТ.

№ 1404
Г. Оренбург.
На телеграмму
№ 27298

О столкновении казаков
первой запасной сотни
у аула Кожекуль.

Доношу, что при столкновении казаков 1-й запасной сотни вверенного мне войска, имевшем место 19-го сего октября у аула Кожскуль, принимала участие не вся сотня, а лишь часть ее в 50 человек, как то усматривается из рапорта командира вышеназванной сотни, есаула Уржунцева, который доносит о столкновении следующее.

18-го октября, в 22 часа, полусотня, в составе 3-х урядников, 1 медицинского фельдшера и 47 казаков, под командой прапорщика Репина, в сопровождении и. д. Иргизского уездного начальника,– выступила, по приказанию Тургайского Вице-губернатора, на Кожскуль (в 70 вер [стах] от Иргиза), где по слухам собрались 600 киргиз, угрожавших разграблением своим же богатым киргизам. Казаков сопровождали старшины (аульные).

19-го октября, в 8 час. 40 мин., казаки прибыли на Бастай, где должны были ночевать киргизы, но их уже не оказалось: они снялись и направились на Кожскуль. Казаки двинулись за ними и, подходя к Кожскулю, увидели их дозорных с пиками; за дозорными шла партия численностью более 2½ тысяч человек, из числа которых выделились около шестисот человек, хорошо вооруженных пиками, шашками, ружьями (пульными), секирами и кистенями, и повели наступление на подходивших казаков.[162]

Прапорщик Репин, считая невозможным с такой партией вступить в (здесь и далее подчеркнуто красными чернилами – *А. Г.*) конный бой[163],

---

[162] Здесь и далее резолюции Сандецкого на полях: «[прзб] подписать полагаю замечанием и приказать обратить серьезное внимание на стрелковое дело,– ежедневно стрелять уменьшенным зарядом».

[163] «Напрасно – бьет не тот кто сильней, а кто храбрей. Два-три хороших залпа не только рассеяли бы этот сброд, но и нанесли бы серьезные потери».

отвел казаков к находившейся вблизи командовавшей высоте, спешил их, сбатовав коней, и занял гребень этой высоты. Киргизы продолжали наступление. По ним казаками был дан залп, после чего киргизы, разделившись на две части, с неистовым гиком стали обходить казаков со всех сторон; несмотря на ружейный[164] огонь, киргизы шли в атаку смело, приближались почти в упор, не взирая на своих убитых и раненых[165] и стреляя из ружей на ходу.

Бой продолжался с 8 час. 40 мин. до 11 час[166], когда киргизы, потеряв много убитыми и ранеными и, видя упорство казаков, отошли.

Во время боя казаку Николаю Войтину пуля попала в лядунку, измяв четыре патрона, которые взорвались, не причинив ему вреда, а обжегши только шинель. Войтин, будучи в дозоре, отходил под натиском толпы к своей цепи, когда на него напал киргиз, успевший нанести ему ранение в голову секирой, но Войтин, сохранив самообладание, уложил киргиза на месте.[167]

Казак Тихов, убивши под нападавшим на него киргизом лошадь и увидев, что последний намеревается стрелять из-за убитой лошади, быстро подскочил к нему и сильным ударом шашки отрубил фанатику голову напрочь.

Киргизы оставили перед сотней 10 трупов,[168] но общие их потери одними убитыми, вероятно,[169] доходят до 50, о чем свидетельствуют и. д. Иргизского уездного начальника, наблюдавший за боем в бинокль и видевший, как много киргиз падало с коней в барханах и много увозилось отступавшими. Последними сведениями подтвердились потери киргиз еще в 13 убитых лошадей.

Потери в полусотне, кроме раненого казака Войтина (по свидетельству врача – 3 раны на затылочной части головы), – две сбежавших от гиканья киргиз лошади.

После столкновения казаки, 20-го октября в 6 час., возвратились в гор. Иргиз.

Донося о вышеизложенном, докладываю, что из письма Тургайского Вице-Губернатора от 27 сего октября за № 15575 на имя моего помощника, усматривается, что он одобрительно отзывается о действиях 50 казаков 1-й запасной сотни вверенного мне войска, под командой прапорщика Репина, в столкновении у аула Кожскуль. Что же касается столкновения сотни, в составе 140 человек, то, полагаю, случай этот мог иметь место с Донцами, участвовавшими в столкновении с киргизами в районе г. Тургая.

---

164 «Плохой был огонь».

165 «Их то и было мало, потому и пересдали».

166 «Выяснилось всего 10 убитых за 3 часа боя, что указывает на крайне плохую стрелковую подготовку».

167 «Не должен был подпускать, а убить».

168 «Выше сказано много убитых, а теперь только 10!!».

169 «Это одно предположение».

Требования Вашего Высокопревосходительства об энергичных и решительных действиях от запасных сотен приняты к неукоснительному и точному исполнению.

Генерал-Лейтенант Тюлин

И. д. Начальника Штаба, Войсковой Старшина [Н. М.] Альметев

РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 194. Л. 97–98. Подлинник. Машинопись.

Наказному Атаману Оренбургского казачьего войска.
Командующ [ий]
войсками
№ 65899
10 Ноября 1916 г.
На № 1404

Из содержания рапорта Вашего от 29-го октября сего года за № 1404 о столкновении казаков 1-й запасной сотни с киргизами у аула Кожекуль 18 октября сего года усматриваю, что прапорщик Репин, считая невозможным вступить в конный бой с партией в 2 1/2 тысячи человек наступавших киргиз, поступил неправильно,– бьет не тот, кто сильнее, а тот, кто храбрее.

Два-три хороших залпа не только рассеяли бы этот сброд, но и нанесли бы серьезные потери.

Ружейный огонь, открытый казаками, нахожу слабым. Если бы казаки открыли более меткий и сильный огонь по наступающим киргизам, оставив значительное число убитых, то последние не пошли бы так смело в атаку.

Казак Войтин, которому налавший на него киргиз нанес ранение, не должен был его подпускать к себе близко, а убить на расстоянии.

Из рапорта Вашего видно, что в продолжение 3-х часового боя казаков с киргизами, последние потеряли много убитыми и ранеными, между тем выяснилось, что убитых всего лишь 10 человек, общие же потери киргиз, доходящие до 50 человек, о чем свидетельствует наблюдавший во время боя в бинокль Иргизский уездный начальник, остается (так в документе – *А. Г.*) одним лишь предположением.

Такое ограниченное число убитых киргиз за 3 час. боя указывает на крайне плохую стрелковую подготовку казаков вверенного Вам войска, а потому приказываю Вам обратить серьезное внимание на стрелковое дело, заставляя казаков ежедневно производить стрельбу уменьшенным зарядом.

Под. Генерал от инфантерии Сандецкий

Скрепил: И. д. Начальника Штаба, генерал-лейтенант Добрышин.

Верно: ш [табс-]капитан [подпись отсутствует – *А. Г.*]

РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 194. Л. 99–100. Отпуск. Машинопись.

Приложение 2

Ведомость частей, командированных в Тургайскую область. Октябрь 1916

Часть	Пункт откомандирования	В чьем распоряжении	Дата отправления
1-я запасная Оренбургская казачья сотня	Оренбург	В распоряжении Тургайского губернатора	27. 10
2-я запасная Оренбургская казачья сотня	Оренбург		
5-я запасная Оренбургская казачья сотня	Троицк		
97-я особая Донская казачья сотня	Челябинск		
Пулемет	Оренбург, школа прапорщиков		
Особая рота 105-го запасного полка	Оренбург	В распоряжении начальника жандармского управления Ташкентской железной дороги	
Рота особого назначения 100 запасного полка	Сызрань		
Рота 102 полка	Самара		
Рота 101 полка	Вольск (?)		не ранее 28. 10
86-я особая Донская казачья сотня	Уфа		27. 10
90-я особая Донская казачья сотня	Екатеринбург		28. 10
2-я отдельная Оренбургская казачья сотня	Самара		
2 орудия Оренбургской казачьей батареи	Оренбург		на месте

Часть	Пункт откомандирования	В чьем распоряжении	Дата отправления
4 орудия 3-й артиллерийской бригады	Самара		27. 10
Рота 109 полка	Челябинск		28. 10, но и распоряжение дано 28. 10
2 пулемета	Казань		

Составлено по: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 197. Л. 91.

Приложение 3

Боевое расписание правительственных войск, действовавших против мятежников в Тургайской области. Декабрь 1916.

- *Кустанайский отряд* (подполковник Кислов):
  5-я Оренбургская казачья запасная сотня;
  Рота 109-го запасного пехотного полка;
  2 орудия 3-й запасной артиллерийской бригады.
  Всего: сотня, рота, 2 орудия. Поиск в окрестностях Чулаксая.
  97-я Донская особая казачья сотня в виду слабости Кустанайского отряда переведена в него на усиление.
- *Актюбинский отряд* (подполковник Клопов):
  2-я Оренбургская казачья запасная сотня;
  Рота 127-го запасного пехотного полка;
  Рота 92-го запасного пехотного полка;
  2 орудия 3-й запасной артиллерийской бригады.
  Всего: сотня, 2 роты, 2 орудия. На подходе к форту Карабутак.
  34-я Оренбургская особая казачья сотня временно в Актюбинске.
  35-я Оренбургская особая казачья сотня на пути к урочищу Куютсай.
- *Тургайский отряд* (подполковник В. В. Котомин):
  Рота 100-го запасного пехотного полка;
  86-я Донская особая казачья сотня;
  2 орудия 3-й запасной артиллерийской бригады;
  2 пулемета Максима.
  Всего: рота, сотня, 2 орудия и 2 пулемета. Гарнизоном в городе Тургай.
- *Отряд есаула Грузинова* (ссаул Грузинов, 23. 11. 1916 соединился с отрядом ссаула Фролова):
  4 роты 102-го, 140-го, 108-го и 245-го запасных пехотных полков;

90-я и 96-я Донские особые казачьи сотни;
2 орудия 3-й запасной артиллерийской бригады;
4 пулемета Гочкиса.
Всего: 4 роты, 2 сотни, 2 орудия, 4 пулемета.

Составлено по: РГВИА. Ф. 1720. Оп. 2. Д. 194. Л. 109–109об.

Приложение 4

Мартиролог русских офицеров, погибших при подавлении мятежа 1916–1917 гг. в Туркестане и Степном крае

- *Величко* (? – 12. 8. 1916) – сотник. Убит в Семиречье, в долине реки Большой Кебсни.
- *Григорьев* (? – 8. 1916) – прапорщик. Убит при обороне Пржевальска.
- *Зотоглов Павел Дмитриевич* (? – 13. 7. 1916) – штабс-капитан. Джизакский уездный пристав. Зверски убит в Джизаке.
- *Канчев* (? – 8. 1916) – подполковник. Помощник Пржевальского уездного начальника. Погиб по пути в Пржевальск.
- *Киселев* (? – 12. 8. 1916) – прапорщик. Убит в Семиречье, в долине реки Большой Кебсни.
- *Пожарский* (? – 30. 9–1. 10. 1916) – ротмистр пограничной стражи. Убит в ночном бою у реки Гюрген Закаспийской области пулей в сердце наповал.
- *Рукин Борис Николаевич* (? – 13. 7. 1916) – полковник. Джизакский уездный начальник. Зверски убит в Джизаке.

ИКУКО МАЦУМОТО

ОТА КАКУМИН (1866-1944), НАСТОЯТЕЛЬ БУДДИЙСКОГО ХРАМА ВО ВЛАДИВОСТОКЕ: ВЗГЛЯД НА РОССИЮ, СССР И ЯПОНИЮ

Введение

Буддийский монах Ота Какумин (1866-1944) в течение почти 30 лет, с 1903 по 1931 г., вел миссионерскую деятельность во Владивостоке, в храме Урадзио Хонгандзи.

Миссия Урадзио Хонгандзи, действовавшая во Владивостоке в 1886–1939 гг., принадлежала японской буддийской секте Хомпа Хонгандзи (Ниси Хонгандзи)[1] Дзёдо синсю. Секта Ниси Хонгандзи, основанная на идеях, впервые провозглашенных буддийским монахом 13 века Синраном (1173-1262)[2], начиная с 19 века, стала одной из самых крупных японских буддийских сект. В последние годы правления сёгуната завершился период «изоляции страны»[3], и началось «открытие» Японии, вследствие чего многие

---

[1] Дзёдо Синсю («Истинная школа Чистой земли»), добившись исключительного влияния, в «эпоху воюющих провинций» смогла вступить в жесткую борьбу с господствующими властями, но в период Эдо сёгуны Токугава Иэясу (1542-1616) и Токугава Хидэтака (1579-1632) провели передел сфер влияния, в результате чего буддийское течение Хонгандзи («Храм Изначального Обета») было поделено на восточное и западное направления. Секту Хигаси (восточную) Хонгандзи также называют сектой Отани (Отани ха), Ниси (западную) Хонгандзи — основным направлением (Хомпа) школы Хонгандзи.

[2] Учителем Синрана был Хонэн (1133-1212), который проповедовал сведение всей религиозной практики к прочтению молитвы «Нама Амида Буцу» (многократного возглашения имени Будды), его учение получило развитие в школах Дзёдо синсю и Дзёдо сю. Синран усовершенствовал учение Хонэна, назвав учение «сэндзю нэмбуцу» (тотальная молитва).

[3] В Японии периода Эдо с целью укрепления власти эдоского сёгуната проводи-

японцы в поисках работы и лучшей жизни устремились за пределы страны. Для японских переселенцев буддийские секты начали открывать миссии. Наиболее активную деятельность по созданию зарубежных миссий вела секта Ниси Хонгандзи[4]. Среди её зарубежных миссий самыми известными стали гавайская (с 1889) и на Тайване (с 1896), самой ранней же была миссия Урадзио Хонгандзи во Владивостоке. Начиная с 1886 г., когда по просьбе японских переселенцев сектой Ниси Хонгандзи впервые во Владивосток для ведения миссионерской деятельности был направлен Тамон Сокумэй (1820-1890), и, заканчивая 1939 г., когда Тоидзуми Кэнри, последний настоятель храма вернулся в Японию, а миссия прекратила свою деятельность, буддийская община Урадзио Хонгандзи являлась духовным пристанищем японских переселенцев[5]. Японцы, переехавшие во Владивосток, именовали город, название которого буквально означает «владеть Востоком», более привычным для них словом «Урадзио»[6], а миссия стала называться «Урадзио Хонгандзи»[7], т. е. миссия Хонгандзи, расположенная в «Урадзио». Среди настоятелей Урадзио Хонгандзи наиболее заметное место принадлежит Ота Какумину.

Ота Какумин провел во Владивостоке, наиболее близком к Японии русском городе, долгие 30 лет, и, несомненно, является значимой фигу-

---

лась внешняя политика запрещения любых сношений с другими государствами, исключение составляли лишь торговые отношения с Голландией, Китаем, Кореей, Рюкю. Однако неверным было бы считать, что в период закрытия страны отсутствовали какие-либо отношения с Россией. Известно, что в Японии и в период изоляции обращали должное внимание на соседнюю Россию, обстоятельно изучали информацию о России, содержавшуюся в рассказах голландцев, с пристрастием был допрошен Дайкокуя Кодаю (1751-1828), который смог вернуться в Японию после того, как морская стихия выбросила его на русский берег.

[4] В учении Синрана есть слова *дзисин кённиси*, означающие, что не только «сам должен верить словам молитвы, но и одновременно должен помогать поверить в нее другим». Школа Дзёдо Синсю вела миссионерскую просветительскую деятельность, взяв за основу это изречение, что способствовало распространению Дзёдо Синсю по всей Японии, в этом же причина того, что школа смогла распространиться и за рубежом.

[5] Секта Ниси Хонгандзи школы Дзёдо Синсю. Список заграничных миссий (поименный список проповедников, служащих заграницей), 1974.

[6] В последние годы ведется работа по обнаружению новых исторических документов, связанных с жизнью японских переселенцев на Дальнем Востоке России, проводятся исследования. Примером может служить книга «Далекое Урадзио», автором которой является Хориэ Мати, потомок японских переселенцев, живших во Владивостоке (Изд. Симпусёбо, 2002).

[7] В 2000 г. на месте, где когда-то располагался храм Урадзио Хонгандзи (на территории Дальневосточного университета) был поставлен памятный камень Урадзио Хонгандзи (Общество содействия установке памятного камня Урадзио Хонгандзи // Памятное издание Урадзио Хонгандзи, 2001).

рой в истории российско-японских отношений, а его жизнь и деятельность стали предметом дискуссий как в среде российских, так и японских ученых. Существует ряд предварительных исследований: с российской стороны этой темой занималась Зоя Моргун из Дальневосточного университета, с японской – Като Кюдзо и Цукиноки Мидзуо[8], однако из-за недостатка исторических документов глубоких исследований практически не проводилось.

Помимо этого, имеют место исследования, в которых Какумин представлен шпионом, например, работа Дж. Стефена «Русский Дальний Восток»[9]. Stephan пишет следующее: «Настоятель Ота Какумин тайком сочетал филантропию со шпионажем»[10]. В качестве доказательства Stephan ссылается на работы «Повесть о России»[11] Ота Какумина, «Сибирские записки» Като Кюдзо и «Для кого»[12] Исимицу Макиё, но в результате подробного изучения этих материалов мы не смогли обнаружить никаких оснований для подобного рода утверждений. Другими словами, не существует ни одного реально доказанного факта, что Какумин был шпионом. Само слово «шпион», с одной стороны предельно понятно, с другой – отражает сложные отношения между странами и уровень ценностей соответствующей эпохи. Таким образом, использование слова «шпион» без детального анализа этого понятия с научной точки зрения неприемлемо. Хотелось бы отметить, что если слово «шпион» все же используется, необходимо формулировать его точное научное определение.

Автор данной статьи смогла получить доступ ко многим историческим документам, и в ходе подробного изучения жизни и взглядов Ота Какумина найти ответы на большинство не разрешенных прежде вопросов. Например, во время Русско-японской войны Какумин смог эвакуировать в Японию 800 японских переселенцев, которые оказались забытыми в далеких сибирских городах, в основном это были люди из низших слоев общества, главным образом, проститутки. Помощь людям, оказавшимся на социальном дне,

---

[8] Моргун З. Ф. Японская диаспора во Владивостоке // Известия Восточного института при ДВГУ. 1996; Като Кюдзо. Сибэриа ки (Сибирские записки), изд. Усио, 1980; Цукиноки Мидзуо. Адзио ни окэру тихонею кёкёдан но кацудо то соно имидзоку кёику ни кансуру обоэгаки – мансю ни окэру буккё кёдан но кацудо (Заметки по деятельности в Азии японских религиозных общин и их просветительской деятельности в отношении других наций – деятельность буддийских общин в Манчжурии) // Бюллетень Научно-исследовательского института буддийской культуры Университета Дохо, № 22, 2002.

[9] John J. Stephan. The Russia Far East. Standford University Press, 1994. Джон Дж. Стефен – профессор истории Гавайского университета.

[10] Там же. С. 78.

[11] Ота Какумин. Росиа моногатари (Повесть о России), изд. Хэйго, 1925.

[12] Исимицу Макиё. Дарэ но тамэ (Для кого), изд. Тюкобунко, 1979.

была одним из религиозных убеждений Какумина. В качестве военного священника ему пришлось бывать на полях сражений Русско-японской войны, где произошла его встреча с генерал-лейтенантом Ноги Марэсукэ (1849-1912), их духовное сближение основывалось на том, что оба считали необходимым молиться за души погибших воинов обеих воюющих сторон, как японской, так и русской. Говоря о религиозных взглядах Какумина, нельзя обойти вниманием взаимоотношения Какумина и Ноги. Они подробно описаны в статье «Русско-японская война и буддийское мировоззрение – в контексте встречи военачальника Ноги Марэсукэ и Ота Какумина»[13].

В 1917 г., во время революции в России, Какумин жил во Владивостоке и мог наблюдать происходящие события, мало кто из японцев имел тогда такую возможность. Какумин находился в России и в эпоху Российской империи, к падению которой привела революция, и в эпоху Советского Союза, и имел собственное мнение о них, основанное на личном опыте и наблюдениях. Кроме того, Какумин в 1931 г., завершив службу на посту настоятеля храма Урадзио Хонгандзи, перед отъездом в Японию посетил Москву, где состоялась его встреча со Сталиным.

Учитывая все сказанное, Ота Какумину выпала чрезвычайно редкая для японца возможность – изнутри оценить ситуацию в Российской Империи и Советском Союзе. И не только. Этот ценный опыт оказал сильное влияние и на его восприятие Японии. В данной статье говорится о взглядах Ота Какумина на Россию, Советский Союз, а также на Японию, надеюсь, это поможет открыть одну из важных страниц в истории российско-японских отношений.

Для того чтобы лучше понять жизнь и взгляды Ота Какумина, следует выделить четыре этапа его жизненного пути. Первый этап охватывает период в тридцать семь лет с момента рождения Какумина в 1866 г. в буддийском храме Хосэндзи города Ёккаити префектуры Миэ и до его отъезда во Владивосток в 1903 г. Второй этап – это четырнадцатилетний период с момента приезда Какумина во Владивосток до 1917 г., когда в России произошла революция. Третий этап охватывает девятнадцатилетний период с 1917 по 1936 гг., это годы жизни Какумина в послереволюционной России, его возвращение на родину и отъезд в Монголию. Четвертый этап – это период в восемь лет с момента прибытия Какумина в Монголию в 1936 г. и до его кончины там же в 1944 г., в возрасте 79 лет. В этой статье мы рассматриваем жизнь и взгляды Какумина в соответствии с четырьмя этими этапами.

---

[13] Мацумото Икуко. Нитиросэнсо то буккёсисо – ноги сёгун то ота какумин но кайко о мэгуттэ (Русско-японская война и буддийское мировоззрение – в контексте встречи военачальника Ноги Марэсукэ и Ота Какумина) // Нитиросэнсо (Русско-японская война). Под ред. Общества изучения военной истории, изд. Киндэйся, 2005.

1866–1903: От рождения до отъезда во Владивосток

Какумин родился в буддийском храме Хосэндзи[14] (секты Хомпа Хонгандзи Дзёдо Синсю) города Ёккаити префектуры Миэ 16 сентября 1866 г.[15]

Какое образование получил Ота Какумин в детские и юношеские годы? Его приемный отец Какукэй (?-1901) обучал его основам буддизма, у Огата Кэнрэя (1819-1906), местного китаеведа из города Ёккаити, он изучал китаеведение[16]. Потом Какумин поступил в школу Какумо[17] г. Киото, где преподавали буддизм и общеобразовательные предметы[18]. Затем учился[19] на отделении русского языка Токийской школы иностранных языков[20].

Буддийским священником Какумин стал в возрасте 28 лет[21]. Стать священником означало пострижение в монахи. Тогда же он принял имя «Какумин»[22],— имя, призывающее к осознанию *(каку)*, что смерть (*мин*) всегда находится где-то рядом, имя, предназначенное для предостережения человека, заставляющее действовать осознанно[23]. Как же сформировалось

---

[14] Тэйпэн, отец Какумина, умер молодым. После его смерти его старший сын Тэйсэй стал 14-м наследным настоятелем храма. Однако в 1871 г. Тэйсэй скончался, Какумину было только 6 лет, и он не мог стать настоятелем храма. Поэтому дальний родственник из Нагасаки Какукэй был приписан к храму Хосэндзи и получил право стать наследным 15-м настоятелем храма.

[15] Рождение Какумина (1866) пришлось на последние годы эпохи Эдо, а двумя годами позже, в 1868 г., произошла реставрация Мэйдзи. Для Японии это был период больших перемен.

[16] Ота какумин-си цуйсороку (Записи воспоминаний Ота Какумина). Под ред. Фудзимото Котаро, 1963. С. 5.

[17] Буддийская образовательная школа, которую основал монах Нисимура Хокэн (1846-1924), родом из префектуры Оита. Школа действовала в 1877–1883 гг.

[18] Синсю кисо, нисимура хокэн ицува (Старцы Синсю, история Нисимура Хокэна). Под. ред. Иноуэ Тэцуо, архив храма Сэнсюдзи, 1930.

[19] Списки Токийской школы иностранных языков, 1901–1902 гг. Токийская школа иностранных языков, 1901. Одновременно с Какумином учились будущий ученый, специалист по русскому языку Ясуки Садатоси (1876-1966), монах буддийской школы Хигаси Хонгандзи Акэгара Сухая (1877-1954), военный Араки Садао (1877-1966).

[20] Токийская школа иностранных языков предшествовала нынешнему Токийскому университету иностранных языков. Отделение русского языка давало краткий двухгодичный курс.

[21] Ота Какумин. Токудо миягэ (О посвящении в священники). 1894. С. 2 (предисловие).

[22] Детское имя Какумина было Такэмаро, после обряда взросления он изменил имя на Хадзимэ. В Японии существовал обычай менять полученное при рождении имя во время обряда взросления (15 лет) или по желанию самого человека.

[23] Какумин в брошюре «Токудо миягэ» сообщает о принятии нового имени, но не объясняет его происхождения. Однако там же он пишет: «Действительно, ни жизнь,

такое мировоззрение? Какумин в брошюре «Токудо Миягэ», опубликованной в ознаменование получения статуса священника, упоминает два момента, которые легли в основу его взглядов. Во-первых, услышанные в детстве наставления бабушки Тэйко (?-1884), вторым – опыт, приобретенный в юношестве во время военной службы унтер-офицером пехоты. В ходе своего становления Какумин почувствовал потребность помогать другим людям, не щадя собственной жизни. Это мировоззрение определило его жизнь.

В жизни Какумина был период, связанный с военной службой. Он окончил артиллерийское отделение военной пехотной школы г. Сэндай и стрелковое отделение школы Тояма в Токио. По призыву его направили в гарнизон г. Нагоя. В октябре 1894 г., едва приступив к службе, Какумин опоздал к отбою. Он решил миновать проходную, выдав себя за исполняющего обязанности фельдфебеля. В результате за несоблюдение устава и обман Какумин попал под военный трибунал и в ноябре, получив приговор на один год и три месяца лишения свободы, был отправлен в гарнизонную тюрьму г. Нагоя. Однако в июле того же года началась японо-китайская война[24], Какумин, подпал под амнистию, был освобожден в марте 1895 г. и отправлен на фронт[25].

В 1899 г. Какумин издал работу «Частный взгляд на реформу системы унтер-офицерства»[26]. Опираясь на личный опыт, он писал о необходимости улучшения положения унтер-офицеров. Например, он призывал разрешить им ночевать вне казарм. Какумин рассуждал, что если правило, запрещающее покидать казармы, обусловлено тем, что военные должны быть всегда готовы к непредвиденным ситуациям, то тогда нужно и офицерам запретить оставлять казармы на ночь; запрет же, касающийся лишь унтер-офицеров, представляется, по меньшей мере, необоснованным, и необходимо изменить столь неравное положение. Поводом для данного заявления послужил собственный его негативный опыт. Основываясь на нем, Какумин мог судить о неравенстве и противоречиях, царивших в армии периода Мэйдзи, его критическим взглядам были близки идеи Ноги Марэсукэ, который, издав «15

ни смерть непредсказуемы... у каждого свой срок, и главное – это глубокое осознание повседневности и освобождение от сожалений». Таким образом, можно предположить, что имя «Какумин», состоящее из иероглифов со значением «смерть» (*мин*) и «осознание» (*каку*), было именем судьбоносным.

24 Японо-китайская война началась в июле 1894 и продолжалась до апреля 1895.

25 Кэйкинко кобн рикугун хохэй иттo соцу ота какумин хока хати мэй токуся но кэн (Постановление об амнистии отбывающего наказание пехотинца первого разряда пехотных войск запаса второй очереди Ота Какумина, а также восьмерых других отбывающих наказание). Архив официальных государственных документов, сборник официальных документов (1895, том 17, Военное министерство, документ №00354 100).

26 Ота Какумин. Гэдо сэйдо кайкаку сиги (Частный взгляд на реформу системы унтер-офицерства). Ниссуйкай, 1899.

правил военного», разоблачал моральное падение армии и общества периода Мэйдзи. Впоследствии во время случайной встречи Какумина и Ноги, общность взглядов послужила началу их общения.

В работе «Частный взгляд на реформу системы унтер-офицерства» есть еще одна деталь, на которую следует обратить внимание. Какумин, прежде чем приступить к критике японской системы унтер-офицерства, изучил аналогичные зарубежные системы – Германии, Италии, Франции, Пруссии, Англии, Австрии, России и др., и уже на основании этого рассуждал о недостатках японской системы унтер-офицерства. В работе видны задатки последующих приемов Какумина, когда при критике японской системы он будет опираться на сравнение с зарубежными аналогами.

Однако Какумин не выступал с критикой системы обязательной воинской повинности как таковой. В Токио 21 марта 1901 г. на собрании призывников он выступил с речью «К призывникам»[27]. В ней Какумин агитировал молодежь призывного возраста активно поступать на военную службу и критиковал старое поколение японцев, родившихся в период Эдо, за неприятие системы обязательной воинской повинности[28]. Основой для таких заявлений послужило негативное отношение Какумина к феодальной системе периода Эдо. Он с восторгом относился к тому, что в отличие от периода Эдо, когда война считались исключительно привилегией военного сословия[29], в период Мэйдзи была введена «всеобщая воинская повинность» и все граждане страны получили равные права[30].

В 1901 г. в возрасте 36 лет Какумин стал 16-м настоятелем буддийского храма Хосэндзи, а в 1903 г., получив приказ руководства Ниси Хонганд-

---

[27] Ота Какумин. Кайрику хэйэкидан (О военной службе в армии и на флоте). Ниссуйкай, 1902.

[28] Хотя основы воинской повинности были приняты в 1870 г., а в 1873 г. был опубликован закон о порядке ее отбывания, но сохранялось много противоречий, неравноправие, нерешенные вопросы, связанные с освобождением от воинской повинности глав семей, наследников, или за счет доверенных лиц. В законы неоднократно вносились поправки, но полного разрешения противоречий достигнуто не было. Вполне возможно, что в работе «О военной службе в армии и на флоте» Какумин писал и об этом, однако, из-за того, что работа подверглась цензурной правке, установить это невозможно.

[29] В Японии периода Эдо существовали сословия «си-но-ко-сё» (воины, земледельцы, ремесленники и торговцы). Воины считались сословием привилегированным.

[30] Изменения основывались на опыте отряда штурмовиков Такасуги Синсаку (1939-1867). Около половины бойцов отряда составляли выходцы из военного сословия, остальные были набраны из крестьян и горожан. Это был отряд добровольцев, главным критерием отбора бойцов считались их хорошие физические данные, а социальное положение роли не играло. Такое начинание распространилось по всей Японии благодаря системе всеобщей воинской повинности, предложенной Ямагата Аритомо (1838-1922).

зи[31], вынужден был отправиться во Владивосток в качестве миссионера[32]. В то время высшим священнослужителем секты Ниси Хонгандзи был Отани Кодзуй (1876-1948)[33], который направил усилия на распространение секты за пределы страны.

1903–1917: От прибытия во Владивосток до революции в России

Какумин отправился во Владивосток для возобновления приостановленной деятельности Урадзио Хонгандзи. Он приехал в 1903 году, когда в дипломатических отношениях между Россией и Японией стало ощущаться нарастающее напряжение. А в феврале следующего, 1904 г. началась Русско-японская война.

Как следовало из доклада, составленного японским торговым представителем во Владивостоке Каваками Тосицунэ (1861-1935), на январь 1904 г. число проживавших в Сибири японцев было следующим: во Владивостоке – 3000 чел., в Никольске – 600 чел., Хабаровске – 250 чел., Николаевском – 300 чел., Благовещенске – 230 чел., Чите – 40 чел., Иркутске – 30 чел., Сретенске – 30 чел., в других населенных пунктах – 500 чел., в Северной Маньчжурии и вдоль КВЖД – 1400 чел., в общей сложности 6480 человек[34]. 3 февраля Каваками Тосицунэ направил японцам, проживающим в Сибири, приказ об эвакуации, и из городов Сибири начался отъезд японцев. Первым кораблем, эвакуировавшим японских переселенцев, стал английский фрегат «Афридж», на нем 6 февраля из Владивостока в Японию было отправлено 2696 человек, через день фрегат прибыл в японский порт Цуруга. Второй и последний корабль для эвакуации переселенцев, немецкий фрегат «Батавия» взял на борт 1511 человек, корабль вышел на рейд 13 числа, а 15-го прибыл в порт Модзи[35].

---

[31] Из-за отсутствия исторических документов остается неизвестным, каким конкретно ведомством Ниси Хонгандзи был издан приказ. На запрос, направленный непосредственно в Хонгандзи, был получен ответ, что сведения на этот счет отсутствуют.

[32] Список выданных заграничных паспортов по префектуре Миэ, июль-сентябрь 1903. Дипломатический архив МИД Японии.

[33] Отани Кодзуй – 22-й высший священнослужитель Ниси Хонгандзи. В 1899 г. он, проехав Китай и Индию, побывал в Европе. Им была сформирована исследовательская группа Отани, которая в 1902–1914 гг. трижды проводила опросно-исследовательскую работу в странах Центральной Азии. В 1903 г. Отани был назначен высшим священнослужителем, свою деятельность он направил на модернизацию секты и её распространению за пределы Японии.

[34] Об эвакуации в Японию государственных служащих, а также всех граждан Японии, находящихся на территории России, в связи с началом Русско-японской войны, раздел европейского транзита, 4. Дипломатический архив МИД Японии, 5-2-1-14, 840 113.

[35] Там же. 840 310–840 316.

Японские переселенцы, которые жили недалеко от Владивостока или в районах со сравнительно удобным транспортным сообщением, смогли благополучно вернуться на родину. Однако японцы из удаленных районов, где сообщение было плохо развито, не успели к отплытию последнего корабля и оказались брошенными в удаленных сибирских уголках. Из доклада Каваками Тосидунэ следовало, что в Сибири осталось 986 японцев, а именно: во Владивостоке – 50 чел., в Никольске – 4 чел., Новокиевском – 43 чел., Фунчуне – 4 чел., Благовещенске – 245 чел., Зее – 40 чел., Николаевске – 248 чел., Сретенске – 17 чел., Нерчинске – 12 чел., Чите – 17 чел., Верхнеудинске – 2 чел., Иркутске – 25 чел., Кяхте – 1 чел., Томске -5 чел., Пограничной – 10 чел., Мурине – 1 чел., Хантахезе – 4 чел., Имембо – 10 чел., Харбине – количество неизвестно, Зярантонг – 15 чел., Цицикаре – 30 человек, Бухте – 20 чел., Хайларе – 52 чел., Таймагоу – 21 чел., в других населенных пунктах – 100 человек[36].

Это было время, когда международное сообщество пришло к осознанию того, что мирные граждане, оказавшиеся во время войны в стране противника, должны находиться под защитой, и ни их жизнь, ни их имущество не могут быть отняты без всякого на то основания. Японское правительство поручило защиту интересов японцев Соединенным Штатам Америки, так что при чрезвычайных ситуациях граждане Японии, проживавшие за ее пределами, могли просить защиты у Америки. Однако, когда в 1900 г. во время боксерского восстания в Благовещенске российской армией были жестоко убиты китайцы, японское правительство серьезно обеспокоилось безопасностью находившихся в Сибири соотечественников. Судьба японцев не оставила равнодушным и Ота Какумина, он остро ощущал нависшую над ними опасность. Он видел свою миссию в том, чтобы собрать оставшихся переселенцев и эвакуировать их в Японию, для себя же принял решение обязательно остаться.

Однако Каваками не поддержал Какумина и настаивал на его возвращении в Японию: «Сибирь – это не единственная твоя миссия. В настоящее время, не самым ли главным является, присоединившись к армии, направить все силы на поддержку солдат на полях сражений»?[37] Какумин ответил: «В Японии сотни тысяч буддийских монахов, однако, будь то высокопоставленные духовные лица, будь то добродетельные монахи, они не находятся столь близко к России. Будда возложил сию миссию только на одного человека – Какумина»[38]. Государственным нуждам Какумин предпочел спасение простых граждан, его религиозное убеждение не оставило Каваками равнодушным, и Какумин получил разрешение остаться.

В действительности решение Какумина остаться было связано с русскими людьми и с православием. В письме из Перми, адресованном Ниси

[36] Там же. 840 307–840 308.

[37] «Росиа моногатари». С. 8.

[38] Там же.

Хонгандзи, Какумин объяснял, что хочет, будучи последователем буддизма, выглядеть достойно в глазах русских людей: «Многие русские священнослужители пристально следят за поведением японских буддийских монахов, поэтому необходимо выглядеть достойно, газеты следят за ситуацией, не публикуя лишь того, что имеет отношение к эвакуации Хонгандзи»[39]. Он резко критиковал православных священнослужителей за то, что те не помогают простым людям. Вероятно, Какумин не раз повторял, что религия существует для народа, и считал своим долгом говорить это православным священнослужителям. Для Какумина, при такой его позиции, абсолютно невозможным было бы вернуться в Японию, бросив на произвол судьбы оставленных в Сибири японских переселенцев.

Из Владивостока Какумин выехал 12 февраля 1904 г., проехав Хабаровск, Благовещенск, Пермь, оттуда добрался до немецкого порта Бремерхафен и смог вернуться в Японию на немецком корабле «Вирхард», вывезя более 800 японских переселенцев. Корабль прибыл в порт Нагасаки 6 декабря. На родину смогли вернуться 815 человек, в их числе 277 человек из Николаевска, 225 – из Благовещенска, 54 – из Зеи, 196 – из Хабаровска и населенных пунктов Маньчжурии, а также экипаж арестованного на Сахалине парусника в составе 63 человек[40].

В архиве Министерства иностранных дел сохранились списки японцев, прибывших из Благовещенска и Николаевска. Из них видно, что среди вернувшихся было много женщин, основным занятием которых была проституция.

В Таблице 1 приводятся данные (род занятий, место приписки в Японии, пол) по переселенцам из Благовещенска, которые вернулись в Японию вместе с Какумином. Из таблицы видно, что из 238 переселенцев, вернувшихся из Благовещенска, 76 женщин занимались проституцией. Переселенцы, проживавшие в Благовещенске, в списках были объединены по роду деятельности, что дало возможность проследить основные тенденции. Особое внимание обращают «рестораны» (публичные дома) и «официантки» (проститутки). Так, в разделе «рестораны» после упоминания о мужчине, владельце ресторана и его жене, приводятся имена женщин, которые считаются «официантками» (см. Таблица 2: имена приводятся без фамилий, в разделе адресов опущены названия кварталов и номера домов). В списках было выделено пять однородных групп, соответственно с большой долей вероятности можно предположить, что в Благовещенске было пять публичных домов, проститутками в которых были японки[41].

---

[39] «Кёкай итиран», 5 ноября 1904.

[40] Газета «Сэй-Анти симбун», 9 декабря 1905. В газете значилось «825 чел.», однако при подсчете получается только 815, видимо, в газете была допущена ошибка.

[41] Документальное подтверждение того, что в Благовещенске существовали публич-

В Таблице 3 приводятся данные (место приписки, пол) по японцам, проживавшим в Николаевске. Среди переселенцев, вернувшихся оттуда, достаточно много женщин, и представляется, что также как и в Благовещенске, их основным занятием была проституция.

Таким образом, на основании списков японских переселенцев из Николаевска и Благовещенска, можно сделать вывод, что многие из вернувшихся на родину японских женщин были проститутками. По переселенцам, проживавшим в Зее и Хабаровске, списков не сохранилось, однако предполагаем, что тенденции были аналогичны.

Сразу же после возвращения на родину Какумин в своем выступлении в храме Гандзёдзи в Сага говорил о существовании японок, занимавшихся проституцией: «В нашей группе было много проституток, которые являются позором общества, среди мужчин было не мало людей без образования, представляющих потенциальную опасность для общества»[42]. О том, что «господин Какумин помогал падшим женщинам», свидетельствовали и супруги Масахару и Кэйко Ояги[43], которые в 1933–1945 гг. держали бакалейную лавку «Оясу сётэн» в монгольском городе Цурё и тесно общались с Какумином в годы его жизни в Монголии. К тому же в отчётах, составленных полицейскими по результатам опроса Какумина, сразу же после его возвращения в Японию, написано: «В группе [...] было много случаев, когда отбирали деньги и вещи. Особенно серьезной проблемой являлось унижение женщин»[44], причем подчеркивал, что опасности подвергалось достоинство женщин. С началом Русско-японской войны мысли Какумина были заняты судьбами японских женщин, брошенных в разных уголках Сибири. За его решением остаться, столь твердым, что Какумин даже позволил себе отклонить требование Каваками Тосицунэ вернуться на родину, стояла тревога за них[45].

ные дома с проститутками-японками, сохранилась в записях А. П. Чехова. В 1890 г. Чехов приехал на Сахалин для сбора материала. Он писал Суворину, что в Благовещенске провел ночь с японской проституткой. (Накамоно Нобуюки. Чэхофу но нака но нихон (Япония в Чехове). Изд. Яматосёбо, 1981. С. 46-47).

[42] Газета «Сага симбун». 20 декабря 1904.

[43] Какумин был сватом на свадьбе четы Ояги. В настоящее время супруги Ояги проживают в префектуре Сига. В августе 2003 г. автор беседовала с супругами Ояги на станции Киото.

[44] «Об эвакуации в Японию государственных служащих, а также всех граждан Японии, находящихся на территории России, в связи с началом Русско-японской войны, раздел европейского транзита, 1». Дипломатический архив МИД Японии, 5-2-1-14, 830 697.

[45] Какумин в упоминаемой ранее работе «Росия моногатари» писал, что неоднократно посещал места проживания японских проституток, приглашая их прийти с молитвой в Урадзю Хонгандзи. А из упоминаемой ранее работы «Японская диаспора

Вернувшись в Японию, Какумин какое-то время провел в родном храме Хосэндзи в городе Ёккаити, а в январе 1905 г. в качестве военного священника отправился на поля сражений. В марте он прибыл в Ташичао[46], где произошла его встреча с генералом Ноги.

Какумин читал молитвы над телами русских воинов, в этот момент и появился Ноги, он спросил: «Что видите вы в окружающем зрелище?»[47]. Какумин использовал буддийское изречение *иссацу тасё*[48], и, указав на поле боя, ответил: «Отняты жизни многих молодых людей, как японских, так и русских, эти жертвы лишь часть, но часть эта спасает многих людей будущего. Хорошо, если смысл войны в этом».

В ответ Ноги сказал: «А для меня это *иссё тасацу*[49]», отвечая, он поменял местами иероглифы *сацу* и *сё* в изречение *иссацу тасё*. Ноги не скрывал глубины своих переживаний: «Отнято много молодых жизней, японцев и русских, а я, старый, один остался в живых». Ноги, который вместо того, чтобы праздновать одержанную в сражении победу, оплакивал унесенные жизни молодых людей обеих враждующих сторон, произвел на Какумина большое впечатление.

Какумин написал о своих отношениях с Ноги в 1938 г., когда со времени встречи прошло более 30 лет. Почему же Какумин именно тогда писал о своей встрече с Ноги?

Размышляя над этим, следует обратить внимания на слова *мусё кайсацу*, которые употребил Какумин, вспоминая увиденное на полях сражений Русско-японской войны. Это были не просто воспоминания. Слова несли в себе критическое обращение к духовно опустошенному японскому государству и японской армии 30-х годов, времени, когда уже не было Ноги,

---

во Владивостоке» следует, что при храме Урадзио Хонгандзи существовало общество «Акэбоно-кай», созданное для помощи японкам, вынужденным заниматься проституцией.

[46] В сражении при Ташичао (23 июля) приняли участия 56000 человек с японской и 48900 человек с русской стороны. Пострадавших (убитых, раненых, пропавших без вести, взятых в плен) с японской стороны было 1163, с русской – 1052 человека.

[47] Ота Какумин. Ноги сёгун но итиисси (Замечательный стих генерала Ноги) // Дайдзё (Большая колесница), июнь 1938.

[48] *Иссацу тасё* – «одно убийство – много жизней» – буддийское изречение, которое означает, что, принеся в жертву часть, можно спасти многое. Это изречение в зависимости от буддийской школы трактовалось по-разному. Использовалось оно и в качестве лозунга, оправдывающего убийства, однако Какумин вкладывал в него совсем другой смысл.

[49] *Иссё тасацу* – «одна жизнь – много смертей», в этих словах *иссё* означает, что один остался жив, в данном случае подразумевается, что остался жив один Ноги. *Тасацу* означает, что много людей было убито, в данном случае – убитые молодые люди – как с японской так и с русской стороны. Ноги обладал поэтическим талантом, поэтому, импровизируя ответ, использовал прием перестановки иероглифов.

говорившего, что только он один остался в живых; времени, когда было утрачено бытиё и потеряна духовность (*мусё*), а общество погрязло в идеях уничтожения (*кайсацу*).

Убеждение Ноги, что следуст чтить память погибших с обеих враждующих сторон, проявилось в возведении уже после оккупации Люйшуня (Порт-Артура) памятника генерал-лейтенанту Кондратенко (1857-1904) и установке в 1907 г. памятного камня «Русским воинам, павшим на полях сражений при Порт-Артуре».

Позднее Какумин писал: «Я сразу же подал прошение стать военным священником и смог участвовать в Мукденской битве. На полях Маньчжурии судьба вновь свела меня с русскими. Глядя на тела погибших русских солдат, я не мог сдержать чувство жалости и отслужил по русским воинам не одну заупокойную службу, в этом я видел продолжение своей русской миссии»[50]. Находясь на полях сражений, Какумин ставил целью не только помогать японским солдатам, но и заботиться о спасении душ погибших русских солдат, хоть они и принадлежали к вражескому лагерю.

В сентябре 1905 г. Русско-японская война закончилась. Приказом Ниси Хонгандзи Какумин был снова направлен во Владивосток настоятелем Урадзио Хонгандзи. Во Владивосток он приехал в мае 1906 г. и сразу взялся за строительство храма Урадзио Хонгандзи.

В октябре 1910 г. Какумин получил распоряжение встретить Кудзё Такэко (1887-1928)[51], которая, возвращаясь из европейского путешествия, собиралась засхать во Владивосток. Однако в то время во Владивостоке было небезопасно. Незадолго до того, в августе того же года, произошла аннексия Кореи, и многие корейцы, не смирившись с господством Японии, переселились в Сибирь. Во Владивостоке, где осело много корейцев, было создано «Общество уничтожения японцев». Эта организация, получив сведения, что Кудзё Такэко будет проездом во Владивостоке, назначила тому, кто убьёт её, вознаграждение в 70 иен. Но благодаря бдительности проживавших во Владивостоке японцев, и в первую очередь Какумина, Кудзё Такэко смогла благополучно побывать во Владивостоке, а затем вернуться в Японию.

Какумин в 1934 г. написал записки «Нанадзютэн но Такэко-сама»[52]. Это не были просто записанные на бумагу воспоминания. Корейцы постоянно участвовали в движении сопротивления, причиной которого была аннексия

---

[50] Ота Какумин. Мэйдзи буккё то росиа кайкё (Буддизм Мэйдзи и русская миссия) // Гэндай буккё (Современный буддизм), июль 1933.

[51] Кудзё Такэко была дочерью 21-го верховного священнослужителя секты Ниси Хонгандзи и младшей сестрой Отани Кодзуй. Жена барона Кудзё Есимунэ (1886-1940). Она была красива и талантлива, японцы того времени восхищались ею.

[52] Ота Какумин. Нанадзютэн но Такэко-сама (70 баллов г-жи Такэко) // Дайдзё, май 1934.

Корси, но в Японии, где в 1910 г. по делу о государственной измене[53] были репрессированы социалисты, пресекались любые слова протеста. Многие японские граждане приняли участие в торжествах по поводу аннексии Кореи, празднуя расширение японской империи. В Японии факт, что корейцы ожесточенно боролись против аннексии, не был обнародован. Какумин же показал истинное положение дел, рассказав, что корейцы так ненавидели японцев, что были готовы убить Кудзё Такэко, даму, близкую к императорскому двору и любимицу всего японского народа. В 1909 г. был убит Ито Хиробуми (1841-1909), на следующий год его убийца Андзюкон (1849-1910) был казнен, став для корейцев народным героем. Воодушевленные поступком Андзюкона, корейцы стремились к свержению господства Японии[54]. Какумин считал необходимым довести до сведения японского народа, что сложившаяся ситуация не может быть оставлена без внимания.

В июле 1914 г. началась первая мировая война. С 1907 г. дипломатические отношения между Россией и Японией, которые стали союзниками, заметно улучшились. Строительство храма Урадзио Хонгандзи шло своим чередом. В мае 1915 г. здание было завершено, на церемонии окончания строительства присутствовал Отани Кодзуй.

1917-1936: От революции в России до отъезда в Монголию

Для России 1917 год был годом революций. После Февральской свершилась Октябрьская, в стране установилась советская власть во главе с Лениным. В марте 1918 г. советское правительство подписало сепаратный мир с Германией, а в июле четыре страны – Америка, Англия, Франция и Япония – под предлогом помощи оказавшемуся в сибирском плену чехословацкому корпусу приняли решение о вводе в Сибирь своих экспедиционных войск. Наиболее масштабными и продолжительными оказались попытка вмешательства и ввод войск, предпринятые Японией.

---

[53] Дело, по которому в 1910 году Котоку Дэндзиро (1871-1911) и его соратники, анархисты и социалисты, были арестованы по обвинению в покушении на убийство императора Мэйдзи и приговорены к смертной казне. После этого над социалистическим движением сгустились тучи, оно вступило в период, который называют «фую но дзидай» (период зимы).

[54] Генеральный консул Японии во Владивостоке внимательно отслеживал антияпонскую деятельность корейцев и подробно докладывал о ней в Министерство иностранных дел. Так как в архиве МИД хранится много такого рода материалов (Футэйдан кайкэй дзаккэн (Материалы, имеющие отношение к группам, высказывающим недовольство: раздел по корейцам, раздел по проживающим в Сибири) 1–3, Дипломатический архив МИД Японии, 4-3-2-2-1-2), я предполагаю сделать их темой дальнейших исследований.

В январе 1918 г. руководство Ниси Хонгандзи назначило Какумина главным военным священнослужителем. По приказу командующего армией Какумин создал буддийский отряд поддержки раненых, вместе с которым сдил по Сибири.

Как Какумин относился к вводу войск в Сибирь? Известны его хвалебные отзывы в адрес генерала Русско-японской войны Ноги Марэсукэ, однако о военачальниках времен ввода экспедиционных войск им ничего написано не было. Также Какумин во время своих поездок к раненым стал очевидцем того, как офицер чехословацкого корпуса приводил в вагоны грузовых поездов женщин, о чем он подробно написал[55]. Японская армия была введена в Сибирь под предлогом оказания помощи чехословацкому корпусу, Какумин же рассказал о недостойном поведении чехословацких легионеров. В этом просматривается его сугубо негативная оценка ввода японских экспедиционных войск в Сибирь.

В октябре 1922 г. Япония вывела войска из Сибири. Какумин на японском кладбище школы Хонгандзи во Владивостоке решил воздвигнуть памятник павшим воинам. Однако памятник был возведен не в полном соответствии с его замыслом. Какумин намеревался сделать памятник по образцу Памятника павшим воинам времен Корейского похода[56], созданного Симадзу[57] Ёсихиро (1535-1619) и его сыном Тадацунэ (1576-1636) в храме Коясан Конгобудзи для поминовения воинов обеих враждующих сторон, погибших в Корейском походе 1599 г. Об этом памятнике он писал так: «Среди памятников павшим воинам, которые были возведены в Японии, наиболее благодатно и радостно было поклоняться Памятнику павшим воинам времен Корейского похода, воздвигнутому на горе Коя-сан сацумским правителем Симадзу Хироёси и его сыном после победного возвращения из Корейского похода. (...) В центре памятника выбиты следующие слова: «Пусть дорога к Будде будет легка для воинов всех армий Корейского похода». (...) Забыв обиды на тех, кто замахивался на них мечом, равно молясь за всех погибших, дабы их души достигли просветления, сацумские правители, сын и отец, воздвигли этот памятник. И это наиболее убедительная причина для создания памятника павшим воинам» [58].

Какумин собирался воздвигнуть Владивостокский памятник в память всех погибших воинов вне зависимости от того, к какому лагерю они принадлежали. Он надеялся создать памятник, который был бы созвучен также и идеям генерала Ноги. Однако предложение Какумина было отклонено

---

[55] «Росна моногатари». С. 111–116.

[56] Военная кампания эпох Бунроку и Кэйтё (Корейский поход, 1592-1598) – война, в ходе которой армия Тоётоми Хидэёси (1537-1598) дважды вторгалась в Корею, главной целью было покорить Китай династии Мин.

[57] Симадзу – клан, господствовавший на юге Кюсю.

[58] «Росна моногатари». С. 162–163.

Министерством сухопутных войск и Министерством иностранных[59]. О своих переговорах с ними Какумин писал следующее: «Переговоры с Министерством сухопутных войск и Министерством иностранных дел тянулись довольно долго. Я настаивал на возведении памятника павшим воинам обеих враждующих сторон, приводя в пример памятник времен Корейского похода. Я говорил, что такой памятник станет шагом на пути к улучшению российско-японских отношений, но получил ответ, что деньги на памятник врагам в военный бюджет не заложены, потому не представляется возможным повторить замысел сацумских правителей. Я подумал, что и в дипломатии, и в военном деле царит косность взглядов»[60].

Итак, между взглядами Какумина и взглядами сторонников режима, сложившегося после Мэйдзи, существовали глубокие расхождения.

А что думал Какумин о послереволюционном Советском Союзе? Сохранились записи, в которых Какумин высоко оценивал политику, проводимую Лениным. Он видел, что народ любит и уважает Ленина, о чем и рассказывал японским читателям. Не раз хвалил Какумин программу народного образования, которой занималась жена Ленина Крупская. С другой стороны, он высказывал тревогу по поводу наметившейся тенденции восприятия Ленина не как политика, а как бога, Какумин критиковал это явление, называя его «обожествлением Ленина».

Тогда же он с определенным сарказмом говорил: «А не похоже ли это явление на японскую политику двоеверия?». Словом «двоеверие» Какумин критически именовал сложившуюся в то время в Японии ситуацию, когда над буддизмом, христианством и другими религиями японское правительство стало ставить культ культ обожествленного Императора[61]. Время, когда Какумин критически писал об «обожествлении Ленина»[62], совпадало

---

[59] «Материалы по возведению памятных сооружений». Дипломатический архив МИД Японии, 5-2-9-11. Во Владивостокском архиве сохранился проект Владивостокского памятника павшим воинам, который был подан Какумином в городской совет Владивостока (Копия проекта памятника воинам и военнослужащим японских экспедиционных войск (1921). 2-28-1-997-79) и план прилегающей местности (Копия ситуационного плана установки памятника воинам и военнослужащим японских экспедиционных войск (1921). 1-28-1-997-78). Однако этот проект отличается от фотографии Владивостокского памятника, помещенной в «Росиа моногатари».

[60] «Росиа моногатари». С. 165.

[61] В статье «Положение религий в стране Советов» (Ежемесячник «Россия», октябрь 1935) предельно ясно описано значение понятия «двоеверие»: «Бывало, что русские священники презрительно усмехаясь, специально спрашивая меня: «Японские буддисты над буддийским алтарем устанавливают синтоистскую молельную полочку, разве они не двоеверцы?» Но в настоящее время русские, похоже, стали мыслить схоже с японским двоеверием. Русским необходимо задуматься об этом сейчас, иначе они станут посмешищем во всем мире».

[62] Ота Какумин. Рэнинсю (Обожествление Ленина) // Дайдзё, сентябрь 1935.

с нападками на Минобэ Тацукити (1873-1948) за его концепцию о статусе Императора[63] и подъемом радикальных националистов. Критикуя «обожествление Ленина», имевшее место в Советском Союзе, Какумин тем самым подвергал критике и чрезмерный культ императора в Японии.

В 1931 г. Какумину отказали в продлении визы, и он принял решение вернуться в Японию[64]. Летом того же года, незадолго до отъезда на родину, Какумин посетил Москву и Ленинград[65]. Тоидзуми Ёнэко (1912-)[66], жена Тоидзуми Кэнри, последнего настоятеля храма Урадзио Хонгандзи, рассказывала: «Меня попросили сопровождать Какумина в качестве переводчицы, но из-за учебы я не смогла поехать вместе с ним». Вместо Тоидзуми с Какумином поехал Хираива Ниити[67], знавший русский язык прихожанин Урадзио Хонгандзи.

В Москве состоялась встреча Какумина со Сталиным, во время которой они обменялись рукопожатием. «Сейчас всей политикой в стране руководит этот человек. В связи с отъездом из России, где я прожил долгие годы, мне хотелось попрощаться с русским народом, встретившись и пожав ему, представителю этого народа, руку. Для этого я и поехал на встречу. Однако у него не было намерения встречаться со мной. Вышел молодой человек,

---

[63] Концепция о статусе Императора возникла в ходе обсуждения конституции Мэйдзи, по этой концепции государство является юридическим лицом, обладающим суверенитетом, а император определяется как высший государственный орган. Представленная Минобэ Тацукити партийная политика обсуждалась в правовых кругах, но в 1935 г. в связи с укреплением позиций фашизма идеи Минобэ получили решительный отпор, он был вынужден оставить место в верхней палате парламента, его сочинения попали под запрет, а сам Минобэ был исключен из научных кругов.

[64] Причина, по которой было отказано в продлении визы, не известна.

[65] Ота Какумин. Ренингурадо нэмбуцу никки (Ленинградский молитвенный дневник) // Дайдзё, январь 1935.

[66] В настоящий момент проживает в префектуре Фукуи. Во Владивосток приехала в 1921 г. Закончила отделение русского языка педагогического факультета Дальневосточного государственного университета. В 1937 г. была вынуждена вернуться в Японию, в 1938 г. вместе с мужем уехала в Маньчжурию. После Второй мировой войны какое-то время находилась в лагере для интернированных лиц, в 1946 г. эвакуирована в Японию. Написала книгу «Рира но хана то сэнсо» (Сирень и война, 1998). Книга эта в 2001 г. была переведена на русский язык Зоей Моргун и Тидзуко Ямамото, вышла в издательстве Дальневосточного университета.

[67] Хираива Ниити – уроженец Нагасаки (материалы по японским гражданам, проживающим за пределами страны (данные по Европе и Сибири), архив дипломатических исторических материалов Министерства иностранных дел, 3-8-7-23-8). В 1907 г. Хираива переехал во Владивосток, где владел бакалейной лавкой. Потомки Хираива Ниити в настоящей момент проживают в префектуре Сайтама. У них хранится фотография, на которой запечатлены Хираива Ниити и Какумин на фоне Зимнего дворца.

по виду секретарь, и сказал: «Если есть какое-то дело, изложите его мне». Тогда я ответил: «Я все-таки около 30 лет жил в России. Я был здесь, когда ты еще не родился. И сейчас, постарев, должен возвращаться на родину. Все тридцать лет русские оказывали мне всяческую поддержку. Я считаю, что должен пожать Сталину, представляющему этот народ, руку, я ехал сюда не для того, чтобы отстаивать какие-либо принципиальные идеи, в любом случае, попрошу передать мою визитную карточку», молодой человек удалился, а когда вернулся, сказал: «У Вас только три минуты», и я вошел внутрь.

Сталин оказался весьма видным мужчиной, даже среди русских он выделялся внушительным телосложением. Запомнилось, что, оказавшись, лицом к лицу с ним, и будучи сам небольшого роста, я ощутил собственную незначительность. Он сам не стал жестко меня ограничивать, не сказал: «только три минуты». Предложил сесть. Тогда я проговорил: «Я приехал, потому что хотел попрощаться с русским народом, пожав руку Вам, представителю этого народа. Я уже старый, поэтому новых слов не запоминаю, если говорить об именах людей, которые остались в памяти, это Ленин, потом Калинин, оба имени заканчиваются на «ин», поэтому легко запомнить. Вы – Сталин, это слово также заканчивается на «ин». Имена трех вождей революции заканчиваются на «ин», поэтому я их и запомнил, но только ради этого быть здесь смысла нет, да и постарел я, поэтому пора и честь знать».

После этих слов сидевший молча Сталин весь засветился радостью, он встал и протянул свою большую руку для рукопожатия. Казалось, что его лицо излучало истинно детский восторг, куда-то улетучилась, исчезла без следа неприступность человека, наделенного наивысшей властью в стране. Потом он посмотрел мою визитную карточку и сказал: «Да ты тоже Какумин». Я, засмеявшись, замахал руками. Радость Сталина была вызвана словами: «Ваше имя схоже с именем Ленин». Вряд ли есть еще такой народ, который так бы радовался по столь незатейливому поводу. Действительно, русские обладают приятной особенностью искренне выражать свои истинные чувства[68]».

В этих строках Какумин ограничился лишь описанием такой черты характера, как чувство юмора Сталина, в них не содержалось никакой идеологической оценки. И в этом был свой смысл. В тот период в Японии в основном критиковали Сталина, определяя его как злого гения социализма. С другой стороны, существовала позиция левых, которые, превознося разносторонние таланты Сталина, стремились обожествить его. Поражение Японии в войне усилило эти настроения, однако после разоблачительной

---

[68] Так писал Какумин в серии статей «30 лет в России, рассказывая о современной России». Серия из 6 статей публиковалась с 1 января по 7 января 1932 г. в газете «Нагоя симбун». В то время газету возглавлял хороший знакомый Какумина Ёрамацу Сабуро (1872-1938), бывший директор младшей школы Урадзио.

речи Хрущева в 1956 г. перевес остался на стороне, тех, кто считал Сталина жестоким диктатором.

Какумин не стоял на идеологических позициях, он видел в Сталине человека, о чем и рассказал японским читателям. По поводу проводимой Сталиным религиозной политики у Какумина были большие сомнения, он высказывал тревогу. Подтверждением этому служат его работы «О религии в советской России»[69] и др., где эта тревога ясно видна. Однако Какумин пытался честно оценить Сталина именно как человека, при этом он был далек он идеологии, не стремился восхвалять или принижать Советский Союз.

В Ленинграде Какумин посетил университет и в сопровождении доктора Самойловича[70], профессора Ленинградского университета, специалиста по буддизму, осмотрел университетское книгохранилище. Какумин приобрел изданное университетом «Буддийское писание» (книги на санскрите), в Японии он передал его в книгохранилище «Русского отдела» усадьбы Санъясо[71], принадлежащей роду Отани[72].

Также в Ленинграде на площади перед Зимним дворцом состоялась встреча Какумина и г-жи К. (?-1931)[73].

Г-жа К. [74] была последовательницей буддизма и владела японским языком[75]. Она окончила университет, написала диплом по буддизму, занималась научными исследованиями[76]. В царское время она была фрейлиной императрицы, но после революции ей пришлось бедствовать. Несмотря на это,

---

[69] Ота Какумин. Собиэто росиа сюкё гадан (О религии в советской России) 1–4 // Дайдзё, март, апрель, май, июль 1935.

[70] Какумин познакомился с доктором Самойловичем по рекомендации советского общества по культуре.

[71] Усадьба рода Отани (район Фусими-ку Момояма, г. Киото) в настоящее время находится в ведении финансового управления Ниси Хонгандзи. Кроме нескольких строений, усадьба практически заброшена. На запрос, направленный в финансовое управление Ниси Хонгандзи, был получен ответ, что о нынешнем состоянии книгохранилища усадьбы Санъясо сведений нет.

[72] «Мэйдзи буккё то росиа кайкё».

[73] Ота Какумин. Ка-дзёси о омоу (Вспоминая г-жу К.) // Рэнинградо нэмбуцу никки, Дайдзё-ся. С. 1–82).

[74] Г-жа К.– имя сокращено. Какумин не назвал ее настоящего имени, опасаясь за ее репутацию в Советском Союзе. Мне пока не удалось найти источники, называющие ее.

[75] Г-жа К. до революции изучала японский язык, занимаясь с сотрудником японского посольства в Петербурге.

[76] Г-жа К. узнала о Какумине, прочитав книгу «Ситуация на Дальнем Востоке», написанную педагогом Дарецким после поездки на Дальний Восток. Читала она и книгу Какумина «Росиа моногатари». Г-жа К. сделала письменные переводы трех сочинений: «Росиа моногатари» (сокращенный перевод), Курата Хякудзо «Сюкка то соно дэси» (Монах и их ученики), Акэгарасу Хая «Танписё» (Записи скорбящего о ре-

г-жа К. создала «буддийский монастырь[77]», сама, прося милостыню, собирала деньги и еду, чтобы накормить верующих. В Советском Союзе проводилась антирелигиозная политика, поэтому «буддийский монастырь» г-жи К. преследовался полицией и властями. Г-жа К. говорила: «Полицейские — посланники Будды, тюрьмы — молельные дома»[78], и все больше утверждалась в вере. На Какумина глубина веры г-жи К. произвела большое впечатление, и он написал: «Наверняка были люди, смеявшиеся над Какумином, который готов был отдать все свои силы, чтобы спасти душу одной женщины, но уж я так устроен. В этом моя натура. Наверное, я малодушен. Но если я видел потенциальный объект спасения, будь то женщина, будь то один единственный человек, я сразу же стремился отдать все силы, приложить всё свое усердие. Нет, речь не идет о внешнем украшательстве или исправлении манер. Если есть человек, который ценою своей молодой жизни, следуя учению Будды, готов искать истинный путь, то я тоже был готов приложить все силы, отдать жизнь, дабы этот человек смог добиться желаемого. Однако, с грустью думал я, в нынешнем обществе столь замечательных людей нет. Вспоминая родину[79], я оплакивал эти 30 лет — казалось, что придется возвращаться в Японию ни с чем. Но какая неожиданность — г-жа К. оказалась именно таким человеком. Это не было похоже на простое знакомство, словно родство наших душ существовало изначально, это несомненно были отношения добрых, близких друзей. И уже не было жаль жизни[80]».

Отношения, сложившиеся между Какумином и г-жой К., в самом глубоком смысле слова соответствуют понятию русско-японских дружеских отношений. Однако важно не только это. В словах, написанных Какумином в 1934 году, видна и критика Японии того времени, когда подавлялось любое инакомыслие. Какумин писал о г-же К., которая, несмотря на преследования, не отреклась от веры, и этим хотел сказать: каким бы ни было давление, человеческую душу отнять невозможно.

В ноябре 1931 г. для Какумина закончился почти тридцатилетний период жизни в России, и он вернулся в Японию.

После возвращения на родину Какумин написал ряд статей для религиозного журнала «Дайдзё», в статьях он описывал свой опыт, связанный с жизнью в России. С февраля 1934 по ноябрь 1935 г. Какумин писал в журнал

сях — пересказ проповедей Синрана, сделанных после его смерти учеником Юэнбо). Но мне пока не удалось обнаружить эти переводы.

77 Имеется в виду молельный дом. В тексте статьи приводится выражение, использованное Какумином, поэтому оно заключено в кавычки.

78 «Рэпингрядо нэмбуцу никки». С. 9.

79 В тексте приводится выражение «кохицусэймон» — находясь в дальних краях, грустить, вспоминая родину.

80 «Рэпингрядо нэмбуцу никки». С. 80.

практически ежемесячно. Пять лет, которые он провел в Японии с момента возвращения на родину и до отъезда в Монголию, были для страны периодом смуты – именно в те годы произошли инциденты 15 мая 1932 г.[81] и 26 февраля 1936 г.[82] Однако Какумин напрямую об этих событиях ничего не писал. Он продолжал просто описывать свои собственные наблюдения и опыт, приобретенный в России и Советском Союзе. Однако, как мы уже отмечали, в описание событий в России, а потом в Советском Союзе, Какумин вкладывал критическое послание и в адрес своей страны – Японии.

В апреле 1935 г. в Японию приезжал далай-лама внутренней Монголии, учитель Авантонбатан, Какумин сопровождал гостя в храм Исэ Дзингу[83]. Тогда же от посетившего Японию советника далай-ламы Какумин получил приглашение приехать в Монголию, и в марте 1936 г. решился на поездку[84]. В июле того же года Какумин отправился в Монголию. В то время ему исполнился 71 год.

1936–1944: От прибытия в Монголию до завершения жизненного пути

Какумин принял на себя руководство ламаистскими монахами храма Сюнэйдзи монастыря Коансё Морибё, но он не стал навязывать монголам свою религию (Дзёдо синсю), а с почтением отнесся к основной религии монголов и решил направить свою деятельность на возрождение и развитие ламаизма.

Какумин говорил: «Будучи монголами, они, разумеется, говорят на монгольском языке, однако практически нет людей, которые бы владели монгольским письмом. Существуют деревни, полностью неграмотные. Монголы долгое время находились под властью династии Цин, но не знают ни китайской письменности, ни китайского языка. Преподается только тибетский язык, и если говорят об образовании, подразумевают изучение тибетского языка, овладение тибетским языком. (...) Монголам в качестве основного государственного языка следует изучать исключительно монгольский»[85],– тем самым он был сторонником получения грамотности через изучение мон-

---

[81] Инцидент 15 мая 1932 г. – попытка путча, предпринятая группой молодых офицеров армии и флота. Их планы потерпели неудачу, но этот инцидент оказал большое влияние на японскую политику и расчистил дорогу военщине и фашизму.

[82] Путч 26 февраля 1936 г. – путч, зачинщиками которого стали молодые гвардейцы – сторонники монархии.

[83] Ота Какумин. Моко кацубуцу абуцуя о мукаэтэ (Принимая монгольского живого Будду Абуцуя) // Дайдзё, июль 1935.

[84] Газета «Нагоя симбун», 13 марта 1936.

[85] Ота Какумин. Морибё 3 // Дайдзё, июнь 1937.

гольского языка. С другой стороны, он стремился обучать и японскому, для чего при храме Сюнэйдзи создал класс японского языка[86]. Однако обучение японскому языку было лишь вспомогательным средством для обучения японской культуре[87]. Какумин решительно утверждал, что государственным языком должен быть монгольский.

Также в храме Сюнэйдзи был открыт аптечный пункт, названный «Дзигандо»[88], где лечили глазные болезни, делали прививки против чумы и т. п.[89] Это была реальная деятельность, отвечающая нуждам людей и направленная на то, «чтобы в монастыре не было ни одного человека, страдающего заболеванием глаз, чтобы в монастыре не было ни одного неграмотного человека»[90]. Тогда, как и в годы жизни во Владивостоке, Какумин продемонстрировал свою независимую позицию, выходящую за рамки «Дзёдо синсю»[91].

Жизненный путь Какумина завершился 30 ноября 1944 г. в храме Сюнэйдзи монастыря Коансё Морибё. Ему было 79 лет[92].

---

86 Ота Какумин. Морибё 2 // Дайдзё, апрель 1937.

87 Ота Какумин. Морибё 1 // Дайдзё, декабрь 1936.

88 «Морибё 2».

89 Ота Какумин. Моко сёсэцу (Монгольские рассказы) // Дайдзё, апрель 1938.

90 «Морибё 3».

91 Сю Тонкори (настоящее имя Мураками Хидэнобу) – человек, на которого знакомство с Какумином в период его пребывания в Монголии произвело глубокое впечатление. В то время Сю был студентом инженерно-технического училища Хотэн, в 1941 г. он встретился с Какумином в храме Сюнэйдзи (Сю Тонкори. Хёдэн – Ота Какумин роси – соно рэцу о тадзунэру (Критическая биография – учитель Ота Какумин – узнавая истоки), рукопись, 1983). Цукиноки Мидзуо пишет о Сю Тонкори как о монголе (О составлении «Списка лиц, имевших отношение к учебным заведениям, существовавшим в Манчжурии» (2 версия) // Бюллетень научного общества по изучению новой и новейшей истории Северо-восточной Азии, №16, 2004, Научное общество по изучению новой и новейшей истории Северо-восточной Азии), но Сю – японец, который родился в 1921 г. в Сёкоцу на Хоккайдо (Сю Тонкори. Дококуитти но соко кара вакиагару сёсумин дзоку но умэки (Стон малого народа, поднимающийся с самого дна оплаканных мест), 1995). Псевдоним Тонкори восходит к названию национального музыкального инструмента народа айнов. По словам его жены Мураками Хисано (в настоящее время проживает в префектуре Канагава), Сю скончался в 1989 г. в возрасте 68 лет. Также Цукиноки пишет, что Сю обучался в школе японского языка, которая была открыта Какумином, однако документального подтверждения этому факту найдено не было.

92 Причиной смерти был туберкулез. Супруги Ояги рассказывали, что г-н Сакудзо, отец Масахару прибежал в Сюнэйдзи сразу после смерти Какумина, где узнал, что «Какумин перед смертью отхаркивал много крови». Похоронная церемония была проведена 10 декабря 1944 г. в храме Сюнэйдзи в Монголии, а 10 февраля 1945 г. состоялись похороны в храме Хосэндзи города Еккаити («Ота Какумин-си цуйсороку». С. 72).

Заключение

В этой статье были представлены жизненный путь и взгляды настоятеля буддийского храма Урадзио Хонгандзи Ота Какумина. Возможно, кому-то покажется, что Ота Какумин – обычный монах. Однако это человек, который, будучи монахом, прожил жизнь вместе с народом, и в этом было его истинное призвание.

Какумин проникся глубокой любовью к России, стране, с которой был связан долгих 30 лет. Он всегда исходил из этого чувства, и тогда, когда давал высокую оценку России и Советскому Союзу, и когда выступал с резкой критикой. Часто в подтексте звучала критика в адрес своей страны – Японии.

Существуют исследования, в которых, подобно работе Джона Дж. Стефена «Русский Дальний Восток», Какумин представлен «шпионом». Однако в результате подробного изучения материалов, использованных Стефеном, оказалось невозможным найти какие-либо реальные доказательства этому утверждению. В научных исследованиях необходимо избегать субъективных оценок. Именно в таких деликатных проблемах невероятно важна научная достоверность.

Тема, которую в дальнейшем хотелось бы подробнейшим образом изучить – это ленинградская встреча Какумина с г-жой К. Уже только потому, что г-жа К. произвела на него большое впечатление, интересно получить любые сведения о ней.

Убеждена, что если тщательно изучить материалы, оставленные Какумином, понять их истинный смысл, они смогут стать уникальным руководством по решению многих вопросов, связанных с российско-японскими отношениями.

Приложение

Таблица 1

	Место прописки в Японии										
	Нагасаки		*Кумамото*		*Фукуока*		*Сага*		*Другие*		
Род занятий	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	*Итого*
Владелец ресторана	3	1	1								5
Жена владельца ресторана		1		1						1	3

	Место приписки в Японии										
	Нагасаки		*Кумамото*		*Фукуока*		*Сага*		*Другие*		
Род занятий	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	*Итого*
Официантка		44		18		2		8		4	76
Повар	3	1			1				2		7
Фотограф	3		4		2				7		16
Парикмахер			2						2		4
Часовщик	1		1				1				3
Ученик часовщика	1										1
Прачечное дело	11		7						3		21
Кузнечное дело	2								1		3
Плотник	1		2				1		1		5
Маляр	1								3		4
Швейное дело	1										1
Подрядчик									1		1
Торговец	1		1						2		4
Разнорабочий	2	4	2	2					1	1	12
Продавец машинного масла	1										1
Врач									1		1
Аптекарь											1
Ученик Аптекаря			1								1
Стажировка	1				1				1		3
Изучение пивоварения									1		1
Жена (кроме жен владельцев ресторанов)		22		6		1				4	33

	Место прописки в Японии										
	Нагасаки		*Кумамото*		*Фукуока*		*Сага*		*Другие*		
Род занятий	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	*Итого*
Ребенок	5	2	1	2					2	1	13
Данных нет	3	9	1	3				1	1		18
	40	84	23	32	4	3	2	9	29	12	
ИТОГО	*124*		*55*		*7*		*11*		*41*		238

Таблица 2

Имя	*Род занятий*	*Место прописки*	*Дата рождения*
Томохати	Владелец ресторана	Префектура Нагасаки, г. Нагасаки	Февраль, 3 год эпохи Мэйдзи
Кими	Жена *Томохати*	Префектура Нагасаки, г. Нагасаки	9 год эпохи Мэйдзи
Юко	Официантка	Префектура Нагасаки, Нисиносоноги-гун	14 год эпохи Мэйдзи
Нао	Официантка	Префектура Кумамото, Амакуса-гун	2 января, 13 год эпохи Мэйдзи
Мацуэ	Официантка	Префектура Кумамото, Амакуса-гун	22 марта, 22 год эпохи Мэйдзи
Кина	Официантка	Префектура Нагасаки, Минами Такасуэ-гун	14 год эпохи Мэйдзи
Ясу	Официантка	Префектура Ямагути г. Акама	14 апреля, 18 год эпохи Мэйдзи
Кано	Официантка	Префектура Кумамото, Амакуса-гун	17 год эпохи Мэйдзи
Тисно	Официантка	Префектура Нагасаки, Минами Такасуэ-гун	21 год эпохи Мэйдзи
Кадзу	Официантка	Префектура Нагасаки, Минами Такасуэ-гун	18 год эпохи Мэйдзи
Васэ	Официантка	Префектура Нагасаки, Нисиносоноги-гун	6 августа, 15 год эпохи Мэйдзи

Окончание таблицы 2

Имя	*Род занятий*	*Место прописки*	*Дата рождения*
Сиду	Не известно	Префектура Кумамото, Амакуса-гун	15 августа, 9 год эпохи Мэйдзи
Яо	Официантка	Префектура Кумамото, Амакуса-гун	15 сентября, 17 год эпохи Мэйдзи

Таблица 3

Место прописки	*Мужчины*	*Женщины*	*Всего*
Нагасаки	51	86	137
Кумамото	6	13	19
Фукуока	8	1	9
Сага	4	10	14
Другое	87	9	96
Итого	156	119	275

Таблица 4: Маршрут возвращения Какумина и японских переселенцев из России (1904)

Город	*Дата прибытия*	*Дата отъезда*
Владивосток		12 февраля
Хабаровск	13 февраля	17 февраля
Благовещенск	22 февраля	11 марта
Томск	17 апреля	9 июня
Пермь	19 июня	25 сентября
Бремерсхафен	4 октября	24 октября
Нагасаки	6 декабря	

Авторизованный перевод с японского
Е. Ю. Бессоновой

~

АЛЕКСАНДР ДЮКОВ

СОВЕТСКИЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ПРИБАЛТИЙСКИХ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ ГИТЛЕРА:

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ (1943–1946)

Массовое участие граждан прибалтийских республик в войне против Советского Союза на стороне нацистской Германии сегодня ни для кого не является секретом. То, что в советское время замалчивалось как позорная страница истории Прибалтики, в наше время стало для местных историков и политиков предметом гордости. Каратели из батальонов «вспомогательной полиции», солдаты из прибалтийских дивизий «Ваффен-СС» неожиданно стали новыми национальными героями прибалтийских республик, борцами за свободу и независимость.

Их было действительно много – тех, кто предпочел нацизм советской власти, кто сражался с бойцами Красной Армии, кто принимал активнейшее участие в нацистских карательных операциях против мирного населения, жег русские и белорусские деревни вместе с жителями, участвовал в еврейских погромах, охранял концлагеря и лагеря для военнопленных. Подробный список прибалтийских формирований в вермахте, люфтваффе, полиции и СС, составленный российским историком М. Ю. Крысиным, занимает более ста страниц мелкого текста – десятки охранных батальонов и батальонов «вспомогательной полиции», три дивизии войск СС, несколько сотен тысяч коллаборационистов.[1]

Прибалтийские националисты сделали ставку на победу нацистской Германии, но их ожидания оказались обманутыми. За поддержку врага, за совершенные при нацистах преступления надо было отвечать. Их страх перед расплатой казался вполне обоснованным. К сожалению, политика советского руководства в отношении коллаборационистов (в частности, прибалтийских) до сих пор не стала предметом специального исторического исследования. Сегодня и в России, и в Прибалтике бытует очень популярный миф о том,

[1] Крысин М. Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М., 2004. С. 310–417.

что после войны всех сотрудничавших с нацистами ждало жесткое наказание: расстрелы за измену и сибирские лагеря ГУЛАГа. Одни считают такую кару справедливой, другие – сталинским произволом. Однако на самом деле это – не более чем миф.

Общие принципы репрессий против коллаборационистов были сформулированы в совместной директиве наркомов внутренних дел и госбезопасности СССР № 494/94 от 11 сентября 1943 года.[2] Согласно этой директиве, аресту органами НКВД-НКГБ подлежали далеко не все коллаборационисты. Арестовывались офицеры коллаборационистских формирований, те из рядовых, кто участвовал в карательных операциях против мирного населения, перебежчики из Красной Армии, бургомистры, крупные чиновники, агенты гестапо и абвера, а также те из сельских старост, кто сотрудничал с немецкой контрразведкой.

Всех прочих коллаборационистов призывного возраста направляли в проверочно-фильтрационные лагеря, где проверяли на тех же условиях, что и вышедших из окружения бойцов Красной Армии и военнопленных. Исследования современных российских историков свидетельствуют, что подавляющее большинство направленных в проверочно-фильтрационные лагеря благополучно проходили проверку и впоследствии направлялись в армию или на работу в промышленность.[3] Коллаборационисты же непризывного возраста, согласно директиве от 11 сентября 1943 г. были освобождены, хоть и остались под наблюдением органов НКГБ.

Решение, принятое Кремлем в отношении коллаборационистов, сегодня может показаться невероятным. Рядовые коллаборационисты, коль скоро они не были замешаны в преступлениях, оказывались приравненными к вышедшим из окружения или освобожденным из плена красноармейцам. В Кремле хорошо знали, что в условиях нацистского оккупационного режима вступление в коллаборационистские формирования было зачастую лишь средством выживания как для советских военнопленных, так и для местных жителей. И именно с учетом этой вынужденности поступления на немецкую службу рядовым коллаборационистам было фактически даровано прощение. Документы свидетельствуют, что при освобождении прибалтийских республик органами НКВД-НКГБ из числа коллаборационистов арестовывались преимущественно офицеры.

Обратимся к сухим цифрам. В Эстонии нацистами было сформировано 26 эстонских батальонов «вспомогательной полиции» общей численностью

---

[2] ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 734. Л. 53–54.

[3] Кокурин А., Петров Н. НКВД – НКГБ – «Смерш»: Структура, функции, кадры // Свободная мысль. 1997. № 9. С. 98; Меенько А. В. Военнопленные возвращались в строй // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 32; Пыхалов И. В. Великая Оболганная война. М., 2006. С. 350–360, 363–370.

около 10 тысяч человек.[4] Около 15 тысяч эстонцев воевали в 20-й эстонской дивизии войск СС.[5] Кроме того, десятки тысяч эстонцев являлись членами так называемых отрядов «самообороны» – «Омакайтсе», в которых уже к концу 1941 г. насчитывалось 43 757 добровольцев.[6] Члены «Омакайтсе» участвовали в облавах на оказавшихся в окружении советских военнослужащих и партизан, арестовывали и передавали немецким властям «подозрительных лиц», несли охрану концлагерей, участвовали в массовых расстрелах евреев и коммунистов. Конечно, не все члены «Омакайтсе» были замешаны в преступлениях, но готовность к сотрудничеству с врагом ими была выражена достаточно ясно. Значительным было и число эстонских гражданских чиновников, фактически ставших частью оккупационной машины нацистов

Несмотря на столь массовый коллаборационизм, в 1944–1945 гг. в Эстонии органами НКВД-НКГБ было арестовано лишь около 10 тысяч человек – включая дезертиров из Красной Армии и довольно многочисленных «лесных братьев». Согласно хранящимся в Государственном архиве РФ данным, с 1 октября по 31 декабря 1944 г. органами НКВД ЭССР было задержано 356 «лесных братьев», членов «Омакайтсе» и полицейских, 620 военнослужащих немецкой армии и 161 бывших красноармейцев, сражавшихся на стороне нацистов.[7] С 1 января по 25 августа 1945 г. НКВД ЭССР было задержано 1083 человека, служивших в немецкой армии и активных членов «Омакайтсе», а также 264 «других пособников и ставленников врага».[8] По линии НКГБ ЭССР в 1945 году было арестовано 6569 человек[9], о количестве коллаборационистов среди коих приходится лишь догадываться. В 1946 г. количество арестованных органами НКВД-НКГБ ЭССР и вовсе резко снизилось. Если в 1945 г. НКГБ республики арестовало 6569 человек, то в 1946 г. таковых оказалось лишь 690.[10] Как видим, в целом аресту была подвергнута лишь малая часть служивших в коллаборационистских формированиях – в полном соответствии с директивой от 11 сентября 1943 г.

Однако кроме коллаборационистов, оставшихся на освобожденной советскими войсками территории, были и те, кто ушел вместе с немцами. После войны часть из них осталась на Западе, другие были репатриированы в СССР.

---

[4] Дробязко С. И. Под знаменами врага: Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941–1945. М., 2004. С. 242.

[5] Там же. С. 273.

[6] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 80.

[7] Там же. Д. 450. Л. 2.

[8] Там же. Л. 10.

[9] Статистические сведения о деятельности органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ // Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). М., 2006. С. 365.

[10] Там же. С. 365, 376.

Отношение к репатрированным коллаборационистам было более жестким, чем к оставшимся на освобожденной территории. Уход с немцами сам по себе свидетельствовал о враждебности этой категории. Несмотря на это, от масштабных репрессий советское руководство опять-таки воздержалась. Офицеры коллаборационистских формирований, естественно, арестовывались, а вот не замешанные в военных преступлениях рядовые были направлены лишь на 6-летнее спецпоселение в отдаленные районы страны.[11]

Первоначально к репатриантам-прибалтам относились так же, как и ко всем остальным. Однако уже в марте 1946 года этот подход был изменен. Сначала привилегии получили гражданские репатриированные прибалты. Дело в том, что гражданские репатриан существовавшему порядку проходили проверку, после которой направлялись либо к месту жительства, либо (мужчины призывного возраста) в армию и рабочие батальоны. Однако для прибалтов этот принцип был изменен. Согласно директиве наркома внутренних дел № 54 от 3 марта 1946 года, благополучно прошедшие проверку эстонцы, латыши и литовцы направлялись к месту жительства.[12] В армию и рабочие батальоны их не брали. Директива не распространялась на репатриированных прибалтийских коллаборационистов, которые должны были направляться на спецпоселение. Однако в скором времени отпущены были и они.

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 13 апреля 1946 г. репатриированные литовцы, латыши и эстонцы, служившие по мобилизации в немецкой армии, легионах и полиции в качестве рядовых и младшего командного состава, были освобождены от отправки на 6-летнее спецпоселение и подлежали возвращению в Прибалтику из проверочно-фильтрационных и исправительно-трудовых лагерей.[13]

В ЦА ФСБ хранится директива МВД СССР № 00336 от 19 апреля 1946 г., позволяющая понять, как, собственно говоря, проходил процесс освобождения коллаборационистов. Согласно этому документу, репатриированные прибалтийские коллаборационисты призывного возраста направлялись на работу в промышленность Латвии, Литвы и Эстонии до тех пор, пока из Красной Армии не будут демобилизованы их сверстники. Коллаборационисты непризывного возраста сразу же направлялись к месту жительства своих семей.[14] При этом в Прибалтику возвращались не только рядовые, но и офицеры. 13 июля 1946 г. специальное распоряжение на этот счет отдал замминистра внутренних дел генерал-лейтенант Рясной.[15] А менее чем через год, 12 июня 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление, кото-

---

[11] Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2001. Т. 2. С. 161.

[12] ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 982. Л. 53–54.

[13] Население России в XX веке. Т. 2. С. 160–161.

[14] ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 965. Л. 211–214.

[15] Там же. Д. 983. Л. 26–28.

рос с некоторыми оговорками распространяло действие постановления от 13 апреля 1946 г. на лиц других национальностей (кроме немцев), являвшихся уроженцами и постоянными жителями Литвы, Латвии и Эстонии.[16]

Подведем итоги. После освобождения Прибалтики от нацистов органами НКВД-НКГБ арестовывались лишь офицеры коллаборационистских формирований, крупные чиновники организованной оккупантами администрации, а также те, кто был замешан в преступлениях против мирного населения. Все остальные были фактически амнистированы. А среди тех прибалтийских коллаборационистов, кто ушёл с отступающими гитлеровцами, а потом был репатриирован в СССР, были арестованы лишь замешанные в преступлениях против человечности, а прочие, включая офицеров, возвращены на родину. Привилегиями по сравнению с остальными репатриированными пользовались и гражданские лица из прибалтийских республик; после проверки они отправлялись на родину; в армию и рабочие батальоны их не призывали.

Эти факты заставляют серьезно усомниться в адекватности выстроенной современными прибалтийскими историками картины 1944–1946 гг. Они рассказывают, что «вторая советская оккупация» ознаменовалась массовыми репрессиями, что в прибалтийских республиках был устроен заранее запланированный геноцид. Однако документы свидетельствуют об обратном. Напротив, в отношении прибалтийских коллаборационистов проводилась существенно более мягкая политика, чем в отношении прочих пособников врага.

Ниже публикуются ключевые документы о советской репрессивной политике в отношении прибалтийских коллаборационистов: директива НКВД СССР и НКГБ СССР № 494/94 от 11 октября 1943 г., директива НКВД СССР № 54 от 3 марта 1946 г. и приказ МВД СССР № 00336 от 19 апреля 1946 г. Документы извлечены из фондов Центрального архива ФСБ России; в научный оборот вводятся впервые.

---

[16] Население России в XX веке. Т. 2. С. 161.

1. Совместная директива НКВД СССР и НКГБ СССР № 194/94 о порядке арестов и проверки военнослужащих коллаборационистских формирований

СОВ. СЕКРЕТНО
НАРОДНЫМ КОМИССАРАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК
НАЧАЛЬНИКАМ УПРАВЛЕНИЙ НКВД КРАЕВ И ОБЛАСТЕЙ
НАРОДНЫМ КОМИССАРАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК
НАЧАЛЬНИКАМ УПРАВЛЕНИЙ НКГБ КРАЕВ И ОБЛАСТЕЙ
НАЧАЛЬНИКАМ ТРАНСПОРТНЫХ И ВОДНЫХ ОТДЕЛОВ НКГБ
НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСК НКВД ПО ОХРАНЕ ТЫЛА
ДЕЙСТВУЮЩЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ
(по списку)

В дополнение к данным ранее указаниям о порядке производства арестов в районах, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков полицейских, сельских старост и других ставленников и пособников оккупантов, предлагается руководствоваться следующим:

1. Из лиц, состоявших на службе в полиции, а так же в «Народной страже», «Народной милиции», «Русской Освободительной Армии», «Национальных легионов» и других подобных организациях, созданных немецко-фашистскими захватчиками на оккупированной территории – впредь арестовывать:

а) руководящий и командный состав органов полиции и всех перечисленных организаций.

Лица, оказывавшие помощь партизанам, военнослужащим Красной Армии, находившимся в плену или в окружении противника, или помогавшие населению в саботаже мероприятий оккупационных властей – аресту не подлежат; б) рядовых полицейских и рядовых участников перечисленных выше организаций, принимавших участие в карательных экспедициях против партизан и советских патриотов или проявлявших активность при выполнении возложенных на них оккупантами обязанностей;

в) бывших военнослужащих Красной Армии, перебежавших на сторону противника или добровольно сдавшихся в плен, изменивших Родине, а затем поступивших на службу в полицию, «Народную стражу», «Народную милицию», «РОА», «Национальные легионы» и другие подобные организации, созданные немецко-фашистскими захватчиками;

г) бургомистры и другие крупные чиновники созданного немцами административно-хозяйственного аппарата в городах, а также гласные и негласные сотрудники гестапо и других карательных и разведывательных органов противника подлежат аресту в ранее установленном порядке.

2. Из сельских старост аресту подлежат те, в отношении которых будут установлены факты активного пособничества оккупантам: связь с карательными или разведывательными органами противника, выдача оккупантам советских патриотов, притеснение населения поборами и т. п.

3. Лиц призывного возраста, работавших при немцах в качестве сельских старост, рядовых полицейских, а также являвшихся рядовыми участниками «Народной стражи», «Народной милиции», «РОА», «Национальных легионов» и других подобных организаций, в том числе бывших военнослужащих Красной Армии, если в отношении их отсутствуют данные об изменнической и предательской работе, направлять в специальные лагеря НКВД для фильтрации в порядке, установленном для лиц, вышедших из окружения и находившихся в плену у немцев.

Лиц непризывного возраста этих же категорий немецко-фашистских пособников, не подлежащих аресту в соответствии с пунктами 1 и 2 настоящей директивы, органами НКГБ брать на учет и под наблюдение.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
Генеральный Комиссар Госбезопасности
Л. БЕРИЯ

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗА ССР
Комиссар Госбезопасности 1 ранга
В. Меркулов

№ 194/94
11 октября 1943 года.

ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 734. Л. 53–54.
Копия, машинопись.

2. Директива НКВД СССР № 54 об отправке к месту жительства латышей, эстонцев и литовцев, подлежащих освобождению из проверочно-фильтрационных лагерей

№ 54
3 марта 1946 г.
гор. Москва
НАРОДНЫМ КОМИССАРАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИК
НАЧАЛЬНИКАМ УНКВД КРАЕВ И ОБЛАСТЕЙ
НАЧАЛЬНИКАМ ПРОВЕРОЧНО-ФИЛЬТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ НКВД
(по списку)

КОПИЯ: НАРОДНЫМ КОМИССАРАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ЛАТВИЙСКОЙ ССР тов. ЭГЛИТ
ЛИТОВСКОЙ ССР тов. БАРТАШУНАС
ЭСТОНСКОЙ ССР тов. РЕЗЕВУ

Предлагается принять к неуклонному исполнению следующее:

1. Всех латышей, эстонцев и литовцев, находящихся в проверочно-фильтрационных лагерях НКВД СССР, которые после проверки окажутся полностью реабилитированными и подлежат освобождению из лагерей – отправлять к месту жительства их семей, соответственно в Латвийскую ССР, Литовскую ССР и Эстонскую ССР.

2. Не подлежат отправлению на родину:

а) работающие в лагерях, обслуживающих предприятия, по которым имеются специальные правительственные решения о передаче проверенного контингента в данную отрасль промышленности; б) подлежащие в соответствии с правительственными решениями направлению в район расселения.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
(С. Круглов)

ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 982. Л. 53–54
Копия, машинопись.

3. Приказ МВД СССР № 00 336 о возвращении на родину репатриированных латышей, эстонцев и литовцев, служивших в немецкой армии и коллаборационистских формированиях

№ 00 336
19 апреля 1946 г.
гор. Москва.

Согласно постановлению Совета Министров Союза ССР № 843-342сс от 13 апреля 1946 года на репатриированных латышей, эстонцев и литовцев, являющихся постоянными жителями Литовской, Эстонской и Латвийской ССР, не распространяются постановления ГОКО № 9871с от 18 августа 1945 года и СНК СССР № 3141-950сс от 21 декабря 1945 года о направлении на расселение в северные районы страны репатриированных советских граждан, служивших в немецкой армии, легионеров – «власовцев» и полицейских.

Все указанные выше латыши, эстонцы и литовцы в течение 1946 года возвращаются на родину в следующем порядке:

а) все лица призывных возрастов, демобилизация сверстников которых из Красной Армии не производилась, направляются на работу в промышленность и на строительство в Литовскую, Эстонскую и Латвийскую ССР с закреплением их на этих работах до конца демобилизации их сверстников из Красной Армии; б) все лица непризывного возраста направляются к месту постоянного жительства их семей.

Этим же постановлением Совет Министров Союза ССР обязал Министерства СССР и другие центральные ведомства, а также предприятия союзных республик, местной промышленности освободить в течение 1946 года с разрешением выехать на родину к месту жительства их семей всех репатриированных латышей, эстонцев и литовцев, являющихся постоянными жителями Литовской, Эстонской и Латвийской ССР и преданных на постоянную работу промышленным предприятиям и на строительства.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Министрам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам Управлений Министерства внутренних дел краев и областей немедленно учесть во всех лагерях МВД, спецпоселениях и рабочих батальонах репатриированных советских граждан из числа латышей, эстонцев и литовцев, являющихся постоянными жителями Латвийской, Эстонской и Литовской ССР, составив на всех этих лиц подробные именные списки, раздельно на жителей Латвийской, Эстонской и Литовской ССР.

2. Лиц призывных возрастов указанных национальностей, служивших в немецких строевых формированиях, демобилизация сверстников которых из Красной Армии не производилась, направить организованным путем в промышленность и на строительство в Латвийскую, Эстонскую и Литовскую ССР, с закреплением их на этих работах до конца демобилизации их сверстников из Красной Армии.

Отправку проводить только по нарядам МВД СССР.

Всех лиц непризывного возраста этого же контингента, сверстники которых по возрасту не находятся в Красной Армии, освободить из всех лагерей МВД, спецпоселений и рабочих батальонов и направить к месту постоянного жительства их семей.

Освобождение оформлять краткими постановлениями со ссылкой на настоящий приказ.

3. Все репатриированные латыши, эстонцы и литовцы не служившие в немецких строевых формированиях, находящиеся к моменту издания настоящего приказа в проверочно-фильтрационных лагерях, лагерях ГУПВИ и рабочих и прошедшие проверку подлежат направлению на родину к месту жительства семьи.

4. Направляемым на родину выдавать на руки справки с указанием, что они следуют к месту своего постоянного жительства в Латвийскую, Эстонскую и Литовскую ССР, проездные документы и продовольствие на путь следования или рейсовые карточки.

Отправку лиц из МВД СССР, находящихся на работах порученных МВД СССР, производить по мере окончания работ или после замены на этих работах другими контингентами в течение 1946 года.

5. Проверку репатриантов – латышей, эстонцев, литовцев, проводимую на основании приказов НКВД СССР – НКГБ СССР – ГУКР НКО «Смерш» № 001027/00 169сш от 8 сентября 1945 года и НКВД СССР – НКГБ СССР № 00706/00268 от 16 июня 1945 года, закончить до отправки их в Прибалтику и не позднее 1 августа 1946 г.

Прошедших вновь проверку направлять на родину в соответствии с пунктами 2 и 3 настоящего приказа.

Репатриантов, на которых в процессе проверки будет добыто достаточно материалов для привлечения их к уголовной ответственности, арестовать и дела закончить на месте.

6. Не подлежат освобождению и направлению на родину репатриированные латыши, эстонцы и литовцы, отбывающие наказание по решениям судебных органов или Особого совещания при МВД СССР, а также следственные заключенные.

7. Агентурные разработки, фильтрационные дела и другие материалы на лиц, направленных в промышленность и к месту постоянного жительства пересылать в соответствующие органы МВД.

8. Органам милиции беспрепятственно выдавать пропуска на выезд к месту постоянного жительства в Латвию, Эстонию и Литву репатриантам, освобождаемым от работы в промышленности и строительства, следуемым к постоянному месту жительства их семей.

9. Министрам внутренних дел союзных и автономных республик и начальникам Управлений МВД краев и областей о количестве выявленных репатриантов, освобожденных и направленных на работу в промышленность и строительство Прибалтийских республик, сообщать в 1 Спецотдел МВД СССР ежедекадно по прилагаемой форме.

10. Контроль за выполнением настоящего приказа возложить на Заместителя Министра Внутренних Дел СССР генерал-лейтенанта Рясного.

Директиву НКВД СССР № 54 от 3 марта 1946 года[17] – отменить.

Министр внутенних дел Союза ССР
(С. Круглов)

ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 965. Л. 211–214.
Оригинал, машинопись.

---

[17] См. документ № 2. – *Примечание публикатора.*

КАТРИОНА КЕЛЛИ

«СПАСИБО ЗА ЗАМЕЧАТЕЛЬНУЮ КНИГУ»:

СОВЕТСКИЕ ДЕТИ-ЧИТАТЕЛИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ В 1950–1975 ГГ.[1]

Введение

Согласно патриотическому клише послесталинской эпохи, советский народ был «самым читающим в мире». Потому чтение, как многократно утверждали исследователи, занимало ключевое место в социализа-

[1] Выражаю благодарность Британской Академии, фонду Ливерхьюм (грант F/08736/A), фонду Илчестер Оксфордского университета и Нью-Колледжу (Оксфорд) за поддержку более обширного проекта, в рамках которого создана данная статья: «Детство в России, 1890–1991: культурная и социальная история». Интервью, проведенные по гранту Ливерхьюма, обозначаются как «Oxf/Lev» плюс код города (SPb, M, T, v– деревни в Ленинградской области) и код года (03, 04). Интервью брали: в Санкт-Петербурге – Александра Пиир; в Москве – Юлия Рыбина и Екатерина Шумилова, в Таганроге – Юрий Рыжов и Любовь Терехова, в Ленинградской области – Екатерина Мельникова и Оксана Филичева. Интервью, помеченные как 'CKQ', плюс код места (SPb, M, «Ox» – не только Оксфорд, а вся Великобритания) и код года (03, 04) были записаны Катрионой Келли с использованием того же опросника. Хочу поблагодарить за помощь все участвовавшие в этом проекте организации, наших информаторов и интервьюеров, а также координаторов проекта: Альберта Байбурина в Санкт-Петербурге и Виталия Безрогова в Москве. Само собой разумеется, что никакое из упомянутых здесь лиц и организаций не несет ответственности за аналитические выводы, сделанные мной в данной статье. В цитатах из интервью были опущены или изменены все имена, а также опущены все топонимы, за исключением названий крупных городов, с целью сохранить тайну личности информантов. Сведения об информантах (дата рождения, классовая принадлежность, место жительства и т. д.) и выдержки из интервью доступны на веб-сайте «Детство в России» www.mod-langs.ox.ac.uk/russian/childhood. Благодарю также анонимных читателей «Критики» и Майкла Дэвида-Фокса и Питера Холквиста за ценные замечания по первому варианту статьи. Английскую версию статьи см. Catriona Kelly, «Thank You for the Wonderful Book»: Soviet Child Readers and the Management of Children's Reading, 1950–1975 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Volume 6, Number 3, Fall 2005, pp. 717–753

ции детей из любой советской семьи, даже обладавшей самым скромным достатком. Типично в этом отношении заявление Льва Кассиля, сделанное в 1964 году: «Можно с уверенностью сказать, что нет на просторах нашей родины такого дома, где, если в нем растет хотя бы один ребенок, не нашлось бы детской книги»[2]. Однако приобщение детей к чтению не отдавали исключительно на откуп родителям. Государственные учреждения прикладывали колоссальные усилия к распространению детской литературы и к тому, чтобы обеспечить ее правильное прочтение. В школьных программах предусматривалось не только «обязательное чтение», подразумевавшее изучение книг в классе, но и «внеклассное чтение», которое могло служить темой для обсуждения, организованного классным руководителем[3]. В руководствах и журналах для родителей содержались рекомендации о том, как организовать детское чтение – к этому делу требовалось подходить очень тщательно и ответственно[4]. А библиотеки – как и в предыдущие эпохи советской истории – работали как центры советской цивилизующей миссии: при обработке читательских карточек выяснялись вкусы детей, после чего библиотечные работники либо закрепляли эти вкусы (если они соответствовали обязательным установкам), либо, наоборот, старались подтолкнуть детей к чтению материалов иного рода (скажем,

---

[2] Кассиль Л. Дело вкуса: Заметки писателя. 2-е издание. М.: Искусство, 1964. С. 115. По поводу мифов о советском читателе см., в частности: S. Lovell, The Russian Reading Revolution: Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras (Basingstoke: Macmillan, 2000), ch. 2.

[3] Понятие «внеклассного чтения» появилось одновременно с введением обязательных учебных программ. См.: Программы и методические записки единой трудовой школы. Вып. 3. М.–Л.: Госиздат, 1927. С. 36. В «факультативном» списке содержалось 22 названия, включая сказки Пушкина. Впоследствии эти списки расширились. См., например: Программы начальной школы на 1957–1958 год. М.: Учпедгиз, 1957. О работе классного руководителя см.: Болдырев Н. И. Классный руководитель: Пособие для классных руководителей средних школ. 2-е изд. М.: Гос. уч-пед. изд., 1955. С. 195–200. Приложение 18. С. 344–348. Об обсуждении внеклассного чтения в классе см.: Там же. Приложение 13. С. 325, где от классного руководителя требуется, чтобы он проводил групповые занятия на тему «Как обращаться с книгой» и «О рассказе Горького „Как я учился“».

[4] См., например: Детской книге – почетное место в семье // Семья и школа. № 7. 1953. С. 1–4, где рекомендуются Маяковский, Гайдар, книги о Ленине и Сталине А. Конопова (Рассказы о Ленине. М.–Л., 1939, и т. д.), М. Большинцова и М. Чиаурели (Рассказы о великих днях. М.–Л.: Детгиз, 1952), «Рассказы о Дзержинском» Ю. Германа (см. ниже), «Улица младшего сына» Л. Кассиля (в соавторстве с М. Л. Поляновским. М.–Л.: Детская литература, 1951) и т. д. Пример руководства для родителей: Осипов В. Книга в вашем доме. М.: Книга, 1967. Материалы подобного рода появлялись еще до революции. См., например: Тезисы по вопросам чтения детей дошкольного возраста, выработанные Петроградским Обществом Содействия дошкольного воспитания // Дошкольное воспитание. № 3–4. 1917. С. 247–248.

если ребенок отличался излишней любовью к приключенческим книгам или к другому маргинальному жанру)[5].

К концу 60-х гг. стала раздаваться критика чрезмерного контроля за чтением со стороны библиотекарей[6]. Но управление продолжалось, с использованием таких приемов, как рекомендательные библиографии, плакаты и личные советы. Даже в статье о чтении детьми пионерских газет, изданной в 1983 г., все еще подчеркивается необходимость в первую очередь развивать «политическое мышление» и приучать детей к систематическому чтению; статья проповедовала такие методы, как распространение памятных записок и инструкций («Читай каждую статью внимательно!» и т. д.), проведение конкурсов и викторин по содержанию каждого номера, создание стенда с материалами близкой тематики, «постановки» отдельных рассказов и пр[7].

Наряду со школами, библиотеками и родителями, чтением детей также руководили комсомол и пионерская организация. Официально они считались «шефами» издательств детской литературы, указывали основные политические темы, которые издательствам предписывалось освещать в печатной продукции и при работе с читателями[8]. Однако, в послесталинскую эпоху это

---

[5] Felicity O'Dell, Socialisation through Children's Literature: the Soviet Example (Cambridge: Cambridge University Press, 1978), 61–70; Elaine C. Miller, Reading Guidance in Soviet Children's Libraries (Birmingham: Birmingham Library School Co-Operative, 1978). О. Васильева. Книга и читатели // Неделя. № 47. 1962. С. 11 – восторженный рассказ журналистки о том, как она провела день в библиотечной работе с детьми. О настроениях, свойственных раннему советскому периоду, см.: Уварова Е. Новые пути борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью // Детский дом. № 3. 1928. С. 12: «Детская библиотека в настоящее время является не книгохранилищем с функциями только по выдаче книг, а живым педагогическим учреждением».

[6] См., например, опубликованную в 1983 г. статью, в которой утверждалось, что детей следует поощрять к чтению приключенческих историй, поскольку те развивают эмоциональность и воображение: Свирская И. А., Огурцова Е. Л., Асиновская Л. Н. Приключенческая литература в современной детской библиотеке // Дифференциальное руководство чтением детей. Сборник научных трудов. Л.: Центральная детская библиотека, 1983. С. 37–50.

[7] См.: Анищенко Л. А. Пионерская газета и ее юный читатель // Дифференциальное руководство... С. 121–133.

[8] См., например: О проведении недели детской и юношеской книги: Копии постановлений Секретариата Центрального Комитета ВЛКСМ по пионерской и школьной работе, за 1970–1971 гг. – машинописный текст, сохранившийся в читальном зале московского Центра хранения документов молодежных организаций (филиал Российского государственного архива социальной и политической истории (РГАСПИ)), где перечисляются темы для «Недели детской книги в 1970 г.», в число которых входят жизнь Ленина и его соратников, Коммунистическая партия, Комсомол, «трудовые и боевые подвиги советских людей» и «дружба народов».

руководство велось «спустя рукава»: редакторы пользовались значительной свободой в отношении тех тем, которыми они занимались помимо советского политического канона, и проблем, считавшихся в то время ключевыми («коммунистическое воспитание», освоение космоса и т. д.)[9]. И если комсомольские аппаратчики конца 1920-х — начала 1930-х гг. тратили массу энергии на мелочный надзор за детским чтением (они беспокоились, что дети слишком любят приключенческую литературу, что та или иная книга не подходит для них и должна быть удалена с библиотечных полок), то к 1960-м гг. их усилия сосредоточились в узкой области «пионерской» и «комсомольской» литературы, представленной, например, официальными жизнеописаниями Павлика Морозова, Зои Космодемьянской, и таких пионеров — героев войны, как Володя Дубинин и Леня Котиков, дети должны были их прочесть, готовясь к вступлению в пионеры[10]. Подобные материалы имелись в школьных «пионерских уголках»[11] и обсуждались на пионерских и комсомольских собраниях, а также во время «разговоров у костра», которые проводились летом в пионерских лагерях.

Можно задаться вопросом, насколько эффективной была вся эта работа? В какой степени советские педагоги, идеологи, родители и прочие «ответственные взрослые» преуспели в навязывании своих вкусов молодому поколению? Настоящая статья представляет собой попытку предварительного ответа на этот вопрос, основанную на взаимодополняющих свидетельствах двух типов — устной истории (которая обладает всеми обычными недостатками

---

[9] Издательства, журналы и газеты для детей и молодежи находились в подчинении у ЦК Комсомола и отчитывались за свои издания перед его отделом агитации и пропаганды. См., например, анонимный и лишенный даты отчет о содержании «Молодой Гвардии» за 1968 г., в котором журнал критикуется за увлечение сухими перечнями биографических событий в ущерб художественной литературе и журналистским репортажам в преддверии ленинской годовщины в 1969 году, и выдвигается требование давать больше политических материалов в следующих номерах. Однако, в докладе ничего не говорится об эстетической и интеллектуальной ценности предыдущих публикаций; констатируется лишь абстрактная необходимость повысить литературное качество журнала (ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 34. Д. 447. Л. 231–237). В послесталинскую эпоху предпринимались также усилия повысить литературное качество того, что публиковалось в журналах и газетах, издававшихся самим Комсомолом: ср. «творческий семинар», проведенный в 1982 г. с целью привлечения молодых авторов и их подготовки до уровня выдвигавшихся требований: Материалы по подготовке к проведению творческого семинара руководителей детских изданий. Отчет о проведении программы, списки участников и т. д. (ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 95. Д. 207. Л. 1–13).

[10] О героической литературе см.: Catriona Kelly, Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero (London: Granta, 2005).

[11] Например, в 1961–1962 гг. «Вожатый», журнал для пионервожатых, издавал приложение «Спутник» с биографиями юных героев.

ретроспективного комментария, но с другой стороны, дает доступ к таким общественным группам, как рабочий класс и крестьянство, которые обычно не оставляли письменных воспоминаний) и писем, посылавшихся самими детьми в советские издательства в 1950-е, 1960-е и 1970-е гг. (которые служат для нас важным свидетельством об отклике на книги в то время, когда эти письма писались детьми, но исходили они из рядов самоизбранной и, следовательно, самоопределяющейся элиты)[12]. Указывается, что отзывы детей на литературу отличаются разнообразием; возможно, что оно непосредственно коррелирует с социальным происхождением авторов отзывов, и с той степенью, в которой признававшиеся в их социальном окружении ценности соответствовали ценностям советского культурного истэблишмента. При этом выяснятся, что даже дети, наиболее склонные к высказыванию «адекватных» взглядов, нередко делали это способами, сильно отличающимися от взрослых представлений о том, каким должно быть искусство отзыва на книгу.

Детское чтение: проблемы и концепции

Читательские отзывы славятся своей сложностью для исторического исследования, а в том случае, когда речь идет о вкусах детей прежних поколений, классические источники, применяющиеся при исследовании «истории книги» – такие, как цифры продаж, – оказываются еще более сомнительными, чем обычно[13]. Дети не являются потребителями книг в том банальном смысле, что не покупают их сами. Чаще всего книги попадают им в руки случайно. Даже если книга куплена специально, покупают ее обычно взрослые: как правило, родители, но также и другие родственники (например, в современной британской книготорговле известна специальная ниша, «grauntie books» в которую входят книги, покупаемые бабушками и тётушками на дни рожденья и т. п.). Кроме того, эти покупки нередко определяются факторами, непосредственно не связанными с предпочтениями самого ребенка, как реальными, так и навязанными ему; выбор в первую очередь зависит от вку-

---

[12] К тому же в этой элите наблюдались явные возрастные и половые диспропорции. Как отмечается ниже, письма в основном писались детьми, возрастом приближавшимися к десятилетнему рубежу или немного превышавшими его; кроме того, похоже, что девочки в этом отношении были более активны, чем мальчики. Однако, подобные наблюдения не слишком надежны, поскольку детские письма доступны лишь в виде изданных дайджестов, куда входили лишь письма, вызвавшие наибольший интерес у сотрудников издательства «Детская литература»: вполне возможно, что мальчики и девочки из этой возрастной категории наиболее преуспели в сочинении таких писем, какие их адресатам казались наиболее уместными.

[13] Пример исследования, основанного на подобном материале: Французская книга в России XVIII века: очерки истории. Под ред. С. П. Луппова. Л.: Наука, 1986.

сов самого покупателя, когда он был ребенком. Ретроспективный характер мемуарных источников в данном случае представляет еще большую проблему, чем тогда, когда используются воспоминания о взрослом возрасте, поскольку пропасть между автором и той личностью, какой он был прежде, носит не только временной, но и психологический характер[14]. А дневники и письма представляют собой не только редкие, но и сомнительные выражения личности их авторов, поскольку сочиняются нередко при непосредственном вмешательстве взрослых, которые в некоторых случаях диктуют даже их содержание.

Впрочем, возможно, следует отказаться от понятия «подлинного» детского читательского опыта, который обязательно должен формироваться помимо взрослого контроля. Как уже более двадцати лет утверждают антропологи-лингвисты, взрослые играют в этом процессе непосредственную роль, не только указывая детям, что читать, но и обучая детей, как читать. По словам Ширли Брайс Хит, «манера получения знаний из книг составляет не меньшую часть привычек, приобретенных путем воспитания, чем манера есть, сидеть, играть и строить дома из кубиков». И далее: «Детям приходится учиться, как выбирать, сохранять в памяти и применять содержание книг и других письменных и печатных текстов в соответствии с правилами данного окружения или «способами приобретения», и поэтому обучение детей происходит по образцам, принятым в данном окружении»[15]. Хит конкретизирует эту абстрактную схему, описывая три альтернативных варианта приобщения детей к чтению, принятых в «Мэйнтауне», «Роудсвилле» и «Трэктоне» – за этими названиями скрываются три различные общины в Северной Каролине, в которых преобладающим населением является соответственно зажиточный средний класс, белый рабочий класс и черный рабочий класс. В «Мэйнтауне» дети из бесед со своими родителями очень рано узнают, что о книгах следует говорить аналитически; как эта базовая процедура, так и конкретные вопросы весьма эффективно подготавливают их к приоритетам школьного обучения, где воссоздание событий и пересказ содержания ценятся не так сильно, как «объяснение причин» и «эмоциональные комментарии»[16]. С другой стороны, в «Роудсвилле» колоссальное уважение к книгам сочетается с большой осторожностью по отношению

---

[14] Из этого не следует, что воспоминания бесполезны при реконструкции детского чтения. Даже крайне официозный сборник автобиографий: Советские писатели. Автобиографии. М.: Художественная литература, 1969–1987, содержит ценную информацию, в первую очередь свидетельствующую об эклектичности юношеских вкусов.

[15] Shirley Brice Heath, «What No Bedtime Story Means: Narrative Skills at Home and School», Language in Society 11, 1 (1982), 49–76; переиздано в: Alessandro Duranti (ed.), Linguistic Anthropology: A Reader (Oxford: Blackwell, 2001), 318–42 (цитаты со с. 318 и 336).

[16] Ibid, p. 322.

к статусу книги. Комментарии взрослых не только не проводят никаких связи между текстом и окружающим миром (так, ребенку будут говорить, что фантастическая желтая птица на рисунке – это «утка», не объясняя, какое отношение она имеет к живому коричневому существу, которое кормят хлебом по воскресеньям), а порой даже подчеркивают, что «книги» и «реальная жизнь» очень далеки друг от друга. Наконец, в «Трактоне» книга представляет собой случайный объект в культуре, которая формируется в основном путем устной традиции; здесь дети рано овладевают умением самим рассказывать истории, привыкают к историям с использованием характерных риторических идентификаторов, таких, как кольцевая форма, и вырастают в мире, в котором невербальная коммуникация по меньшей мере столь же важна, как и вербальная.

Очевидно, что модель Брайс Хит очень схематична и даже балансирует на грани стереотипов. Но она обладает известной ценностью в том отношении, что улавливает ключевые различия в том статусе, который книга имеет в различном окружении, и их влияние на социализацию чтения. Проверка этой модели на примере советской истории проблематична, поскольку воспоминания и устные исторические источники обычно умалчивают о том, как дети действительно учатся читать в интерпретативном смысле (максимум, что обычно вспоминается – первые прочитанные книги), а периферийные источники указывают на существование самых различных отношений к книге и различных способов ознакомления с ней ребенка. Из таких источников, как материнские дневники, воспроизводящие жизнь в интеллигентных семьях, ясно следует, что в таких семьях колоссальное значение придавалось интеллектуальному развитию детей в раннем возрасте и рациональному, независимому обсуждению философских и эстетических вопросов. Та тщательность, с которой фиксировалось мнение детей о мире и о книгах, позволяет заключить, что подход к обучению детей чтению в данной социальной группе примерно соответствует тому, который принят в «Мэйнтаунс»[17].

Официальная кампания по насаждению «культурности» придала такому подходу привкус крестового похода, который отсутствует в той Америке, которую описывает Брайс Хит. Библиотечная работа с детьми на закате советской эпохи велась значительно агрессивнее, чем на современном ей Западе. Библиотеки формировали детские вкусы, не только руководя чтением отдельных детей, но и изымая материалы, признанные «неподходящими» (этот прием известен и на Западе, хотя, скажем, цензура материалов для

[17] Примеры такого «материнского дневника» 1920-х гг.: Станчинская Э. И. Дневник матери. М.: Новая Москва, 1924; 1930-х: Ключарева И. Р. Из дневника матери: О некоторых вопросах воспитания. М.: Гос. учебно-пед. изд., 1951; 1960-х: Мухина В. С. Близнецы. М.: Просвещение, 1969.

детского чтения в британских и американских библиотеках носила более случайный характер, чем в советских)[18]. Кроме того, они проводили дополнительные мероприятия: выставки, конкурсы и «читательские конференции», на которых обсуждались злободневные проблемы и канонические тексты. При этом детей учили не только тому, что читать, но и как читать – что следует говорить и думать об усвоенных ими книгах[19].

«Книжный голод» конца советской эпохи повышал привлекательность библиотек для юных русских читателей по сравнению с привлекательностью библиотек для их западных сверстников, благодаря чему эта пропаганда «стандартных» методов чтения имела больше шансов на достижение своей цели. Потенциальное несоответствие между вкусами детей и библиотекарей заключалось скорее в возможности того, что самых рекомендуемых книг просто не хватит на всех – т. е. дети не смогут прочесть того, что должны, – а не в том, что детям в руки каким-либо образом попадет «неподходящий» материал[20].

---

[18] О библиотечной цензуре в раннюю советскую эпоху (которая заложила образец для последующих эпох) см.: Evgeny Dobrenko, The Making of the State Reader: Social and Aesthetic Contexts of the Reception of Soviet Literature, trans. Jessie M. Savage (Stanford University Press, 1997), особ. pp. 190–191. См. также: H. Ermolaev, Censorship in Soviet Literature, 1917–1991 (Lanham: Rowman and Littlefield, 1997), p. 7, где описывается изъятие из библиотек Чарской в 1923 г. Ср. сделанное в 1933 г. заявление Горького о том, что для советских читателей доступно намного меньше дореволюционной детской литературы, чем дореволюционной взрослой литературы (Литература – детям // Правда. 11.6.1933). Библиотечная цензура в США зачастую носит «волюнтаристский» характер, имея своим истоком давление со стороны отдельных лиц (особенно родителей), групп лоббирования, представляющих «моральное большинство», и учебных заведений. См. памфлет: Censorship in the Schools: What Is It? How Do You Cope?, размещенный на веб-сайте Американской библиотечной ассоциации (American Library Association), а также: Peter Hunt, 'Judy Blume', in D. Jones (ed.), Censorship: A World Encyclopedia (London: Fitzroy Dearborn, 2000), vol. 1, pp. 253–4. Напротив, в Великобритании цензура осуществлялась и непосредственно персоналом библиотек, знаменитый пример – изъятие книг Инид Блайтон в 1970-е гг. См.: Peter Hunt, «Enid Blyton», ibid., pp. 254–5. Общий обзор цензуры в отношении детских книг см.: Peter Hunt, «Children's Literature», ibid., pp. 461–4; и S. Lehr, Battling Dragons: Issues and Controversy in Children's Literature (New Hampshire: Heinemann, 1995).

[19] Во время посещения в сентябре 2002 г. Ленинградской областной детской библиотеки в С.-Петербурге мне показали папки с работами школьников 1970-х и 1980-х гг. для выставок и праздников, включая 40-ю годовщину победы в Великой Отечественной войне в 1945 г., материалы для официального движения за мир и т. д.

[20] Как зафиксировано, например, в: Oxf/Lev M-03 PF22B, p. 12, где женщина, родившаяся в 1951 г. в Ярославле, вспоминает: «Моя любовь к чтению выходила мне всегда боком. Я была записана в библиотеки, на хорошие книги там всегда была очередь, запись. Ну, в конце концов, они когда-то тебе доставались, и, значит, скрыть где-то в одной комнате было невозможно. Поэтому я придумала читать под одеялом

С другой стороны, устная история выявляет существование и других моделей. В Советской России были и семьи «роудсвиллского» типа, в которых книги считались большой ценностью, но их следовало почитать, а не читать. Родившаяся в 1941 г. женщина, вышедшая из среды московских рабочих, вспоминает, что впервые приобщилась к чтению благодаря деду: «Дедушка был вообще очень мудрый человек, которому я тоже очень благодарна, который мне привил любовь к литературе. У него было много книг, старинных. Помню вот сейчас том Пушкина. Дедушка переплетал книги и очень аккуратно обращался с ними, всё было заклеено. И вот была, значит, был этот том, первый, который я вытащила из его этажерки, когда стала, вроде, читать более-менее... Вообще он не позволял, вот, брать книжки. Я была аккуратной девочкой, и мне разрешалось»[21].

Другая женщина, родившаяся в 1920 г. в Псковской губернии, жила в семье, где чтение из процесса приобретения информации превратилось в ритуал: «Отец партейный был, ну, неграмотный, чего там. Он меня часто заставлял читать ему... как же книга? Партейная книга такая, забыла, забыла сейчас я, как ее название. Он меня часто заставлял некоторые там читать ему»[22].

В таких семьях немногочисленные книги обычно служили тотемом – это были если не «партийные книги», то произведения классиков или книги о них, такие, как «книга о Пушкине», про которую вспоминает женщина, родившаяся в 1932 г. в Псковской области[23]. Обычно говорили не «читать книгу», а «учить книгу», например, можно было услышать фразы типа «Сиди спокойно, учи книгу!»[24]

Миф о «самом читающем народе в мире» подрывают также свидетельства о существовании в обществе и культуры «трэктоновского» типа, в которой книги не входят в число важнейших ценностей. В частности, исследование деревенской устной истории обнаруживает, что книги там были редкостью, а когда и попадали в деревню, далеко не всегда играли роль собственно «книг». Как вспоминает женщина 1938 г. р., прожившая почти все детство в селах Вологодской и Ленинградской областей:

«*Соб-2*: Ну, вот, в Библию-то Вы подглядывали.
Инф: Под... Ну, мы разглядывали ее, как альбом с фотокарточками.
Соб-2: Не читали?

с фонариком, но в принципе это не ново, но, значит, за это была наказана, книжку отобрали. Читала я всегда и везде, вот».

21 Oxf/Lev M-03 PF3A, p. 4.

22 Oxf/Lev V-04 PF4A, p. 28.

23 Oxf/Lev V-04 PF15A, p. 11.

24 Выражаю благодарность Наталье Дворщиной за это замечание.

Инф: Неа. Если под картинкой там надпись, что, вот, потоп такой-то – вот, мы там прочитаем. А так просто чисто смотрели как картиночки, и всё. Нет. Ну, где там прочитаешь! Там я и сейчас-то возьмусь читать, дак не одолеть мне и страницы»[25].

В этой семье по крайней мере была одна книга, хотя не такая, которую бы одобрили советские идеологи. Вопреки заявлению Льва Кассиля, в Советском Союзе встречались семьи, в которых вообще не было книг – даже детских. Учитель, в конце советской эпохи работавший в южном русском городе Таганроге, вспоминает, что во многих семьях, в которых воспитывались ее ученики, отсутствовали какие-либо материалы для чтения[26]. После того, как во второй половине XX века книги стали более доступны, отношение к книге как к «священному предмету» начало отмирать, но безразличие к книгам сохранялось: не все чувствовали себя обязанными воспользоваться возможностью покупки материалов для чтения.

Таким образом, семейная социализация могла расходиться с официальными моделями обучения детей чтению, а не оказывать им дополнительную поддержку, что должно было происходить в теории. Впрочем, и у детей, выросших в семьях, где книги были редкостью и инородным предметом, могла развиться привычка к чтению[27]. Так, культивация досуговых практик стала одновременно и выражением, и инструментом социальной мобильности, а также признаком идентичности возникающей интеллигенции. Но так же часто дети усваивали привычки того окружения, из которого они происходили. По словам жительницы Ленинграда, родившейся в конце 1960-х и выросшей в семье водителя грузовика, «Ой, честно говоря, сказать, что я совсем прямо так, действительно, любила читать, такого не было. Я читала по мере необходимости. [...] Но были две вещи, которые я упивалась. Ну, это, наверное, уже в более таких, классе седьмой-восьмой. [Т. е. в 14–15 летнем возрасте]. Вот я «Щит и меч»[28], с удовольствием эту книжку

---

[25] Oxf/Lev V-04 PF6B, p. 53. См. также Мельникова Е. А. Книга и чтение в устных свидетельствах крестьян Северо-Запада России // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. Под ред. Корминой Ж. В., Панченко А. А., Штырковой С. А. СПб: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2006. С. 277–289.

[26] Oxf/Lev T-04 PF2B, p. 12.

[27] Пример из ранней советской эпохи: CKQ-M-04 PF5A, p. 8: мужчина 1918 г. р. из маленького городка в Тульской области рассказывает, что даже запреты мачехи (она утверждала, что чрезмерное чтение превратит его в «книжного червя») не могли отвратить его от книг. Пример из поздней советской эпохи: CKQ-Ox-03 PF8-9; родители интервьюируемой были сельскими учителями, родом из крестьян, собравшими библиотеку русских классиков и книг по марксизму-ленинизму, но сама она обладала более обширными вкусами, проявляя особый интерес к истории искусства.

[28] Триллер Вадима Кожевникова, весьма близкий по сюжету к гораздо более известной книге «Семнадцать мгновений весны» Юлиана Семенова – советский агент

читала, по-моему, несколько раз, она же толстенная такая. Вот я ее, ею зачитывалась. Какую-то еще одну книжку, забыла. В общем, а остальные произведения, так. Читала, постольку, поскольку, чтобы уже... все равно проходить будем.»[29].

Заметен куда больший акцент на физическом облике книги – «она же толстенная такая»[30] – чем на ее содержании; одновременно следует обратить внимание на четкий водораздел в сознании информанта между книгами, которые «проходят в школах», и чтением ради собственного удовольствия.

Наряду с аналогичными историческими субъектами, чтение нередко оказывалось в распорядке проведения досуга как второстепенное занятие, проникая в чужеродный в целом мир через связь с другими занятиями. Например, дети могли прочесть книгу *после* того, как посмотрели снятый по ней фильм (как в только что упомянутом случае), или обратиться за информацией к справочному пособию по интересующему их хобби[31]. В сознании некоторых людей это вело к резкому противопоставлению «интересных» книг (связанных с практической деятельностью) и «скучных» (художественная литература, чаще всего классическая). Например, мужчина 1960 г. р., выходец из ленинградского рабочего класса, вспоминает, что зачитывался книгами из серии «В мире фантастики и приключений»: «Ой, там целый шкаф был здоровый. [опять же, отметим акцент на физическом наличии книг]. Я весь прочитал. Я его читал несколько лет. Вот. Очень интересные вещи такие. Это я запоем читал. Вот. Вот это мне запомнилось». Кроме того, ему нравились различные научные журналы («Вот это я грыз эти журналы, но она, я не знаю, года четыре, наверно, читала или три, наверно. Вот. И «Юный натуралист», «Юный техник», «Моделист-конструктор»». Беллетристика, с другой стороны, его не привлекала. «Классику ненавидел. Мне это не нравилось. Ну, чужие жизни, это мне копошиться там. Когда я сказал, что меня Толстой

в гитлеровской Германии выдает себя за немца. По этой книге в 1968 г. был снят фильм совместного производства ГДР и СССР (режиссер – Владимир Басов).

[29] Oxf/Lev SPb-03 14 B, p. 29 (информант-женщина, родившаяся в 1969 г. в Ленинграде).

[30] Ср. свидетельство другого информанта – из рабочего класса, представителя того же поколения (мужчина, родившийся в 1960 г. в Ленинграде), Oxf/Lev SPb-03 PF17B, p. 18, «Там «Котовский» тогда еще был, «Старая крепость» [На самом деле автор этой книги – В. П. Беляев; впервые она была издана «Детиздатом» в 1937 г. и до начала 1990-х гг. выдержала более сорока переизданий], такая толстая книжечка, хорошо, естественно она».

[31] Пример чтения, вдохновленного просмотром фильмов: Oxf/Lev SPb-03 14B, p. 29; интервьюируемая на вопрос о том, входила ли книга «Щит и меч», упомянутая ею как любимая, в школьную программу, отвечает:

«Соб: А «Щит и меч» по школьной программе?

Инф: А вроде бы нет, вроде бы нет. Я не помню этого. Это уже просто захотелось, фильм посмотрела. Он понравился, захотелось прочитать. И вдруг я выясняю, что у моей тетушки есть эта книга».

не интересует, я впал не в милость в девятом классе [в 16-летнем возрасте]. Или, там, в десятом, я не помню, когда там... Ну. Вот. Она: «А-а! Да ты что!,– там,– А-а!» Потом я уже работал, она пришла телевизор ремонтировать. «Ой, сделай мне там». Я говорю: «Помните Толстой-то?» – «Помню». Я говорю: «Но он же телевизор не собирает, не ремонтирует,– я говорю,– и на аппетит не влияет». Вот что. «Да, наверно, да». Вот что. Я говорю, нам накручивали эти мозги с этим Толстым. Я говорю: «Вот церковь отрекла от себя, отлучила этого Толстого. Под Иисуса косить начал, там». Вот. И мне не нравился этот... все эти... да и Пушкин-то мне тоже не нравится. Ну, что в нем интересного? Солнце и без него светит хорошо»[32].

Подобные признания не следует воспринимать чересчур доверчиво. Крах советской власти привел к краху эстетических стандартов, навязываемых этой властью всему населению: информанты получили возможность выразить свои вкусы такими способами, которые были недопустимы в школе, а многие, вполне вероятно, преувеличивают степень своего нонконформизма в прошлом, особенно при разговоре с интервьюером – представителем интеллигенции. В то же время конкретный материал о детском чтении и то, какими словами оно описывается (когда на книги ссылаются как на физические объекты, которые можно «глотать» или предохранять от детского вандализма), свидетельствует о совершенно ином отношении, нежели то, которое существовало в домах, где книги являлись обычным предметом обстановки. Судя по свидетельствам, «стандартные» методы чтения нередко эффективно усваивались детьми, выросшими в таком окружении, которое само не приучало их к аналитическому чтению, однако существовало и немало детей, не поддававшихся воздействию этих методов, и сохранивших традиционные ассоциации между чтением и питанием, воспринимая чтение как процесс физический, а не умственный[33]. А к детям, читавшим «неправильно», после того, как они поступали в школу, нередко относились как морально запущенным и умственно неполноценным. Хотя многие советские

---

[32] Oxf/Lev SPb-03 PF 24A, pp. 9–10. Ср. Oxf/Lev M-04 PF 24B, p. 17 (информант-мужчина, р. 1968, Московская область): «Проблемы... проблемы начались уже в средней школе, когда появился такой предмет как литература. [Смеется]. Я не очень любил читать. А по литературе только и надо было читать книги, потом их обсуждать, где какой... как сделал и почему. Я читал не все книги, какие-то не до конца, какие-то между строк. А соответственно, что я мог отвечать. Ну... чего-то отвечал. И где-то в восьмом классе у меня за четверти стали появляться тройки».

[33] В ассоциации между чтением и поглощением («читать заносм», словно водку) проявляется традиционное восприятие слова как физического объекта, находящее выражение в различных обрядах, наподобие того, когда заклинание пишется на бумаге, которая затем проглатывается. Альберт Байбурин. Этнографические замечания о слове и языке в русской традиции // Антропологический форум. 2005. №3. С. 391–393.

учителя — возможно, даже большинство — сохраняли верность одновременному обучению детей с разными способностями даже после учреждения в 1960-х гг. «спецшкол», существуют также свидетельства (в устной истории, с точки зрения учеников) об институционализованной предвзятости по отношению к учащимся из рабочего класса. Например, в одной ленинградской образцовой школе самая «лучшая» учительница начальных классов имела право сама выбирать себе класс, «естественно, по их родителям, и другие две учительницы получили тех, кто остался. Кроме дочки директора [...] завода у нас в классе учились дети всяких партийных деятелей, была дочка художников»[34]. Если же смотреть с другого конца, ситуация нередко казалась расписанной до самого конца, едва успев начаться. Ленинградец из рабочего класса, 1960 г. р., так вспоминает свои школьные годы: «Ну, достал методист по немецкому языку. Такая отменная сволочь. Просто. Ну, таких не найти просто-напросто. «А, недоношенные! По вам всем ПТУ плачет!" Ну, я как-то, она мне двойку поставила, я взял и отколол там [...] Это высушенная такая вобла. Я не знаю, сколько в ней злобы, ну, просто это не передать. Она могла до истерики довести кого угодно из учеников. Но покровительствовала отличникам прямо до безумия. [...] Будешь отвечать, она собьет тебя специально, чтобы поставить тебе максимум, ну, три с минусом. Ты можешь... будешь неделю зубрить это все дело, но она сделает так, чтобы ты сбился, и все равно все насмарку пойдет»[35].

Ситуация становилась еще более трагичной от того, что участие многих родителей-рабочих в обучении детей сводилось к проверке оценок в дневниках: если принесешь домой «двойку», тебя ждет наказание[36]. Неудивительно, что дети из этой группы зачастую враждебно относились к успевающим и вследствие избытка энергии вступали с ними в конфликты, вместо того, чтобы прикладывать усилия к самосовершенствованию[37]. Выработанное в те годы отношение к чтению обычно сохранялось у них на всю жизнь, как свидетельствуют и устная история, и труды советских социологов послесталинской эпохи[38].

---

[34] Информант-женщина, 1967 г. р., из Ленинграда. «Воспоминания о школьной жизни» [неопубликованная машинописная рукопись]. С. 2.

[35] Oxf/Lev SPb-03 PF 25B, p. 40.

[36] Oxf/Lev SPb-03 PF 24B, p. 22. Ср. воспоминания московской учительницы, начавшей работу в 1958 г., о том, как мальчишка-татарин убежал из дома после того, как она, молодая и неопытная, поставила ему двойку. Школьное начальство предупредило ее, чтобы она больше никогда не ставила ему ниже троек. Oxf/Lev M-04 PF35B, p. 12.

[37] Oxf/Lev SPb-03 PF 15B, p. 55.

[38] Как и следовало ожидать, налицо корреляция между незначительным присутствием книг в культуре детей из рабочего класса в 1960-е и 1970-е гг. и в культуре рабочей молодежи. Небольшой опрос, проведенный в 1964 г. на астраханском заводе, показал, что почти половина опрошенных (22 из 50) посещали кино 6–10 раз

Какими бы ни были сомнения в применимости схемы Хит к советскому материалу, в социализации чтения, несомненно, наблюдались серьезные различия, обусловленные статусом. Отношения, преобладавшие в семье и, более широко, в социальной группе, играли определяющую роль в том, какие книги читались и как. Вероятно, семья играла более существенную роль в позднесоветскую эпоху, чем в первые десятилетия советского государства, поскольку грамотные, но не читающие родители менее склонны поощрять детей к чтению, чем неграмотные, но боготворящие книгу, а также вследствие общей «приватизационной» динамики эпохи, при которой семейной жизни стало придаваться ключевое значение и подчеркивалась важность рационального потребления (которое включало и потребление книг, но не ограничивалось им)[39].

Необходимо учитывать все эти моменты, поскольку советская власть неизменно старалась подчеркивать единообразие детского опыта по всей стране. Тенденция увязывать благосостояние детей с идентичностью самой нации, с одной стороны, и официальное провозглашение советского общества бесклассовым, начало чему положило принятие советской конституции в 1936 г., вместе создавали ситуацию, при которой детский опыт считался живым доказательством бесклассовости советского общества. Как гласил миф, у всех советских детей, вне зависимости от занятий их родителей, было абсолютно счастливое детство, в то время как на Западе дети буржуазии были избалованными неженками, а дети рабочих прозябали в нищете[40].

Но если детский опыт был единообразным, из этого следовало, что фигура «ребенка-читателя» становилась универсальной, его реакцию можно предсказать заранее, и одни виды литературы ему подходят, а другие – нет. Как хорошо известно, в первое десятилетие советской власти сказка счи-

---

в месяц, но лишь семеро за два месяца прочитало более семи книг. Профессия респондентов не всегда точно зафиксирована, но большинство из них составляли простые рабочие (27 против 7 инженеров). Список любимых фильмов (в который входила и лента «Я шагаю по Москве», но чаще назывались «Парижская тайна», «Развод по-итальянски», «Все остается людям» и «Тишина») был значительно длиннее, чем список любимых книг, в котором большинство респондентов ограничивались лишь указанием жанра («приключенческая», «фантастика», «художественная литература»). Среди любимых журналов и газет назывались лишь такие толстые журналы, как «Волга» и «Юность», наряду с такими изданиями, как «Советский спорт», «Футбол» и «За рулем». См.: Анкеты учета культурных запросов населения, заполненные работниками Астраханского тепловозоремонтного завода (июль 1964). ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 32. Д. 1175. Л. 1–152.

[39] Об этом см., например: Catriona Kelly, Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin (Oxford: Oxford University Press, 2001), ch. 5.

[40] См. Келли К. Маленькие граждане большой страны: детство, интернационализм и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. № 60. 2003. С. 214–251.

талась подозрительным жанром, и могущественные деятели министерства просвещения, включая Надежду Крупскую, полагали, что книги о сверхъестественных и реально не существующих явлениях представляют собой разновидность буржуазного эскапизма, неподходящую для пролетарских детей[41]. Однако в 1934 г. на первом съезде советских писателей сказка была реабилитирована и объявлена важнейшим жанром детской литературы: теперь уже выдвигалась идея о том, что *всем* детям нравятся фантазии, которые следует им обеспечить в достаточном количестве[42]. В ретроспективных комментариях сталинской эпохи этот поворот нередко объявляют прогрессивным — уводящим от удушающей идеологии и крайнего дидактизма 1920-х гг. в сторону признания реальной натуры детей-читателей[43]. Но скорее его следует интерпретировать как навязывание детским писателям и (косвенно) детям-читателям дидактизма иного рода: такого, при котором целью контакта с литературой объявляется развитие воображения[44]. Однако далеко не всех детей привлекают фантазии и вымысел. Имелась немалая доля детей (количественную оценку дать трудно, но с большой долей вероятности можно как минимум говорить о «заметном меньшинстве»), для которых чтением в первую очередь служила документальная литература. В рассматриваемый период дети из этой группы тянулись к таким журналам, как «Юный техник», к книгам по географии, науке и технике, и к таким биографическим сериям, как «Жизнь замечательных людей»[45].

Основной вывод данной статьи заключается в том, что догмат о предсказуемости естественной реакции детей на книгу не имеет аналитической ценности (несмотря на его значение как оправдательной стратегии для исследователей детской литературы), и что детское чтение следует рассматривать как

---

[41] Особенно Крупская отличилась нападками на Корнея Чуковского. См. внутреннюю рецензию от 1926 г.: Крупская Н. К. Педагогические сочинения в 10 томах. Т. 10. М., 1962. С. 220–221; а также статью в «Правде» за 21.2.1928 (Там же. С. 252–256).

[42] Более подробное обсуждение этой темы см.: Catriona Kelly, 'Riding the Magic Carpet: Children and the Stalin Cult', Slavic and East European Journal 49: 2 (2005).

[43] См., например: Ронен О. Детская литература и социалистический реализм // Соцреалистический канон / Добренко Е. и Гюнтер Х. (ред.). СПб.: Академический проект, 2000. С. 969–979.

[44] См. превосходное обсуждение в: Karen Lesnik-Oberstein, Children's Literature: Criticism and the Fictional Child (Oxford: Clarendon Press, 1994).

[45] О взглядах этих детей можно судить по существенной доле писем о документальных книгах, приходивших в «Дом детской книги», а также по работе с информантами; например, можно упомянуть замечание библиотекаря из московской Российской Государственной Библиотеки: пока я просматривала очередную подшивку журналов «Костер» и «Пионер» конца 1930-х — начала 1960-х гг., она посочувствовала, что мне приходится возиться с таким занудным материалом. Когда же я спросила ее, что она сама читала в детстве, она ответила без раздумий: «Юный техник».

динамичный и многогранный процесс, включающий не только собственно чтение, но и процесс обучения ему. Реакция детей на чтение и на обучение чтению не является чисто пассивной, поскольку они привносят в этот опыт набор дальнейших ощущений и познаний, иные из которых могут основываться на участии в полномасштабной детской субкультуре[46]. Однако, как и в предоставлении материала для чтения, так и в формировании читательских привычек, решающую роль играли взрослые.

Каким же образом процесс «организации чтения» происходил в Советской России в рассматриваемый нами период – в конце сталинской и в послесталинскую эпохи? Здесь мы подходим к пределам устной истории. Информанты обычно довольно смутно помнят, чему их учили в конкретный момент; кроме того, они (сознательно или бессознательно) могут замалчивать материал с сильной идеологической окраской. Поэтому в дополнение к ретроспективным источникам приходится использовать документы соответствующей эпохи, на это указывал Николас Старгардт в своей недавней книге о военном опыте детей в Германии[47].

Советская оценка реакции детей на книги

В отношении советской действительности трудность заключается в скудности источников, дающих представление о детских ощущениях, особенно в послесталинскую эпоху. На свет появилось несколько детских дневников с описанием сталинских времен, в первую очередь «Дневник счастливого мальчика» Давида Самойлова и посмертно изданный дневник Нины Косте-

---

[46] Как я указывала в другом месте (Описывая историю детства в России двадцатого века: мифы, представления, тексты // Мир русских детей. Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006, готовится к выходу), я избегаю использовать термин «детская субкультура» в обобщающем смысле. Ребенок, в большой степени или полностью лишенный доступа к занятиям сверстников вне дома и класса, может вообще не принимать участия в детской субкультуре; даже те дети, которые в ней участвуют (например, проводят время с компанией на дворе своего дома или школы, на городской или деревенской улице), ведут существование, выходящее за рамки этой субкультуры. Более того, в детских группах существует большое разнообразие неподконтрольных взрослым занятий, и любой ребенок может участвовать в самых различных, нередко противоречащих друг другу занятиях. Однако, не следует недооценивать влияния группы сверстников на развитие читательских вкусов: устная история указывает и на значение общих вкусов в укреплении дружбы, и на влияние братьев и сестер, друзей и пр. на формирование читательских вкусов (например: Т-04 РБЗА, р. 11, женщина-информат 1954 г. р. вспоминает, как ее братья в конце 1960-х гг. приносили домой приключенческие книги, такие, как «Граф Монте-Кристо» и «Последний из могикан»).

[47] Nicholas Stargardt, Witnesses of War: Children's Lives under the Nazis (London: Jonathan Cape, 2005), p. 16.

риной[48], но подобные материалы редки и социально нерепрезентативны (и Самойлов, и Костерина – родом из московских семей, близких к верхушке культурной элиты). При отсутствии дневников поиск приходится вести в другом месте. Возможным источником при изучении детского чтения как процесса, проходящего под контролем взрослых, могут служить школьные сочинения. Однако, почерпнутые из них свидетельства наверняка будут односторонними, поскольку дети не оказывали никакого влияния на содержание советской школьной программы, даже в относительно либеральную эпоху конца 1920-х гг., не говоря уже о более поздних исторических этапах. Вообще говоря, представления о том, что интересно и привлекательно для детей, почти не играли роли при составлении школьного расписания или методов преподавания[49]. К концу 1940-х гг. для детских сочинений по литературе характерны скорее примечательные различия в смысле способности автора уловить, чего ожидает от него учитель, и в умении применить эту способность на практике (или, наоборот, в недостаточной догадливости), чем в смысле специфических особенностей интерпретации[50].

Более пригодным источником для того, чтобы разобраться в процессе взаимодействия между детской реакцией на книги и руководством со стороны взрослых, являются исследования детского чтения, проводившиеся вне школьных стен педагогами и библиотекарями. Перед революцией и в первые годы советской власти подобные исследования – так же, как исследования реакции детей на кино и театр – обычно приобретали форму опросов или интервью. Например, в 1932–1933 гг. Научно-исследовательский институт детской литературы и детского чтения, входивший в систему Наркомпроса, провел в форме интервью крупномасштабное исследование, охватывавшее детей-читателей Московской области. В результате исследования выясни-

---

[48] Самойлов Д. Дневник счастливого мальчика // Знамя. №8. 1999; Дневник Нины Костериной. М.: Детская литература, 1964.

[49] Строго говоря, в первые десять послереволюционных лет между отменой старой гимназической программы и появлением первых обязательных программ в 1927 г., дети по крайней мере в некоторых школах имели право голоса при выборе учебных предметов. Например, в московской экспериментальной железнодорожной школе, которую возглавляла Н. И. Попова, дети не просто учились читать по букварю, а сами сочиняли и рисовали буквари и в значительной степени пользовались правом самим выбирать себе занятия (Попова Н. И. Школа жизни. М.: Новая Москва, 1924. С. 110, 34). Но как убедительно показано в: Larry E. Holmes. The Kremlin and the Schoolhouse: Reforming Education in Soviet Russia (Bloomington: Indiana University Press, 1991), во многих школах направление классной работы жестко регламентировалось и зависело в первую очередь от учителей.

[50] Это отмечается в докладах инспекторов. См., например: Справки о состоянии идейно-политического воспитания в школах города Москвы, составленные по результатам обследования школ в период с 20–30.04.48 (Российская академия образования. Научный архив (далее – РАО НА). Ф. 32. Оп. 1. Д. 160. Л. 2-25).

лось, что среди этой аудитории большой популярностью пользовались такие книги, как «Чапаев» Фурманова, а также такие ныне забытые шедевры, как «Повесть о нефти» Вайсенберга и «Комиссар золотого поезда» Матвеева. Кроме того, большинство респондентов имели некое представление о «рабочих-ударниках» и о том, каким следует быть пионеру («активисты», «у них чистые тетради»)[51]. С момента осуждения «педологических извращений» в июле 1936 г. работа с опросами, так же, как измерение уровня интеллекта, стала считаться идеологически подозрительной, и для оценки реакции детей отныне применялись иные методы. Ключевым среди них стало изучение писем, отправлявшихся детьми в издательства «Детгиз» (впоследствии «Детская литература») в Москве и Ленинграде.

Как и письма, посылавшиеся взрослыми читателями в советские газеты, и самотёк, поступавший в советские издательства, детскую почту не следует считать спонтанным феноменом. Как мы увидим, сочинение этих писем решительно поощрялось учителями и родителями, так же, как и самими издательствами, которые обещали призы за лучшие письма. Однако, эти письма, в отличие от школьных сочинений, не носили обязательного характера. И хотя встречались попытки заранее запрограммировать их содержание, предлагая темы, тот факт, что они никак не критиковались и за них не ставились оценки, давал их авторам больше свободы для самовыражения, чем было дозволено в школьных сочинениях. Даже в отфильтрованном виде, в каком эти письма доступны сейчас – в виде машинописных копий, приложенных к ежегодным отчетам о читательской корреспонденции, сохранившимся в архивах издательств, – они достаточно ярко свидетельствуют о смене читательских предпочтений и об эволюции механизмов чтения как процесса интерпретации.

Очевидно, что подобные материалы не представляют собой репрезентативный срез реакций детского населения в целом. Ребенок, писавший в издательство, скорее всего, любил читать, был готов выразить свои взгляды и мог сделать это достаточно членораздельно. Но социальный – и, в частности, географический – диапазон авторов этих писем был шире, чем социальный и географический диапазон тех детей, которые впоследствии оставили воспоминания[52]. И в любом случае, даже если бы эти письма говорили

---

[51] РАО НА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. х. 42. Л. 1 – инструкция по использованию опросника, ответы на который следовало получать в ходе «живого разговора»; Ед. х. 5. Л. 58–103 – подборка заполненных опросников; о Чапаеве см., например: Л. 58 об., Л. 61; о Матвееве: Л. 58; о Вайсенберге: Л. 61; и т. д. Примеры дореволюционной работы с опросниками см.: Рыбников Н. А. Деревенский школьник и его идеалы. М.: Задруга, 1916; Он же. Идеалы гимназисток. Очерки по психологии юности. М.: Практические знания, [1916].

[52] И отдельно изданные воспоминания о детстве, и их собрания (например: Бим-Бад Б. М., Кошелева О. Е. Природа ребенка в зеркале автобиографии. М.: Издатель-

нам лишь о том, как читали некоторые дети, они дают весьма серьезную информацию по этой теме (можно сопоставить их с дневниками рабочих, письмами читателей и официальными автобиографиями, которые в настоящее время служат популярными источниками по исследованию взрослой истории в советскую эпоху). Поэтому дальнейшая часть статьи посвящена пристальному изучению этих писем, чему предшествуют некоторые сведения об институциональном контексте, в котором они сочинялись.

Письма читателей как документ: институциональное руководство и правила жанра

Подобно всем советским издательствам и журналам, главное государственное детское издательство «Детская литература» («Детиздат», «Детгиз», как оно называлось на ранних этапах своей деятельности),– как его московское, так и ленинградское отделения,– получало тысячи писем от читателей за год. Значительная доля этих писем содержала отзывы на продукцию издательства. По-видимому, в самих издательствах с этими письмами почти не велось никакой работы, но десятилетиями этот материал передавался на обработку в Дома детской книги (ДДК), которые имелись в каждом крупном городе и представляли собой независимые от «Детской литературы» учреждения, хотя и тесно с ней связанные. Целью этих Домов было вести работу с читателями с целью распространения изданий «Детской литературы» и доводить до сведения издательства реакцию целевой аудитории на его продукцию. Таким образом, ДДК одновременно и выяснял мнение читателей, и формировал читательские вкусы; между двумя этими направлениями оставался некоторый тщательно контролируемый зазор, в котором позволялось расцветать выражениям детского интереса к книгам.

Московский ДДК был создан в начале 1950 г., а ленинградский – осенью того же года. Формально ДДК подчинялись городским управлениям печати (в случае Ленинграда – Ленинградскому отделению издательств), числясь при них «творческими лабораториями». Сами они включали различные отделы; так, в Ленинградском ДДК имелись кабинет массовой работы (до 1962 г.), кабинет пропаганды и кабинет изучения детской литературы и читательского восприятия книг (после 1962 г.). Помимо того, в состав

ство УРАО, 1998) обычно имеют заметный столичный и интеллектуальный уклон, хотя некоторые материалы о детстве в ином окружении встречаются среди свидетельств по специальным темам, таким, как коллективизация, репрессии, Вторая Мировая война; см., например: Дети Гулага 1918–1956/Вилесский С. С., Кокурин А. И., Атмашкина Г. В., Новиченко И. Ю. (ред.). М.: Демократия, 2002. Кроме того, всевозможные мемуарные источники резко оскудевают в отношении 1950-х, 1960-х и 1970-х гг., поэтому письма в адрес писателей, наряду с устной историей, представляют собой существенный источник для исследования этого периода.

Ленинградского ДДК входили библиотека с читальным залом (последний – до 1963 г.) и выставочные залы (в том числе «музей детской книги»). Деятельность ДДК варьировалась от дискуссий, посвященных текущей работе и новым изданиям, до чтения авторами своих произведений и их встреч с читателями, книжных выставок с возможностью различных тематических экскурсий, лекций и «читательских конференций», посвященных конкретным книгам или темам. Помимо того, сотрудники ДДК занимались организацией различных мероприятий для школ и работой с детьми-читателями в целом – например, проводились конкурсы, во время которых детей призывали присылать отзывы на недавно прочитанные книги «Детгиза» (вместе с приглашениями участвовать в конкурсе рассылались списки рекомендованных книг, хотя, похоже, отзывы на книги, не включенные в эти списки, также приветствовались)[53].

Большая часть работы с читателями проводилась через библиотеки: в подчинении у ДДК находилась Центральная детская библиотека, а у нее – районные библиотеки[54]. Главным мероприятием года становилась «Неделя детской книги», программа которой включала методологические беседы и консультации для библиотек, выставки, публичные чтения и читательские конференции, проводившиеся не только в самом ДДК, но и в библиотеках, школах и т. д.[55]

Работа ДДК, или по крайней мере его ленинградского филиала, в конце сталинской и начале послесталинской эпохи велась практически безо всяких изменений. Подобно тому, как в детских журналах и газетах наступление новой эры ознаменовалось главным образом не появлением новых заметных тем, а ликвидацией старых (исчезновение сталинских агиографий)[56], так и программа работы ДДК в 1960-е гг. представляла собой мешанину идео-

---

[53] Эта информация почерпнута из: Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее ЦГАЛИ-СПб). Ф. 64. См.: анонимное «Предисловие» к Ф. 64 (Оп. 5. Л. 4–5); рекламная брошюра Дома детской книги в Ленинграде, 1953 (Ф. 64. Оп. 5. Д. 6. Л. 7–8); Лучший отзыв о прочитанной книге советской детской и юношеской литературы, III тур. Л.: Дом детской книги Детгиза, 1950 (Там же. Л. 3). Наиболее вероятной точной датой создания ДДК представляется 15 сентября 1950 г., поскольку с этой даты велась «книга записей предприятий», сохранившаяся в архиве (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 7).

[54] Об этом см. материалы: ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 2, 3.

[55] См. программу 1953 г. (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 38. Л. 1–3) и Отчет о проведении Недели детской книги в Ленинградском филиале Дом детской книги (Там же. Л. 4–28).

[56] См., например, «Пионер» и «Пионерскую правду» за 1956 и 1962 гг. В аналогичном «ликвидаторском» ключе можно составлен и один пункт в финансовом отчете «Детской литературы» за 1962 г.: «Ликвидированы портреты (Сталина) на сумму Рб. 314–04 (с износом Рб. 78-50)"—ЛО издательства «Детская литература». Отчет об издательской и финансовой деятельности за 1962 (ЦГАЛИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 166. Л. 11).

логически тенденциозных, общественных в более широком смысле и чисто «литературных» мероприятий. Например, в конце 1950 и начале 1951 гг. ДДК проводил дискуссии о работе Сталина «Марксизм и языкознание», вечера, посвященные «книгам о вождях и героях», книгам «о воле и мужестве советских людей», и официальному советскому движению за мир[57]. Однако в том же сезоне ДДК устраивал кукольные спектакли, беседу о профилактической медицине и серию разговоров «Твоя любимая книга», в число которых входила не только такая предсказуемая сталинская классика, как «Повесть о настоящем человеке» Полевого, «Молодая гвардия» Фадеева и «Как закалялась сталь» Островского, но и не столь идеологизированные произведения: «Белеет парус одинокий» Катаева, «Школа» Гайдара, «Дети горчичного рая» Кальмы и «Два капитана» Каверина[58].

Десятью годами позже, в 1962 г., программа изменилась не сильно. Хотя были запланированы различные мероприятия, посвященные 40-й годовщине Пионерской организации (например, конференции писателей, библиотекарей, педагогов и пионервожатых по пионерской теме в современной детской литературе), и вполне ожидаемо воздавалось должное культу Ленина, в программу входили и темы, посвященные знаниям о мире и книгоизданию, а среди освещавшихся книг числились приключенческая повесть Вильяма Козлова «На старой мельнице» и «смешная сказка» Григория Ягдфельда «День чудес». Аналогично и в 1972 г., наряду с мероприятиями, связанными с 50-й годовщиной Пионерской организации и основания СССР, проводились выставка «В мире сказок» и мероприятия,

---

[57] ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 7. Книга записей предприятий Дома детской книги, начата 15 сентября 1950, окончена 28 декабря 1951. Л. 1 об., 13, 16 об.–17, 25. Аналогичным образом, «Неделя детской книги» в 1953 г. уделяла значительное внимание «культу личности» и прочим патриотическим и идеологическим темам, таким, как сталинский план преобразования природы, и книгам о советских героях: «Главным образом пропагандировались книги о великих вождях Владимире Ильиче Ленине и Иосифе Виссарионовиче Сталине, книги о Родине, о Сталинском плане преобразования природы, о великих стройках коммунизма, о борьбе за мир, о пионерах и комсомоле, о трудовых успехах советских людей и т. д.» (Отчет о проведении... ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 38. Л. 4).

[58] ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 7. Л. 5 об.–7 (кукольные спектакли); Л. 20 об.–21 («Твоя любимая книга»). В полный список книг этой серии, помимо вышеупомянутых, входили «Улица младшего сына» Кассиля, «Повесть о Зое и Шуре» Л. Т. Космодемьянской (агиография детей автора, в реальности написанная Ф. А. Вигдоровой), и «Сторожары» А. И. Мусатова (восторженное описание жизни в трудовых резервах, впервые изданное в 1948 г.). Наибольший интерес вызывала книга «Дети горчичного рая» – на разговор о ней пришло 130 человек (Л. 29 об.). Популярностью пользовались также «встречи с писателями», проводившиеся для школьников 13–15 лет в октябре 1951 г. – на эти мероприятия приходило от 138 до 320 человек (Л. 46 об.–47). По сравнению с этими цифрами, количество посетителей на вечере Мира (80 человек) и на вечере, посвященном марксизму и лингвистике (20), выглядит очень скромным.

посвященные самым разным книгам, которые далеко не всегда отличались политизированностью[59].

Налицо также заметная преемственность в темах экскурсий, устраивавшихся Домом школьников. В конце 1950-х гг. для них были характерны патриотическая направленность и чествование официальных детских организаций, с одной стороны, и информация о детской классике и истории книги, с другой. Например, в число тем, освещавшихся в сентябре 1958 г., входили: «Книги о наших героях», «Герои гражданской и Отечественной войн», «Они сражались за Родину», а также «Как делается книга» и «Выставка детских сказок»[60]. Как мы увидим, известная преемственность сохранялась даже в реакции детей на литературные произведения.

Это сходство реакций не удивительно, если учесть, что письма детей в «Детскую литературу» не являлись случайным выражением детского мнения. У некоторых книг, выпускавшихся издательством, на последней странице содержалось приглашение читателям присылать свои замечания и, как упоминалось выше, объявлялись конкурсы на лучший отзыв на книгу, представлявшие собой очень популярный способ стимулирования реакции на продукцию «Детской литературы». Более того, издательство порой непосредственно помогало библиотекарям обучать детей, как писать более подробные, сложные и «правильные» отзывы на книги. Впрочем, этот процесс не являлся ни исключительным, ни, возможно, даже первоочередным выражением специфической советской политической идеологии. С другой стороны, методы руководства советскими детьми не являлись полным аналогом интеллектуально амбициозной американской буржуазной культуры в изображении Хит, с акцентом на «объяснении причин» и на «эмоциональных комментариях», вместо пересказа содержания. Напротив, согласно официальным указаниям, как раз эмоциональных отзывов здесь следовало избегать в пользу отстраненных суждений. Как говорилось в лекции, прочитанной Н. Серовой в ДДК 24 ноября 1950 г., «Мы знаем и ряд удачных обсуждений, когда и руководитель, и учащиеся чувствуют, что это не только обмен впечатлениями и чувствами, а это обмен суждениями»[61]. Параллельно переходу

---

[59] ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 136. Л. 3–19, 21–32; Д. 168. Л. 2–10, 12–21.

[60] См.: Гос. изд. детской литературы «Детгиз». Ленинградское отделение. Дом детской книги. Ленинградский филиал. Книга отзывов и пожеланий, начата 22 сентября 1958, окончена 26 декабря 1961 (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 122. Л. 2, 4, 18).

[61] Стенограмма лекции Н. [sic.] Серовой, «Как работать с читательскими отзывами», 24 ноября 1950 (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 3. Л. 3). Совет Серовой совпадал с общей линией зрелого сталинизма на недопущение избыточной эмоциональности; так, в официальной биографии Зои и Шуры Космодемьянских пера их матери подчеркивается, что эти образцовые дети всегда вели себя очень сдержанно (Космодемьянская Л. (литературная запись Ф. Вигдоровой). Повесть о Зое и Шуре. Л.: Ленинградское газетно-журнальное издательство, 1951. С. 113–114).

от «эмоций» к «суждениям» (или от велений «сердца» к велениям «разума», как бы они именовались в литературе Просвещения)[62] совершался еще один: одновременно с тем, как ребенок-читатель уходил от эмоциональной спонтанности к аналитической отстраненности, он приобретал восприимчивость к формальным качествам текста. Чрезвычайно важно, подчеркивает Серова, «учащихся учить не только переживать то, что написано в книге, но уметь найти в нем и мысли, и какую-то красоту выражения и художественной формы»[63].

Наряду с этими общими советами, Серова предлагала примеры литературного анализа, по образцу которых дети могут строить собственные отзывы на литературные тексты. Такой анализ представлял собой известный отход от высказанных ограничений общего характера, сводясь главным образом к сентенциозному разбору персонажей – примерно такому, который представлял собой основу работы с текстами на школьных уроках литературы в начале 1950-х гг. (как и в более ранние и поздние периоды советской истории)[64]. В то же время, Серова подчеркивала необходимость дать детям некоторую возможность высказать личное мнение даже на этом морализаторском уровне, подчеркивая, что библиотекари не должны «навязывать мнение» о том, какой персонаж произведения вызывает наибольшее восхищение[65]. Детей, которые участвовали в конкурсах отзывов, проводившихся в начале 1950-х гг., тоже до некоторой степени призывали выражать собственное мнение о книгах, хотя в данном случае моменты, на которые им предлагали обратить внимание, носили несколько более «советский» характер: «чем интересна и полезна эта книга, какова главная цель автора» – опять же, с особым акцентом на персонажей и их поступки[66]. В то же время следует иметь в виду, что навыку «выразительного чтения» в течение всей советской эпохи обучали в школах, а в педагогических кругах ему придава-

---

[62] О связи между представлениями о приличествующем поведении, присущими сталинской эпохе и XVIII веку, см. Catriona Kelly, Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin (Oxford: Clarendon Press, 2001), ch. 4.

[63] ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 3. Л. 6.

[64] Ср. замечания в докладе инспекторов из Академии педагогических наук о преподавании литературы в московских школах: Справки о состоянии идейно-политического воспитания в школах города Москвы, составленные по результатам обследования школ в период с 20–30.04.48 (РАО НА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 160. Л. 6), согласно которым типичной тогда темой была «Почему я не могу и не хочу быть похожей [речь идет о школе для девочек] на Беликова» [герой рассказа Чехова «Человек в футляре»]. Наблюдения такого же рода в более поздний период см.: Мартьянова Н. Я – репетитор // Неделя. № 13. 1984. С. 6, где отмечается, что от учеников требуется скорее пересказ, чем анализ.

[65] ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 3. Л. 19.

[66] Лучший отзыв (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 65. Оп. 5. Д. 6. Л. 5).

ли весьма серьезное значение. Например, в 1947 г. инспекция Академии педагогических наук отметила учительницу, чей волнующий рассказ о патриотизме Лермонтова помог ее ученикам «эмоционально и выразительно читать» стихотворение поэта[67]. Иными словами, было бы ошибкой полагать, что советские специалисты по детскому воспитанию рассматривали чтение как чисто аналитический процесс; предполагалось также, что это глубоко прочувствованная деятельность.

От почитания героев к фантазии: детские письма 1950-х и 1960-х гг.

Изучение пропагандистских усилий ДДК и его работы с детьми даст, в частности, четкое представление о том, какого ребенка-читателя хотели сформировать редакторы, издатели и библиотекари. Этот ребенок-читатель должен быть знаком с «качественной» литературой (т. е. с каноническими советскими произведениями для детей), при чтении ее уделять достаточное внимание вопросам, стоящим на повестке дня, ключевым темам и жанру книги, и задействовать свои аналитические навыки. Встает вопрос: в какой степени сырой материал детских писем отражал эти педагогические цели?

Дети, безусловно, демонстрировали способность реагировать на ключевые темы в прочитанных книгах. Например, внимание к развитию персонажа в текстах, написанных взрослыми, оказывал заметное влияние на выбор детьми-читателями книг для отзыва — как в сталинскую эпоху, так и позднее. В число книг, вызвавших наибольший читательский отклик в 1951–1952 гг., входили «Подвиг капитана Сабурова» К. Симонова (33 письма), жизнеописание героя Второй Мировой войны Александра Матросова пера Павла Журбы (35 писем), «Рассказы о Дзержинском» Ю. Германа (26 писем), книга Антонины Голубевой о С. Кирове «Мальчик из Уржума» (26 писем) и патриотическая сказка Эммы Выгодской «Опасный беглец» (60 писем).

Все эти книги представляли собой волнующие рассказы о героическом поведении перед лицом смертельной опасности, порой с сюжетом типа «из грешников в праведники». Например, в написанной Журбой биографии Матросова, впервые изданной в 1949 г., рассказывается, что Александр («Сашка») остался беспризорником и попал в детский дом. Сперва он хотел сбежать оттуда, но вскоре научился быть «упорным в достижении цели, опрятным в быту и на работе, чутким с товарищами». Первостепенное значение имела дружба: «Он ценил дружбу и друзей и был богат друзьями. К нему льнули ребята». В юности он пережил недолгую романтическую (абсолютно невинную) любовь, но вскоре понял, какова истинная цель жизни: «Сбылось страстное желание: его призвали в армию». Здесь он стал

[67] РДО НА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 120. Л. 22.

не только дисциплинированным солдатом, но и образцовым комсомольцем, и вдохновляясь мыслями о любимой девушке, храбро восвал вместе со своей частью. В конце концов он оказался в отчаянном положении – без боеприпасов, окруженный врагами. «Оставалась только неизмеримая душевная сила и святое желание – скорей и лучше исполнить свой воинский долг». Его тело нашли уже когда алая как мак кровь впиталась в землю, и командир Матросова забирает предмет, который наш герой носил у сердца – «комсомольский билет с именем Ленина»[68].

В книге Голубевой о жизни ленинградского партийного вождя С. Кирова изображается вполне «обычное» детство, бедное, но радостное (у маленького Сергея не было денег на игрушки, но он с удовольствием играл деревянными чурбачками, а после смерти матери за ним присматривала бабушка, рассказчица сказок и любительница нюхать табак). Однако затем Сергей тоже стал сиротой, но на этот раз дело происходило до революции, и вместо вдохновляющего нравственного образования его ожидали противная (как говорит автор) татарская еда и обязательные ежедневные молитвы. В библиотеке практически отсутствовало интересное чтение, а Сергея магнетически тянуло к такой серьезной литературе, как журнал «Природа и люди». Он рано начал революционную деятельность, когда работал учителем после окончания Казанского промышленного училища, и вскоре нашел свой путь в жизни[69].

Книга «Рассказы о Дзержинском» Юрия Германа отличалась от первых двух, поскольку в ней изображался взрослый Дзержинский, но повествование велось в лихом, авантюрном стиле, вследствие чего революционная работа Дзержинского превращалась в увлекательные «догонялки с полицией». Кроме того, на протяжении всей книги подчеркивалась любовь героя к детям: то он отвлекается от революционной работы при виде больного, изгрызенного крысами ребенка; то спасает голодного мальчика на станции, то с нежностью смотрит, как два маленьких мальчика спят в тюремной камере: «Он стал у кровати и посмотрел. Лампа едва светила. Дзержинский открутил фитиль и наклонился над спящими. Что за черт! Это были дети, двое детей, укрытых гимназической шинелью. Вот так номер! Им обоим

---

[68] Журба П. Герой Советского Союза Александр Матросов. М.: Военное издательство, 1949. Цитаты со с. 14 (о достижении цели), с. 18 (дружба), с. 20 (романтическая любовь), с. 21 (призыв), с. 27 (комсомольское собрание), с. 31 (мысли о любимой), с. 41 (гибель), с. 44 (обнаружение тела).

[69] Голубева А. Мальчик из Уржума. Повесть о детстве и юности С. М. Кирова. 4-е изд. М.–Л.: Детская литература, 1946. С. 13 (игрушки), 25–30 (бабушка), 52 (нища в приюте), 92 (молитвы), 97 (библиотека), 176 и далее (преподавание и революционная деятельность). Существует также сокращенный и упрощенный вариант этой книги: Рассказы о Сергее Костриков. М.–Л.: 1951, предназначенный «для начальной школы». Тираж полного варианта составлял 30 000 экз., сокращенного – 400 000.

не больше тридцати лет. За что их упрятали сюда? Они, наверное, от страха плачут по ночам и зовут маму!

Мальчики спали спокойно. Дзержинский сел возле столика на стул, подпер голову руками и задумался, глядя на спящих. Вот один зачмокал губами во сне. Прошло еще немного времени, и он улыбнулся. Чему? Что ему снится? Наверное, что-нибудь очень хорошее и уютное, вроде чаепития с папой и с мамой за круглым столом. Вкусный чай с молоком и булка с маслом, и мама и папа, а самовар ворчит и пост. Хороший сон. Вот каково будет пробуждение?"[70]

Можно смело сказать, что в то время никому бы в голову не пришла мысль о возможном гомоэротическом прочтении этой сцены, которая вызвала бы беспокойство у редактора англоязычного детского издательства в начале XXI века. Напротив, этот эпизод можно истолковать так, что Дзержинский представляет себе наступление «счастливого детства», гарантированного детям советской властью, и именно к такой точке зрения подталкивался малолетний читатель книги Германа; ему полагалось с благоговением задуматься о жертвах, принесенных революционерами ради того, чтобы обеспечить ему счастье, предусмотренное партийным вождем, с его даром ясновидения и филантропическими наклонностями.

Эти истории о героях отличались подчеркнутой назидательностью не только потому, что показывали, как восхитительно рисковать жизнью (и даже жертвовать ею) ради общего дела, или потому, что «работа над собой» рисовалась в них замечательным занятием, помогающим приобрести друзей и завоевать авторитет. Помимо этого, они – особенно книга Журбы о Матросове – объявляли подражание чужому примеру как само по себе качество, достойное восхищения. Матросов с энтузиазмом читает волнующий рассказ Горького «Старуха Изергиль», в котором рассказывается, как Данко вырвал свое сердце из груди, чтобы осветить путь к свободе и независимости своему угнетенному народу. «Ему страстно хотелось много знать и быть таким, как Данко». Сам Матросов еще при жизни становится примером для подражания: «Матросов учился у старших, а ему подражали ребята». Так Матросов превратился в важнейшего посредника для передачи мудрости старших поколений своим сверстником, звеном в великой преемственности социалистических традиций. Тем самым он существенно отличается от Павлика Морозова, который бросил грубый вызов авторитету своих (контрреволюционных) отца и деда[71].

И все это, если судить по количеству писем с восхищенными отзывами о Матросове, с энтузиазмом воспринималось многими детьми. Кроме

---

[70] Герман Ю. Рассказы о Феликсе Дзержинском. М.–Л.: Детская литература, 1947. С. 134–137 (покусанный мальчик), 163 (голодный мальчик), 117 (спящие дети).

[71] Журба. Герой советского союза... С. 13 (Данко), 18 (обучение и подражание).

того, в отдельных письмах видна явная тенденция к превращению героев подобных книг в образцы для подражания, к их идеализации. Например, девочка из 2-го класса школы в Горьком пишет: «Я хочу быть как Дзержинский, такой же стойкой и смелой», а десятиклассник из неназванного города сочинил длинный панегирик Александру Матросову: «Большое впечатление оставляет описание, как работает Матросов над собой. Рано оставшись сиротой, Матросов стал беспризорным; он „путешествовал" по стране, переезжая из города в город. Его увлекало все новой (так!), что он видел [...] Его любознательность не знало границ [...] Матросов также хороший товарищ, он ценил дружбу. Но он не со всяким дружит, друзей Матросов набирает. Дружба в понимании Матросова это такая дружба, когда товарищи не пожалеют для друга ничего. Но это не значит, что надо покрывать недостатки и проступки другого. Надо помочь товарищу избавиться от этого, поддержать его»[72].

Подобное отношение можно встретить и при оценке вымышленных персонажей. Например, ученик 5 класса из города Черемхово восторженно хвалит книгу Виталия Бианки «На великом морском пути»: «Больше всего мне нравится «Морской чертенок», отважный мальчик, который не струсил, в бурю один поплыл ловить рыбу. Понравилось, что он хотел поймать морского черта и он поймал»[73]. Вообще же дети – как и взрослые читатели во многих поколениях, начиная от современников Лермонтова, склонных отождествлять Печорина с его создателем, до радикалов, вдохновлявшихся книгой Чернышевского «Что делать», и А. Жданова, заклеймившего Анну Ахматову как «не то монахиню, не то блудницу», поскольку в ее стихотворениях светская любовь изображается как религиозный опыт – зачастую с трудом проводят или не желают проводить четкую грань между фантазией и реальностью. Эта путаница (а если угодно – синтез) поощрялась советской традицией «поэтизации» жизни реальных героев (Павлик Морозов, Матросов, Киров, Дзержинский) и повествования о вымышленных героях так, как будто бы они существовали на самом деле. Например, детям регулярно рассказывали, что бы в данной ситуации мог сделать Тимур, вымышленный герой очень популярной повести А. Гайдара «Тимур и его команда», а в 1960-е гг. этот персонаж даже стал эксплуатироваться в детской печати как советчик, отвечающий на письма читателей[74].

Очевидно, что значительную долю читательских писем со славословиями в адрес героев не следует рассматривать как чистое выражение детских вкусов. Например, представление о «дружбе» в письме о Матросове повторяет

---

[72] ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 5. Л. 9, 31.

[73] ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 5. Л. 8.

[74] Что посоветуешь, Тимур? // Пионерская правда. 29.06.1962. С. 1. Несколько заметок такого рода появилось в газете во время пионерского слета в конце июня 1962 г.

материалы, опубликованные в официальных детских журналах в конце 1940-х гг., когда тема «правильной» дружбы (помогающей нравственно развиваться и ни в коем случае не угрожающей сплоченности широкого коллектива) стала характерным мотивом пропагандистских текстов[75]. С другой стороны, устная история выявляет совершенно иное представление о дружбе, основанное в первую очередь на групповой солидарности. Такие «теневые» приемы, как списывание и подсказки товарищам, вызванным к доске отвечать домашнее задание, были широко распространены в советских школах, невзирая на то, что официально осуждались, и друг, отказывающийся подсказать, вообще не считался другом. Школьник, доносивший учителям о проступках не то что близких друзей, а даже просто одноклассников, заслуживал всеобщего порицания.

В то же время, судя по тем же устным свидетельствам, героизм являлся общепризнанной категорией, и почитание героев в сталинскую эпоху было подлинным и массовым чувством. Москвичка из того же поколения, которое отправляло письма в Детгиз в 1950 г. (она родилась в 1936 г.) вспоминает, как «проглатывала» все, чему ее учили о советском патриотизме, начиная с Павлика Морозова, в то время как родившаяся несколько ранее интервьюируемая из Ленинграда рассказала, что одной из книг, в детстве тронувших ее наиболее сильно, была биография Маркса для младшего возраста: «Читала, что он ходил в Британский Музей, в библиотеку, а потом, у него не было денег и пришлось в ломбард снести костюм. И он не мог пойти, пока Энгельс не приехал и не заплатил за этот костюм, и он снова мог пойти работать в Британский Музей, и вот, когда мне читали эту историю, я всегда плакала»[76].

В послесталинские годы издательский пейзаж существенно изменился. Выпуская книги о Ленине и т. п., по-прежнему воздавали должное культу вождей, но доля агиографий среди детских книг заметно сократилась[77]. Авторы внутренних рецензий, особенно из числа молодежи, при обоснова-

---

[75] См. Catriona Kelly, "'Is That Really Friendship? 'The Management of Children's Affective Relationships in Soviet Russia', в печати.

[76] CKQ-Oxf-03 PF 0B, p. 3; CKQ-Oxf-03 PF 6B, p. 14.

[77] Чтобы оценить долю биографий героев в продукции Детгиза и «Детской литературы», можно сравнить План изданий государственного издательства Детской литературы Министерства просвещения РСФСР на 1952 год (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 1. Д. 65), в котором преобладают сказки и книги о героях (например: Карнаухова С. Сказки о героях; Коменкова З. С. М. Киров и дети (Л. 16); или Забила Н. Про всех. Стихи о любви детей к товарищу Сталину (Л. 4 об.)), План изданий... изд. Детской литературы... на 1956 год (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 1. Д. 94) и План изданий... Гос. изд. Детской литературы... на 1957 год (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 1. Д. 104), в которых биографии героев занимают заметно меньше места, зато резко увеличивается доля пособий по рукоделию и произведений нерусских советских писателей.

нии своего мнения ссылались на идеал «естественного ребенка». В рецензии на книгу Виктора Голявкина для младшего возраста «Мы с Вовкой друзья, вместе играем, вместе работаем», написанной в марте 1960 г., воздавались похвалы «свежей, веселой, озорной, естественно-детской манере» книги, а далее говорилось: «Секрет творческого обаяния В. Голявкина в естественно детской интонации, одновременно наивной и лукавой. Голявкин не сюсюкает, не подделывается под детскую манеру, он очень натурально, через язык и интонацию передает нам характерно «детскую» логику, детскую «меру вещей» и оценку жизни»[78].

Эти слова лежат в русле общей тенденции послесталинской эпохи к «ориентированной на ребенка» эстетике детской литературы. С одной стороны, детские сочинения (как и детские рисунки) поощрялись взрослыми, видевшими в них, впервые после 1920-х гг., истинное выражение таланта, не испорченного педагогами[79]. С другой, гораздо большее значение придавалось детским вкусам и «ребячеству» (в положительном смысле) как уместным меркам для оценки произведений взрослых авторов. Особенно важным последствием такого подхода было возродившееся преобладание приключенческих историй — жанра, в котором выступали некоторые из наиболее заметных авторов этой эпохи, например, Виктор Голявкин и Радий Погодин. Существенную роль играла также новая интерпретация сказки, которая теперь понималась как видение странного мира, полного чудес, и доступного не только младшим, но и старшим детям. Порой первый жанр плавно переходил второй. Например, повесть Юрия Коваля «Приключения Васи Куролесова» начинается с того, как рассказчик в центре Москвы следит за черными лебедями на пруду, а далее идет рассказ про юношу, который пытался купить поросенка, но вместо этого ему всучивают «рыжего облезлого пса», и тот впоследствии вовремя приводит героя и милицию к преступникам, разводящим пчел[80]. Подобное внимание к фантазии и независимости детского воображения с 1920-х гг. было делом неслыханным, и между прочим, 1960-е годы отмечены переизданием некоторых книг, написанных в 1920-е гг. и очень тогда популярных, но замалчивавшихся в сталинскую эпоху: в качестве примера можно привести знаменитую «Республику ШКИД» об утопическом детском доме («Школе имени Достоевского») для малолетних беспризорников в Ленинграде 1920-х гг., написанную двумя воспитанниками аналогичного детдома — Л. Пантелеевым (настоящее имя — Алексей Еремеев) и Григорием Белых[81].

---

[78] Хмельницкая Т. Неозаглавленная внутренняя рецензия на книгу Виктора Голявкина «Мы с Вовкой друзья...» (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 3. Д. 42. Л. 181).

[79] Особ. см. Глозер В. Дети пишут стихи. М.: Просвещение, 1964.

[80] Коваль Ю. Приключения Васи Куролесова. М.: Детская литература, 1971.

[81] Пантелеев Л., Белых Г. Республика ШКИД. Л.: Детская литература, 1961.

Судя по письмам читателей, детские вкусы изменялись в гармонии с новой издательской политикой[82]. Книги, в которых преобладала фантазия, были очень популярны в смысле числа полученных откликов. «Главными хитами» 1965 года, судя по полученным письмам, являлись «Президент Каменного острова» Вильяма Козлова (около 150 писем в течение года) и «Шел по городу волшебник» Ю. Томина (111 писем за год). Большой популярностью пользовались различные научно-фантастические произведения Георгия Мартынова, всего собравшие за год 135 отзывов. Общее число писем с отзывами на книги также резко выросло по сравнению с началом 1950-х гг. (в 1965 г. получено 4171 письмо, а в 1951–1952–1282 письма), что, вероятно, свидетельствует еще и о возросшем интересе к списку. В то же время, число писем, приходящихся на одного автора, распределялось равномернее (за исключением главных хитов), в результате чего список авторов, на которых приходится по 50–100 писем, получился довольно обширным: в него вошли Радий Погодин с приключенческими повестями «Кирпичные острова», «Ожидание» и «Утренний берег» (71 письмо), Виталий Бианки (чрезвычайно популярный автор еще с 1920-х гг.) с историями о животных (55 писем), и Пантелеев с «Республикой ШКИД» и другими произведениями (95 писем)[83].

Новый читательский выбор указывал на смену тенденций. Например, «Президент Каменного острова» Козлова была хорошо написанной, живой приключенческой книгой про странноватую советскую семью (среднестатистические двое детей, но лишь отец, а матери нет), проводящую лето

---

[82] Работа с информантами подтверждает существование совершенно иных паттернов чтения у людей, выросших в 1930-е и 1940-е гг., по сравнению с теми, кто рос в 1950-е и 1960-е гг. Например, информанты, выросшие в 1930-х гг., демонстрируют гораздо более положительное отношение к культу Павлика Морозова, чем информанты, выросшие в 1950-х и 1960-х гг. (см. Kelly, Comrade Pavlik, ch. 5, 6, 7). А информанты, выросшие в 1930-х и 1940-х гг., вспоминают участие в «ролевых играх» на основе, скажем, «Чапаева» или «Молодой гвардии» Фадеева, в то время как информанты, выросшие в 1950-х и 1960-х гг. в этой связи скорее вспоминают «Трех мушкетеров» Дюма.

[83] Обзоры читательских писем за 1965 год (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 151. Л. 2–8, 74–78, 145–148, 188). Число отзывов на книгу Козлова «Президент...» называется приблизительно («около 150»), поскольку в цифрах за последний квартал эта книга объединена с другими произведениями Козлова (81 письмо). Однако, судя по пропорции между письмами за первые три квартала, посвященными «Президенту» и иным текстам, по крайней мере, две трети из них содержали отзывы именно на этот роман, вследствие чего наша оценка достаточно надежна. Чтобы точно представлять себе, что означали тысячи писем, полученные в ДДК, отметим, что «Пионерская правда» в 1972 г. получила в двести с лишним раз больше посланий: ни много, ни мало 288763 писем (Справка о работе с письмами редакции газеты «Пионерская правда» за 1972 год. ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 34. Д. 649. Л 4).

в деревне, в доме, где сам отец жил ребенком. Затем на сцену выходит сестра, вызвавшая интерес у мальчиков, к неудовольствию брата, с точки зрения которого и ведется повествование. Не слишком последовательный сюжет вертится вокруг встречи на близлежащем острове с компанией мальчишек из местного детдома, вожак которых называет себя «Президентом Каменного острова» (отсюда и название романа). Соперничество между пришельцами и местными быстро разрешается, и ребята проводят лето в совместных приключениях. Книга, почти лишенная заметного «советского» характера, явно лежала в струе таких классических историй для детей, как «Приключения Тома Сойера» Марка Твена или «Ласточки и амазонки» Артура Рэнсома. Ее герои не занимаются никакой пионерской работой, хотя после находки таинственных следов шин фантазируют о том, как раскроют преступление. Книгу Козлова трудно привязать как к конкретной эпохе, так и к месту действия; идеи политического героизма и служения обществу ей чужды[84].

Главный герой прелестной книги Томина «Шел по улице волшебник» – Толик, ленивый и живой одиннадцатилетний мальчик, который, попав в отделение милиции за отъявленное вранье, к своей радости нашел волшебный коробок спичек, выполняющий желания. Все шло хорошо до тех пор, пока он пользовался находкой, чтобы встать (в конце концов) на сторону своей матери, избежать плохой оценки, выиграть в шахматы у лучшего друга, победить в хоккейной схватке против компании взрослых мальчишек-забияк, а затем спасти одного из этих хулиганов из львиной клетки в зоопарке, тем самым став местным героем. Однако тут выяснилось, что спички принадлежат амбициозному и мстительному мальчику-волшебнику с ярко-голубыми глазами, который похищает Толика и его лучшего друга и пытается насильно оставить их в своем вывернутом наизнанку мире, где безделье и проказы считаются хорошим тоном. Сумев перехитрить ужасного стража-робота, воспользовавшись тем, что тот не в силах не подчиняться полученным приказам даже тогда, когда ситуация требует иной реакции, Толик спасает друга и вдвоем они возвращаются в Ленинград, к жизни без волшебных спичек, но и без связанной с ними опасности. Моральный смысл книги Томина очевиден, но сама она ни в коем случае не являлась притчей, будучи типичным образцом фантастическо-авантюрного жанра начала 1960-х гг., этаким незатейливым вариантом «Гарри Поттера» Джоан Роулинг[85].

Именно фантастическая составляющая подобных книг привлекала многих читателей-детей, которые при чтении как бы прикасались к другому миру: «Все время, пока я читала его, я буквально жила той жизнью и теми

---

[84] Козлов В. Президент Каменного острова. Л.: Детская литература, 1964.

[85] Томин Ю. Шел по городу волшебник. Л.: Детская литература, 1963.

событиями, которые происходили в этой книге», писала девочка-пятиклассница (т. е. примерно 12 лет) из Минска по поводу «Президента Каменного острова»[86]. Другой характерной чертой было сопереживание персонажам: «Я девчонка, но не из таких, как можно сказать, «всегда глаза на мокром месте», но все же в конце книги я плакала», писала в 1972 г. 14-летняя девочка из Тольятти, прочитав другой роман В. Козлова[87]. «Здравствуй, дорогая редакция! Я прочитала много интересных книг. Я также прочитала книгу Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика Шкид»,– писала 12-летняя девочка из Львова в 1965 г.– Эту книгу я полюбила сразу же с первой страницы. Я вместе с героями эти книги переживала все горести и радости, волнение. Я вместе с ними присутствовала на всех событиях, происходящих здесь, в «Шкиде». Я может быть писала и писала бы, но мне не хватает слов описать тот восторг от прочитанной книги. Я желаю писателям больше и больше писать таких книг!"[88]

В некоторых письмах можно услышать не только такие эмоциональные откровения, но и разнообразные признания, порой несколько изумляющие. Например, анонимный автор из Челябинской области писал: «Конечно, прекрасно быть честным и принципиальным! Но разве родители нас поняли? Они часто говорят, что в наше-то [т. е. в их собственное] время жили по-другому, слушались! А мы разве их не слушаемся, не делимся с ними о всем? Но все равно они не понимают нас»[89]. Подобные послания свидетельствуют о том, что «письма читателей», быть может, позволяли излить чувства, которые иначе остались бы невысказанными в обществе, где отсутствовали подростковые журналы и колонки с советами читателям; но они свидетельствуют и о ситуации, в которой добродетель более не считалась наградой сама по себе, а живые люди жаждали «понимания» и эмоционального общения наряду с удовлетворением, которое приносят «честность и принципиальность». А некоторые детские письма, восхищаясь отзывчивостью авторов книг на запросы читателей, также проникнуты убеждением в том, что дети

---

[86] Обзоры читательских писем за 1972 год (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 4. Д. 170. Л. 4). Мотив путешествия в другую реальность часто встречается в этих письмах. Ср.: Обзоры читательских писем за 1963 (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 143. Л. 37–38), где русская девочка из Казахской республики выражает восхищение книгой Мартынова «Каллисто»: «Откровенно говоря, я даже стала верить в существование такого общества». В данном случае она также подчеркивает, насколько близко это общество ее собственному, хотя у жителей чужой планеты кожа черная, а не белая (о мотиве космоса как пространства для советской колониальной экспансии см.: Catriona Kelly, The Little Citizens of a Big Country: Children and Soviet International Relations (Trondheim: Program for East European Cultural Studies, 2002)).

[87] Обзоры читательских писем за 1972 год (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 170. Л. 8).

[88] Обзоры читательских писем за 1965 год (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 151. Л. 99).

[89] Обзоры читательских писем за 1972 год (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 170. Л. 8).

живут в своем собственном мире, к которому не все взрослые относятся с сочувствием и пониманием. «Особенно мне нравилось то, что автор замечает в ребятах и в их жизни некоторые детали, которые другие писатели почему-то не замечают, и очень просто и убедительно описывает их», – писала 14-летняя девочка из Московской области в 1965 г. в отзыве на книгу Радия Погодина «Утренний берег»[90].

Конформизм или диссидентство? Обработка детских отзывов

Разумеется, было бы наивно рассматривать рост популярности фантастики всего лишь как признак возрождения естественного детского поведения после снятия запретов. Послесталинское образование и адресованные детям тексты активно старались пробудить в них именно спонтанное самовыражение и интерес к иным мирам, в частности, к космосу[91]. И если подробно ознакомиться с содержанием детских писем, то выясняется, что непосредственное бегство в мир фантазии было не единственной ценностью, которую дети искали в чтении. В послесталинскую эпоху поэзия оставалась столь же маргинальным жанром, как и до 1953 г.[92], а жизнеописания героев по-прежнему вызывали отклик в сердцах, если судить по почте «Детской литературы». Строго говоря, такие произведения, как книга Германа о Дзержинском, больше не занимали «верхние места в чартах». Например,

---

[90] Обзоры читательских писем за 1965 год (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 151. Л. 102).

[91] См. выше; кроме того, ср. многочисленные статьи о «творческом воспитании», опубликованные в то время в журнале «Советская педагогика», например: Апраксина О. А., Ветлугина Н. А. Состояние и задачи музыкального воспитания в школе // Советская педагогика. № 9. 1956. С. 46–58; помимо этого, и в пионерском движении наблюдался всплеск дискуссий о значении художественного творчества. См., например: Мазурова А. Заметки к заседанию Совета Всесоюзной Пионерской Организации имени В. И. Ленина по вопросу «О дальнейшем развитии инициативы и самодеятельности во всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина», 1960 (ЦХДМО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 148. Л. 41).

[92] Однако, здесь следует сделать оговорку. В Ленинградском отделении Детиздата рассматривались лишь те письма, которые относились к книгам, изданным в Ленинграде. Самые же популярные поэты, пишущие для детей – Самуил Маршак и Корней Чуковский – в конце 1930-х гг. перебрались в Москву и, следовательно, издавались московским отделением Детиздата. Поэтому данный материал не может служить «свидетельством» о популярности поэзии у детей. И все же непохоже, чтобы поэзия была особенно любима детьми того возраста, в котором написано большинство этих писем – от 10 до 14 лет. Можно отметить, что три восторженных письма о сборнике Вадима Шефнера «Рядом с небом», полученные в 1963 г., пришли от десятиклассников (17-летних) – Обзоры читательских писем за 1963 год (ЦГАЛИ. Ф. 64. Оп. 5. Д. 143. Л. 62–63).

из 4171 детского письма, полученных в «Детской литературе» в течение 1965 г., «Рассказам о Дзержинском» было посвящено лишь около 22[93]. Но подобные книги все еще пробуждали энтузиазм у некоторых детей-читателей, в частности, из отдаленных мест страны, если судить по цитируемым письмам. Так, девочка примерно 14 лет писала в 1965 г. из Таджикистана с просьбой сообщить ей дополнительную информацию о Дзержинском: «Как погиб Дзержинский? Его детство? Где можно достать книгу, которая дополняла бы сказанное здесь? Про детство. Здесь, в Душанбе, я ни разу не встречала такой книги»[94]. А в 1963 г. книга о пионерах – героях войны «Орлята» за первые полгода получила 31 отклик[95].

Еще более живучими оказались абстрактные идеалы героизма. В 1965 г. школьница писала Юрию Томину: «Ваши книги помогают понимать честность и справедливость человека»[96]. Некоторые дети были настолько преданны литературе нравственного воспитания, что даже упрекали писателей нового поколения за пренебрежение этой темой; так, один ребенок во время коллективного обсуждения детского триллера Радия Погодина «Муравьиное масло» в начале 1960-х гг. сетовал на то, что в тексте не уделяется достаточного внимания нравственному перевоспитанию персонажей. Равным образом, детям в книгах Погодина импонировали не только авантюрные элементы, но и альтруизм героев – помощь матери и младшим братьям, воздание преступникам по заслугам[97]. Дети по-прежнему в значительной степени отождествляли себя с персонажами, не в состоянии определить, реальные ли те или выдуманные, и порой пытались подражать их поведению[98].

---

[93] Обзоры читательских писем за 1965 год (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 151. Л. 2–8, 74–78, 145-148). В последнем квартале Герман не упоминается (Л. 188), но в целом число посвященных ему писем вряд ли превышало 30. В том же году «Мальчик из Уржума» Голубевой набрал около 5 писем, ее же «Рассказы о Сергее Кострикове» 7 писем, а «Александр Матросов» Журбы – около 7 (опять же, во всех случаях по последнему кварталу нет точных данных. – Там же).

[94] Обзоры читательских писем за 1965 год (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 151. Л. 85). Воспроизведена пунктуация оригинала. Ср. Там же. Л. 154 (письмо от 7-летней девочки из Амурской области); Обзоры читательских писем за 1963 год (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 143. Л. 98).

[95] Обзоры читательских писем за 1963 год (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 143. Л. 40).

[96] Обзоры читательских писем за 1965 год (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 151. Л. 192).

[97] Протокол встречи школьников с писателем Р. Погодиным по обсуждению книги «Муравьиное масло» и отзывы читателей на книгу (Машинописная рукопись без даты. ЦГАЛИ. Ф. 64. Оп. 5. Д. 6. Л. 12, 11, 2).

[98] О трудности отделения фантазии от реальности, см., например, письмо семиклассницы из Астрахани, так отзывавшейся в 1965 г. о «Кирпичных островах» Погодина: «Мне очень понравилась. Мне очень интересно, в этой книге написано (так!) правда или это литературные вымышления?» (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 151. Л. 101);

В условиях той эпохи, когда среди взрослых шли многочисленные дискуссии о том, какой стиль наиболее подходит для детской литературы, интересен также консерватизм детей-читателей в том, что касается литературного языка. Мальчик, в 1963 г. восхищенно отзывавшийся о научно-фантастическом романе Мартынова «Каллисто», отмечает: «Эта книга мне понравилась тем, что она написана простым и ясным языком, не как, например, «Возвращение»"[99]. Дети проявляли в этом отношении особенную суровость, когда выступали в роли опекунов для еще более младших читателей. В 1965 г. группа 15-летних школьников из Саратова отправила письмо с протестом против стиля переизданных рассказов М. Зощенко, купленных ими по неведению для первоклассников, над которыми они шефствовали. Ребята ужасаются таким выражениям, как «не будь дура», «это мелочь», «слопать», «подстроить гадость», «собачище», заявляя, что те никуда не годятся. «Ничему хорошему эта книга малышей научить не может. [...] А мы удивляемся, откуда наши младшие братья и сестренки учатся таким выражениям? Оказывается, что они учатся этому не только «на улице», но и из некоторых книг дошкольного возраста»[100].

Соответственно, безупречно ортодоксальный выбор тематики авторами писем в начале 1950-х гг. не обязательно был связан с попыткой избежать конфликта между ожиданиями взрослых и результатами детской работы. Например, героические темы могли представлять собой предлог для завышенной самооценки, а то и для откровенной похвальбы. По словам ученицы 3 класса из Горького, «Я хочу быть похожей на железного Феликса. Я – отличница. В этом году мне надели долгожданный алый галстук. Я стараюсь быть примером своей сестре. «Пионер – всем ребятам пример»"[101]. С одной стороны, эта корреспондентка выступает живым воплощением таких образцовых девочек из послевоенной пропаганды, как несимпатичная старшая сестра с картины Федора Решетникова «Опять двойка!" Но с другой, нехватка самокритики у девочки не считалась бы добродетелью при зрелом сталинизме[102]. Тенденция к тому, что успевающие дети становились

по поводу подражания героям ср. письмо ученика 8 класса из Угрицка, гордо сообщающего, что теперь он сам зашивает себе штаны и починил дверь сарая, точь-в-точь, как делают ребята из романа Я. Мавра «ТВТ», изданного в 1959 г. (ЦГАЛИ. Ф. 64. Оп. 5. Д. 131. Л. 42).

99 Обзоры читательских писем за 1963 год (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 143. Л. 36).

100 Обзоры читательских писем за 1965 год (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 151. Л. 161). О противоречивой реакции со стороны взрослых ср. письмо от киевлянина, сетующего, что он опасается давать своим детям книгу Вильяма Козлова «Валерка-председатель», потому что в ней содержатся такие ужасные фразы, как «черт с тобой» и «трепач» (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 131. Л. 38).

101 Обзоры читательских писем за 1952 год (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 5. Л. 10).

102 Ср. опыт участницы нашего проекта устной истории, которой в конце 1940-х гг.

жертвами юношеского высокомерия, служила предметом всеобщего беспокойства политиков и педагогов еще с середины 1930-х гг., когда раннее развитие детей перестало считаться своего рода уродством и стало вызывать восхищение. Уже в 1934 г. автор «Правды» выражал обеспокоенность тем, что дети, получающие слишком много внимания из-за своих достижений (премии за поимку грабителей, саботажников и т. д.), могут стать «капризными и кичливыми»[103].

Подобные взгляды имели под собой известное основание. Успевающие ученики, которых засыпали похвалами учителя, ставили в пример другим детям, обладатели всевозможных «привилегий» (таких, как доступ к редким книгам, или к таким, которые считались неподходящими для детей), порой умели извлекать из своего положения такие выгоды, которые взрослые сочли бы неприличными. Вероятно, наименьшую общественную опасность в этом плане представляло «испорченное» поведение. Куда больший риск таился в использовании успевающими детьми риторики, которую они превращали в эффективный инструмент в противостоянии с теми же взрослыми, от которых выучились ей. Например, в конце 1940-х гг. группа девочек из московской престижной школы ответила на многочисленные лекции о «девичьей чести» тем, что пожаловалась директору на аморальное поведение учительницы, «ходящей на свидания с мужчиной»[104]. Хотя в читательских письмах, обработанных в ДДК, не встречается драматических столкновений такого рода, из них все равно вырисовывается образ детей, ведущих себя излишне самоуверенно – говорящих только о себе, а не о своем месте в коллективе или в иерархии поколений – ровно в тот момент, когда они выказывают максимальное соответствие с политической ортодоксией того времени. В этом отношении письма читателей сильно отличаются от схожего с ними на первый взгляд жанра писем к политическим лидерам, где ссылка на достижения в учебе использовалась как стратегия легитимации, как способ подчеркнуть, что автор письма имеет право обратиться к руководящему лицу[105].

Если отклики на героическую литературу порой бывали более социально радикальными, чем могло показаться при поверхностном взгляде, равным образом иногда встречались и абсолютно «ортодоксальные» отклики на проявления фантазии. Например, в «Президенте Каменного острова» Козлова изображается, как младшее поколение в своем времяпровождении подражает занятиям отца в прежнее время и приходит к нему за советами, как себя

отказали в приеме в комсомол, когда на вопрос: «Как Вы бы оценили свою работу для стенгазеты?", она ответила: «Великолепно!" (CKQ-Ox-03 PF3B, p. 13).

[103] Лядов В. О героях в детской литературе // Правда. 25.2.1934.

[104] См. CKQ-Ox-03 PF1, p. 1.

[105] Подробнее об этой стратегии см. Catriona Kelly, 'Riding the Magic Carpet'.

вести. Такой паттерн «обучения-подражания» играет столь же значительную роль в книге Журбы о Матросове, хотя у Козлова он организован по-иному – «иерархическая лестница» поколений пронизывает семью, вместо того, чтобы воплощаться в институтах за ее пределами (отец, патриарх местного масштаба, пользуется намного большим авторитетом, чем кто-либо в детдоме). Подобно классической повести Гайдара «Тимур и его команда» – книге, также рассказывающей о тайном обществе, заслужившем одобрение взрослых, – данная книга обыгрывает детские фантазии о независимости, одновременно проповедуя ценности старшего поколения. Строго говоря, «всеобщее благо» здесь выставлено куда менее откровенно, чем в книге Гайдара, но это отвечало общему росту терпимости к индивидуальности в советском обществе. Следовательно, получая удовольствие от таких книг, дети реагировали на них точно так, как ожидали благонамеренные взрослые той эпохи, и не бросали вызов их авторитету. Поэтому увлечение детей подобной литературой не следует рассматривать как недвусмысленно освобождающий процесс, точно так же, как увлеченность рассказами о героях нельзя считать однозначной покорностью. Подавляющее большинство авторов писем в издательства были ребятами в возрасте около 10 лет, и их послания отличаются куда большей многогранностью, чем письма совсем маленьких детей, отправленные в издательство «Детская литература», которые обычно относятся к категории «мне очень понравилось»[106].

Вместе с тем, письма читателей свидетельствуют об известной способности детей манипулировать взрослыми, пусть даже косвенным образом. Вряд ли сотрудники «Детской литературы» не обратили внимания на резкое увеличение числа детских писем в 1960-е и 1970-е гг. по сравнению с началом 1950-х гг.[107] А целью «встреч с авторами» стало не только исполнение авторами функций наставников, но и получение откликов, которыми им полагалось руководствоваться. Несомненно, что с точки зрения преимущественно городских, интеллектуально развитых читателей, составлявших группу наиболее усердных сочинителей писем, детская литература в 1960-е гг. в большей мере, чем прежде, «повернулась лицом к ребенку». В свою очередь, такие читатели наверняка скорее всего внушали свои вкусы собственным детям, тем самым передавая индивидуалистические, политически

---

[106] См., например, письмо о рассказе Виталия Бианки, продиктованное в 1963 г. старшей сестре пятилетней девочкой из Актюбинска: «Дорогая редакция, мне пять лет. Я хожу в детский сад. У меня есть сестра. Она ходит в пятый класс. Книгу про школу прочитала мне сестра. Мне эта книга очень понравилась. И я попросила ее написать вам письмо. Писать я еще не умею. Если бы я попала на место мышонка, то я не смогла бы жить без мамы, как он. И не смогла бы добывать себе пищи. Меня зовут Ира» (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 143. Л. 15-16).

[107] В 1951 г. в Лендетгиз пришло 1873 письма (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 5. Л. 4), а за 1965 г. – 4171 письмо (Там же. Л. 2-8).

нейтральные ценности детской литературы 1960-х гг. в 1980-е и дальше. Как указывает Омри Ронен, детская литература 1930-х гг. завоевала читательскую преданность и редко попадает в букинистические магазины, где в изобилии представлены книги той же эпохи для взрослых[108]. Для более позднего времени то же верно и в отношении таких авторов, как Вильям Козлов. Судя по публикациям в Интернете, сочинения этих авторов и в XXI веке пользуются изрядной популярностью, которой давно лишились такие когда-то влиятельные произведения, как рассказы Германа о «железном Феликсе»[109].

Заключение

Настоящая статья затрагивает прежде не освещавшуюся тему «организации детского чтения» при советской власти. Советские учреждения прилагали всевозможные усилия к тому, чтобы дети выбирали нужные книги и читали их правильным образом. Работа государственного издательства «Детская литература» тщательно контролировалась; содержимое библиотек и его использование детьми подвергалось проверкам; учащимся школ навязывались рекомендательные списки «для внеклассного чтения»; детей поощряли к сочинению продуманных отзывов на книги в качестве добровольного занятия в свободное время, причем применялись такие приемы, как конкурсы, для того, чтобы добиться писем об определенных книгах и на определенные темы. Делалось все для того, чтобы превратить читателей-детей в советскую версию читателей того типа, кого Ширли Брайс Хит применительно к США называет читателями из «Мэйнтауна» – людьми, усваивающими книги рациональным, осознанным, интерпретационным образом.

Ценности, которые воплощали при организации детского чтения, претендовали на универсальность. Предполагалось, что все дети должны читать книги одинаковым образом (например, в 1920-е гг. от них требовалось неуважение к сказкам, а после 1934 г., когда они были объявлены подходящим чтением – любовь к ним). Однако в реальности руководство детскими вкусами, как и вкусами населения вообще, поднимало на уровень национальной догмы набор оценок и представлений, неразрывно связанных с социальным статусом. Преобладала гегемонистская модель социализации детского чтения: как и в случае американских общин, обследованных Брайс Хит, только образованные и уверенные в своем статусе родители (по советским понятиям – представители интеллигенции) могли научить своих детей тому, как

[108] См.: Ронен. Детская литература и социалистический реализм.

[109] См., например, сайт: http://www.fictionbook.ru (посещавшийся 17.11.2004), где присутствуют отзывы читателей на книги Козлова, но не на Германа.

читать книги в той манере – аналитической, рационалистической, но и предполагающей эмоциональную вовлеченность, – которая считалась правильным методом чтения. У детей рабочих и крестьян имелась возможность освоить эту модель (тут им могла помочь школа и работа издательств с читателями, результативность которой не следует недооценивать). Но если им это не удавалось, их читательские усилия скорее всего наталкивались на непонимание и презрение, что оказывало неблагоприятное воздействие на их успехи в учебе.

Если отклик этих читателей доступен нам лишь благодаря устной истории (согласно официальным представлениям, такое чтение вообще не являлось чтением как таковым), то другая группа детей – те, которые писали одобрительные письма в издательства, – внешне представляет собой исчерпывающую иллюстрацию к процессу социализации типа «Мэйнтаун». Как эти дети гордо похвалялись в своих письмах, они добились больших успехов в учебе – были «отличниками», которые точно знают, что следует сказать, чтобы добиться расположения учителей. Однако, какими бы ортодоксальными ни покажутся письма этих детей по поводу книг (даже всплеск интереса к фантастике начиная с 1950-х гг. представлял собой «запрограммированное» явление, отражая смену акцентов в текущей педагогике и культурной политике), на самом деле они в известной мере являлись выражением ценностей, противоречивших ценностям взрослой культуры.

Хотя авторами писем в издательства были представители детской «элиты» (причем в некоторых случаях осознание своего статуса наделяло их значительной надменностью), они не вполне воспроизводили то, чему их учили. Реальные дети – любители литературы не были ни чистыми фантазерами, какими их представлял Чуковский, затерявшимися в мирах воображения, ни догматическими защитниками реализма любой ценой, каким должен быть разумный ребенок по мнению Крупской. Более того, критические процедуры, задействованные детьми, почти никогда даже рядом не лежали с первой стадией реакции на текст (наивной, но искренней и восторженной), описанной в руководствах по работе с читателями-детьми. Хотя прямо в этом никто не признавался, но можно сказать, что дети писали в издательства прежде всего для того, чтобы рассказать о себе – похвастаться своими успехами отличника или своим высоким нравственным уровнем. Но этим письма не ограничивались. В 1960-е гг. дети начали писать для того, чтобы выразить свою очарованность мирами, лежащими вне повседневной реальности, чтобы поведать о своих хобби и интересах («Мне нравятся рассказы о животных»; «Я не любитель детских книг (но мне эта книга понравилась)») и т. д.[110] Кроме того, в своих письмах они затрагивали личные вопросы,

[110] О реакции первого типа см.: Обзоры читательских писем за 1972 год (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 170. Л. 98). – 14-летняя девочка из Ялты; реакция второго типа

включая новую тему конфликта с родителями[111]. Письма читателей даже в многократно отфильтрованной и фрагментарной форме, в которой они дошли до нас в архивах, отражают по крайней мере некоторые из многообразных сторон детского опыта, а также их чувствительность к местным политическим факторам.

Судьбы детей, присылавших эти письма, тоже, скорее всего, отличались большим разнообразием. В некоторых отношениях «отличники», усердно писавшие в издательства и сыпавшие фразами из большевистских «цитатников» с легкостью, почти неизвестной в мире взрослых, представляются миниатюрными версиями «выдвиженцев» 30-х годов[112]. В то же время, само красноречие детей обладало потенциалом для порождения конфликтов с системой. В конце концов, в раннесоветский период основная модель идентичности выражалась в «сюжете об обращении», согласно которому мыслящий субъект постепенно поднимался с социального дна и от культурной отсталости к просвещению[113]. При этой модели собственно момент ломки и воссоздания, а также чувство смирения перед властью и благодарности к ней имели не меньшее значение, чем приверженность к политической ортодоксии как таковая[114]. В таком контексте личность, ортодоксальная с самого детства, представляет собой известную проблему: несгибаемая политическая ортодоксия не всегда сопровождается необходимым смирением, а какое-либо «обращение» может представлять собой лишь отход от политической лояльности. И действительно, несложно найти примеры, когда дети, спокойно усваивавшие «советский» материал в детстве и юности, впоследствии становились сознательными противниками системы, от «лояльных» произведений, напоминавших тексты, печатавшиеся в их учебниках, вырастая

(Там же. Л. 62) – 19-летний призывник, место жительства не указано; автор, которому посвящено письмо – Козлов.

111 Но писали не только об этом. Встречаются и исповеди другого рода. См., например, следующее письмо девочки из 7 класса школы в Костромской области (1965 г.): «В этом рассказе мне понравился этот сказочный мир. Если бы это случилось со мной, я наверное бы осталась. При одном условии, если бы у меня не было мамы. Папы у меня и так нет» (ЦГАЛИ-СПб. Ф. 64. Оп. 5. Д. 151. Л. 189).

112 В число важных исследований этой социальной группы входят: Sheila Fitzpatrick, Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934 (Cambridge: Cambridge University Press, 1979); Stephen Kotkin, Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization (Berkeley: University of California Press, 1995); Johann Hellbeck, «Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podlubnyi, 1931–9», Jahrbuch für Geschichte Osteuropas, 55: 3 (1996), 344–73.

113 Особ. см.: Igal Halfin, From Darkness to Light: Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000).

114 Как указывается в частности в: Oleg Kharkhordin, The Collective and the Individual in Soviet Culture (Berkeley: University of California Press, 1999).

до текстов, бивших прямо по догмам, которым они сами когда-то бездумно пели хвалу[115].

Авторизованный перевод с английского
Н. Эдельмана

---

115 В данном случае речь идет о поэте Ольге Седаковой (р. 1949), которая девочкой в 1960-е гг. послала совершенно ортодоксальное произведение в журнал «Костер», но повзрослев, принципиально отказывалась от каких-либо публикаций в Советском Союзе (в любом случае ее глубокая, абсолютно рассудочная поэзия, пронизанная ссылками на христианство и на таких философов, как Хайдеггер, была материалом, даже в конце советской эпохи считавшимся совершенно непригодным для распространения в обществе). Судя по устной истории, ностальгия по советской эпохе среди опрошенных, родившихся начиная с конца 1940 гг., встречается крайне редко, хотя некоторые информанты признаются, что сожалеют о тех днях, когда своей страной можно было гордиться: «Мы вообще, вот, когда праздники и мы говорили там: "Да здравствует революция!" У нас же слёзы у всех на глазах. Наша страна, вот, я не знаю, все говорят, что вот... мы страну... Вот как сейчас американцы относятся, мы так относились... Мы с очень большим уважением в те далекие времена относились. А вот сейчас вот все говорят, что вот сейчас всё плохо... Я считаю, что это неправильно, молодежь должна быть другой...» — женщина 1950 г. р. из московского рабочего района, оба родителя — заводские рабочие (Oxf/Lev M-04 PF36B, p. 15).

Э. К. ИЛИБЕЗОВА

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ КИРГИЗИИ

(данные 2006 года)[1]

Проведенное в июле и ноябре 2005 года Государственным комитетом Киргизской Республики по миграции и занятости по заданию администрации президента Киргизской Республики подворное обследование рабочей силы в целях изучения современной миграционной ситуации и проблем занятости в региональном разрезе показало, что общее число безработных в стране составило 493,8 тыс. человек – в 2,5 раза больше официальных данных[2]. Киргизия с начала 1970-х годов имела незначительное отрица-

---

[1] Впервые итоги настоящего исследования были опубликованы в: Илибезова Э. К. Проблемы внешней трудовой миграции в Киргизии // Трудовые ресурсы и трудовой потенциал: Средняя Азия – Россия. Материалы международной конференции. М., 2006. С. 30–48.

[2] На 1 декабря 2005 г. население Киргизии составило 5 млн. 158,6 тыс. человек. В 2004 году численность населения в трудоспособном возрасте составляет 56,7% от всего населения. В общей численности женщины составляют 49,6%, молодежь – 59,4% Большинство населения (65%) проживает в сельской местности, горожан – 35%. Киргизы 58,6%, русские 17,1%, узбеки 13,8%, украинцы 1,9%. В 2004 году численность занятого населения республики составила 1 млн. 879,9 тыс. человек и возросла по сравнению с 2003 годом на 2,3%. Занятость возросла в сфере торговли, у частных лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, а также в сельском хозяйстве, которое обеспечивает работой почти половину активного населения, в сравнении с промышленностью, предоставляющей лишь 6% рабочих мест. Отсутствие реальных возможностей найти официальную работу привело к занятости граждан в неформальном секторе экономики. В настоящее время доля неформальной занятости составляет 69% от всего объема занятости (в 1999–58%). По данным выборочного обследования домашних хозяйств по занятости и безработице свыше 62% неформальной занятости относится к сельскохозяйственному сектору, где молодежь в возрасте 20–34 года составляет 78%, а в возрасте 15–19 лет более 93%. Опережающий рост численности трудоспособного населения по сравнению с соз-

полное сальдо в миграционном обмене с постсоветскими республиками. Однако с обретением независимости произошла многократная интенсификация оттока населения, которая достигла своего экстремального максимума в 121 тыс. человек в 1993 году. Начиная с 2000 года, в миграционный поток влились представители коренной титульной нации. По данным Нацстаткомитета Киргизии, общий объем миграционного оттока за период 1990–2005 гг. составил 516 тыс. человек и в 2005 году миграционный отток составил 26,7 тыс. человек, а в 2004 – 19,3 тыс. человек. Таким образом, миграционный отток в 2005 году возрос по сравнению с 2004 годом на 7,4 тыс. человек (для сравнения в 2004 году отток увеличился на 3 тыс. человек).

По различным экспертно-аналитическим оценкам, базирующимся на итогах проводимых выборов различного уровня и критическом анализе баланса трудовых ресурсов, за пределами республики трудовую и предпринимательскую деятельность осуществляет до 350 тысяч граждан Киргизии. Основными миграционными партнерами Киргизии как по выезду на постоянное место жительства, так и в целях трудоустройства являются Россия и Казахстан. Согласно официальным данным, полученным от МВД России, на 1 января 2005 г. на территории России постоянно проживали 17,2 тыс. граждан Киргизии, временно пребывали 47,3 тыс. человека. Тогда как по данным посольства Киргизии в России, численность работающих там киргизов составляет 250 тыс. человек. Из них официальные разрешения на трудовую деятельность получили 7,7 тыс. человек. Основной их проблемой является существующая в России многоступенчатая и сложная процедура получения регистрации по месту пребывания и разрешительных документов на трудоустройство. В результате, киргизские граждане фактически осуществляют трудовую деятельность нелегально, что приводит к углублению их правовой и социально-экономической уязвимости.

Вторым основным партнером по трудовой миграции граждан Киргизии является Казахстан. Согласно официальным данным МВД Киргизии, в 2004 г. на территории Казахстана постоянную регистрацию имели 4,6 тыс. граждан Киргизии, временную регистрацию около 47,1 тыс. человек. Тогда как по данным посольства Киргизии в Казахстане, число работающих киргизов в Казахстане достигает 80 тыс. человек. Из них разрешение на трудовую деятельность имеют только 7,5 тыс. человек. Особую категорию представляют собой трудовые мигранты, занятые выращиванием табака и других сельскохозяйственных культур на территории южного Казахстана. По данным

данием рабочих мест способствует увеличению числа безработных. В 2005 году тенденция роста безработицы усилилась и на 1 января 2006 года, по официальным данным, составила 201,8 тыс. человек против 186,5 тыс. человек на 1 января 2005 года. Уровень общей безработицы вырос на 0,7% и составил – 9,7%. Уровень регистрируемой безработицы – 3,3%, по сравнению с 2004 годом вырос на 0,4%.

генерального консульства Киргизии в Алма-Ате находятся около 10 тыс. трудовых мигрантов из Киргизии. Порядок их пребывания и осуществления трудовой деятельности определен соответствующим межправительственным Соглашением, которое значительно упрощает регистрацию сезонных работников, пребывающих на территории Казахстана.

За последнее десятилетие Киргизия превратилась в страну, экспортирующую рабочую силу. С каждым годом растет число киргизских семей, которые живут за счет работы кормильцев – в России, Казахстане, дальнем зарубежье. В связи с этим все большую значимость приобретает проблема эффективного управления процессами миграции трудовых ресурсов.

В силу того, что трудовая миграция за пределы республики носит в основном стихийный, неуправляемый характер, учет выезда/въезда из страны временных трудовых мигрантов органами государственной статистики не ведется. В силу этого, данные о количестве мигрантов и направлении миграции различны[3]. Однако переход от стихийной трудовой миграции (здесь и далее под трудовой миграцией, или миграцией рабочей силы, понимается движение трудоспособного населения с целью трудоустройства) к управляемой и безопасной требует учета движения трудовых ресурсов и соответствующих им общественных настроений. Сбор и анализ такой информации необходимы для регулирования миграционных процессов с тем, чтобы они были позитивными как для Киргизии, так и для принимающих стран и самих трудовых мигрантов.

В связи со сложившейся ситуацией Фондом развития «Институт Евразийских исследований» было инициировано проведение исследования проблем трудовой миграции на примере жителей Чуйской области и города Бишкек, результатом которого является данная публикация. Исследование выполнила неправительственная организация Центр изучения общественного мнения «Эл-Пикир», которая специализируется на проведении социологических исследований и имеет опыт работы в качестве международного консультанта по проведению исследований и анализу в пяти государствах Средней Азии и России.

Исследование проводилось в апреле 2006 года путем сочетания количественных и качественных методов. Количественным методом было опрошены 200 внешних мигрантов (мужчин, женщин), проживающих в городах Бишкек и Чуйской области. Качественный метод охватил проведение не менее 12 глубинных интервью с экспертами, работающими в Чуйской области и столице Киргизии. Экспертами выступили специалисты, работаю-

---

[3] По различным экспертно-аналитическим оценкам, базирующимся на итогах проводимых выборов различного уровня и критическом анализе баланса трудовых ресурсов, за пределами республики трудовую и предпринимательскую деятельность осуществляют до 350 тысяч граждан Киргизии.

ние в области трудовой миграции и профессионально-технического образования: представители международных организаций и проектов, государственных структур, парламента.

Опрос внешних мигрантов также проводился посредством Фокус Групповых Дискуссий (ФГД). Было проведено по девять ФГД в каждой области (трудовые мигранты, выезжающие в Россию, Казахстан и другие страны). ФГД охватили представителей разных возрастных групп (молодежь 18–25 лет, средний возраст 26–35 лет, старше 36 лет). Всего в рамках исследования приняли участие 430 респондентов.

По мнению экспертов, основные причины трудовой миграции в республике носят социально–экономические и демографические корни. К наиболее сильным экономическим потрясениям были отнесены экономические кризисы начала и конца 1990-х, которые вызвали не только рост безработицы, тотальной бедности, но и послужили мощным импульсом для роста миграционных передвижений рабочей силы. Экспертами было отмечено, что выталкивающие факторы в сельской местности выше, чем в городской[4], что приводит к тому, что миграционные процессы в бедных сельских регионах протекают более интенсивно. Однако в последние годы наблюдается большой отток населения не только из сел, но и малых и больших городов.

Участники исследования считают, что дополнительным фактором роста трудовой миграции является естественный прирост трудоспособного населения. Напомним, что в начале 2000-х годов достигли трудоспособного возраста дети, родившиеся в 1980-х годах, когда был значительный прирост населения, достигнутый в результате социальной политики СССР, направленной на повышение рождаемости. Это, по расчетам экспертов, даст дополнительный рост безработицы[5].

Среди других причин роста трудовой миграции упоминались исторические причины. Так, например, на территории Киргизии всегда существовали трудоизбыточные районы. С обретением независимости ситуация на рынке труда ухудшилась, что приводило к возникновению новых трудоизбыточных районов, повсеместно возрастала безработица, что способствовало выталкиванию рабочей силы за рубеж.

---

[4] Если в 2003 году уровень бедности среди городского населения составил 26,6%, то доля бедного населения в сельской местности на 19,6% выше, чем в городской местности и составила 46,2%. Бедность в республике все еще продолжает представлять собой, в основном, сельское явление: более 70% всего бедного населения в республике проживает в сельской местности (Первый отчет о ходе реализации Национальной стратегии сокращения бедности Киргизской Республики за 2003 год: http://cdf.gov.kg) Все данные приводятся на основе показателей НСК. Методика НСК соответствует национальным стандартам и согласована с экспертами Всемирного Банка.

[5] Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и Пакистане. Алматы, 2005. С. 27–28.

Сами участники исследования среди основных причин миграции называли: спад производства, отсутствие предприятий, невозможность обрабатывать землю, нехватка рабочих мест, низкий уровень заработной платы, отсутствие перспективы строительства нового жилья и т. п. Неоднократно в интервью звучали фразы «мое село/район – неперспективный», «мое село умирающее – вся молодежь уезжает», «мое село/район/страна еще не скоро поднимется», следовательно, субъективные оценки перспективности развития региона также можно отнести к одной из причин миграции.

Немаловажными факторами, влияющими на рост трудовой миграции и оттока населения из страны, являются отсутствие стабильности в политической системе, коррупция, рост влияния криминальных структур на все сферы жизни общества. По признанию участников исследования, это приводит к тому, что не только ведение бизнеса, но сама жизнь людей в Киргизии становится небезопасной.

Бизнесмены-участники исследования столицы отмечали, что невыполнение властью обещаний восстановить ущерб, нанесенный мародерами, привело к тому, что часть из них выехала для перевода своего бизнеса в Россию и Казахстан.

Отметим, что для незамужних женщин дополнительным «инициативным» мотиватором, о котором сообщили респондентки, стала надежда выйти замуж.

В целом, подводя итог, можно констатировать: основные причины, по которым респонденты уезжают на заработки, связаны с внутриэкономической и политической ситуацией в стране, прежде всего это отсутствие работы, низкий уровень заработной платы, недостаточные условия для ведения бизнеса.

Эксперты считают, что трудовая миграция имеет для Киргизии свои плюсы и минусы. К положительным последствиям участники исследования относят: смягчение безработицы внутри страны; появление дополнительного источника валютного дохода в форме поступлений от мигрантов; снижение вероятности социальных взрывов и выступлений граждан; приобретение мигрантами знаний, опыта и навыков в труде; повышение благосостояния семей (по оценкам экспертов, по возвращении домой мигранты довольно часто пополняют ряды среднего класса, вкладывая заработанные средства в собственное дело, создавая дополнительные рабочие места).

Среди негативных последствий были названы: утеря генофонда страны – теряется наиболее активная часть населения, которая, выехав за рубеж, не хочет возвращаться назад; тенденции роста потребления заработанных средств за границей, а также открытие собственного дела за пределами Киргизии; сокрытие получаемого дохода и неуплата социальных взносов, в результате чего трудовые мигранты остаются без пенсий; «утечка умов»;

теря квалификации работающих мигрантов, так как часто они работают на непрестижных, низкооплачиваемых работах.

Значительная часть экспертов отмечала отрицательное воздействие трудовой миграции на семейные отношения киргизов. Исторически традиционная «киргизская» модель семьи подразумевала достаточно асимметричное распределение домашнего труда между супругами, основную долю которого выполняла женщина.

Исследование показало, что в семьях трудовых мигрантов происходит трансформация традиционной семейной модели. Особенно заметные трансформации происходят там, где на заработки выезжают женщины. В таких семьях женщины фактически становятся кормильцами, принимают решения, мужчине же остается роль по ведению хозяйства и уходу за детьми, что противоречит существующим общественным установкам. В результате происходит ломка традиционного уклада в семье и родовом сообществе, которая связана с увеличением разводов. Нужно ли говорить о последствиях для общества, которые возникают при разрушении семьи.

К отрицательным последствиям миграции педагоги относят снижение роли родителей в воспитании детей – мигранты редко уделяют внимание детям, не контролируют выполнение домашних заданий и не оказывают помощь в подготовке уроков. В результате, дети из семей мигрантов хуже усваивают материал, показывают более низкие результаты в обучении и очень часто не посещают школу.

Тем не менее, несмотря на все отрицательные моменты, респонденты считают, что положительных сторон в трудовой миграции больше, так как растет материальный достаток, улучшается питание, доступ к медицинским и образовательным услугам, ремонтируются жилища, покупаются предметы длительного пользования.

В целом, участниками было отмечено, что легальная миграция оказывает положительное воздействие на экономику принимающей стороны, так как трудовая сила распределяется по заказу принимающей стороны. В то же время нелегальная миграция (для Киргизии она является основной) наносит вред – как экономике принимающей страны, так и самим мигрантам, которые лишены юридической защиты своих прав, поскольку не имеют законного разрешения на пребывание в стране, и это приводит к многочисленным случаям обмана со стороны нанимателей.

Среди выезжающих киргизов преобладают мигранты, имеющие среднее и среднее специальное образование, часто без знания русского языка. Чаще всего они селятся группами, состоящих из родственников, знакомых и земляков. Такие группы плохо интегрируются в общество, в новые обычаи и традиции и сохраняют свое социальное и бытовое повседневие. В то же время нелегальная и поэтому дешевая трудовая сила становится

конкурентом для национальных трудовых кадров, что приводит к снижению уровня оплаты труда в тех областях, где заняты мигранты.

По мнению многих экспертов, трудовые мигранты на фоне того, что позволяют принимающей стороне решить проблемы нехватки рабочей силы, приносят колоссальный ущерб государству (не оплачивают налоги, коммунальные и др. муниципальные услуги, поддерживают теневой сектор). Нерегулируемое использование труда мигрантов усиливает в принимающей стране вероятность межэтнических и других конфликтов. Так, например, по данным ВЦИОМ, 49 из сотни россиян относятся к миграции плохо, причем 40 просто выступают за ужесточение миграционного законодательства, а 9 человек из ста уверены, что страну надо закрыть и запретить въезд чужестранной рабочей силы. Наличие подобных тенденций способствует росту националистических настроений и грозит социальными взрывами в будущем. Именно поэтому эксперты считают, что страна-импортер рабочей силы должна быть заинтересована в упорядочении миграции не меньше страны-экспортера.

По оценкам респондентов, подавляющая часть (83%) внешних трудовых мигрантов является этническими киргизами, а представители других национальностей, в том числе русской, составляют приблизительно пятую часть. Основная масса выезжающих на заработки, по мнению респондентов, имеет среднее и средне-специальное образование, однако доля респондентов с высшим образованием, особенно для столицы, велика.

Анализируя ответы респондентов, можно сделать предположение о том, что уровень образования выезжающих в Россию и дальнее зарубежье превосходит уровень образования выезжающих в Казахстан.

Прежде всего, это связано с тем, что в Казахстан выезжают в основном с целью трудоустройства в сфере сельского хозяйства, хотя в последние годы увеличился поток занятых в сфере компьютерных технологий, бизнес-администрирования, специалистов в области банковского дела и др. В сферу сельского хозяйства едут трудоустраиваться, прежде всего, выходцы из сельской местности, особенно южных областей, у которых соответственно уровень образования в большинстве случаев не выше среднего специального. Опрошенные, выезжающие на заработки в Россию, чаще представлены горожанами.

По наблюдениям участков исследования, 96% трудовых мигрантов составляет самая активная часть трудоспособного населения в возрасте от 18 до 45 лет. Значительно реже выезжают на заработки люди возрастных категорий старше 46 лет и до 18 лет, практически не выезжают люди старше 60 лет. Относительное большинство опрошенных (54%) полагает, что мужчины и женщины участвуют во внешней миграции одинаково. Вдвое больше респондентов (30% против 15%) считают, что мужчины выезжают на заработки чаще женщин.

Анализ ответов респондентов показал, что 56% из них получает информацию о том, куда ехать на заработки от ближайшего социума (родственники, соседи, друзья). Четверть получает информацию через агентства по трудоустройству и пятая часть (19%) черпает информацию из объявлений в газетах, радио, по телевидению или из интернета.

Две третьих респондентов сообщили о том, что при выезде через агентства им предоставляются гарантии по трудоустройству. 64% опрошенных сообщили, что им приходится сталкиваться с коррупцией при оформлении разрешительных документов, получении регистрации, а также на таможенных постах.

Значительное число опрошенных (61%) не знают, где можно получить необходимую информацию при выезде на работу за рубеж. При этом 88% выразили готовность пройти обучение для трудовых мигрантов, если такая возможность им представится.

Данные показывают, что самые крупные миграционные потоки направлены в Россию (57,5%) и Казахстан (28%). Отметим, что из Чуйской области и Бишкека трудовые мигранты выезжают в основном в города, в отличие от выходцев из южных областей, значительная часть которых трудоустраивается в сельских регионах и специализируется на выращивании сельскохозяйственных культур.

Соответственно большинство бишкекчан и чуйчан осваивают сферы строительства (34%), торговли (26%), оказывают всевозможные услуги (24%: автосервис, няни, домработницы, парикмахеры, патронатные сестры и т. д.), работают в сфере общепита (11%).

Исследование показало, что практически все участники ФГД, отправляясь на работу в Россию, Казахстан, а также в дальнее зарубежье, не задумывались о необходимости получения информации о законодательной базе страны перемещения. Многие из них даже не ознакомились с порядком пребывания иностранных граждан в этих странах. В результате у них возникала масса проблем: несвоевременная регистрация, отсутствие разрешительных документов на право осуществления трудовой деятельности. В итоге обсуждения дискутирующие пришли к выводу, что во многом в возникновении проблем по законности пребывания они виноваты сами. В то же время отмечалось, что существуют проблемы по получению услуг в сфере медицины и образования, которые опять-таки без разрешения на пребывание получить невозможно.

Участники анкетирования главными проблемами в стране пребывания считают незащищенность перед контролирующими органами (18%), отсутствие разрешительных документов на пребывание и трудоустройство (17%), незнание законов страны пребывания (17%), недостаточное владение языком (12%), отсутствие социальных гарантий (7%), беззащитность перед криминальными структурами (6%).

Один из пяти опрошенных никогда не сталкивался с враждебностью со стороны местных жителей, в то же время один из шести часто сталкивается с таким отношением. В остальных случаях респонденты сообщили, что сталкиваются с враждебностью со стороны местных жителей редко.

В случае нарушения прав (обман, не выплата заработной платы со стороны работодателя; несоблюдение трудового договора; принуждение работать сверх положенного рабочего времени; изъятие документов; несоблюдение правил безопасности работы; психологическое насилие; работа с повышенной интенсивностью и др.) трудовые мигранты чаще надеются на поддержку посольства или представительства Киргизии (61%). Каждый третий мигрант (29%) уверен, что рассчитывать ему можно только на свои силы. Лишь 10% мигрантов верят, что местная милиция готова заступиться за них.

Исследование позволило выявить и такую проблему трудовых мигрантов, как отсутствие необходимости исполнения законов страны пребывания. Участники ФГД отмечали, что некоторые из них вначале старались выполнять законы принимающей страны, получение разрешительных документов занимало много времени и сил. Кроме этого работодатели не спешат заключать договора с мигрантами и предпочитают работать без документов. Такие случаи снижают заинтересованность трудовых мигрантов в исполнении законов.

В среднем трудовой день мигранта составляет около 10,83 часов. Анализ продолжительности трудового дня в разрезе сфер занятости (диаграмма 7) показал, что самый длинный рабочий день имеют работники сельского хозяйства и строительства (12,3–12,4 часов). В сфере услуг и торговли рабочий день на 2 часа короче и составляет 10–11 часов. Рабочая смена в сфере общественного питания, по данным респондентов, составляет около 8 часов.

Мигранты, занятые в сельском хозяйстве и строительстве, предпочитают работать без выходных, что в первую очередь связано со спецификой работы и сдельной формой оплаты труда. Представители сферы торговли и общественного питания в большинстве случаев работают шесть дней в неделю. Предприниматели все вопросы продолжительности рабочего дня решают самостоятельно. В случае работы по найму продолжительность рабочего времени и условия оплаты оговариваются с работодателями заранее.

Более половины опрошенных (58%) считают, что их труд оплачивается ниже, чем труд коренных жителей. При этом около четверти (23%) не видит разницы в оплате труда, а пятая часть (19%) считает, что коренные жители не работают на таких работах.

В целом, почти две трети опрошенных (63%) характеризуют условия проживания как средние, треть (33%) считает, что живет в плохих условиях, в хороших условиях проживают четыре из ста респондентов.

Основными проблемами при выезде из Киргизии респонденты называли трудности в получении паспортов (63%), проблемы при прохождении

таможенного контроля (16%), проблемы с получением визы (12%), неправомерные действия со стороны проверяющих на железной дороге (3%).

По оценкам респондентов, основная часть заработанных средств отправляется мигрантами в Киргизию. Жильe и питание являются следующими статьями расхода. Как показало исследование, около половины респондентов отправляет домой от 25 до 35% заработка, еще четверть (25,5% опрошенных) отправляют от 70 до 90% заработанных средств. Две трети заработков уходит на оплату жилья и питания, не более пятой части тратится на транспорт, до 10% – медицина, около 10% в месяц тратится на взятки. Такая статья расходов, как национальные традиции, у мигрантов отсутствует. Отметим, что на национальные традиции в Киргизии уходит не менее 10% семейного бюджета ежемесячно. Можно констатировать, что мигранты не занимаются повышением своего образования. Подобная статья расходов была указана лишь 1% опрошенных.

Подавляющее большинство участников исследования характеризуют материальный достаток трудовых мигрантов по сравнению с киргизами, как средний (79%). Около 5%, по оценкам респондентов, являются богатыми и приблизительно шестая часть (16%) – бедные.

94% участников исследования сообщили о том, что возможность выезжать на заработки позволила им повысить материальный достаток в семьях. Только в четырех случаях из ста материальный достаток не улучшился и в одном случае из ста – ухудшился.

На средства, заработанные в миграции, респондентам удалось улучшить качество питания (96%), повысить доступ к услугам образования (89%) и здравоохранения (88%), купить технику длительного пользования (96%), семьи получили возможность выезжать на отдых (80%). В то же время каждый пятый отмечал ухудшение отношений с супругом (ой) и каждый десятый – с детьми.

92% респондентов сообщили, что планируют продолжать выезжать на заработки и значительная часть из них (более двух третьих) хотят остаться и закрепиться за рубежом навсегда. Основным мотивом для них является возможность улучшить свой материальный достаток и заработать деньги, которые никто из них не имеет возможности заработать на родине. Многим из респондентов средства необходимы на воспитания и обучение детей, на покупку жилья, для оказания помощи престарелым родителям.

Среди основных причин продолжения трудовой миграции респондентами назывались: необходимо улучшить материальный достаток семьи, встать на ноги; надо обеспечить своих родителей; в Киргизии все равно не будет в ближайшие годы работы; в Киргизии зарплаты слишком низкие; хочу купить квартиру в Киргизии; надо платить за образование детей; буду ездить, чтобы не отстать от жизни; жить в Киргизии очень тяжело; чтобы побольше узнать о других странах; деньги на свадьбу нужны.

Среди пожеланий, высказанных респондентами людям, отправляющимся на заработки, чаще всего звучали пожелания быть бдительными, осмотрительными, внимательными (13%), изучить свои права и научиться их отстаивать (12%), найти хорошую работу и качественно работать (10%), заработать много денег и вернуться невредимыми.

Отвечая на вопрос о том, на что должна быть направлена политика Киргизии в решении вопроса трудовой миграции, большая часть респондентов (44%) сообщила, что главным результатом должно стать сокращение миграции за счет открытия рабочих мест с достойной заработной платой внутри страны. Интересно, что вторым по частоте упоминания (32%) оказался ответ респондентов «Не вмешиваться, оставить все как есть», что, с одной стороны, говорит о том, что граждане Киргизии не верят в эффективность тех действий, которые могут предприниматься государством, с другой – трудовые мигранты находят способы приспособиться к проблемам, стоящим у них на пути. Еще меньшая часть опрошенных (24%) считает, что стратегия страны должна строиться на увеличении трудовой миграции и создании всех условий для выезда граждан из страны.

По мнению мигрантов, для них было бы весьма полезным получать обширную информацию о вакансиях в различных регионах России, желательно, чтобы начали привлекать мигрантов не только на низкооплачиваемые работы, но и на высокодоходные, необходимо больше контролировать органы правопорядка, участвующие в нарушении прав мигрантов.

Неконтролируемая трудовая миграция может повлечь серьезные негативные последствия, как для Киргизии, так и для стран, принимающих трудовых мигрантов. Сегодня Киргизия не может ни уменьшить поток граждан, выезжающих из страны в поисках заработка, ни эффективно решить проблемы трудовых мигрантов, живущих в принимающих странах, так как регулирование миграционных процессов невозможно на уровне одной страны.

НИКОЛАЙ МЕЖЕВИЧ

«ОККУПАЦИЯ» И КОНТИНУИТЕТ:

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ПРИБАЛТИЙСКИХ СТРАН

«Каждая попытка навязать одностороннее толкование истории встречает противодействие; те, чье будущее зависит от способности контролировать исторические толкования, готовы заплатить за это более высокую цену, чем кто-то может себе представить»

Пол Гобл. Eesti Päevaleht. 9 мая 2005

В конце июня 1997 года владельцы средств массовой информации Ханс Луйк и Рейн Ланг обратились в Полицию Безопасности Эстонии с исковым заявлением. В нем они просили возбудить уголовное дело о коммунистическом перевороте в июне 1940 года. Через десять дней Полиция Безопасности на основании статьи 62 Уголовного кодекса Эстонской республики возбудила уголовное дело о государственном перевороте, который был совершен в 1940 году. Предварительно квалифицировав события в формулировках нюрнбергского процесса. (Статья 62 УК ЭР, «Государственная измена», гласит: «Действия, направленные на насильственное нарушение территориальной целостности Эстонской республики, а также оказание иностранному государству или организации помощи во враждебной деятельности против Эстонской республики наказываются лишением свободы на срок до десяти лет.»)

В мае 1998 года на встрече президентов Прибалтийских стран было решено создать специальные комиссии по расследованию преступлений против человечности, совершенных на территории этих стран.

На 10-ом Балтийском Форуме (10 Forum Balticum International Conference of the Forum Balticum in cooperation with the Konrad-Adenauer-Foundation 5–7 Mai 2000. Tartu) вновь настойчиво звучали требования к России признать факт оккупации Балтийских стран...

В июне 2000 года парламент Литвы принял закон «О возмещении ущерба, причиненного оккупацией СССР», несмотря на предупреждения о возможной увязке этого вопроса с ратификацией в Госдуме российско-литовского договора о государственной границе, подписанного еще в 1997 года. В средствах массовой информации отмечено, что литовская сторона оценивает ущерб от «50-летней советской оккупации» в 276 млрд. долларов. В июне 2000 года в Вильнюсе прошло заседание «Международной комиссии по оценке последствий нацистского и советского оккупационного режимов». Заседание было весьма представительным и открылось докладом премьер-министра страны.

В мае 2005 Европарламент принял резолюцию по поводу 60-летия окончания Второй мировой войны. В документе законодательный орган Евросоюза осудил «нацистскую тиранию». При этом отмечается, что «для некоторых стран завершение Второй мировой войны означало возобновление тирании сталинского Советского Союза». В резолюции приветствуется освобождение стран Восточной Европы. Они теперь могут сами решать свою судьбу, после нескольких десятилетий «угнетения и советской оккупации», – говорится в документе.

22 июня 2005 года Парламентская ассамблея народов Европы (ПАСЕ), членом которого является Россия, приняла резолюцию о выполнении ею условий членства в этой организации. В пункте 14-iv резолюции ПАСЕ требует скорейшей выплаты компенсации жертвам оккупации прибалтийских государств.

Выступая в Сейме, президент Латвии 1 февраля 2007 года заявила: «По моей инициативе и при моей последовательной поддержке активную и плодотворную деятельность вела Комиссия историков Латвии. В 2005 году Латвии удалось добиться понимания европейских и мировых лидеров о трагических страницах нашей истории. Ответы глав государств и правительств на моё заявление, где я разъясняла мнение Латвии о событиях Второй мировой войны, и о символическом значении, которое Латвия придавала празднованию 60-летия окончания войны в Москве, обобщены в отдельном издании, которое Вы, уважаемые депутаты, видите на своих столах. Письма, собранные в этом издании, не оставляют ни малейших сомнений по поводу международного признания преемственности нашего государства. Европейские и мировые лидеры – президенты Германии, Франции, США, Австрии, Португалии, Чехии, Венгрии, Эстонии, Хорватии, а также премьер-министры Великобритании, Канады, Дании, Нидерландов, Ирландии, Норвегии, Исландии, Швеции, Бельгии и Японии в ответных письмах говорят о советской оккупации и восстановленной независимости. Также и Европейский суд по правам человека в приговоре по т. н. «делу Жданок» ссылается на принудительное присоединение Латвии к СССР как на неоспоримый исторический факт».

Итак, один из ключевых вопросов российско-эстонских и российско-латвийских отношений – требование к России признать факт «оккупации» Балтийских стран и российская позиция по этому вопросу. Этот вопрос с удивительной настойчивостью ставится перед российской властью и общественностью.

Рассматривая требования прибалтийских стран признания Россией факта «оккупации», следует четко понимать, по каким причинам Эстония, Латвия, (и несколько реже – Литва) выдвигают эти требования. Предположение, часто звучащее в российской прессе и связанное с тем, что это вопрос неоправданных амбиций и унаследованных эмоций, является опасным заблуждением. Эмоционально окрашенный термин «оккупация» удобен тем, что в общественном сознании своей страны и за ее пределами он «закрывает» накопившиеся юридические казусы происхождения национальной государственности. Эти казусы не отрицают существования балтийских государств и, прежде всего Эстонии и Латвии. Сложные моменты политической истории Эстонии, Латвии, специфика международных отношений в 1939–1940 гг. должны быть всецело учтены в диалоге с соседними государствами и представлены на международной арене. В этом контексте следует отметить то, что в России до настоящего времени нет учебника (для ВУЗов) или авторитетной научной монографии по истории Эстонии или Латвии в XX веке. Мы критикуем книгу «История Латвии XX век» (Рига, 2005), поддержанную авторитетом президента Латвии, но не имеем альтернативной версии. Аргументация представителей России разноплановая и частично противоречит сама себе.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: а может быть, действительно, признать события 1940 года «оккупацией» и рассчитывать после этого на улучшения российско-балтийских отношений? Это делать категорически нельзя. Признание тезиса об «оккупации» означало бы как неизбежное следствие признание континуитета государств Прибалтики. Решения, принятые по данному вопросу, будут иметь международно-правовое содержание и крайне серьезные экономические и политические последствия.

Как известно, в международном праве предусмотрено два вида международно-правовой ответственности: политическая (моральная) и материальная. Для нас очевидно, что эти последствия затрагивают не только Россию и страны Балтии, но и всю Европу. Речь идет о попытках пересмотра всей послевоенной истории, ревизии итогов второй мировой войны.

В своем желании добиться признания факта «оккупации» внешняя политика Балтийских стран является весьма последовательной. К примеру, в Эстонии практически все документы, принятые в период 1989–1991 годов, обязательно содержат упоминание об оккупации. В связи с тем, что правовая аргументация представителей Эстонии и Латвии практически идентична, а история международных отношений едина, с данного момента объектом

рассмотрения становится Эстонская республика. Сделанные выводы относятся как к Эстонии, так и к Латвии.

Признание факта «оккупации» стало базовым элементом правовой конструкции Эстонского государства, наряду с еще одной категорией – континуитетом государства 1918 и 1991 года. Возникает вопрос: с чем это связано?

Поскольку проблема, которой посвящена эта работа, является чрезвычайно сложной, многосторонней и затрагивает практически все аспекты российско-эстонских отношений, необходимо классифицировать вопросы следующим образом:

1. Существует ли континуитет Эстонской республики 1920 года и Эстонской республики 1991 года и соответственно – можно ли говорить о правопреемстве между современной Эстонией и Эстонской республикой, образовавшейся в 1920 году?
2. Было ли вступление Эстонской республики в состав Союза ССР «оккупацией»?
3. Какие последствия для России вызовет признание факта «оккупации» и континуитета Эстонской республики?

* * *

Настоящая работа не носит юридического характера. Анализ ряда правовых категорий применительно к общей ситуации, возникшей после распада СССР, в данной работе является предпосылкой детального изучения последствий признания тех или иных формул правопреемства. Прежде всего, это относится к категориям «континуитет», «оккупация», «агрессия», «аннексия».

В международном праве континуитет – это осуществление государством-продолжателем (правопреемником) предусмотренных в договорах прав и обязательств государства-предшественника. Автор статьи «Признание государств: современная европейская практика» пишет, что можно говорить о трех различных ситуациях признания новых государств в Европе: это Прибалтика, Советский Союз и Югославия[1]. Следует согласиться со сказанным: действительно, существует определенная специфика международно-правового процесса признания независимости стран Прибалтики в конце XX века.

Правопреемство в международном праве – переход прав и обязанностей от одного его субъекта к другому. Вопрос о правопреемстве государств возникает в случаях слияния двух или более государств (включая вхождение одного или нескольких государств в состав более крупного), разделения государства на два или более или выделения малого государства из состава большого.

---

[1] Warbrick C. Recognition of States: Recent European Practice // Aspects of Statehood and institutionalism in Contemporary Europe / ed. by M. D. Ewans. Mouth, 1997 P. 10.

Вопросы правопреемства носят не только академический характер. Признание той или иной концепции правопреемства автоматически ведет к различным, но весьма значимым экономическим, социальным, политическим и правовым последствиям. Вопросы правопреемства государств достаточно редко становятся предметом научного и экспертного внимания за пределами узкого круга специалистов по международному праву, еще реже данный академический вопрос попадает в зону внимания политиков. Тем не менее, это возможно в том случае, когда происходят качественные изменения на политической карте мира. Применительно к рассматриваемой ситуации (отношения России с Латвией и Эстонией) проблема имеет два аспекта. Во-первых, вопрос о правопреемстве современных стран Прибалтики тем государствам, которые возникли в 1920 году. Во-вторых, вопрос о правопреемстве России по отношению к СССР. Следует отметить, что эти два вопроса взаимосвязаны.

1. Существует ли континуитет Эстонской республики 1920 года и Эстонской республики 1991 года и соответственно можно ли говорить о правопреемстве между современной Эстонией и Эстонской республикой, образовавшейся в 1920 году?

Прежде всего, необходимо упомянуть несколько исторических нюансов, относящихся к периоду 1918–1920 гг. Вот что отмечено в пресс-релизе МИД Эстонии в феврале 2006 года: «После провозглашения независимости Эстония была вынуждена участвовать в войне за свою независимость против Советской России и немецких войск. Во время этой войны Эстония укрепила свои границы и 2 февраля 1920 г. заключила Тартуский мирный договор с Советской Россией»[2]. Возникает вопрос: если захват территорий с иноэтничным населением, никогда не входивших в ареал расселения эстонского народа – это «укрепление границ», то, может быть, и события 1939 года имеют право на иные трактовки?

Далее: участвуя в войне с Советской Россией, эстонские воинские части вмешались в гражданскую войну и вместе с Юденичем дошли до Петрограда. Поддерживая формирование на своей территории так называемого Северо-Западного правительства, Эстония совершила действия, которые несколько позже (лондонской конвенцией) будут квалифицироваться как агрессия. Правопреемство по отношению к периоду между 1920 и 1940 годами, между мировыми войнами, – это, вообще-то говоря, правопреемство по отношению к зоне германской оккупации в 1918 году[3].

---

[2] Эстония сегодня. 24 февраля: День независимости. Февраль 2006: www. estemb. ru

[3] Национальная идентичность и правопреемство (Из стенограмм Комитета внешнеполитического планирования, подготовленных по поручению председателя Экс-

* * *

Позиция стран Запада при признании республик Прибалтики в 1991 году не может быть названа единой. В ряде случаев, но далеко не всегда, она основывалась на том юридическом постулате, что *аннексия не уничтожает международно-правовую личность государства, но временно ее прекращает,* (курсив наш – *Н. М.*) и после возврата к суверенитету и независимости государство восстанавливает международную правосубъектность[4].

С другой стороны, по мнению некоторых европейских юристов, незаконность советской аннексии и даже непризнание факта присоединения к СССР еще не означает признания континуитета Эстонии и Латвии. Вспомним, что тезис Дж. Крофорда об идентичности без континуитета, который Р. Мюллерсон использует применительно к Прибалтийским государствам, уже применялся для объяснения аналогичной ситуации с незаконной оккупацией в период второй мировой войны в таких странах, как Эфиопия, Чехословакия, Албания, Австрия[5]. Наиболее точной характеристикой данной правовой ситуации и является выражение Дж. Крофорда identify without continuity («идентичность без континуитета»)[6].

Наша аргументация исходит из того, что признание временного прекращения существования государств Прибалтики рядом стран Запада не означает признание континуитета существования стран Балтии. Современные страны Балтии являются продолжателями как т. н. «первых республик», так и республик советского периода. Следует признать различие между страной и политической организацией ее власти и территории. Правопреемство идентичности Эстонии или Латвии «образца 1920 года» Эстонии и Латвии «образца 1990–1991 года» очевидно. «Латвия, Литва и Эстония не должны рассматриваться как продолжатели (continuity) довоенных. Они юридически входили в состав Советского Союза после 1940 года. Это не те же самые субъекты международного права, а новые, возникшие на месте прежних и являющиеся по отношению к ним и частично по отношению к СССР правопреемниками, но никак не продолжателями. Можно говорить о восстанов-

---

пертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам А. А. Коробейникова от 12 апреля, 14 ноября и 20 декабря 2002 года): http://www.council.gov.ru/files/journalsf/item/20061011131229.pdf

[4] Гасымов Ф. Возникновение новых субъектов международного права в результате распада СССР и Югославии: http://www.legal.az/index.php?option=com_content&task=view&id=176&Itemid=77 (13.09.2006)

[5] Koskenniemi M., Lehto M. La succession d'Etats dans l'ex-URSS, en ce qui concerne particulierement les relations avec la Finlande // Annuaire francais de droit international. P. 192.

[6] Элен А. Взгляд европейских юристов на распад СССР // Правоведение. 1999. № 2 http://law.edu.ru/magazine/document.asp?magID=5&magNum=2&magYear=1999&articleID=149079

ющей латвийской, литовской и эстонской государственности, а не об «освобождении» Латвии, Литвы и Эстонии от оккупации и их восстановлении»[7].

Интереснейшая аргументация профессора С. В. Черниченко неоднократно ложилась в основу официальной позиции МИДа РФ в 90-х годах прошлого века: если государство было присоединено к другому, т. е. аннексировано (либо в результате оккупации, либо без нее, под угрозой применения силы), то оно с момента присоединения утрачивает свою личность и фактически, и юридически. Исчезают его суверенитет и международная правосубъектность. Если спустя много лет на аннексированной территории тот же народ воссоздал свое государство, то о континуитете (непрерывности) говорить нельзя, так как даже юридически существование государства данного народа было прервано. Однако вполне допустимо говорить об идентичности (тождестве) вновь возникшего государства прежнему. Правильно было бы в таких случаях говорить о воссоздании не государства, а государственности данного народа, поскольку вновь возникшее государство будет все же иным, чем прежде, пусть даже и идентичным ему с точки зрения основных элементов, из которых оно строится.

Как отмечает Р. Мюллерсон, по прошествии полувека принцип restitutio ad integrum, применяемый Эстонией и Латвией, является скорее юридической фикцией, чем реальной возможностью[8].

Рассмотрим вопрос о том, как оформлена указанная позиция в современной Эстонии. На сайте Департамента гражданства и миграции Эстонской республики в специальном материале, предназначенном для лиц, вступающих в гражданство республики, так охарактеризована позиция государства по вопросам правопреемства: «В короткий срок *большинство* стран мира сообщило о *признании (восстановлении признания)* Эстонии как суверенного государства (курсив наш – *Н. М.*)»[9]. Отметим, что термин «признание», или «восстановление признания» не означает выражения позиции по континуитету.

2. Было ли вступление Эстонской Республики в состав Союза ССР оккупацией?

К числу вопросов политической истории Европы XX века, вызывающих уже не первое десятилетие серьезные дискуссии историков и обществен-

---

[7] Черниченко С. В. Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения http://www.mid.ru/ns-pobeda.nsf/b33502cdd81144475c3256cda0037c5f/a9693d8763f70b92c3256f00001e65f2?OpenDocument

[8] Mullerson R. The Continuity and Succession of States, by Reference to the Former USSR and Yugoslavia. P. 483.

[9] Сайт департамента гражданства и миграции Эстонской республики http://www.kodanik.ee/vene/ajalugu/

ности, российских и зарубежных политиков, относятся вопросы политической истории 1939–1940 гг. и, прежде всего, комплекс советско-германских договоров и протоколов. Эта проблема сложна. Проблема оценки событий 1939 и 1940 годов существует на стыке истории и юриспруденции. Однако наши оппоненты сознательно занимаются мифотворчеством, предполагая, что мы будем противопоставлять балтийской мифологии другой миф. Мифология лежит за пределами системы доказательств, нам же необходима четкая система аргументов исторического и правового характера. В противном случае активизируются желающие организовать нам приглашение на новый Нюрнбергский процесс.

Необходимо сформулировать четкую позицию по ряду принципиальных вопросов. Последовательные ответы на эти вопросы позволят построить систему исторических и правовых доказательств того обстоятельства, что оккупации Прибалтики в 1940 году не было.

Вопрос о Договоре о ненападении от 23 августа 1939 года, секретном дополнительном протоколе к нему и внешнеполитических последствиях этого соглашения является в этом ряду наиболее сложным. Данную тему, с одной стороны, нельзя назвать новой и не исследованной, с другой стороны, необходимо признать ее актуальность для современной системы международных отношений.

Политические руководители стран Балтии не только считают события 1939–1940 года непосредственной причиной утраты независимости, но и выстраивают на этой основе концепцию правопреемства, формулируют экономические и политические претензии к России.

Существует официальная позиция России по этому вопросу. Тем не менее, необходимо рассмотреть проблему в комплексе, с привлечением современных источников и исходя из ее политической значимости.

При рассмотрении данных вопросов обращает на себя внимание интересная закономерность. Одни и те же факты, одни и те же документы интерпретируются весьма по-разному. Возникают и поддерживаются на официальном уровне следующие эмоциональные оценки: «Договор от 23 августа, как пакт войны, раздела и уничтожения, не имеет себе аналога во всей истории Европы 19 и 20 столетий. Трудно представить еще более грубый и преступный заговор против мира и суверенитета государств»[10]. (В этом контексте хотелось бы уточнить, как латвийский профессор оценивает мюнхенскую сделку 1938 года – вероятно, как триумф демократии?)

Неспособность рассматривать исторический и политический процесс за пределами этноцентрических оценок, гипертрофированное восприятие побед и поражений собственной истории вне мирового контекста, сопро-

[10] Фелдманис И. Оккупация Латвии – исторические и международно-правовые аспекты http://www.mfa.gov.lv/ru/latvia/history/history-juridical-aspects/?print=on

вождает всю дискуссию по проблемам 1939–1940 года в Эстонии и Латвии. Следует отметить и то, что ряд российских экспертов и политиков демонстрируют непонимание того, как значима для политического сознания наших соседей объективная оценка россиянами событий данного периода.

Антиисторизм позиции балтийских стран четко прослеживается в докладе международной комиссии Эстонии по «расследованию преступлений против человечности». В докладе раздел «Оккупация Эстонской Республики и ее вхождение в состав Советского Союза» начинается со следующей фразы: «23 августа 1939 года народный комиссар иностранных дел Советского Союза (далее СССР) Вячеслав Молотов и министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп подписали пакт о ненападении между Советским Союзом и Германией. В дополнительном секретном протоколе к этому пакту устанавливалось разделение сфер влияния в Восточной Европе. Эстония была включена в сферу влияния Советского Союза»[11].

Складывается впечатление, что наши оппоненты считают дату 23 августа моментом начала человеческой истории, или, в крайнем случае, политической истории XX века. В действительности, перед нами модель, позволяющая снять вопрос об общем характере системы международных отношений после 1933–1934 года и об ответственности отдельных стран, в т. ч. России и Эстонии, за события 1939–1940 года. После этого можно сделать вывод: «Действия СССР не оправдывает и необходимость обороны границ СССР во время Второй мировой войны – иногда этим пытаются обосновать оккупацию Эстонии в 1940 году»[12]. Действия СССР в 1939 году были аморальны и не отвечали духу международного права указанного периода. Однако предотвращение германской оккупации и обеспечение безопасности Ленинграда оправдывает договор 1939 года с военной точки зрения. Эта позиция не разделяется политическими элитами Эстонии. В резолюции I конгресса Народного фронта Эстонии «О пакте Молотов – Риббентроп» отмечено: «В ходе конгресса нашло подтверждение то обстоятельство, что заключение пакта Молотова – Риббентропа не было для СССР вынужденным ходом и не обусловливалось необходимостью обороны государства. Заключение пакта ценой отказа от традиционного геополитического сотрудничества с Англией и Францией не дало времени для передышки, как это утверждалось до сих пор, Германии же это развязало руки для начала военных действий в Европе – второй мировой войны. Путем заключения пакта две тота-

---

[11] Estonia 1940–1945: Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity // www. historycommission. ee/temp/pdf/conclusions_ru. pdf 11.03.07

[12] Estonia 1940–1945: Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity // www. historycommission. ee/temp/pdf/conclusions_ru. pdf 11.03.07

литарные великие державы договорились о ликвидации независимых государств – Финляндии, Эстонии, Литвы, Латвии и Польши и о разделе между собой их территорий»[13]. Таким образом, за два дня 1–2 октября 1988 года представителями общественных организаций были даны ответы на ключевые вопросы политической истории двадцатого века. Впрочем, историки и политики, юристы и дипломаты по-прежнему обсуждают вопросы, столь оперативно «закрытые» за два дня в 1988 году.

Мы исходим из того, что свобода государства принимать меры к самосохранению была закреплена международным правом. Принцип «minus in majori inest» – настоящее и подлинное состояние крайней необходимости – действовал в середине XX века. «Определение случая состояния крайней необходимости в международном праве является делом более трудным, чем в праве внутригосударственном. Быть может, не будет неточным сказать, что в каждом случае такой вопрос является, в сущности, вопросом отнесения к той или иной категории, которые определяются нами следующим образом: а) опасность для самого существования государства (а не для отдельных интересов, хотя бы и имеющих важное значение); б) опасность, возникшая не по вине того, кто совершил действие, и, наконец, в) тяжелая и неминуемая опасность, избежать которую нельзя, не приняв крайних мер»[14]. При отсутствии противоправного деяния вменение вины неосновательно. Но при наличии такового к обстоятельствам, освобождающим от ответственности, традиционно относится:

1. вина самой потерпевшей стороны;
2. состояние крайней необходимости, когда совершение тех или иных действий продиктовано угрозой жизненным интересам субъекта – деликвента.

Именно эти обстоятельства определили ситуацию 1939–1940 года для СССР.

* * *

После захвата «третьим рейхом» Чехословакии и Клайпеды в 1939 г. и подтверждая территориальные претензии к Польше, СССР становится инициатором переговоров по вопросу о коллективной защите от агрессии. Речь идет о политическом и военном союзе СССР с Англией и Францией, а также странами, которые имели гарантии западных держав или могли их получить.

Заручившись договорами о ненападении с СССР, прибалтийские рес-

---

[13] Народный конгресс. Сборник материалов конгресса Народного фронта Эстонии 1–2 октября 1988. Таллинн, 1989. С. 217.

[14] Анцилотти Д. Курс международного права. М., 1961. С. 427.

публики в 1938 году принимают законы о «нейтралитете». Но насколько действенным этот закон мог оказаться на деле?

На переговорах с Англией и Францией Советский Союз выразил готовность предоставить странам Прибалтики гарантии безопасности. 1 июля партнеры по переговорам дать такую гарантию согласились только в случае прямой агрессии. Но советские представители выдвинули предложение распространить гарантию и на случай «косвенной агрессии» против Прибалтийских стран. Англичане высказали свою особую точку зрения: если в случае «непрямой агрессии» государства Прибалтики сами попросят правительства великих держав гарантировать их безопасность, то такую просьбу можно будет удовлетворить, если же не попросят, их следует оставить без всяких гарантий. В. М. Молотов от советской стороны доказывал, что без гарантии границ прибалтийских республик любой договор окажется фикцией, и говорил о необходимости полных и безусловных англо-французских гарантий для всех без исключения пограничных с СССР европейских стран, независимо от того, просят они о таких гарантиях или нет.

Когда в ходе переговоров советские представители выдвинули предложение распространить гарантию на случай «косвенной агрессии» против Прибалтийских стран, это было новым понятием в языке международных отношений. Советское руководство представляло себе «косвенную агрессию» как возможный внутренний государственный переворот или поворот к политике в пользу агрессии. Западные партнеры по переговорам сразу же поняли, что скрывается за этой формулировкой, и отвергли ее. Советский полпред во Франции Я. З. Суриц 19 июля 1939 года докладывал в Москву, что французами это предложение рассматривается как попытка предоставить «нам практическую свободу действия в Балтике, и притом не только в момент реальной германской угрозы, но в любой желательный для нас момент». Еще раньше, в мае 1939 года, суть советского предложения раскрыл министр иностранных дел Эстонии К. Сельтер, назвавший его «превентивной агрессией» со стороны Советского Союза. От советских гарантий отказались и правительства Латвии и Финляндии[15].

Министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс заявил от имени всех трех прибалтийских стран, что они придерживаются «строгого нейтралитета» и не желают принять гарантий Великобритании, Франции и СССР. Фактически прибалтийские страны стремились к тому, чтобы их нейтралитет был гарантирован не только тремя державами, но и Германией, а при отсутствии гарантии со стороны Германии они боялись примкнуть к англо-франко-советскому блоку.

Однако реальная ситуация не исключала прямого и косвенного германского вмешательства. Очевидно, что руководство СССР считало возможным

---

[15] Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии, 1939–1941. М., 1992. С. 208.

вмешательство во внутренние дела стран Балтии в случае прогерманского государственного переворота или резкого изменения политического курса балтийских стран. В условиях угрозы фашистской агрессии против Прибалтийского региона правительства Литвы, Латвии и Эстонии провозгласили политику нейтралитета своих стран. Но это вовсе не гарантировало их безопасность.

К 1939 году Германия заняла практически монопольное положение в торговле с Эстонией, Латвией, Литвой. Усилились и политические контакты балтийских стран с Германией. Прогерманская ориентация внешней политики была характерна для всех балтийских стран. В июне 1939 года эти страны заключили с Германией договоры о ненападении.

Начавшееся в 1935 году сотрудничество военных Эстонии и Германии выражалось в обмене разведывательной информацией, стажировке эстонских офицеров в Германии и т. п.[16]

Летом 1939 года вниманию международной общественности привлекли визит в Эстонию начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Гальдера и пребывание в Таллинне германского военного корабля «Адмирал Хиппер». Информированным кругам Западной Европы стало также известно о визите в Эстонию начальника военной разведки Германии (абвер) адмирала Канариса и других офицеров германской разведки[17]. Существует важное свидетельство видного сотрудника абвера Рихарда Протце. В интервью английскому публицисту И. Колвину Протце отметил: «Перед войной у нас были соглашения с Прибалтийскими государствами о координации деятельности военной разведки. Мы просто им говорили, чтобы они устроили наших агентов в учреждения английской разведывательной службы в Каунасе, Риге и Таллине»[18].

Финско-эстонское сотрудничество в сфере безопасности также имеет исторические прецеденты. В 1938 году руководство вооруженных сил двух стран начало восстанавливать центральную минно-артиллерийскую позицию, оборудуя ее 12-дюймовой артиллерией. Приведем выдержку из плана модернизации обороны государства, представленного Президенту Эстонии начальником штаба вооруженных сил (генерал-майор Н. Реэк) 14 декабря 1937 года: «Морские крепости. С сооружением 305-миллиметровой бронированной башни на Найссааре значительно укрепилась бы огневая система наших морских крепостей... после модернизации 305-миллиметровых орудий с целью увеличения дальности стрельбы они смогут перекрыть огнем весь Финский залив на общей линии Таллинн-Порккала. Тем самым стало бы

---

[16] От пакта Молотова–Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. Таллинн, 1990. С. 52.

[17] Там же. С. 53.

[18] Секретные миссии. Пер. с англ. М., 1964. С. 77.

возможным, например, в случае военного конфликта с восточным соседом, создать ощутимые препятствия для выхода его флота на линию Найссаар-Порккала»[19].

В сотрудничестве с Эстонским генеральным штабом в 30-е годы началось активное оборудование побережья Финского залива на самом узком его участке тяжелой артиллерией, способной полностью блокировать выход советского флота из Кронштадта в Балтийское море. Кроме этого, в сотрудничестве с Эстонией планировалось создать широкую минную позицию в той же части Финского залива и активно использовать, прежде всего, подводный флот. Как отмечает финский военный историк Я. Лескинен, «совместные планы финских и эстонских флотов достигли такой стадии, когда эстонские подводные лодки при возникновении войны присоединялись к финскому флоту под финским руководством»[20] (2 современных и высокоэффективных подводных минных заградителя «Лембит» и «Калев» британской постройки.)

Доктор государственных наук, доцент Хельсинского университета Яри Лескинен пишет в статье «Тайное военное сотрудничество Финляндии и Эстонии против СССР», опираясь на новые открытые архивные документы: «созданная прежними историческими исследованиями картина пассивной политики Финляндии и Эстонии в области обеспечения безопасности в период между мировыми войнами абсолютно неверна»[21]. Автор указывает на существование договоренностей о совместном командовании ВМФ и береговой артиллерией. 7 подводных лодок (5 финских и 2 эстонских), подпирая минно-артиллерийскую позицию Макилуото-Найсаар (калибр орудий – 305 мм) становились непреодолимым препятствием для Балтийского флота. Сотрудничество развивалось настолько активно, что последние совместные стрельбы были организованы летом 1939 года (!!) В этом контексте нельзя согласится с позицией Президента Эстонии Тоомас Хендрик Ильвеса, выступившего в марте 2007 года в ходе государственного визита в Финляндию с речью в актовом зале Хельсинкского университета. Президент Эстонии выразил сожаление, что Эстония в 1939 году была слишком слаба, чтобы сражаться плечом к плечу с защищавшими себя финнами[22].

---

[19] От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. Таллинн, 1990. С. 37.

[20] Leskinen J. The silenced bridge of Finland Secret military cooperation between Finland and Estonian against the Soviet Union 1930–1939 // Россия и Финляндия в XX веке. СПб-Liechtenstein, 1997. С. 124.

[21] Лескинен Я. Тайное военное сотрудничество Финляндии и Эстонии против СССР // Цитадель. № 10. СПб, 2002.

[22] Веретенников А. Стыдно за предвоенную Эстонию? Estonia online. http://www.estoniaonline.ru/news/151/ARTICLE/5480/2007-03-15.html 15-03-2007

Данные о финско-эстонском сотрудничестве в военной сфере свидетельствуют об обратном.

Таким образом, Эстония, с одной стороны, активно участвовала в военном планировании, направленном против СССР, а с другой стороны, развивала германскую ориентацию во внешней политике. Это позволяет нам вспомнить универсальный принцип международного права – принцип pacta servanda sunt (договоры должны соблюдаться) с оговоркой rebus dictantibus (то есть при существующем положении вещей). То есть пока сохраняются те обстоятельства, которые привели к заключению договора. Обстоятельства 1939 года вели как Эстонию, так и СССР к нарушению подписанных ранее договоров.

В 1924 году представителями 19 государств был подписан Женевский протокол о мирном разрешении международных споров, в котором было закреплено определение агрессивной войны как международного преступления[23]. Значение Женевского протокола 1924 года было высоко оценено в приговоре Нюрнбергского трибунала: «Хотя этот протокол никогда не был ратифицирован, он был подписан руководящими государственными деятелями мира, представляющими подавляющее большинство цивилизованных государств и народов, и может рассматриваться как убедительное доказательство намерения заклеймить агрессивную войну как международное преступление»[24].

В развитие положений Декларации 1927 года годом позже был подписан многосторонний договор – Парижский пакт об отказе от войны как орудия национальной политики (пакт «Бриана-Келлога»)[25]. На базе этого документа в 1933 году была принята конвенция об определении агрессии. В документе, подписанном представителями СССР и Эстонии, указано: «Будет признано нападающим в международном конфликте, без ущерба для соглашений, действующих между сторонами, участвующими в конфликте, государство, которое первое совершит одно из следующих действий:

1. Объявление войны другому государству;
2. Вторжение своих вооруженных сил, хотя бы без объявления войны, на территорию другого государства;
3. Нападение своими сухопутными, морскими или воздушными силами, хотя бы без объявления войны, на территорию, на суда или на воздушные суда другого государства;

---

[23] Гарантии безопасности по Статуту Лиги Наций. М., 1937. С. 81.

[24] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов в 7 томах. Т. 7. М., 1961. С. 367.

[25] Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 5. М., 1930. С. 5–8.

4. Морскую блокаду берегов или портов другого государства;
5. Поддержку, оказанную вооруженным бандам, которые, будучи образованными на его территории, вторгнутся на территорию другого государства, или отказ, несмотря на требование государства, подвергшегося вторжению, принять на своей собственной территории все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства»[26].

В решении Комиссии Президиума ВС Эстонской ССР по выработке историко-правовой оценки событий 1940 года в Эстонии отмечено: «Пакт о взаимопомощи, заключенный между Советским Союзом и Эстонской Республикой 28 сентября 1939 года, был, по существу, неравным договором, существенно ограничивавшим суверенитет Эстонской Республики и фактически ликвидировавшим ее политику нейтралитета. Это был договор, навязанный под угрозой применения силы оружия, несмотря на то, что пактом признавалась независимость Эстонии». В этом контексте следует отметить, что неравным бывает брак, термин «неравноправный договор» теоретически возможен, но на практике стороны практически всегда берут на себя различные обязательства. И, наконец, любой договор означает ограничение суверенитета.

«Начатая Союзом ССР не позднее 14 июня 1940 года *воздушная и морская блокада* Эстонской Республики и последовавшая за этим 16 июня 1940 года нота, в которой Эстонской Республике предъявлялись вымышленные обвинения и в ультимативной форме, в обход специально предусмотренных в договорах процедур выяснения конфликтов и недоразумений в целях их решения мирным путем, высказывалось требование об образовании нового правительства Эстонии, вводе дополнительных войсковых соединений Советского Союза и беспрепятственном продвижении их по всей территории Эстонии, квалифицируются как нарушение международного права, договорных обязательств, принятых Советским Союзом, и агрессия против Эстонской Республики»[27]. Зачем здесь говорится о блокаде, не упоминаемой в иных источниках? Ответ очевиден, если мы обратимся к «Конвенции об определении агрессии». Поскольку другие пункты определения агрессии к ситуации 1939 года не подходят, вводится тезис о морской блокаде.

Исследователи вопроса о советско-германских договоренностях 1939 года часто ссылаются на предложение Великобритании от 21 марта 1939 года подписать четырехстороннюю декларацию СССР, Великобритании, Франции

---

[26] Конвенция об определении агрессии (Заключена в г. Лондон 03.07.1933) http://besprayo.ru/fed1991/data04/tex17922.htm

[27] 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. Таллин, 1989. С. 9.

и Польши с обязательством консультироваться в случае возникновения угрозы для политической независимости любого европейского государства. Однако предложение *консультаций* в условиях общих военных приготовлений 1939 года нельзя признать адекватным обстановке. Более того, сам Невилль Чемберлен признал, что декларация была сформулирована таким стразом, чтобы «избежать конкретных обязательств»[28]. Следует согласится и с точкой зрения А. С. Орлова, писавшего, что «при серьезном учете обстановки того времени... становится ясно, что надежды малых стран, находящихся между такими противостоящими друг другу державами, как Германия и СССР, удержаться на позициях нейтралитета являлись не более, чем иллюзией»[29]. Об этом же пишет и Уинстон Черчилль: «Финляндия и три прибалтийских государства не знали, чего они больше страшились – германской агрессии или русского спасения»[30]. Аналогичного мнения придерживается и Р. Таагепера: «Они старались сохранить нейтралитет, но страны Балтии внезапно оказались втянутыми [в конфликт между СССР и Германией] с обеих сторон»[31].

Доктор исторических наук И. Фелдманис в статье, опубликованной на сайте министерства иностранных дел Латвии, указывает: «Конечно, нельзя сказать, что Прибалтика согласилась бы заключить подобные договоры о базах в других условиях, но *тогда они расценивались правительствами Латвии, Литвы и Эстонии, как меньшее из зол* (курсив наш – *Н. М.*). Секретный дополнительный протокол напрямую не изменил международно-правовой статус Финляндии, Латвии, Эстонии и Литвы (Литва была включена в сферу советских интересов 28 сентября 1939 года). Однако установление сфер интересов свидетельствовало о непринятии во внимание суверенитета упомянутых государств и выражении сомнения в их независимости[32]. С этой позицией нельзя не согласится. Об этом же пишет Б. Мейснер, известный исследователь истории балтийских стран межвоенного периода: «Балтийские государства, предоставляя затребованные СССР военные базы, в полной мере учли необходимость безопасности Советского Союза (более воображаемой, чем реальной), «насколько она могла возрасти с началом Второй мировой войны»[33].

---

[28] Colvin I. D. The Chamberlain cabinet. How the meeting in 10 Downing Street, 1937–9 led to the Second World War told for the first time from the Cabinet papers. London, 1971. P. 190.

[29] Орлов А. С. СССР и Прибалтика. 1939–1940 // История СССР. 1990. № 4. С. 46.

[30] Черчилль У. Вторая мировая война. Ростов-на Дону, 1997. С. 59.

[31] Taagepera R. Estonian Return to Independence. Westview press, 1993. P. 59.

[32] Фелдманис И. Оккупация Латвии – исторические и международно-правовые аспекты http://www.mfa.gov.lv/ru/latvia/history/history-juridical-aspects/?print=on

[33] Meissner B. The Occupation of the Baltic States from a Present – Day Perspective // The Baltic States at Historical Crossroads Riga, 2001. P. 441.

3. Какие последствия для России вызовет признание факта оккупации и континуитета Эстонской республики?

Указание на статус оккупируемого государства может служить различным целям. Мы исходим из того, что армия СССР ликвидировала оккупационный режим, как в своей стране, так и в Европе, что и было подтверждено в Нюрнберге. Являясь пострадавшей от оккупации страной, СССР с согласия остальных великих держав, компенсировал часть своих потерь за счет репараций полученных как с Германии, так и с ее союзников. Попытка поставить Россию в один ряд с побежденной Германией является не только проблемой моральной ответственности. В большей степени это попытка создания правового предлога и формирования прецедента к требованию материальных компенсаций.

В связи с вышеизложенным, тезис о совтской оккупации выдвигается как ключевой, обеспечивающий целый комплекс внешнеполитических и внутриполитических задач эстонского государства. В противном случае к этой историко-правовой конструкции не было бы столько внимания со стороны высших руководителей балтийских государств.

В официальном издании МИД ЭР отмечено: «Эстонская Республика была создана в 1918 году. В результате оккупации Советским Союзом, *не признанной многими государствами*, Эстония лишилась независимости в 1940 году»[34] (курсив наш – *Н. М.*). Отмеченная нами фраза указывает, что позиция современной Эстонии, считающей себя не новым государством, а государством, восстановившем свою суверенность после периода незаконной оккупации, как минимум не бесспорна. *Международное сообщество, в том числе и Россия, едино в признании независимости Эстонии, тем не менее, это не означает признания международным сообществом континуитета Эстонии от 1918 к 1991 году и факта оккупации.*

В ключевой работе эстонских политиков и историков, выпущенной непосредственно перед провозглашением независимости, отмечено, что действия СССР квалифицируются как агрессия, военная оккупация и аннексия[35]. Таким образом, делается попытка доказать, что, поскольку ультиматумы и последовавший затем ввод войск противоречили международному праву, то такой ввод можно считать оккупацией.

Ряд современных российских специалистов в науке международного права рассматривает включение стран Прибалтики в состав СССР в 1940 году не как аннексию в узком смысле слова. Подобной трактовки вопроса придер-

---

[34] Внешняя политика Эстонии. Таллинн: МИД ЭР, 2006. С. 46.

[35] 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. Таллинн, 1989. С. 3.

живается С. В. Черниченко[36]. Он пишет о том, что аннексию или оккупацию можно понимать в узком и широком смыслах. Он полагает, что включение Эстонии, Литвы и Латвии в состав СССР не было аннексией в узком смысле, т. е. актом формального присоединения одного государства к другому в результате завоевания. Это событие являлось аннексией во втором значении этого понятия, в широком смысле, т. е. актом приобретения одним государством суверенитета над территорией другого государства в результате действий, не позволяющих выявить подлинную волю этого другого государства. Позицию С. В. Черниченко подвергают критике, считают деструктивной: «Если следовать этой логике, то тогда получится, что и гитлеровская Германия также не нарушала тогдашнее международное право, совершая аннексии в отношении близлежащих стран, например, аншлюс (присоединение) Австрии в 1938 г.»[37].

По мысли С. В. Черниченко, политика СССР не противоречила действовавшему в 1940 г. международному праву, поскольку в то время ещё не существовало принципа запрещения применения силы или угрозы силой против территориальной целостности и политической независимости государств. Сформировалось лишь его ядро – запрещение агрессивной войны. Не был универсально признанным и принцип самоопределения народов. Согласие Прибалтийских государств с предъявленными требованиями было вынужденным, хотя никаких прямых угроз ультиматумы не содержали. Можно и нужно осуждать ультиматумы с морально-политической точки зрения, можно квалифицировать их как вмешательство во внутренние дела Прибалтийских государств, но сам по себе ввод советских войск с согласия, пусть и вынужденного, их правительств еще не означал аннексии данных государств, поскольку он не означал перехода суверенитета над их территориями к Советскому Союзу. Как отмечает профессор Черниченко, международное право двадцатых годов опиралось на принцип «хотя по принуждению, но все же пожелал». После ввода советских войск в Эстонии были проведены выборы в Государственную Думу с нарушением конституции государства. Избранный таким образом парламент, провозгласив установление советской власти, обратился к СССР с просьбой о принятии Эстонии в его состав. Просьба была удовлетворена в начале августа 1940 года. Присутствие советских войск при проведении выборов и позднее было важнейшим внешним

---

[36] Черниченко С. В. Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения http: //www. mid. ru/ns-pobeda. nsf/b33 502cdd8144 475c3256eda0037e5 fc/a9693d8763f70b92c3256f00 001e65f2?OpenDocument; Черниченко С. В. Теория международного права. Т. 2. М., 1999. С. 73–76.

[37] Гасымов Ф. Возникновение новых субъектов международного права в результате распада СССР и Югославии http: //www. legal. az/index. php? option=com_content& task=view&id=176&Itemid=77 13.09.2006

фактором, препятствовавшим действительно свободному волеизъявлению народа Эстонии. Это даст основания рассматривать вхождение Эстонии в состав СССР как осуществившееся в результате военной угрозы, внешнего давления, т. е. насильственным путем. Юридическое его оформление можно рассматривать как акт аннексии. Однако аннексия, оформленная таким образом, не противоречила действовавшему в 1940 году международному праву.

Ряд историков и юристов прямо предупреждают российские власти о том, зачем выдвигается тезис об оккупации. Доктор права Дитрих А. Лебер указывает на то, что «Пакт «Молотов – Риббентроп» от 1939 г. имел роковое воздействие на Балтийские государства. Его последствия не преодолены и сегодня. Это очевидно в двух проблемных областях: с одной стороны, в вопросе о государственном континуитете, и с другой стороны, в вопросе о реституции и компенсации»[38]. «Большое русскоязычное меньшинство в Латвии – это демографический побочный продукт долгосрочной незаконной советской оккупации. Вытекает ли, что проживание русскоязычного населения в Латвии незаконно из того исторического факта, что оккупация была незаконной?»[39]. Если мы признаем непрерывность, континуитет Эстонии, то период 1944–1991 годов должен автоматически оцениваться как оккупация, а лица, переселившиеся в эту страну как оккупанты. Можно в целом согласиться с публицистическим сравнением Л. Степанова: «Если представить себе мир, в котором фашистская Германия победила во Второй мировой, но по каким-то причинам развалилась через 50 лет, то сразу бы возник вопрос о немцах, которыми были бы заселены оккупированные ею территории. Именно аналогию между русскоязычным населением и гипотетически победившими СССР немцами пытаются провести страны Прибалтики»[40]. Следует лишь отметить, что к Литве данное положение не относится.

Сегодня трудно согласиться с эстонской позицией по поводу того, что нет никакого правопреемства между Советским Союзом и Прибалтийскими государствами. Как пишет Р. Мюллерсон, нельзя игнорировать юридические нормы, установленные Союзом ССР, и договоры, заключенные им[41]. Поэтому Эстония и Финляндия признали временно действующими некоторые

---

[38] Лебер Д. Юридические последствия пакта «Молотова-Риббентропа» для Балтийских государств http://www.hot.ee/russconference/

[39] Резюме решения Европейского Суда по правам человека и резюме мнений судей по делу «Жданок против Латвии». Резюме мнения судьи Зупанчича. http://www.zapchel.lv/print.php?page_id=3229&cv_id=&lang=_ru

[40] Степанов Л. «Оккупация» Прибалтики – вопрос не амбиций, а права на будущее http://www.newspb.ru/allnews/453633/12.12.06

[41] Mullerson R. The Continuity and Succession of States, by Reference to the Former USSR and Yugoslavia. P. 483.

договоры, заключенные между Финляндией и Советским Союзом. Академик Академии наук Эстонской Республики М. Бронштейн, безусловный сторонник независимости Эстонии, бывший народный депутат СССР, отмечает: «Кого же поддерживал народ Эстонии в этот крайне трудный период? Вопреки призывам Комитета Эстонии в 1990 году к бойкоту выборов в Верховный Совет и референдума по независимости, в них участвовали около миллиона жителей Эстонии, а в февральских выборах 1990 г. в альтернативный Конгресс Эстонии приняли участие только 52 тысячи правопреемных граждан и 34 тысячи соискателей гражданства. Но парадокс истории состоит в том, что после 20 августа 1991 года между Верховным Советом и Комитетом Эстонии было заключено соглашение о формировании Конституционной ассамблеи на паритетных началах с принятием концепции Комитета Эстонии о правопреемственности гражданства. Компромисс? Да, но за счет прав почти трети населения республики»[12].

Особенность эстонской дипломатии заключалась в том, что именно законно избранные органы «прежней» власти начали движение к независимости. Именно так действовали и Уполномоченный Временного правительства в Эстляндской губернии Я. Поска в 1918 году, и первый секретарь ЦК КПЭ В. Вяляс. Верховный Совет Эстонии, провозгласивший ее суверенитет и независимость, был избран в соответствии с советским законодательством, прежде всего Конституцией СССР 1977 года и конституцией ЭССР 1978 года. Если отрицать действительность советского законодательства на территории Эстонии в принципе, тогда неизбежно придется отрицать как действительность самого избрания Верховного Совета и Эстонии, так и действительность его актов. Члены Верховного Совета ЭССР-ЭР признали юридически недействительной декларацию Государственной думы ЭР от 22 июля 1940 года о вступлении в СССР. Верховный совет, фактически избранный в «*юридически недействительном государстве*», 30 марта 1990 года под руководством Арнольда Рюйтеля объявил собственное restitutio ad integrum (восстановление к прежнему состоянию), признав государственную власть СССР незаконной, а территорию Эстонии оккупированной. Верховный Совет ЭССР-ЭР, избранный в соответствии с «оккупационным» законодательством и по сути своей являвшийся «оккупационным» органом власти, пытался вступить в переговоры с «оккупировавшим» его государством![13]

Компонентом данной проблемы является вопрос о границах. «Считая Эстонию преемницей союзной республики с таким же названием, Россия уже не признает установленную Тартуским мирным договором гра-

[12] Бронштейн М. Трудные дороги к свободе // Молодежь Эстонии. 17.8.2001.

[13] Петров М. Restitutions ad absurdum. Вехи истории: годовщина «пьяного визита» Бориса Ельцина: http://www.hot.ee/russconference/4-trag/trag-59.html

ницу»[44]. Это положение справедливо и является неполным, но в общем правильным изложением позиции МИД РФ. В соответствии с международным правом общепринятым правилом является то, что правопреемство не затрагивает границ, установленных договором о границах. Положение зафиксировано в ст. 11 Венской конвенции 1978 года «О правопреемстве государств в отношении договоров»[45]. Это означает, что «если в силу самого факта правопреемства и возникают какие-либо основания для прекращения или изменения договорных прав и обязательств, то эти основания не могут быть использованы для изменения границ, установленных договором и относящихся к режиму границы. Это положение поддерживалось подавляющим большинством государств на Венской конференции по правопреемству государств в отношении договоров. Эта позиция отражает господствующую международную практику»[46]. В связи с упомянутым вопросом Комиссия отметила, что «действующее международное право не раскрывает всех значений права на самоопределение. Однако установлено, что при любых обстоятельствах право на самоопределение не должно включать изменение существующих границ *в момент независимости* (*uti possidetis juris* – курсив наш – *Н. М.*), за исключением случаев, когда заинтересованные государства договариваются об ином»[47].

Подобная аргументация уже использовалась на постсоветском пространстве. Магистр права Эссекского Университета Т. Мусаев пишет: «Что касается выдвигаемого армянской стороной тезиса о том, что, провозгласив восстановление государственной независимости 1918–1920 годов и, тем самым, став правопреемником существовавшей в те годы Азербайджанской Демократической Республики, Азербайджан якобы лишился оснований претендовать на границы советского периода, то внимание должно быть привлечено к статье 11 Венской Конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров, согласно которой правопреемство государств как таковое не затрагивает: а) границ, установленных договором. Другими словами, хотя данное положение касается непосредственно внешних границ бывшего СССР, установленных заключенными им международными договорами, оно фактически представляет собой концептуальный международно-правовой подход в отношении продолжения существования границ, несмот-

---

[44] Департамент гражданства и миграции Эстонии: http://www.kodanik.ee/vene/ajalugu/

[45] Венская конвенция «О правопреемстве государств в отношении договоров» от 23 августа 1978 г. // Действующее международное право. Т. 1. М., 1996. С. 138.

[46] Клименко Б. М. Проблемы правопреемства на территории бывшего СССР // Московский журнал международного права. 1992. № 1. С. 14.

[47] Conference on Yugoslavia. Arbitration Commission. 92 International Law Reports (1993). P. 168.

ря на правопреемство, а именно то, что изменение суверенитета не в силах поколебать эти границы, имеющие постоянный характер»[48].

В Эстонии иногда указывают на то, что это положение и означает для Эстонии «тартускую» территорию (преемник приобретает у предшественника только ту территорию, который последний обладал). Это не соответствует международным нормам и практике. В противном случае стали бы возможны и признаваемы ситуации правопреемства такого типа: Римская империя – Италия при Муссолини, Империя Карла Великого – фашистская Германия.

В международной судебной практике широко используется принцип uti possidetis, впервые сформулированный в ходе деколонизации Латинской Америки в начале XIX в. При достижении независимости бывшими испанскими колониями границами вновь образовавшихся республик становились границы бывших испанских провинций, на месте которых они возникали. Естественно, не исключалась возможность дальнейшего пересмотра границ в рамках норм международного права и переговорной практики. Важно отметить, что рассматривая пограничные споры между Буркина Фасо и Мали, Международный Суд ООН квалифицировал указанный принцип как «общий, логически проистекающий из факта получения независимости, где бы это ни происходило». Таким образом, даже если признать правопреемство и континуитет Эстонии, это не означает подтверждение претензии на «тартуские» границы.

* * *

Настоящая статья предваряется цитатой из выступления Пола Гобла, американского политолога, историка, журналиста, специалиста по проблемам постсоветского пространства, живущего в Эстонии. В своем выступлении он обращается к президенту России, обвиняя президента и Россию в попытках навязать одностороннее толкование истории. Но мы видим, что именно России навязывают новую трактовку истории, превращая её в преступника и агрессора, переписывая итоги войны. Такой подход будет встречать противодействие, и мы действительно готовы заплатить за нашу память более высокую цену, чем может себе представить Гобл.

---

[48] Мусаев Т. Применение доктрины uti possidetis juris в условиях установления границ новых независимых государств http://anarazimov.com/content/view/21/2/

РЕЦЕНЗИИ

Исторический поиск Беларуси. Альманах. Минск, 2006.

Наряду со средствами массовой информации, национальные историографии играют ключевую роль в легитимации государственных образований, возникших после распада СССР, и в ускоренной перековке постсоветского человеческого материала в новые политические нации, призванные вдохнуть высокий легитимно-исторический смысл в проблемное существование новорожденных постсоветских государств. Именно историческая наука поставляет узловые детали для идеологических конвейеров в постсоветских странах, производящих основные компоненты новых национальных мифологий, включая «миф происхождения во времени, миф происхождения в пространстве, миф «золотого века», миф упадка и миф возрождения»[1].

Особенность постсоветского пространства состоит в том, что практикующие здесь специалисты в области этнокультурной инженерии, уполномоченные своими элитами на управление идеологическими конвейерами, связывают «миф упадка» непременно с Россией и советским периодом, хотя именно в это время и был создан современный социально-экономический и культурный потенциал постсоветских стран. В свою очередь, «миф возрождения» привязывается ими к распаду СССР и к обретению собственной независимости, что изображается справедливым итогом и вершиной национально-освободительных устремлений независимо от того, существовали ли эти устремления в действительности. По меткому замечанию Э. Геллнера, национализм, апеллируя к прошлому и эксплуатируя лексику «восстановления исторической справедливости», в действительности создаст новые «высокие культуры», являющиеся его «собственными изобретениями»[2]. Современное мифотворчество, главная функция которого состоит

[1] См.: Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986. P. 192.

[2] Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983. P. 57, 124.

в обслуживании текущих потребностей элит, отмечено изрядным налетом примитивного и агрессивного этноцентризма, степень которого зависит как от фантазии и темперамента мифотворцев, так и от сиюминутных политических соображений; при этом роль главного злодея и виновника всех мыслимых и немыслимых исторических трагедий всегда отводится исключительно России, а роль несчастной и несправедливо обиженной жертвы – только себе. На этом унылом фоне однообразного постсоветского идеологического ландшафта, обитатели которого, соревнуясь в собственной древности и исключительности, как по команде пришпорили буйного конька этноцентризма, выделяется, пожалуй, только Белоруссия, где индустрия этноцентристской мифологии работает не столь продуктивно, как в Прибалтике, на Украине или в Закавказье, имеет маргинальный характер и не находит сочувствия ни у властей, ни у большинства населения.

Поскольку история как наука имеет прямое отношение к механизму современного мифотворчества, взгляд на нынешнее состояние белорусской историографии интересен не только сам по себе, но и как возможный ключ к ответу на вопрос о причинах столь существенных отличий общественно-политического развития Белоруссии от других постсоветских государств. Своеобразным «окном» в современную белорусскую историческую науку, малоизвестную российскому читателю, который, несмотря на кажущееся обилие информации, вообще имеет крайне смутное представление о белорусских реалиях и сводит их лишь к набору незамысловатых клише, может служить альманах «Исторический поиск Беларуси» (Минск, 2006).

Этот альманах представляет собой сборник из 22 статей, объединенных в тематические разделы: «Непостижимая Беларусь», «Церковно-исторические исследования Беларуси», «Нераздельное и неслиянное», «Балканская тетрадь», «Разночтения» и «Приложения». Материалы альманаха, позволяющие судить о современном состоянии белорусской исторической науки и интересующей ее проблематике, посвящены широкому спектру исторических проблем, охватывая наиболее противоречивые сюжеты белорусской и российской истории XIX–XX веков, белорусско-польских и белорусско-российских отношений, а также некоторые аспекты балканской истории.

Из статей, вошедших в альманах, свежестью, оригинальностью, новизной подхода и полемическим накалом выделяются работы А. Ю. Бендина о проблемах этнической идентификации белорусов в современной историографии и о графе М. Н. Муравьеве-Виленском и национальном пробуждении белорусов в 60-е гг. XIX века. Именно эти статьи, переосмысливающие устоявшиеся представления о месте белорусов в восточнославянской общности и о роли М. Н. Муравьева в белорусской истории, в наибольшей степени соответствуют задаче «поиска новых парадигм исследований исторической реальности» и «отрицания утвердившихся идеологических стереотипов», заявленных в качестве главной цели данного сборника.

Безусловно новаторским является исследование А. Ю. Бендина о проблемах этнической идентификации белорусов в 60-х годах XIX – начале XX веков в современной историографии, в котором автор, опираясь на последние исследования в области социологии и культурной антропологии, высказал ряд аргументированных и остроумных соображений, убедительно опровергающих устоявшиеся в историографии штампы и стереотипы о формировании этнического самосознания белорусов.

Автор справедливо замечает, что в конструировании белорусского этнонационализма неизменной всегда оставалась идеологическая константа, состоящая в «абсолютизации культурно-языковых, конфессиональных и психокультурных различий русских, под которыми понимались исключительно великороссы, и белорусов»[3]. Констатируя, что к началу первой мировой войны белорусский этнонационализм оставался маргинальным общественным явлением, имевшим влияние лишь в слоях немногочисленной католической интеллигенции, А. Ю. Бендин усматривает причину этого неутешительного для белорусских националистов явления в том, что «идеи... независимости и представления о себе как особом народе, отличном от великороссов и малороссов, не пользовались поддержкой в крестьянской среде» и что «белорусское население на массовом уровне не испытывало потребности в политическом оформлении своего существования в качестве особой, отличной от великороссов и малороссов, этнической группы»[4]. По мнению автора, подчеркивающего особенно важную роль конфессионального фактора в возникновении этнических различий, к началу XX века «внутри этнической группы белорусов общность, основанная на православно-русской идентификации, сформировалась в качестве доминирующей»[5]. По сути автор на белорусском историческом материале конкретизирует и развивает незаслуженно игнорируемую мысль известного русского лингвиста Н. С. Трубецкого о русской «высокой культуре» как продукте совместных цивилизационных усилий великороссов, малороссов и белорусов и об изначально высокой степени этноязыковой однородности восточнославянского культурного пространства, которая была значительно выше, чем у народов Западной Европы. Так, по словам Н. С. Трубецкого, «любой из великих языков Европы (французский, итальянский, английский, немецкий) доминирует на территории, которая в языковом отношении значительно менее однородна, чем восточнославянская этническая группа. Различия между нижненемецким и верхненемецким или между диалектами северной Франции

---

[3] Бендин А. Ю. Проблемы этнической идентификации белорусов 60-х гг. XIX – начала XX вв. современной историографии // Исторический поиск Беларуси. Минск, 2006. С. 9.

[4] Там же. С. 11.

[5] Там же.

и Прованса не только сильнее, но и значительно старше, чем разница между украинским, белорусским и великорусским языками»[6].

Говоря о политике «белорусизации» в Советской Белоруссии в 1920-е годы, автор отмечает, что в качестве субъекта «белорусизации» выступила республиканская компартия, а «объектами подавления стали русская культура, православие и общерусская религиозно-этническая идентичность населения»[7]. Идеологическую сущность «белорусизации» исследователь усматривает в «искусственном сужении инклюзивной формулы «русскости», основанной на вероисповедной и этнической общности великороссов, малороссов и белорусов до идеологически зауженной «белорусской»». В результате терминологической подмены этноним «русские», который применялся для православного славянского населения России, стал использоваться только по отношению к великороссам,– констатирует А. Ю. Бендин. «Белорусизация земель, которые вошли в состав БССР, как и украинизация земель Советской Украины, упразднившая понятия «Малороссия» и «малороссы», расколола общерусскую религиозно-этническую идентичность восточнославянских народов, положив начало формированию новой узкоэтнической идентичности белорусов и украинцев»[8]. Эти безусловно верные (но абсолютно неприемлемые для постсоветских апологетов этноцентризма) наблюдения автора в значительной мере находят свое подтверждение в недавно опубликованной монографии Е. Ю. Борисенок о феномене советской украинизации[9]. Было бы весьма плодотворным проанализировать сходства и различия советской политики «коренизации» в БССР и УССР, где особую роль сыграло наличие «украинского Пьемонта» в лице Галиции, которая некоторое время была основным поставщиком национальных кадров в Советскую Украину.

А. Ю. Бендин констатирует, что в начале 1990-х гг. лозунги этнического национализма были использованы частью белорусской творческой интеллигенции для политической мобилизации населения на борьбу за создание независимой белорусской государственности, однако массовой поддержки эта идеология не получила. Тем не менее, на основе «национально-государственной концепции истории Беларуси» были созданы учебники для средней и высшей школы. Политические изменения в Беларуси в середине 1990-х гг. (т. е. избрание президентом Беларуси А. Г. Лукашенко в 1994 г.) поколебали позиции сторонников «национальной концепции», «реанимировав противостояние среди историков». Говоря о современном состоянии белорусской

---

[6] Trubetzkoy N. The Common Slavic Element in Russian Culture. Columbia University, 1952. P. 22.

[7] Бендин А. Ю. Ук. соч. С. 12.

[8] Там же. С. 13.

[9] См. Борисенок Е. Феномен советской украинизации. Москва, 2006. (Рецензию на эту книгу см. в предыдущем, четвертом томе «Русского Сборника» – *Ред.*)

историографии, А. Ю. Бендин фиксирует «раскол» сообщества историков, подвергая обоснованной критике претензии «национальной» историографии на обладание «подлинным научным дискурсом»[10].

Анализируя «национально-возрожденческое» направление белорусской историографии, одним из ведущих представителей которой является М. О. Бич, автор отмечает, что методологическая база данного направления исходит из тезиса о существовании в начале XIX века «самостоятельного белорусского этноса». Данному пониманию этничности, рассматривающей этнос как некую объективно существующую общность без осознанной самоидентификации, автор противопоставляет конструктивистский подход, утверждающий, что о существовании этнической общности можно говорить лишь при наличии общего этнического самосознания, которое в XIX веке у белорусского населения отсутствовало.

Убедительной и обоснованной критике подвергает А. Ю. Бендин белорусскую «национально-возрожденческую» историографию за ее трактовку польского восстания 1863–1864 гг. как явления, в котором нашли свое выражение белорусские национальные требования. Автор критикует белорусских «национально-возрожденческих» историков за искусственное «конструирование конфликта между «белорусским этносом» и империей» и за «приписывание польскому сепаратизму белорусских национальных интересов»[11]. Кроме того, А. Ю. Бендин справедливо упрекает это направление в белорусской историографии в «игнорировании реальных территориально-политических целей сепаратистов из состава местной шляхты», а также в замалчивании применявшейся ими тактики террора против белорусского православного населения, приведшей к многочисленным жертвам (более 600 человек). Вместе с тем, автор аргументировано оспаривает широко распространенный стереотип о применении массовых репрессий против повстанцев генерал-губернатором М. Н. Муравьевым. «Решительные действия генерал-губернатора М. Н. Муравьева привели к тому, что польский вооруженный мятеж в Северо-Западном крае не получил широкого распространения и... без применения массовых репрессий был подавлен...– констатирует белорусский историк,– Различного рода уголовным преследованиям подверглось от 16 до 17,5% общего числа мятежников»[12].

Не менее убедительно А. Ю. Бендин полемизирует и с другими мифами, в частности, с расхожим тезисом о русификации как подавлении национальной жизни «самостоятельного белорусского этноса». Отмечая, что различия между «доминирующим польским меньшинством» и крестьянским большинством имели сословный, конфессиональный и этнокультурный характер, А. Ю. Бендин удачно характеризует Северо-Западный край как «внутрирос-

---

[10] Бендин А. Ю. Ук. соч. С. 14.

[11] Там же. С. 20–21.

[12] Там же.

сийскую польскую колонию», где польская католическая элита подвергала белорусское православное население колониальной эксплуатации, стремясь аннексировать этот регион у России и интегрировать его в Царство Польское. В этих условиях, по словам автора, «русификация становилась инструментом реализации двух взаимосвязанных процессов – деколонизации и модернизации Северо-Западного края»[13]. Побудительным мотивом русификации было «восстановление исторической справедливости по отношению к белорусам со стороны российского правительства и общественного мнения»[14]. Особую роль в данном процессе автор отводит графу М. Н. Муравьеву, комплекс мер которого по подавлению польского мятежа и проведению реформ «представлял собой форму идеологии русского интегрального национализма», выступавшего в роли «инструмента социокультурной и экономической эмансипации белорусского крестьянства»[15].

В противоположность белорусским «национально-возрожденческим» историкам, упрямо тиражирующим миф польской историографии о «Муравьеве-вешателе», А. Ю. Бендин аргументировано показывает М. Н. Муравьева, а также И. П. Корнилова и митрополита И. Семашко в качестве истинных лидеров национального пробуждения белорусов[16]. В целом Бендин ставит заслуженно неутешительный диагноз «национально-возрожденческому» направлению белорусской историографии, обоснованно упрекая его в ограниченности, «идеологической ангажированности» и в «отсутствии интереса к современному пониманию этничности»[17]. Остается лишь пожелать, чтобы взгляды А. Ю. Бендина и близких ему белорусских историков не ограничивались узкоспециализированными академическими изданиями, а получили доступ к широкой белорусской и российской аудитории, значительная часть которой продолжает смотреть на собственное прошлое сквозь очки с чужими идеологическими стеклами, считая, например, польского террориста Калиновского, в честь которого названа одна из улиц в Минске, героем белорусской истории.

Новаторские в концептуальном отношении и наносящие сокрушительный удар по устоявшимся историографическим мифам статьи А. Ю. Бендина выиграли бы еще больше, если бы автор использовал богатый фактологический материал, содержащийся в опубликованной недавно монографии А. А. Комзоловой о политике самодержавия в Северо-Западном

---

[13] Там же. С. 24.

[14] Бендин А. Ю. Граф М. Н. Муравьев Виленский и национальное пробуждение белорусского народа 60-е гг. XIX в. // Исторический поиск Беларуси. С. 58.

[15] Там же. С. 67.

[16] Там же. С. 71.

[17] Бендин А. Ю. Проблемы этнической идентификации белорусов 60-х гг. XIX – начала XX вв. современной историографии // Исторический поиск Беларуси. С. 30.

крае в 1860-е годы[18]. Не избежал автор и некоторых досадных неточностей – так, А. Ф. Гильфердинг назван им «известным российским публицистом В. Ф. Гильфердингом», хотя правильнее его было бы назвать крупным ученым-славистом.

Если А. Ю. Бендин в своих работах высказал соображения скорее концептуально-теоретического уровня, то авторы других вошедших в альманах статей подкрепили его мысли богатым фактическим материалом. Так, в статье А. А. Киселева о структуре земской полиции белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX вв. приводятся убедительные факты, иллюстрирующие тезис А. Ю. Бендина о Северо-Западном крае как о «внутрироссийской польской колонии». В частности, А. А. Киселев указывает на то, что должность исправника земской полиции в белорусских губерниях в первой половине XIX в. «была открыта и для тех отставных офицеров, которые воевали против России в составе наполеоновской армии в 1812 г.»[19]. Неудивительно поэтому, что во время польского восстания 1830–1831 гг. ряд местных польских чиновников оказались политически неблагонадежными, а «польские повстанческие отряды получали помощь большей части членов земской полиции»[20]. Примечательно, что по вероисповеданию основная масса чиновников Северо-Западного края в первой половине XIX в. являлась католиками (так, католицизм исповедовало 83% всех исправников)[21].

Похожее положение было и в органах мировой юстиции Северо-Западного края. По словам А. А. Загорнова, автора статьи об учреждении мировой юстиции на территории Беларуси, «деятельность мировых посредников в белорусских губерниях являлась головной болью для правительства, т. к. оно не было уверено в их лояльности. Посредники использовали данную им власть... для агитации к восстанию»[22]. Именно поэтому при проведении судебной реформы в белорусских губерниях «выборное начало» при определении мировых судей и присяжных было ограничено, что являлось «серьезным отступлением от принципов судебной реформы»[23].

Весьма убедительно и доказательно исторические мифы опровергаются в статье А. Д. Гронского о борьбе против политических движений на террито-

---

[18] Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.

[19] Киселев А. А. Структура, состав и деятельность земской полиции белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Исторический поиск Беларуси. С. 40.

[20] Там же. С. 42–43.

[21] Там же. С. 45.

[22] Загорнов А. А. Учреждение мировой юстиции на территории Беларуси // Исторический поиск Беларуси. С. 82.

[23] Там же. С. 87.

рии Беларуси в XIX – начале XX века. Так, проанализировав действия русских властей в ходе подавления польских мятежей 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., автор приводит примеры весьма лояльного отношения русской администрации к польским повстанцам и приходит к выводу о том, что «утверждения о тотальных репрессиях российских властей над повстанцами... представляют собой... исторический миф»[24]. По данным, приводимым А. Д. Гронским, из около 77 000 человек, участвовавших в восстании 1863–1864 гг., было казнено 128 человек, т. е. 0,17%, в то время как от рук польских мятежников погибло более 600 представителей белорусского мирного населения. «На каторгу по разным данным было сослано... до 853 человек, т. е. 1,03–1,1%. В другие местности было выслано 12,500 человек, т. е. 16,2%. Таким образом, были наказаны 13.481 человек, или 17.5% от числа принимавших участие в восстании», – подводит итог автор, делая вывод о беспочвенности «утверждений о жестоких репрессиях российских властей по отношению к повстанцам»[25]. При этом А. Д. Гронский отмечает, что «несмотря на явно враждебное отношение шляхты к российскому правительству и его представителям на местах... последние достаточно лояльно относились к польско-белорусскому дворянству. Видимо, это происходило по причине социальной корпоративности»[26].

Большой фактический материал всесторонне проанализирован в исследовании А. В. Беляева о характере местной вспомогательной администрации в системе нацистского оккупационного режима в Беларуси в 1941–1944 гг. Автор обоснованно полагает, что «местная вспомогательная администрация являлась лишь послушным проводником и исполнителем политических и экономических планов руководства Третьего рейха»[27] и что «лишь небольшая часть из служащих местной администрации... являлась убежденным сторонником оккупационного режима... Основной массой двигали причины материального характера»[28]. А. В. Беляев, не оставляя никаких шансов желающим обелить белорусских коллаборационистов, представив их в роли борцов за «национальную идею», приходит к заключению о том, что насаждение немецким командованием белорусских национальных эмигрантов на руководящие должности «не принесло оккупантам ожидаемого эффекта, а наоборот, вызвало у населения отторжение»[29]. Автор уделяет внимание

[24] Гронский А. Д. Борьба против политического движения на территории Беларуси во второй четверти XIX – начале XX в. // Исторический поиск Беларуси. С. 94.

[25] Там же. С. 97.

[26] Там же. С. 103.

[27] Беляев А. В. Местная вспомогательная администрация в системе нацистского оккупационного режима в Беларуси (1941–1944) // Исторический поиск Беларуси. С. 120.

[28] Там же. С. 118.

[29] Там же. С. 115.

и анализу непростых польско-белорусских отношений во время оккупации, отмечая, что «поляки пытались использовать немецко-фашистский оккупационный режим для решения своих национальных задач и превратить Беларусь в польскую провинцию. В первые месяцы войны им удалось... заполнить в Западной Белоруссии руководящие посты своими людьми»[30]. Нарисованная автором картина оккупационного режима была бы еще более полной, если бы А. В. Беляев в своем анализе полицейских полномочий вспомогательной администрации упомянул и о преступной деятельности на территории Беларуси полицейских формирований из Прибалтики, совершивших ряд преступлений против мирного белорусского населения.

В статье М. М. Носко «Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев и православное храмостроительство в Беларуси» исследуется один из существенных аспектов деятельности М. Н. Муравьева, связанный с его поддержкой строительства православных храмов в Белоруссии. Подчеркивая колоссальную роль и личное участие М. Н. Муравьева в организации и финансовом обеспечении православного храмостроительства, (за период с 1863 по 1865 гг. было построено 98 новых церквей и 126 отремонтировано), автор приходит к выводу о том, что «построенные при М. Н. Муравьеве православные храмы не только украсили внешний вид белорусских городов и деревень, но и прежде всего дали белорусам возможность духовного возрождения и... национальной самоидентификации»[31]. Статья М. М. Носко, написанная убедительно и с привлечением богатого фактологического материала, имеет существенный изъян, заключающийся в том, что автор также не использовал упомянутую монографию А. А. Комзоловой, которая уделяет значительное внимание анализу данного аспекта деятельности Муравьева и его последователей.

Любопытные сведения о судьбах военнопленных наполеоновской армии в 1812–1814 гг., приводятся в статье А. Л. Самовича, использовавшего материалы Национального исторического архива Беларуси. Однако сетования автора по поводу «крайне предвзятого отношения российской общественности к польским военнопленным» и «набора антипольских стереотипов в массовом сознании россиян»[32] выглядят, по меньшей мере, странно, тем более, что сам автор приводит свидетельства современников о том, что «величайшие неистовства совершены были в Москве немцами и поляками, а не французами»[33]. Лучшее знание литературы вопроса, в том числе

---

[30] Там же. С. 111.

[31] Носко М. М. Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев и православное храмостроительство в Беларуси // Исторический поиск Беларуси. С. 201.

[32] Самович А. Л. Военнопленные 1812–1814 гг. Пропущенные страницы истории // Исторический поиск Беларуси. С. 237.

[33] Там же.

и статей, вошедших в данный альманах, можно бы избавить А. Л. Самовича от столь упрощенных и схематичных оценочных суждений и убедить его в том, что в среде русской аристократии полонофильство, вызванное, в том числе, и чувством сословной корпоративности, длительное время небезуспешно конкурировало с полонофобскими настроениями. Так, в названной монографии А. А. Комзоловой довольно подробно говорится о препятствиях, чинимых М. Н. Муравьеву со стороны части высшей петербургской бюрократии, считавшей его меры по подавлению польского мятежа и подрыву польского доминирования в Северо-Западном крае чрезмерно радикальными.

Большой интерес для исследователей истории общественно-политической мысли в России XIX в. представляет статья И. Л. Качалова, посвященная истокам теории официальной народности и вопросу о том, кого можно считать ее основателями и идеологами. Скрупулезно проанализировав деловые и личные отношения министра просвещения графа С. С. Уварова с Н. И. Гречем, Ф. В. Булгариным, О. И. Сенковским, М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым, автор делает вывод о том, что Булгарин, Греч и Сенковский, несмотря на декларируемую ими поддержку существующего строя, не пользовались доверием С. С. Уварова и в силу этого не могли иметь прямого отношения к теории официальной народности. Главными идеологами этой теории, по мнению автора, являлись Погодин, Шевырев, а также И. И. Давыдов и М. А. Максимович[34]. К сожалению, весьма содержательная и выполненная на основе архивных материалов работа И. Л. Качалова не учитывает последней крупной монографии в этой области, написанной М. М. Шевченко[35].

Статья С. Л. Чернова, посвященная Сан-Стефанскому договору в контексте русской внешней политики[36], по сути, в тезисной форме повторяет основные положения более ранней работы этого же автора и поэтому вряд ли соответствует заявленной составителями альманаха задаче «поиска новых парадигм исследований исторической реальности».

Весьма актуальное звучание имеет четвертый раздел альманаха — «Балканская тетрадь», полностью посвященный балканской проблематике. К. Бенчева, анализируя роль исламского фактора в этноконфессиональных отношениях на Балканах, особое внимание уделяет современности. Если анализ автором этноконфессионального положения в Боснии и Косово содержит мысли, уже высказывавшиеся в специальной литературе и в российской пуб-

---

[34] Качалов И. Л. Кого же считать теоретиками официальной народности? // Исторический поиск Беларуси. С. 278–279.

[35] Шевченко М. М. Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003.

[36] Чернов С. Л. Сан-Стефанский договор (интерпретация русской программы решения восточного вопроса) // Исторический поиск Беларуси. С. 288–293.

лицистике, то сведения о роли исламского фактора в современной Болгарии представляют значительно больший интерес для постсоветской аудитории, испытывающей дефицит информации об этноконфессиональных процессах в современном болгарском обществе. Так, К. Бенчева фиксирует проходящий в настоящее время среди болгароязычных мусульман-помаков процесс туркизации, особенно заметной в Западных Родопах, отмечая, что болгарские мусульмане, будучи этническими болгарами, являются объектом политических манипуляций со стороны протурецких движений в Болгарии, поддерживаемых Турцией[37]. Автор высказывает предположение, что Турция стремится использовать наличие мусульманского населения в балканских странах в качестве «троянского коня» с целью утвердить свое региональное лидерство[38].

Большую познавательную ценность имеет статья З. Милошевича, исследующая механизмы католического прозелитизма в Боснии и вклад малоизвестного в Сербии сербского ученого-эмигранта Лазо Костича в изучение сложных этноконфессиональных отношений в Боснии, а также его полемику с представителями католической точки зрения на данную проблему. Статья, посвященная далекой от Белоруссии Боснии, тем не менее, затрагивает тему, весьма актуальную для обеих стран – католический прозелитизм и отношения между православными и католиками. Подчеркивая академические заслуги Лазо Костича в разоблачении «хорватских претензий на Боснию и Герцеговину», за которыми «стояла и стоит католическая церковь»[39], автор с сожалением заключает, что «сербская наука, а особенно политика до сих пор не пользовались... сведениями Костича. Причина была идеологическая – признание (а вернее, «назначение») Костича врагом Югославии и Сербии»[40]. Здесь более чем уместна параллель с личностью М. Н. Муравьева, который внес колоссальный вклад в сохранение и развитие исконного православия в Белоруссии, тем самым поставив барьер полонизации белорусов, однако по идеологическим мотивам «был назначен» на роль душителя свободы. Личность Муравьева не только не получила заслуженного признания, но и продолжает оцениваться в основном с точки зрения польской историографии, для которой он остается «вешателем». Мысль З. Милошевича о том, что задача сербской науки и публицистики состоит в популяризации наследия Л. Костича, «этого нашего несправедливо маргинализированного автора»[41], в равной степени можно адресовать российской и белорусской

---

[37] Бенчева К. Исламский фактор в этноконфессиональных отношениях на Балканах (история и современность) // Исторический поиск Беларуси. С. 330–331.

[38] Там же. С. 332.

[39] Милошевич З. Чья Босния? (Лазо Костич и католический прозелитизм в Боснии и Герцеговине) // Исторический поиск Беларуси. С. 342.

[40] Там же. С. 343.

[41] Там же. С. 352.

науке и публицистике, лишь начавшим делать первые шаги в давно назревшей переоценке личности и исторического наследия российского политического деятеля М. Н. Муравьева.

Альманах является в целом удачным собранием работ, отражающих состояние современной белорусской исторической науки, спектр ее академических интересов, а также наметившиеся изменения в отношении к политике России в Северо-Западном крае в 1860-е гг. XIX в., политике и личности М. Н. Муравьева. Существенным изъяном данных работ белорусских историков является их недостаточная осведомленность о последних российских исследованиях, имеющих непосредственное отношение к истории Белоруссии XIX–XX вв., что свидетельствует о контрпродуктивности наметившейся за последние годы изоляции белорусских и российских историков и о необходимости более тесных научных контактов.

Тем не менее, большинство вошедших в альманах статей, прежде всего работы А. Ю. Бендина и других авторов, включенные в раздел «Непостижимая Беларусь», содержат ценные факты и оригинальные мысли, позволяющие по-новому взглянуть на многие спорные сюжеты белорусской истории XIX–XX вв., трактовка которых по идеологическим причинам была и в значительной мере остается стереотипной и мифологизированной в современной историографии. В этом смысле название альманаха – «Исторический поиск Беларуси» – полностью оправдало свое предназначение.

К. В. Шевченко

А. С. Карцов. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX века (князь В. П. Мещерский). СПб, 2004

Обычного читателя при упоминании имени князя Владимира Петровича Мещерского как правило берет оторопь. Известное дело: князь – фигура несудобоваримая. И, тем не менее, в последнее десятилетие уже появилось несколько научных диссертаций, связанных именно с этой личностью[1]. Отчасти этот интерес определяется замалчиванием деятельности Мещерского в советской историографии, отчасти – ярко выраженной колоритностью его мысли и жизни.

Книга Алексея Сергеевича Карцова – первая опубликованная монография о Мещерском. И ее нельзя не признать удачной. Двумя основными задачами работы стали выявление идейного своеобразия Мещерского и анализ характера и механизмов влияния князя на принятие политических решений в Российской империи. Автор рассматривает взгляды князя Владимира Петровича на Великие реформы и контрреформы второй половины XIX в. в России, проблему управления империей, дворянский вопрос, внешнеполитические взгляды и предпочтения Мещерского, его отношение к наиболее важным событиям и персонажам русской истории (Ивану Грозному, Петру I, Николаю I), а также различным течениям русской консервативной мысли XIX–XX вв. Карцов также конструирует представления Мещерского об «идеальной модели общества и государства», которые сам князь никогда целиком не описывал.

Автор констатирует «идейное изгойство» Мещерского (наряду с которым указывает только К. Н. Леонтьева) и, стремясь объяснить его причины, формулирует 3 критерия для классификации русского консерватизма: отно-

---

[1] Леонов М. М. Мещерский: русский консерватизм и правительственная политика в конце XIX – начале XX вв. Самара, 1999; Петров С. В. Новый курс правительства Александра III и консервативно-охранительное движение в России в 1880-х – начале 1890-х годов (В. П. Мещерский). СПб., 2000; Черникова И. В. Князь В. П. Мещерский в общественной жизни России. М., 2001; Пронина И. А. В. П. Мещерский в общественном движении России конца 60 – начала 80-х гг. XIX века. Волгоград, 2002. Стоит отметить также значимую статью, посвященную мировоззрению Мещерского: Дронов И. Е. Князь Владимир Петрович Мещерский // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 57–84.

шение к социально-политическим изменениям (соответственно выделяются умеренные консерваторы, охранители, ультраконсерваторы), отношение к роли государства и социальных верхов (этатисты и элитисты), и, наконец, отношение к идее российской уникальности («самобытники» и западники) (С. 23-24). Отметим, что принципы изложения и сочетания именно этих критериев автором не разъясняются. Возможны, видимо, и иные, не менее важные критерии: отношение к частной собственности, религии, национальному вопросу.

Определяя взгляды Мещерского как ультраконсервативные, этатистские и «самобытнические», Карцов объединяет Леонтьева, Мещерского и черносотенцев в единую группу правых радикалов. Не упоминая термины «фашизм», «нацизм» в отношении Мещерского, Карцов считает, что «на самом деле он (равно как и К. Н. Леонтьев) выступил провозвестником доселе неведомого национальной политической культуре *правого радикализма*, ареал проявлений которого ограничился пока что (до начала XX в.) лишь идеологической сферой». Черносотенцы, по мнению Карцова, стали идейными последователями Леонтьева и Мещерского и сформировали первое в России политическое движение под право-радикальными лозунгами (С. 84). Дальнейших далеко идущих выводов Карцов не производит. Кроме того, автором не прояснены отношения между Мещерским и его «соседями» по группе, а они были далеко не однозначными. Понять причины подобной коллизии – значит проверить на прочность собственную классификацию.

Карцов считает, что русские правые радикалы «чтче либералов предвидели всю разрушительность вторжения масс, совсем недавно наделенных личной свободой, в политику при отсутствии какого бы то ни было укоренения ценностей либеральной демократии на русской почве». Именно поэтому они, в отличие от охранителей (Д. А. Толстого, М. Н. Каткова, К. П. Победоносцева), стремились не «затормозить историю свою», а повернуть Россию на иной, не схожий с Западом, путь. «По существу, их устами говорят силы, не хуже деятелей Великих реформ понимающие, что Россия должна меняться». «Ахиллесовой пятой» этой доктрины Карцов считает стремление сохранить сословный строй, что превращало эту идеологию в утопию (С. 415-417). Вместе с тем, вряд ли это было единственное слабое место в мировоззрении Мещерского. Ведь сословный принцип, например, вовсе не был главным в политической программе черносотенцев, а их мировоззрение назвать совершенно реалистичным также нельзя.

Сочетание сословности и безмерного этатизма в идеологии князя также не назовешь органичным. Мещерский был большим поборником административных мер, но их набор был достаточно произволен и эклектичен. Среди мер «по наведению порядка» как достаточные во второй половине 1880-х гг. обычно указывались: возрождение всесилия подчиненных лишь верховной власти губернаторов на местах, упразднение губернского земства (в котором

князю не нравилось политиканство, всесословность, выборность), подчинение уездного земства администрации и создание института земских начальников, а также ряд мер по судебному ведомству (чистка Сената, ликвидация суда присяжных и принципа несменяемости судей) (С. 127-128). Вряд ли такая перестройка была бы достаточна для предотвращения грядущей революции. Как показали последующие события, ряд предпринятых мер из предлагавшихся князем, наоборот, только приближали революционную развязку. Кроме того, явное противоречие крылось в предложении сконцентрировать неограниченную власть на местах в руках губернаторов (С. 127, 148) и строгом следовании принципам самодержавия и единодержавия (С. 289).

Противоречием, на сей раз свойственным скорее автору монографии, является и то утверждение, что Мещерский пытался защищать интересы среднепоместного дворянства (С. 414), что у него «не получилось сплотить поместное дворянство на почве единых хозяйственных и политических интересов» (С. 256), но что дворянство, вместе с тем, являлось для князя лишь полицейско-административной опорой государства, а его сословные интересы вне этого принципа не имели значения (С. 247).

Указанные противоречия, на наш взгляд, являются следствием как невысокого уровня синтеза в построениях самого князя, так и недостаточного авторского анализа мировоззрения Мещерского. Фактически не рассмотренной осталась эволюция его взглядов. «Идеальная модель» государства и общества, по утверждению Карцова якобы существовавшая в сознании князя, вряд ли по своей реалистичности превосходит романтическую сказку славянофилов. Не случайно сам он никогда детально эту модель не сформулировал, ограничившись фонтаном метких и острых словоизвержений.

Ценным методологическим новшеством работы Карцова является предпринятая в 3 главе попытка исследования проблемы вневедомственного влияния Мещерского. Автор реконструирует семейно-родственные связи и салон Мещерского как факторы его карьеры и влияния. Карцов сближает функции «родственных сетей» («кланов») русского дворянства с корпоративными и лоббирующими в механизме комплектования элиты Российской империи (причем, под ней понимается как формальная, так и неформальная – по преимуществу салонная – ее составляющая). Связанные не только формально-фамильными, но также личными и служебными отношениями, представители «родственных сетей» в значительной степени, по мнению автора, определяли состав элиты (С. 190-191).

Как справедливо отмечает Карцов, салоны были основным видом неформального группирования внутри элиты, а также участвовали в принятии решений о стратегии управления государством и в кадровой политике. Однако, этот важный феномен политической жизни империи практически не изучен. Карцов предлагает осуществить детальный анализ состава салона Мещерского и характер участия его членов в государственном управлении,

чтобы понять меру вовлеченности различных лиц в салон и самого салона во властную элиту. Карцов задается вопросом о степени связи формального статуса и реального влияния представителей элиты дореволюционной России. Все это позволяет дать более полную качественную характеристику правящей элиты, а также ее ресурсного обеспечения (С. 316-318).

Карцов приходит к выводу, что целями салона Мещерского являлись: оказание воздействия на внутриполитический курс, взаимное информирование и взаимная поддержка, борьба с внешними угрозами салону (С. 365-366). Карцов выделяет методы вневедомственного влияния Мещерского (по мнению автора, использующие весь спектр таковых для конца XIX – начала XX в.): идеологическая вербовка высшей бюрократии, пополнение ее состава выдвиженцами салона, экспертные услуги, апелляция к общественному мнению, компрометация (С. 368-369). Деятельность Мещерского как хозяина политического салона принадлежала к латентному типу лидерства. Таким образом, автор склонен отрицать «устоявшееся представление» о бюрократической сверхцентрализованности дореволюционной России, при которой все политические решения исходили исключительно от императорской власти. Они принимались «в результате аккумуляции решений, принимаемых теми или иными группами элиты», а Мещерский становился выразителем их взглядов, а также реализовывал собственную «идеальную модель» (С. 386). Не преувеличивая влияния Мещерского на Александра III, Карцов признает его влияние в кадровых вопросах, в отличие от вопросов политической стратегии, более значимым, чем влияние М. Н. Каткова (С. 412).

К недостаткам монографии стоило бы отнести ее слишком неопределенное название, особенно с учетом констатируемого самим автором широкого спектра консервативных течений в России этого времени, а также задействованных источников (которые в большинстве своем относятся к двум последним десятилетиям XIX столетия). Однако достоинства монографии, ее научная новизна с лихвой перекрывают отмеченные слабые места. Можно смело утверждать, что князь Мещерский наконец удостоен научной монографии, и монографии, значимой как для темы, так и для современной исторической науки в целом.

Ф. А. Гайда

~

К. Б. Назаренко. «Мозг» флота России от Цусимы до Первой мировой войны. СПб., 2006

Работа петербургского историка К. Б. Назаренко посвящена весьма сложной и, увы, неизбывно актуальной проблеме – становления системы управления Вооруженными силами России, а точнее Морскому Генеральному штабу, «мозгу» флота. Аналогия с классическим «мозгом армии» очевидна, как очевидны и параллели при абсолютно явной непохожести морской и сухопутной войн. Написав уже немало о кризисе в императорской русской армии, вызванном отсутствием адекватной организации мозга, души и тела армии, я с немалым интересом взялся за чтение монографии К. Б. Назаренко.

Работа, безусловно, удалась, что позволяет сразу же начать с замечаний формального или неформального характера – на усмотрение читателя. Анализ принятия решений собственно в Морском министерстве проведен автором весьма основательно, но при этом практически всегда недостаточно проработан контекст исследуемых событий. Причиной чего стал такой результат – непонятно... К. Б. Назаренко уделил немало внимания морской публицистике, чего отнюдь нельзя сказать о периодике. Детально проработан журнал «Море» (обзор источников – С. 12-13), но при этом складывается впечатление, что материалы «Морского сборника» по непонятной причине остались вне сферы пристального внимания автора (С. 189 – чуть ли не единственная ссылка на орган министерства).

Неясен остался и принцип использования литературы. При внимательном и тщательном анализе и убедительной критике работы К. Ф. Шацилло (С. 15-16), широком использовании работ Л. Г. Бескровного, Н. Н. Петрухинцева и особенно А. П. Шевырева, автор отказался от того, чтобы использовать работы и привести мнения Дж. Кипа, Н. Лунтинена. Почему? Непонятно. Между тем, они бы отнюдь не повредили, например, 1-й главе исследования, которая носит по преимуществу обзорный характер и хотя бы поэтому требует широкого (нет, не кругозора, у автора он присутствует) обзора анализируемых явлений.

Нельзя не отметить, что создаваемая К. Б. Назаренко картина развития управления флотом весьма напоминает процессы, шедшие и в армии – централизацию и создание реально работающей системы управления флотом при Николае I (С. 20), а в период либеральных реформ – резкое сокращение

финансирования, которое привело почти к полному уничтожению флота как боевой силы. Почти мистическая вера в то, что реформы позволят сохранить его без значительных затрат (С. 21), вообще характерная для русской либеральной мысли, имела место и в описываемый автором период в начале XX века. Точно так же, как и в армии, и во флоте в начале 1880-х гг. обсуждался вопрос о создании независимого от министра генерального штаба, и точно так же это обсуждение ни к чему не привело (С. 30). Жаль, что автор не уделил этой дискуссии внимания, ограничившись ссылкой на позднее издание статьи одного из ее участников.

Что же касается ситуации во флоте, сложившейся в конце XIX – начале XX веков, то она была прямым отражением полного отсутствия последовательности в его развитии, характерным для управления, лишенного органа, ответственного за долговременное преемственное развитие морской силы России. Военно-морской ученый отдел (ВМУО) Главного Морского штаба, функции, роль и реальное положение которого весьма схожи с Военно-ученым комитетом (ВУК) Главного штаба, был органом, лишенным инициативы и не имевшим возможности начать подготовку планирования войны на каком-либо из морских театров. ВМУО, также как и ВУК, ограничивался собиранием знаний и их распространением в среде офицеров через ведомственный журнал, фактически не имея возможности их применения (С. 26-27). Ссылки на работу Л. Г. Бескровного об истории Генерального штаба в армии (С. 35) нельзя признать достаточными. В свое время автор настоящей рецензии также обращался к данной тематике, что позволяет ему утверждать, что и в русском флоте, как и в армии, шли одинаковые процессы. Накопление материальных сил явно обгоняло создание структур, которые могли бы ими адекватно распорядиться.

Лучше всего состояние дел описал один из персонажей рецензируемой работы, названный автором «верным паладином Морского Генерального штаба», А. В. Шталь: «Мы знали время, когда роль Штабов и на суше, и на море была ничтожна, а роль служб огромна. То было время господства служб. Разработка Штабом научного метода решения проблемы и подчинения военной идее всех без исключения ресурсов государства – дало ему доминирующее значение над службами» (С. 142). Результат «господства служб» был известен. Если Морской Генеральный штаб (МГШ) должен был играть роль мозга флота, то военно-морское строительство в нашей стране в его отсутствие носило определенный налет «безмозглости». С одной стороны, Морское министерство с 1883 г. добилось значительного количественного роста, представление о котором может передать следующая таблица[1]:

[1] Kennedy P. The rise and fall of British naval mastery. P. 247.

страна	*броненосцы в 1883 г.*	*броненосцы в 1897 г.*
Великобритания	38	62
Франция	19	36
Германия	11	12
Россия	3	18
Италия	7	12
США	0	11
Япония	0	7

С другой стороны, приведенные здесь цифры не передают всей сложности картины. С 1882 по 1902 гг. русский флот строился по 5 судостроительным программам, не имевшим между собой преемственности.[2] В результате, имея корабли, Россия не имела эскадр (может быть, за исключением Черного моря, где была реализована 1 программа). Готовность русского флота к ведению современной войны накануне 1904 г. оценивалась невысоко даже союзниками-французами. Их отзывы о его ценности в случае военных действий накануне событий 1904–1905 гг. были достаточно скептическими.[3] Уже этого было бы достаточно для того, чтобы уделить большее внимание историческому контексту анализируемых автором событий.

И вновь, думается, германский пример учит, что результат достигается не одной только системой управления. «Мы не можем позволить ни одной державе,– заявлял в рейхстаге в 1899 г. Бюлов,– ни одному иностранному Юпитеру заявить нам: «Что поделать? Мир уже поделен»»[4]. Эти слова совпали с действиями, а именно с планами Берлина по созданию океанского флота. Возглавлявший морское министерство с 1883 до 1888 гг. ген. Каприви при вступлении на пост изложил свою программу следующим образом: «В области военно-морской политики я спрашивал не о том, как велик должен быть флот, а насколько он должен быть мал. Предстоит сражение, и большую войну, нависшую над Германией, придется вести прежде, чем нам удастся построить столько кораблей, сколько нужно Германии, и особенно императору, сильно увлекающемуся развитием военно-морских сил»[5]. Тирпиц вспоминал: «...Каприви ограничился тем, что стал готовить оборону

---

[2] Черкасский М. Военные идеи личного состава русского и японского флотов в 1903–1905 гг. // Морской сборник (далее – МС). 1914. №7. С. 67.

[3] Luntinen P. French information on the Russian war plans 1880–1914. Helsinki, 1984. P. 143.

[4] Kennedy P. The rise and fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. Lnd., 1989. P. 274.

[5] Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе 1848–1918. М., 1958. С. 344.

применительно к войне с Россией и Францией... Он говорил: сначала нужно покончить с войной, которая начнется послезавтра, а потом займемся развитием флота»[6]. Каприви сменил Бисмарка на посту канцлера в 1890 г. Это ознаменовало новый курс во внешней политике Германии, но изменения в морской политике начались раньше.

Уже в 1889 г. Вильгельм II провел реформу управления флотом по образцу армии – был введен Морской Генеральный штаб. Представляется, что критика этой реформы со ссылкой на одну цитату Тирпица (С. 33) выглядит не совсем убедительно. Немногим более удачным представляется мне и утверждение о том, что сохранение единства при управлении флотом после 1906 г., т. е. подчиненное состояние МГШ в России, было благом (С. 68-69). И вновь автор ссылается на авторитет Тирпица. Правильна ли такая верность авторитетному мнению гросс-адмирала? Нельзя не отметить, что и Военный, и Морской министры редко относятся благосклонно к сокращению своих собственных полномочий. Эту закономерность, кстати, прекрасно можно наблюдать и на русской почве: и в случае с Д. А. Милютиным и В. А. Сухомлиновым в армии, и с героями автора в рецензируемой книге (С. 108-109).

В 1897 г. германское Морское министерство возглавил контр-адмирал А. фон Тирпиц. Почти сразу же резко меняется военно-морская политика Германии. Предварительная программа строительства флота предусматривала ассигнование в 1897–1898 гг. средств на строительство 1 броненосца, 2 крейсеров 2-го класса и 1 крейсера 4-класса, замену 3 устаревших кораблей 3 современными крейсерами. От нее отказались, в 1898 г. император принял новую военно-морскую программу, которую с огромным трудом удалось провести через рейхстаг 23 марта 1898 г.[7] Последовательность, преемственность, строгое следование духу программы и ее финансирование – вот слагаемые немецкого успеха. В результате к 1903 г. Германия должна была получить «флот открытого моря» вместо флота, который решал исключительно оборонительные задачи: 19 линейных кораблей, 8 броненосцев береговой обороны, 12 броненосных и 30 легких крейсеров.[8] Последовало и резкое увеличение германского военно-морского бюджета. В 1896–1897 гг. он равнялся 1 252 340 фунтов (против 8 369 874 у Великобритании, 3 400 951 у Франции, 2 072 375 у России, 2 295 811 у США), в 1897–1898 гг. – уже 2 454 400 фунтов (против 5 193 043 у Великобритании, 3 537 800 у Франции, 2 530 084 у России, 2 811 756 у США), в 1898–1899 гг. – 2 565 600 фунтов (про-

---

[6] Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957. С. 71.

[7] Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951. С. 313, 340–342.

[8] Жерве Б. Германия и ее морская сила // МС. 1914. № 9. С. 147.

тив 9 169 697 у Великобритании, 4 568 676 у Франции, 2 036 735 у России, 4 245 255 у США).[9]

Конечно, Тирпиц был великим преобразователем флота, «морским Роном» Вильгельма II. Но все же позволю себе заметить очевидное: ни одна система не может исправить отсутствие финансирования или доктрины. Германия, отказавшись от старой доктрины Каприви, имела возможность последовательно и преемственно реализовать новую. Что касается Генерального штаба, то его особенности ни в армии, ни во флоте сводятся не к внешней стороне, а к созданию единства доктрины использования военной силы (С. 33).

Пожалуй, основной частью работы К. В. Назаренко является вторая глава, которая естественно начинается с послецусимского периода и более других основана на архивных материалах. Необходимость реформ Морского министерства после русско-японской войны действительно была очевидной для всех, как не очевидной оставалась направленность этих реформ, да, впрочем, и их конечная цель. Иначе говоря, неясным было всего лишь то, какой, собственно, флот и где нужен России, и кто станет отвечать за его создание. Не уверен, что многочисленные ссылки на роман А. С. Новикова-Прибоя «Цусима» (С. 45-46), или на «Хождение по мукам» А. Н. Толстого (С. 53) с их очевидной идеологической направленностью могут служить достаточным основанием для справедливых оценок процессов и личностей, связанных с флотом. Это замечание тем более существенно, что оба романа не упоминаются автором в обзоре используемых источников и не могут помочь разобраться в происходившем. В России, как всегда, разработка стратегии обгоняла создание центра, который должен был ей заниматься. Шла довольно политизированная и иногда далекая от реальных проблем флота борьба.

П. А. Столыпин сомневался в необходимости для России иметь большой, линейный флот. Император, как всегда, поддерживал военно-морскую программу. Однако существовали и объективные предпосылки для столь различных мнений. Они отражались даже на страницах «Морского сборника», где слышались и призывы к немедленному воссозданию России как морской державы[10], и призывы не торопиться и вместо немедленного принятия судостроительной программы развивать коммерческий флот как школу судовождения и мореходства и модернизировать имевшиеся военные суда. Последнюю точку зрения высказал вице-адмирал З. П. Рожественский.[11] Но модернизация не гарантировала успешной защиты русских берегов.

Здесь, кстати, трудно согласиться с автором и в таком важнейшем вопросе, как оценка строительства четырех линкоров дредноутного типа

---

[9] Морская хроника. Морское дело за границей // МС. 1907. № 3. С. 2.

[10] Арсеньев Е. Значение японской войны в истории нашего флота // МС. 1907. № 2. С. 14.

[11] Рожественский З. [П.] О направлении развития флота // МС. 1907. № 11. С. 58–59.

на Балтике. К. В. Назаренко считает их создание абсолютно ошибочным, предполагая, что их вполне можно было заменить артиллерийской обороной побережья (С. 81). Увы, я лишен возможности просто отметить свое несогласие и вынужден буду изложить его доказательную составную. Прежде всего, необходимо помнить о том, что эти корабли строились как резерв для действий на других морских театрах, на основе единственного реально тогда существовавшего судостроительного комплекса.

С 1912 г. русские и французские флоты вплотную подошли к обсуждению планов совместных действий на море. Поскольку русская военно-морская программа на Балтике тогда еще была далека от завершения, то прежде всего обсуждались проекты взаимодействия на Средиземном море.[12] Начальник МГШ России вице-адмирал А. И. Русин, посетивший Париж с ответным визитом вежливости в июне 1914 года после приезда в Россию его французского коллеги вице-адмирала Пивэ в 1913 году, обсудил с ним проблему двух немецких кораблей в этом регионе. Пивэ считал, что оснований для особой тревоги нет. По мнению французского МГШ, цель пребывания этих кораблей была преимущественно политической – они должны были в случае войны служить связующим звеном между итальянским и австро-венгерским флотами и действовать против коммуникаций Франции на Средиземном море. Русин высказал опасение, что эти корабли в таком случае уйдут в Турцию и попытаются каким-нибудь образом вовлечь эту страну в войну. Это никак не входило в расчеты русских военных моряков, и Русин спросил у Пивэ, не согласятся ли французы с тем, чтобы русские линейные крейсера типа «Бородино» после их постройки на Балтике были бы переведены на Средиземное море с базой на французские гавани. Каждый из этих кораблей при ходе в 29 узлов нес двенадцать 14-дюймовых орудий. Пивэ принял эту идею с восторгом.[13]

Это предложение, как мне представляется, было не случайным. Еще в январе 1914 г. Морской министр адм. И. К. Григорович обратился к Министру иностранных дел С. Д. Сазонову с предложением создать Средиземноморскую русскую эскадру. Григорович опасался ожидаемого в конце 1914 – середине 1915 гг. усиления турецкого флота за счет строившихся в Англии дредноутов «Решад V», «Рио-де-Жансйро» (строился для Бразилии), «Ривадавия» (строился для Аргентины) и «Амиранте Латторе» (строился для Чили). Русский адмирал опасался возможной покупки последних трех кораблей турками, так как в этом случае они получали бы приблизительно шестикратное превосходство над Черноморским флотом вплоть до конца 1915 года, на который был запланирован ввод в строй 3 черноморских русских дред-

[12] Lundinen P. Op. cit. P. 157.

[13] Лукин А. П. Флот. Русские моряки во время Великой войны и революции. Б. м., б. г. Т. 1. С. 8, 13–14.

ноутов. Поэтому он и предлагал перекупить корабли латиноамериканского заказа, и в случае невозможности их провода через Проливы, присоединить к ним часть крейсеров и миноносцев из Балтики. Эта эскадра и должна была составить, по словам Григоровича, «наш средиземноморский отряд, который сможет взять на себя стратегическую задачу при всякой политической обстановке компенсировать преобладание турецкого флота над нашим в Черном море»[14]. Предложения Григоровича не были поддержаны, а война сорвала и планы перевода в Средиземное море группы линейных крейсеров отечественной постройки. Русские крейсера так и не были достроены, а германским суждено было сыграть роль, во многом превосходившую их боевую ценность.

Что касается войны 1914–1917 гг., то присутствие дредноутов в Гельсингфорсе все же сыграло определенную и, на мой взгляд, немалую роль. Например, в 1915 г., когда 9-я армия генерала фон Белова наступала на участке между Митавой и Шавли, имея основной целью взятие последнего города и разрыв линии Петроград-Варшава. Для прикрытия этих действий с моря была создана эскадра для прорыва через Ирбенский пролив к Риге. В ее состав вошли 7 линкоров додредноутного типа, 6 крейсеров, 24 эсминца и миноносца и другие корабли. Для прикрытия этих сил от возможного удара русских дредноутов из Гельсингфорса из состава Флота Высоких морей выделялись 8 линкоров-дредноутов, 3 линейных крейсера, 4 крейсера, 32 эсминца и миноносца, 13 тральщиков. Превосходство германских эскадр было полным. Однако выполнить задачу прорыва немецкому флоту не удалось, в боях в Ирбенском проливе он потерял 2 эсминца, 3 тральщика, были повреждены линейный и легкий крейсера, 2 миноносца.[15]

Насколько в отношении бесполезности дредноутов Балтики показателен пример с Моонзундской операцией 1917 г., для меня остается большим вопросом (С. 81). Русские войска, расквартированные в Финляндии и на Моонзундском архипелаге, как отмечал Деникин, «...с началом революции быстро разложились, и часть представляла из себя совершенно опустившиеся физически и морально толпы. Какая-либо смена или передвижение их были невозможны»[16]. Все это способствовало успеху немецких операций, которые были бы невозможны при других обстоятельствах. В начале октября 1917 г., всего за несколько дней до немецкого десанта, автор «Морского сборника» утверждал: «Только подчинив стратегические соображения политиче-

---

[14] Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Сер. III: 1914–1917 гг. М.–Л., 1931. Т. 1 (14 января – 4 августа 1914 г.). С. 56–58.

[15] Зонин С. А. Адмирал А. М. Галлер. Жизнь и флотоводческая деятельность. М., 1991. С. 91–94.

[16] Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. 1. С. 288.

ским и стремясь использовать некоторое благоприятное для себя стечение обстоятельств, смогут германцы рискнуть на операцию, которая в настоящее время года будет носить ярко выраженный характер авантюры»[17]. Разложение русских войск с лихвой компенсировало опасности времени года. 11 октября 1917 года германцы начали операцию «Альбатрос». 1 линейный крейсер, 10 новейших линкоров, 9 легких крейсеров, 47 эскадренных миноносцев, 6 подводных лодок и 100 вспомогательных судов под командованием вице-адмирала Э. Шмидта должны были обеспечить прорыв в Рижский залив и десант на острова Моонзундского архипелага. 9 транспортов выделялись для перевозки десанта – руководил им отличившийся при взятии Риги командир VIII армейского корпуса ген. фон Гутьер.

С августа 1915 года немцы не предприняли ни одной серьезной попытки форсировать эту позицию. За 1916 год она была дополнительно укреплена новыми батареями, в Ирбенском проливе было установлено около шести тысяч мин, флот пополнился 10 новыми эсминцами типа «Новик» и 10 подводными лодками.[18] Собственно в Рижском заливе русские силы были относительно невелики – 2 устаревших линкора, 3 устаревших крейсера, 12 новых и 14 старых эсминцев, 3 английские подводные лодки, 3 канонерки и вспомогательные суда. Ввести линейные корабли со стороны Ревеля было невозможно – не позволяли глубины. Однако страшнее было другое – почти девятимесячное господство беспорядка привело к тому, что более многочисленный, чем в 1915 году, флот на более подготовленных позициях не смог сделать то, что ему удавалось ранее. Не помогла даже и временная готовность матросов подчиняться оставшимся на кораблях офицерам. Хотя последнюю не стоит преувеличивать. Наиболее воинственный дух наблюдался среди тех кораблей Балтийского флота, которые по техническим причинам не могли прийти к месту боя. По-прежнему хорошо действовали английские подводные лодки. Командующий Балтийским флотом адмирал Бахирев отмечал: «Команда, под влиянием агитации, не доверяла офицерам; при постоянной близости к неприятелю результатом этого явилась излишняя нервность, в опасные минуты переходящая в растерянность, а в трудные превращающаяся даже в панику... Дисциплина, можно сказать, отсутствовала, и в команде было сознание полной безответственности и уверенность, что она все может сделать со своими начальниками»[19].

«Только наступивший развал, – вспоминал командир эсминца «Новик», участвовавшего в этих боях, – довел оборону залива до такого жалкого состояния, что неприятелю не надо было ни умения, ни особого геройства,

---

[17] Новицкий В. Очерки мировой войны на море // МС. 1917. № 10. С. 108

[18] Зонин С. А. Ук. соч. С. 98; Косинский А. М. Моонзундская операция Балтийского флота 1917 г. Борьба флота против берега в Мировую войну. Л., 1928. Т. 4. С. 7.

[19] Косинский А. М. Ук. соч. С. 7, 43.

чтобы его занять. Одного его вида было достаточно, чтобы деморализованные сухопутные части немедленно впадали в панику и сдавались без сопротивления. Что же касается флота, то и на его относительную боеспособность положиться было нельзя»[20]. Действительно, гарнизон островов Моонзундского архипелага совершенно разложился, солдаты даже не хотели укреплять позиции – за все лето 1917 года было вырыто 5–6 окопов, при этом глубина большей части полевых укреплений не превышала 50–60 см. 12 октября 1917 года немцы начали высадку, не встретив сопротивления. 13 октября минный заградитель «Припять» не вышел на запланированную постановку мин – команда на собрании отказалась делать это в дождь. Немецкий флот действовал в любую погоду – в результате в течение недели была решена судьба Моонзунда. Сопротивление оказывали отдельные офицеры, иногда небольшие группы во главе с офицерами. Достаточно было появиться небольшой группе немецких мотоциклистов, чтобы с подготовленных позиций разбежался полк. Во время боев на суше немцы потеряли всего 400 человек, взяв в плен около 20 000.[21] Солдаты бывшей императорской армии сдавались в плен массами, бросая оружие, а иногда с пением и музыкой.[22]

Возвращаясь к предвоенной ситуации, описываемой автором, вспомним, что в январе 1908 года совместная комиссия МГШ и ГУГШ пришла к выводу, что состояние Балтийского флота не позволяет рассчитывать на то, что он сможет помешать высадке вражеского десанта даже в восточной части Финского залива. Он обладал только 4 эскадренными броненосцами (еще 2 строилось), 7 крейсерами, из которых 4 устарели до такой степени, что не представляли реальной силы (2 крейсера строилось), 56 миноносцами и 5 подводными лодками (еще 5 находились в постройке). Германский флот на этот год имел 20 эскадренных броненосцев (строилось 4 линейных корабля типа «Дредноут»), 8 линейных крейсеров, 18 броненосных и легких крейсеров, 60 миноносцев.[23]

При не окончательно выясненной позиции Великобритании и наличии Кильского канала, который давал Германии возможность легко перебрасывать суда из Северного моря в Балтику, возможность опасной концентрации немецких военно-морских сил против России была не исключена. На вооружении Кронштадтской крепости находилось только 18 современных орудий 10-дюймового калибра, а основное оружие крепости – устаревшие мортиры и гаубицы образца 1867 года годились только для салютов. Таким образом,

---

[20] Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб., 1997. С. 308.

[21] Luntinen P. Op. cit. P. 350; Косинский А. М. Ук. соч. С. 37, 41, 61, 62, 71, 73.

[22] Деникин А. И. Ук. соч. М., 2003. Т. 2. С. 128.

[23] Петров М. [А.] Подготовка России к мировой войне на море. М.-Л., 1926. С. 103, 259–260.

даже столица Империи не имела прочной защиты от нападения со стороны моря. Более того, русские порты были слабо развиты в техническом отношении. Кронштадтский завод работал в зданиях 50-летней давности, из 4 имевшихся в главной базе Балтийского флота доков к приему крупных кораблей был годен лишь один, да и то при условии, что судно не будет иметь пробоины. При дифференте или крене судно в док ввести было нельзя. Свеаборгский порт мог принять для обслуживания только 10 миноносцев. На 5 действующих подводных лодках не было постоянного состава, по той же причине из 40 имевшихся на Балтике и также порядком устаревших номерных миноносцев в капитальном ремонте нуждались все 40.[24]

Средства Либавского порта были также недостаточны, что же касается его укреплений на суше (а он находился в трех переходах от германской границы), то перед русско-японской войной их почти не было, а после 1905–1907 гг. строительства не велось. «Либава действительно была не крепостью,– вспоминал начальник ее крепостного штаба в 1902–1904 гг.,– а каким-то странным недоразумением... Укрепление Либавы с Юга (т. е. с германской границы – А. О.) производило такое впечатление, будто наше высшее начальство было убеждено, что достаточно русским генералам на полпути между границею и Либавою поставить на дороге вывеску: «Вход Германским войскам воспрещается», чтобы никакие немцы к нам не пришли»[25]. Комплексная программа развития флота была необходима. С 1908 года к активному развитию своих военно-морских сил под руководством британской миссии приступила Турция. Турки с самого начала сделали ставку на приобретение линейных кораблей типа «Дредноут». В случае осуществления этих планов 7 русских действующих и 2 строившихся броненосца на Черном море сразу же обесценивались.[26] Расходы Морского министерства в 1907 г. сократились до 87,711 млн. руб., тогда как в последний предвоенный год, т. е. в 1903, оно составило 100,405 млн. руб. Это привело к сокращению внутренних ассигнований по министерству по отношению к 1903 г.: на судостроение на 16 млн. руб. (на 39%), на вооружение – на 4 млн. руб. (на 42%), на устройство и содержание портов – на 11 млн. руб. (на 59%), на плавание судов – на 7 млн. руб. (на 51%). Это был один самых тяжелых годов в жизни русского флота – без перемен фактически осталось лишь содержание личного состава.[27]

---

[24] Там же. С. 103–104.

[25] Рерберг Ф. П. Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Записки участника русско-японской войны 1904–1905 гг., члена военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны 1906–1909 гг. Мадрид, 1967. С. 66.

[26] Шацилло К. Ф. Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны 1906–1914. М., 1968. С. 48, 114; Петров М. [А.] Ук. соч. С. 259.

[27] Нордман Н. Наши морские бюджеты // МС. 1913. № 11. С. 122, 127.

Без программы развития флота все русское побережье Балтики было уже беззащитно, а Черного моря стало бы таким в ближайшее будущее. С планами босфорской операции пришлось бы расстаться навсегда, а на армию в этом случае выпадала огромная нагрузка по защите берегов. Программа была необходима. И в выработке, и в реализации данной программы необходимо учитывать действие еще одной силы – Государственной думы, а также господствовавшей в комитете по государственной обороне партии октябристов во главе с А. И. Гучковым. Октябристы выступили против программы единым фронтом. «В Государственной думе, – вспоминал адмирал И. К. Григорович, – на нас нападал Гучков, Шингарев, Бабянский, Годнев, Звегинцев, Савич, Челноков и другие. Все сводилось к тому, что пока Министерство не покончит со старым порядком, не реорганизует Ведомство на новых началах с ответственным начальником, пока не откроет все свои дефекты – ассигнования выдавать не будут. Раздавались голоса за сенатскую ревизию и т. п.»[28]

Особенно активными были Н. В. Савич и А. И. Звегинцев, возглавлявший бюджетную комиссию (его упоминает автор, отказавшийся в данном случае от биографического обзора, что он обычно делает в случае с морскими офицерами, – С. 120). Думается, при оценке предложений думцев необходимо учитывать их контекст, а проектов – их реальное, во всяком случае, с точки зрения самих авторов, содержание. Хороши или плохи были адмиралы, возглавлявшие Морское министерство, они поначалу достаточно последовательно шли на сотрудничество с представителями «цензовой общественности». Морской министр адмирал И. М. Диков предоставил возможность думцам встретиться с ведущими специалистами флота, был проведен ряд совместных совещаний. Докладчиками выступали лучшие специалисты МГШ – М. М. Римский-Корсаков (тема доклада – зачем России нужен флот); А. В. Колчак (тема доклада – какой флот нужен России); А. Н. Щеглов (тема доклада – программы судостроения); М. И. Смирнов (тема доклада – реформы Морского министерства).[29]

Но Звегинцев и Савич встречались и с «иными элементами флота»: по словам харьковского помещика Савича, «то были добровольцы-осведомители, которые рисковали своей карьерой, если бы начальство узнало про наши встречи. Их речи были откровенными, их разоблачения непорядков ведомства более полные и неприкрытые»[30]. Одним из таких добровольцев был старший адъютант Главного штаба флота генерал-майор С. И. Зилоти,

---

[28] Григорович И. К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб. 1999. С. 33.

[29] Смирнов М. [И.] Краткий обзор оперативных идей, положенных в основу организации и подготовки Русского Флота к войне в период 1906–1914 года // Зарубежный Морской сборник. Пльзень. 1929. №№ 7–8. С. 70.

[30] Савич Н. В. Воспоминания. СПб., 1993. С. 38–39.

на сестрах которого были женаты братья Гучковы[31]. Вдохновленные этой информацией, думцы организовали форменный штурм Адмиралтейства, или как говорили октябристы, «шпица». Гучков определил цель кампании в своем стиле: «Нужно сломить острие самодержавия»[32].

Представителям министерства было сделано несколько другое заявление. Один из докладчиков вспоминал: «В результате этих совещаний мы добились только того, что члены Государственной Думы заявили нам, что они убедились в необходимости флота для России, но не изменили своего взгляда о невозможности ассигнования средств на постройку флота, вследствие неподготовленности к этому Морского Министерства. Таким образом, и в Государственной Думе наше дело попало в тупик»[33]. Целая серия статей в «Новом времени» обвиняла Морское министерство в коррупции и даже в возможной измене ее высших руководителей, проявившейся в заказе на изготовление крейсера «Рюрик» британской компанией Виккерс[34]. Критика велась под лозунгом непрофессионализма и некомпетентности властей, граничившей, по мнению критиков, с преступлением. Вслед за прессой в кампании активно использовалась думская трибуна. Основным оружием стало право Думы предъявлять правительству запросы по нарушению законности в делах управления. Как отмечал сенатор С. Е. Крыжановский, «практика показала, что оно в руках Думы превратилось в способ агитации, а отнюдь не надзора за законностью, ибо ни в одном случае Дума не решилась дать запросу законные последствия по форме доведения своего мнения до высоты Престола, а ограничивалась лишь демонстративными суждениями, рассчитанными единственно на возбуждение общественного мнения против правительства»[35].

Уже осенью 1907 года сторонниками Гучкова Звегинцевым и Федоровым был организован думский запрос Морскому министру «по поводу незакономерных действий Морского министерства при постройке крейсера «Рюрик» в Англии. 23 мая (8 июня) 1908 года последовало обсуждение доклада думской комиссии по этому запросу. Думцы упрекали власти в нарушении режима секретности при заказе 10-дюймовой пушки у фирмы «Виккерс», выразившемся в передаче чертежей, ненадлежащем качестве брони и орудий крейсера, срыве сроков сдачи его в строй. Кроме того, Дума фактически требовала проведения судебного расследования и пресечения возможности повторения подобных случаев впредь. Выступления носили характер хорошо отрепетированного представления. Каждое выступление сгущало атмосферу заседания.

---

[31] Григорович И. К. Ук. соч. С. 48.

[32] Савич Н. В. Ук. соч. С. 41.

[33] Смирнов М. [И.] Краткий обзор оперативных идей... С. 71.

[34] Pinchuk B. C. The Octobrists in the Third Duma. Seattle and London, 1974. P. 71.

[35] Крыжановский С. Е. Воспоминания. Из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б. г. С. 36.

Первым выступил А. И. Звегинцев, который сдержанно возмущался: «... всегда артиллерия представляет из себя известную государственную тайну, и что раз наша артиллерия лучше иностранной, то странно было бы эту лучшую артиллерию, ее чертежи и планы сообщать другим государствам, посторонней фирме»[36].

Вслед за ним Н. В. Савич отметил, что фирма «Виккерс» строит корабли не только для английского или русского, но и для японского флота, и в результате имел место факт передачи военных секретов потенциальному противнику. Концовка второй речи была уже весьма эмоциональной: «Если все то – факты, если это правда, – это ужасная правда. И этого нельзя оставить под спудом, нельзя это дело замазать, нельзя его заглушить. Если тут есть виновные, то они должны быть призваны к ответу, и вся Россия должна знать, кто эти виновные... где-то есть какие-то люди, которые верные сведения передали иностранной фирме. Это недопустимо»[37]. Вслед за этим с «очевидными» итогами выступил прогрессист И. Н. Ефремов: «Я не буду говорить о том, есть ли в данных случаях основания подозревать злой умысел, это дело суда, суд должен произнести свое компетентное слово, и пока он этого слова не сказал, я не позволю себе подозревать кого бы то ни было в преступном умысле. Но я хотел бы обратить внимание на то обстоятельство, что в открывшихся перед вашими глазами явлениях, особенно ужасно не то, что, может быть, они произведены с преступным умыслом – преступники всегда были и, вероятно, долго еще будут во всем мире – ужасно то, что подобные явления являются результатом всего порядка, существующего у нас в России»[38].

Вслед за этой дискуссией на том же заседании Дума обсуждала вопрос о финансировании Морского министерства, в том числе и судостроительной программы. Естественно, бюджет флота был отклонен. «Шпиц» был надломлен, но триумф оказался недолговечным. В комиссию по государственной обороне была отправлена «тяжелая артиллерия» флота – специалисты-корабелы. А. И. Звегинцев, который был одним из ведущих специалистов гучковского комитета, достал чертеж орудия, и вновь требовал разобраться, почему подобное нарушение стало возможным. От Морского министерства выступил генерал-майор А. Н. Крылов, который быстро доказал, что представленные чертежи не являются секретными, так как они были опубликованы в «Артиллерийском журнале» еще в 1897 году и в рассекреченном приказе генерал-фельдцейхмейстера. Цена книжки журнала экземпляра приказа (они поступали в свободную продажу) – 30 и 5 копеек соответственно – и была,

---

[36] Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1907–1908 гг. Сессия первая. Ч. 3. СПб., 1908. С. 1191.

[37] Там же. С. 1202.

[38] Там же.

по мнению докладчика, ценой думской сенсации.[39] Применительно к этой истории нельзя не отметить, что авторская оценка мемуаров Крылова («интересны его замечания о взаимоотношениях руководителей ведомства, их характеристики, подчас нелицеприятные» – С. 6), могла бы и не быть столь однотонной.

На слушаниях, собравших более сотни депутатов, Гучков пришел в ярость, совершенно правильно восприняв ответ министерства как пощечину. На его фразу: «Мы не можем знать, что в морской технике составляет секрет», Крылов ответил: «Вот мне и нужно было, что бы вы сознались в своем незнании и о том, чего не знаете, не говорили бы и зря не придирались». После этого Гучков закрыл заседание.[40] Это был полный провал, который лидер октябристов не мог простить. Его ближайший сотрудник отмечал: «Гучков был очень самолюбив, даже тщеславен, притом он отличался упрямым характером, не терпевшим противодействия его планам. В последнем случае он реагировал резко и решительно, становился сразу в позу врага»[41].

Досталось и гучковскому эксперту – А. И. Звегинцеву: скандальные подробности его учебы в Морском училище вспомнил Крылов (они учились вместе).[42] Интересно, что этот «эксперт», который должен был доказывать непрофессионализм представителей Морского министерства, после окончания училища служил не во флоте, а в кавалерии. В 1898 году он был близок к А. М. Безобразову и вошел в состав небольшой экспедиции на Ялу, посланной по распоряжению Николая II и финансировавшейся из средств Кабинета Его Величества. Задачей экспедиции была оценка стратегической и экономической ценности будущей концессии. В нее входили тайный советник Непорожнев, чиновник Кабинета, а в качестве военных экспертов – А. И. Звегинцев и барон Н. А. Корф. Экспедиция обследовала район и очень высоко оценила перспективу использования лесных и горных богатств севера Кореи.[43] «Их полное энтузиазма описание региона и его стратегической важности (они привезли детальную топографическую карту) в защите нашей части Манчжурии от Японии, – вспоминал Вл. И. Гурко, – вызвало живой интерес Николая II. Безобразов делал все, что мог, чтобы поддержать этот интерес, и, в результате, концессия была приобретена на имя Непорожнева на средства из личного фонда Его Величества. Ценой была скромная сумма в 65 000 рублей.»[44]. Гурко несколько ошибается – концессия была куплена

---

[39] Крылов А. Н. Мои воспоминания. М., 1963. С. 154.

[40] Там же. С. 158.

[41] Савич Н. В. Ук. соч. С. 80.

[42] Крылов А. Н. Ук. соч. С. 150.

[43] Пак Чон Хе. Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М., 1997. С. 84.

[44] Gurko V. I. Features of the past. Goverment and opinion in the reign of Nicholas II. California-Lnd., 1939. P. 263.

за 70 тыс. рублей в мае, а экспедиция была отправлена в сентябре 1898 г.[45] Но дело в другом – на основе данных этой миссии принималось решение об активизации действий на Ялу, в том числе и о посылке туда солдат.

Хорошо известно, чем закончилась эта действительно небольшая затрата. Однако после войны Звегинцев продолжал считать себя серьезным специалистом и не распространял требования ответственности на самого себя и своих коллег. Я далек от мысли упрекать подобных людей в манчжурской катастрофе, но они, безусловно, участвовали в ней. При этом Звегинцев, во время войны работавший в Воронежском земстве, оставался англоманом, энергичным сторонником английской парламентской системы управления, причем его знание реалий английской жизни носило энциклопедический характер.[46] После этого скандала для осмотра и обследования Морского министерства, его заводов и портов на Балтике и Черном море была назначена комиссия, в которую входили три члена Государственного Совета – генералы Рерберг и Редигер и действительный тайный советник Дмитриев. В результате ее работы выяснилось, что злоупотреблений в ведомстве не было, а существенной проблемой тыла флота остается его запущенность и отсталость производств, принадлежащих Морскому министерству.[47] Несколько лет средства на эти предприятия не выделялись, революционные события добавили проблем. Оборудование морально устаревало, опытные кадры рабочих терялись. Для преодоления трудностей нужны были не только деньги, но и время. Оно терялось в конфликтах, которые навязывала Дума.

7 января 1910 года в письме А. И. Звегинцеву – докладчику комиссии – Гучков писал: «Все думаю о тех чрезвычайных кредитах, за которыми к нам обратится правительство на нужды обороны. Никак не следует упускать случая, чтобы поставить, как говорили в освободительную эпоху, свои требования»[48]. Думцы работали с бюджетами Военного и Морского министерств, исходя из внутриполитических соображений. Они прежде всего поддерживали тенденции, а не армию или флот. Они готовы были готовы сотрудничать с Григоровичем, но не с Воеводским, с Редигером, но не с Сухомлиновым. Обсуждались при этом практически одни и те же программы. Как мне представляется, это и было причиной думских колебаний. Как отмечал современник этих событий, кадровый офицер и участник русско-японской войны: «При обсуждении в Государственной Думе бюджетов военного и морского министерств высказывается немало пожеланий, похвал, и порицаний отдельно по адресу того или иного министерства; смотря по настроению народных

---

[45] Часть этих оценок см.: Корф Н. А., Звегинцов А. И. Военный обзор Северной Кореи. СПб., 1904. С. 100–101.

[46] Pares B. My Russian memoirs. Lnd., 1931. P. 170

[47] Григорович И. К. Ук. соч. С. 33.

[48] Цит. по: Шацилло К. Ф. Ук. соч. С. 168.

представителей – одни предлагали вместо постройки новых броненосцев обновить неприкосновенные запасы в армии, а другие предлагают уменьшить численность армии и насчет достигнутой экономии по сухопутному ведомству организовать морскую оборону наших побережий. Все эти дебаты и споры имели характер крайне поверхностный и вполне случайный; нет сомнения, что ни один из депутатов не взял бы на себя смелость с легким сердцем распределять эти средства между военным и морским министерствами по одному лишь усмотрению, без глубокого изучения вопросов морской и сухопутной обороны государства во всем их тесном органическом взаимодействии, которое существует на самом деле»[49]. Но логика этих действий была неясной только лишь для строевых офицеров, неискушенных в логике парламентской борьбы. Более верным мне кажется определение этой деятельности очевидцем – Парсом: «Дума получила возможность продемонстрировать, что она была более патриотичной, чем Министерство. Она могла показать, что она была более искренно заинтересована в репутации России и в реставрации её военной мощи»[50]

Таков был почерк политиков, чьим лозунгом была «ответственность». В глазах кадровых военных люди, подобные Звегинцеву, не могли вызвать особого уважения. И 1911, и 1912 годы начинались в либеральной прессе с нападок на Морское министерство, не помогла и замена в марте 1911 года Морского министра. Вместо непопулярного Воеводского был назначен И. К. Григорович. В декабре 1912 года он настоял на закладке на Балтике серии линейных крейсеров – «Измаил», «Кинбурн», «Бородино» и «Наварин». До последнего момента Григорович не был уверен в том, что Дума ассигнует средства на их строительство. Только в июне 1912 года, после бурных выступлений Дума вотировала строительство этих кораблей.[51]

Противоречия и волокита привели к тому, что программа судостроения, внесенная в Думу в марте 1910 года, не рассматривалась там до января 1911 года. Из-за этого бюджеты Морского министерства до 1911 г. увеличивались по крохам, и только после этого года начался колоссальный рост финансирования флота и судостроительных программ: [52]

	предложено по сметам Государственной Думе	*ассигновано (рублей)*
1908	87 091 983	86 901 228
1909	88 135 050	88 710 053

[49] Грулев М. Злобы дня в жизни армии. Брест-Литовск, 1911. С. 18.

[50] Pares B. My Russian memoirs. P. 179.

[51] Григорович И. К. Ук. соч. С. 57, 82, 86, 103.

[52] Нордман Н. Наши морские бюджеты // МС. 1913. № 11. С. 128.

	предложено по сметам Государственной Думе	*ассигновано (рублей)*
1910	95 174 071	89 274 426
1911	112 994 257	108 256 600
1912	164 216 157	159 145 970
1913	230 374 400	—

В результате работы по строительству дредноутов для Черного моря постоянно откладывались и три корабля такого класса были заложены только в конце октября 1911 года. В 1912 г. Морское министерство получило возможность увеличить ассигнования (по сравнению с 1908 г.) на содержание воинских частей и команд флота на 12,5%, на плавание судов – на 29,5%, судостроение – на 159,3%, на вооружение – на 240,6%, на военные порты – на 35,5%, на врачебную часть – на 9,6%. При этом общие расходы на управление сократились на 4,9%, а на суд и тюремную часть – на 5,5%.[53] Приоритеты министерства были очевидны, но финансирование не означало автоматического решения проблем, вызванных финансовым голодом. Ситуация чрезвычайно осложнялась необходимостью восстановления инфраструктуры кораблестроения и создания новой технологической базы – мастерских и эллингов, длина которых позволяла строить дредноуты.[54] Морской министр вынужден был идти на значительный риск, передавая заказ на строительство несуществующему еще заводу. «В начале 1912,– вспоминал сотрудник Григоровича адм. П. П. Муравьев,– осматривая место будущего завода, я ходил по обрывам, поросшим кустарником на берегу реки Ингул, а в конце 1912 состоялась закладка на стапеле, выстроенного на берегу этой реки, завода Руссуд – линейного корабля «Императрица Мария», вступившего в строй в 1915 и принявшего участие в войне»[55]. То, чем могла бы закончиться такая слабость России на Черном море, довольно точно предсказывал в мае 1911 года посол в Турции Н. В. Чарыков: «Императорское правительство, напрягая планомерные усилия со времен Петра Великого, достигло при Александре III русского господства на Черном море, *не может* (курсив автора – А. О.) допустить не только неизбежности, но и возможности даже самого кратковременного преобладания на Черном море турецкого флота... Будь сегодня это преобладание в руках турок, каково было бы наше положение? Вместо теперешних вынужденных миролюбивых заверений (по черногорскому вопросу – А. О.) турки замедлили бы

[53] Нордман Н. Наши морские бюджеты // МС. 1913. № 12. С. 77.

[54] Петров М. [А.] Ук. соч. С. 139; Григорович И. К. Ук. соч. С. 69.

[55] Муравьев П. П. Памяти И. К. Григоровича // Морской журнал. Прага, 1930. № 29 (5). С. 98.

с ответом и отослали бы свою эскадру к Севастополю, бессильному бороться с их дредноутами»[56].

Все эти замечания, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что анализ проблемы «мозга флота» (как и «мозга армии») в период 1907–1914 гг. требует выход за пределы ведомственных учреждений и соответствующих им источников.

И, наконец, последнее: оставлю вне замечаний (ибо размеры рецензии исчерпаны неоднократно) некоторые оценки автора, касающиеся контрреволюционной деятельности офицеров и адмиралов в 1905–1907 и 1917–1920 гг. (С. 63-64). Некоторые утверждения, как, например, о том, что А. В. Колчак заменил политическую борьбу террором против противников и союзников (?!!!), причем под последними подразумеваются эсеры (С. 59), звучат непонятно. Во всяком случае, для меня. О какой политической борьбе может идти речь во время гражданской войны и кто ей, собственно говоря, занимался вне террора – тайна сия велика есть, как, впрочем, и то, какое это имеет отношение к непосредственной теме исследования.

Очевидно, прав был русский дипломат И. Я. Коростовец, который в феврале 1917 г., в ответ на поздравления американского посла Д. Френсиса, который был в восторге от быстро закончившегося «бескровного переворота», ответил, что даже его, т. е. Коростовца, внуки не увидят конца «русской только что начавшейся революции».[57] Историографические бои все еще продолжаются.

О. Р. Айрапетов

---

[56] Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг. Сер. II: 1900–1913 гг. М., 1939. Т. 18. Ч. 1 (14 мая 1911 г. – 13 сентября 1911 г.). С. 67.

[57] Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. 1. С. 249.

В. В. Дегоев. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004.

Историография внешней политики России огромна. За последние полвека количество трудов, посвященных углубленному и разностороннему изучению специальных и узкоспециальных вопросов, росло в геометрической прогрессии. Учебная литература на эту тему, обычно либо преследовала чисто пропедевтические цели, либо не решалась по тем или иным причинам открыто принять и учесть инновации литературы научно-исследовательской. Сегодня ощущается настоятельная потребность в работе, способной сориентировать самого широкого читателя в общем потоке исследований по внешней политике России. Существует потребность именно в научно-популярной работе, а не в историографической, неспособной, как правило, заинтересовать никого, кроме самого узкого круга специалистов.

В этом заключается основное предназначение книги доктора исторических наук, профессора Владимира Владимировича Дегоева, которая ставит задачу, написав историю внешней политики России периода Империи, «синтезировать ключевые историографические идеи таким образом, чтобы оставить читателю возможность самому определить свое отношение к ним» (С. 5). Перед читательской аудиторией автор выступает в качестве собеседника, избирая ради достижения необходимого учебного результата стиль «публицистический по преимуществу» (С. 6). В качестве основного критерия или ключевого понятия, позволяющего внятно и компактно изложить столь гигантский по масштабам материал, он избирает понятие «система», оговариваясь при этом, что «вполне осознает его условность применительно к международным отношениям» (С. 4). Международная система – это, в данном случае, то, что в «сухом остатке» представляет собой конкретные усилия государств, народов, отдельных личностей, направленные на достижение возможно более продолжительного мира, стабильности, гармонии с включением максимально возможного числа активных и пассивных соучастников. Как момент статический, она предполагает неизбежное присутствие момента динамического – элементов, исключаемых системой, самоутверждение которых в перспективе неминуемо ведет к ее уничтожению. Чтобы читатель смог увидеть, что системы и антисистемы существуют не как плод абстрактно-схоластического мышления, а как весьма реальные и практически

реализуемые замыслы, концепции, цели и направления конкретных усилий политической воли, автор излагает историю, рисуя политические портреты избранного числа ведущих государственных деятелей XVIII–начала XX вв.: Петра I, Екатерины II, Наполеона I, Александра I, Меттерниха, Николая I, Наполеона III, Пальмерстона, Бисмарка и других – тех, кто реально создавал, поддерживал, развивал и разрушал системы международных отношений. Оставляя в стороне подробности дипломатической истории, автор удерживает внимание и мысль читателя именно там, где внешняя политика постоянно превращалась в систему, метод или концепцию. Необходимость отслеживать исторический процесс именно с такого уровня и определяет диапазон используемого материала, накопленного научно-исследовательской литературой, который синтезирует автор, предлагая читателю картину пределов возможного в развитии событий и процессов. Таким путем достигается основная педагогическая задача – дать образец системности мышления в области международных отношений для читателя, который считает их своей будущей специальностью. Единством, целостностью взгляда такая книга неизбежно выигрывает по сравнению с коллективным обобщающим трудом, пусть даже многотомным, притязающим на полноту и энциклопедичность, который порой даже жесткое и авторитетное научное редактирование не спасает от превращения в конечном итоге в очерки, в «плюрографию» вместо монографии. А это не может быть приемлемо ни для автора, ни для читателя, заинтересованных в правильной оценке подлинной роли России в Европе и мире (С. 5).

Превращение России в великую европейскую державу, появление у нее «западного стиля», как сказал бы Шпенглер, было закономерным результатом ее многовековой борьбы за существование, итогом и этапом ее органического роста. Наилучшим реальным способом застраховаться от европейской экспансии было, превратив всю Европу в зону русского дипломатического действия, «пером и шпагой» добиться того, чтобы отныне ни одна военная или политическая комбинация не могла осуществиться без прямого или косвенного участия России. Ее новообретенное великодержавие засвидетельствовал и такой признак, как появление устойчивой русофобии в европейском сознании.

Но главный международный «секрет» великодержавного самоутверждения России, слом «восточного барьера», объективное условие всех ее успехов в продолжение XVIII столетия заключались как раз в отсутствии в отношениях между европейскими странами подлинной системы, системы единой и всеобъемлющей. Будущей «владычице морей» – Великобритании, – в условиях непрерывных морских войн со своим главным конкурентом, Францией, присутствие на морях флага страны, предлагавшей самые дешевые и качественные кораблестроительные материалы, сулило куда больше выгод, чем проблем. Само одновременное протекание двух коалиционных войн – Северной

и за испанское наследство – обнаруживало в Европе как бы две отдельные системы, хотя и связанные между собой. На XVIII век – время постепенного формирования европейского лидерства пяти Великих держав – автор смотрит как бы из XIX-го, так же, как на допетровскую эпоху – из Нового времени. В качестве издержки можно заметить некоторый недостаток учета религиозного фактора как основы национальной и культурно-политической идентичности применительно к мировоззрению Средневековья. Но такой взгляд в целом не противоречит главной теме работы. Гениальная интуиция Петра I, начертавшего программу России в Восточном вопросе на полтораста лет вперед, опережающий свое время рационализм политической стратегии Екатерины, идея «баланса сил», опыт «кошмара коалиций» короля Фридриха II и многое другое в следующем столетии действительно станет политическими традициями кабинетов, составит аналитический инструментарий дипломатов, материализуется в структурах ведомств иностранных дел.

Общеевропейская система международных отношений сделалась востребованной не раньше, чем появился вызов в полном смысле слова всей Европе. Французская революция конца XVIII века породила агрессора такого масштаба, что почти ни одно европейское государство не могло чувствовать себя в безопасности. Венский порядок и стал в полном смысле слова первой такой системой, ибо его изменение теперь не могло не сказаться, так или иначе, на судьбе любой европейской страны. Последовавший за Венским конгрессом беспрецедентно долгий, тридцативосьмилетний мир в Европе явил собой, помимо прочего, уникальный исторический пример вклада России в стабильное и гармоничное европейское развитие. В целом именно так распорядилась своей великодержавной мощью и влиянием императорская Россия, достигнув вершины своего исторического величия благодаря первенствующей роли в избавлении континента от наполеоновской тирании. Тема исторической судьбы и значения Венской системы в истории международных отношений проходит концептуальной нитью через всю книгу и составляет ее главную особенность.

Картиной дипломатического блеска императора Александра I и полных колорита фундаментальных противоречий его политики эрудированного читателя удивить, пожалуй, трудно. А вот, скажем, изображение роли и значения императора Николая I в развитии Венского порядка, глубиной и оригинальностью его, несомненно, впечатлит по-новому. Автор показывает, как состоялась последовательная и уверенная «прагматизация» романтико-гуманистического идеалистического наследия Александра I, как наметилось и утвердилось более или менее четкое распределение политической ответственности в рамках системы каждой из Великих держав на европейском пространстве, как на определенном этапе скорее замедлилось, чем ускорилось развитие русско-британских противоречий. Как весьма справедливо утверждает В. В. Дегоев, благами относительно высокой международной стабиль-

ности «охотно пользовались все государства Европы, и, прежде всего, западные «демократии» (Англия и Франция), не отдавая себе отчета в том, что мирной жизнью они во многом обязаны тому самому консерватизму Петербурга, Вены и Берлина, который возбуждал столько идеологической неприязни у «либерального» Запада». Хотя такой парадокс (если это парадокс) характерен и для последующих международных ситуаций, пожалуй, ни в какое другое время он не был так очевиден, как в период 1815–1853 гг.» (С. 217).

Выдающийся британский соперник русского императора – лорд Пальмерстон – боялся не столько Николая Павловича, сколько того, что мог бы сделать сам на его месте. Нанеся поражение России в Крымской войне, Лондону удалось отбросить Петербург от Черноморских проливов, против своего желания подтолкнув к ускоренному продвижению в Средней Азии, и существенно сократить влияние России в Европе, положив предел сохранению миропорядка, существовавшего с 1815 года. Парижский мир 1856 года дал России, кроме умаления ее реального политического веса, и подзабытый опыт морально-правового унижения, обдуманно и сознательно осуществленного победителями. Принцип нейтрализации Черного моря означал для неё ещё не испытанное до тех пор ограничение суверенитета, закрепленное международно. «Ни одной великой державе, – писал крупный английский историк XX века, – никогда не навязывалось такое принудительное разоружение, за исключением Пруссии Наполеоном I в 1807 году. Союзники не стали бы ставить таких условий державе, которую они считали действительно европейской. В сущности, англичане и в меньшей степени французы смотрели на Россию как на полуазиатское государство, по своему уровню развития немного выше Турции и нисколько не выше Китая».[1] Так поступили с государством, которое, как минимум, полстолетия упорно стремилось доказать свою искреннюю приверженность общеевропейскому делу. Его ответ в области стратегии внешней политики на широком историческом фоне выглядит совершенно адекватным: спокойно и терпеливо выжидая, довести «градус разогрева» европейских противоречий до неспособности (или нежелания) Великих держав осуществить какие либо коллективные санкции против России ради сохранения Крымской системы. И, по-моему, уместен вопрос: надо ли теперь подыскивать извинения для Александра II и А. М. Горчакова перед теми, кто склонен возлагать на них ответственность за опасные последствия образования Германской империи? Почему русский император и его канцлер должны были хотеть быть «европейцами» больше всех? Ведь очевидно, что политическое поведение и Пальмерстона с его стойким желанием видеть Европу без России, и Наполеона III с его страстью играть на грани допустимого риска, да и Бисмарка с его столь же изощренной, сколь и стратегически безнадежной в долгосрочной перспек-

[1] Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе 1848–1918 гг. М., 1958. С. 122.

тивс дипломатической эквилибристикой, – объединяла, если можно так выразиться, системность и несистемность в одно и то же время. «Долгий мир» так «наскучил» Европе, что для того, чтобы вновь глубоко заинтересоваться его подлинными гарантиями, нужен был ужасающий опыт мировых войн. Книга В. В. Дегоева ставит перед будущим специалистом в области международных отношений, по сути, фундаментальный вопрос и теоретического, и практического характера одновременно: как далеко вообще может и должна идти Россия в стремлении брать на себя ответственность за судьбы Европы и мира?

Своей задачей автор считает именно не «закрытие» той или иной научной темы из истории внешней политики Российской империи, а, наоборот, вызов читателя на более острое и принципиальное их обсуждение (С. 4). Чего никогда не испытывает читатель книги В. В. Дегоева, так это недостатка желания поспорить с автором. Означала ли в вопросе режима Черноморских проливов замена Ункияр-Искелессийского договора Лондонской конвенцией 1841 года неизбежное отступление России на рубежи возможного с минимальными потерями или гармонизацию восточного и западного направлений ее внешней политики с обретением новых благоприятных перспектив? Был ли Берлинский конгресс оптимальным для России разрешением восточного кризиса второй половины 1870-х годов? Так ли уж больше во второй половине XIX века Великие державы нуждались в России, чем она в них? Не слишком ли суров автор в своей оценке, содержащей, впрочем, видную долю новизны, императора Николая II, образу которого в силу ряда объективных причин традиционно «не везет» в нашей научной литературе, несмотря на ряд изменений вроде очищения от распутинского мифа? Во всяком случае, современные работы приводят весомые доказательства ответственности в гораздо большей степени, чем это до сих пор было принято думать, за конечную катастрофу, постигшую Российскую империю в 1917 году, вождей либерального движения и высокопоставленных военных, авторитетных среди касты генштабистов.[2]

Следуя за мыслью автора, читатель постоянно ощущает себя в атмосфере научного семинара, насыщенного богатством наблюдений и разносторонностью подходов. Книга является учебником даже не столько для студентов, сколько для преподавателей, пособием собственно для всех, не утративших желания учиться. Самое устойчивое впечатление, которое она оставляет, это то, что, оставаясь в рамках истории дипломатии, к тому, что говорит автор, добавить, пожалуй, почти нечего. В этом видится главное авторское достижение. Книга, по существу, подводит итоги той исследовательской парадиг-

---

[2] См.: Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003; Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914–весна 1917 гг.). М., 2003.

мы, которая и была заложена «Историей дипломатии» – выдающейся работы советских историков, заложивших традицию изучения истории внешней политики России как прежде всего истории его ведомства иностранных дел. Новые перспективы открываются при обращении к роли – при разработке и осуществлении той или иной внешней политики – военного, военно-морского ведомства, ведомства финансов, фактора внутренней политики. При чем не только применительно к России, но и к ее партнерам и соперникам в каждом конкретном случае.

Например, внутренняя политика бисмарковской Германии позволяет допустить, что «железный» канцлер не то что хотел бы избежать французского реваншизма после 1871 года, но наоборот – был в нем глубоко заинтересован. В условиях укорененности в новообъединенной Германии партикуляристских настроений зримый образ жаждущего войны исторического врага у западных границ был лучшим и самым популярным объяснением необходимости национального единства в его состоявшейся форме, острейшую потребность в котором нам сейчас непросто оценить в полном объеме. Другой пример – вопрос о происхождении Первой мировой войны, который и в самом деле остается неудобопонятен, если в поисках ответа не выходить за рамки истории дипломатии. Для всех Великих держав во второй половине XIX – начала XX вв. характерен рост влияния Генеральных штабов на формирование внешней политики, отражающий общие закономерности в развитии их вооруженных сил в целом. Он проходил везде неодинаково и с разной скоростью. К формированию системы военных блоков он имел самое непосредственное отношение. В Германии он привел на определенном этапе к установлению фактически полного и безраздельного контроля военных над дипломатическим ведомством. Авторитет Бисмарка был достаточно высок, чтобы ограничивать влияние Большого Генерального штаба во главе с Г. фон Мольтке-старшим. При их преемниках баланс постепенно был утрачен.

Можно приводить и другие примеры, которые позволят говорить о путях перехода изучения истории международных отношений на новый этап. В целом работа В. В. Дегоева представляет собой глубоко назревший и оригинальный исторический синтез, осуществленный ради приобщения современного читателя к накопленному историографией дискуссионному опыту относительно роли и места России в истории международных отношений Нового времени. Синтез, вызывающий значительный научный и общекультурный интерес.

М. М. Шевченко

R. B. Birn. Die Sicherheitspolizei in Estland 1941–1944. Eine Studie zur Kollaboration im Osten. Paderborn, München, Wien, Zürich, 2006

В 2006 году вышла новая книга специалиста по истории нацизма Рут Беттины Бирн «Полиция безопасности в Эстонии 1941–1944. Исследование коллаборационизма на Востоке». Работа посвящена эстонцам, сотрудничавшим с гитлеровским оккупационным режимом и игравшим в деятельности этого режима самостоятельную и активную роль. Речь идет о деятельности Командования полиции безопасности и СД в Ревеле (Таллинн). Полиция безопасности была создана в сентябре 1941, сразу после занятия города войсками вермахта и делилась на немецкое и эстонское подразделения. На основании более чем 5000 документов, хранящихся в государственном архиве Таллина и содержащих всесторонние сведения о структуре репрессивного аппарата в Эстонии и средствах, которыми он располагал, автор доказывает, что преследование и уничтожение противников оккупационного режима без эстонских формирований было бы значительно «менее эффективным».

В методологическом вступлении автор разъясняет, что в своей работе она опиралась в основном на немецкие следственные документы, переводы с эстонского на немецкий язык, а также документы, отражающие взаимоотношения немецкого и эстонского департаментов полиции безопасности. Во вступительной статье приводится достаточно краткое изложение истории Эстонии в 1918–1941 гг., в которой, по мнению автора, лежит одна из основных причин широкого коллаборационистского движения в Прибалтике. История захвата войсками вермахта территории Эстонии сопровождается подробной справкой о том, какими частями была проведена эта операция и о том, как осуществлялось управление оккупированными районами. Эстония была занята группой армии «Север» под командованием Ф. фон Роге. Все прибалтийские республики были сразу преобразованы в рейхскомиссариат Остланд под началом рейхскомиссара Г. Лозе со штаб-квартирой в Риге. В свою очередь рейхскомиссариат подчинялся министерству по оккупированным восточным территориям А. Розенберга. В то же время часть вопросов находилась в ведении других ведомств: например, расовые вопросы и вопросы безопасности курировал рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, а экономику Г. Геринг (как ответственный за Четырехлетний план). Автор монографии подробно останавливается на достаточно сложной внутренней структуре системы управления занятыми территориями, уделяя особое внимание структуре и взаимоотношениям между полицией безопасно-

сти, СД и полицией порядка. Специальный раздел посвящен эстонской «организации самообороны», так называемой Омакайтсе (Omakaitse, была основана в 1918, в декабре 1941 насчитывала 40 тыс. членов), которая поддерживалась вермахтом, СС и полицейскими органами и до своего включения в состав вермахта в октябре 1942 выполняла охранные и карательные функции. Р. Б. Бирн подробно прослеживает различные этапы формирования эстонского легиона, который должен был стать ядром дивизии Ваффен-СС, а также тех цели, которые преследовали нацисты, создавая это подразделение. Главным для них, по мысли автора, было использование максимально большего числа местных жителей в военных, хозяйственных и охранных целях.

Отдельная глава монографии Бирн посвящена структуре и задачам «Айнзацкоманды 1а» и полиции безопасности в Ревеле. «Айнзацкоманда» состояла из представителей тайной государственной полиции (гестапо), криминальной полиции, СД, а также соединений Ваффен-СС. Автор приводит цифры «неотложных мероприятий», проведенных частями «Айнзацкоманды 1а» в июле-августе 1941: например, 19 сентября из Тарту сообщалось о 1200 арестованных и 405 расстрелянных (в том числе были расстреляны все арестованные евреи). Постепенно карательные органы превратились из преимущественно мобильных команд в постоянные отряды. Создание системы концлагерей СС стало следующим этапом их деятельности. Статистика деятельности полиции безопасности в Эстонии говорит следующее: с июля 1941 по июль 1942 ими было арестовано 18893 человек, из них отправлены в лагеря 5623 и все они уничтожены. И полиция безопасности, и «Айнзацкоманда» работали вместе с организациями самообороны, их тесное сотрудничество продолжилось и после реорганизации 1942 года. После июня 1942 отрядам самообороны были приданы функции только исполнительных органов, полицейские задачи были с них сняты. Члены организации Омакайтсе не имели права допрашивать арестованных, а проводили аресты только в экстренных случаях и должны были незамедлительно передавать арестованных полиции безопасности. Только в конце гитлеровского господства в Эстонии командующий полицией безопасности издал указ, по которому полиция порядка и самооборона должны были действовать как «уполномоченные вспомогательные органы полиции безопасности».

Далее автор монографии говорит о принципах включения местных сил в структуру полицейского аппарата и их вооружении. Главной причиной привлечения местного населения в эти подразделения был недостаток немецких кадров и большое количество пригодных для этой работы и желающих ее исполнять местных жителей. По этому поводу были изданы распоряжения рейхсфюрера СС и шефа полиции безопасности в июле 1941. Немецкий вспомогательный персонал полиции безопасности или образовывал отдельные закрытые структуры или был интегрирован в общую структуру. По распоряжению Э. Кальтенбруннера (апрель 1943) «Айнзатцгруппе А» под-

чинялись охранные батальоны полиции безопасности с первого по десятый. Очень информативным источником являются регулярные отчеты о деятельности полиции безопасности, содержащие подробную статистику: сколько человек было арестовано, отправлено в концлагерь, отпущено или расстреляно. Политическая полиция должна была также регистрировать всех людей других национальностей (в том числе евреев и цыган). Эти отчеты о деятельности полиции безопасности содержат впечатляющие данные за 1941–1943 гг. о количестве арестованных, отправленных в концлагеря и расстрелянных коммунистов, евреев, партизан и т. д.

Среди сотрудников германских отделов полиции безопасности было много прибалтийских немцев, уехавших в Германию в 1939–1940 гг., членов НСДАП и СС, вступивших в эти организации после 1933 г., ярых приверженцев нацистской идеологии, проявлявших особенное усердие в расстрелах. Большинство эстонцев, служивших в полиции безопасности, до 1941 находились на службе в эстонской полиции. Многие были членами организации Омакайтсе. Бирн приводит биографии некоторых полицейских, показывая на их примере обычный путь эстонца в ряды полиции безопасности.

Далее автор монографии подробно останавливается на различных «властных средствах», которыми располагала полиция безопасности. К таким средствам относились лагеря, дознание и наказания.

Пятая глава книги посвящена практике наказаний по отношению к различным категориям населения. Первый раздел показывает преследования эстонцами коммунистов в разные периоды гитлеровской оккупации. В момент занятия немецкими войсками Эстонии в июне-июле 1941 эту роль взяла на себя Омакайтсе. В книге приведен целый ряд фактов и документальных свидетельств зверств эстонских «сил самообороны» в первые недели войны (С. 75-79). Осенью 1941 немецкое командование и, прежде всего, полиция безопасности, взяли на себя координацию всех действий, направленных против коммунистов и тех, кто таковыми считался. Эстонская сторона предоставляла списки лиц, которые должны были быть подвергнуты репрессиям. Систематической проверке, арестам и наказаниям (отправка в лагерь, тюремное заключение и расстрелы) подверглись не только члены Коммунистической партии, но и административные служащие, полицейские, милиционеры, персонал тюрем и учителя.

Большая часть пятой главы посвящена «реконструкции коммунистического периода» прибалтийской истории (т. е. 1940–1941 гг.) и формированию в эстонском обществе «образа врага», т. е. коммунистов. Автор особо отмечает тот факт, что часто поляризация общества по отношению к СССР проходила через семьи, дети выступали против отцов и т. д. Одну из главных причин прогерманских настроений эстонцев и их сотрудничества с гитлеровским оккупационным режимом автор видит в политике СССР в Прибалтике в 1940–1941 гг., а особенно в практике НКВД. В Эстонии после вхождения

в состав СССР была проведена политическая и социальная реструктуризация. Все руководящие должности заняли члены компартии, просоветски настроенные люди или те, кто пришел в страну вместе с Красной Армией. Таким образом, старая элита оказалась отлучена от власти, а часто и подверглась репрессиям. Этим же сами эстонцы объясняют и свой антисемитизм, так как многие руководящие советские работники в Эстонии были по национальности евреями. Антисоветизм значительной части эстонцев был связан и с проведенной в 1940 г. национализацией собственности. Автор утверждает, что в 1940 произошло не только перераспределение должностей в государственном аппарате и перераспределение собственности, но и более глубокая переоценка всех ценностей. В первую очередь, речь идет о проблемах национальной самоидентификации эстонцев и утере Эстонией статуса независимого государства. В защиту всех этих тезисов автор приводит документальные свидетельства о судьбе эстонцев, пострадавших от советских властей.

Самые многочисленные аресты коммунистов происходили в 1942–1943 гг. Повторным арестам подвергались и те, кто уже был отпущен в 1941–1942 гг. В 1944 командование вермахта и частей безопасности издало приказ об интернировании «ненадежных элементов», особенно из восточных районов Эстонии. Списки этих людей, к которым относились не только бывшие коммунисты, но и те, кто был замечен в прокоммунистических высказываниях, предоставлялись эстонской полицией безопасности. Обычно они отправлялись в лагеря, в том числе в Дорпат (Тарту) или Штуттхоф на «исправительные работы».

Глава 6 книги Р. Бирн посвящена преследованиям еврейского населения. Она отмечает, что тон германской полиции безопасности по отношению к эстонским евреям был более агрессивным и представления более параноидальными, чем у эстонских полицейских. Несмотря на то, что уже к концу 1941 Эстония была объявлена зоной «свободной от евреев», а «еврейский вопрос» на ее территории окончательно решенным, и в последующее время евреев в Эстонии продолжали убивать. Но это были уже единичные случаи, а в общем все еврейское население Эстонии действительно было уничтожено за лето-осень 1941. Летом 1942 в Эстонию стали привозить евреев из Германии и других стран. Для их содержания было организовано несколько концентрационных лагерей: Елгава, Дорпат, Ревель, Ваивара и несколько лагерей по соседству. В Ваиваре содержалось в разные периоды от 6,5 до 9 тыс. чел. С октября 1943 по июнь 1944 здесь было умерщвлено более 1,5 тыс. человек. По мере продвижения Красной Армии заключенные этих лагерей или перемещались в другие, или уничтожались. К моменту окончательного освобождения Эстонии советскими частями практически все евреи, содержавшиеся в лагерях, были уничтожены.

Аналогичными методами германские и эстонские подразделения полиции безопасности уничтожали цыган. До зимы 1942–1943 гг. против них

проходили только единичные акции, однако после «Особого распоряжения» от 24 декабря 1942 политика в отношении цыган изменилась. К февралю 1943 все цыгане были отправлены в концлагеря. Автор утверждает, что точной статистики по поводу погибших и уничтоженных в лагерях цыган нет и речь идет, по крайней мере, о нескольких сотнях человек (всего в Эстонии насчитывалось немногим более 700 цыган).

Отдельный раздел книги посвящен действиям полиции безопасности по отношению к преступникам-рецидивистам и «асоциальным элементам». Крайне репрессивные меры (заключение в концлагеря) применялись в Германии к рецидивистам, тунеядцам и асоциальным элементам (например, проституткам) с 1938 г. Ситуация с преследованиями этих людей в Эстонии не отличалась по своим подходам от германской. По отношению к ним германская и эстонская криминальная полиции были абсолютно единодушны. По отчёту командования полиции безопасности на июль 1942 около 35% людей, которые были отнесены к этим группам, были расстреляны. В 1944 было решено отправить всех неработающих алкоголиков в «исправительные лагеря».

Особую группу преследуемых полицией безопасности составляло русское население и военнопленные. Русское меньшинство в Эстонии находилось под подозрением в априорной принадлежности к коммунистам. В свою очередь, коммунистический режим обвинялся в том, что он стремится усилить позиции русского населения. Говоря о русском населении Эстонии, автор приводит различные свидетельства существования исторических предпосылок для антирусских настроений в Прибалтике. Русское население было в основном сконцентрировано на юго-востоке Эстонии, на границе с СССР. Отряды самообороны, вместе с германской полевой полицией и жандармерией еще осенью 1941 предприняли серьезные шаги «для очистки» этого района от «рассеянных по нему русских» и передали «ненадежные элементы» в руки полиции безопасности. В дальнейшем именно русское население подвергалось особенно сильным репрессиям при нарушениях закона о трудовой повинности. В течение 1942–1943 гг. почти все русские в Эстонии были интернированы и отправлены в «исправительные лагеря». Особенно пристально отслеживались возможные контакты между русским населением Эстонии и остальной территорией СССР. Всячески отслеживались и часто запрещались переходы бывшей границы между СССР и Эстонией, «чтобы воспрепятствовать перенесению бациллы большевизма». Несколько иначе к проблеме русского населения германские власти стали относиться в то время, когда создавалась армия Власова (РОА). Появились опасения, что антирусские настроения в Прибалтике могут помешать привлечению в РОА максимального количества людей. Военнопленные освобождались из лагерей для использования в сельском хозяйстве, что привело к резкому увеличению доли славянского населения в Эстонии. Эти люди подвергались строжайшим ограничениям (была ограничена свобода передвижения, населению запре-

щалось снабжать этих людей продовольствием и т. д.). Их заработная плата составляла 8 рейхсмарок в месяц, при этом они полностью зависели от своих хозяев. Отряды самообороны постоянно прибегали по отношению к этим людям к репрессиям и расстрелам. По отношению к бывшим военнопленным, сельхозработникам, среди эстонского населения существовало огромное предубеждение и страх. По отношению к военнопленным особенно отчетливо выявляется различие в подходах с эстонской и немецкой стороны. Эстонцы всегда настаивали на более жестких репрессивных мерах, вплоть до расстрела, в то время как немцы были значительно мягче, пишет Бирн.

Подлинную опасность для оккупационного режима представляли советские парашютисты и агенты, задачей которых являлось создание партизанских отрядов и обеспечение их связи с московским штабом партизанского движения. В вопросе борьбы с ними отряды самообороны, полиция безопасности и тайная полевая полиция действовали сообща. Практически все пойманные парашютисты сразу же расстреливались.

Последняя глава книги посвящена правовым вопросам наказания за совершенные преступления и исторической разработке темы коллаборационизма. Основные военные преступники, в том числе глава полиции безопасности М. Зандбергер были осуждены Нюрнбергским трибуналом и приговорены к смерти. Однако в случае Зандбергера западные союзники посчитали, что недостаточна доказательная база его личного участия в преступлениях и приговор не был приведен в исполнение, Зандбергер был отпущен и работал юристом в частной фирме. В СССР процессы над военными преступниками начались еще в 1943, в 1945–1946 параллельно шли три крупных процесса в Риге, Минске и Киеве. Преступления, совершенные в Прибалтике, разбирались на рижском процессе, главными обвиняемыми на нем были Ф. Йкскельн (глава СС и полиции в «Остланде») и гебитскомиссар Печур А. Бёкинг. Большинство прибалтийцев, активно сотрудничавших с нацистским режимом, и в первую очередь с полицией безопасности, ушли с германской армией и поселились на Западе. В 1960-е гг. советское правительство добилось выдачи некоторых из них. В Тарту и Таллине над ними прошли два судебных процесса.

Что касается вопроса о наказании военных преступников, то автор, с нашей точки зрения, рассуждает иногда довольно странно. Признавая, что речь идет об участниках массовых расстрелов и военных преступниках, она, будучи вполне удовлетворена результатами процессов против них на Западе, постоянно подчеркивает, что процессы в СССР носили показательный характер. «Этот краткий обзор показывает, что успех или неуспех наказания нацистских преступников нельзя объяснить какой-то одной причиной». Автор выступает за сугубо объективный подход к этим вопросам, утверждая, однако, что без сомнения, все сотрудники полиции безопасности участвовали в преступлениях, по крайней мере, как соучастники. Рассмотрение этих проблем историками

очень сильно зависело и зависит по сей день от материалов, подготовленных к судебным процессам, стратегии адвокатов и т. д. Автор подчеркивает, что деятельность полиции безопасности и ее деятелей сильно мифологизирована. В качестве примера приводится некий приказ Гитлера 1941 г. об уничтожении всех евреев, которым руководствовалась полиция безопасности и СС при вступлении на территорию СССР. Автор утверждает, что такого приказа в это время не существовало, и что переход к геноциду был поэтапным.

Автор утверждает, что закрытость советских архивов мешала не только исследованию этой проблемы, но и препятствовала немецким судебным чиновникам должным образом готовить процессы над нацистскими преступниками и собирать достаточную доказательную базу. Это утверждение кажется нам, по меньшей мере, глубоко неверным и бездоказательным, так как предоставление советскими архивами материалов по таким запросам осуществлялось в послевоенные годы в полной мере, что было закреплено в соответствующих международных договоренностях.

В заключении автор пишет, что вопрос сотрудничества с германскими оккупантами является животрепещущим во многих европейских странах. Бирн утверждает, что СССР занимает в ряду этих стран особое место по нескольким причинам. Во-первых, не существовало свободного доступа в архивы. Во-вторых, была невозможна историографическая дискуссия по этим вопросам. В-третьих, вопрос сотрудничества с нацистскими организациями во время оккупации использовался для того, «чтобы подавлять национальное стремление к сопротивлению». На Западе интерес к этим вопросам и их знание не был особенно высок, часть вины за это лежит на нацистской пропаганде, которая долгое время говорила о славянах как «недочеловеках».

В последние годы, с открытием архивов в странах бывшего СССР ситуация кардинально изменилась, вышел целый ряд исследований по этой теме[1]. Согласно этим исследованиям, полиция безопасности использовалась оккупационными властями прежде всего как «расстрельный инструмент». Немецкие части были уверены, что при оккупации СССР в их распоряжении окажутся достаточные людские резервы, готовые к добровольному сотрудничеству. Особенно это касалось Прибалтики, где антисоветские настроения были особенно сильны. В самой Эстонии термин «коллаборационизм» был заменен на нейтральное «сотрудничество» и не нес нагрузки «предательства родины». Осуждение прибалтийцев по 58-й статье советского Уголовного кодекса как предателей

[1] Agte P. Europas Freiwillige der Waffen-SS. Osnabrück, 2000; Birn R. B. Collaboration with Nazi Germany in Eastern Europe: The Case of the Estonian Security Police // Contemporary European History, 10, 2, 2001; Gurin-Loov E. Verfolgung der Juden in Estland (1941–1944). Rettungsversuche und Hilfe// Solidarität und Hilfe für Juden wahrend der NS-Zeit/Hrsg. von Benz W., Wetzel J. 2 Bd. Berlin, 1996; Maripuu M. Kollaboration und Widerstend in Estland 1940–1944 // Collaboration and resistance during the Holocaust. Belarus, Latvia, Lithuania/Hrsg. von Gaunt D., Levine D. A., Palosuo L. Frankfurt, 2004 и др.

родины было, с точки зрения автора монографии, неверным, так как они изначально не были лояльны к Советскому союзу и не считали его своей родиной.

Большинство сотрудников полиции безопасности служило в правоохранительных органах до 1940 г., поэтому делает автор вывод, что это были не какие-то продажные личности или наемники, а чиновники, которые верно служили своему государству, во время государственных праздников принимали участие в парадах, были отмечены орденами и знаками отличия. Бирн утверждает, что эстонцы не были антисемитами, что впрочем, по ее же словам, не мешало им расстреливать евреев. Бацилла антисемитизма пришла в Эстонию из Германии и не смогла за короткое время глубоко проникнуть в эстонские умы. При этом эстонцы, по ее мнению, были в большей степени настроены антирусски, чем сами немцы. Автор объясняет это не столько советской политикой в Прибалтике, сколько накопившейся взаимной ненавистью за долгий период сосуществования с русским населением Эстонии. В вопросах преследования коммунистов и асоциальных элементов эстонская и немецкая части полиции безопасности действовали в полном единодушии. Центральную часть деятельности полиции безопасности составляло именно преследование коммунистов или людей, замеченных в симпатиях к ним. В этом вопросе немцы и эстонцы достигли максимального взаимопонимания.

Удивительным для автора книги является то, что такие организации, как СС и полиция безопасности, оказались настолько приспособленными к тому, чтобы инкорпорировать в себя людей неенемецкой национальности. Использование людей других национальностей было немцам чрезвычайно выгодно: уменьшались потери немецких солдат, на низших должностях служили только эстонцы, немцы же взяли на себя надзорные и контрольные функции. Расстрелы были почти полностью переданы в руки эстонцев. Эта политика была центральной составляющей властной функции СС и полиции. Эта практика не ограничивалась только Эстонией, например, в белградском командовании полиции безопасности также существовало тесное сотрудничество между полицией безопасности и сербской полицией в вопросах преследования коммунистов. Но нигде это сотрудничество не зашло так далеко, как в Эстонии. Гиммлер, например, так сказал об эстонцах: «Эстонцы относятся к тем немногим народам, с которыми мы, не вредя себе, можем, исключив только незначительную часть, полностью слиться» (С. 262).

В последние годы появился интерес к дальнейшей судьбе эстонцев, служивших в полиции безопасности[2]. В тех странах, куда они эмигрировали, они называли и считали себя прежде всего жертвами советского режима. Что касается участия эстонцев в карательных акциях, то сами они, естественно, говорят, что такое участие было минимальным. По словам Бирн, архивные дела,

---

[2] Aarons M. Sanctuary. Nazi Fugitives in Australia. Melbourne, 1989; Freudiger K. Die juristische Aufarbeitung von NS-Verbrechen. Tübingen, 2002 и др.

в том числе и в СССР, использовались крайне мало и в основном в изучении Холокоста. Поскольку исследования этих вопросов велись в США, Канаде, Австралии и Великобритании, то и резонанс этих исследований был огромен. Во всех этих странах были созданы следственные комиссии по расследованию нацистских злодеяний. Большую роль в преследовании нацистов сыграл Центр С. Визенталя, который в своей работе часто основывался на советских материалах. Было доказано, например, участие У. Викса в убийстве более чем 12 тыс. человек только в концлагере Дорпат (в то время как существовали утверждения, что от рук полиции безопасности во всей Эстонии погибло менее 8 тыс. человек). Канадские следователи пришли к выводу, что А. Лаак только в Елгаве умертвил более 3 тыс. человек, а в 37 лагерях, находившихся на территории Эстонии, было замучено более 125 тыс. человек. Однако в то время как в современной, независимой Эстонии начались процессы над «сталинскими преступниками», Центр С. Визенталя обвинил Эстонию в том, что в стране ни один нацистский преступник не предстал перед судом. В заключении автор выражает надежду, что эта тема, как и в целом история Эстонии еще найдет своего независимого исследователя.

В определенной степени пробелы, существующие в изучении проблемы реального участия прибалтийских коллаборационистов в нацистских преступлениях на территории Прибалтики, восполняет вышедшая в 2006 г. в московском издательстве «Европа» серия книг о преступлениях гитлеровцев в Латвии, Литве и Эстонии[3]. В них представлены документы из четырех крупнейших российских архивов: Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива РФ (ГА РФ), Центрального хранилища историко-документальных коллекций (ЦХИДК) и Центрального архива ФСБ России (ЦА ФСБ). Опубликованные документы вполне убедительно опровергают тезис современной прибалтийской историографии о том, что участие коллаборационистов в расправах с лицами, сотрудничавшими с советской властью, с местным еврейским и русским населением было якобы вынужденным шагом и осуществлялось под давлением германских оккупационных властей. Опубликованные документы доказывают, что преследования евреев, русских и коммунистов «отрядами самообороны» уже летом 1941 осуществлялись ими по собственной инициативе. Это подтверждается, в частности, распоряжением шефа СД Р. Гейдриха, которое содержится в телеграмме от 29 июня 1941 г.: «Не следует чинить препятствий самостоятельным стремлениям антикоммунистических и антиеврейских кругов к чист-

[3] Латвия под игом нацизма: сборник архивных документов. М., 2006. 344 с.; Трагедия Литвы: 1941–1944 годы. Сборник архивных документов о преступлениях литовских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М., 2006. 400 с.; Эстония: кровавый след нацизма. 1941–1944. Сборник архивных документов о преступлениях эстонских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М., 2006. 268 с.

кам во вновь занятых областях. Напротив, их [чистки] надо интенсифицировать и там, где это требуется, направить в нужное русло, но не оставляя никаких следов, чтобы эти местные круги самообороны не могли позже сослаться на какое-либо распоряжение или данное им политическое обещание»[4].

Документы опровергают и другой распространенный в Прибалтике тезис о том, что тесное сотрудничество с германскими оккупационными властями латвийских национальных кругов преследовало единственную цель – добиться восстановления независимого латвийского государства. То, что германские планы относительно Прибалтики не предусматривали восстановления государственного суверенитета латышей, литовцев и эстонцев, было хорошо известно прибалтийским политическим лидерам того времени. И сами они ни на что большее, чем на культурную автономию и ограниченное самоуправление в рамках рейхспротектората Остланд, не претендовали. Вряд ли можно считать и сотворённые латвийскими полицейскими подразделениями и «самообороной» особые зверства (массовые расстрелы еврейских детей, издевательства над советскими военнопленными и т. д.) способом борьбы за независимость Латвии. Столь же, мягко говоря, уязвима и логика «реабилитирующих» рассуждений о том, что истребление евреев в Эстонии, Литве или Латвии было мотивировано тем, что в советском НКВД, пришедшем с советской властью в страны Прибалтики, было много евреев. Следуя этой порочной логике, надо удивляться, почему народы России не стали истреблять латышей только за то, что ими были укомплектованы органы ЧК и карательные части в годы Гражданской войны.

Книга Р. Б. Бирн, как и названные сборники, основанная практически полностью на бывших советских архивах, прекрасно подтверждает историческую достоверность документов, иллюстрирующих деятельность коллаборационистов. Ведь речь идет не об одном-двух, а о целом массиве документов, во многом схожих по происхождению и содержанию с теми, что уже публиковались[5]. И какими бы оговорками и «мотивировками» не сопровождалось исследование коллаборационизма, преступность его общих с нацизмом системы и практики не подлежат сомнению.

А. Г. Матвеева

---

[4] Латвия под игом нацизма. С. 15.

[5] См. например: Krausnick H., Wilhelm H.-H. Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD 1938–1942. Stuttgart, 1981. Здесь, в частности, содержатся неопровержимые свидетельства об участии латвийских подразделений в массовых расстрелах и еврейских погромах, об издевательствах латвийских охранников над заключенными Рижской Центральной тюрьмы и Саласпилского лагеря и т. д.

Herbert J. Ellison. Boris Yeltsin and Russia's Democratic Transformation / Jackson School Publications in International Studies. Seattle: University of Washington Press, 2006

В своей книге о вкладе Б. Ельцина в преобразование российской политической жизни Герберт Дж. Эллисон прибегает к историческому повествованию, которое начинается с устранения Ельцина из горбачевского Политбюро в 1987 г. и заканчивается его отставкой с президентской должности в 1999 г. Опираясь на вторичные источники, автор непринужденно ведет подробный рассказ о политике Ельцина во внутренней, экономической и международной областях, особое внимание уделяя роли руководителя. В своем анализе он проводит четкую грань между Ельциным как прогрессивным реформатором и его реакционными оппонентами (в основном из числа парламентариев).

Книга Эллисона представляет собой аккуратное и детальное описание ельцинской эпохи, очень полезное тем, кто изучает современную российскую историю и политику. Автор заслуживает всяческих похвал за многочисленные эмпирические примеры, весьма помогающие прояснить контекст дискуссий, которыми так богат этот сложный период. Кроме того, книга весьма пригодится как справочник историкам, нуждающимся в кратком, сфокусированном обзоре конкретных сфер политики в ельцинскую эпоху. В этом отношении особенно удачны главы о внешней и экономической политике. К тому же книга написана доступным языком, свободным от профессионального жаргона, и ее можно рекомендовать широкому кругу читателей, интересующихся историей России.

Эллисон ставит перед собой цель «дать всеобъемлющий обзор и оценку роли Ельцина в российской демократической революции» (С. 6). Чрезвычайно содержательно его описание ельцинского президентства в постсоветской России (глава 2), что, возможно, связано с большей доступностью вторичных источников. Так, Эллисон приводит подробный и детальный анализ процесса принятия новой конституции. Однако, рассказ о Ельцине как лидере перестрочных сил в главе 1 не столь полон. Больше внимания стоило бы уделить роли Ельцина в привлечении на сторону реформаторов многих членов партии, несмотря на противодействие партийного руководства; также можно было бы подробнее осветить участие Ельцина в «Демо-

кратической России». Более того, в последующих главах об экономической и внешней политике (3-й и 4-й) личный вклад Ельцина не всегда бывает вполне ясен. И все же, учитывая обширность рассматриваемого периода и освещаемых вопросов, некоторая неровность в степени подробности изложения и в выделении ключевых моментов, вероятно, неизбежна.

Более существенно то, что Эллисон объявляет Ельцина убежденным реформатором, работа которого на каждом этапе систематически блокировалась реакционными (парламентскими) силами. Такой подход вызывает большие сомнения. Отношения Ельцина с его политическими оппонентами отличались сложностью, и, по-видимому, изображение Коммунистической партии как непримиримой оппозиции упускает из вида весь тот спектр идей, которые руководство партии пыталось учитывать после распада Советского Союза. Собственно, сам Эллисон приводит много примеров сотрудничества и компромиссов между Ельциным и парламентом, которые противоречат собственной аргументации автора. Например, заявив, что парламент в 1998 г. отклонил предложение Международного валютного фонда (МВФ) о содействии в борьбе с надвигающимся экономическим кризисом (С. 123), Эллисон далее сообщает, что законодатели в реальности поддержали правительственную программу экономии, на которой настаивал МВФ (С. 132). Автор также отмечает, что парламент одобрил финансовые реформы, существенно уменьшившие бюджетный дефицит (С. 158). Наконец, можно добавить, что именно «красная Дума» (С. 224) приняла ключевые законы о соглашениях о разделе продукции, давшие иностранным компаниям право на разработку месторождений ценных полезных ископаемых в России. А уступки, необходимые для прохождения через парламент таких реформаторских законов, не всегда бывали односторонними. Противники Ельцина шли на компромисс и в критические моменты, о чем нигде не сказано внятно. Наконец, многие читатели не согласятся с благосклонным отношением Эллисона к роли Ельцина во время событий октября 1993 г. и в ходе предшествовавшего кризиса, который привел к этой трагедии.

Тем не менее, указанные недочеты не должны отвлекать нас от исследовательских достоинств книги. Работа Эллисона представляет собой информативный анализ данного периода и на многие годы станет хорошим подспорьем для студентов и историков.

Пол Чейсти

Авторизованный перевод с английского Н. Эдельмана

~

Robert F. Baumann, George W. Gawrych, Walter E. Kretchik. Armed Peacekeepers in Bosnia. Fort Leavenworth, 2004.

За полтора десятилетия, прошедшие с окончания холодной войны, одной из ключевых форм силового присутствия великих держав за пределами своих национальных территорий стали миротворческие операции. Под этим термином понимаются действия великих держав и международных организаций по прекращению локальных конфликтов в различных регионах мира с привлечением к этому вооруженных сил. Основными формами миротворческих операций являются операции по поддержанию мира, операции по принуждению к миру и операции по постконфликтному урегулированию.

До 2003 г. ареной наиболее масштабных миротворческих операций стала территория бывшей Югославии. Первые миротворцы были развернуты в Боснии и Герцеговфяине (БиГ) и Хорватии в рамках СООНО[1]. В конце 1995 г. им на смену пришли СВС[2], затем трансформировавшиеся в СФОР[3] и ЕУФОР[4]. С июня 1999 г. параллельно с боснийской операцией силы НАТО развернули в оккупированном ими крае Косово миротворческую операцию КФОР[5].

Для понимания значимости этих операций для США и их союзников по НАТО достаточно отметить, что масштаб привлеченных сил (60 тыс. в 1996 году в БиГ и около 50 тыс. в Косово) был превзойден только в ходе американо-иракской войны 2003 года. Уже поэтому любые исследования балканского миротворчества Запада актуальны для адекватной оценки действий США и их европейских партнеров в разного рода локальных и региональных кризисах и конфликтах.

---

[1] СООНО – Силы ООН по охране, миротворческий контингент ООН в бывшей Югославии в 1992–1995 гг.

[2] СВС – Силы по воплощению соглашений (IFOR), миротворческий контингент НАТО в БиГ в1995–1996 гг.

[3] СФОР – Силы стабилизации, миротворческий контингент НАТО в БиГ в 1997–2005 гг.

[4] ЕУФОР – Европейские силы, миротворческий контингент в БиГ с 2005 г.

[5] КФОР – Косовские силы, миротворческий контингент НАТО в Косово и Метохии с 1999 г.

В этой связи монография американских военных историков Р. Бауманна, Дж. Гоурича и У. Кречика «Вооруженные миротворцы в Боснии» интересна не только как анализ крупнейшей американской миротворческой операции 1990-х – реализации Дейтонских соглашений по миру в Боснии и Герцеговине. Изданная Институтом военных исследований армии США (Форт Ливенворт), работа призвана обобщить опыт боснийских операций для американского военного читателя и тем самым повлиять на действия американских офицеров в миротворческих операциях и локальных конфликтах будущего: «В Боснии... ВС США, подготовленные и снабженные для ведения высокотехнологичной обычной войны, должны были приспособиться для выполнения задач, считавшихся многими офицерами... несвойственными армии. Способность к этим приспособлениям и к выполнению таких задач до сих пор обеспечивала успех США/НАТО в Боснии. Сейчас, когда США ведут Глобальную войну с террором (GWOT, Global War on Terror)... общими уроками [Боснии]... не следует пренебрегать» (p. ii).

Р. Бауманн представляет Командный и Генерального штаба колледж армии США (Command and General Staff College), Дж. Гоурич – Университет Бэйлор (Baylor University), а У. Кречик – Университет Западного Иллинойса (Western Illinois University). Тем не менее, авторский коллектив может быть назван военным, так как и штатские его участники большую часть своей жизни прослужили в ВС США или работали там в качестве гражданских сотрудников (p. 243). Работа Баумана, Гоурича и Кречика основана на беседах с 200 военными и гражданскими участниками постконфликтного урегулирования в Боснии (p. 231) и охватывает в основном период 1995–2000 годов. Сами авторы полагают главным своим источником офицеров среднего звена: «майорам и подполковникам... чаще всего... удается видеть всю картину», сочетая информацию с мест и общее видение операций, чего лишены как генералы, получающие в основном уже препарированную информацию, так и солдаты, кругозор которых ограничен их гарнизоном (p. iii). Помимо американцев, авторы опрашивали и других западных участников боснийского урегулирования, что придало работе дополнительную ценность.

Работа включает в себя беглый обзор боснийской истории (Дж. Гоурич), обзоры действий СООНО в БиГ (Р. Бауманн), военного планирования НАТО, предшествовавшего размещению войск (У. Кречик). Отдельные главы посвящены первому году работы СВС (Р. Бауманн), изменению мандата в ходе миссии (Дж. Гоурич), разбору случаев силового противостояния с боснийскими сербами и хорватами в Брчко (1997) и Дрваре (1998) (Дж. Гоурич), военно-гражданскому сотрудничеству в ходе реализации соглашений (Р. Бауманн).

«Вооруженные миротворцы в Боснии» ценны и для балканистов, так как работа проливает свет на период послевоенного развития Боснии и Герцеговины в рамках режима международного протектората над этой балканской страной. В данном ключе интересны описанные авторами приоритеты миро-

творцев, их участие в общем процессе социальной инженерии по созданию «многонациональной и многоконфессиональной БиГ».

Авторы постоянно проявляют восхищение тем, как последствия этнического противостояния в Боснии преодолевались режимом И. Броз Тито: «Несмотря на свои ошибки, Тито даст захватывающий пример возможности определенного примирения трех сторон, враждовавших в боснийской войне. Плюралистическому обществу нужен честный арбитр, способный пресекать сепаратизм и поощрять интеграцию. Конечно, для изменения отношений и поведения нужны поколения, но Тито смог добиться многого меньше, чем за два поколения». Такая позиция приводит их к выводу, что теперь НАТО сменило Тито на посту честного арбитра и что «последовательная и беспристрастная стратегия имеет известные шансы на успех, несмотря на этнические чистки боснийской войны» (p. 20.). Печальный итог трудов вождя югославских коммунистов на ниве насаждения принудительного «братства и единства» между народами страны наводит определенные сомнения и на его последователей из НАТО, которые они пытаются бодро отогнать от себя, говоря об этнической близости боснийских народов, секуляризации и вестернизации боснийских мусульман, традициях сосуществования общин и большом проценте межрелигиозных браков, заключенных в период 1945–1989 гг. как основании для «надежды и осмысленности миссии» американских миротворцев (p. 32).

С военной прямотой авторы видят в прекращении внешней поддержки одну из основных причин краха федеративной Югославии, неспособной выдержать эффект сложения экономического, социального и политического кризиса за счет собственных ресурсов (p. 21).

Описание боснийской войны дано в достаточно объективном ключе, причем авторы достаточно критически характеризуют антисербский настрой администрации Клинтона (pp. 27-28). Говоря о воздушных ударах НАТО по боснийским сербам в августе-сентябре 1995 г., помимо стандартной западной версии непосредственного предлога к ним (обстрел сербами Сараево 28 августа), они упоминают «мнение, что это была подложенная бомба» (p. 29).

Оценка действий миротворцев ООН в монографии достаточно традиционна – «главное значение СООНО было в том, что они ясно показали, как именно нельзя осуществлять военное вмешательство в условиях гражданской войны и гуманитарного кризиса». СООНО оказались слабее, чем можно было предположить из их численности (38 тыс. к 1994 году), так как «самыми крупными частями были батальоны, каждый из которых подчинялся отдельной национальной командной структуре». «Более того, СООНО не имели полномочий, а зачастую и необходимой огневой мощи для активного применения силы» (p. 37).

Весьма интересен раздел, посвященный военному планированию НАТО в период югославского конфликта. Конечным итогом этого планирования

и стала операция СВС. У. Кретчик показывает комплексность механизма, задействованного НАТО для ответа на боснийский вызов. Планирование западного вмешательства объективно осложнялось и многочисленностью институциональных участников этого планирования. Операцию готовили как национальные (США, Англия, Франция), так и многонациональные штабы, региональные командования НАТО, специально созданные командные структуры (ARRC[6]), «планирование развернулось на нескольких континентах, во многих штабах и в нескольких командных иерархиях» (p. 61). В процесс были включены сотни офицеров и генералов разных стран, что также не облегчало выработку решений.

Несмотря на первенствующую роль США в НАТО авторы показывают, что сами американские военные зачастую стремились действовать самостоятельно. Так, выбор передовой базы развертывания в венгерском Тазаре (на 1995 г. страна не входила в альянс) был, в том числе, продиктован «возможностью избежать вмешательства НАТО» (p. 73). Проблемы, вызванные необходимостью увязки действий нескольких вовлеченных штабов и командных инстанций, показываются У. Кречиком на материале непосредственной подготовки ввода американского контингента в ноябре-декабре 1995 г. Следует признать, что, несмотря на обычный хаос, вызванный передислокацией значительной массы войск, тем более – «при семи нянька», американские офицеры в целом справились со своей задачей и обеспечили ввод Оперативной группы «Орел» (на базе 1-й бронетанковой дивизии США). Даже внезапный разлив разделяющей Хорватию и Боснию р. Савы, затопивший передовой американский лагерь в Жупанс (Хорватия), отсрочил ввод войск лишь на два дня (pp. 75-80).

Дополнительной трудностью называется и текучесть кадров: «служебная ротация была постоянным раздражителем. Офицеры уносили с собой свои знания и опыт, а их сменщики приходили с ограниченным или никаким пониманием того, что делалось ранее» (p. 62).

На протяжении всего конфликта штабисты НАТО рассматривали в качестве основного противника именно сербов (pp. 63-64) операции «Sharp Guard» (морская блокада СРЮ, с 15 июня 1993), «Deny Flight» (недопущение применения авиации в Боснии, с 8 апреля 1993), «Dead Eye» (подавление системы ПВО боснийских сербов, май 1995), «Deliberate Force» (подавление военной инфраструктуры боснийских сербов, разработан в начале августа 1995) (pp. 63-66). Совершенно однозначно трактуется и история с участием американской частной военной компании MPRI[7] в обучении армии Хорва-

[6] ARRC (Allied Command Europe Rapid Reaction Corps) – Корпус быстрого реагирования союзного командования в Европе – создан 2 октября 1992 г. для действий в том числе и на Балканах.

[7] MPRI (Military Professionals Resources Inc.) – американская частная военная компания, созданная рядом высших американских генералов-отставников.

тии и в планировании ее действий в летне-осенней кампании 1995 г. – «подрядчик администрации США» обеспечил «успех наступления» (p. 73).

Детальное описание подготовки альянса к вмешательству в Боснии приводит к неожиданному выводу – 1991–1994 годы в значительной степени являлись «окном возможности» для сербской стороны, так как в этот период НАТО не была готова к реальному включению в боевые действия на Балканах. По окончании холодной войны, региональная военная организация, предназначавшаяся для ведения полномасштабных боевых действий в Европе, должна была адаптироваться к новым вызовам, в том числе и к военному вмешательству за пределами своей зоны ответственности (p. 63).

Одним из главных отличий постконфликтного урегулирования в Боснии стало практически полное отсутствие вооруженного противодействия миротворцам со стороны самих участников конфликта. Это обстоятельство особенно бросается в глаза на фоне таких последующих «операций по замирению», как оккупация Афганистана и Ирака, вылившихся в многолетние партизанские войны. Почему же этого не произошло в случае Боснии, народы которой также имели солидный опыт борьбы с внешними захватчиками?

С точки зрения американских военных, эта боснийская загадка имела вполне рациональное объяснение, на котором и была построена стратегия миротворцев СВС: главной особенностью постконфликтного урегулирования в Боснии была крайняя усталость населения и элит от трехлетней гражданской войны и отсутствие внешней поддержки у сторонников сопротивления. Прежде всего это относилось к боснийским сербам, воспринимавшихся командованием США/НАТО в качестве основного противника. Именно это предотвратило разворачивание эвентуальной партизанской войны против сил IFOR/СФОР и предопределило крайне низкий уровень сопротивления процессу реализации и ревизии Дейтонских соглашений.

Это обстоятельство не прошло мимо внимания американских генералов и изначально легло в основу планирования операции (напр., p. 95). С военной точки зрения, к моменту Дейтона наступило истощение сторон – мусульмане и хорваты, одержав значительные победы, не могли развивать успех без внешней поддержки, а сербы – не имели ресурсов для возвращения потерянных земель (p. 32). На этом фоне появление нового игрока в лице СВС, составленных из лучших наземных войск НАТО и поддержанных авиацией альянса, а также облеченных правом силового подавления любого противодействия Дейтонским соглашениям, коренным образом изменило обстановку в Боснии.

Пятью основными задачами, поставленными международным сообществом в Боснии, были: установление и поддержание мира, обеспечение возвращения беженцев и перемещенных лиц в свои дома, проведение выборов, установление совместных правительственных учреждений, помощь в восстановлении экономической инфраструктуры. Военные имели ключе-

вую роль в исполнении первой, были неотъемлемым элементом второй и третьей, и ограничили себя вспомогательной ролью в двух последних (p. 216). Р. Бауманн показывает, что выполнение военных аспектов соглашений (установление зоны разведения сторон, сокращение войск и складирование вооружения) не вызвало серьезных осложнений. Интересно, что Пентагон упорно не желал брать на себя ответственность за реализацию пункта о складировании вооружений сторон (p. 97).

С самого начала миссии основным противником было определено политическое и военное руководство Республики Сербской, безотносительно к исполнению им Дейтонских соглашений. Лидеры боснийских сербов на протяжении всей книги рассматриваются в качестве «радикалов» и «экстремистов» (см. напр. p. 142., p. 151). СВС стали важным инструментом Высокого представителя[8], активно вмешавшегося в политический кризис 1997–1998 гг. в Республике Сербской (РС). Запад тогда поддержал главу РС Б. Плавшич, порвавшую со своими прежними партнерами из лагеря Р. Караджича. Так, в июле 1997 командующий СВС генерал Э. Шинсеки получил приказ «агрессивно проводить реформу полиции РС и установить контроль над частями Специальной полиции МВД РС» (p. 151). Выполняя приказ, миротворцы захватывали полицейские участки в РС, в первую очередь в ее западной части, и передавали их под контроль сторонникам Б. Плавшич. Развитием этой политики стали операции по захвату инфраструктуры электронных СМИ боснийских сербов дабы «предотвратить использование эфира экстремистами» (p. 152).

Одним из последствий этой политики стали выступления сербов в г. Брчко 29 августа 1997 года. Авторы дают подробный разбор действий армии США по их подавлению, подчеркивая стремление американского командования любой ценой избегать стрельбы при разгоне массовых выступлений. Отмечается, что причиной этого был не столько гуманизм военных, сколько опасение «создать мучеников» для сербов (p. 157). Этот раздел, наряду с описанием действий канадского контингента по подавлению волнений хорватов в г. Дрвар в апреле 1998 года интересует авторов как пример успешного выполнения боевыми частями необычной для них задачи полицейского характера. Основным успехом они полагают то, что войскам удалось удержаться на грани применения боевого оружия по местному населению.

Одним из результатов Вьетнама для американской армии авторы называют отвращение к «неконвенциональным миссиям», в частности – к миро-

[8] Высокий Представитель в БиГ – руководитель гражданской части реализации Дейтонских соглашений. Институт, созданный в рамках воплощения Дейтонских соглашений, и с 1997 получивший права верховной власти в стране. Фактический губернатор БиГ, назначаемый советом по выполнению мирных соглашений, имеющий право увольнения любых должностных лиц БиГ и ее составных частей, а также правом принятия окончательных решений в случае несогласия боснийских сторон.

творческим операциям (p. 132). В Боснии это вело к стремлению военных ограничить миссию строго военной частью и любой ценой избежать вовлечения в процесс государственного строительства. Важным примером этого стало откровенное нежелание генералов участвовать в преследовании лиц, обвиненных Гаагским трибуналом по бывшей Югославии

Интересен анализ различий в подходах военного и гражданского компонента – если политики и дипломаты рассматривали военных как инструмент социально-политической инженерии, то военные крайне неохотно относились к «расползанию задачи» (mission creep) и всеми силами старались уклониться от несвойственных им заданий, например, задержания лиц, обвиненных Гаагским трибуналом по бывшей Югославии. Ключевым аргументом военных была ссылка на возможность осложнений при аресте обвиняемых. Поэтому любое сопротивление местных жителей служило для военных поводом для уклонения от навязанного задания. Напротив, слабость или отсутствие сопротивления трактовалось как довод в пользу допустимости политики давления и возможности дальнейшей эскалации требований. Именно так эволюционировало отношение к задержанию лиц, обвиняемых в военных преступлениях – когда первые аресты (лето 1997 года) обошлись без серьезных последствий для СВС, то эта практика начала постоянно расширяться.

Одним из курьезов боснийской операции с самого ее начала считалась крайне угрожающая манера поведения американских военных. Прозванные местными жителями «инопланетянами» они даже на своих базах находились в полном защитном облачении, не выпускали из рук оружия, перемещались в конвоях из не менее чем четырех джипов (p. 129). Такие действия американских военных породили массу самых разных объяснений, не всегда лестных для храбрости или умственных способностей их или их командиров. Авторы объясняют выбор данной модели опасениями американского командования, что возможные потери могут подорвать внутриполитическую поддержку боснийской операции в самих США. «Стратегия готовности», с одной стороны, обеспечивала достаточно высокую и постоянную безопасность основного контингента войск США, а с другой – служила инструментом дополнительного устрашения и давления на боснийские стороны, чем также снижала риск нападения на американских солдат (pp. 130-131).

При этом они отмечают нелепости в реализации стратегии готовности: американские спецназовцы, дислоцированные в боснийских городах вне баз СВС, и подвергавшиеся большему риску нежели воинские части на базах, не соблюдали жестких ограничений, но по прибытии на базы (то есть в наиболее безопасные места), должны были облачаться в полную экипировку. Жесткая охранительная политика (солдатам было запрещено не только посещение местных кафе, но и любое употребление алкоголя) заставляло американское командование даже строить заборы между зонами отдыха своих

солдат и бойцов других континентов, дабы не травмировать их видом всегда распивающих пиво союзников (p. 134).

Тем не менее, действия американского командования имели под собой рациональную основу. Во-первых, Пентагон стремился продемонстрировать подавляющее превосходство и в зародыше подавить даже мысль о возможном сопротивлении. Во-вторых, стремление избежать потерь диктовалось необходимостью сохранения поддержки боснийской миссии американским общественным мнением. Следует признать, что в целом американцам удалось удержать стороны конфликта, в первую очередь сербов, от нападений на свои войска и тем самым предотвратить боевые потери. Демонстративная агрессивность войск США также позволила контингенту НАТО использовать прием «доброго и злого следователя», где внешней оппозицией американцам выступали другие национальные контингенты – в первую очередь британцы, практиковавшие демонстративную близость к местному населению. Следует отметить, что если такие соображения и были обоснованы в первые месяцы действий СВС, то уже к середине 1997 они стали явным анахронизмом. Показательно, что попытки отдельных генералов смягчить уровень «защиты войск» наталкивались на сопротивление подчиненных, относившихся к этому как к «традиции» (p. 137).

Сами авторы, тем не менее, предпочитают скорее «европейско-канадский» стиль миротворчества, предусматривающий большую степень общения с местным населением. Они считают его важным преимуществом дополнительные возможности по сбору разведывательной информации (p. 140). Авторы приводят мнение американских офицеров, что предотвращение потерь превратилось в задачу, «конкурировавшую с основной целью миссии». В итоге командиры все более руководствовались краткосрочными подходами и избегали риска (p. 131). По их мнению, это сочеталось и с политическими императивами администрации Клинтона, «искавшей быстрого ухода, а значит – минимальных обязательств и не более чем краткосрочных перспектив».

Отдельный интерес представляет анализ политического и информационного аспекта действий СВС, для которых Босния стала полигоном, на котором отрабатывались психологические операции (ПсО).

Первые попытки IFOR повлиять на общественные представления боснийцев прошли мимо цели «из-за нехватки глубокого понимания балканской культуры». Например, «попытки использовать цитаты из ... И. Броз Тито для создания духа единства и толерантности» – «это не была грубая пропаганда, обман не был целью» «Проблема была в том, что воспоминания о Тито встречали положительный отклик среди тех, кто и так относился к Дейтону позитивно» (p. 174). В первых ПсО упоминались и такие «родственные» Балканам персонажи, как «Джефферсон, Джон Локк, Платон и даже... Кант» (p. 175). Интересно, что вину за исход населения из сербских кварталов Сарае-

во, переданных по соглашениям под контроль мусульман, авторы возлагают на сербских националистов и приводят этот случай в качестве примера серьезного PR-провала СВС (p. 175). К числу успешных ПсО отнесены оповещение населения о минной опасности (комиксы) – то есть информация, не носившая политической окраски и издание глянцевых журналов «Мостови» и «Мрчко», продвигавших тезисы толерантности и ненасилия в молодежную аудиторию (p. 176).

Ключевой сферой ПсО было признано телевидение. В этой сфере американские пропагандисты столкнулись с примечательной проблемой, когда 6 батальон ПсО (Форт Брэгг) не только плохо знал местную специфику, но прибыл с оборудованием, устарелым даже по тогдашним боснийским меркам (p. 177). Более того, пропагандистские передачи не выдерживали конкуренции со стандартными западными развлекательными программами. Для повышения качества вещания военным пришлось нанимать телепрофессионалов.

Авторы показали, что, несмотря на весь ореол «мягкой власти» и «политтехнологий», решающий эффект даже в локальной информационной войне приносит грубая сила. Первым шагом в этой сфере стало задействование специальных авиационных ТВ и радиопередатчиков на базе самолетов EC-130 Commando Solo для глушения электронных СМИ боснийских сербов и для трансляции собственной пропаганды (p. 178).

Несмотря на богатый арсенал техники и приемов ПсО, задействованный СВС для противодействия информационной системе боснийских сербов, наиболее действенной мерой стал физический захват инфраструктуры электронных СМИ войсками НАТО осенью 1997 года (p. 179). Авторы признают, что это «никак не сочеталось с классическими принципами западной демократии». Несмотря на все заявления о необходимости и обоснованности таких мер высшими интересами жителей Боснии и безопасности международного персонала, они отмечают – «трудно было развеять представления о нарушении свободы в Боснии» (p. 184).

Устранив конкурента, военные пропагандисты смогли сконцентрироваться на таких задачах, как освещение арестов лиц, обвиненных Международным Трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ), и обоснование этих действий. В качестве трудности отмечается необходимость совместить обеспечение секретности операций со скорейшим освещением события, чтобы предотвратить обвинения в «произволе и излишнем насилии при аресте» «со стороны радикалов» (p. 180). Любопытно, что одной из проблем для американских специалистов ПсО стала «политика защиты войск», существенно ограничивавшая свободу и скорость реакции на события (p. 183).

Однако ключевой аудиторией для ПсО СВС было международное общественное мнение и западные СМИ. Главной проблемой здесь стала уверенность журналистов и их аудитории в том, что СВС обязаны задерживать лиц, обвиняемых МТБЮ, противоречившая явному нежеланию военных зани-

маться полицейскими функциями (p. 183). Важным испытанием для армейских пропагандистов стала агрессия НАТО в Косово весной 1999 года, когда их задачей стало убеждение населения в том, что кризис в Косово не имеет никакого отношения к Боснии. Целью этой кампании было предотвращение возможных сербских нападений на СВС. Интересно, что сами американские военные пропагандисты были крайне довольны работой с местной прессой – в отличие от въедчивых западных репортеров (практически все корреспонденты западных СМИ тогда переключились на Косово), их боснийские коллеги «записывали наши слова и не задавали лишних вопросов» (p. 191).

Отдельное место отведено в книге военно-гражданскому взаимодействию – как по линии СВС – Управление Высокого представителя, так и с иностранными и местными НПО. По мнению авторов, в целом сотрудничество СВС с гражданскими организациями «оставляло желать лучшего» (p. 193). К числу трудностей отнесено определение круга задач офицеров связи при гражданских организациях и организация взаимодействия гражданской организации с несколькими военными структурами. Авторы приводят мнение офицеров, находившихся в Боснии в 1997 и в 1999 годах, о крайне слабой организации военно-гражданского взаимодействия (p. 194). По данным СВС, в БиГ работало не менее 300 НПО, далеко не все из которых были подготовлены к сотрудничеству с военными. Попыткой преодолеть это стало образование «Международного совета волонтерских организаций», однако и в 2001 году этот координационный орган действовал без особого успеха. Путаница в этой сфере усугублялось различиями практик национальных контингентов СВС. Военные полагали, что НПО и международные организации считали их оккупационными силами, без какой-либо позитивной роли в стране (p. 195).

Указывая, что персонал гражданских организаций «обладал исключительными знанием социальной и политической динамики боснийского общества», авторы сожалеют, что «старшие командиры редко стремились использовать эти знания» (p. 195). Активизация военно-гражданского взаимодействия произошла в 1997 с приходом М. Олбрайт на пост госсекретаря США, генерала У. Кларка – на должность Главнокомандующего НАТО в Европе и генерала Э. Шинсеки – на место командующего СВС. В результате была создана Объединенная Гражданско-Военная Группа под руководством генерала У. Альтшулера, что помогло СВС постепенно адаптироваться к изменению своей миссии (p. 199). Новизну внесли определенные жесты в адрес сербской общины – если ранее им было крайне трудно получать какую-либо иностранную помощь, то с 1997 года было принято решение, что это лишь порождает ненужное недовольство СВС со стороны сербов (p. 201).

Фактически американские военные рассматривают миротворческие операции как одну из форм военной оккупации неприятельской территории. Такой подход заранее лишает смысла любые попытки местных властей

«наладить сотрудничество с миротворцами», так как последние понимают под сотрудничеством лишь исполнение своих приказаний. При этом выраженное стремление американского командования обеспечить безопасность своего персонала делает его восприимчивым лишь к непосредственной угрозе жизни и/или здоровью военнослужащих. Иными словами, наиболее действенной формой взаимодействия с американским контингентом становится силовое давление – неслучайно авторы подчеркивают пристальное внимание к реакции местного населения на те или иные действия миротворцев, вплоть до фиксации «оскорбительных жестов» (p. 133).

Весьма рельефно прописана беспристрастность американских военных, подчиненных своим политикам. Зачастую солдатам не нравились задачи, возлагаемые на них политическим руководством. Но при всех недовольствах эти задачи неукоснительно выполнялись. Книга ясно показывает, что с моментом допуска иностранных войск на территорию страны, в том числе и в форме миротворческого контингента, неизбежно происходит переход власти в руки этих войск и руководящих ими зарубежных правительств. Опыт Боснии показал, что местным властям не стоило рассчитывать на беспристрастность миротворцев.

Одна особенность Боснии в значительной степени делает боснийский опыт труднопременимым для будущего. В этой пост-югославской республике миротворцы действовали в идеальных условиях, фактически в отсутствии серьезного сопротивления. Ни одна крупная мировая сила не пыталась поддержать местные группировки в противостоянии миротворцам. Более того, региональные державы (Сербия и Хорватия) также не пытались оказать противодействия силам НАТО в Боснии.

Уникальное стечение обстоятельств в Боснии вряд ли повторится в горячих точках начала XXI века. Как показывает опыт Афганистана и Ирака, сейчас нет недостатка в государственных и негосударственных акторах, способных организовать и поддерживать эффективное военно-диверсионное противодействие лучшим армиям современного мира.

Г. Энгельгардт

~

Артур Цуциев. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006

«Атлас этнополитической истории Кавказа» Артура Цуциева,[1] получивший широкую известность в экспертных и политических кругах на всем постсоветском пространстве, стал настоящим научным бестселлером. Вышустившее Атлас московское издательство «Европа» сообщило автору настоящей рецензии, что в течение 2006 года книга выдержала три издания (то есть – два дополнительных) и её общий тираж на начало 2007 года достиг редких для специального труда 4000 экземпляров. В чем видятся причины этого очевидного успеха издания?

Во-первых, это – при значительном количестве страновых и историко-картографических изданий такого рода, – абсолютная беспрецедентность исследования: нигде прежде ещё не появлялось под одной обложкой пятидесяти хронологически выстроенных, хорошо полиграфически исполненных и тщательно откомментированных исторических карт (вернее – схем, ибо они не претендуют на полную геодезическую выверенность), в едином потоке описывающих интегральную историю Кавказа вплоть до самых последних событий.

Во-вторых, это – завидная информационная популярность и широта предмета исследования, равно включающего в себя всё разнообразие государств и культур Кавказа.

В-третьих, это, как бы то ни было, – взгляд российского исследователя, то есть взгляд, как предполагается, максимально свободный от привходящих политических и национально-мифологических обстоятельств и потому – более свободный от (заслуженных или незаслуженных) подозрений в ангажированности, нежели любой подобный труд, который подготовил бы представитель (пусть даже номинальный) одного из закавказских народов. Это грустное обстоятельство, не красящее интернациональную науку, но это – современная реальность.

Четвёртой причиной успеха Атласа следует признать претензию автора

---

[1] Рецензия на книгу была также опубликована в предыдущем выпуске настоящего издания (З. У. Махмудова: Артур Цуциев. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006 // Русский Сборник: Исследования по истории России. Том IV. М., 2007). Редакция издания решила вернуться к обсуждению книги с иной точки зрения.

книги соединить и представить в единстве, динамике и деталях этническую, конфессиональную, языковую и одновременно административно-политическую историю региона. Шаг за шагом, эпоха за эпохой прослеживаются А. Цуциевым перемены во внешних и внутренних границах региона в его имперский период, затем – в период СССР, наконец – сегодня, после распада СССР.

Одной из важнейших новаций Атласа следует признать откровенное исследование автором территорий самоопределившихся (самопровозглашённых, непризнанных) государств бывш. СССР: Нагорно-Карабахской республики (НКР), Республики Абхазия, Республики Южная Осетия. В каждом случае представлены реальные зоны контроля властей этих государств над их титульной территорией. И если, например, фактическая территория НКР (включая «зону безопасности» вне бывшей советской территории Нагорного Карабаха) в общедоступных картах представлена давно (в первую очередь, в Армении и самой НКР), если сводные карты-схемы Северной и Южной Осетии уже известны специалистам, то общедоступная публикация (тем более – в России) карты сегодняшней Абхазии представляется вполне эвристической. В этом случае принципиально важно, что на территории Абхазии определённо указывается часть республики, не контролируемая её действующими властями и оставшаяся в руках Грузии (Кодорское ущелье, в современной грузинской политической терминологии – Верхняя Абхазия), на территории Южной Осетии – не контролируемые её властями грузиноселенные анклавы и Ленингорский район. Высшие руководители Абхазии и Южной Осетии подтвердили автору настоящей рецензии адекватность изображённых в Атласе фактических зон контроля.

Сам автор Атласа так формулирует базовые идеи своего труда: «В работе мы стремимся показать историческую подвижность этнических границ и относительность «исконных» территорий. Представляется верным тезис, что национально-административная атрибуция большей части территорий Кавказского региона была осуществлена именно в имперский период. Внутрироссийская/советская административно-территориальная структура воздействовала и на определение идентификационных границ самих этнических групп на Кавказе» (С. 8). Взаимное влияние внешних и внутренних, административных и этнических факторов в истории кавказских конфликтов также постулируется автором в качестве одного из выводов своего исследования.

Говоря подробнее, следует особенно отметить, что уже в создании первой, вводной карты («Карта 1: Кавказ – историко-географические области и современные границы») А. Цуциев сталкивается с серьёзной задачей совместить научную добросовестность со своеобразной «клятвой Гиппократа» конфликтолога, обречённого на филигранное следование наиболее консенсуальным описаниям реальности. Указывая большие и меньшие исторические области (Кубань, Абхазия, Черкесия, Кабарда, Чечня, Ичкерия, Имеретия), автор внимательно следит за тем, чтобы международно признанные грани-

цы, например, Грузии не подменяли собой исторических, а «накладывались» на них: например на единую по обе стороны международно признанной, но юридической, а не фактической, грузинской границы Осетию. Хотя в том, что внутри современной Грузии автор по-прежнему указывает существование Южной Осетии в советских границах, видится не столько научный императив, сколько следование крайнему компромиссу между упразднением при первом президенте современной Грузии З. К. Гамсахурдия Юго-Осетинской автономной области и фактическим существованием Южной Осетии, но уже в меньших, чем в СССР, границах. Точно также в Атласе исторические Армения, Аджария, Джавахетия, Лезгистан разрезаются современными границами, хотя очевидно, что, например, армянского этнического содержания находящаяся по ту сторону Араратской долины, в Турции, историческая Армения уже не имеет.

Диахрония Атласа начинается с описания и изображения территорий Кавказа – так, как они сложились к 1774–1777 гг., когда расширяющаяся Российская империя достигла Северного Кавказа и Кубани, за которыми их ждала мозаика государств, принадлежащих или зависимых от Оттоманской империи и Персии (которую и для этого времени Цуциев почему-то предпочитает называть Ираном) (Карта 2). Изображение мозаики и иерархии государств Кавказа Цуциев сопровождает наглядным очерком – «Этнолингвистической картой Большого Кавказа» по состоянию на 1774–1783 гг. (Карта 3). Здесь ему приходится просто-таки хирургически наглядно отсекать ровно половину исследуемого им региона, оставляя вне освещения всё, что находится южнее условной линии Тифлис-Баку,– отсекать так называемый Малый Кавказ – по-видимому, потому, что уровень освоения локализованных в этом субрегионе источников не позволяет ему с такой же детальностью проследить этническую мозаику так, как делается в применении к Большому Кавказу, где указаны не только территории сплошного этнического расселения, но и места смешанного и компактного расселения, а также территории со «сменившимся населением». Методологически рассуждая, особую трудность для автора представляет здесь и незавершившаяся к тому времени даже межплеменная консолидация абсолютного большинства народов региона, не говоря уже об условности даже жёстких надплеменных этнических границ, не говоря уже о том, что проекты «нациестроительства» в тогдашних условиях родо-конфессиональных идентичностей – были делом неблизкого будущего и никому даже не приходили в голову.

Особый вкус этому разнообразию придает очерк административно-территориального продвижения России на Кавказ (Карта 4): происходившего вокруг осетинско-грузинской оси, фронтально, затем флангами в Закавказье и оставлявшего в тылу, позади этих флангов «белые пятна» неосвоенных Россией Черкессии, Чечни и Дагестана. Особо внимательно автор исследует этапы освоения региона Россией, Кавказской войны, административно-территориальной эволюции Кавказа в составе империи (Карты 5, 6, 7, 8, 9, 15). Нагляд-

ны и представленные автором итоги русской и «инородческой» (немецкой, армянской, греческой, эстонской, чешской, молдавской) колонизации Кавказа (Карты 10, 11), дополнительные к изображению этнолингвистической и конфессиональной картин Кавказа по состоянию на 1886–1890 гг. (Карты 12, 13). Понятной данью автора выглядит его акцентированное внимание к административной и этнической истории Владикавказского округа Терской области (Карта 14).

Цуциев здесь и далее вполне убедительно иллюстрирует тот очевидный любому исследователю факт, что формирование будущих национальных территорий закавказских государств осуществлялось только в составе Российской империи и её руками. Более того: имперская административно-территориальная политика видится Цуциеву своеобразным «лоном» для будущих национальных государств. Строительство национальных государств Закавказья и надэтнических федераций Северного Кавказа после распада Российской империи, открывающее новый блок карт Атласа, остаётся в современной российской историографии темой, даже зрительное изображение которой в качестве единой региональной политической сцены, предпринятое Цуциевым, ново и эвристично.

Карты 16, 17, 18, 19, 20 показывают, как в условиях распада централизованного государства внутреннее дробление российского Северного Кавказа даже в государственнических усилиях различных политических сил приводило лишь к более или менее эфемерным субститутам государственности (Кубанская Рада, Добровольческая армия, Вооружённые Силы Юга России, Горская республика, РСФСР 1918–1919 гг., Кубано-Черноморская, Северо-Кавказская, Терская, Ставропольская советские республики, др.)[2].

Напротив, Грузия, Армения и Азербайджан – даже в условиях английской, германской и турецкой интервенций и оккупаций, – унаследовав территориальные завоевания России в регионе, проявили дюжие этатистские и территориальные аппетиты. Расправляясь с российским имперским наследством и отступая перед турецким, Грузия, например, даже оккупировала территорию Черноморского побережья далеко за пределами своих условных «этнографических границ», включая Сочи и Туапсе, вступила в территориальные споры со своими закавказскими соседями. Впрочем, джавахетско-закатальско-карабахский треугольник поистине стал местом пересечения двух- и трёхсторонних территориальных споров, что служило явственным отражением этнической чересполосицы региона и, самое главное, отражением состоявшегося государст-

[2] Их территориальные границы, к сожалению, не привлекли внимания А. Цуциева, хотя и они – в рамках Кавказа, – и в целом поэтапное территориальное размежевание, и затем – новая, советская интеграция почти всей бывшей Российской империи давно ждет столь же компетентного и детального исследования, каким является Атлас.

всного национализма и этапом на пути формирования новых наций. А. Цуциев посвящает таким проектам специальные Карты 41–49 – «Историко-идеологические идеологемы», то есть консенсуальные национальные образы нормативных историко-географических пространств, признаваемые в Грузии, Армении, Азербайджане. Существенной новацией стало соположение Цуциевым этих образов не только между ними самими (ясно, что они кратно перекрывают друг друга и сопредельные территории), но и с такими же образами Абхазии, Осетии, а также вайнахов, черкесов и других этнокультурных единств.

Таким образом, описываемый А. Цуциевым региональный контекст Кавказа, хоть и не «открывает глаза» на сложность его картины, но позволяет с новой силой представить себе паттерны национально-государственного строительства в регионе, сквозь краткий период гражданской войны перешедшего из-под сени Российской империи во всё более жёсткие рамки и иерархию национальных республик в рамках СССР. Из логики политико-географической эволюции Кавказа последних 250 лет с малыми вариациями следует чередование повторяющихся усилий: то надрегиональных «империализмов», для каждого из которых Кавказ – самоценный объект обязательного контроля, то конфликтных и малосовместимых друг с другом внутрирегиональных проектов, для которых их место на Кавказе – лишь отправная точка в актуальной внешней стратегии освоения то мифического «Большого Ближнего Востока», то пространства бывш. СССР[3]. Последний исторический проект упомянутого надрегионального контроля – советский – Цуциевым описан в серии карт административно-территориального и этнического управления Кавказом (Карты 21-30).

Новейшие события в ходе и после распада СССР (Карты 31-32) возвращают нас к ситуации конца XVIII века – bellum omnia contra omnes, – сконцентрированной вокруг главных региональных конфликтов: в Нагорном Карабахе (Карта 33), Абхазии (Карта 35), Южной и Северной Осетии (Карта 34), Чечне и Дагестане (Карта 36), с детальным указанием на преобладающий этнический состав зон конфликта и, в ряде случаев, на степень их интеграции в российский культурно-языковой контекст.

Свой труд Цуциев завершает картой Кавказа, в которой признанные и непризнанные национальные государства Закавказья – борющаяся за независимость Абхазия, стремящиеся к соединению со своими этническими «половинами» Южная Осетия и НКР – парадоксально и, на мой взгляд, неоправданно – не только географически, но и политически (равным указанием на внутренние границы между субъектами Российской Федерации) сопоставляются с сопредельными российскими регионами Северного Кавказа (Карта 50). Более того: границы между российскими субъектами

[3] Современная конструкция внерегиональных проектов изображена в схемах пересекающих Кавказ транспортных и трубопроводных коммуникаций (Карты 39, 40).

федерации изображаются как более «существенные», чем даже границы между, например, Нагорным Карабахом и Азербайджаном.

В этом «распылении» Кавказа на якобы равноценные субъекты Закавказья и Северного Кавказа просматривается демонстративная иллюстрация к прогнозу автора о том, что «перспективное поглощение евроатлантическими структурами, в частности, Евросоюзом, южнокавказского «подбрюшья» России может создать новые идентификационные напряжения для её северокавказского пояса» (С. 123). Представляется, что такой взгляд автора, политически и публицистически подкреплённый его размышлениями[4] (скорее конфликтолога, нежели историка – о необходимости сохранения центральными властями России в отношении Кавказа надэтничности общероссийской культуры и практики), по меньшей мере, недостаточен. Если уж принимать во внимание особую субъектность ряда российских регионов в контексте Кавказа, то вряд ли стоит ставить знак равенства между любыми административными границами (в том числе и русскими регионами) внутри России – и, например, границами Армении и Азербайджана. Это просто исторически и фактически неверно. И если уж задаваться вопросом о новых внешних «имперских» игроках на Кавказе, то следует искать их ходы вовсе не во вторичной деятельности Евросоюза на Кавказе, а во внятных, последовательных и резких действиях в регионе США и НАТО, особенно в Грузии и Азербайджане. Если и помещать фрагментированный и взрывоопасный Кавказ в контекст России (почему не в контекст Турции или Ирана?), то странно игнорировать, как минимум, политико-географический контекст не только постсоветского, но и давнего постосманского наследия: Балкан, Турции, Ирана, Ирака (особенно в части Курдистана)[5]. Именно этот, отнюдь не стабильный, южный внешний фронт Закавказья – особенно в применении к Армении и Карабаху – способен сыграть решающую роль в судьбе региона.

Впрочем, можно долго рассуждать о том, как быстро и нелицеприятно расправляется политическая современность с публицистическими гипотезами и прогнозами. Главное в другом – более свободная от диктата актуальности логика научного исследования легко выдерживает давление современности. Научное, непубликистическое содержание Атласа А. Цуциева, успешно проходящее проверку временем, – тому яркое доказательство.

М. А. Колеров

---

[4] «На Северном Кавказе вновь очерчивается контур былой «внутренней границы» и соответствующего «внутреннего зарубежья» ...» (С. 123).

[5] Об этом см.: М. А. Колеров. Непризнанные государства бывш. СССР в контексте Балкан и Черноморского региона: Тезисы к постановке проблемы // Русский Сборник: Исследования по истории России. Том II. М., 2006.

Paul Chaisty. Legislative Politics and Economic Power in Russia. Oxford, 2006

Монография доктора политических наук, преподавателя колледжа Св. Антония Оксфордского университета Пола Чейсти «Законодательная политика и экономическая власть России» исследует влияние законодательной власти на российскую государственную политику. Мастерски используя необычайно широкий спектр источников – интервью, стенограммы парламентских обсуждений, статистические данные и др. – исследователь в своей работе более подробно останавливается на экономической составляющей политики, которая, в свою очередь, наиболее ярко позволяет проследить влияние законодательной власти на государственную политику. Рассматривая состав и организацию работы парламента в различные периоды новейшей российской истории, он задается вопросами, которые были и остаются актуальными по сей день: насколько эффективно российские политические институты способны решать возникающие экономические проблемы, насколько последовательным был процесс принятия решений в экономической сфере, может ли российское государство, в конце концов, вырабатывать политику, которая отвечала бы интересам общества? Хронологически монография охватывает период с 1990 до 2006 гг. и во многом развивает и углубляет тезисы, высказанные автором в предыдущих его публикациях[1].

Большинство западных ученых разделяет мнение о том, что после крушения коммунизма в России еще не возникла полноценная политическая система. В то же время российские политические партии стали более зрелыми. Особое внимание в работе уделяется векторам силы и системообразующим институтам, которые значительно повлияли на экономическую политику государства, начиная с 1990 г. Оценивая интересы политических партий, думского аппарата, региональных сил и корпоративных интересов посткоммунистических парламентов, автор рассматривает тот вклад, который они внесли в политическую стабильность и экономическое развитие страны в период президентств Бориса Ельцина и Владимира Путина.

---

[1] См. в том числе и его публикацию в одном из предыдущих выпусков настоящего издания: *Пол Чейсти.* Причины институциональной стабильности Второй Государственной Думы (1996-1999) // Русский Сборник: Исследования по истории России XIX–XX вв. Том 1. М., 2004. – *Ред.*

По мнению автора, начиная с 1990 года российский парламент – Верховный Совет (ВС, 1990-1993) и Федеральное Собрание (ФС, с 1993 по настоящее время) подвергался резкой критике за деятельность или, напротив, отсутствие таковой в сфере экономической политики. Законодательные органы изображались как всячески мешающие экономическим реформам правительства или, напротив, играющие второстепенную роль в выработке экономической политики. Российские СМИ считали ВС главным оппонентом экономической политики правительства в начале переходного периода, главным образом в период председательства в ВС Руслана Хасбулатова (1991-1993). ФС, особенно его нижняя палата – Государственная Дума, также подвергалось критике как орган, слабо влияющий на государственную политику.

При более внимательном рассмотрении темы становится ясным, что это мнение было слишком политизированным. В то время как, несомненно, ВС выступал против многих элементов государственной экономической реформы (главным образом, с середины 1992-го), ФС приняло значительное количество важных экономических законов. Еще во время председательства Хасбулатова ВС проголосовал за новую законодательную основу приватизации, налогообложения и иностранных инвестиций, эти законы поддерживались правительственными кругами. Эти достижения были не только в период «медового месяца» Ельцина с парламентом после августовского путча 1991. Даже несмотря на ухудшение отношений между президентом и парламентом в 1993, законодательная власть продолжала принимать законы, в том числе и те, что удовлетворяли правительство (например, о таможенных тарифах). Было бы чрезмерным упрощением сводить российскую политику тех лет к противостоянию реформистского правительства и враждебного ему парламента. В реальности – как законодательная власть, так и исполнительная, имели свое видение и приоритеты в экономической политике, но основные действующие силы и две ветви власти взаимодействовали в интересах и взглядах на экономическую политику.

Подобным образом и ФС сыграло значительную роль в развитии экономической политики страны. Как и в ВС, в период правления Ельцина в ФС законодатели выступали против приватизации земли и других законодательных инициатив. Тем не менее ФС заложило основу рыночных правил в ряде областей экономической политики: наряду с другими, ФС приняло налоговые законы, законы об акционерных обществах, ипотечных долгах и долевом распределении продукции, а во время правления Путина, наконец, был принят закон о приватизации земли. Автор показывает, что подчас в отношении некоторых законов парламентарии занимали намного более прогрессивную позицию, чем правительство, и возможность ФС менять содержание экономической политики делало этот орган отнюдь не второстепенным институтом власти даже при Путине. Напротив, возможность парламента влиять на выработку решений в экономической политике выросла

после 1993 года. Исследование показывает рост числа законодательных актов и одновременное уменьшение числа административных решений в области реальной экономической политики. Принятие более проработанных в деталях и регулируемых государственных бюджетов усилило возможность парламента контролировать государственные финансы. Более того, развитие бизнес-лоббирования в парламенте после 1993 года показывает, что законодатели обладали важными рычагами для принятия решений.

Все это свидетельствует о том, что принятое в 1990-х гг. изображение российского парламента как противника экономических реформ или второстепенного органа является не совсем верным. Подобный подход допускает единое понимание цели и определенный уровень влияния исполнительной власти, которого в то время не существовало. У ВС и ФС были разные подходы к направлению экономических реформ, а механизмы, необходимые, чтобы собрать в одно целое и направить в определенное русло деятельность законодателей, были относительно слабы. И только в период второго президентского срока Путина (2004-2008) исполнительная власть добилась, по мнению автора, реального влияния на парламент.

Таким образом, по мнению автора, картина парламентской жизни является более сложной. Она включает в себя игроков как внутри самого парламента, так и вне его, имеющих различные подходы к экономической политике: руководство парламента, лидеров партий, глав и рядовых членов комитетов, административный аппарат, президента, премьера, министров, региональные власти и представителей бизнеса. Все они обладают разной степенью влияния и соответственно ей воздействуют на процесс принятия парламентских решений.

В работе на столь ёмкую тему автору удалось найти форму подачи материала, которая позволила избежать повторов или «перепрыгивания» через этапы. Конечно, можно не соглашаться с авторской оценкой отдельных решений в сфере законодательной политики как непродуманных и непоследовательных, подчас некоторые его оценки могут показаться не вполне объективными. Но самое главное состоит в том, что исследователю, бесспорно, удалось показать основные линии той незримой для многих, но интенсивной взаимосвязи, которая существует между законодательной властью и экономической политикой России.

С. Е. Заславский

Byron Moraski. Elections by Design: Parties and Patronage in Russia's Regions. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2006

Литература о посткоммунистических политических институтах, как и вообще институциональный анализ в сравнительной политике, отличается повышенным вниманием к институциональной архитектуре и тем следствиям, которые из нее вытекают. Однако вопрос о том, почему вообще выбираются те или иные институты, привлекает меньше внимания. Собственно, на это обстоятельство нередко указывают как на одну из слабостей «нового институционализма» в политологии. Байрон Мораски в книге «Сконструированные выборы» (Elections by Design) подвергает рассмотрению запутанный вопрос институционального выбора. В ходе конкретных исследований региональных электоральных систем в России автор проводит теоретически обоснованный и эмпирически проницательный анализ, который будет представлять интерес с точки зрения как российской политической системы, так и сравнительной политики вообще.

Колоссальное разнообразие электоральных систем в российских регионах даст возможность проанализировать большое число примеров. Принимая историю, культуру и зарубежное влияние за константы, Мораски проверяет несколько факторов, которые предположительно определяли уровень пропорциональности на региональных парламентских выборах в России. В фокусе его анализа оказываются роль и влияние партийного строительства, конкуренция между элитами и усилия федеральной власти в формировании архитектуры электоральных систем. Кроме того, Мораски проверяет гипотезу о том, что на уровень пропорциональности влияет этническая разнородность. Более того, хотя большая часть книги посвящена вопросу институционального выбора, автор исследует также влияние институциональных расстановок на региональную политику и отход России от авторитарного режима. Этот анализ поднимает интересные вопросы об экзогенном воздействии политических институтов на политическое развитие.

В Elections by Design применяются и количественные, и качественные методы исследования. В главе 3 Мораски проводит статистический анализ четырех факторов, считающихся ключевыми при формировании архитектуры электоральной системы: «1) политической позиции институциональных

архитекторов; 2) их политической ориентации; 3) их представлений о том, как политики иной ориентации будут действовать в рамках иных избирательных систем; 4) взаимоотношений между институциональными архитекторами и российским президентом» (С. 47). Эти факторы всевозможными хитроумными способами задействуются как независимые переменные, и их относительное значение проверяется в мультивариантной статистической модели. В главе 4 этот анализ по большой выборке дополняется более детальными исследованиями парламентских электоральных систем в четырех российских регионах: Новосибирской и Саратовской областях и республиках Бурятия и Удмуртия. Такое сочетание двух методов снижает ошибки, возникающие при раздельном применении анализа по большой и по малой выборке. Как указывает Мораски, «поскольку сильные и слабые стороны количественных и качественных исследований представляют собой взаимное зеркальное отражение, сочетание этих методов компенсирует их относительные недостатки» (С. 95).

Выводы, к которым приходит автор, представляют интерес и для исследователей российской политики, и для специалистов по сравнительной политике. Пример России,– считает Мораски,– порождает серьезные сомнения по поводу экзогенных эффектов институциональной архитектуры. Что интересно, автор почти не находит свидетельств в поддержку тех нормативных предписаний, которые исходят из уст сторонников пропорционального представительства. В смысле как этнического представительства, так и партийного строительства, Мораски утверждает, что «последствия работы парламентских электоральных систем... эндогенно детерминированы» (С. 119).

Например, открытие Мораски, что уровни пропорциональности в этнофедеральных регионах зависят от того, какие политические институты определяют электоральную архитектуру, поднимает важные вопросы о способности федерализма достигнуть этнического компромисса и представительства в переходных обществах. Эти выводы будут интересны для исследователей других переходных государств, а для строителей демократических институтов при поставторитарных режимах они имеют и политическое значение.

Наконец, то внимание, которое Мораски уделяет субнациональным институтам, подводит нас к многомерному характеру институционального выбора во время переходных периодов. Это важная черта любых поставторитарных переходов, но ей не уделяется должного внимания в сравнительной транзитологической литературе. Указание Мораски на то, что расхождение национальных и субнациональных институциональных процессов может привести к авторитарной, или, как минимум, к централизующей реакции со стороны национальных лидеров, даст представление о том, насколько взаимосвязанным может быть институциональный выбор. В контексте

современной российской политики -понимание того, почему эти процессы в 1990-е гг. пошли разными путями на национальном и субнациональном уровнях, имеет ключевое значение. Книга Мораски, освещающая некоторые из этих вопросов, отличается аналитической прозрачностью и эмпирической здравостью суждений.

Пол Чейсти
Авторизованный перевод с английского Н. Эдельмана

~

Ф. Ангели. Гагаузская автономия. Люди и факты (1989-2005 гг.). Кишинев, 2006

История современной Молдавии полна ярких событий, среди которых, к сожалению, далеко не последнее место занимают внутренние конфликты. В наши дни весь мир знает о проблеме Приднестровского урегулирования, но при этом очень ограниченный круг читателей владеет информацией о положении дел на территории еще одной проблемной зоны Республики Молдова – Гагаузия. Несмотря на наличие определенного массива публикаций, проблемы Гагаузской автономии до последнего момента не становились предметом для отдельной монографии. Рецензируемый труд представляет собой первую по-настоящему масштабную попытку подведения итогов происходившего в автономии с конца 1980-х годов.

Монография Федора Ангели «Гагаузская автономия. Люди и факты» посвящена современной политической истории Гагаузии и ее народа – православных тюрков, столетия живущих на территории, сегодня ставшей южной частью независимой Молдавии. Она носит отчасти мемуарный характер – автор был очевидцем и непосредственным участником тех событий, о которых он рассказывает на страницах своей книги. С середины 1980-х годов Федор Ангели являлся депутатом сначала Верховного Совета СССР, а затем парламента Республики Молдова. История создания и политического утверждения Гагаузской автономии вершилась на его глазах.

История современной Гагаузии – это история непрерывной борьбы. Потребность в создании Гагаузской автономии (Гагауз Ери) возникла в период, предшествующий распаду СССР, когда Молдавская Советская социалистическая республика объявила о своем намерении выйти из состава Советского Союза и приступить к строительству собственного национального государства унитарного типа. На тот момент в Кишиневе были чрезвычайно сильны позиции сторонников объединения Молдовы с Румынией: взгляд на Молдову как на часть румынской земли, в результате деятельности Сталина оказавшуюся под советским владычеством, был одним из центральных пунктов позиции руководителей кишиневского Народного Фронта. Националисты, постепенно захватывавшие власть в республике, видели Молдову исключительно унитарной и моноэтничной, считая ее государством одного народа – молдавского, который, в свою очередь, в их понимании являлся

частью румынского этноса. Стремление гагаузов к сохранению собственной национальной самобытности не вписывалось в их планы государственного строительства. Это породило тяжкий конфликт, последствия которого до сих пор не преодолены до конца.

Книга состоит из девяти глав, каждая из которых описывает отдельный период в истории становления и развития Гагаузской автономии. Автор начинает свое повествование с конца восьмидесятых годов двадцатого столетия, когда начался процесс пробуждения национального самосознания гагаузского народа, эволюционировавший в стремление иметь собственную культурную автономию (Гагаузскую Республику). Конфликт между молдавскими национал-унионистами и гагаузами, между Кишиневом и Комратом (столица Гагаузии), чудом не закончившийся кровопролитием, занимает в книге особое место. Автор в деталях и подчас весьма эмоционально описывает атмосферу, царившую в Молдове на рубеже 1980-х – 1990-х годов. Он уделяет особое внимание деятельности Народного фронта, приведшей к расколу Молдовы, породившей Приднестровский конфликт и едва не закончившийся масштабным вооруженным противостоянием в Гагаузии. Ф. Ангели подробно рассказывает о позициях сторон, в том числе и о действиях республиканского и союзного руководства, о возникновении национальных организаций гагаузов и их попытках отстоять право на создание автономии, против чего выступали и молдавские националисты, и депутаты Верховного Совета МССР, и советское правительство.

Подробно описаны и внутрипарламентские баталии, в ходе которых молдавские национал-унионисты отказывали гагаузам в праве называть народом, объявив их этнической группой. Несомненная заслуга автора состоит в том, что он даст читателю адекватное представление о самой основе создания Гагаузской автономии, коей являлась непрерывная борьба. Начавшись с депутатских прений, конфликт вышел на улицы. Ф. Ангели был очевидцем процесса кишиневско-комратского противостояния с момента его зарождения. Он участвовал в парламентских дебатах, был свидетелем уличных акций и столкновений. Таким образом, в будущем его монография может служить источником по истории Гагаузии наших дней.

В книге приведены оригинальные данные о различных проектах создания Гагаузской автономии. В частности, Ф. Ангели рассказывает об идеях К. Таушанжи и Л. Доброва о создании свободной экономической зоны «Гагауз Ери», а также о положении о «Гагаузском уезде «Гагауз Или», выдвинутом С. Бобзеем.

Значительное место в книге занимает и описание Приднестровского конфликта. Автор рассказывает о позиции, которую занимало большинство гагаузов, безоговорочно поддержавших Приднестровскую Молдавскую республику, так же сформировавшуюся в ходе суверенизации и «национализации» советской Молдавии. Из воспоминаний Ф. Ангели явственно следует,

что Гагаузия фактически являлась участником этого противостояния, находясь на стороне Приднестровья.

Переговоры по поводу закона о статусе Гагауз Ери и все связанные с ними события приводятся в мельчайших деталях. Автор рассказывает о позициях сторон, анализирует отличия первоначального проекта от конечного результата. Смягчение отношений между Кишиневом и Комратом, наступившее ближе к середине 1990-х, привело к созданию легальной автономии, описана процедура её становления, приведены стенограммы выступлений первых лиц Молдавии.

Раскол в автономии, «переворот сверху», информационная изоляция и свержение законно избранного башкана (главы автономии) Д. Кройтора, опять же, описаны с позиций гагаузского патриотизма. Анализ последствий негативной деятельности правящей Партии Коммунистов Республики Молдова (ПКРМ) и ее сторонников в автономии занимает последнюю часть книги. Хронологический предел, на котором заканчивается повествование Ф. Ангели – 2005 год и поражение ПКРМ на местных выборах.

В будущем эмоциональное повествование Ф. Ангели, непосредственного участника всех событий, приобретёт и дополнительный статус: не только исследования, но и источника по истории Гагаузии. Работа производит впечатление цельности, автор старается не углубляться в мемуаристику и не заострять внимание на собственной роли в различных политических процессах. Вместе с тем необходимо сказать, что книга имеет и ряд недостатков. Автор не удерживается от личных, подчас весьма радикальных, оценок некоторых фактов и событий. В повествовании уделено огромное внимание деятельности молдавских политиков, например, М. Снегура и П. Лучинского, но очень мало говорится о конкретной роли людей, которые создавали историю самой Гагаузии. Напомню, что книга называется «Гагаузская автономия. Люди и факты». О людях, к сожалению, сказано не так уж и много.

В целом же публикация данной монографии способна принести значительную пользу делу национального возрождения гагаузского народа. Благодаря Ф. Ангели, с проблемами современной Гагаузской автономии может ознакомиться самый широкий круг читателей.

Иван Кириогло

Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего/Отв. редактор С. А. Караганов. М., 2007

Интерес к проблематике будущего России в сложном мире XXI века не просто высок в политических кругах и в академическом сообществе. Сегодня значительному количеству рядовых граждан России далеко не безразлично то, в каких внешних условиях будет развиваться страна в ближайшие 10 лет. В этом смысле главное для любого коллектива авторов – как донести важные соображения и прогнозы одновременно и до заинтересованного читателя, и до искушенного специалиста, изложить главные проблемы достаточно понятным языком, но без скатывания в публицистику газетного уровня. Естественно, первый комплекс вопросов, возникающий в этой связи, – правдоподобность общих гипотез и соответствие предлагаемых прогнозов уровню проделанного анализа. В данной работе, вышедшей под эгидой Совета по внешней и оборонной политике, читатель найдет вполне разумное, достаточно равновесное сочетание этих необходимых компонентов

Что касается общей фундированности издания, то отсутствие справочного аппарата, на наш взгляд, не является недостатком. Во-первых, как заявлено во введении (С. А. Караганов), сам избранный жанр – «интеллектуальная провокация» и «тезисы для обсуждения» (С. 4). Во-вторых, изложение текста дает ясное понимание того, что все авторы опираются на широкий круг отечественных и зарубежных источников – прежде всего, экономического и военно-политического характера. В-третьих, тезисы выступают прологом к выпуску большого и более академичного по формату издания, которое, очевидно, представит читателям и источники, и методику анализа.

Проблемно-теоретическая часть представленной работы (далее, для удобства изложения, будем называть ее «Тезисы») заслуживает внимания как в целом позитивный результат. Авторы смогли найти «общий знаменатель» для своих прогностических расчетов. С точки зрения теории, то есть на уровне оценки макропроцессов, основные положения «Тезисов» укладываются в рамки системно-структурного подхода, который сочетается с постановкой актуальных для России проблем в региональном ключе. С другой стороны, ясно и то, что авторы избрали именно свое видение общей задачи – объяснения соотношения «возможного» и «невозможного», положительного и негативного в том, что эволюция миропорядка может принести

нашей стране в ближайшем будущем. В этой связи отсутствие обращения к каким-то авторитетам из числа теоретиков международных отношений или известных авторов прогнозов так же вполне оправдано именно в заданном жанре «тезисов для обсуждения». Общие выводы, сконцентрированные вокруг главных проблем, сформулированы так, что сочетают в себе известную научную обоснованность (это, правда, не означает бесспорность), и возможность трансформации во внешнеполитические рекомендации.

Однако оценка положительных результатов предложенных в работе анализа, концепций и прогнозов была бы неполной, если в стороне оставить общеполитический контекст и тональность изложения проблем, которые объективно находятся на стыке науки, международной публицистики и государственной политики.

В современной России сказать свое слово о том, что может ждать мир и нашу страну в первой четверти XXI века, довольно легко. Публикуемых прогнозов по этой части достаточно – прежде всего, в сфере политической. Все сколько-нибудь значимые партии и движения имеют если не внешнеполитическую программу, то хотя бы общую концепцию места и роли России в современном мире. В этой области существует довольно широкий разброс мнений – от «геополитической эсхатологии» (по выражению Э. Г. Соловьева) [1] до ультралиберальной убежденности в том, что в случае скорейшего сближения со странами Запада Россию ждет почти безоблачное будущее[2].

А вот объяснить, что сегодня может предложить именно наука в плане более или менее точного прогноза развития России и мира – значительно сложнее. Естественно, в академическом мире в этом смысле сделано немало. Из научной среды то и дело исходят масштабные оценки состояния дел в мире, а в ряде случаев и то, что можно назвать «геостратегическими сценариями» эволюции миропорядка. В этом смысле авторам «Тезисов» также приходится искать «свое лицо», находить свою нишу для представления читателю основных проблем в сжатом и в то же время достаточно оригинальном виде. Как представляется, эта часть задачи – оригинальность в теоретических постановках и формулировках основных выводов – решена довольно удачно.

Следует сказать, что споры о природе современной системы международных отношений и о том, какую позицию на общемировой «большой шах-

---

[1] См., например: Соловьев Э. Г. Национальные интересы и основные политические силы современной России. М., 2004. С. 156–172.

[2] Эта версия более всего напоминает видение будущего одним из героев Ильфа и Петрова, простодушным мелким жуликом. «Спутники Бендера смотрели на него с уважением. Их приводила в восторг открывшаяся перед ними легкая жизнь. – Хорошо жить на свете!- сказал Балаганов. – Вот мы едем, мы сыты. Может быть, нас ожидает счастье...».

матной доске» занимает Россия, идут довольно давно. Никакого прочного единства мнений ученых (историков, философов, экономистов, правоведов, военных специалистов, политологов) в этой сфере по понятным причинам нет. Однако, вопросы прогнозирования и общемировых трендов, и возможных изменений положения России на период в 10–15 и более лет с завидным постоянством выносятся на обсуждение. Например, в сборнике «Российские стратегические исследования» (2002) авторы пытались дать свое видение будущего страны после «геополитической революции» или «смены геополитических эпох» (11 сентября 2001). При всей спорности этой «геополитической» трактовки хронологии, в целом верно указывалось на «крах мифа о становлении многополюсности» как новой структурной основы системы международных отношений после распада СССР[3]. России, как считали авторы, придется искать modus vivendi в мире, в котором, конечно, не тенденция к «многополюсности», а стремление США закрепить «униполярность» является доминирующим трендом.

Сочетание науки и международно-политической публицистики во многих изданиях имеет результатом выдвижение прогностических концепций различной степени убедительности. При этом стоит отметить, что в последнее время именно коллективы академических ученых (в Российской Академии наук, в университетских центрах) довольно остро ставят проблему усложнения внешнеполитических задач России в мире начала XXI века. «Главный вызов политической глобализации для России в ходе формирования глобального миропорядка – угрозы глобализации самому институту государства». При этом ключевой вопрос для нашей страны состоит в том, «при каких условиях и в чем она может оказаться вынуждена не соглашаться с глобальным миропорядком и /или процессом его формирования либо прямо нарушать его...»[4]

Конечно, далеко не все ученые, в центре внимания которых стоят оценки содержания миропорядка начала XXI века, именно «российскую проблему» выдвигают на первый план. Какая-то часть представителей академического мира, описывая «новый мировой порядок», главный упор делает на объяснение причин складывания «однополярности» (глобальной гегемонии США) и рассматривает возможные пути эволюции этой версии миропорядка. Наиболее часто встречаются версии ожидания развития в сторону диверсификации и формирования не менее четырех (а, возможно, и шести) «центров силы» и «политического притяжения» к середине века. Например, именно

---

[3] Соколов Ю. В. Политическая структура мира: между терроризмом и биполярностью? // Российские стратегические исследования/Под ред. Л. Л. Фитуни. М., 2002. С. 94

[4] Россия и глобализация: международные аспекты/Отв. ред. М. Г. Носов. М., 2006. С. 8

это А. И. Уткин видит на горизонте мирополитических процессов и полагает, что Россию в краткосрочной перспективе ждет развитие по модели «московского царства». Это означает способность сберечь суверенитет государства и обеспечить основы его безопасности, но при этом «сохранить хорошие отношения с США, поддерживать и развивать сотрудничество с Китаем и Западной Европой, дабы избежать изоляционизма»[5]. В более отдаленной перспективе можно ожидать, полагает этот ученый, даже включения России в процесс складывания некой азиатской «зоны» развития (Восточная и Средняя Азия) как нового «центра силы» в мире. В этой «зоне» лидером будет Китай и Россия станет «благожелательно смотреть» на него.[6]

Вл. Ф. Ли в «Теории международного прогнозирования» выдвигает тезис о том, что при рассмотрении сценариев развития можно представить мир как «глобальную геополитическую пирамиду». В этой фигуре наша страна оказывается в ранге государств «ближней периферии», средней части такой пирамиды. На ее вершине находятся США, возглавляющие группировку «трансатлантических государств», к которым примыкает Япония.[7] По его мнению, не исключено формирование «нового биполя» («американо-китайского балансира глобальных...сил»), но все же более вероятным вектором развития представляется движение к полицентричной системе международных отношений[8].

Так или иначе, на фоне многообразия современных подходов к методике прогнозирования и выделению главного проблемного комплекса («полюсности», векторов макропроцессов, динамики «нестационарности» или чего-то еще) сегодня для любой здравой и научно обоснованной точки зрения найдется место. Именно поэтому позитивным общим результатом работы над предлагаемыми тезисами можно считать следующее.

1) В работе присутствует весьма разумное представление проблем и прогностических концепций с традиционной хронологией – в краткосрочной перспективе (3-4 года) и в среднесрочном видении (к 2017 году). Мир начала XXI века вряд ли дает возможность делать более длительные прогнозы. Первой жертвой выстраивания различных конфигураций «полюсов», «центров мощи/силы» почти всегда падает даже не точность прогноза, а его общее правдоподобие. Более выгодна в этом смысле взвешенная оценка реально существующих общемировых тенденций – например, к полицентризму и возрастанию конфликтного потенциала (глава «Военно-политическая обстановка», автор – С. В. Кортунов)[9].

---

[5] Уткин А. И. Новый мировой порядок. М., 2006. С. 536.

[6] Уткин А. И. Новый мировой порядок. С. 590

[7] Ли, Вл. Ф. Теория международного прогнозирования. М., 2002. С. 114

[8] Ли, Вл. Ф. Указ. соч. С. 116–117

[9] Мир вокруг России: 2017.-С. 25

2) Весьма разумным в «Тезисах» представляется отсутствие вульгарно-геополитической трактовки глобальных макропроцессов и особенностей регионального развития. Речь идет о том, что «геополитизм» в отечественных международно-политических штудиях с середины 1990-х годов выглядит если не преобладающей, то исключительно распространенной тенденцией. Не поддаются подсчету публикации на международные темы (в том числе, и с масштабными прогнозами мирового развития чуть ли не на полвека вперед), исполненные именно в таком ключе. В этом смысле приятно радует и специалиста, и более-менее просвещенного рядового читателя, отсутствие ламентаций по поводу распада СССР и утраты Россией возможностей контроля над «большими пространствами» в Евразии. Постсоветскому пространству отводится вполне трезвая оценка – «уходящая реальность» (автор главы – А. И. Суздальцев). Вместо явно устаревающего термина предлагается понятная (и де-факто уже существующая) парадигма восприятия этого «пространства» как сложного комплекса межгосударственных отношений, внутри которого проявляют себя силы, равнодействующая которых не может быть однозначно определена как пророссийский вектор[10].

Нет в «Тезисах» и призывов строить внешнюю политику в ключе поиска «национальной идеи» или на основе напряженного ожидания «пассионарного импульса», который якобы может разрешить все внутренние проблемы и построить новые отношения России с внешним миром. Правильно выстроена позиция относительно того, что «Россия пока не выработала привлекательную идеологическую и политико-экономическую модель, которая могла бы конкурировать с западной моделью и противостоять втягиванию европейской части постсоветского пространства в «политическое приграничье» ЕС».[11] В этой связи более чем уместно, добавим, ставить вопрос о том, что для современной российской внешнеполитической идеологии требуется создание позитивного образа страны и ее явных достижений последних лет. Не западный идеал – красочный и недостижимый для большинства государств-наследников СССР, а реальный пример того, что действительно можно сделать, – вполне способен стать российским вариантом проявления ее «мягкой силы», немаловажным инструментом внешней политики нашей страны.

В рассматриваемых «Тезисах» все тексты выдержаны в корректно-прагматичной тональности. Вместо эпохальных геополитических «императивов» рекомендации авторов выдвинуты как *основа программы возможного внешнеполитического действия*, и поэтому концептуальны только в том смысле, что предполагают рассмотрение круга внешнеполитических альтернатив.

Что касается некоторых позиций «Тезисов», которые заслуживают критики, то начать стоит с утверждения о том, что научно-публицистических

---

[10] Мир вокруг России. С. 122–135

[11] Мир вокруг России. С. 132

изданий без недостатков просто не бывает. Ученые, не согласные с методологией анализа или с выводами, найдут свои мишени для критических стрел. Политики и заинтересованные граждане, ожидающие от науки точного расчета развития событий и четкого ответа на вопрос «что делать?», также могут остаться не вполне довольными. Это имеет место почти всегда. Однако, критика критике рознь. Разумная критика должна исходить из того, каково соотношение поставленных целей с реально предложенными результатами их достижения. Если цель – «интеллектуальная провокация», приглашение читателя к рассуждению, то она, безусловно, достигнута. Более того, сам избранный авторами и С. А. Карагановым, руководителем проекта, замысел «приглашения к дискуссии» позволяет включиться в нее, избрав любую исходную позицию. Мы предпочитаем такую: подходить к теоретическим проблемам с точки зрения науки, а публицистическую часть изложенных позиций оценивать с помощью наиболее эффективного средства, которое называется «здравый смысл». Если так, то для теоретической части обзора можно предложить ряд сюжетов, разбор каждого из которых поднимает несколько действительно научных проблем.

Начать следует с теоретических проблем верхнего уровня, а именно с вопроса о содержании и основных характеристиках современных международных отношений как системы. Постановка многогранной проблемы системности в международных отношениях заслуживает особого внимания и это обусловлено отнюдь не праздным любопытством.

Дело в том, что сегодня дискуссии, которые идут в политико-академических сферах, сконцентрированы вокруг, по меньшей мере, двух мощных комплексов проблем. Первый – содержит в себе вопрос о том, является ли современное положение дел в международных отношениях чем-то принципиально новым по отношению к предшествовавшим состояниям системы. Если да, то можно ожидать выявления каких-то принципиально новых закономерностей ее функционирования. Если нет, то, вероятно, стоит опираться на известные в науке и международно-политической практике методы прогнозирования ее развития.

Авторы «Тезисов» в целом верно и традиционно в хорошем смысле этого слова используют термин «система», хотя и не в качестве основного. В прогнозы включены краткие рассуждения о структуре отношений элементов системы, о ее моделях и т. п. Как считает С. В. Кортунов, в современном мире «формируется не классическая многополярная модель, а скорее многоуровневая высокоподвижная международная и межгосударственная система, в которой на первый план выдвигаются глобальные проблемы, требующие новых многосторонних и механизмов и институтов. Однако пока такие механизмы и институты не сложились, в мире нарастает дестабилизация и даже хаос»[12].

[12] Мир вокруг России. С. 25

При этом (что немаловажно) в подходе к системности в международных отношениях авторы не напирают на проблему «полярности» в оценке современного мира и не возводят глобальные конфликтоцентричные прогностические конструкции. В позициях, изложенных в «Тезисах», привлекает весьма здравое толкование тенденции к полицентричности мира грядущего десятилетия вместо набившей оскомину «многополярности». В этом смысле с точкой зрения, изложенной в «Тезисах», вполне можно согласиться. Причина проста. На наш взгляд, «полюс» в международно-политической структуре существует только тогда, когда налицо по меньшей мере две вещи sine qua non. Первое – объединяющим началом «полюса» может быть одна великая держава, которая инициирует заключение военно-политического союза с другой (другими) великой державой или же с группой государств «второго эшелона» (региональными лидерами) и прочими странами. Второе – целью создания военно-политического союза является противостояние с другим «полюсом» (в этом и смысл «полярности», противоположности «центров силы» по своеобразному энергетическому «заряду»). При таком отношении к структурной композиции системы ясно, что «мега-полюсом» в ней можно считать разве что Соединенные Штаты и союзные им государства «трансатлантического сообщества» плюс Япония. Иных «полюсов» в мире пока нет. Отметим, впрочем, что доминирующая группировка включает в себя, помимо «самой-самой» великой державы – США, еще три великие державы Европы (Великобритания, Франция, Германия) и Японию. И объединенная Европа, и Япония эвентуально вполне могут претендовать на роль «полюса» военно-политического притяжения в мире XXI века. Это может произойти, как считается, после окончания американской гегемонии, лет через 20, а то и к середине XXI века.

Другие великие державы (Россия, КНР, Индия), нельзя считать в полной мере «полюсами», нацеленными на противоборство с Америкой или с Западом в целом. Однако ясно и то, что все великие державы современности можно рассматривать как «центры мощи», весьма различные по своей природе и имеющие различные «векторы цивилизационного развития», по выражению С. Лунева и Г. К. Широкова.[13] В этом смысле оправданы рассуждения именно о «полицентричности», а не о «многополюсности» мира первой четверти XXI века.

Поднимая проблему «управляемости» международно-политическими макропроцессами, авторы «Тезисов» (Д. В. Суслов) видят проявление системности международных отношений как в состоянии «центральных элементов – государств», так и «системе отношений между ними»[14]. Главный вопрос в этой связи – разрешение кризиса, в котором оказались междуна-

---

[13] Лунев С. И., Широков Г. К. Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии. М., 2001. С. 210–234

[14] Мир вокруг России. С. 46

родные институты и процессы регулирования международной безопасности, заметное ослабление важнейших международных режимов и, в целом, снижение степени управляемости международной системой даже в условиях доминирования США и их союзников. В общем предлагаемое в «Тезисах» видение системности в международных отношениях не противоречат известным в науке трактовкам (в рамках структурного и /или институционального подхода).

Впрочем, сюжет о состоянии системы международных отношений требует дополнительного внимания в силу еще нескольких важных причин. Дело в том, что получает все большее распространение и является весьма опасной и в научном, и в политическом смысле, следующая точка зрения. «Принципы Вестфальской системы в современном мире уже отжили свое». Логика рассуждений в рамках такой позиции вкратце такова. Изменились основные качества, функции суверенного государства и та роль, которую это государство может выполнять в системе как ее основной действующий элемент. Существование суверенных государств вместе со множеством иных, негосударственных элементов, в рамках одной системы объективно снижает роль самого принципа «суверенного равенства». Межгосударственные отношения все более подвержены воздействию факторов глобализации, возрастания роли международного права (ограничивающего суверенитет государств и снижающего степень анархичности в международных взаимодействиях). Авторы «Тезисов» не обошли эту проблему стороной. Предлагаемые оценки реалистичны и довольно осторожны, хотя и не вызывают восторга. С. А. Караганов во «Введении» замечает, что «каков бы ни был уровень национального суверенитета, внешний мир во все большей степени определяет внутреннее развитие отдельных государств»[15]. С такой постановкой проблемы можно согласиться, если, конечно, не возводить в абсолют то, что этот фактор внешнего влияния является положительным для самих государств. С другой стороны, слишком категоричными выглядят указания (Д. В. Суслов) на то, что «угрозы, связанные с неэффективностью и слабостью государственного управления, требуют серьезного пересмотра традиционного понимания суверенитета как безусловного и абсолютного атрибута каждого государства»[16].

Предположим, что главная тенденция развития государств в современной системе – все большее ограничение суверенитета и замена «равенства суверенитетов» какой-то формой взаимозависимости государств. Тогда встает фундаментальный вопрос – какие политические выводы делать из такого понимания нынешней динамики отношений по линии «суверенное государство-состояние системы международных отношений». Ведь если полагать, что основные свойства суверенных государств уже кардинально изменились,

---

[15] Мир вокруг России. С. 4

[16] Мир вокруг России. С. 52

то, вероятно, в мире происходят такие важные процессы, которые сообщают системе принципиально новые качества. Например, можно видеть современный мир так, как будто в нем более важным, чем взаимодействие государств, является процесс формирования «планетарного общества», состоящего из стран, народов и индивидов. Одной из версий такого подхода выступают рассуждения о начальном этапе формирования «глобального (или транснационального) гражданского общества», в состав которого включаются массовые международные организации защитников окружающей среды (экологистов), разного рода правозащитные форумы, а также профсоюзные, потребительские, религиозные организации и т. п.

Все это имеет место. Однако, эти организации (действующие внутри отдельных стран или транснациональные) не могут заменить суверенные государства в качестве основных субъектов мировой политики, действующих элементов системы международных отношений. В мире эпохи глобализации изменяются функции государств и дифференцируется структура отношений государств между собой и с негосударственными элементами системы. Новое качество системы международных отношений в этом смысле состоит в том, что в результате сосуществования различных по природе элементов возникает дифференцированность и многосубъектность мировой политики, но вовсе не новая система международных отношений как таковая.

Также довольно много сегодня говорится в этой же связи и о становлении «государств постмодерна» – прежде всего, высокоинтегрированной государственно-политической системы наиболее развитых стран Запада. Эти государства представляются как передовая часть глобальной цивилизации, задающая стандарт развития для остальных, менее развитых стран. При этом отмечается, что для этих государств в современном мире опасность для существования и развития может представлять комплекс государств, не дошедших до стадии «постмодерна» (в эту рубрику попадают даже три великие державы современности – Россия, КНР, Индия)[17].

Однако, в целом вопрос об «отмирании» суверенного государства, как нам представляется, будет спорным еще долгое время. Самое главное состоит в том, что никакие академические дискуссии на эту тему не могут изменить международно-политические реалии. А между тем в мире сегодня идут процессы, свидетельствующие как раз о том, что сама идея суверенного государства пока еще сильнее постмодернистских иллюзий. Распад СССР и Югославии привел к появлению на политической карте мира 20 новых государств. Всего в мире сегодня суверенных государств – больших и малых, а то и вовсе крохотных, – более двух сотен и, как считается, не за горами провозглашение еще двух десятков (первые в этом списке – частично при-

---

[17] См. напр.: Cooper, Robert. The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-First Century. L., 2004. P. 77

знанная Западная Сахара (САДР), затем, не исключено, что «государства де-факто» – Приднестровская Молдавская Республика или Абхазия, возможно, Турецкая Республика Северного Кипра и т. д.). Очевидно, что решение вопроса о статусе края Косово (окончательное отделение от Сербии) поставит, по меньшей мере, два крупных вопроса: создание международного прецедента, который может повлиять на дальнейшие процессы «суверенизации наций», и эвентуальное объединение албанского народа в едином государственном образовании – «Большой Албании».

В связи с вопросом о судьбе суверенитета и жизнеспособности «государств-наций» (nation-states) как непременного условия существования системности в международных отношениях, следует указать на одну весьма авторитетную точку зрения. Известный специалист по конституционно-государственному праву, Председатель Конституционного суда России В. Д. Зорькин так определяет состояние «Вестфальских принципов» организации системы международных отношений в начале XXI века. В статье «Апология Вестфальской системы» (впервые опубликована в 2004 г.) В. Д. Зорькин высказал мнение о том, что система в ее современном виде – все же «модификация Вестфальской», а не какая-то иная. Главное причина такого видения – составляющие систему элементы по-прежнему именно государства, хотя, естественно, по сравнению с серединой XVII века «объем суверенитета демократических правовых государств существенно ограничен внутренними и внешними факторами, а также правовыми нормами». Этот автор указывает и на основные направления, по которым в теории и политической практике идет атака на Вестфальскую систему. С одной стороны, «права человека и права нации на самоопределение противопоставляются принципам государственного суверенитета и территориальной целостности». С другой стороны, «национальные государства упрекают в неспособности обеспечить эффективное управление в условиях глобализации»[18]. Несколько позднее, в 2006 г., развивая мысль о необходимости сохранять именно Вестфальскую систему и ООН как организацию «объединенных суверенитетов» даже в условиях глобализации и появления новых типов угроз народам, государствам, международной безопасности и развитию в целом, В. Д. Зорькин также занял совершенно однозначную позицию. «Государственный суверенитет был закреплен в свое время Вестфалем в качестве системообразующего принципа миропорядка. В этом смысле ничего лучше Вестфальской системы, т. е. взаимодействия и развития государств на основе принципа суверенитета придумано не было и в перспективе не предвидится»[19].

---

[18] Зорькин В. Д. Апология Вестфальской системы // Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М., 2007. С. 287–288

[19] Зорькин В. Д. Суверенное государство в условиях глобализации // Россия и Конституция в XXI веке. С. 326

Второй комплекс проблем, связанных с пониманием системного характера международно-политических процессов – скорее методологический. Речь идет о том, что системность и как принцип организации международных отношений, и как метод познания закономерностей этих отношений давно стоит под вопросом. На этот счет существуют соперничающие, а порой и взаимоисключающие точки зрения. Наиболее ярким примером выступают набирающие популярность различные версии так называемого «постмодернизма». Одна из основных позиций в рамках этого направления – утверждение о том, что мир движется в сторону «нестационарной системы мировых связей»[20]. Расставание с «миром модерна» (окончание Нового времени) в глазах представителей этой школы мысли также означает, что в мире вместо относительно устойчивых структур (вроде ушедшего в небытие биполярного противостояния) возникает комплекс сложных процессов что едва ли не главным содержанием развития становится формирование «гсоэкономики»[21]. В складывании этой новой конфигурации отношений экономического и военно-политического в мире XXI века важными проблемами выступают, например, такие: противостояние «цивилизационных моделей», формирование «мирового андерграунда» («трансрегиональных неоархаичных структур различного генезиса»), накопление потенциала социального катаклизма планетарного масштаба «в случае глобального финансово-экономического краха» и т. п.[22] В рассуждениях такого плана больше спорного, нежели правдоподобного и доказуемого. Спорными, конечно, выглядят и различные версии трактовки современного мира как жесткой «униполярной» структуры или же, напротив, хаотичного взаимодействия разнонаправленных сил. На наш взгляд, наиболее правдоподобной концепцией в этом смысле выступает видение современного мира как «плюралистически-однополярного» (А. Д. Богатуров) «Плюралистически-однополярный» порядок, который стал формироваться после распада СССР, является хотя и глобальным, но далеким от завершенности, несовершенным. [23] Признание сочетания плюралистичности и тенденции к «униполярности» в современном мире по сути дела то же, что и заявленные в «Тезисах» контуры «полицентризма» в системе.

Однако вопрос о структуре системы можно поставить несколько иначе

---

[20] Неклесса А. И. Внешняя политика нового мира: движение к нестационарной системе мировых связей // Pro et Contra. Осень 2002. С. 7–25

[21] Неклесса А. И. Постсовременный мир в новой системе координат // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). СПб., 2000. С. 11–78.

[22] Неклесса А. И. Постсовременный мир. С. 54

[23] Богатуров А. Д. Введение. Смена порядков в международной системе. 1945–2003 // Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2003/Под редакцией А. Д. Богатурова. Том третий. События 1945–2003. М., 2003. С. 11–12.

и более остро для того, чтобы прямо выйти на проблему определения положения России не вообще в неком «глобальном миропорядке», а именно в функциональной структуре де-факто существующих межгосударственных отношений. Если внутреннюю структуру системы определяют отношения ее элементов, то тогда главный вопрос – о характере связей, прежде всего, элементов *ключевых*. Это значит, что в центре внимания должны стоять два вида отношений: 1) между элементами, составляющими функциональное ядро системы 2) между объективно наиболее мощными элементами, которые занимают особое место в системе, но могут находиться за пределами функционального ядра. Иными словами, речь идет о том, сколько в системе великих держав и какова конфигурация отношений между ними.

Следует отметить – в рассматриваемых нами «Тезисах» авторы старательно обходят постановку этой проблемы хотя бы в том, что сам ключевой термин – великая держава – почти не употребляется. Что выступает заменителем этого традиционного понятия? Что касается России, то многое становится ясно уже во «Введения». Для С. А. Караганова статус России как великой державы вовсе не очевиден: наша «страна способна продолжить (хотя и не столь стремительно, как в последние годы) *восхождение к роли великой и богатой державы будущего* (курсив мой – *Р. С.*)».[24] Далее по главам читатель может встретить естественное упоминание о «сверхдержаве» США. Есть понятия о «ведущих государствах», «ведущих державах», «развитых державах мира (входящих в «Группу восьми» плюс 3–4 страны», есть упоминание о «крупной державе»[25]). Обозначены и «ответственные члены мирового сообщества» (в эту рубрику, видимо, включена и Россия).

Такие острожные трактовки «классов» государств/держав в неформальной международно-политической иерархии на наш взгляд, недостаточны. Если нет представления о *великих державах*, структуре их отношений, то тогда значительная часть всех рассуждений о системности не имеет смысла. От системности могут остаться только «нестационарность» связей элементов, представления о «подвижности» системы, ослаблении общесистемных институтов и пр. С позиций системности, с точки зрения взаимоотношений сильнейших элементов ставят сегодня вопрос о структуре миропорядка авторитетные ученые. Например, Барри Бьюзен и Оле Вэвер видят современный мир с позиций вычленения сформированных вокруг великих держав «комплексов безопасности» по формуле «1+4»: США как «сверхдержава», а Китай, Европейский Союз («держава-коллектив»), Япония и Россия как «обычные» великие державы[26].

---

[24] Мир вокруг России. С. 8

[25] Мир вокруг России. С. 24, 28, 32

[26] Buzan, B., Waever, O. Regions and Powers. The Structure of International Security. Cambridge (UK); N. Y., Cambridge University Press, 2003. P. 446

Именно вопрос о статусе России и положении дел с ее взаимодействием с другими великими державами представляется важным (хотя и не единственным) в определении перспектив реализации государственных интересов в ближайшее десятилетие. Подчеркнем – речь идет не о примитивной шовинистической «великодержавности» или «имперстве», а о принципиальных качествах государства «первого класса» в неформальной международно-политической иерархии. Очевидно, что если страна имеет статус великой державы, то это позволяет рассматривать ее как влиятельный элемент (не обязательно лидер или, наоборот, источник угрозы для других) системы международных отношений. Если Россия – великая держава, то тогда в основе ее внешней политики должны лежать особые расчеты, отправной точкой для которых должен стать именно этот статус, а вовсе не абстрактное «членство в мировом сообществе». Понятно, что для пост-модернистских или ультралиберальных теорий постановка этого вопроса выглядит попросту архаичной. Однако для разумного и прагматичного понимания современного мира и соотношения реальных/потенциальных возможностей России данный вопрос является, на наш взгляд, принципиальным и совсем не устаревшим.

Сначала о терминах. Споры о критериях отнесения того или иного государства в эту рубрику стары, как мир. Великими державами в разное время были различные государства. История международных отношений свидетельствует о том, что в разные эпохи «клуб великих держав» не имел никакого постоянного фиксированного членства, а формировался в процессе развития государств и складывания системных отношений между ними. Признание страны «великой державой» другими государствами всегда зависело от ее мощи, масштаба интересов и эффективности осуществления внешней функции, от общего состояния отношений с внешним миром. Подчеркнем, что речь идет о формальном и неформальном признании этого статуса в мировой политике, а не о провозглашении страной самой себя «великой державой» или «великой империей» (хотя и такие случаи имели место в истории).

В первый период Нового времени «великими державами» считались, например, Испания, Швеция и Австрийская империя. Россия обрела статус великой державы после победы над Швецией в Северной войне. В то же время постепенно слабевшая в течение XVIII века (особенно на фоне усиления таких стран, как Пруссия и Россия) Швеция окончательно перестала претендовать на активную и особую роль в европейской политике после поражения в войне с Россией и потерей Финляндии в 1809 г., а позднее и вовсе предпочла постоянный нейтралитет. Испания утратила признание статуса великой державы постепенно – в течение XVIII-го и окончательно в первой трети XIX века.

Международная конференция, завершившая эпоху Наполеоновских войн (Венский конгресс 1815 г.) констатировала наличие сначала четырех «великих

держав»: России, Великобритании, Австрии, Пруссии. К 1818 г. вновь обрела этот статус Франция. Во второй половине XIX века Германская империя заняла место Пруссии в «клубе» великих держав. «Великой державой» была в конце века признана и объединившаяся Италия. После завершения войны против России (1904-1905 гг.) статус великой державы окончательно утвердила за собой Япония. США, победившие Испанию в войне 1898 г. и упрочившие свое влияние в Латинской Америке и Карибском бассейне, накануне Первой мировой войны также могли считаться «великой державой», хотя и не принимали активного участия в европейских коллизиях. Австрийская империя (Австро-Венгрия после 1867 г.) в итоге Первой Мировой Войны перестала не только быть «великой державой», но и вообще прекратила существование. После Первой Мировой Войны, в период становления Версальской модели миропорядка «великими державами» считались победители – Великобритания, Франция, США, Япония, хотя в ходе работы Парижской мирной конференции чаще употреблялся термин great nation вместо great power.

В 1933 году Освальд Шпенглер использовал так синонимы термины «мировая держава» и держава «большого стиля».[27] На рубеже 1930-х годов усилившийся Советский Союз обрел статус «великой державы», некогда утраченный распавшейся Российской империей. В итоге накануне Второй Мировой Войны «великими державами» можно было считать все эти страны, а также явно набиравшую мощь нацистскую Германию и ее главного союзника, фашистскую Италию. В «клуб великих держав», таким образом, входили 7 признанных членов.

После победы над фашизмом критерием отнесения к «великим державам» стали не только мощь и влияние в мире, но и постоянное членство в Совете Безопасности, главной структуре Организации Объединенных Наций (согласно Уставу, Ст. 23). В конце войны, однако, появился еще один новый фактор, определявший отнесение страны в рубрику «великая держава». Этим фактором стало обладание ядерным оружием как стержнем совокупной мощи в военном смысле и в течение 4 лет США имели монополию на это оружие. В течение первого десятилетия после войны в полной мере «великими державами» можно было считать только Советский Союз и Соединенные Штаты Америки.[28] Великобритания и Франция, хотя и были постоянными членами СБ ООН, вернули себе признание в качестве полно-

---

[27] Шпенглер, Освальд. Время решений. М., 2006. С. 63.

[28] Отсутствие у СССР ядерного оружия до 1949 года во многих аспектах и, прежде всего, в военном смысле компенсировалось наличием опытной и весьма боеспособной сухопутной армии (в 1945 г. до 11 млн. человек), что, собственно и давало ПРИМЕРНОЕ равенство с США. То есть, речь шла о том, что на наш взгляд, существовала примерно «равновеликая мощь» этих двух держав, определявшая их принадлежность к одному иерархическому «классу».

ценных «великих держав» только тогда, когда смогли восстановить экономику и обрести ядерное оружие (последнее качество в 1951-м и 1960-м годах соответственно). Две из трех «великих держав», потерпевшие поражение в войне (Германия и Япония), долго не могли возвратить себе этот статус. Только их социально-экономическое развитие и обретение мощи в таком объеме, что можно было говорить об особой роли в мировых делах, позволило, на наш взгляд, включать эти страны в ранг «великих держав» к 1970-м годам. В начале 1980-х годов американский ученый Джек Леви предлагал такую концепцию. Отметим, что на избранном Леви историческом горизонте почти в 500 лет (с конца XV века) в предложенном определении были неизбежны натяжки: найти единый комплекс параметров для государств XVI-го и середины XX веков, прямо скажем, непросто. Тем не менее, предложенная трактовка небезынтересна. «В самом общем плане великую державу можно определить как государство, играющее ключевую роль в международной политике в отношении вопросов, связанных с безопасностью. Операционные индикаторы статуса великой державы включают следующее:

- высокий уровень силовых возможностей, который обеспечивает разумную самодостаточность в вопросах безопасности и позволяет вести как наступательные, так и оборонительные действия
- участие в международных конгрессах и конференциях
- идентификация как великой державы «де-факто» со стороны международной конференции или организации
- допущение к формальным или неформальным организациям держав
- участие в отношениях великих держав в том, что касается гарантий, территориальных компенсаций или разделов и, в целом,
- обращение с этим государством, как с равным, со стороны других великих держав»[29].

Сегодня точек зрения на вопрос о параметрах великой державы примерно столько же, сколько самих ученых. Джон Миэршаймер, например, считает, что в современном мире «настоящих» великих держав три. Это США, КНР и Россия. Критерий Миэршаймера весьма простой. Главное качество, позволяющее относить государство в категорию «великая держава» – ее способность вести долговременный конфликт с явным гегемоном глобального масштаба. Любая великая держава «должна иметь достаточные военные ресурсы для того, чтобы вести полномасштабную войну с применением обычных видов вооружений против наиболее мощного государства мира».[30] Напро-

---

[29] Levy, Jack S. Historical Trends in Great Power War, 1495–1975 // International Relations. Contemporary Theory and Practice / Edited by George A. Lopez and Michael Stohl. Wash., Congressional Quarterly Press, CQ Inc. 1989 P. 441

[30] Mearsheimer, John J. The Tragedy of Great Power Politics. N. Y.;L., W. W. Norton, 2001. P. 5, 404

тив, Барри Бьюзен и Оле Вэвер в работе «Регионы и державы» предлагают довольно сложное определение. Статус великой державы они определяют так: «великие державы отличает от держав региональных то, что на действия первых отвечают на основе общесистемных расчетов (system level calculations) относительно текущего и будущего распределения мощи [в системе – *Р. С.*] Обычно это предполагает, что к великой державе относятся так, как будто она имеет явный экономический, военный и политический потенциал для того, чтобы претендовать на статус супердержавы [глобального гегемона – *Р. С.*] в краткосрочной или среднесрочной перспективе».[31] Оставив в стороне эту концепцию и все иные текущие споры о качествах великих держав, выскажем только собственное мнение. Кроме США, КНР и России даже по критериям Дж. Миэршаймера в число великих держав можно смело вносить Индию. Далее, двигаясь от жестких и упрощенных военно-стратегических постановок в сторону здравого смысла, следует, конечно, «включить в реестр» Германию, Францию, Великобританию и Японию. Тогда общее количество членов «клуба великих держав» в современном мире – восемь. Статус великой державы для этих стран, на наш взгляд, значительно легче констатировать, чем оспорить. Таким образом, великие державы современности – это те государства, которые занимают особое положение в мире (в сравнении с количественным большинством в 200 с лишним иных государств).

При этом существование великих держав создает неформальную международно-политическую иерархию и определяет качества ее нижестоящих уровней («региональный гегемон» и иные). Конечно, предлагаемый дефиниций (как и почти все другие) можно дополнять. Не увлекаясь, укажем еще на принципиальные позиции –

- в силу своей совокупной мощи великая держава может играть в мировой политике *особую самостоятельную роль* (вне зависимости от степени участия в международных военно-политических и иных объединениях)
- прямое силовое посягательство на суверенитет и принципиальные государственные интересы одной великой державы со стороны другой – минимум контрпродуктивно, максимум бессмысленно
- без учета позиции всех великих держав невозможно позитивно решить ни одного крупного и глобального по значению вопроса (например, регулировать состояние мирового рынка энергоресурсов или доступ к ресурсам вообще, устанавливать режимы использования Мирового океана, освоения космоса т. п.)[32]

---

[31] Buzan, B., Waever, O. Regions and Powers. P. 35

[32] В этом смысле можно полностью согласиться с утверждением авторов «Тезисов» о том, что «без российско-американского сотрудничества практически невозможно разрешить многие мировые проблемы, угрожающие безопасности обоих государств» (Мир вокруг России. С. 106).

- ни одна из великих держав современности не способна решать такие вопросы в одиночку и только в свою пользу.

Таким образом, наш подход к проблеме функционального ядра системы в ее нынешнем виде можно кратко изложить так. Сегодня в системе существует сложносоставное ядро – группировка наиболее развитых стран Запада, которую возглавляют США и с которой в военно-политическом смысле интегрирована Япония. Преобладание этой группировки (в которой объединены пять великих держав, кроме иных союзников) очевидно, прежде всего, *в сфере исполнения основных системных функций в сфере международных / межгосударственных отношений.* Под главными общими функциями следует понимать сохранение системы как целостности и ее относительно безопасное саморазвитие. При этом императивным общесистемным интересом выступает обеспечение безопасности и возможностей развития отнюдь *не всех государств,* а именно тех элементов, которые изначально участвуют в создании данной модели системы и заинтересованы в ее долгосрочном существовании в нужном им виде. Эти элементы и есть те самые пять великих держав, сплотившиеся в рамках доминирующей в глобальном масштабе группировки. Россия и две другие великие державы (КНР и Индия) в общесистемном функциональном плане не принадлежат к ядру системы в ее современном виде.

Следует отметить и еще одну сторону дискуссий о внешнеполитическом будущем России. Это постановка проблемы сущности суверенитета не абстрактно, а весьма конкретно – применительно к современному положению нашей страны. В этой связи заслуживает внимания концепция «реального суверенитета», которую развивает А. А. Кокошин, и которая представляет и научную, и политическую значимость. А. А. Кокошин предлагает такое видение этого вопроса. «Реальный суверенитет означает на деле (а не декларативно) самостоятельно проводить свою внутреннюю, внешнюю и оборонную политику, заключать и расторгать договоры, вступать или не вступать в отношения стратегического партнерства и т. п.»[33] Реализация реального суверенитета предполагает и полноту контроля государства над важнейшими функциональными сферами, определяющими его саморазвитие – от использования природных и иных ресурсов до аэродромной сети и развития фундаментальной науки. А. А. Кокошин при этом здраво полагает, что суверенитет в современном мире не может быть абсолютным: он для России ограничен взятыми страной международными обязательствами и иными факторами. В этом смысле предлагаемое А. А. Кокошиным толкование суверенитета не противоречит тенденции облечь растущую взаимозависимость государств

[33] Кокошин А. А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., 2006. С. 63

и иных элементов международно-политической системы в правовые рамки. Р. А. Каламкарян, например, так определяет суть концепции «господства права» (Rule of Law) в международных отношениях. «Достижение господства права зависит в конечном счете от готовности всех государств принять на себя соответствующие международные обязательства». Эта концепция «требует от правительств мыслить категориями международного сообщества, исходить из принципа справедливости, общечеловеческих интересов, а не ограничиваться только собственными»[34].

На наш взгляд, внешнюю политику России вполне можно выстроить таким образом, чтобы «реальный суверенитет» гармонично сочетался с растущей взаимозависимостью государств и негосударственных элементов системы международных отношений. Отметим и то, что реализация суверенитета имеет и такую сторону, как международно-правовая ответственность. В современном международном праве это понимается как юридические последствия, которые могут наступить для субъекта международного права в результате его действий (или бездействий), если при этом нарушены применимые к данному правоотношению международно-правовые нормы. Ответственность в международном праве представляет собой оценку международного правонарушения и субъекта, его совершившего, со стороны мирового сообщества. Действительно, в современном международном публичном праве важным ограничителем противоправных действий служит и концепция, учитывающая принадлежность государства к международному сообществу и растущая взаимозависимость государств и поэтому, как считает И. И. Лукашук, «абсолютный и безответственный суверенитет противоречит основам международного общения, делает его невозможным»[35]. Это верно, но сегодня очевидно, что Россия заинтересована в том, чтобы в мире не развивалась тенденция к абсолютизации суверенитета отдельных государств. Более того, сама Россия как раз не та страна, от которой можно ожидать демонстрации «безответственного суверенитета» в форме, например, импульсивных внешнеполитических действий, идущих вразрез с ее международными обязательствами или с Уставом ООН. С другой стороны, вполне естественно для нашей страны в ее нынешнем положении стремление к обеспечению «реального суверенитета» и к снижению степени прямой зависимости от внешнего мира. Для ускоренного развития России нужен именно «реальный суверенитет». Подчеркнем особо – для России как великой державы современного мира никакой альтернативы реальному и полномерному суверенитету просто нет. Именно это стоит учитывать при построении прогностических моделей эволюции миропорядка в ближайшее

---

[34] Каламкарян Р. А. Господство права (Rule of Law) в международных отношениях. М., 2004. С. 51

[35] Лукашук И. И. Право международной ответственности. М., 2004. С. 10

десятилетие. В этой связи можно опираться на авторитетное мнение академических ученых о том, для России «ключевой проблемой на перспективу становится не просто сохранение РФ в пределах ее нынешней территории, но обретение способности рационального использования пространства (не только ресурсов) по критериям предстоящего мира и его проблем, что в свою очередь ставит проблемы эффективных форм контроля над территорией и населением.. и формирования эколого-экономической стратегии, включая и внешнюю эколого-экономическую политику. Одна из стратегических задач внешней политики в этих условиях – предотвращение создания, принятия, нейтрализация норм и правил, способных прямо или косвенно вывести пространственный ресурс государства из-под фактического контроля и распоряжения РФ без формального нарушения принципов территориальной целостности, суверенитета и нерушимости границ»[36].

Далее. В свете проблемы системности немаловажным представляется сюжет о том, насколько современный мир вообще поддастся прогнозированию и какие векторы стоит действительно считать определяющими его эволюцию. Ведь даже в рассуждениях о растущей «нестационарности» и высокой подвижности мирополитических связей есть здравое зерно. Это признание сложности динамики современного мира и особой роли, которую могут играть случайные события. Так можно ставить проблему, если полагать, что «нестационарность» предполагает возможность относительно быстрого перехода системы в состояние неравновесности или же, наоборот, случайные события могут послужить импульсом, укоряющим процесс структурирования системы в целом.

Авторы «Тезисов» в целом признают возможность возникновения ситуаций, которые – хотя и не названы случайными – должны в той или иной степени приниматься в расчет. Например, в связи с ослаблением «режима контроля над вооружениями, который обеспечивал предсказуемость военно-политической ситуации, достаточное стратегическое предупреждение и, по существу, устранял опасность внезапного нападения». Ослабление предсказуемости военно-политических взаимодействий на мировой арене, конечно, обусловлено и стремлением некоторых государств обрести ядерное оружие и в целом снижением порога применения военной силы[37]. Впрочем, возможную роль случайного события можно понимать шире, в ключе системного подхода. Речь в этой связи можно вести даже не о случайности, а о том, что следует отнести в рубрику «принципиально непредсказуемые события».

Здесь вопрос можно рассматривать под разными углами зрения. Например, в историческом смысле можно указать на какой-либо известный сюжет.

---

[36] Россия и глобализация. Международные аспекты/Отв. ред. М. Г. Носов. М., 2006. С. 9

[37] Мир вокруг России. С. 29–32

Скажем, принципиально непредсказумой была цепь событий, развернувшихся в Греции в первой половине 1936 г. В период с января по июль этого года естественной смертью умерли сразу 5 видных политиков, возглавлявших политические партии (Венизелос, Кондилис, Демердзис, Цалдарис, Кундуриотис). Эти люди были способны претендовать на пост премьер-министра в условиях политического кризиса. После их ухода из жизни оспорить пребывание на этом посту генерала И. Метаксаса было некому. Германофил с диктаторскими замашками, Метаксас осуществил в августе того же года государственный переворот (введение чрезвычайного положения, роспуск парламента и т. д.) Довольно быстро начались изменения во внутренней и внешней политике страны. Во внутренней политике было прокламировано стремление к созданию бесклассовой националистической «новой эллинской цивилизации» во главе с «первым рабочим и первым крестьянином» – самим Метаксасом. В отношениях с внешним миром вновь была извлечена на свет «мегали-идея» – стремление к «величию» Греции, полностью независимой внешней политике и т. п.

Начался отход Греции от ориентации на англо-французский союз и постепенное сближение с новым «патроном» в европейской политике, нацистской Германией. С конца 1937 г. Германия стал важнейшим экономическим партнером Греции. Прочный германо-греческий военный союз, правда, создан не был, но итогом проведения внешнеполитического курса Метаксаса стало то, что заметно усложнилась ситуация в отношениях между балканскими странами, быстро пошли к распаду и так не очень прочные региональные союзы («Балканская Антанта»). Более того, осенью 1937 г., во время вояжа по европейским столицам греческий король Георгиос II даже сделал довольно странное по тем временам заявление о том, что его страна собирается во внешней политике «в равной степени ориентироваться на Лондон, Париж, Берлин и Рим». На самом деле занять такую позицию была невозможно в условиях развития кризиса Версальского порядка в Европе. Сама же Греция стала, по сути дела, объектом соперничества между англо-французской дипломатией и «державами Оси», Германией и Италией. При этом две союзницы Германии – Италия и Болгария – вынашивали планы реализации прямых территориальных претензий на Пелопоннесском полуостров. Таким образом, на примере Греции можно говорить о том, как вызванный случайными событиями внутриполитический сдвиг может изменить внешнеполитический курс государства и, опосредованно, ситуацию в региональной подсистеме международных отношений (в Южной Европе).

Можно ставить вопрос о роли случайных событий в международных отношениях и без привлечения исторических аналогий. Система международных отношений является системой нелинейного развития, то есть такой, эволюция которой не может быть исследована с помощью уравнений движе-

ния, законов физики и пр. Нелинейность развития системы международных отношений существует, прежде всего, в силу огромного количества внутрисистемных факторов, влияющих на ее состояние (при почти полном отсутствии факторов пространственно-внешних по отношению к ней). В процессе самоорганизации системы случайность может играть значительную роль. Можно понимать случайность в нелинейной системе как совпадение в одной важнейшей точке действия факторов военного, технологического, экономического и политического характера. Однако, можно предположить, что вместо «объективной» случайности будет использована случайность иная, скажем, придуманная желающими ее употребить себе на пользу. В этом отношении вполне уместно привести цитату Д. фон Неймана относительно возможностей целенаправленного создания в системе «динамического хаоса». «Если феномен неустойчив, его эволюция зависит от распространения малых случайных возмущений, предсказать которые мы не можем. Но, если мы понимаем динамику, мы сможем сами создавать малые возмущения, чтобы заставить неустойчивые явления развиваться в нужном нам направлении. Таким путем мы можем управлять всем, чего не можем предсказать, и предсказывать все, чем не можем управлять»[38].

При такой постановке вопроса вполне возможно трактовать, например, события 11 сентября следующим образом. Доминирование США в мире как силового гегемона требует подтверждения этой роли, прежде всего, в сфере исполнения основных системных функций. Суть этих функций, как мы уже сказали, – обеспечение безопасности и перспектив развития для себя и западного мира. В этом смысле даже *инициация конфликта* – создание ситуации, частично искусственной, которая бы давала возможность осуществить функцию общесистемного регулирования, оказывается допустима. Вторжение ведомой Америкой коалиции в Ирак и затяжной конфликт в этой стране (вне зависимости от того, как мы это назовем – оккупация, война, силовое насаждение демократии или что-то еще) – наиболее очевидный пример. Допустимым оказывается и использование фактора случайного события. Разрушение «башен-близнецов» в сентябре 2001 года было событием именно случайным в общесистемном смысле. Террористический акт исламистов не был вызван каким-то особым внутрисистемным напряжением. Не был он и результатом противоборства военно-политических блоков. Натяжкой было бы говорить о том, что эта атака была плодом развития какой-то явной тенденции в отношениях между великими державами или даже в сфере отношений «великие державы-региональные гегемоны». Последовавшее решение о вторжении США в Ирак, правда, связало эти проблемы в якобы единой сфере борьбы с проявлениями международно-

[38] Цит по: Костюк В. Н. Потенциальная реальность // Системные исследования. Ежегодник 1992–1994. М., 1996. С. 126

го терроризма – и «государственного» (Ирак), и «рассеянного» (Аль-Каида) типов. Можно добавить, что к поведению великих держав атака террористов имела отношение только как всплеск реакции на усиление США и установление доминирования держав Запада в современном мире.

Можно сделать еще несколько важных замечаний относительно понимания нелинейности эволюции миропорядка. Следует учитывать, что в современном мире никогда нельзя сбрасывать со счетов и потенциальное развертывание «взрывных процессов» в системе международных отношений[39] и действие «фактора случайного события». Вполне возможно вести речь и о том, что цепь последовательно происшедших принципиально непредсказуемых событий может иметь результатом накопление потенциала для внутрисистемных флуктуаций. Это значит, что может возникнуть своего рода «кумулятивный эффект», который послужит толчком к серьезным сдвигам в международных отношениях. Этот толчок, в свою очередь, может привести, например, к дальнейшему усилению гегемонии Америки и Запада, а может положить начало и прямо противоположному тренду. Не лишним будет указать и на возможность того, что случайные события могут воздействовать на состояние системы одновременно, почти без разрыва во времени. Тогда они могут вызвать эффект совместного, *синергетического* действия и малое внутрисистемное возмущение также может привести к развертыванию мощных трендов, предсказать развитие которых вряд ли возможно.

Сильнейшие державы во главе с США сегодня заинтересованы в сохранении уже определившейся структурной модели. Стало быть, они заинтересованы и в установлении каких-то рамок, очерчивающих возможное поле внутрисистемных флуктуаций, которые могут придать системе в целом неравновесное состояние и привести к преобладанию системоразрушающих факторов над действием факторов системосохраняющих. В этом плане ведущая группировка готова приложить немалые усилия к тому, чтобы современная ситуация сохранялась в основном без изменений.

При этом стоит еще раз подчеркнуть, что в современном мире, отграниченном от группировки США-Европа-Япония, нет ни причин, ни предпосылок для складывания сравнимого потенциала совокупной мощи какого-либо объединения иных, не принадлежащих к «евроамериканской цивилизации», государств. Соответственно, нет и тенденции к формированию силы (комплекса сил) который мог бы бросить вызов существующему миропорядку в форме прямого и открытого противоборства с доминирующей группировкой. Не удивительно, что З. Бжезинский, например, предполагает, что

---

[39] Термин Н. А. Косоланова. См.: Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталев М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 50

доминирование Америки вряд ли может оставаться в течение ближайших 30 лет. Такой же срок для гегемонии США отводит А. И. Уткин[40].

Впрочем, целесообразно сделать еще одно замечание относительно правдоподобности прогнозов мирового развития. К. Уолтц в ставшей классикой «Теории международной политики» например, призывал весьма осторожно относиться к корреляции факторов при построении теорий международных отношений, не говоря уже о долгосрочных прогнозах. Этот ученый полагал, что нельзя игнорировать важнейший вопрос: «Позволяет ли объект изучения применить аналитический метод классической физики – исследовать его признаки и взаимодействие двух переменных при том условии, что все остальные переменные остаются константами?»[41] Речь в нашем контексте идет вот о чем. В «Тезисах» довольно много говорится о неудачах проведения Соединенными Штатами курса на поддержание своей «силовой гегемонии» в мире. «....Гегемония США в международной системе за 2001–2006 гг. не только не укрепилась, но в значительной мере ослабла и ни одна из задач, ставившихся администрацией Джорджа Буша, не реализована». В отношении обеспечения интересов США на Ближнем Востоке употребляется даже термин «банкротство стратегии»[42]. Здесь, как нам кажется, весьма важно не поддаться соблазну видеть за каждым временным, пусть и заметным, неуспехом в решении отдельных проблем общее ослабление Америки. Действительно, такое ослабление влияния на общемировые процессы (в сфере безопасности, регулирования конфликтов и не только) имеет место. Однако в этой связи встает несколько немаловажных вопросов, прежде всего в отношении прогностических оценок общей ситуации.

Прежде всего, стоит сказать о ставшем традиционным для отечественной публицистики ожидании снижения «удельного веса» США в мировой политике, которое идет параллельно с усилением объективно «анти-американских» центров силы в мире. Речь, как правило, ведут о КНР, в какой-то степени об Индии, и в еще меньшей степени, об объединенной Европе. Ни в одном из случаев преувеличения не идут на пользу общему прогнозу. Еще раз подчеркнем – никаких «полюсов», способных реально противостоять Америке в глобальном масштабе ни эти две великие державы, ни Европа как «держава-коллектив» не представляют. Далее – любые описания вектора эволюции миропорядка должны учитывать не только темпы роста потенциальных соперников Америки (и в рамках доминирующей группировки США-Европа-Япония, и за ее пределами), но и мощь самих США и их громадные возможности для дальнейшего развития.

---

[40] Уткин А. И. Новый мировой порядок. М., 2006. С. 588

[41] Waltz, K. Theory of International Politics. Boston (Massachusets); N. Y., McGraw-Hill, 1979. P. 12

[42] Мир вокруг России. С. 46, 141

Ясно, что Америка как принципиальный элемент системы современных международных отношений отнюдь не является статичной. Это не косная «империя», праздно «почивающая на лаврах» своего могущества. Ее дальнейшее саморазвитие имеет широкую перспективу. В этом плане следует принимать во внимание, по меньшей мере, два комплексных фактора. Первый из них – возможное дальнейшее укрепление мощи самой Америки по таким линиям, на которых она по-прежнему может не только «уйти в отрыв» от любых соперников, но еще и долгое время сохранять лидирующее положение, трансформируя свои достижения в субкомпоненты военной мощи и / или в инструменты экономического и политического влияния в глобальном масштабе. Не случайно некоторые исследователи ожидают, что через 10–15 лет произойдет «прорыв в военной технологии США, противопоставить которому Россия вряд ли что-то сможет».[43] Если это произойдет, то военная мощь Америки сохранит свое особое значение как фактор сплочения доминирующей группировки, а для «потребителей безопасности» из числа, например, новых членов ЕС, союзнические отношения с США окажутся еще более привлекательными. Ситуация с проектом развертывания американских систем ПРО в Восточной Европе в этом смысле весьма показательна. Таким образом, можно предполагать и рост числа новых военно-политических союзников США в Европе и за ее пределами. Стремление Украины и Грузии в будущем войти в число членов НАТО, а сегодня уже ориентироваться на общую стратегию альянса (а, стало быть, и США), полностью очевидно.

По-прежнему существует основа для дальнейшего усиления США в таких сферах, как освоение космического пространства и установление более плотного контроля над мировым океаном. Не стоит исключать стремление США обеспечить доступ к энергоресурсам не только за счет конъюнктуры и использования «рыночных методов» в общей мирохозяйственной динамике, но и на основе установления прямого контроля над важными регионами. На фоне такого рода потенциальных «достижений» Америки рост макроэкономических показателей других стран окажется вторичным явлением, которое само по себе не способно создать основу для реального соперничества с США в общемировых делах.

Второй важный фактор – это возможности Америки осуществлять прямое и косвенное, силовое и несиловое противодействие возвышению других стран (как своих потенциальных оппонентов мирового масштаба). Действие этого фактора, безусловно, всегда следует учитывать в процессе построения любых «линейных» прогнозов относительно того, как и когда иные страны и их потенциальные объединения «догонят» Америку и якобы смогут противостоять ей как примерно равные соперники.

---

[43] Корзун В. А. Интересы России в мировом океане в новых геополитических условиях. М., 2005. С. 520

* * *

Публицистическая сторона предлагаемых «Тезисов» стоит внимания, пожалуй, только в одном отношении. При построении прогнозов следует особо противостоять тенденции смешивать реалистические оценки макропроцессов с возможными – по мнению авторов – их результатами. Если такой подход не выдерживается строго, то в рекомендациях, представленных в «Тезисах», могут мирно сосуществовать трезвый реализм, осторожность в оценках и несбыточные благие пожелания. Например, в последнюю рубрику можно отнести рекомендацию по расширению (за счет Китая, Индии, Бразилии и ЮАР) «восьмерки» и наделению ее «функциями Глобального альянса международной безопасности». Примерно так же можно оценить и рекомендацию «создать такой альянс с чистого листа»[44]. Далеко не тождественные интересы самих членов «восьмерки», не говоря уже о заметно расходящихся устремлениях КНР и Индии (о позициях Бразилии и ЮАР можно только гадать), на наш взгляд, в принципе закрывают пути реализации подобной идеи.

В отношении реалистичности прогноза общее впечатление от «Тезисов» весьма положительное. Однако известный диссонанс вносят некоторые странноватые «ноты». В этом плане заслуживает внимания представление списка факторов, которые к началу «следующего десятилетия» (т. е. с 2010 года?) могут повлиять на улучшение российско-американских отношений «на новой основе». С расчетами о возможном усилении Китая «до масштабов, угрожающих безопасности как России, так и Соединенных Штатов»[45] можно хотя бы спорить. Правда, такие ожидания на ближайшее десятилетие представляются не то что нереалистичными, а несерьезными. Сейчас военная мощь КНР достаточна для обеспечения ее суверенитета и для решения проблем региональной безопасности в Восточной Азии (в китайском их понимании). В глобальном масштабе КНР вряд ли скоро обретет возможность «бросить вызов» США и вступить с Америкой в прямое силовое противоборство. Более того, для сегодняшнего Китая демонстрация готовности к такой борьбе или нацеленности на нее просто не нужна. О реалистичности сроков начала противоборства Китай-США, конечно, можно долго спорить. А вот как реагировать читателю на указанную в прогнозе абсолютно химерическую «угрозу попадания РФ в политическую зависимость от Китая»? Можно разве что усилить впечатление еще одним вопросом. «Какой должна быть скорость процесса общей деградации нашей страны для того, чтобы такое положение дел вообще стало возможным?»

Впрочем, проблему реализма прогнозов отчасти закрывает позиция С. А. Караганова, отраженная во «Введении». Руководитель проекта прямо

---

[44] Мир вокруг России. С. 38

[45] Мир вокруг России. С. 111

говорит о том, что «Тезисы» «не прогнозируют российскую внешнюю политику, хотя и дают ряд рекомендаций». Более того, для С. А. Караганова очевидно, что «главные стратегические изменения начнутся в конце или за пределами прогнозного периода»[46].

Одной небольшой «стреле критики» можно придать форму вопроса: «А почему нет Африки как направления внешней политики России?» Понятно, что непосредственно в «мир вокруг России» этот континент вряд ли стоит включать. Однако, в «Тезисах» целая глава посвящена куда более удаленной Латинской Америке. В чем тогда состоят критерии отбора континентов по важности (ясно, что не региональной близости) для внешнеполитического курса России? Африку, стоит заметить, в современных солидных изданиях по международно-политической проблематике рассматривают как сферу, в которой для России могут открываться весьма выгодные перспективы[47]. Визиты Президента РФ и Председателя правительства (в ЮАР, в Анголу в 2006–2007 гг.) показывают, что «черному континенту» Россия уделяет все больше внимания уже на уровне конкретной внешней политики, не говоря уже о ее прогнозировании.

Последнее замечание может быть сделано, надеемся, не в адрес автора (Д. В. Суслов), а редакторам издания. Что может скрываться за формулировками «ко второй половине 2000-х годов, к середине 2000-х годов, во второй половине 2000-х годов» и «в 2000-е годы»[48]? Период с 2001 по 2009 годы? Можно строить примерно такие догадки, но сам текст полной ясности не даст. Оставим эту скромную тайну для редакционной подготовки планируемого большого издания.

Завершая общую оценку и научной, и публицистической стороны представленной работы, можно сказать, что книга, конечно, найдет не просто заинтересованного, но и неравнодушного читателя. Более того, поднятые авторами проблемы со всей очевидностью требуют дальнейшей разработки. Особенно это касается вопроса о типе внешнеполитического поведения России. Именно это требуется для разумного планирования отношений с внешним миром, подготовки и концептуализации принципиальных решений в этой сфере, равно как и собирания нужного объема ресурсов для их реализации.

Р. А. Сетов

---

[46] Мир вокруг России. С. 8

[47] См. например. Бориноглеб К. П., Емельянов А. Л. Африка в международных отношениях; Емельянов А. Л. Россия в Африке // Современные международные отношения и мировая политика. Учебник/Отв. редактор А. В. Торкунов. – М., Просвещение; МГИМО, 2004.-С. 690–710, 927–938; Африка в условиях глобализации // Россия и глобализация: международные аспекты. – С. 112–115

[48] Мир вокруг России: 2017.-С. 46, 47, 53

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айрапетов Олег Рудольфович – кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета

Алексеев Юрий Георгиевич – доктор исторических наук, профессор исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Брыков Дмитрий Сергеевич – аспирант Института повышения профессиональной квалификации при Санкт-Петербургском государственном университете, сотрудник Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)

Гайда Федор Александрович – кандидат исторических наук, сотрудник исторического факультета Московского государственного университета

Гапин Андрей Владиславович – кандидат исторических наук, редактор отдела военной истории журнала «Родина» (Москва)

Геворкян Артем Самвелович – кандидат социологических наук, генеральный директор Центра социологических и маркетинговых исследований SOCIUM (Москва)

Демурин Дмитрий Михайлович – атташе Постоянного представительства Российской Федерации при ОБСЕ (Вена)

Дюков Александр Ренидеович – выпускник Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, ответственный редактор информационного агентства АРМС-ТАСС (Москва)

Заславский Сергей Евгеньевич – доктор юридических наук, главный советник администрации президента России (Москва)

Иванов Константин Владимирович – выпускник исторического факультета Московского государственного университета (Черноморский филиал) (Севастополь, Украина)

Илибезова Эльвира Кожомбердиевна – кандидат экономических наук, директор Центра изучения общественного мнения «Эл-Пикир» (Бишкек, Киргизия)

Казимиров Владимир Николаевич – чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации

Келли Катриона (Catriona Kelly) – доктор, профессор истории русской литературы и культуры, New College (Оксфордский университет)

Колеров Модест Алексеевич – кандидат исторических наук (Москва)

Кондратенко Роберт Владимирович – кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

МакДональд Дэвид МакЛарен (David MacLaren Macdonald) – доктор, профессор отделения истории University of Wisconsin-Madison (США)

Матвеева Анна Григорьевна – кандидат исторических наук (Москва)

Мацумото Икуко (Ikuko Matsumoto) – аспирантка университета Киото (Япония)

Межевич Николай Маратович – доктор экономических наук, директор Центра трансграничных исследований, профессор кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского университета.

Сетов Роман Александрович – кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета

Хриссидис Николаос А. (Nikolaos A. Chrissidis) – профессор истории, Southern Connecticut State University (США)

Шевченко Кирилл Владимирович – кандидат исторических наук (Прага)

Шевченко Максим Михайлович – кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета

Чейсти Пол (Paul Chaisty) – доктор политики, преподаватель политологии колледжа Пемброк (Оксфордский университет)

Энгельгардт Георгий Николаевич – научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

~

Русский сборник. Том V

Редакторы-составители
О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров,
Брюс Меннинг, Пол Чейсти

Издатель Модест Колеров
Издательство ООО «Регнум»
Москва 123001, Трехпрудный переулок, д. 11–13, стр. 1
kolerov@regnum.ru

Наши книги в Интернете: www. esterum. com

Подписано в печать 01.04.2008. Формат 70×100 1/16. гарнитура ITC Bodoni.
Объем 34,8 усл. печ. л. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ППП «Типография «Наука». Заказ № 539